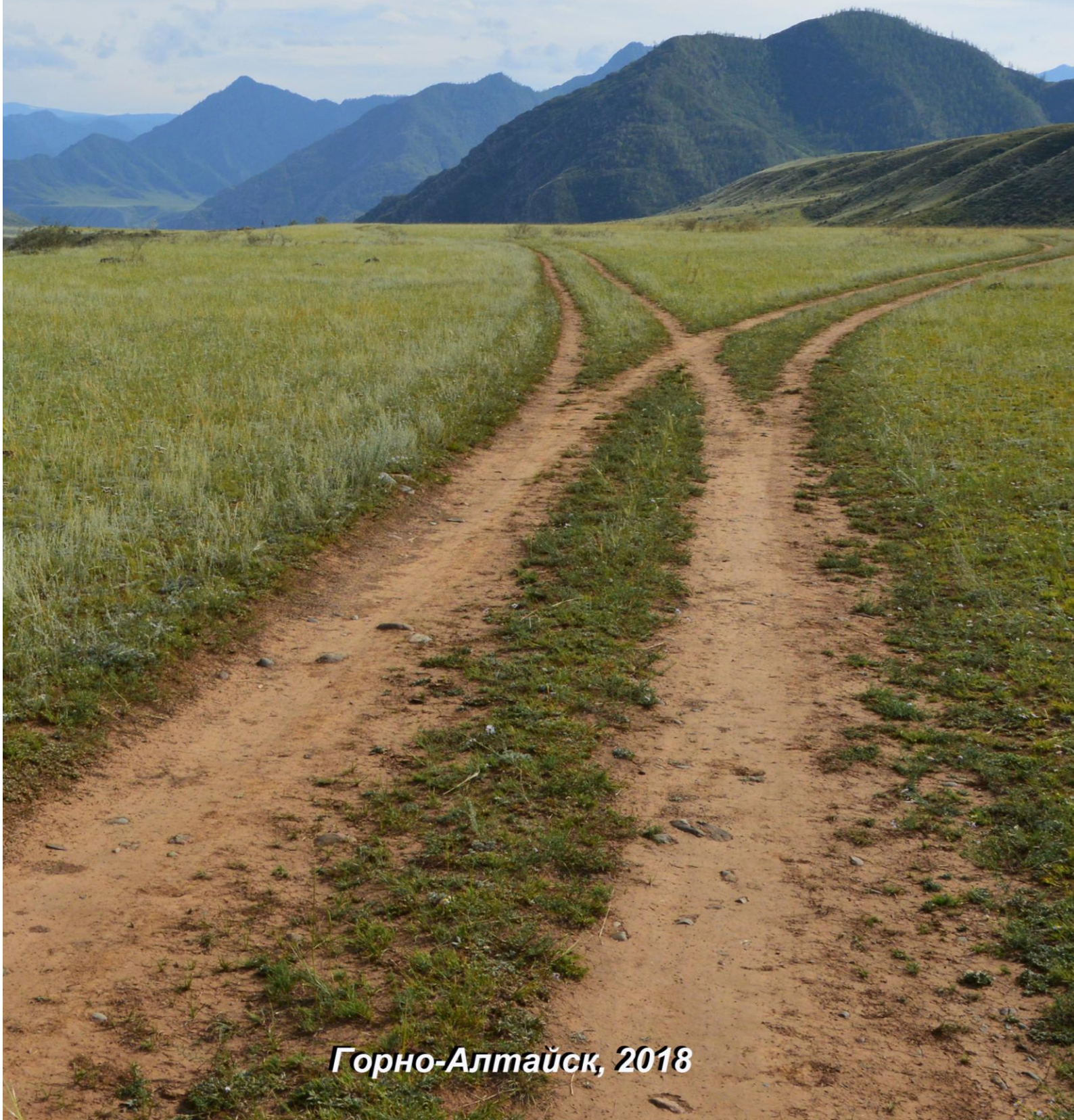

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА АЛТАЕ, В ПРИИРТЫШЬЕ И ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, УСТНАЯ ИСТОРИЯ)
2017 год

Горно-Алтайск, 2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АЛТАЕ,
В ПРИИРТЫШЬЕ И ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, УСТНАЯ ИСТОРИЯ)
2017 ГОД**

Выпуск 13

Материалы XIII международной научно-практической конференции
Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 года

Горно-Алтайск
Библиотечно-издательский центр ГАГУ
2018

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-Алтайского государственного университета

ББК63.4(2Рос=Алт)

63.5

63.3(2)

П49

Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13 : Материалы XIII международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 года. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – 350 с.

ISBN № 978-5-91425-157-1

Редакционная коллегия:

А.В. Эбель, канд. истор. наук, доцент
Н.А. Константинов, канд. истор. наук
Н.А. Тадина, канд. истор. наук, доцент
М.А. Демин, д-р истор. наук, профессор
Т.К. Щеглова, д-р истор. наук, профессор
А.Н. Телегин, ведущий специалист

В сборнике опубликованы материалы XIII международной научно-практической конференции «Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год», организованной Горно-Алтайским государственным университетом и Алтайским государственным педагогическим университетом. Сборник включает статьи исследователей, посвященные введению в научный оборот и анализу материалов полевых исследований 2017 года. Издание адресовано археологам, историкам и этнографам.

***Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (грант РФФИ – Министерства образования
и науки Республики Алтай, проект № 18-49-041001)***

ISBN № 978-5-91425-157-1

© Горно-Алтайский государственный университет, 2018

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА КАРБАН-2 НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Демин М.А., Головченко Н.Н.

В предлагаемой работе представлены результаты полевых исследований 1989-1990 гг. на могильнике Карбан II (Республика Алтай). В научный оборот вводятся материалы изучения семи подкурганых погребений; коллекция артефактов, полученных в ходе раскопок, содержит предметы украшений и быта. Описываемый погребальный комплекс по совокупности признаков может датироваться переходным периодом от скифского к гунно-сарматскому времени, что во многом определяет синкретичность обнаруженного в погребениях сопроводительного инвентаря, включающего как типичные кара-кобинские вещи, так и изделия, отражающие скифские реминисценции.

Ключевые слова: Республика Алтай, Средняя Катунь, Карбан, эпоха раннего железа, кара-кобинская культура, инвентарь.

EXCAVATIONS OF A BURIAL GROUND KARBAN-2 ON THE MIDDLE KATUN

Demin M.A., Golovchenko N.N.

In the proposed paper presents the results of field studies, 1989-1990. on the burial ground Karban II (Republic of Altai). In the scientific circulation, introduced the materials of the study of the family burial ground tombs tombs; a collection of artifacts obtained during the excavations, contains items of jewellery and everyday life. Describe the funerary complex aggregate features can be dated to the transitional period from the Scythian to the Hun-Sarmatian time, which largely determines the syncretism found in the graves of accompanying equipment, including a typical Kara-Koba, and products that reflect the Scythian reminiscences.

Key words: Altai Republic, the Middle Katun, carbon fiber, Early Iron Age, Kara-Koba culture inventory.

Курганный могильник Карбан-II расположен примерно в 400 м южнее устья реки Карбан (в 800-900 м к югу от могильника Карбана-I) [Демин, Гельмель, 1992; Головченко, 2016], на левой надпойменной террасе Катунь и представлял собой цепочку из семи объектов, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад.

Курган № 1 располагался на юго-западном краю цепи близ подножия горной гряды. Насыпь кургана округлой формы, диаметром около 7,5 м сложена из галечных валунов и скальных плит. Под насыпью в центре кургана располагалась овальная в плане яма размерами 2,6x1,9 м, глубиной 2,75 м, ориентированная по оси север-северо-запад – юг-юго-восток. Курган ограблен в древности. В заполнении могилы встречались бревна перекрытия, позвонки овцы, фрагменты человеческого скелета. На дне располагалась деревянная трапецевидная рама в два венца размером 1,9x0,8-0,7 м и

высотой 0,5 м. Над срубом зафиксированы обломки бревен продольного перекрытия. На дне могилы найдены отдельные кости человека, в том числе череп, принадлежащий женщине 20-25 лет, остатки косы с бронзовой шпилькой в юго-восточной части могилы, полуистлевший кожаный мешочек с зеркалом у восточной стенки, развал кувшина в южном углу могилы.

Курган № 2. Насыпь высотой 0,2 м сильно повреждена распашкой. Расчищены остатки наброски из валунов и плитняка в форме неправильного кольца диаметром около 8 м с площадкой в центре, почти свободной от камней. Вероятно, первоначально насыпь была круглой формы. Центральная площадка размером примерно 4x4 м образовалась на месте грабительской воронки.

После разборки насыпи и зачистки было выявлено пятно могильной ямы размером 2,6x2,2 м, вытянутое по оси север-юг. Заполнение ямы в верхней части состояло из серо-черного песка вперемешку с галечником. В этом слое, на первом и втором штыке заполнения ямы, найдены длинная кость конечности и астрагал крупного животного (возможно, лошади). Ниже заполнение ямы представляло собой мешанный грунт, состоящий в основном из галечника.

В заполнении около стенок ямы встречались крупные валуны с небольшими кусочками дерева и угольками. На том же уровне около западной стенки расчищены четыре позвонка и крестец овцы в сочленении. В дальнейшем при углублении мелкие обломки дерева и угольки стали встречаться по всей площади ямы.

В могильной яме были обнаружены раздавленный череп человека без нижней челюсти и кости скелета, лежащие в полном беспорядке. Около них сохранилось пятно зеленоватого тлена – возможно, след от какого-то бронзового предмета. Все кости скелета располагались чуть выше дна ямы. На дне ямы по всей поверхности прослежены остатки дерева. Около северной и южной стенок обнаружены остатки деревянной конструкции. Сохранность древесины плохая, по-видимому, это тонкие доски, поставленные на ребро.

Примерно на уровне костей скелета, в 0,1-0,2 м от дна, в мешанке найдены около западной стенки золотая бляшка-нашивка с изображением верблюда; недалеко от северо-восточного угла – обрывок золотой цепочки, сердоликовая бусина и маленькая золотая полусферическая бляшка-нашивка.

Курган № 3 находился к юго-западу от кургана № 2. Состоявшая из речных валунов и скального плитняка насыпь овальной формы, размерами 11,2x7,8 м, расположена по оси север-юг, в центре была разобрана грабителями. Высота насыпи около 0,4 м. Прослежена овальная крепида из крупных каменных плит, вытянутая по оси север-юг, размером 6,15x4,9 м. Могильная яма овальной формы размером 3,2x2,3 м имела глубину 3,43 м. В заполнении найдены угли, ребро животного, каменные плиты. На дне могилы расчищена трапециевидная конструкция из полубревен размером 1,7x0,9 – 0,7 и высотой около 0,4 м. На дне могилы найдены три позвонка человека и сопроводительный инвентарь: в юго-восточной части могилы – бронзовая проволочная гривна, внутри которой располагался позвонок, ниже – бронзовый нож и бронзовая прямоугольная бляшка с изображением, тут же лежали еще два позвонка; у северо-восточной стенки находился костяной костылек, у юго-западной стороны рамы – бронзовая бляшка; еще одна похожая бляшка лежала ближе к середине могилы. На уровне пояса найден бронзовый кинжал, а рядом с ним, у кончика клинка, изделие из кости и у рукояти – трапециевидная бронзовая обойма. Здесь же обнаружены три воронкообразные и две кольцевидные бронзовые пронизки. Близ северо-восточной стенки рамы была найдена небольшая костяная бусина, а в районе груди – фрагменты двух костяных пластин, избравших идущего хищника.

Курган № 4 расположен к югу-юго-западу от кургана № 5. Наброска насыпи, сложенная из каменных плит, речных валунов и гальки, вследствие действий грабителей приобрела вид овального кольца, вытянутого по оси север-юг размером 12,2х9,5 м. При разборке насыпи в разных местах среди камней и на уровне древнего горизонта были найдены фрагменты сосудов и обломки костей животных. Могильная яма, перекрытая грабительским раскопом, имела овальную форму размерами 2,65х2,15 м при глубине 2,3 м; заполнена валунами, обломками плит, песком, среди которых встречены несколько угольков и три кости животного. На дне могилы обнаружены остатки трапециевидной деревянной рамы размером 2,4х1,95 (1,6) м и бревно (или полубревно) перекрытия. Ни в заполнении, ни на дне могилы костей человека не обнаружено. В северной половине могильной ямы, на дне, был найден костяной трехгранный наконечник стрелы.

Курган № 5 располагался в середине курганной цепи между курганами №№ 3 и 4. Насыпь, разобранные грабителями в центральной части, представляла собой кольцо из каменных плит, валунов и гальки диаметром около 10 м и высотой до 0,60 м. При разборке бровки над грабительским раскопом были найдены черепки толстостенного сосуда ручной лепки без орнамента. Под насыпью в центре находилась одна могильная яма, перекрытая грабительским раскопом, имеющая овальную в плане форму размерами 3,30х2,10 м. Глубина могилы 2,5 м, ориентация по оси северо-запад-запад – юго-восток-восток. В заполнении встречалась галька, ближе к дну – лежавшие в беспорядке кости человеческого скелета. На дне могилы найдены остатки трапециевидной рамы размерами 2х1 (0,75) м и высотой до 0,37 м, в которой были расчищены кости черепа и позвонки человека, фрагменты хорошо обожженного, лощеного кувшина.

Курган № 6 представлял собой примыкающую к насыпи кургана № 4 каменную выкладку неопределенной формы размерами 5,1х2,6 м высотой до 0,3 м, вытянутую по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Под насыпью располагалась могильная яма неправильной овальной формы размером 1,47х0,9 м и глубиной 0,9 м. В заполнении могилы, кроме гальки и обломочного материала, встречались отдельные кости ребенка. На дне ямы обнаружены остатки деревянной рамы трапециевидной формы размерами 1х0,7 (0,6) м и высотой – около 0,1 м. В раме на уровне дна без особого порядка лежали отдельные кости ребенка: в северном углу – фрагмент черепной крышки, близ северо-западной обкладки – ребра, у юго-западной - обломки бедренной и тазовой костей, зуб; под северо-восточной обкладкой находились позвонки овцы и фрагмент керамического сосуда.

Курган № 7 находился в юго-западной части могильника у подножия горы, в 10 – 15 м вверх по склону от курганной цепи. К насыпи округлой формы размером 2х1,8 м с юго-востока примыкала подпрямоугольная выкладка размером 0,8х0,6 м. Конструкция состояла из галечных валунов и плит, уложенных в один-два слоя. Никаких сооружений и ям под наброской насыпи не обнаружено. Возможно, это ритуальное сооружение.

Таким образом, подкурганые захоронения могильника Карбан II совершены по единому обряду, имеющему следующие основные черты: наличие надмогильного сооружения в виде округлой наброски из каменных плит и валунов; в центре под наброской располагалась одна могильная яма глубиной около 2-2,5 м; на дне могилы устанавливалась трапециевидная конструкция из досок или полубревен, в которой находилось захоронение человека; погребенный лежал головой к юго-востоку (судя по костям и ориентации головной части рамы), чаще всего, вытянуто на спине. Описываемый погребальный комплекс по совокупности признаков типичен для памятников каракобинской культуры Средней Катуни [Древние культуры..., 1994; Кирюшин, 1989; Кирюшин, Степанова, 2001; Кирюшин, и др., 2003; Кубарев, и др., 1990; Могильников,

1983а; Могильников, 1983б; Могильников, 1986; Тишкин, 2007] и может предваритель-но датироваться переходным периодом от скифского к гунно-сарматскому времени.

Вместе с тем ряд объективных обстоятельств затрудняет воссоздание полной картины погребального обряда, а также процесса сооружения могильника в целом. Во-первых, действия грабителей привели к существенному изменению вида надмогильной конструкции, контура могилы, деревянной рамы и захоронения человека. Во-вторых, стратиграфически не удалось проследить последовательность сооружения насыпей курганов, в силу чего остается открытым вопрос об относительной хронологии погребений и направлении формирования курганной цепи. Учитывая, однако, что курган № 6, являясь пристройкой к кургану № 4, находился в створе цепи, а следующий курган № 1 располагался на некотором расстоянии от них, можно предположить, что цепочка нарастала от реки к подножию гор, начинаясь с кургана № 3 или № 2.

Особый интерес представляет предметный комплекс (рис. 1), выявленный в изученных погребениях, прежде всего золотая поясная пряжка с изображением рогатого верблюда, бронзовое зеркало в остатках тканевого мешочка [Головченко, 2016], бронзовый кинжал с бабочковидным перекрестием, валиковым навершием и рубчатой рукоятью. Более подробное изучение и характеристика описанных изделий являются задачей будущих исследований.

Список литературы

1. *Головченко Н.Н.* Результаты предварительного технико-технологического анализа мешочка для зеркала из некрополя Карбан-2 (Горный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. Т. 5. - №15. 2016. – С. 44 – 49.
2. *Демин М.А., Гельмель Ю.И.* Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла: Межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 1992. – С. 28 – 34.
3. *Древние культуры* Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) : коллективная монография. – Новосибирск, 1994. – 224 с.
4. *Кирюшин Ю.Ф.* Скифские памятники средней Катуня // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Социальная структура и общественные отношения. – Кемерово: КемГУ, 1989. – Ч. I. – С. 53 – 56.
5. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* О культурной принадлежности погребальных комплексов скифского времени Средней Катуня // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 291 – 293.
6. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.
7. *Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.* Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43 – 95.
8. *Могильников В.А.* Курганы Кызыл-Джар-2–5 и некоторые вопросы состава населения Алтая во 2-й половине 1 тысячелетия до н.э. // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983а. – С. 40–71.
9. *Могильников В.А.* Курганы Кара-Коба-2 // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983б. – С. 52–89.
10. *Могильников В.А.* Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 35 – 67.

11. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая : монография. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 356 с.

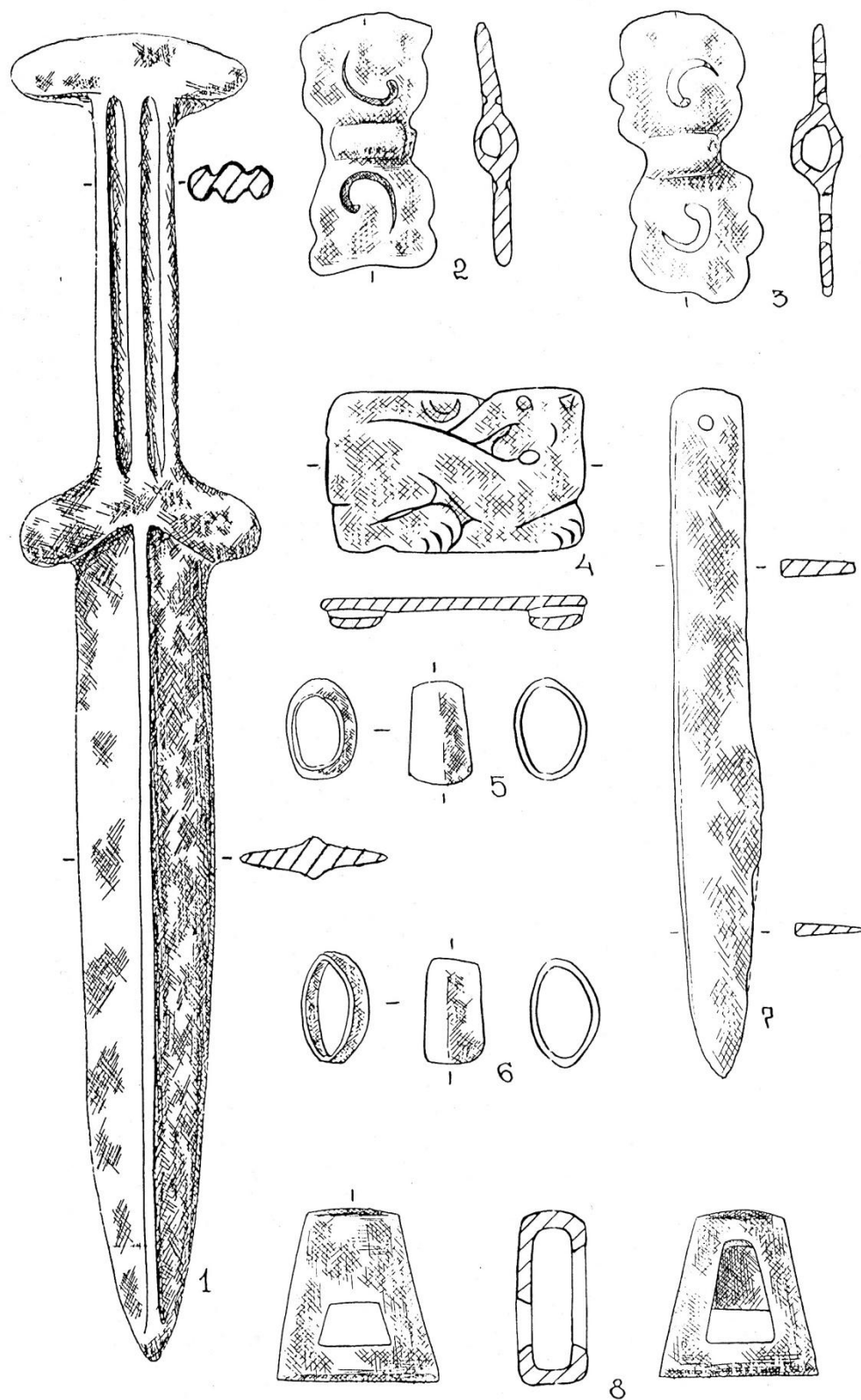

Рис. 1. Карбан-2. Предметный комплекс кургана 3. 1-8 – бронза.

ОРНАМЕНТ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-10 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003 г.)

Демин М.А., Ситников С.М., Савко И.А.

Статья посвящена анализу орнамента керамики из андроновского могильника Чекановский Лог-10. В ходе раскопок 2003 г. было обнаружено 20 сосудов. По итогам исследования было выделено 16 видов орнаментальных мотивов. Наблюдаются различия в орнаментации баночных и горшковидных сосудов: баночные в основном имеют желобки или каннелюры, вдавления и елочный орнамент, горшковидные характеризуются четкой зональностью и сочетанием сложных сюжетов. Данные особенности орнаментации могут быть связаны со спецификой детского погребального обряда, где наблюдается преобладание сосудов баночной формы с простыми композиционными построениями. В работе приведены аналогии с другими комплексами федоровского ареала, отмечена близость с керамикой Восточного Казахстана и Верхнего Приобья.

Ключевые слова: археология, андроновская культура, федоровские памятники, орнамент, степной и лесостепной Алтай.

THE ORNAMENT OF THE CERAMIC COMPLEX OF THE WASTE-BURIAL CENTER CHEKANOVSKIY LOG-10 (ON RESULTS OF THE RESEARCH 2003)

Demin M.A., Sitnikov S.M., Savko I.A.

The article is devoted to the analysis of ceramic ornament from the Andronovsky cemetery of Chekanovskiy Log-10. During the excavation in 2003, 20 vessels were found. According to the results of the study, 16 types of ornamental motifs were identified. The observed differences in the ornamentation of can and pottery vessels: cans mostly have grooves or flutes, impressions and Christmas ornament, potted ones are characterized by a clear zonation and a combination of complex plots. Data on the possibilities that may be associated with the specifics of the child funeral rite, where there is a predominance of cans of can with simple compositional constructions. In the work analogies with other complexes of the Fedorov area are shown, affinity with ceramics of East Kazakhstan and the Upper Ob region is noted.

Keywords: archeology, Andronovo culture, Fedorov monuments, ornament, steppe and forest-steppe Altai

Наиболее яркой чертой андроновской керамики является орнамент. Данная тема неоднократно поднималась в научной литературе. Разработана общепринятая схема изучения декора сосудов, предусматривающая анализ элементов, мотивов и композиций орнамента. Исследователи указывают на следующую иерархию орнаментальных построений: высший уровень – вся орнаментальная композиция на сосуде; второй уровень – автономный горизонтальный орнамент какой-либо зоны сосуда (шейка, плечо, тулово); третий уровень – повторяемая фигура зонального орнамента; четвёртый уровень – исходные фигуры, из которых состоят сложные орнаменты третьего уровня [Рудковский И.В, 2013, с. 18]. При характеристике орнаментальных схем сосудов мы будем опираться на заключение И.В. Рудковского о том, что наибольшей информативностью обладает второй уровень орнаментации – бордюр (мотив), который можно взять за основу для построения классификации [Рудковский И.В, 2013, с. 21]. Кроме

того, для анализа керамического материала использовались научно-методические разработки И.В. Ковтуна, В.Ф. Генинга, Н.С. Ткачевой, Д.С. Леонтьевой и С.П. Грушина.

Объектом нашего исследования стали сосуды могильника федоровской культуры Чекановский Лог-10 (далее ЧЛ-10). Некрополь расположен на правом берегу Гилевского водохранилища в 1,5-1,7 км к востоку - юго-востоку от села Корболиха, в Третьяковском районе Алтайского края. Памятник исследовался археологическим отрядом БГПУ (ныне АлтГПУ) с 1999 по 2013 г. под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова. Всего было выявлено 155 погребений. По результатам исследований издано две монографии, одна из них включает публикацию материалов раскопок 1999-2002 г., другая посвящена классификации и типологии украшений. В данной статье впервые вводится в научный оборот керамический материал полевых работ 2003 г.

Глиняные сосуды составляют основную часть инвентаря могил. Обычно они находились по одному в яме, но в двух могилах их было два, а в одной три. Всего учтено 20 сосудов (рис.1). Важно заметить, что из 19 исследованных в 2003 г. андроновских погребений, 16 были детскими, из них в шести могилах встречены горшки (рис. 1-4, 9,10,11,18,20), в остальных - банки. Орнамент присутствовал на 15 сосудах и наносился преимущественно с использованием пяти различных способов. Преобладала техника протаскивания (48,15%) и штампования (37,04%). Реже встречены вдавления (7,41%), резная (3,7%), и накольчатая (3,7%) техника. Орнамент наносили с помощью палочки либо лопатки (54,17%), гребенчатого (12,50%) и гладкого штампа (33,33%).

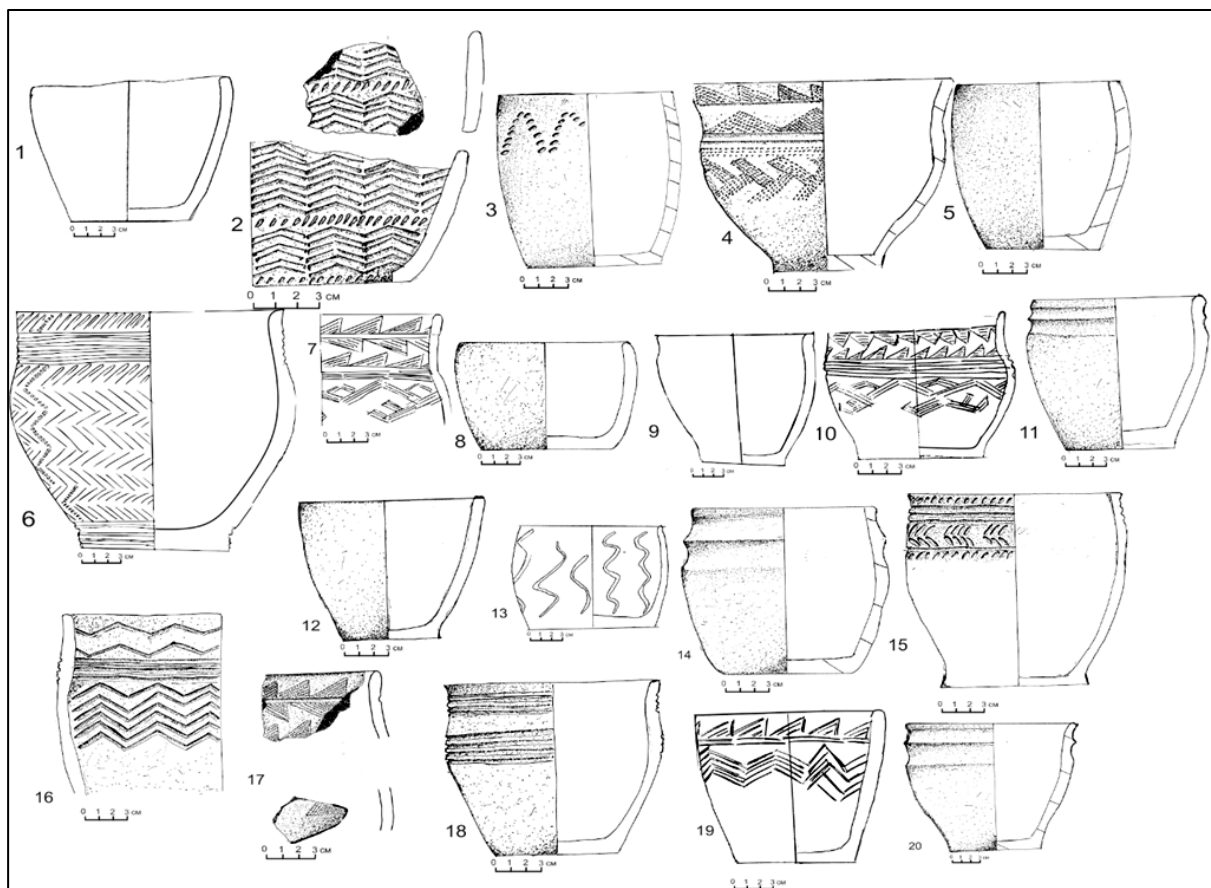

Рис.1. Керамика могильника Чекановский Лог-10 (раскопки 2003 г.).

№	Орнаментальный мотив	%	№	Орнаментальный мотив	%
1		27,78%	10		2,78%
2		5,56%	11		2,78%
3		8,33%	12		2,78%
4		2,78%	13		2,78%
5		11,11%	14		5,56%
6		2,78%	15		2,78%
7		11,11%	16		2,78%
9		8,33%	-	-	-

Табл.1. Орнаментальные мотивы

Всего было выделено 16 мотивов (см. табл. 1), среди которых встречались каннелюры или желобки (27,78%, мотив №1). Достаточно часто использован орнамент в виде горизонтальных рядов косоугольных штрихованных треугольников (11,11%, мотив №5) и горизонтальный зигзаг (11,11%, мотив №7). Реже встречались горизонтальные ряды треугольников, где фигуры направлены вершинами друг к другу (8,33%, мотив №9), наколы (8,33%, мотив №3), а также ковровый меандр А-типа, где из вершины вертикальной елочка спускался Г-образный «крючок» (5,56%, мотив №14) и вертикальный зигзаг (5,56%, мотив №2). Остальные мотивы встречены в единичном случае: вертикальные оттиски вдавлений (мотив №4), короткие диагональные линии (мотив №6), «змейки» («молнии») (мотив №10), равнобедренные треугольники (мотив №11), разделительные горизонтальные линии (мотив №12), горизонтальные зигзаги (мотив №13), елочка, состоящая из ямочных вдавлений (мотив №15), а также линейный сомкнутый меандр (мотив №16).

Для анализа уровня сложности композиции орнамента использовалась методика, предложенная И.В. Ковтуном [Ковтун, 2009, с.122-124]. По степени сложности все композиционные схемы можно разделить на две большие группы:

1. Моносюжетные композиции. Сюда включаются сосуды, декорированные многократным повторением одного и того же элемента: «елочки», зигзага, каннелюр и т.д. К этой же группе относятся сосуды с тождественным орнаментальным сюжетом двух или более зон, включая керамику, на которой эти мотивы дополняет иной орнамент в доминантной зоне венчика.

а) Моносюжет-эталон. Зональность отсутствует. Характеризуется многократным повторением одного элемента в пределах орнаментального поля сосуда. На ЧЛ-10 в большинстве сосудов представлен желобками или каннелюрами, в малой степени елочками и вдавлениями (46,67%) (рис. 1-3,11,13,14,18,20).

б) Моносюжет-дубликат. Отличается двухзональной разбивкой орнаментального поля с тождественным сюжетом в каждой из зон. На ЧЛ-10 был представлен тремя сосудами (рис. 1-2, 6, 16).

с) Моносюжет-доминант. Зона венчика орнаментирована доминантным мотивом — цепочкой треугольников. В остальном полностью идентичен эталонному варианту. На ЧЛ-10 один сосуд (рис. 1-19).

2. Полисюжетные композиции, отличающиеся от моносюжетных зональной комбинаторикой орнаментальных мотивов, представляющих разные орнаментальные блоки, либо входящие в них различные группы, типы и виды, а в отдельных случаях и их более детальные изобразительные вариации.

Классический полисюжет включает сосуды с трехзональной разбивкой орнаментального поля, цепочкой треугольников по венчику и неодинаковыми сюжетами в двух последующих зонах. На ЧЛ-10 представлен тремя сосудами (20,00 %) (рис.1-4,7,10).

Сравнение орнамента керамики из раскопок 2003 г. с ранее обнаруженными сосудами на ЧЛ-10, а также с других памятников андроновской культуры, позволяет отметить ряд особенностей публикуемого материала.

В орнаменте наблюдается преобладание прочерченных линий, каннелюр, желобков, горизонтального зигзага. Высокий процент неорнаментированных сосудов (25%). Данные черты характерны для посуды из могильников Маринка (Восточный Казахстан) и Рублево VIII, которые относят к ранним памятникам андроновской культуры [Илюшин, Борисов, 2013, с. 164]. Однако стоит заметить, что эти особенности могут быть связаны со спецификой детского погребального обряда, где наблюдается преобладание сосудов баночной формы с более простыми композиционными построениями.

Редким мотивом является «молниевидный» тип ёлочной орнаментации (рис.1-13). Он представлен на сравнительно узкой территории Алтая (Нижняя Суетка, Подтурино) и Северо-Восточного Казахстана (Мичурино) [Ковтун, 2016, с.32].

Орнаментальная композиция (рис.1-19), где венчик украшен цепочкой треугольников, а плечико и тулово каннелюрами и зигзаговыми построениями, очень близка с орнаментом ранее встреченного на ЧЛ-10 сосуда [Демин, Ситников, 2007, рис. 36] и характерна для памятников, расположенных к востоку от Оби [Ковтун, 2016, с.51].

Для сосуда переходной формы (рис.1-18) интересно наличие сюжета, где каннелюры делятся на две зоны, что соответствует композиции моносюжет-дубликат. Ареал керамики с таким орнаментом тяготеет к территории Тоболо-Иртышского междуречья, включая прилегающие районы Южного Зауралья [Ковтун, 2016, с. 35].

Сосуды с широкими желобками (рис.1-11, 14, 20), встреченные также на других федоровских памятниках Верхнего Приобья (Рублево VIII, Фирсово XIV, Кытманово), Верхнего Прииртышья (Маринка), Центрального Казахстана (Шапат, Бозенген), по мнению ряда исследователей, тяготеют к раннеалакульскому (петровскому) этапу андроновской керамики [Гутков, Папин, Федорук, 2014, с. 317].

Локализация сосудов с меандром из детских погребений (рис.1-4, 10) ограничена территориями между Верхней Обью (Нижняя Суетка, БЕ-XIV, Рублёво VIII), Барабой (Венгерово) и Верхним Иртышом (Маринка) [Ковтун, 2016, с. 39].

Таким образом, орнаментация рассмотренной керамики могильника Чекановский Лог-10 коррелируется с узорами других андроновских памятников Восточного Казахстана и Западной Сибири. Баночные сосуды в основном имеют желобки или каннелюры, вдавления и елочный орнамент, горшковидные характеризуются четкой зо-

нальностью и сочетанием сложных сюжетов. Дальнейшее изучение всего керамического комплекса необходимо для реконструкции социального устройства и мировоззрения носителей андроновской культуры. Пограничное расположение памятника на стыке зоны степей, лесостепей и предгорий представляет интерес для изучения этнокультурных контактов населения в эпоху развитой бронзы.

Список литературы

1. Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 311-320.
2. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч.1. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 274 с.
3. Илюшин А.М., Борисов В.А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур: монография. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. – 304 с.
4. Ковтун И.В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского университета. – 2009. – Вып. 4 (4). – С. 115–124.
5. Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). - Казань: Отечество, 2016. – 547 с.
6. Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы, 2013. - 189 с.

УДК 902.21

МОГИЛЬНИК МАЛОКУЛАЧЬЕ VII – НОВЫЙ ПАМЯТНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ¹

Загородникова Д. П.

В статье представлены результаты археологической разведки на памятнике Малокулачье VI в Омском районе Омской области. В ходе разведки было обнаружено погребение, которое на основе полученных данных может быть отнесено к эпохе позднего бронзового века.

Ключевые слова: *Среднее Прииртышье, археологический памятник, поселение, могильник, погребение, бронзовый век.*

THE BURIAL GROUND OF MALOCULACHIE VII THE NEW MONUMENT OF THE BRONZE AGE IN OMSK PRIIRTYSHYE

Zagorodnikova D. P.

In the article are presented results of archaeological exploration of the archaeological site Maloculachie VI in the Omsk district of the Omsk region. During investigation it was discovered the burial, which according to the results of the study and the search for analogies was referred to the epoch of the late bronze age.

Keywords: *Middle Irtysh, archaeological site, settlement, model, burial, Bronze Age.*

---

¹ Работы проводились при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №16-46-550223ра Создание ГИС «Археологические памятники г. Омска и его окрестностей», руководитель проекта к.и.н. М.А. Корусенко.

Осенью 2017 г. сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы Омского филиала ИАЭТ СО РАН под руководством автора была проведена археологическая разведка в Омском районе Омской области. Работы проводились по программе картографирования памятников археологии с целью уточнения атрибуции и местоположения объектов археологического наследия, сведения о которых были получены в результате архивных изысканий, оценки их современного состояния и перспектив изучения.

В ходе маршрутной разведки было обследовано поселение Малокулачье VI, открытое в 1992 г. В.В. Дубко. По данным, полученным исследователем, поселение Малокулачье VI находилось в 2,5 км к юго-востоку от д. Малокулачье, в 0,6 км к северу от р. Иртыш, на мысу подчетыреугольной формы, образованном правым коренным берегом р. Иртыш и двумя оврагами. Высота мыса от уровня подошвы склона составляет 25 м, склоны и площадка мыса задернованы и не залесены. Северо-восточная часть памятника распаивается. Площадь памятника около 3720 м². На южном склоне памятника была произведена зачистка, собран подъемный материал, представленный фрагментами неорнаментированной керамики. Датировка и культурная принадлежность памятника не установлена [Дубко, 1993].

В настоящее время памятник находится на государственном учете и стоит на охране, как поселение Малокулачье VI. В результате разведки 2017 г. были получены данные, позволяющие установить культурно-хронологическую атрибуцию объекта археологического наследия.

В результате обследования поселения Малокулачье VI были уточнены топографические привязки памятника. Участок расположен в 2,3 км к юго-востоку от д. Малокулачье, в 1 км к востоку от р. Иртыш. Памятник находится на подчетыреугольном мысу, образованном правым коренным берегом р. Иртыш и двумя оврагами. К югу и юго-западу от мыса расположена широкая пойма, местами заболоченная. Северная и северо-восточная части участка в течение долгого времени распаивались, что привело к утрате визуальных признаков памятника (поселенческих западин или надмогильных сооружений). На сегодняшний день пашня в заброшенном состоянии. Вдоль подошвы террасы проложена грунтовая полевая дорога. Западную границу мыса определяет небольшой овраг, на склонах которого растут единичные березы. Второй овраг расположен перпендикулярно краю террасы с юго-восточной стороны, его склоны хорошо залесены. Поверхность участка обследования ровная, задернована, склоны мыса покрыты небольшим луговым травостоем.

Для уточнения границ памятника и изучения его стратиграфии было зачищено 4 стратиграфических разреза на естественных обнажениях. В разрезе №4 был обнаружен человеческий череп, после чего, в соответствии с действующими методическими требованиями, разрез был расширен до шурфа, выборку заполнения которого выполняли условными горизонтами. Захоронение расположено на краю западного склона мыса. Визуальных признаков надмогильного сооружения зафиксировано не было, могильное пятно обнаружить не удалось, границы установлены по залеганию костяка. Погребение совершено по обряду ингумации (Рис. 1а). Захоронение ориентировано по линии юг – север. Положение черепа потревожено, предположительно, корневой системой рядом растущей березы, на момент фиксации он стоял на верхней челюсти, нижняя расположена рядом. Погребенный был уложен на правом боку, в «скорченной» позе, руки согнуты в локтях и сложены в районе живота, ноги согнуты в коленях, левая нога лежит на правой. Сохранность костей плохая, сохранились только крупные кости: кость левого плеча, лучезапястные, тазовые, бедренные, берцовые. Кости кистей рук, стоп, ребра и позвонки отсутствуют. Сопроводительный инвентарь в погребении не обнаружен.

Рис. 1. Памятник Малокулачье VI: *а* – могила №1; *б* – фрагмент венчика.

В заполнении других разрезов собрано 6 фрагментов керамики: 1 венчик (Рис. 1б), 1 придонная часть сосуда, 1 фрагмент шейки, 3 фрагмента стенки сосуда. Подъемного материала на памятнике обнаружено не было. Такая низкая насыщенность культурного слоя не характерна для поселений, что подтверждается обследованиями близлежащих памятников.

Срез венчика плоский, без орнамента, под венчиком расположен резной орнамент в виде диагональной сетки, выполненной рядами насечек. На внутренней стороне имеются следы использования в быту, нагар.

Фрагмент шейки сосуда орнаментирован двумя оттисками косо поставленного гладкого штампа, остальные фрагменты не орнаментированы, толщина колеблется от 0,4 до 1 см. Придонная часть принадлежит плоскодонному сосуду.

Цветовая гамма фрагментов представлена в основном серым и серо-коричневым цветами. Структура теста грубая, в качестве отощителей использованы крупные фрагменты шамота, местами читаются следы выгорания органики. Других находок на памятнике не обнаружено.

Исходя из способа погребения и орнаментов, в частности на фрагменте венчика сосуда, захоронение можно соотнести с эпохой бронзового века. Труположение в «скорченной» позе характерно для могильников развитой и поздней бронзы. Для получения более точных сведений рассмотрим ближайшие аналогии.

На сегодняшний день из обнаруженных и исследованных памятников развитого бронзового века на территории Омского Прииртышья «эталонным» можно назвать могильник Ермак IV, обнаруженный и исследованный С.В. Сотниковой в 1983 г., 1985 и 1986 гг. По мнению исследователя, могильник принадлежит к алакульскому варианту андроновской культурно-исторической общности.

Могильник Ермак IV расположен на левом берегу р. Иртыш в Нововаршавском районе Омской области. В 0,5 км на север от памятника находится озеро Двойное, к югу от него терраса образует большую дугу, вначале которой и находится могильник.

Площадь обследования составила 2660 м², всего было исследовано 94 погребения. Поверхность памятника была нарушена в результате многолетней распашки территории, поэтому визуальных признаков могильник не имел.

В ходе работ С.В. Сотникова выяснила, что большинство могил расположено на площади раскопа группами. Центром группы является одно или два больших погребения, вокруг которых располагаются более мелкие захоронения, либо компактное расположение детских могил без центрального погребения, предположительно, располагавшихся под одним надмогильным сооружением.

Можно выделить 4 основные группы концентрации погребений, в состав которых входит от 10 до 25 могил. Из общего числа погребений большая часть принадлежит детским захоронениям (около 77,7 %). Большая часть погребений имеет сопроводительный инвентарь, представленный керамическими сосудами, бронзовыми изделиями, пастовыми бусинами, просверленными раковинами. Только 9 могил не содержало инвентаря, в числе которых 6 детских и 3 взрослых погребения. Два детских и два взрослых безинвентарных погребения, расположены удаленно от групп концентрации основных могил.

Все захоронения, в которых не нарушено анатомическое положение костяка, совершены в «скорченной» позе, из них на левом боку 55 погребений, на правом – 6. Средняя глубина залегания костяков колеблется от 25 до 60 см ниже уровня материка, самое глубокое погребение достигает 115 см. Из 54 могил, где точно установлена ориентация погребенного, 45 ориентировано на запад с отклонениями к югу или северу, главенствующие направления – запад и юго-запад-запад [Сотникова, 1986, 1987].

Керамический комплекс является наиболее массовым материалом, представленным в границах могильника Ермак IV. С.В. Сотниковой было восстановлено 88 сосудов, из них 12 без орнамента. На остальных сосудах основными элементами орнамента являются:

- гладкий желобок;
- зигзаги, выполненные гребенчатой качалкой;
- треугольники с косой гребенчатой штриховкой, вершинами вверх и вниз;
- оттиски гребенчатого штампа в виде S-образных поясков;
- вертикальные ряды, выполненные гребенчатой качалкой;
- косые треугольные флажки и ромбы, нанесенные гребенчатым штампом;
- меандр.

Орнамент в основном располагается на трех зонах: по венчику, верхней части тулова и у дна. Многие узоры сочетаются между собой, образуя пестрый ковровый орнамент. Керамические сосуды представлены горшковидной формой, в основном с уступчатым плечиком, и банками открытой и закрытой формы.

Общие элементы в погребальном обряде обнаруженного нами захоронения и могильником Ермак IV, зафиксированы не были. Погребение не относится к андроновской культуре и не может быть датировано эпохой развитой бронзы, поэтому посмотрим аналогии в эпохе позднего бронзового века на памятниках ирменской археологической культуры: могильники Абрамово IV, Венгерovo I, Преображенка III, Сопка II, Еловский II.

Особенностью является то, что большая часть захоронений совершалась на уровне погребенной почвы, что не дает возможности проследить контур могильной ямы. Под одной насыпью помещалось от одного до пяти захоронений. Если в кургане была одна могила, то она размещалась в центральной части кургана, если несколько, то

без какой-либо системы на всей площади под насыпью. Подобное расположение является обычным для многих могильников ирменской культуры. При захоронении погребенный помещался в могилу на правом боку в скорченном положении, ориентация – головой в южном направлении с отклонениями к юго-западу или юго-востоку. «В 35 случаях покойники были ориентированы на юг, в 17 – на юго-запад, в двух – на юго-восток, лишь один – головой на запад. Статистика по ориентации погребенных дана нами на основе могильника Приображенка-III, изученного полностью и, значит, объективно отражающего это явление» [Молодин, 1985, с. 134].

Ирменская керамика в основном представлена горшковидными, круглодонными и плоскодонными сосудами с выраженным геометрическим орнаментом. Довольно часто орнамент выполнялся резной техникой. Край венчиков не орнаментировался. Украшалась преимущественно лишь верхняя часть тулова, примыкающая к шейке, остальная часть тулова и дно орнаментировалась в очень редких случаях [Молодин, 1985].

Общие элементы в погребальном обряде, обнаруженного нами захоронения и на памятниках ирменской культуры, четко фиксируются по труположению и в керамических комплексах.

Таким образом, на основе полученных данных можно говорить о том, что обнаруженное нами погребение имеет явные признаки ирменской культуры:

- отсутствие могильного пятна (исследованное нами погребение располагается на уровне погребенной почвы, поэтому контуры могильной ямы установить не удалось);

- поза погребенного (скорченно и на правом боку);

- ориентация покойника головой на юг;

- элемент орнамента на венчике (небольшой отступ от края венчика и узор в виде диагональной сетки).

Интересно отметить, что в 1,3 км к северо-западу от обнаруженного нами погребения расположено поселения Новотроицкое I (Малокулачье II). Найдено А.Я. Труфановым в 1978 г. Памятник определен автором раскопок как поселение позднего бронзового века, в составе коллекции которого присутствует керамика ирменской археологических культур [Герасимов, 2010, с. 98].

На основе полученных данных в ходе разведки 2017 г. уточнена атрибуция памятника Малокулачье VI, позволяющая рассматривать его не как поселение, а как могильник. Найденное погребение могло располагаться на периферии памятника, расположенного как раз под пахотным слоем. На основе собранных материалов и обнаруженных аналогий, можно предположить, что на участке обследования расположен могильник позднего бронзового века. Для более основательного вывода необходимо провести на данной территории археологические раскопки.

Список источников и литературы

1. Герасимов Ю.В. Археологические памятники Степного и Южного лесостепного Прииртышья в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 196 с.

2. Дубко В.В. Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Иртыш в Омском районе Омской области в 1992 году. Омск, 1993 г // Архив кабинета археологии ОмГПУ.

3. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 120 с.

4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

5. Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 году. Омск, 1986 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II., Д. №47-1.

6. Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1986 году. Омск, 1987 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II., Д. №48-1.

УДК 902 + 39

ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБОВ ОХОТЫ НА ЛОСЯ ОТ НЕОЛИТА ДО СЕГО ДНЯ

Кассал Б.Ю.

Способы охоты на лося разнообразны, и могут быть отнесены к пассивным, смешанным и активным, осуществляться в течение всего года или в отдельные сезоны, с использованием ловушек, холодного и огнестрельного оружия. Со времен неолита и в последующие временные периоды, до массового распространения огнестрельного оружия на рубеже XIX-XX вв., для охоты на лося использовали преимущественно наиболее доступные и наименее трудозатратные способы охоты, которые в настоящее время считаются «неспортивными» и хищническими. Причиной эволюции способов охоты на лося стало распространение огнестрельного оружия и механизированных транспортных средств; в условиях роста численности населения пассивные и некоторые другие способы охоты на лося запрещены к применению.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, лось, способы охоты, сезон года, средство добывания*

EVOLUTION OF THE METHODS OF HUNTING FOR MOOSE FROM THE NEOLITH TO THIS DAY

Kassal B.Yu.

The ways of hunting for moose are diverse, and can be classified as passive, mixed and active, carried out throughout the year or in its individual seasons, using traps, cold and firearms. From the time of the Neolithic period and subsequent periods of time, to the mass distribution of firearms at the turn of the 19th and 20th centuries, hunting methods used mainly for hunting elk, which are now considered "unsporting" and predatory, as the most accessible and least labor-intensive. The reason for the evolution of methods of hunting for moose was the proliferation of firearms and motorized vehicles; in conditions of population growth, passive and some other methods of hunting for moose are prohibited to use.

Key words: *Western Siberia, elk, hunting methods, season of the year, means of obtaining*

Лось – обитатель Западно-Сибирской равнины со времен плейстоцена [Бондарев, Кассал, 2004, 2005, 2009; Бондарев и др., 2006]. Это крупное, сильное и умное животное, с хорошим слухом и чутьем [Кассал, 2010, 2010-а], поэтому для охоты на лося требуются специфические знания, физическая выносливость, выдержка и хладнокровие. Однако историческая реконструкция способов охоты на лося, начиная с неолита, в полной мере не разработана.

Целью работы является анализ эволюции способов охоты на лося от неолита до сего дня. Задачи:

1) оценить современные способы охоты на лося с учетом сезонов года и применяемых средств добывания;

2) оценить возможности использования известных способов охоты на лося в ретроспективе;

3) выявить причины эволюции способов охоты на лося.

В современной классификации, кроме «спортивной» и промысловой охоты, отмечают хищническую и неспортивную.

К числу «спортивных» и промысловых способов охоты относят следующие. Это осенняя охота на вабу (с имитацией брачного зова самца) в местах гона, что требует мастерства, граничащего с искусством, поскольку лось обладает отличным слухом и распознает малейшую фальшь в звуках (варианты: охота на вабу с подхода; охота на вабу с лайкой). Охота на засидке, устраиваемая на вероятных лазах, при этом засидка может быть на земле или на дереве. Охота с собакой (одной – двумя) по чернотропу и по мелкому снегу, как один из самых продуктивных, но трудоемких способов. Охота троплением по следу, чаще по глубокому снегу в ненастную погоду, со снегопадом и ветром. Охота с подхода (скрадом), преимущественно по открытым местам, пешком, верхом или в санях, на вездеходном транспорте (тракторе, автомобиле, мотонартах, снегоходе). Охота облавой (иногда без предварительного оклада) со стрелками и загонщиками, иногда с лайками и гончими. Охота нагоном, когда один или несколько стрелков встают в места возможных переходов лосей, а один тропит лося по следу с противоположной стороны урочища, иногда при помощи собак. Охота отловом в загонны в местах массовых сезонных миграций лосей, с предварительной постройкой направляющих изгородей высотой не менее 3 м, перпендикулярно к фронту движения лосей, с последующим выборочным убоем; ошибочно считается, что способ был разработан сотрудниками Печоро-Илычского государственного заповедника и применен в 1955 г., тогда как в Сибири имеет древнейшее происхождение. При «спортивной» и промысловой охоте предполагается регулирование популяции путем элиминации нежелательных особей [Способы охоты ..., 2018], однако такое возможно только в культурных охотничьих хозяйствах, при должном уровне организации охоты [Кассал, 2005-а, 2014].

К числу «неспортивных» охот относят следующие. Поимка в замаскированные ловчие ямы на перевалах и тропах, с двусторонней направляющей изгородью. Добывание самоловами (капканами, стальными или иными петлями - пассивными удавками или ножными, с креплением к стволу или потаску) в прорубленных проходах-"засеках", иногда с приманкой – солонцом в осиновом пне. «Башмаком» на лося, имеющим сходство с примитивным капканом, – устанавливаемой на звериных тропах укрепленной веревкой или кожаным ремнем четырехугольной рамы с шипами внутри. Подрезями на лося (непосредственно подрезью - длинной слегой с закрепленными на тонком конце лезвиями – остриями или кольями; «сжимом» – двусторонней многолезвийной подрезью) на звериной тропе, распарывающими бока и брюхо животному [Рахманин, 1951]. Добыча самострелами, лучковыми или ружейными. «Неспортивные» охоты сейчас являются запрещенными [Браконьерские способы ..., 2018].

К числу хищнических относят следующие. Добывание стельных самок и телят, загон лосей по насту, загон на лед, тормование (добывание в процессе сплава по реке на лодке), добывание на берегу в месте переправы через реку. Хищнические охоты сейчас являются запрещенными [Браконьерские способы ..., 2018].

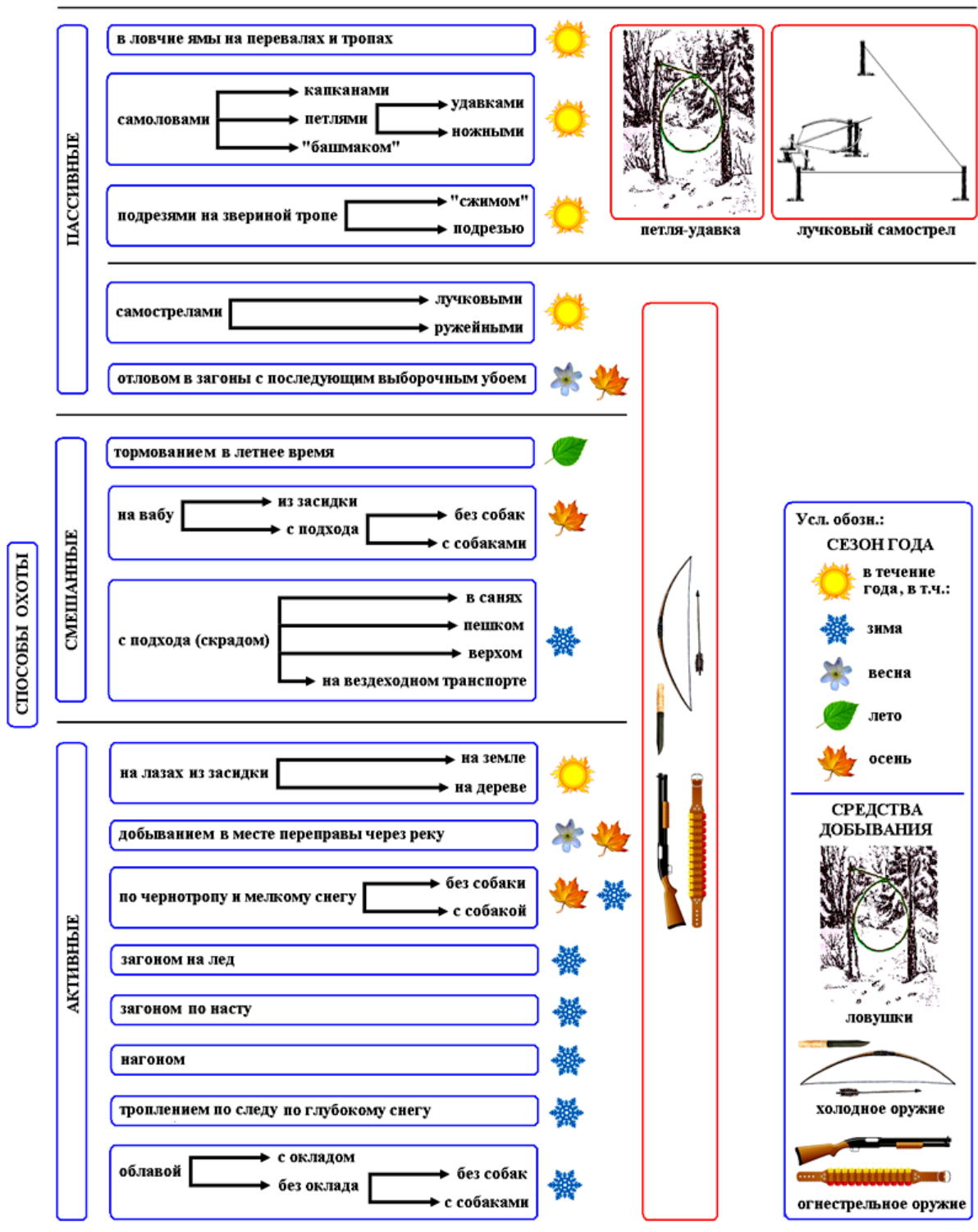

Рис. Классификация различных способов добывания лося, с указанием сезона года и применяемого оружия (авт.)

По способу охоты могут быть разделены на: пассивные, при помощи ловушек различных конструкций, действующих без непосредственного участия охотника; смешанные, действующие при помощи дополнительных приспособлений, напрямую не ведущих к смерти животного; активные, действующие без дополнительных приспособлений, напрямую не ведущих к смерти животного, при непосредственном участии человека. При этом непосредственное умерщвление лося при активном и смешанном способах охоты осуществляется при помощи холодного или огнестрельного оружия; в случаях, когда пассивные способы охоты не убивают лося, его добывание также осуществляется при помощи холодного или огнестрельного оружия (рис.).

Пассивные способы охоты могут быть реализованы в течение всего года, независимо от сезона. Исключением является отлов в загоны на путях сезонных миграций лося, с последующим выборочным убоем, который реализуется только ранней весной или поздней осенью, нося закономерный характер, поскольку в остальное время года попадание лосей в загоны бывает лишь случайным. Отлов в загоны создает возможность выбора определенной добычи – молодняка и части взрослых самцов, и пощады стельных самок. Загон имеет постоянно открытый вход/выход, поэтому зашедшие в него звери, если не бывают умерщвлены при регулярных проверках ловушки, могут свободно его покинуть, обойти и мигрировать далее. Все другие пассивные способы охоты на лося в современном представлении являются негуманными, поскольку вызывают физическое страдание зверя. Из них менее травматично добывание лосей в ловчие ямы на перевалах и тропах, но и при этом в процессе падения в яму возможны переломы конечностей и позвоночника зверя. Использование самоловов в виде петель, устанавливаемых на звериных тропах, обеспечивает попадание лося либо в петлю-удавку, со вздергиванием вверх за счет распрямления предварительно согнутого гибкого дерева, к вершине которого привязан свободный конец веревочной петли, или падающего противовеса; зверь теряет опору на грудные конечности, в результате чего его сопротивляемость действию ловушки сильно снижается, он остается живым до прихода проверяющего ловушку охотника. Аналогичная ситуация формируется при использовании самозатягивающейся ножной петли, свободный конец которой привязан к потаску – чурбаку, ограничивающему движения зверя, но за счет перемещений потаска не позволяющего оторвать петлю и уйти вовсе. Использование башмака основано на получении травмы в результате попадания конечности в утыканную шипами квадратную раму, к тому же существенно ограничивающую возможности перемещения лося с повисшей на конечности громоздкой ловушкой. Этот способ охоты предполагает последующее преследование травмированного зверя, терзаемого болью и оставляющего кровавый след. Стальные капканы, используемые для охоты на крупного зверя, еще в недавнем прошлом использовались и для охоты на лося, также травмируя его конечность и ограничивая перемещения за счет потаска. Столь же травматичными являются способы охоты при помощи подрезей, устанавливаемых на звериной тропе. Использование в качестве пружины разгибающегося предварительно согнутого дерева, или применение падающего противовеса, приводит в действие ударный механизм, рабочей частью которого являются укрепленные в длинной слеге или деревянной раме из обрубков стволиков заостренные колья (лезвия), которые при срабатывании ловушки наносят раны проходящему по тропе лосю. Наиболее сложным в изготовлении является «сжим» - двусторонняя подрезь, наносящая проходящему по тропе зверю травмирующий удар с обеих сторон. Самострелы, устанавливаемые на тропе, также поражают зверя не избирательно, и предполагают дальнейшее преследование и добывание подранка. Лучковый самострел поражает зверя из укрепленного на распорках массивного лука простой толстой (неоперенной) стрелой; ружейный – пулей. Насторожка ружейных самострелов на тро-

пах практиковалась в Западной Сибири еще на рубеже XIX-XX вв. и в первой трети XX в. [Шухов, 1928], но в последующем была прекращена.

Смешанные способы охоты, предполагающие использование дополнительных приспособлений, не ведущих к непосредственному умерщвлению лося, основаны на знании его биологии. При тормовании используется лодка, с которой ведется добыча лосей, переплывающих через реку; не имея возможности отбиться от нападения или быстро убежать, плывущий лось становится желанной добычей, а поскольку убитый зверь обычно не тонет, то и относительно легкой. Однако только во время сезонных миграций лося тормование может быть регулярным, в летний период оно носит случайный характер. Осенняя охота на вабу (берестяную или иную трубу) с имитацией брачных звуков лося приманивает соперников на поединок, исключая необходимость гоняться за зверем по лесам, – он сам приходит к охотнику. Такая охота может вестись из засидки или с подхода, без собаки или с собакой, которая отвлекает внимание лося и позволяет охотнику сблизиться с лосем на короткое расстояние. Использование такого способа, как охота с подхода (скрадом), предполагает наличие транспортных средств (верховой лошади или запряженной в сани, вездеходное транспортное средство), посредством которых происходит сближение с лосем, что значительно эффективнее, нежели пешком. В местности, где зверь не пуган автобраконьерами, он подолгу не уходит с лежки или с места кормежки, становясь доступной добычей. Такая охота практикуется преимущественно в зимний период, когда энергетические возможности лося ограничены, и он перемещается лишь на короткие расстояния.

Активные способы охоты предполагают засаду или преследование лося с его последующим умерщвлением. К засадным способам относятся охота на лазах из засидки на земле или на дереве, осуществляемая в любой сезон года, и добывание в месте переправы через реку во время сезонных миграций: лоси не только используют для переходов существующие звериные тропы, но и через реку переправляются в определенных местах, узким фронтом.

Охота с преследованием может осуществляться по чернотропу и мелкому снегу, с собакой или без нее; однако по чернотропу лось легко перемещается, его следы могут теряться, и преследование оказывается весьма трудоемко. Значительно легче осуществляется преследование лося в процессе тропления по глубокому снегу, на преодоление которого зверь тратит дефицитную в зимний период энергию, а потому легко устает. Весьма эффективен финал охоты с преследованием загонем зверя на лед, где лось скользит, падает, может ломать конечности, и становится доступен охотнику, который быстро с ним сближается. При загоне лося по насту острая ледяная корка режет конечности зверя, возникает кровопотеря, он теряет способность быстро перемещаться, становясь добычей охотника. К групповым активным способам охоты относятся охота нагоном и облава. Эти способы охоты предполагают участие тех, кто гонит лося в нужном направлении, и тех, кто принимает подогнанного лося для завершающего действия охоты – умерщвления зверя. На одной охоте, в зависимости от результата, в течение светового дня устраивается один, два или даже три загона.

Средствами умерщвления лося при пассивных способах охоты служат либо травмирующие орудия-ловушки, либо холодное оружие (копье/пика, дротик, нож, топор, выпущенная из лука стрела, и даже дубина или кистень), либо огнестрельное оружие (обычно - гладкоствольное ружье или нарезное – карабин). Такое же оружие применяется для умерщвления зверя при активных и смешанных способах охоты. При том, что лось – животное опасное, способное ударом передней ноги пробить грудную клетку волку или человеку, при его изнурении длительной погоней или формирования иной ситуации, приводящей к относительной беспомощности зверя, возможно его добывание даже ножом, ударом под левую лопатку или, еще вернее, – перерезанием яремной вены

и обескровливанием. В этом случае не приходится прибегать к иному холодному или к огнестрельному оружию.

Как любое убийство крупного зверя, охота на лося всегда считалась и по настоящее время считается интересной и захватывающей, требующей от охотника знания особенностей биологии и поведения зверя [Браконьерские способы ..., 2018]. Для охотников неолита и последующих временных периодов, вплоть до массового распространения огнестрельного оружия, охота на лося велась ради мяса и мясных субпродуктов с целью употребления в пищу; добычи шкур и сухожилий для изготовления одежды, различной бытовой утвари и вооружения, использования костей и рогов для того же, в т.ч. и для изготовления деталей конского снаряжения [Кассал, Конилов, 2017], а также воинской амуниции. Лосиные субпродукты съедали свежими, мясо могли запасать впрок путем сушки, вяления в дыму, изготовления пеммикана, квашения в керамических горшках. При выделке лосиную шкуру зачищали от мездры, вымачивали и удаляли шерстный покров, а затем выделывали, используя лосиную печень, желтый костный мозг и копчение в дыму, а в последующем – и более совершенные методы с использованием алюмокалиевых квасцов из щелочного алюмосиликатного сырья. В частности, из выделанной лосиной шкуры изготавливали не только кавалерийские кожаные штаны – лосины и другую верхнюю одежду, но и делали ремни различного предназначения. Оволосенную шкуру с ног лося (камус) использовали для подбоя (подшивания с посадкой на рыбий клей) рабочих поверхностей охотничьих лыж, и даже полозьев охотничьих нарт, препятствуя их обратному соскальзыванию [Шухов, 1928-а].

В целях привлечения лося коренные народы Западной Сибири выжигали урманы, и лесовозобновление с преобладанием осины на зарастающих гарях привлекало лосей обилием доступного корма [Шухов, 1928]. До массового распространения огнестрельного оружия, со времен неолита и в последующие временные периоды, для охоты на лося использовали преимущественно те способы охоты, которые в настоящее время считаются «неспортивными» и хищническими, как наиболее доступные и наименее трудозатратные, и завершаемые при помощи холодного оружия. В то время, когда людское население Западной Сибири было малочисленным в редко расположенных поселениях, такая охота не наносила существенного урона западно-сибирской популяции лося. Ведение натурального хозяйства народами Западной Сибири основывалось на безусловном распределении «ловов» – охотничьих участков, принадлежащих определенным родам и семьям; обитающие в их пределах лоси считались принадлежностью владельцев этих «ловов», наряду с другими природными компонентами [Соловьев, 1922]. Это определяло недопущение перепромысла на своих охотничьих участках. С исчезновением системы закрепленных за владельцами «ловов» после массового переселения в Западную Сибирь русскоязычных охотников – промысловиков, добыча лося приняла неупорядоченный характер [Кассал, 2010].

Еще в конце XIX – начале XX вв. лось обитал на всей территории Западной Сибири, заходя даже в степные районы вдоль рек Обь, Иртыш, Ишим и в изолированные березовые колки на берега плакорных озер [Силантьев, 1898]; его среднемноголетняя численность только на территории современной Омской области составляла 15-17,5 тыс. особей [Шухов, 1928]. С распространением огнестрельного оружия, особенно непосредственно после Первой мировой войны и Гражданской войны в России, западно-сибирская популяция лося потерпела катастрофическое сокращение в результате тотального истребления [Кассал, 2005-6]. До середины XX в. численность лося продолжала уменьшаться, сократившись более чем вдвое. С начала 1970-х гг. популяция лося в Западной Сибири находится в состоянии депрессии численности, поддерживаемой повсеместно процветающим браконьерством, нередко – с использованием «неспортив-

ных» и хищнических способов охоты, а также неграмотным ведением охотничьего хозяйства в субъектах Российской Федерации [Кассал, 2001, 2005].

С развитием животноводства охота на лося перестала быть просто добычей мяса, для урбанизированных охотников превратившись в «активный отдых», обеспечиваемый техническими достижениями [Кассал, 2005-а]: автомобилями высокой проходимости и снегоходами, многозарядным огнестрельным оружием, навигаторами, светодиодными фонарями, оптикой, приборами ночного видения и другими атрибутами современной охоты, которые превращают добычу зверя в некое азартное развлечение, несущее драйв, азарт, скорость, возможность почувствовать себя «властелином мира» [Охота на лося..., 2018].

Выводы

1. Способы охоты на лося разнообразны, и могут быть отнесены к пассивным, смешанным и активным, осуществляться в течение всего года или в его отдельные сезоны, с использованием ловушек, холодного и огнестрельного оружия. В современной классификации, кроме «спортивной» и промысловой охоты, отмечают хищническую и неспортивную охоты.

2. Со времен неолита и в последующие временные периоды, до массового распространения огнестрельного оружия на рубеже XIX-XX вв., для охоты на лося использовали преимущественно наиболее доступные и наименее трудозатратные способы охоты, завершаемые при помощи холодного оружия; эти способы в настоящее время считаются «неспортивными» и хищническими.

3. Причиной эволюции способов охоты на лося стало распространение огнестрельного оружия и механизированных транспортных средств; в условиях роста численности населения ряд способов охоты на лося, бывшие преимущественными во времена неолита и в последующие временные периоды, в настоящее время запрещены к применению.

4. Практикуемые в настоящее время смешанные и активные способы охоты на лося в их финальной части предполагают умерщвление зверя при помощи огнестрельного оружия; холодное оружие для этих целей применяется крайне редко.

Список литературы

1. *Бондарев А.А., Жителев Р.А., Ефимов С. И., Кассал Б.Ю.* Крупные млекопитающие плейстоцена Среднего Прииртышья // Омская биологическая школа. Ежегодник. Выпуск 3: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Б.Ю. Кассала. – Омск: ОмГПУ, 2006. – С. 109-121.

2. *Бондарев А.А., Кассал Б.Ю.* Териофауна и природные комплексы плейстоцена Верхнеошской палеодолины // Труды зоологической комиссии ОРО РГО. Ежегодник: Выпуск 1: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Б.Ю. Кассала. – Омск, 2004. – С. 149-158.

3. *Бондарев А.А., Кассал Б.Ю.* Плейстоценовая териофауна Крутинского района Омской области // Естественные науки и экология: Ежегодник. Выпуск 9: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: ОмГПУ, 2005. – С. 91-97.

4. *Бондарев А.А., Кассал Б.Ю.* История и перспективы развития териофауны Среднего Прииртышья // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009 (июнь). – №6 (100). – С. 86-88.

5. Браконьерские способы охоты на лося (Электронный документ) / (http://studbooks.net/1319250/agropromyshlennost/brakonerskie_sposoby_ohoty_losya).

Проверено 05.02.2018.

6. *Кассал Б.Ю.* Лицензионные виды охотничьих животных в Омской области // Природа, природопользование и природообустройство Омского Прииртышья. Материалы III областной научно-практической конф. – Омск: Курьер, 2001. – С. 219-223.
7. *Кассал Б. Ю.* Проблемы сохранения биоразнообразия на территории Омской области // Состояние и перспективы развития охраны окружающей среды в Омской области: Материалы научно-практической конференции. – Омск, 2005. – С. 54-58.
8. *Кассал Б.Ю.* Перспективы развития эколого-зоологических исследований в Омском Прииртышье // Омская биологическая школа. Ежегодник. Выпуск 2: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Б.Ю. Кассала. – Омск: ОмГПУ, 2005-а. – С. 3-6.
9. *Кассал Б.Ю.* Этапность в утрате биоразнообразия Среднего Прииртышья // Труды зоологической комиссии ОРО РГО. Ежегодник: Выпуск 2: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Б.Ю. Кассала. – Омск, 2005-б. – С. 135-143.
10. *Кассал Б.Ю.* Животные Омской области: биологическое многообразие. Монография. – Омск: Издательство АМФОРА, 2010. – 574 с.
11. *Кассал Б.Ю.* Парнокопытные // Энциклопедия Омской области: в двух томах. Том 2: М-Я / Под общей редакцией В.Н. Русакова. – Омск: Омское книжное издательство, 2010-а. – С.181.
12. *Кассал Б.Ю.* Природоохранный статус млекопитающих Омской области // Омский научный вестник. Серия «Ресурсы Земли. Человек». – 2014. – №1(128). – С. 155-159.
13. *Кассал Б.Ю., Конилов Б.А.* Псалии из южно-таежного Прииртышья // IV Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России (г. Омск, 30-31 октября 2017 г.). – Омск: ОГиК музей, 2017. – С. 393-396.
14. Охота на лося в загоне (Электронный документ) / (<http://myhunt.ru/articles/hunting/okhota-na-losya-v-zagone/>). Проверено 05.02.2018.
15. *Рахманин Г.Е.* Техника добычи промысловых животных самолетами / Под ред. С.А. Ларина. – М.: Заготиздат, 1951. – 156 с.
16. *Силантьев А.А.* Обзор промысловых охот в России. – СПб, 1898. – 120 с.
17. *Соловьев Д.К.* Промысел копытных зверей и лесной дичи в России // Ежегодник Всероссийского союза охотников. – М., 1922. – С. 53-73.
18. Способы охоты на лося (Электронный документ) / (http://survinat.ru/2010/11/sposoby_ohoty_na_losya/#axzz573cpMIz2). Проверено 05.02.2018.
19. *Шухов И.* Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия государственного Западно-Сибирского музея. №1. – Омск: Издательство Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, 1928. – С. 99-120.
20. *Шухов И.Н.* Охотничий промысел северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. №2. – Омск: Издательство Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, 1928-а. – 99 с.

**НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИЗОБРАЖЕНИЙ – ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ НА ПОРТУПЕЙНОЙ ПРЯЖКЕ
ИЗ МОГИЛЬНИКА АБРАМОВО-4 (V-IV ВВ. ДО Н.Э.)**

Кассал Б.Ю.

В интерпретации зооморфических изображений на произведении прикладного искусства должен участвовать эрудированный зоолог, владеющий знаниями не только о внешнем виде того или иного животного, но и объяснить изображенное, с использованием возможностей компьютерной графики. Сопоставление произведений прикладного искусства V-IV вв. до н.э. на уровне цельного изделия или его деталей с известными изображениями животных является качественным методом выявления на них полисемантических изображений.

Ключевые слова: *прикладное искусство, портупейная пряжка, зооморфические изображения, фаунистические прототипы.*

**NEW POSSIBILITIES FOR INTERPRETING IMAGES - FLIP-FLOPS ON A
BUCKLE BUCKLE FROM THE ABRAMOVO-4 CEMETERY
(V-IV CENTURIES BC)**

Kassal B. Yu.

In the interpretation of zoomorphic images, an erudite zoologist who is knowledgeable not only about the appearance of an animal, but also to explain what is depicted, using the possibilities of computer graphics, should participate in the work of applied art. Comparison of works of applied art V-IV cc. BC. at the level of a single piece or its parts with known images of animals is a qualitative method for identifying polysemantic images on them.

Key words: *applied art, buckle buckle, zoomorphic images, faunistic prototypes.*

Археологами, не искушенными в зоологии, зооморфические изображения на предметах материальной культуры распознаются обычно очень приблизительно, и это касается не только узкопрофессионально-специфичных, но зачастую очевидных, легко распознаваемых, но так до конца и не понятых изображений. Вместе с тем, полисемантические изображения V-IV вв. до н.э. (зооморфные и антропоморфные изображения в перевертышах), обнаруженные в саргатской культуре, получают должную зоологическую интерпретацию [Саплинова, Кассал, 2002; Кассал, 2005].

Целью работы является зоологическая интерпретация изображений на одном из предметов прикладного искусства V-IV вв. до н.э. Задачи:

- 4) рассмотреть произведение прикладного искусства V-IV вв. до н.э. во всех возможных аспектах, включая контррельеф и формирование дополнительных объемов;
- 5) для сравнения с изображениями на предмете прикладного искусства V-IV вв. до н.э. подобрать соответствующие изображения и провести их зоологический анализ.

Материалом исследования являются изображения на роговой портупейной пряжке V-IV вв. до н.э. из могильника Абрамово-4, Новосибирская область (раскопки В.И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН) [Соловьёв, 2003]. Через два отверстия в нижней части пряжка крепилась к портупейному ремню, другой конец ремня либо пристегивался с помощью крючка, либо крепился кожаным шнурком, продетым в отверстие. Методом исследования является графический анализ, построенный на ассоциативных сопоставлениях предмета прикладного искусства V-IV вв. до н.э. и изображений, нахо-

дящихся в свободном доступе [Медведь ..., 2018]. Для облегчения восприятия сопоставляемые изображения или их детали были приведены к соответствующему масштабу анализируемого изображения.

Ранее описание артефакта было ограничено констатацией наличия фигурок двух стоящих хищников в «геральдических» позах, без определения их видовой принадлежности [Соловьёв, 2003]. При этом указывалось на имеющиеся аналоги среди костяных изделий из таежных районов Западной Сибири [Полосьмак, 1987: 81]. Однако роговая портупейная пряжка дает значительно более богатый материал для ее анализа, поскольку формируется несколькими изображениями реальных зверей (рис. 1).

Судя по форме парного изображения (рис. 1, позиция В), это животные, которые могут относиться к отряду Хищные (Carnivora), семейства Куньи (Mustelidae), о чем говорят общие пропорции тела и явная прорисовка шерсти на теле и хвосте. Не характерные для большинства куньих крупные самцовые гениталии, развернутые на дорсальную часть, и крупная морда с большой пастью, возможно, подчеркивают мужественность, воинственность и агрессивность животных. При этом мы отмечаем, что, кроме соболя (*Martes zibellina*), изображение может быть парной фигурой куницы лесной (*Martes martes*), но, наиболее вероятно, росомахи (*Gulo gulo*), занимающей в фольклоре сибирских народов одну из ведущих позиций, как сильного и независимого животного, способного успешно выживать в тяжелых условиях зимней сибирской тайги и конкурировать с человеком-охотником. К тому же специалистам известно, что куница стала расселяться в Западной Сибири только в конце XIX – начале XX вв., а до тех пор она была известна лишь на европейской территории. При этом надо знать, что до введения торгово-ясачных отношений между сибирскими народами соболь, как и куница, не имел какого-либо особого значения, поскольку пушнина еще не использовалась (или использовалась очень слабо) в качестве валютного средства [Сидоров и др., 2007, 2009], тогда как росомаха – имела значение, как пищевой конкурент человека-охотника и обладатель непромокаемого меха, необходимого для оторочки капюшонов зимней верхней одежды. Этологический анализ позы стоящих на задних лапах зверей, упирающихся друг в друга передними лапами и стремящимися перехватить своей открытой пастью открытую пасть визави, является характерной для внутривидовых конфликтов не только куньих, но и хищных вообще, и наиболее часто наблюдаемой у представителей семейства Медвежьи (Ursidae) [рис. 1, позиция Б], но известной также и для Куньих, Виверровых и Псовых.

В этом же ракурсе изображения двух зверей семейства Куньи целостно воспринимаются как верхняя часть фигуры бурого медведя (*Ursus arctos*) – еще одного ведущего персонажа сибирского фольклора, но выполненная в контррельефе. Возможно, перед нами пресс-форма для тиражирования образа путем получения отпечатков, например, в мягкой глине. При этом вдавление в верхней части композиции (между мордами и упирающимися друг в друга лапами росомахи) на отпечатке сформирует выпуклую морду, а отверстие в нем – еще более выпуклую мочку носа медведя (рис. 1, позиция А). Этот медведь изображен с двумя парами ушей. Это, возможно, служило для выражения в одном изображении двух состояний животного: злобность, агрессивность (уши прижаты) и добродушие, спокойствие (уши расставлены). Грудные конечности зверя спокойно висят впереди вдоль тела, разделенные чуть выпуклой грудью с шероховатой поверхностью (возможно, изображающей светлую «манишку» на груди зверя), а тазовые конечности сближены – такая поза характерна для приподнявшегося осматривающегося медведя.

При повороте изделия на 180° становится видимым иное изображение, наиболее сходное с изображением угрожающего медведя с широко открытой пастью (рис. 1, позиция Г). В этом же ракурсе можно рассмотреть фигуру стоящего бурого медведя. При

этом вытянутые вперед передние лапы зверя с развернутыми внутрь кистями кажутся непропорционально длинными, но медведи именно этим и характерны. Маленькие уши медведя могут быть мало заметны в густой шерсти, особенно если уши прижаты, а шерсть после выхода с зимовки – густая и длинная; плечи при таком расположении конечностей слабо выдаются в стороны. На рассматриваемом изделии те детали, которые формируют пасти зверей семейства Куны, в этом ракурсе органично воспринимаются как длинные серповидные когти, какими вооружены все бурые медведи. Впечатление усиливается двумя отверстиями, воспринимаемыми как глаза зверя (рис. 1, позиция Д).

Антропоморфное изображение на роговой портупейной пряжке также ранее только упоминалось [Симонова, 2002], однако его анализ не проводили. Уши росомых образуют ноги антропоморфного изображения, их гениталии – руки. Читаются также кисти рук (возможно, вывернутые наружу), ноги, втянутая в плечи голова, глаза, линия рта (усов). Под бородой у существа расположен знак в виде круга (вероятно, рот или носимый на шее родоплеменной тотемный знак). Существо держит стопами яйцообразный предмет, что сближает его с изображением совиноголового существа, “рожающего” яйцо [Симонова, 2002: 75]. Треугольная врезка в средней трети фигуры изображает оволосение лобка и живота по мужскому типу. При необходимости, например, если изделие использовалось в ритуальных целях, в отверстие в ее центре мог вставляться цилиндрический предмет, символизировавший фаллос, и фигурка приобретала дополнительный рельеф, в целом становясь символом плодovitости и мужской силы (рис. 2).

Таким образом, в рассмотренной нами роговой портупейной пряжке многократно воплощены зооморфические сюжеты: парное изображение росомых, осматривающегося бурого медведя, спокойно стоящего бурого медведя, морды угрожающего медведя, пресс-формы в виде бурого медведя, а также антропоморфного символа плодovitости и мужской силы.

В отличие от мобильного искусства палеолита и неолита, изделия с перевертышами имеют строго определенное функциональное назначение – это либо оружие, либо поясная гарнитура [Соловьёв, 2003]. Вероятнее всего, искусство V-IV вв. до н.э. обусловлено архаическим (мифологическим) мышлением его носителей, связанным со сферой эмоций и образным восприятием действительности [Шер, 1998: 116]. Отсюда – полисемантизм (полиэikonичность) его образов, предполагающих следующие композиционные построения: изображения реально существующих животных; сложные композиции с несколькими изображениями, воспринимаемыми в одном ракурсе поочередно или одновременно. Несомненно, что данные изображения – сакральные, и сам факт их наличия подчеркивает сакральное назначение предметов, на которых они расположены. В этой связи следует отметить, что семантика перевертышей предположительно связана с мотивом оборотничества, вероятно, восходящим к анимистическим и тотемистическим мифологическим воззрениям, а также к широкому кругу шаманских представлений.

Для потустороннего мира характерна противоположность миру живых во всем, начиная от расположения в пространстве и временного ритма (правая сторона – левая, день – ночь) и заканчивая перевернутостью земных норм и установок (антиречь – “задом-наперед”, антипища – фекалии, и т.д.). Но поворотами (переворотами) в мифологических представлениях разных народов отмечается рубеж между мирами. Для перехода из одного состояния в другое (человеческого в животное, видимого в невидимое) нужно повернуться, перевернуться, повернуть определенный магический предмет. Так, очевидна связь рассматриваемого мотива с сакральными предметами и переходными обрядами, обуславливающими перемену состояния человека, интерпретируемую как смерть в одном социальном статусе и рождение в другом [Мифы народов мира, 1992: 235]. Мотив оборотничества соотносим с архаической концепцией “взаимооборачиваемости” всех сторон и проявлений действительности. В его основе лежат “космогониче-

ские идеи, связанные с представлениями... о природных стихиях, структурных частях мироздания в процессе возникновения Вселенной, как последствия невозможного в действительности соединения разнородных животных” [Ларичев, 1979: 192]. Несомненно, композиции-“перевертыши” тесно связаны с восприятием пространства. При этом поворот на 180° воспринимается человеком как новая модель со своим собственным устойчивым основанием. Можно предположить, что легкость восприятия перевернутых изображений являлась одним из признаков архаического мышления. Дети практически не обращают внимания на различия в ориентации: они рисуют перевернутые фигуры, свободно переворачивают лист бумаги. “Равнодушное отношение к ориентации наблюдается также и у взрослых людей, стоящих на первобытном уровне развития” [Арнхейм, 1974: 99].

Имеются основания полагать, что рассматриваемая нами роговая портупейная пряжка, наряду с утилитарным значением, выполняла еще и сакральную функцию оберега, будучи носима на ремне в области солнечного (чревного) сплетения; ощущение дискомфорта в области которого может свидетельствовать о различных недугах у человека, от которых хочется защититься.

Несомненно, в интерпретации зооморфических изображений должен участвовать достаточно эрудированный зоолог, владеющий знаниями не только о внешнем виде того или иного животного, но и умением с биологических, этологических и других естественнонаучных позиций объяснить изображенное. Причем сделать это доказательно, таким образом, чтобы у оппонента не нашлось возражений типа “так не бывает”. Мы особенно отмечаем, что при этом отпадает необходимость приписывать представителям V-IV вв. до н.э. склонность к избыточному усложнению реальности при изготовлении бытовых изделий, волею мастера становящихся произведениями прикладного искусства. Реальный мир, реальное окружение, в т.ч. хищники-враги, хищники - пищевые конкуренты, хищники – тотемические животные, отображались художником на реально-утилитарных изделиях. «Бритва Оккама» отсекает измышления урбанизированных интерпретаторов, оторванных от мира живой природы и недостаточно четко представляющих себе тот мир, в котором жили представители V-IV вв. до н.э. (в т.ч. саргатской культуры), чье изделие прикладного искусства послужило предметом анализа. Возможности компьютерной графики и наличие свободного доступа к рисункам и фотографиям в INTERNETE формируют новые пути и новые подходы к интерпретации изображений на артефактах. Это позволяет путем сопоставления приводимых изображений проверять правильность ассоциативного видения автора конкретной интерпретации [Кассал, 2014, 2014-а, 2015, 2016], давая наиболее правильную трактовку изображениям. Особенности оформления этой работы, в виде приводимых рисунков, могут стать прецедентом графического анализа зооморфических изображений в произведениях культуры.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974. – С. 99.
2. Кассал Б.Ю. Зооморфические изображения в архаических произведениях сибирского мира // Труды Зоологической Комиссии. Ежегодник. Выпуск 3: Сборник научных трудов / Под редакцией Б.Ю. Кассала. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2005. – С. 144-157.
3. Кассал Б.Ю. Произведения искусства палеолита – свидетельство полового диморфизма представителей рода *Bison* // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования: Научный журнал. – 2014. – №1(2). – С. 102-107.

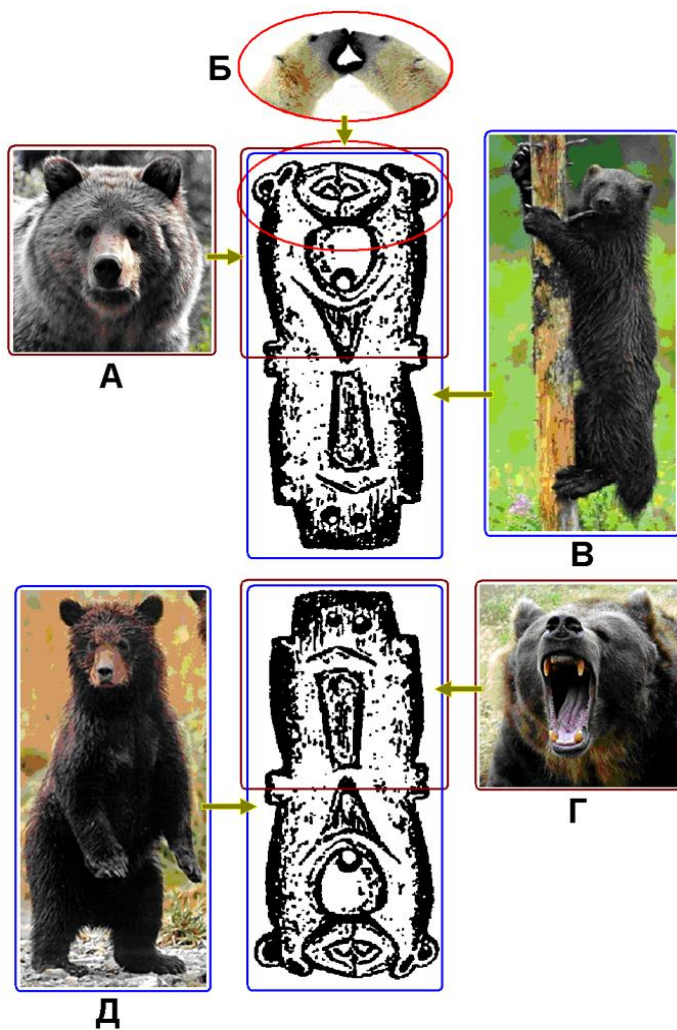

Рис. 1. Сопоставление изображений на роговой портупейной пряжке V-IV вв. до н.э. из могильника Абрамово-4, Новосибирская область, с изображениями животных: А, Г, Д – бурого медведя; Б – пытающихся перехватить друг друга за морду белых медведей; В – взбирающейся на дерево россомахи.

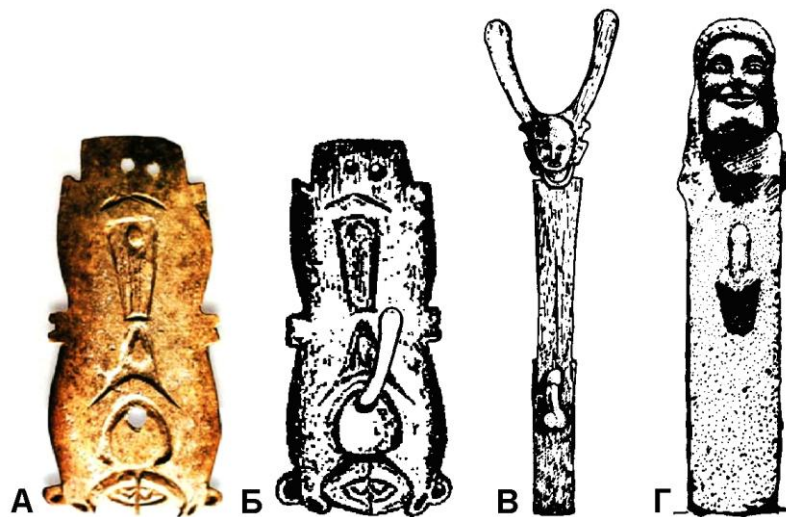

Рис. 2. Сопоставление изображений на роговой портупейной пряжке V-IV вв. до н.э. из могильника Абрамово-4, Новосибирская область (А), дополненной вставленной в отверстие вертикальной деталью (Б) с изображениями домового-хранителя у туземцев острова Ниас (В) и гермы из Сифноса, 490 ВС, Национальный музей в Афинах (Г), из [Мак-Фарленд, 1988: 122]

4. *Кассал Б.Ю.* Палеолитические изображения представителей рода *Bison*: зоологическая оценка одного аспекта // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования: Научный журнал. – 2014-а. – №3(4). – С. 103-106.
5. *Кассал Б.Ю.* Пещерный лев - арт-объект реалий плейстоцена // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования: Научный журнал. – 2015. – №5(9). – С. 112-121.
6. *Кассал Б.Ю.* Двурогие носороги – арт-объекты реалий плейстоцена // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2016. – №1. – С. 26-37.
7. *Ларичев О.И.* Наука и искусство приятия решений. – М.: Наука, 1979. – С. 58.
8. *Мак-Фарленд Д.* Поведение животных. – М.: Мир, 1988. – 520 с.
9. Медведь (Электронный документ) / (<https://www.google.ru/search?q>). Проверено 05.02.2018.
10. Мифы народов мира. – М.: Наука, 1992. – С.235
11. *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.43, 81.
12. *Саплинова М.А., Кассал Б.Ю.* Полисемантические изображения с антропоморфным элементом в перевертышах саргатской культуры (к постановке проблемы) // Сибирские древности. Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. – Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2002. – С.49-52.
13. *Сидоров Г.Н., Кассал Б.Ю., Фролов К.В.* Териофауна Омской области. Хищные: Монография / СО РАСХН, ОмГПУ, ОРО РГО. – Омск: ОмГПУ, 2007. – 428 с.
14. *Сидоров Г.Н., Кассал Б.Ю., Фролов К.В., Гончарова О.В.* Пушные звери Среднего Прииртышья (Териофауна Омской области): монография. – Омск: Изд-во Наука, Полиграфический центр КАН, 2009. – 808 с.
15. *Симонова И.Л.* Изображения-перевертыши в произведениях искусства саргатской культуры // Сибирские древности. Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. – Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2002. – С. 43-48.
16. *Соловьёв А.И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: «Инфолио-Пресс», 2003. – С. 85-88.
17. *Шер Я.А.* О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 2. – Алматы, М., 1998. – С. 218-230.

УДК 903.53

РАБОТЫ НА ПАЗЫРЫКСКОМ МОГИЛЬНИКЕ в 2017 ГОДУ¹

**Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А.,
Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В.**

Представлены предварительные результаты полевых работ совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа на Пазырыкском могильнике в 2017 году. Были произведены земляные работы на участке, прилегающем к кургану 5 с северо-восточной стороны и доследован курган 7, раскопанный в 1949 году.

---

¹Исследование проведено при поддержке гранта ОГОН РФФИ № 17-01-18043.

Ключевые слова: *могильник Пазырык, курган, погребальная архитектура, исследование, периферия кургана.*

ARCHAEOLOGICAL FIELDWORK ON PAZYRYK in 2017

**Konstantinov N.A., Stepanova E.V., Urbushev A.U., Vasiljeva N.A.,
Shablavina E.A., Ebel A.V., Kuyukov R.V.**

Preliminary results of the fieldwork of the joint expedition of Gorno-Altai state university and the State Hermitage Museum at the Pazyryk burial ground in 2017 are presented. Excavations were carried out on the piece of land adjoining on the north-eastern side of barrow 5 and barrow 7.

Key words: *Pazyryk, kurgan, barrow, funeral architecture, periphery of the barrow.*

В 2017 году совместной археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа были возобновлены археологические работы на Пазырыкском могильнике в Улаганском районе Республики Алтай. В прошедшем полевом сезоне произведена зачистка участка северо-восточной периферии кургана 5, с включением в исследуемую площадь кургана 7, раскопанного в 1949 году экспедицией С.И. Руденко. Работы производились по открытому листу №930, выданному Минкультуры РФ 30 июня 2017 года Н.А. Константинову.

Пазырыкский могильник находится в 1,5 км к востоку от юго-восточной окраины села Балыктуюль в урочище Пазырык на правом берегу реки Большой Улаган. Памятник был открыт Алтайской экспедицией этнографического отдела Русского музея в 1924 году. В рамках этой экспедиции С.И. Руденко раскопал на памятнике раннесредневековые поминальные оградки и один ритуальный курган, а А.Н. Глухов исследовал впускные этнографические погребения в насыпях больших курганов [Руденко, 1953; Гаврилова, 1965, с. 6]. В 1929 году Алтайской экспедицией работы на Пазырыке были продолжены. М.П. Грязнов раскопал две небольших каменных насыпи без погребений и ям и исследовал курган 1 [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, с. 41]. Наиболее масштабные работы на Пазырыкском могильнике были проведены в 1947-1949 гг. В 1947 году были начаты раскопки кургана 2, однако завершить исследование объекта за один сезон не удалось. В 1948 году было завершено исследование кургана 2 и раскопаны курганы 3 и 4. В 1949 году был раскопан большой курган 5 и курганы 6, 7 и 8 [Руденко С.И., 1953]. В 1967 году С.С. Сорокин произвел раскопки четырех небольших объектов (13, 21, 23 и 24) на Пазырыкском могильнике. Были исследованы два кургана гунно-сарматского времени и два ритуальных кургана, в одном из которых находилось впускное(?) средневековое погребение лошади с железными удилами [Сорокин, 1977; НА ИА РАН. Р-1. №3536].

В 1980 году на Пазырыкском могильнике проводил разведочные работы Л.С. Марсадолов, обследовавший щупом северо-восточную часть периферии кургана на предмет выявления задернованных каменных конструкций [Марсадолов, 1981, с. 196]. В 1985, 1987 и 1988 гг. А.М. Илюшин осуществил раскопки около полутора десятков объектов могильника, относящихся к различным историческим периодам [Илюшин, 1987; 1990, с. 117; 1992; др.].

Необходимость возобновления археологических работ на Пазырыке была обусловлена состоянием памятника. Во-первых, раскопы на курганах не были рекультивированы и осыпание их стен привело к значительным разрушениям надмогильных конструкций, которые остались практически неизученными. Во-вторых, памятник является объектом туристического посещения, поскольку находится на популярном маршруте,

ведущем в долину реки Чулышман и к южному берегу Телецкого озера. Поскольку нет никаких преград, туристы свободно передвигаются на автомобилях по территории могильника, оставляя многочисленные колеи, что способствует активной эрозии почвы. Особенно от таких «посещений» страдают небольшие каменные конструкции могильника. На сегодняшний день неконтролируемый туристический поток – главная угроза сохранению памятника.

Полевым работам 2017 года предшествовал подготовительный этап планирования и обсуждения проекта по исследованию и рекультивации курганов. Этот проект обсуждался с региональными, муниципальными властями и местными жителями. Были организованы встречи с жителями села Балыктуюль, рядом с которым находится Пазырыкский могильник, проведены популярные лекции в школах Улаганского района, организована фотовыставка, посвященная раскопкам больших пазырыкских курганов в 1929 и 1947-1949 гг. То есть, проведена разъяснительная работа среди местного населения.

В ходе полевых работ осуществлена зачистка участка, прилегающего к насыпи кургана 5 с северо-восточной стороны. В раскоп была включена часть ограды из вертикально вкопанных плит; две выкладки, так называемые «лучи»; курган 7, раскопанный в 1949 году. Необходимость вновь исследовать небольшой курган 7 была вызвана тем, что были неясны особенности его надмогильной конструкции. Также была зачищена часть задернованной насыпи кургана 5. Приведем краткие результаты исследования отдельных конструкций.

Наибольший интерес представляют «лучи» – восемь каменных выкладок вытянутой формы, радиально расходящиеся от насыпи кургана 5, отмеченные на плане и в описании С.И. Руденко [1953, с. 28]. Аналогичных конструкций на других памятниках пазырыкской культуры обнаружено не было, поэтому, было важно изучить конструкцию этих выкладок. В раскоп 2017 года были включены северный и северо-восточный лучи. После снятия дернового слоя выяснилось, что выкладки неоднородны, а состоят из двух частей. Для изучения конструкции «лучей» осуществлена разборка двух четвертей северного «луча». Часть «луча», прилегающая к насыпи кургана, состоит из двух слоев камней, уложенных на древнюю поверхность, между слоями зафиксированы фрагменты челюсти лошади. На конце «луча» располагаются разрозненные камни. К окончанию другого, северо-восточного, «луча», также состоящего из двух слоев камней, выложенных на древней поверхности, примыкает кольцо из плоских и окатанных камней, не содержащее находок, ям и следов огня.

Курган 7 до начала наших работ представлял собой воронку, окруженную слабо задернованным валом из материкового песка – отвалом от грабительского раскопа и, частично, от раскопа 1949 года. Основной отвал от раскопок 1949 г. находился к югу от кургана 7 и частично перекрывал полу насыпи кургана 5. Благодаря исследованию кургана 7 удалось выявить остатки его надмогильных конструкций, не зафиксированных предыдущими раскопками. В западной части кургана зачищена нетронутая задернованная насыпь. У южной и юго-западной насыпи кургана 7 найдены фрагменты лепных керамических сосудов. Деревянные внутримогильные конструкции [Руденко, 1953, с. 40-41], как и сама яма кургана 7 (2x2 м), были полностью разрушены раскопом 1949 года (4x4 м), при зачистке ямы нами найдены лишь плохо сохранившиеся фрагменты деревянных деталей. В заполнении ямы также найдены фрагменты верхней челюсти и зубы ребенка 6-7 лет и кости лошади. В южном выкиде из кургана 7 обнаружен фрагмент дистального эпифиза правой большой берцовой кости взрослого человека.

На площади зачистки было зафиксировано 10 прокалов. Три прокала располагались у северо-восточного луча по линии С–Ю, с небольшим отклонением; шесть прокалов было с северной, западной и юго-западной стороны кургана 7; одно угольное

пятно находилось у крепиды кургана 5. Одно кострище было обложено по кругу большими камнями, еще два были заложены камнем. Кострища имели разную глубину прокала. В одном кострище под камнями, которыми оно было перекрыто, находились фрагменты жженных костей животного. При зачистке одного кострища, расположенного рядом с северо-восточным лучом, были найдены небольшие фрагменты шлаков. Также кусок шлака был найден у ограды из вертикальных плит в южной части раскопа (восточная сторона кургана 5).

Лагерь экспедиции С.И. Руденко 1949 года находился к северу от курганов 5 и 7, рядом с участком нашей зачистки [Руденко, 1953, табл. X – 2]. Во время раскопок того года на огне приходилось греть много воды для оттаивания мерзлоты, и эти костры, очевидно, должны были оставить следы. Но на архивных фотографиях видно, что костры в лагере располагались вне изученного нами участка. Кроме того, с момента экспедиции дерн на поврежденных участках вряд ли успел образоваться, например, на отвалах он составляет менее 0,5 см. Все кострища на периферии 5 и 7 курганов находились на древней дневной поверхности под дерновым слоем мощностью около 10 см. Выявленные кострища, на наш взгляд, связаны с ритуальными действиями, проводившимися во время функционирования памятника как погребально-поминального комплекса.

Вокруг кургана 5 отмечалась задернованная ограда из вертикально вкопанных плит, однако до зачистки казалось, что плиты стоят отдельно на значительном расстоянии друг от друга. После зачистки были выявлены упавшие и обломанные камни, и стало ясно, что ограда, вероятнее всего, была сплошной. Она проходила на расстоянии 1,5-2 м от насыпи.

Была осуществлена зачистка задернованного края насыпи кургана 5. В результате выявлена конструкция крепиды, образованной двумя рядами вертикально поставленных плит, пространство между которыми было забутовано небольшими камнями. После возведения каменной насыпи, под ее тяжестью, часть плит отклонилась наружу, приняв наклонное или горизонтальное положение. Более детально крепида будет изучена последующими работами.

У северной полы кургана 5 находился шурф 1949 года, который закладывался для выявления мерзлоты, выходящей за пределы кургана. При зачистке шурфа в верхней части заполнения обнаружены кости лошадей, часть из которых имела маркировку «№1» и «№3». Очевидно, это кости лошадей из сопроводительного конского погребения, оставленные после их изучения.

Над вышеописанным шурфом был насыпан довольно высокий песчаный отвал от раскопок кургана 7, который также виден на фотографиях 1949 года. Рядом с этим отвалом исследован интересный объект. С западной стороны отвала находилась небольшая округлая каменная выкладка из плитняка. Под выкладкой никаких дополнительных конструкций, ям и находок не зафиксировано, за исключением фрагмента тонкой жерди, находившегося непосредственно под камнями на погребенной почве. Интересно, что восточная пола этой выкладки перекрывала отвал, то есть она была сооружена после раскопок кургана 7.

Для целей музеефикации, после завершения работ, все расчищенные конструкции на периферии 5 кургана были оставлены открытыми, выкопанные ямы засыпаны на уровень древней поверхности, прокалы обложены камнем, для более четкого их выражения, реконструирован курган 7. Таким образом, сделан первый шаг по рекультивации раскопок прошлых лет и музеефикации памятника. Исследованные в 2017 году объекты расширяют наши знания о конструкции и планиграфии погребально-поминальных сооружений пазырыкской культуры Алтая. В следующем сезоне работы по исследованию кургана 5 будут продолжены.

Рис. 1. Исследованный участок после снятия дернового слоя.

Список литературы

- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Грязнов М.П.* Первый пазырыкский курган. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. – 92 с.
- Илюшин А.М.* Исследования на Пазырыке // Археологические открытия 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 241-242.
- Илюшин А.М.* Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов конференции). – Барнаул: АлтГУ, 1990. – С. 117-119;
- Илюшин А.М.* Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 67-68.
- Марсадолов Л.С.* Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 195-196.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.–Л.: АН СССР, 1953. – 402 с. – 120 табл.
- Сорокин С.С.* Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1977. – С. 57-67.
- Сорокин С.С.* Отчет Южно-Алтайской археологической экспедиции о работах, проведенных летом 1967 г. 35 л. 24 ил. Научно-отраслевой архив ИА РАН. (НА ИА РАН. Р-1. №3536).

РАЗВЕДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ¹

Константинов Н.А., Урбушев А.У.

В работе сообщается о разведочных работах археологической экспедиции ГАГУ в Кош-Агачском, Улаганском и Онгудайском районах Республики Алтай в 2017 году. В ходе работ проводился поиск и фиксация памятников, а также осмотр памятников, подверженных разрушению. На двух памятниках проведена зачистка аварийных объектов.

Ключевые слова: *Алтай, поселение, погребение, железоплавильная печь, петроглифы, аварийные работы, монгольское время.*

ARCHAEOLOGICAL SURVEY IN THE CENTRAL AND SOUTH-EASTERN ALTAI

Konstantinov N.A., Urbushev A.U.

The paper reports on survey of the archaeological expedition of the GASU in Kosh-Agach, Ulagan and Onguday districts of the Altai Republic in 2017. In the course of the fieldwork, the search and fixing of monuments, as well as the inspection of monuments subject to destruction were carried out. Local excavation was made on two destroying monuments.

Key words: *Altai, settlement, burial, iron-smelting furnace, petroglyph, preservation, Mongolian time.*

В полевой сезон 2017 года археологической экспедицией ГАГУ проведены разведочные работы в Кош-Агачском, Улаганском и Онгудайском районах Республики Алтай. Полевые работы осуществлялись по открытому листу №929, выданному Н.А. Константинову Минкультуры РФ 30 июня 2017 г. Разведки включали в себя два вида работ: осмотр и зачистка аварийных объектов и обследование памятников наскального искусства. По первому направлению работы произведены в Кош-Агачском и Онгудайском районах Республики Алтай. В Улаганском районе проведены работы по поиску и изучению памятников наскального искусства проводились у села Балыктуоль.

В Кош-Агачском районе аварийные работы проводились на разрушенном погребении в местности Кызыл-Болчок. Как сообщалось ранее, в 2016 году у села Кокоря два местных жителя раскопали погребение монгольского времени, а найденные вещи передали в кокоринский Историко-этнографический музей теленгитов Чуи [Константинов, Эбель, 2017]. Вещи, переданные находчиками в музей в 2016 году, представлены берестяным колчаном, деревянными древками и железными наконечниками стрел, деталями седла в виде берестяных обкладок полков седла и двух стремян, фрагментами ткани и кожи.

Летом 2017 года удалось осуществить зачистку разрушенного погребения, уточнить сведения о его деталях и обнаружить предметы сопроводительного инвентаря, не тронутые находчиками. Каких-либо надмогильных сооружений выявить не удалось, вероятно, погребение было грунтовым. Оно было совершено в подовальной яме, размерами 2,4х0,9 м, глубиной 1,1 м. Яма была вытянута по линии ЮЮЗ–ССВ. На дне ямы находилась колода, выдолбленная из цельного ствола дерева. В северной стороне колода расширялась. Находчики раскопали погребение двумя ямами, одна из которых попа-

---

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00709.

ла в северную часть могилы, вторая яма в южную часть могилы. Между двумя ямами осталась нетронутый участок грунта. При обнаружении человеческих костей находчики сложили их в кучу в середине колоды, затолкав их под нетронутый участок грунта между грабительскими ямами. *In situ* сохранились лишь нижние кости правой ноги, положение которых указывает на ориентировку погребенного головой на ССВ. В ходе исследования объекта черепной коробки погребенного в могиле обнаружено не было, хотя нижняя челюсть находилась вместе с другими костями.

Среди находок, обнаруженных при исследовании объекта, особый интерес вызывает достаточно хорошо сохранившееся седло. Обе луки седла декорированы бронзовым ободком, передняя лука украшена бронзовой бляхой. Полки седла имели берестяные обкладки, аналогичные изделиям из этого погребения, переданным местными жителями в кокоринский музей в 2016 году. Вместе с седлом найдены фрагменты двух стремян, пряжки, торочные кольца, железные детали узды (удила и султанчик). Судя по всему, первоначально в погребении было два седла. Также при исследовании объекта найдены костяные и деревянные детали лука; деревянная планка, узкие костяные орнаментированные пластинки и другие детали колчана. Вместе с костями человека в центральной части колоды найдены фрагменты ткани от одежды и серьга с бусинкой.

У села Купчегень осмотр памятников производился в двух пунктах. На правом берегу реки Большой Ильгумень на западной окраине села в небольшом закрытом логу осмотрен овраг сезонного ручья, по краям которого местными жителями собраны фрагменты керамики и железные изделия. Также сообщалось о находках кусков шлака, древесных углей, фрагментов костей животных, в том числе обожженных. Нам удалось осмотреть фрагменты керамики, собранные на памятнике и находящиеся сейчас в Центре народных художественных промыслов и ремесел в с. Купчегень.¹ До проведения земляных работ, можно предварительно датировать памятник в очень широком хронологическом диапазоне в пределах I – первой половины II тыс. н.э. Вероятно объект был связан с хозяйственной деятельностью.

Вторым обследованным участком у села Купчегень стал лог Малый Кожолу (Кичү Кёжёлү), расположенный к востоку от села, на левом берегу реки Большой Ильгумень. На террасе, расположенной рядом с устьем этого лога, находятся курганные могильники, обследованные Л.М. Чевалковым в 1985 году и В.А. Кочеевым в 1989 году [Кочеев, 2004, с. 58]. Местные жители сообщили о находках в этой местности фрагментов керамики и костей животных на размывах сезонных ручьев. В ходе осмотра в начале лога обнаружен овраг, в краях которого найдены несколько небольших орнаментированных фрагментов керамики. Также в размыве ранее была найдена каменная зернотерка, сейчас находящаяся в Центре народных художественных промыслов и ремесел. К сожалению, находки небольших фрагментов керамики на сегодняшний день не позволяют с уверенностью установить хронологическую принадлежность памятника. Судя по всему, объект можно отнести к категории поселенческих памятников. На объекте необходимо провести аварийные работы, поскольку он подвержен разрушению сезонными ручьями.

Выше по логу зафиксирован большой овраг глубиной около 5 м, в одной из стен которого прослеживались остатки железоплавильной печи в виде торчащих краев каменных плит и прокала вокруг них. Печь была зачищена, ее глубина от современной поверхности составляет 53 см, максимальная ширина печи в верхней части составляет 63 см. Боковые стены печи выложены каменными плитами: у восточной стены находилась одна большая плита, у западной несколько небольших плиток. Также между этих

---

¹ Пользуясь случаем, выражаем благодарность В.М. Кухаеву – мастеру Центра народных художественных промыслов и ремесел, который показал нам аварийные памятники и содействовал осмотру находок с памятников.

стен лежали фрагменты камней, вероятно, от задней стены печи. В нижней части печи зафиксирована яма, выходящая под наклоном вверх и вглубь террасы – нора грызуна или канал для подачи воздуха в печь. К сожалению, из-за сильного разрушения точная конструкция печи не устанавливается. Шлака в печи и рядом с ней обнаружено не было, по всей видимости, он осыпался при обрушении края оврага и погребен под осыпью.

На другой стороне лога, напротив оврага с зачищенной печью зафиксировано каменное сооружение – шиббе, аналогии которым известны в разных районах Алтая [Соенов, 2008, с. 16]. Сооружение представляет собой задернованную каменную стену, пристроенную к скале и сложенную из окатанных камней, каменных плит и довольно крупных валунов. Прослеживаются камни, установленные вертикально. Северная часть стены имеет округлую форму, в западной части наблюдается разрыв. Южная часть стены идет поперек лога, восточная часть идет вдоль гранитной скалы. Размеры сооружения составляют 17x18 м. Судя по всему, зафиксированное каменное сооружение связано с ритуальной сферой человеческой деятельности, хронологическую принадлежность объекта на сегодняшний день установить невозможно.

В Улаганском районе проводилось изучение памятников наскального искусства у с. Балыктуюль. В ходе работ установлено местонахождение петроглифов в местности Дялбак, зафиксированных в 1981 году Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина [1983]. Наскальные изображения Дялбака располагаются на склоне горы у северной окраины с. Балыктуюль. Рисунки зафиксированы на трех горизонтальных плоскостях, едва выступающих над уровнем современной поверхности. Плоскости поросли лишайниками, на них имеются трещины. Прослеживаются изображения оленей, горных козлов, юрт(?), колесницы, пеших лучников и копейщиков, конного копейщика в шлеме с высоким плюмажем. Всего на плоскостях прослеживается около 40 фигур, все они выполнены техникой гравировки. Часть изображений составляют сцены охоты и боя. Благодаря многочисленным аналогиям, в том числе из закрытых комплексов, большинство гравировок относится к раннему средневековью. Часть фигур могут датироваться более ранним периодом. В ходе полевых работ плоскости отсняты на цифровой фотоаппарат при наклонном солнечном освещении, для прорисовки фигур в компьютерных графических программах. При помощи GPS-приемника получены географические координаты плоскостей с рисунками.

Также у села Балыктуюль, произведен поиск неизвестных местонахождений петроглифов на участке правобережного склона долины реки Б. Улаган, к югу от Пазырыкского могильника в западной части урочища Сары-Кобы. Отдельные пункты с наскальными рисунками в этой местности отмечались В.Ф. Чумакаевым, С.С. Сорокиным [1971] и Л.С. Марсадоловым [1981; 2003]. В 2017 году на этом участке зафиксировано восемь пунктов с наскальными рисунками. Петроглифы располагаются на небольших разрозненных скальных выходах и отдельных валунах, не образуя крупных скоплений. Изображены в основном различные животные, а также антропоморфные фигуры. Изображения выполнены в основном техникой выбивки, но встречаются также и гравировки. Петроглифы могут датироваться в широком хронологическом диапазоне – от эпохи бронзы до этнографического времени. Местонахождения рисунков зафиксированы при помощи GPS-приемника, получены фотоснимки при помощи цифровых фотокамер. Собранные данные будут использоваться для формирования археологической ГИС по памятникам Улаганского района.

Таким образом, в 2017 году археологической экспедицией ГАГУ проведены аварийные работы на разрушающихся памятниках, обследованы памятники наскального искусства, а также выявлены неизвестные ранее памятники.

Список литературы

Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 года. – М.: ИА РАН, 1983. – С. 192.

Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского краеведческого музея на могильниках Усть-Кожолу в 1989 году // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – №12. – С. 58-70.

Константинов Н.А., Эбель А.В. Новые находки монгольского времен из Юго-Восточного Алтая (предварительное сообщение) // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – №2(18). – С. 22-29.

Соенов В.И. Горные каменные сооружения шибе южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Выпуск № 7. – С. 5-17.

Сорокин С.С., Чумакаев В.Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1971. – Вып. X. – С. 140-146.

Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 195-196.

Марсадолов Л.С. Наскальные изображения периода поздней бронзы из Улаганского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: БГПУ, 2003. – С. 99-102.

УДК 902

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

А.Л. Кунгуров

В статье дана характеристика результатов исследования материалов памятников палеолитического времени, расположенных в окрестностях с. Новокузнецовка Змеиногорского района Алтайского края. Объекты находятся на склонах борта долины левого берега р. Харьковки и представлены сборами с поверхности, разрушенной современной антропогенной деятельностью. Ранее в долине этой реки было известно 11 палеолитических памятников.

Ключевые слова: *палеолит, неолит, каменное орудие, артефакт, Алтай, стоянка, датировка, периодизация.*

NEW PALEOLITHIC MONUMENTS OF ALTAI TERRITORY

A.L. Kungurov

The article gives a description of the results of the study of materials of Paleolithic monuments located around the Novokuznetsovka village of the Zmeinogorsky district of the Altai Territory. The objects are located on the slopes of the valley in the left bank of the Kharkovka River and are represented by gatherings from the surface destroyed by modern anthropogenic activities. 11 paleolithic monuments were known to be located in the valley of this river

Keywords: *Paleolithic, Neolithic, stone tool, artifact, Altai, man site, dating, periodization.*

В последние годы на территории Алтайского края было обнаружено несколько новых палеолитических памятников. В Змеиногорском районе в окрестностях с. Карамышево на р. Харьковке зафиксированы стоянки Гора Раскат 5 и 6. Они расположены на северном крае обширного пологого цокольного понижения левого борта долины упомянутой реки, спускающегося с уровня водораздела Харьковки – Корболихи (наивысшая точка – гора Стрижки или Стрижковская Сопка – 413,9 м. над у.м.). Понижение ограничено с севера извилистой долинкой ручья – левого притока Харьковки. В устьевой части ручей огибает цокольный выступ, образуя изгиб – мыс, на котором расположена стоянка Новокузнецовка 8. С южной стороны рельеф кромки понижения сформирован изгибом Харьковки в три выступа – мыса. На каждом расположены памятники, в том числе палеолитические стоянки (с юга на север) Новокузнецовка 9, Гора Раскат 6 и 5 (рис. 1).

Стоянка Гора Раскат 5. 51° 14' 27.07" С; 82° 04' 53.82" В. Высота 386 м над у.м. (около 27 м над урезом реки). Памятник расположен напротив горы Раскат (524 м над у.м.), но на противоположном левом борту долины Харьковки и в 0,9 км к ЮВВ от северо-восточной окраины с. Новокузнецовка. На цокольном мысе подтреугольной формы, выделенном двумя сухими логами, в пашне собрано 24 каменных изделия. Техника расщепления представлена первичными сколами с валунов (2), вторичными мелкими (6) и средними (3) отщепами, крупным аморфным нуклевидным изделием и нуклевидным сколом (рис.2.–2). Все артефакты имеют следы утилизации, образовавшиеся в процессе разового использования. Сколы представлены 11 экземплярами, из которых восемь пластинчатых. Один из них крупный, двусторонне ретуширован по обоим краям и имеет остаток фасетированной ударной площадки (рис.2.–1). Остальные представлены сечениями пластин средних размеров (рис.2.–9-10), проксимальными фрагментами (рис.2.–7, 8), пластинчатыми отщепами (рис.2.–6) и обушковым пластинчатым сколом (рис.2.–5). Все изделия имеют ретушную отделку участков или всего края как с дорсала, так и с вентральной стороны. Непластинчатые сколы (2) имеют крупные размеры и остатки ударных фасетированных площадок. Один модифицирован в ретушное выемчатое орудие (рис.2. – 3), второй оставлен без видимых следов обработки (рис.2.–4). Общий облик индустрии и патинирование (химические выветривание) поверхности свидетельствуют в пользу верхнепалеолитической датировки комплекса. Сырье – кремнистый сланец, роговик и зеленоватая яшма. Найденный здесь же обломок неолитического кремневого наконечника стрелы с выемчатой базой (рис.2. - 14) никаких следов химического выветривания не имеет, что подтверждает существенно большую древность основного комплекса каменных артефактов.

Поселение Гора Раскат 6. . 51° 14' 27.07" С; 82° 04' 53.82" В. Высота 386 м над у.м. (около 17 м над урезом реки). Памятник расположен на левом борту долины Харьковки в 0,66 км к ЮВ северо-восточной окраины с. Новокузнецовка на северо-восточном крае обширного цокольного мыса, плавно понижающегося к северо-западу. В пашне собрано четыре каменных изделия верхнепалеолитического облика (рис.2.–12, 13). Сырье – кремненный песчаник и роговик.

На настоящее время в долине Харьковки на протяжении 13,6 км (от устья до с. Новокузнецовка) зафиксировано уже 13 палеолитических памятников [Кунгуров А.Л., 2002; 2005 Грушин, Кунгуров, 2006]. Кроме описанных известны следующие:

1. **Усть-Харьковка 1** 51° 08' 20.95" С; 81° 59' 57.77" В. Высота 301 м над у.м. (около 5 - 7 м над урезом реки);
2. **Воронеж 3** 51° 11' 04.56" С; 82° 01' 59.38" В. Высота 337 м над у.м. (около 8 - 10 м над урезом реки);
3. **Воронеж 4** 51° 10' 57.92" С; 82° 01' 58.04" В. Высота 340 м над у.м. (около 11 - 15 м над урезом реки);

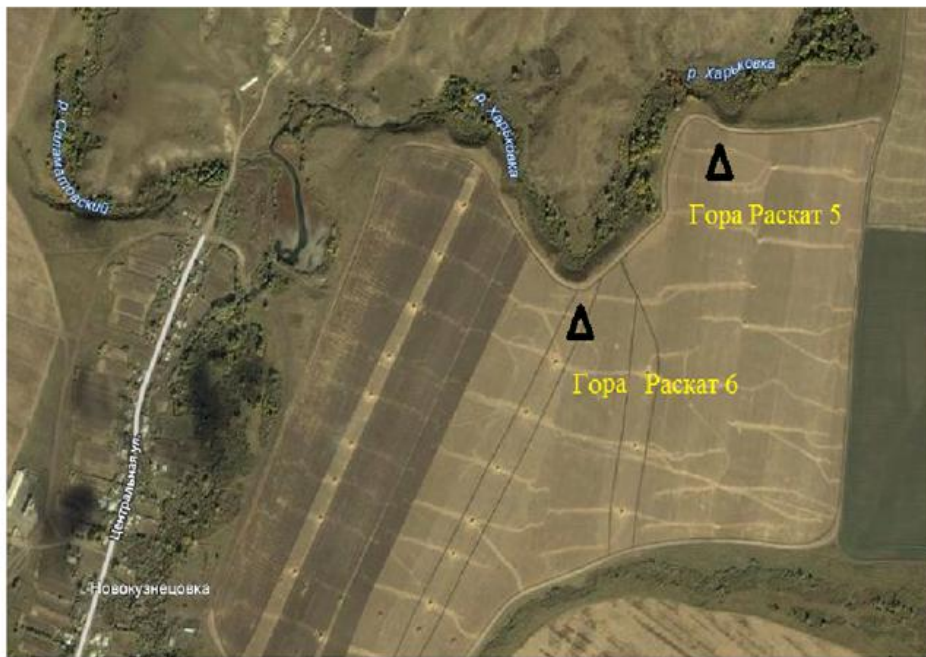
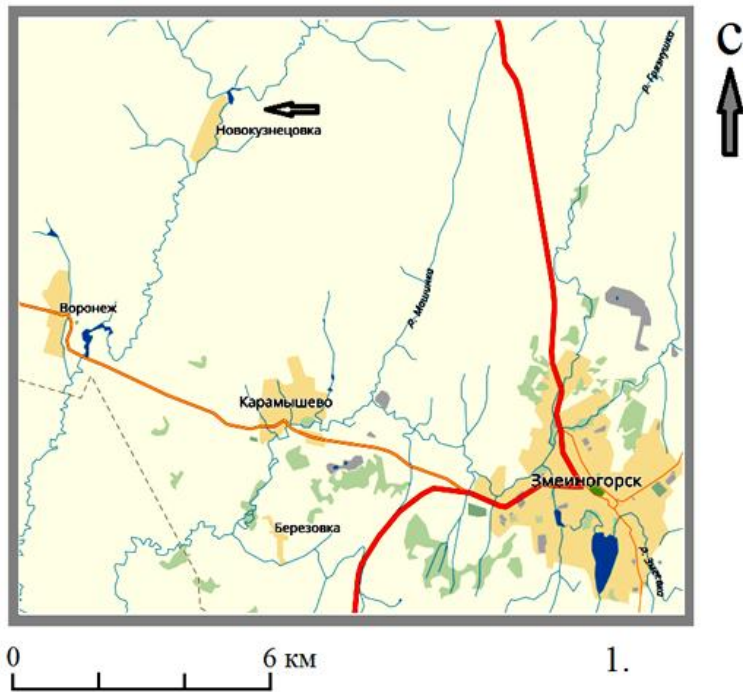
4. **Воронеж 5** 51° 10' 59.66" С; 82° 01' 38.07" В. Высота 340 м над у.м. (около 11 - 15 м над урезом реки);
5. **Воронеж 6** 51° 11' 15.48" С; 82° 01' 23.94" В. Высота 329 м над у.м. (около 9 - 10 м над урезом реки);
6. **Пасека 1** 51° 10' 53.21" С; 82° 03' 24.41" В. Высота 369 м над у.м. (около 48 м над урезом реки);
7. **Мылинские Сопки 1** 51° 12' 24.66" С; 82° 02' 08.07" В. Высота 356 м над у.м. (около 27 м над урезом реки);
8. **Новокузнецовка 3** 51° 12' 14.84" С; 82° 02' 54.92" В. Высота 338 м над у.м. (около 7 м над урезом реки);
9. **Новокузнецовка 8** 51° 13' 52.03" С; 82° 03' 56.90" В. Высота 353 м над у.м. (около 8 м над урезом реки);
10. **Новокузнецовка 9** 51° 14' 07.64" С; 82° 04' 07.58" В. Высота 355 м над у.м. (около 10 м над урезом реки);
11. **Стрижки 1** 51° 11' 53.91" С; 82° 04' 29.51" В. Высота 402 м над у.м. (около 67 м над урезом реки).

Список литературы

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники окрестностей с. Карамышево // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. – № 8 – С. 20-28.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники долины р. Харьковки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 99-103.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л. Результаты археологической разведки 2005 года в Рудном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 14-32.

2.

Рис. 1. Расположение палеолитических памятников Гора Раскат 5 и 6.

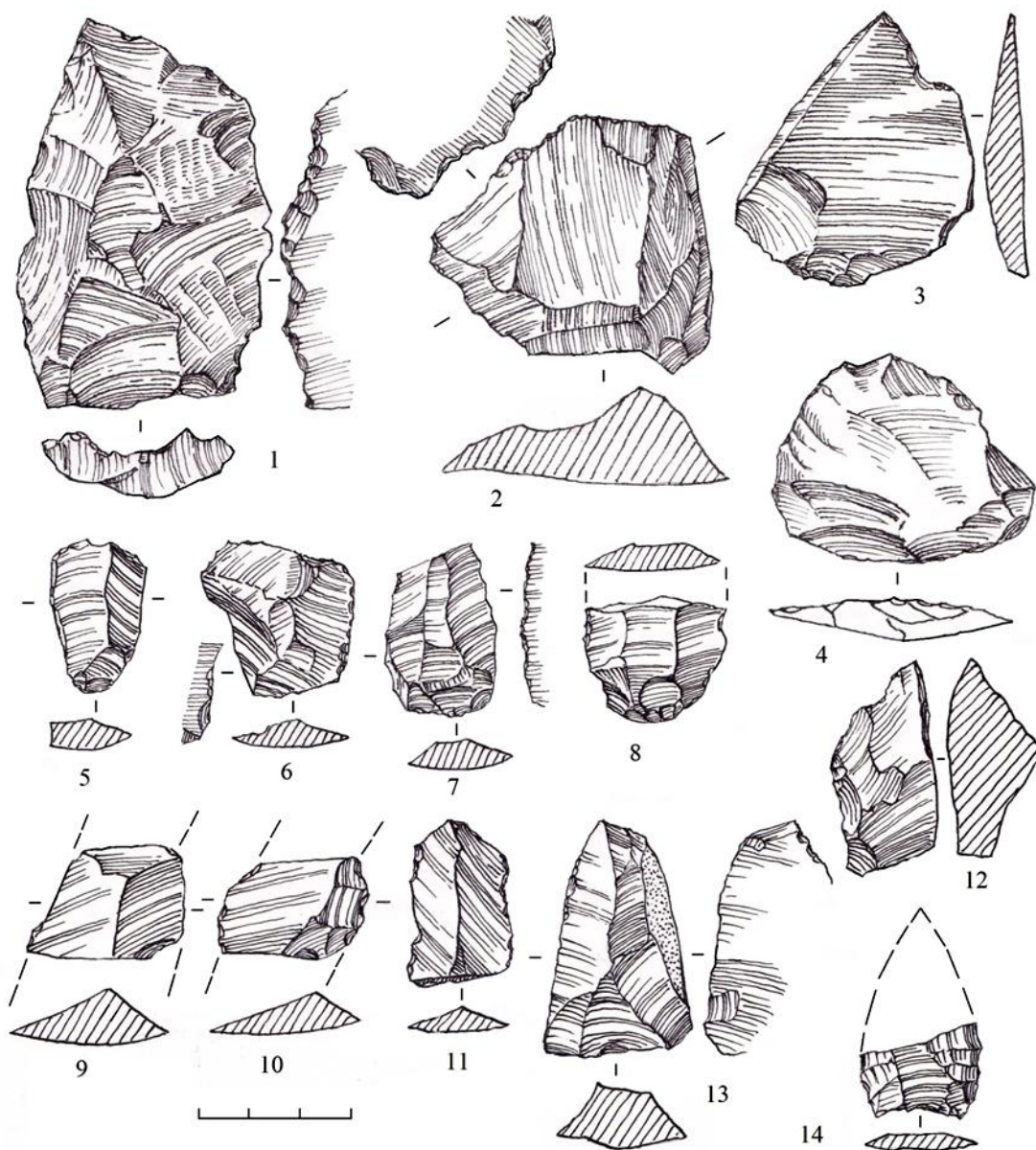

Рис. 2. Каменные изделия с памятников Гора Раскат 5 и 6.

УДК 902

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-АЛЕЙКА 2 В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

А.Л. Кунгуров

В статье представлена краткая характеристика результатов исследования материалов, накопленных в результате многолетних сборов на площади поселения. Обследованный объект – многослойное поселение Усть-Алейка 2 – один из сложных разновременных комплексов, распространенных на отрезке долины Оби, который именуется исследователями «Барнаульским Приобьем». Анализ особенностей керамиче-

ских комплексов позволил предварительно датировать их периодами раннего бронзового века, андроновской и ирменской культур, ранним железным веком и эпохой поздней древности.

Ключевые слова: скифская эпоха, ранний бронзовый век, керамика, Алтай, погребальный обряд, орнамент, датировка, периодизация.

MULTILAYERED SETTLEMENT OF UST-ALEIKA 2 IN THE ALTAI TERRITORY

A.L. Kungurov

The article gives a brief description of the results of the study of materials accumulated during the long-term gatherings on the settlement area. The examined object - the multi-layered settlement of Ust-Aleika 2 - is one of the compound multidimensional complexes, located on a segment of the Ob valley, which the researchers call the "Barnaul Priobyie". The analysis of features of ceramic complexes allowed to preliminary date them by the periods of the Early Bronze Age, Andronovskaya culture and Irmen culture, the early Iron Age and the Era of Late Antiquity.

Key words: Scythian time, early Bronze Age, ceramics, Altai, funeral rite, ornament, dating, periodization.

Поселение Усть-Алейка 2 как археологический памятник было документировано в 1978 г. во время археологической разведки В.Б. Бородаева [Бородаев, Кунгуров, 1980]. В указанной статье обследованная территория в окрестностях с. Усть-Алейка не описана из-за ограничения в тот период времени объема публикации [Кунгуров, Сингаевский, 2006]. Усть-Алейка 2 расположена на мысе, являющемся участком левого борта долины р.Алея, образованном изгибом реки и ориентирован округлым выступом-окончанием на юг (координаты 52°49'17.14" с. ш. 83°33'30.21" в. д., высота 153 м над у.м., 16 м над урезом воды). Край мыса, имеющего размеры около 110 м с севера на юг и около 300 м с запада на восток, полого спускаются к поверхности пойменной террасы Алея (высота 138 м над у.м., около 1 м над урезом воды). С севера к объекту примыкают сады с. Усть-Алейка. Вдоль садов проходит грунтовая дорога из села, расположенного в 0,8 км к северо-востоку. В центральной части мыса ранее располагалось здание склада, сейчас представленное только остатками фундамента и разрушениями от подъездных путей.

Рыхлые отложения участка левобережья р. Алея представлены субаэральными отложениями среднего отдела четвертичного периода – лессовые суглинки и супеси с горизонтами погребенных почв. Особенностью описываемого региона является расположение в устьевой зоне р. Алей (левый приток Оби, длина водотока 858 км) [Государственный водный реестр]. Слияние с Обью и ее поймой в данном месте образуют обширную пойменную (низинную) слабодренированную луговую равнину с большим объемом биоресурсов. По физико-географическому районированию местность входит в Нижнеалейский район Приобской левобережной подпровинции Верхнеобской провинции Западно-Сибирской страны. Левый борт долины р. Алей характеризуется низким дренированным (неоэлювиальным) степным ландшафтом. Для него характерны плосковолнистые лессовые древнеаллювиальные равнины и террасы с богаторазнотравно-ковыльными степями на выщелоченных обыкновенных черноземах [Алтайский край. Атлас... с. 149-151] (рис. 1).

Все материалы памятника представлены сборами в разрушениях мыса, осыпях берега и небольших размывах. Основная часть материалов собрана во время плановой разведки 1978 года. Часть коллекции с Усть-Алейки 2 была найдена в 70-х годах С.В. Неверовым. Раскопки памятника не проводились.

Ранний комплекс (рис. 2. – 1-11) представлен кроме обломков 12 сосудов слабо-профилированной закрытой баночной формы (рис. 2. – 13) двусторонне обработанным скребком (рис. 2. – 12). Скребок изготовлен из кварцитового пластинчатого скола. Рабочий край высокой формы размещен на левой кромке скола и сформирован обивкой и мелкой регулярной притупляющей ретушью. Противоположный край и дорсальная поверхность оббиты. При этом правый край оббит еще и с вентрала, возможно, для закрепления в рукояти. Облик изделия достаточно архаичен и, возможно, артефакт несколько древнее керамики.

Сосуды украшены оттисками гребенчатого штампа, образующего наклонные ряды (рис. 2. – 1, 2), вертикальные оттиски, образующие параллельные ленты (рис. 2. – 7) и горизонтальные линии (рис. 2. – 4, 5, 8, 10). Иногда фрагменты украшены «семечковидными» (рис. 2. – 3) и овальными оттисками гладкого штампа (рис. 2. – 11, 13). Орнаментальные ленты могут быть разделены ямками, образующими жемчужины на внутренней стороне сосудов (рис. 2. – 4, 9, 10, 11, 13). На всех фрагментах изнутри имеются оттиски технического характера. Точная идентификация хронологии и культурной принадлежности комплекса затруднена небольшой выборкой материала. Орнаментация, форма и характер керамического теста наиболее близки специфике посуде раннего бронзового века [Кирюшин, Семибратов, Грушин, 2005].

Следующий по времени керамический комплекс представлен фрагментами около 30 сосудов и относится к андроновской культуре (рис. 3; 4. – 1-13). Пять обломков принадлежат горшкам с геометрическим орнаментом, нанесенным мелзкозубчатым штампом. К специфике данных изделий можно отнести наличие на шейке сосудов одинарных каннелюров, играющих роль разделительных орнаментальных элементов (рис. 3. – 1-5). Остальные фрагменты принадлежат сосудам различных размеров баночной формы. Орнамент представлен горизонтальным зигзагом из трех-четырех оттисков гладкого штампа (рис. 3. – 12, 17, 18; 4. – 1, 6, 9). В нескольких случаях горизонтальный зигзаг дополнен «семечковидными» и овальными оттисками (рис. 3. – 6, 11, 15). Присутствует группа банок, украшенных рядами вертикальных «семечковидных» оттисков (рис. 3. – 8-10, 13, 14; 4. – 2, 4, 5, 6), иногда дополненных горизонтальными линиями (рис. 3. – 9; 4. – 7, 8, 10-12) или каннелюрами (рис. 3. – 16).

Три фрагмента керамики датируются поздним бронзовым веком и относятся, видимо, к ирменской культуре. Сосуды представляют собой слабопрофилированные горшки, украшенные оттисками гладкого штампа. На одном фрагменте линии сеточки разделены рядом круглых оттисков по шейке (рис. 2. – 14). На обломках других сосудов плоскости с орнаментом утеряны, но оставшиеся следы свидетельствуют о геометрическом характере орнаментации (рис. 2. – 15, 16).

Период раннего железного века представлен образцами керамики более раннего (два) и более позднего времени (11). Первая немногочисленная группа – венчики профилированных сосудов с отогнутыми наружу кромками. Один фрагмент баночного сосуда закрытой формы имеет на внутренней стороне отогнутого венчика оттиски зубчатого штампа, образующие волнистый абрис кромки (рис. 4. – 18). Под линией сгиба кромки венчика нанесена рельефная линия треугольных оттисков штампа «уголок лопатки». Ниже нее расположена строка жемчужника с разделителем (вертикальные насечки), под ней по плечикам сосуда размещена еще одна линия треугольных оттисков. Второй сосуд представляет собой закрытой формы крупную банку с отогнутым наружу венчиком, под сгибом которого расположена строка близко посаженных ямок с «обрат-

ными жемчужинами» (рис. 4. – 17). Ниже расположена орнаментация из отрывистых параллельных прочерченных линий, пересеченных отпечатками горизонтальной качалки.

Керамика расцвета раннего железного века представлена обломками баночных сосудов закрытой формы. Орнамент, в основном, представлен рядами жемчужника (рис. 4. – 15, 20), жемчужника с разделителем в виде вертикальной насечки (рис. 4. – 14, 19) или зубчатых отпечатков (рис. 5. – 4, 6). Присутствуют также отпечатки различных форм (рис. 5. – 3, 4) и обломки сосудов без орнамента (рис. 5. – 2, 5).

Восемь фрагментов керамики, орнаментированных вертикальными и наклонными отпечатками гребенчатого штампа, иногда разделенными ямками, образующими «обратные» жемчужины (рис. 5. – 7-17). Система орнаментации и профилировка сосудов, в том числе украшение среза кромки венчика, характерна для кулайской культуры периода поздней древности [Кунгуров, 2001].

Одним экземпляром представлен обломок костяного изделия, напоминающий фрагмент «керамического» орнамента (рис. 5. – 1).

Усть-Алейка 2 как многослойный памятник является срезом периода освоения человеком данного региона, начиная с завершения каменного века и до начала средневековья [Кунгуров, Фролов, 1996; Тишкин., Кунгуров, Семибратов, 2005].

Список литературы

Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С.73-92.

Государственный водный реестр // <http://www.textual.ru/gvr/>

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Грушин С.П. Новый могильник елунинской культуры в Верхнем Приобье // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Том 2. – Новосибирск, 2005. – с.68-72.

Кунгуров А.Л. Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001. – С.54-Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Памятники раннего железного века в устьевой зоне р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – Вып. XV. – С.255-260.

Кунгуров А.Л., Фролов, Я.В. Погребения раннего железного века в районе с.Усть-Алейка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – Вып. VII. – С.123-127.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Аварийный памятник Усть-Алейка Клуб в Калманском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С.189-196.

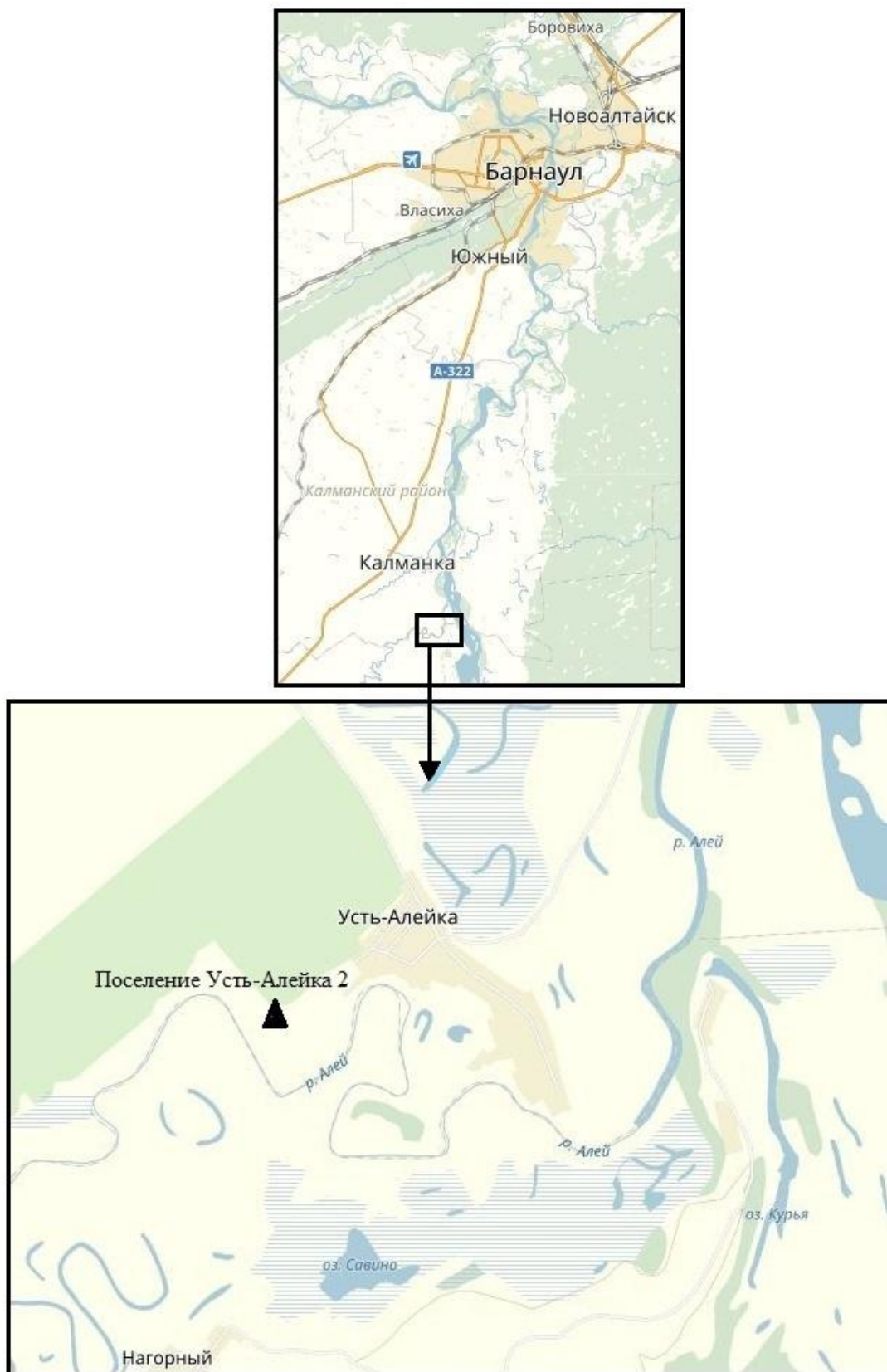

Рис. 1. Расположение многослойного поселения Усть-Алейка 2.

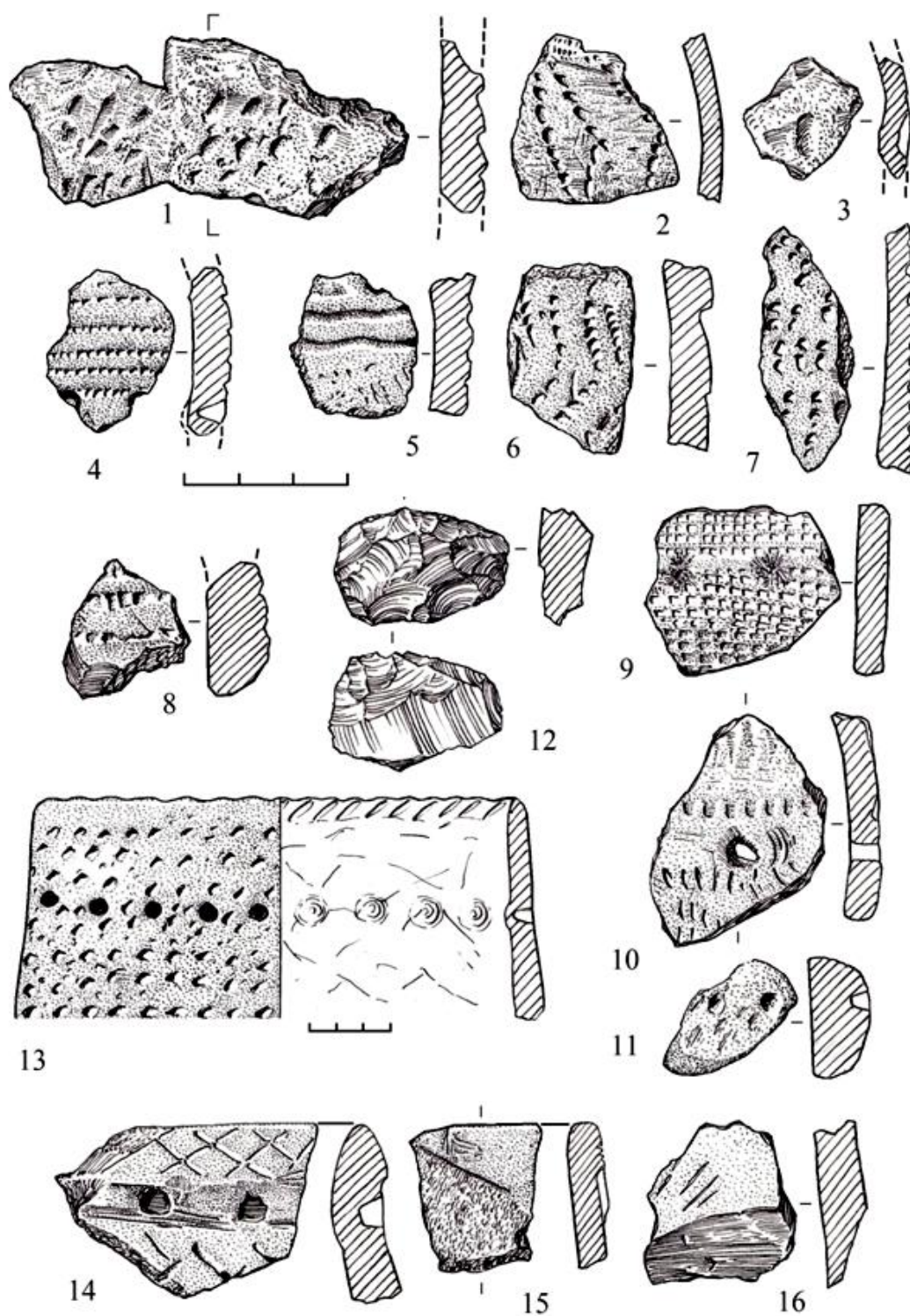

Рис. 2. Поселение Усть-Алейка 2. Материалы раннего комплекса

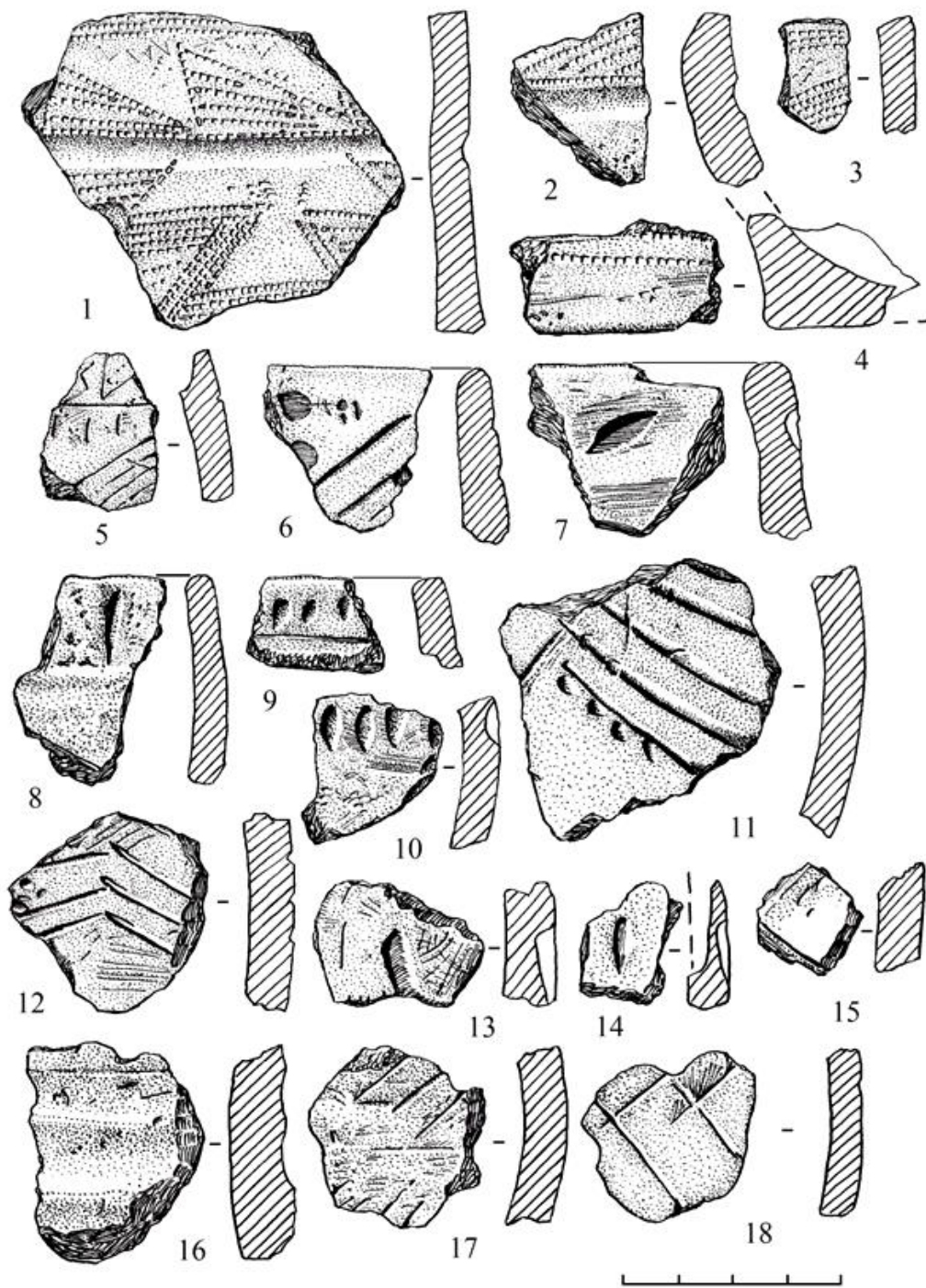

Рис. 3. Поселение Усть-Алейка 2. Керамика андроновской культуры.

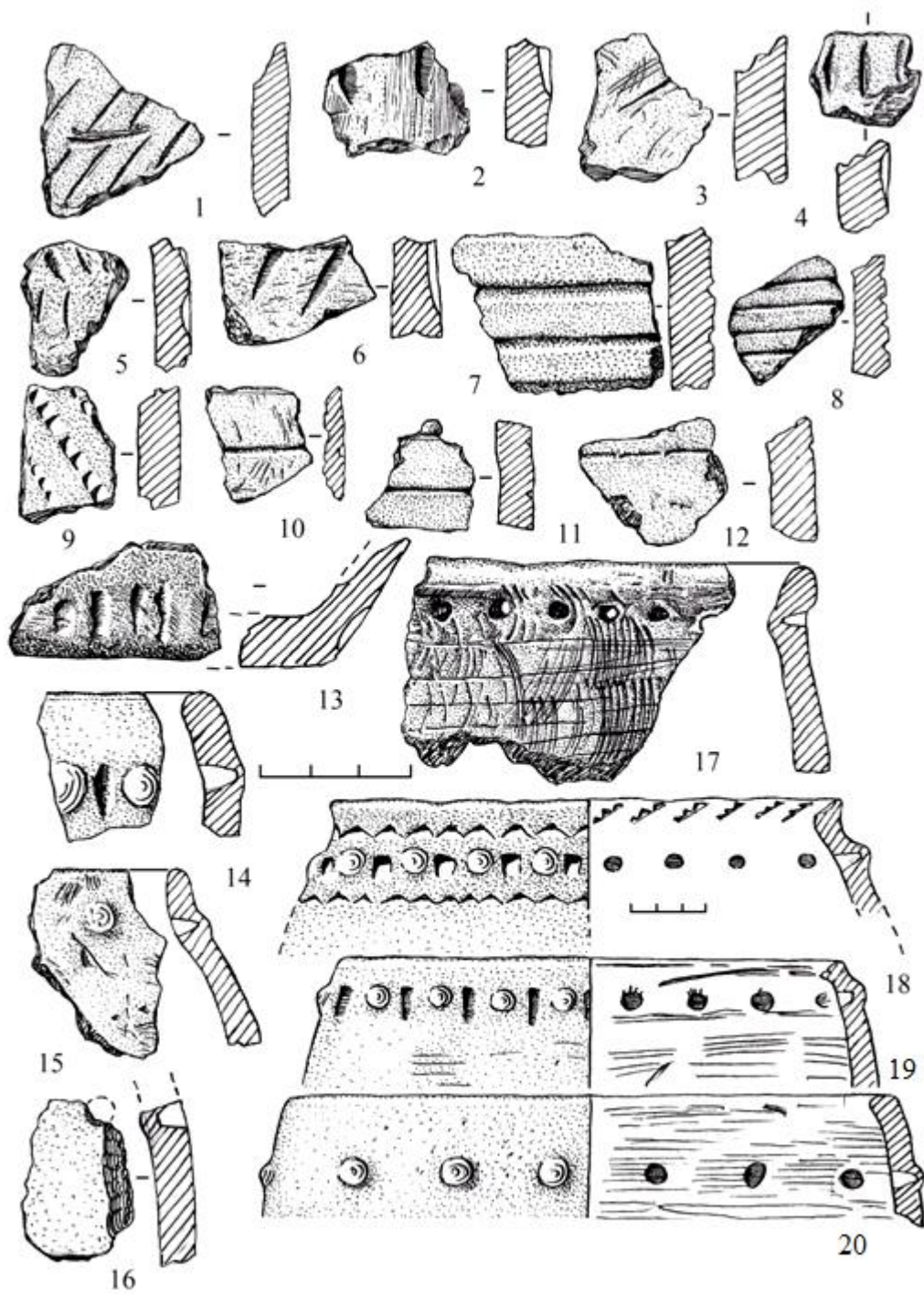

Рис. 4. Поселение Усть-Алейка 2.

Керамика бронзового (1 - 13) и раннего железного веков.

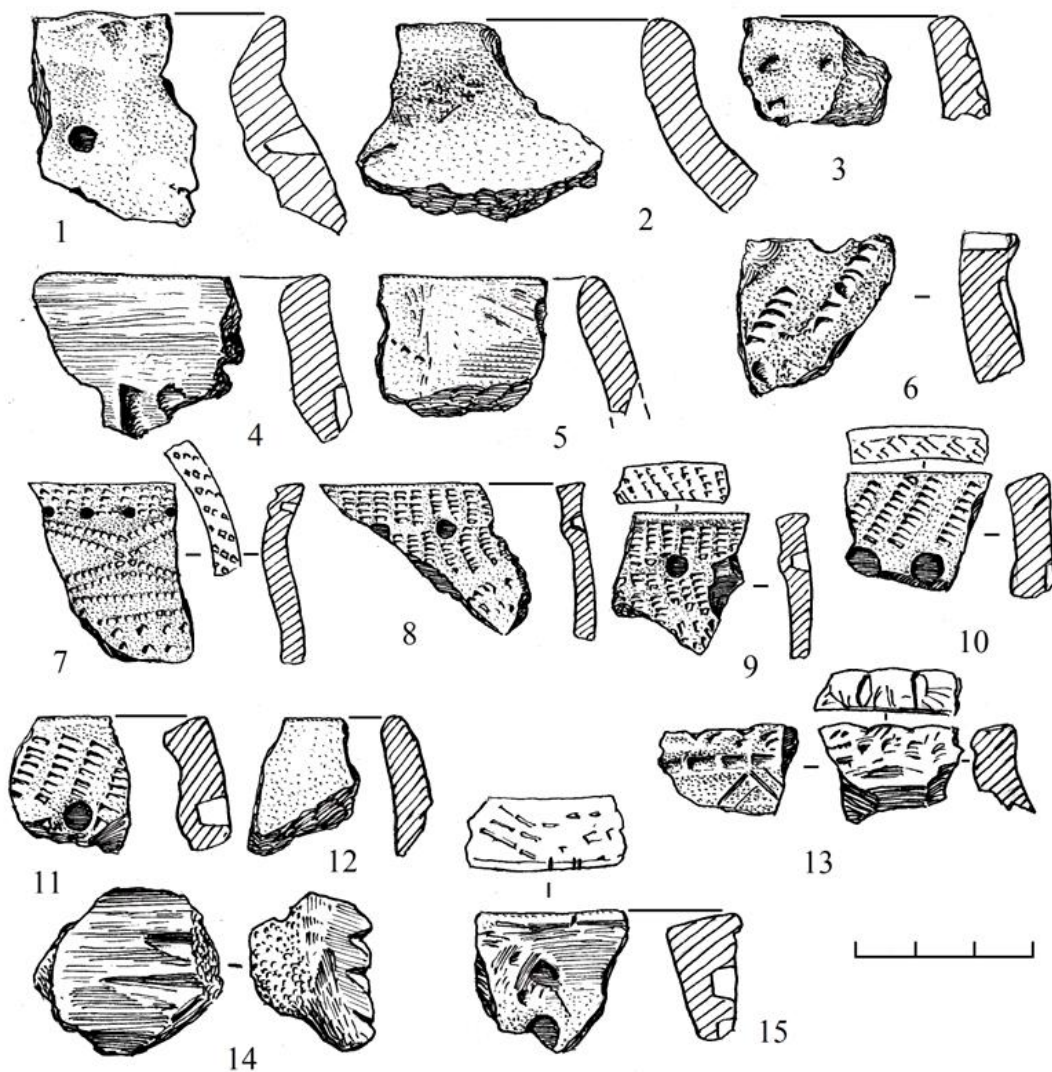

Рис. 5. Поселение Усть-Алейка 2. Керамика периода поздней древности и обломок костяного изделия.

УДК 902/904

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ПАЗЫРЫКЦЕВ И ДРЕВНИХ ТЮРОК НА АЛТАЕ

Марсадолов Л.С.

В статье комплексно рассматриваются данные археологии, антропологии и лингвистики о предшественниках древних тюрок на Алтае. Абсолютные даты и археологические материалы свидетельствуют о больших качественных и количественных изменениях в Алтайском регионе в VI в. до н.э.

Ключевые слова: Алтай, Анатолия, комплексный подход, археология, антропология, лингвистика, киммерийцы, пазырыкцы, древние тюрки

ABOUT THE ETHNOGENESIS OF PAZYRYK'S PEOPLE AND OLD TURKS ON ALTAI

Marsadolov L.S.

The article comprehensively explore the data of archeology, anthropology and linguistics about the predecessors of the Old Turks on Altai. Absolute dates and archaeological materials indicate large qualitative and quantitative changes on the Altai region in the 6-th century BC.

Key words: Altai, Anatolia, complex approach, archaeology, anthropology, linguistics, Cimmerians, Pazyryk's people, Old Turks,

Введение. Большинство учёных относят возникновение древнетюркской культуры и этноса ко 2-й половине V века н.э. и связывают с переселением в 460 году на Алтай племени «ашина». В последние десятилетия появились новые материалы, комплексно позволяющие глубже осознать причины, направления культурно-исторических связей и этнических взаимодействий, детальный анализ которых позволяет сделать выводы [Марсадолов, 1997-2012], что истоки этногенеза древнетюркской культуры народов Саяно-Алтая и, вероятно, других регионов Евразии, можно начинать на тысячу лет раньше, чем это принято сейчас.

Археологические и письменные источники. В зависимости от разработанности хронологических шкал в разных регионах Евразии в дальнейшем можно будет произвести более дифференцированный анализ памятников VIII, затем VII, VI веков до н.э. и т.д. Из анализа письменных источников, и используя картографирование мест расположения больших курганов Евразии, можно отметить, что ситуация в Евразии существенно менялась (рис. 1: 1-3). Если в IX-VII вв. до н.э. восточные кочевники в основном нападали на своих богатых, но ослабевших оседлых соседей, то в VI-V вв. до н.э. кочевники оборонялись от мощной ахеменидской державы, служили наёмниками в Персии и Греции, обустроивали свои внутренние владения и т.д.

Ко времени наивысшего могущества кочевников в VII в. до н.э. относятся богатые погребения и в районах «заграничных военных лагерей» – *киммерийцев* в Гордионе (Анатолия, Турция) и *скифов* – в Зивие и Хасанлу (Иран). Именно на территории Анатолии можно найти прототипы таких предметов как кольчатые удила, стоящие курильницы, а также прототипы изображениям сфинкса, сценам терзания хищником копытных животных, которые неизвестны ранее в степных культурах Евразии, но «неожиданно» появляются в восточных регионах в VIII-V вв. до н.э. [Марсадолов, 2006; Kohler, 1995; Young, 1981].

В начале VI вв. до н.э. царь Лидии Алиатт «изгнал киммерийцев из Азии» (Геродот, I, 16). Слово «изгнал» не свидетельствует о том, что киммерийцы были полностью уничтожены. Скорее это значит, что они куда-то ушли из Передней Азии.

Вероятно, по мере накопления археологических материалов может быть поставлен вопрос о дальнейшей судьбе киммерийцев после их изгнания, т.к. *скифы ушли на лево, на запад, а киммерийцы – направо, на восток* (рис. 1: 3), где частично слились с сакскими и местными племенами [Марсадолов, 2004; 2010].

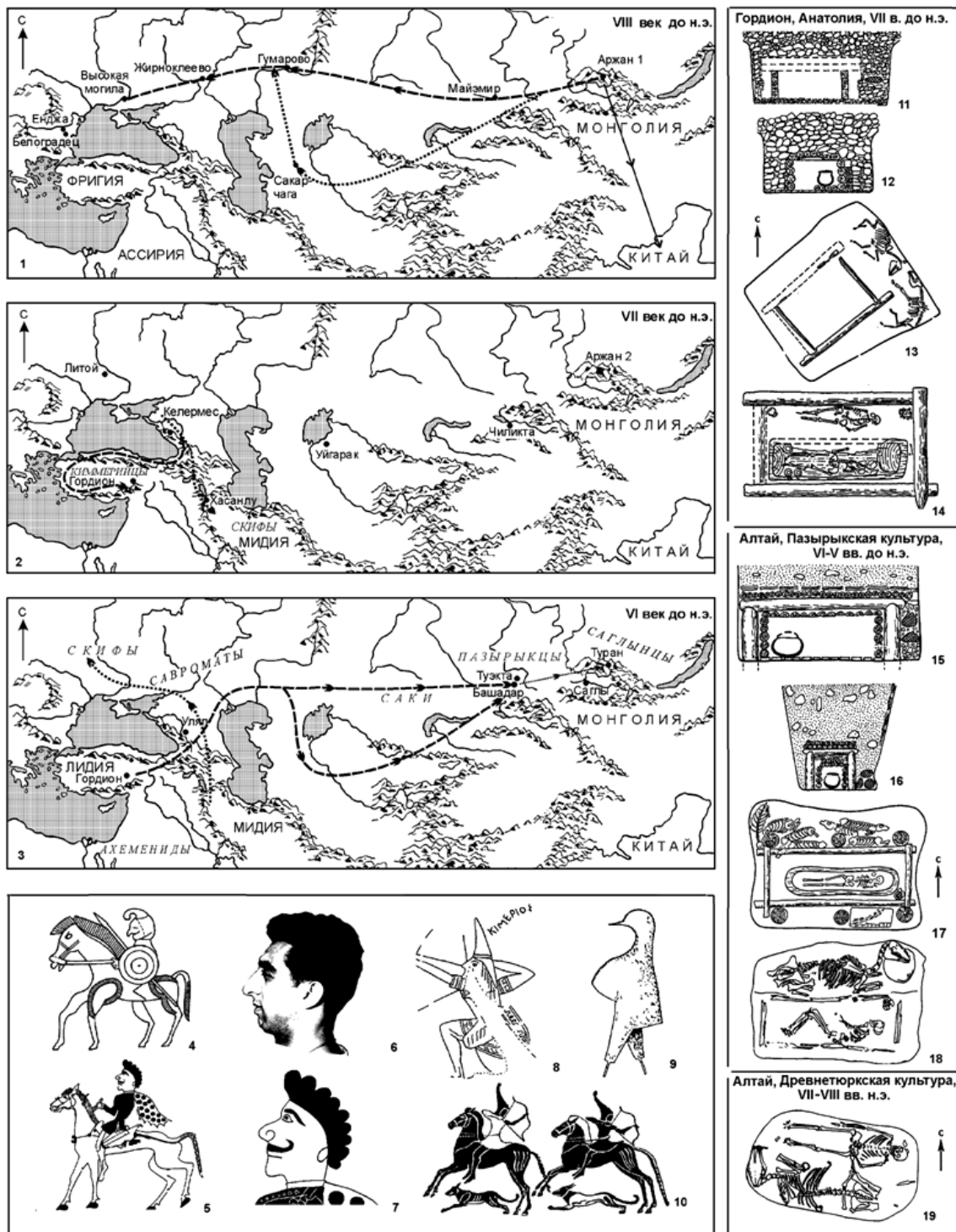

Рис. 1. Сопоставление материалов разных исторических периодов с территории Евразии: 1-3 – карты-схемы изменений и основных миграций кочевников на территории Евразии в VIII-VI вв. до н.э.; 4 – всадник из Гордиона, Анатолия; 5 – всадник из Пазырыка-5, Алтай (V в. до н.э.); 6 – современная фотография турка; 7 – прорисовка головы всадника на войлочном ковре (5); 8, 10 – изображения киммерийцев на греческих вазах (VI в. до н.э.); 9 – войлочный шлем, Верх-Кальджин, Алтай (V в. до н.э.); 11-19 – деревянные погребальные камеры и погребения человека с конём: 11-14 – из Гордиона, Турция (VII в. до н.э.); 15-18 – большие и малые курганы Алтая (пазырыкская культура, VI-V вв. до н.э.); 19 – Катанда-3, курган 16 (древнетюркская культура Алтая, VII-VIII вв. н.э.)

Памятники древних кочевников Анатолии, Саяно-Алтая и Кавказа расположены в близкой горно-степной зоне. Во 2-й пол. VII–начале VI вв. до н.э. в Казахстане и на Саяно-Алтае наблюдается всплеск предметов с «киммерийской символикой» и уздечных наборов с архаичными чертами, имеющими прототипы на Кавказе и в Европе. Внезапное появление множества инноваций на Алтае может быть объяснено приходом туда в конце VII или начале VI в. до н.э. новых групп кочевников из Передней Азии и Кавказа [Марсадолов, 1997, 2006]. Возможно, в конце VI в. до н.э. «импульс» из восточных областей, в том числе и с Алтая или соседних с ним регионов, способствовал изменениям в материальной культуре и в этническом составе Европейской Скифии (рис. 1: 3). Многие образы зверей, птиц, сцен борьбы, орнаментальных мотивов из курганов Туэкта-1 и Башадар-2 на Алтае больше тяготеют к ассирийскому и фригийскому влиянию VII–начала VI вв. до н.э., а из Пазырыкских курганов V в. до н.э. – к ахеменидскому искусству (рис. 2: 9-17) [Руденко, 1960; Марсадолов, 2006, 2010].

События греко-персидской войны (500-449 гг. до н.э.) оказали значительное влияние на евразийские племена, частично в них вовлечённые. Наступили периоды нестабильности обстановки в ахеменидской державе и других регионах. С начала 440-х годов обострилась политическая обстановка в Китае, началась долгая междоусобная борьба между различными княжествами, что привело к ослаблению торговых связей и уходу в Китай части кочевников, в том числе и пазырыкцев. Новый период в истории Евразии связан с походами Александра Македонского и его наместников в Малую и Среднюю Азию, Индию, в Скифию, что, несомненно, вызвало большие перемещения целых народов и отдельных племён после 330-320 годов до н.э. Постепенно кочевой мир Евразии со II в. до н.э. перешёл на новый виток своего развития, связанный с усилением хуннов на востоке. Вероятно, под давлением хуннов и других народов в III-I вв. до н.э. часть пазырыкцев Алтая переселилась в горные районы Восточного Туркестана (Синьцзяна), откуда около 460 г. н.э. вновь возвратилась на Алтай.

В середине VI в. империя жуань-жуаней рухнула под ударами тюрков, а на ее обломках возник I-й Тюркский каганат (552–630 гг.), постепенно объединивший большое количество разноэтничных племен Саяно-Алтая и Центральной Азии. Успешные военные походы и гибкая политическая дипломатия этой державы способствовали существенному расширению территории. В результате Тюркский каганат включился в систему политических, военных, экономических и сакральных отношений крупных государств того времени, умело контролируя торговый путь, связывающий Восток с Западом. Начался новый виток в сложной этнической истории тюркских народов.

Антропология и генетика. Антропологи пришли к выводу о большом сходстве пазырыкцев Алтая со скотоводческим «населением северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии» [Чижишева, 2010].

Генетики вначале отметили сходство пазырыкцев Алтая и селькупов на Оби. Но, судя по данным письменных источников и этнографии, селькупы достоверно зафиксированы только с XVII века, т.е. на тысячу лет после древнетюркских народов Алтая или на две тысячи лет после пазырыкцев. Как-то почти незамеченным прошёл другой вывод генетиков, о том, что пазырыкцы с таким же уровнем достоверности могут быть сопоставлены не только с поздними селькупами, но и с турками-тюрками. Наиболее ярко антропологический тип такого представителя «кавказско-переднеазиатского» облика можно видеть на большом войлочном ковре из кургана Пазырык-5, в изображении воина с крупным носом, лихо закрученными усами, курчавыми волосами, на высокопородистом тонконогом скакуне, перед сидящей на троне переднеазиатской по облику богиней (конец V в. до н.э.; рис. 1: 5 и 7, сравни с рис. 1: 6). Многие археологи считают этот войлочный ковёр изделием местного производства, который из-за огромных размеров весьма трудно перевезти на большие расстояния. Изображения воина на коне из

Пазырыка-5 и из Гордиона весьма близки по многим стилистическим признакам, особенно по деталям оформления гривы, хвоста и ног их коней (рис. 1: 4). На голове воина из Гордиона надет шлем с загнутой вперёд верхней частью. Близкие по форме войлочные шлемы были найдены и на Алтае в могильниках Ак-Алаха I и Верх-Кальджин II, относящихся к V в. до н.э. (рис. 1: 9) [Полосьмак, 1994]. По более ранним греческим изображениям VI в. до н.э. известно, что такие шлемы носили киммерийские воины, о чём свидетельствует надпись, находящаяся рядом с лучником (рис. 1: 8, 10).

Результатом новейших генетических исследований антропологических материалов древних кочевников Евразии международной группой палеогенетиков и археологов в 2014-16 гг. является вывод, что имеется определенное генетическое сходство восточных кочевников скифского времени с более поздним во времени кочевым тюркоязычным населением [Unterlander ..., 2017]. Выводы антропологов и генетиков подтвердили ранее сделанные выводы по данным археологии [Марсадалов, 1997-2012].

Рунология. Среди учёных пока нет единого мнения об истоках и эволюции рунической письменности народов Центральной Азии. Гордион в Анатолии (Турция) лежит в долине реки Сакарья (Sakarya), что, возможно, связано с этнонимом «saka» – саки. В более поздних вавилонских текстах VI-V вв. до н.э., довольно часто встречается этноним киммерийцы («гимирри»), который, судя по параллельным вариантам ахеменидских надписей, соответствовал кочевникам – «сакам» [Дандамаев, Луконин, 1980].

Напомним, что в VIII-VII вв. до н.э. в соседних с Анатолией государствах были свои системы письма: в Египте и Китае – иероглифы, а в Ассирии и Урарту – клинопись. Эти алфавиты не прижились у кочевников Евразии. У кочевников-саков Казахстана, в большом кургане Иссык, относящемся к V-IV вв. до н.э., была найдена чаша с арамейской или «проторунической» надписью (рис. 2: 8) [Акишев, 1978 и др.]. На территории Анатолии, в том числе и в Гордионе, на предметах из разных материалов были обнаружены многочисленные надписи, алфавит которых может рассматриваться как праоснова для ряда письменных систем, в том числе и для древнетюркской руники (рис. 2: 3, 5-7).

Особо интересна в Гордионе надпись «АТА», написанная древнефригийски-ми/греческими или проторуническими буквами в верхней лицевой части бронзового сосуда (рис. 2: 3а). Эту надпись, найденную в гигантском кургане-тумулусе «ММ», воздвигнутом во 2-й пол. VIII в. до н.э., вероятно, можно перевести с тюркского языка как «АТА = ОТЕЦ». В этом гигантском кургане, диаметром 350 м и высотой 50 м, в камере с двойным деревянным срубом, в колоде был погребён мужчина старческого возраста (рис. 2: 1-2), положенный головой на восток (как и в более поздних по времени пазырыкских и древнетюркских курганах Алтая – рис. 1: 11-19). Не исключено, что погребённый в этом кургане мог быть одним из «Отцов» пратюркского этноса, что можно было бы подтвердить или отвергнуть в ходе новых тщательных генетических экспертиз останков людей из курганов Гордиона в Турции, Кавказа, пазырыкской культуры Алтая и древних тюрков Саяно-Алтая.

На греческом языке имя скифского царя скифов «Атей» пишется как «Ατῆας», но на монетах царя Атея (рис. 2: 4) [Анохин, 1965] оно написано иначе – «ΑΤΑΙΑΖ» (Ата – отец, Ι – соединяющая частица, Αз/Αс –ов), что в целом можно читать, как «ΑΤΑΙΑΖ» = «Отец Αз/Αс-ов». Этнонимы «ас» встречаются не только на Кавказе, но и в других регионах Евразии. Другие ученые считают, что «Ат» по-тюркски «конь» или «стрелять», а «Аттылы = человек с конём или всадник = Конник», что сближает его с изображением конного всадника с луком на монете царя Атея (рис. 2: 4). Слово «Α : Τ» также с тюркского языка переводится как «слава, известность» [Севортян, 1974]. Только самые выдающиеся, опытные и уважаемые правители древности и современности получали почётное имя «Ата» = «Отец». XX век – ΑΤΑΤURK – «Отец турок» в Турции.

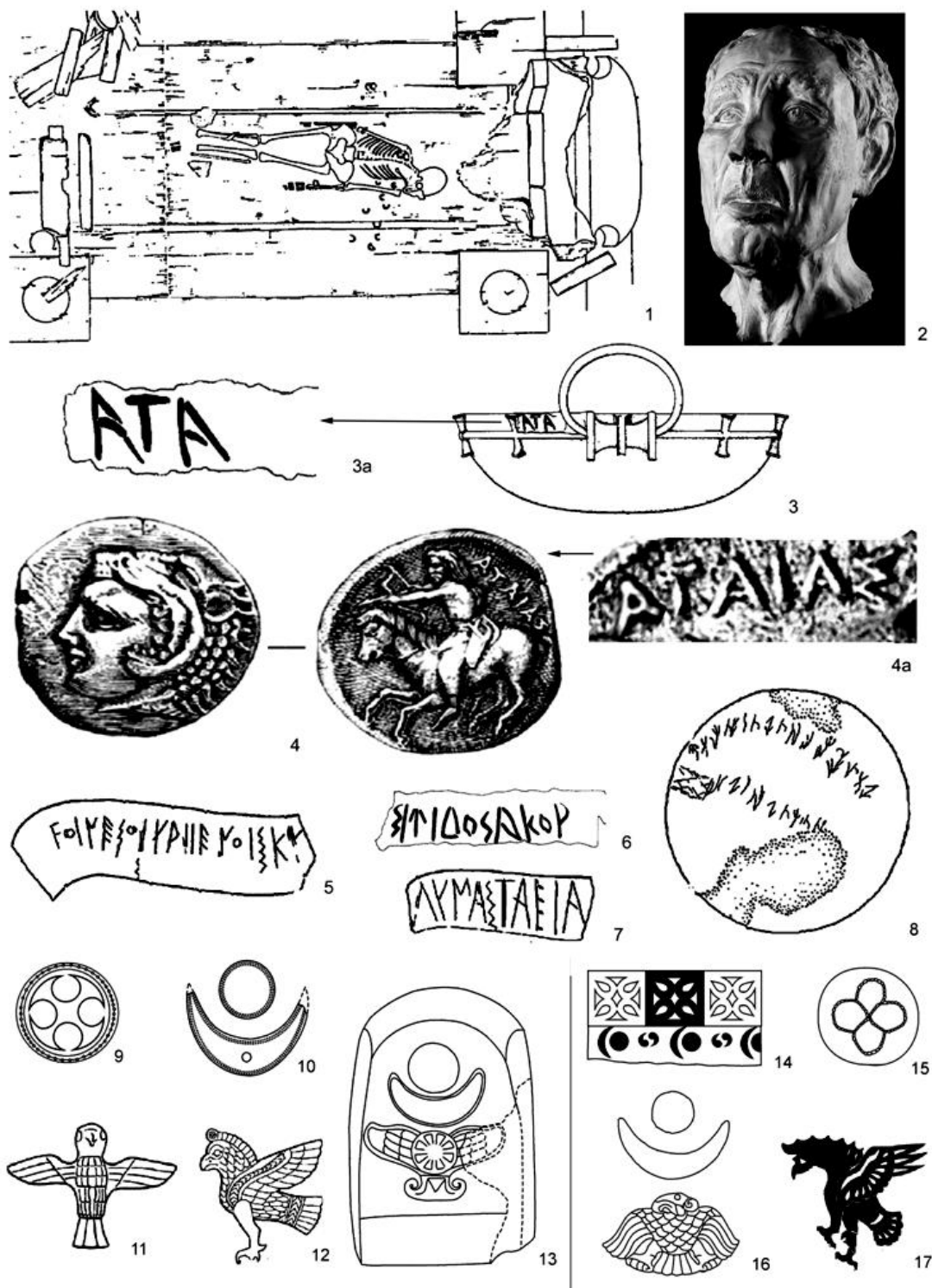

Рис. 2. Материалы из курганов вождей кочевников Евразии: 1 – центральное погребение вождя в деревянной колоде, курган-тумулюс «ММ», Гордион, Турция (2-я пол. VIII в. до н.э.); 2 – реконструкция облика вождя из кургана «ММ»; 3, 5-7 – надписи на предметах из Гордиона (3а – слово «АТА» = «Отец»); 4 – монета скифского царя Атея, IV в. до н.э. (4а – надпись на монете – АТАΙΑΖ = «Отец Аз/Ас-ов»); 8 – надпись на дне серебряной чаши из кургана Иссык, Казахстан (V-IV вв. до н.э.); 9-13 – материалы из Гордиона и Анатолии (VIII-VII вв. до н.э.); 14-17 – материалы из больших курганов Алтая (VI-V вв. до н.э.): 14, 16 – Башадар-2; 17 – Пазырык-2

Об этнониме «киммерийцы». Учёные предложили несколько вариантов этимологии термина «киммерийцы»:

- *χειμέριοι* – «зимние» (с греческого), *katar* – «тёмные» (с фракийского);
- *gamara-*, *gmira* – «подвижный отряд» (с иранского) [Дьяконов, 1981];
- *кам/гам* и «*ер*» – шаманистические понятия и инструменты (с тюркских языков) [Гасанов, 2002].

По мнению автора статьи, наиболее вероятно этимология «киммерийцы» от «*ketar-*, *kimer-*» = «гора» = «кимер»-ийцы = «горцы». Позднее «горцами» называли ряд народов Кавказа, а в Турции – город Кемерли; Гамирк – армянское название Каппадокии, где много гор и отмечено пребывание киммерийцев и т.д. В грузинском языке *гмири* означает «богатырь», «герой», «исполин», а в осетинском *gumîr* – «великан», который живёт на горах.

У многих народов горы ассоциируются:

- с большим, мощным/богатырским, высоким (*гмири*, *gumîr* – «богатырь», «великан»);
- снежным (зимним), водным (тюркское *кем/хем* – вода, *χειμέριοι* – «зимние»);
- сакральным, шаманским, таинственным/тёмным (тюркское *кам/гам* – шаман; *катар* – «тёмный», с фракийского).

Термин «Горцы» объединяет многие версии, ранее предложенные разными учеными. Этноним «киммерийцы» в древнетюркское время, вероятно, трансформировался на Алтае и в Казахстане в этнос «кимаки», т.к. погребальные обряды пазырыкцев и кимаков близки между собой. В дальнейшем необходима более детальная лингвистическая проработка термина «киммерийцы» и киммерийской символики в территориальном, хронологическом и семантическом аспектах.

Заключение. Часть киммерийцев могла принадлежать и к коренным народам Саяно-Алтая, ушедших в военные походы на запад, а затем опять вернувшихся на Алтай (рис. 1: 1-3). Для более достоверных выводов об этнокультурном сходстве населения Саяно-Алтая, Кавказа и Анатолии необходимы дальнейшие многогранные исследования, ведь тогда истоки древнетюркской культуры могут быть удревнены до VIII-VI вв. до н.э., т.е. гораздо раньше, чем принято в современной научной литературе.

Нужны новые обобщающие коллективные и индивидуальные научные и научно-популярные издания, объединяющие широкий круг разнообразных источников для реконструкции ранних этапов древнетюркского этногенеза и письменности. Не умаляя военных заслуг кочевников, необходимо более углублённо изучить проблемы, связанные с тем, что не только в оседлых цивилизациях, но и у кочевых народов Евразии в древности были свои выдающиеся политики, религиозные деятели, воины, мудрецы, зодчие и мастера-художники, прямо или косвенно влиявшие на ход мировой истории. Есть много данных о том, что, например, тенгрианство как религиозно-мировоззренческое учение сложилось не в древнетюркское, а в раннескифское время и было гораздо сложнее, чем ранее предполагалось.

Главное достоинство суммы древнего знания в том, что оно было более целостным, гармоничным, духовно-природным, а не раздробленным, как в современности. В целом комплексное изучение археологических объектов из разных регионов Евразии будет способствовать более глубокому познанию и систематизации общих культурных ценностей, исторических памятников, а также детальному исследованию ранних этапов этногенеза древнетюркских народов.

Список литературы

1. *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
2. *Анохин В.А.* Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. Том 2. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 3-15
3. *Гасанов З.* Царские скифы. – Нью-Йорк: Liberty Publishing House, 2002. – 486 с.
4. *Геродот.* История в девяти книгах. – М.: Наука, 1993. – 600 с.
5. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. – М.: Восточная литература, 1980. – 416 с.
6. *Дьяконов И.М.* К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М.: Наука, 1981. – С. 90-100.
7. *Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 1997. Вып. 2. – С. 115–129.
8. *Марсадолов Л.С.* Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. Вып. 1. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. – 56 с.
9. *Марсадолов Л.С.* Внешнеполитические события I тыс. до н.э. в степях Евразии и их отражение в курганах вождей кочевников // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 226-234.
10. *Марсадолов Л.С.* Гордион в Анатолии (Турция) – военная база кочевников Евразии в VIII-VI веках до н.э. // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 года). Том II. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 40-42.
11. *Марсадолов Л.С.* Этнокультурная история древних тюрок Саяно-Алтая: новый взгляд // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Материалы Международной научн. конф., посвящённой 80-летию тувинской письменности. 1-4 июля 2010 г. Кызыл. I-я часть. – Кызыл, Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. – С. 13-21.
12. *Марсадолов Л.С.* Новые материалы о связях Саяно-Алтая с Анатолией, Монголией и Китаем в I тысячелетии до н.э. // Homo Eurasicus в духовных и социальных реалиях времени. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 26 октября 2012 г. – СПб.: СПбГИЭУ, 2012. – С. 83-107.
13. *Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО Наука, 1994. – 125 с.
14. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
15. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюрские и межтюрские основы на гласные) – М.: Восточная литература, 1974. – 768 с.
16. *Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века. Автореф. дис. доктора ист. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. – 51 с.
17. *Kohler E.L.* The Lesser Phrygian Tumuli. Part I. The Inhumations // The Gordion Excavations Final Reports. Vol. II. University Museum Monograph 88. University of Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1995. – 262 p.
18. *Unterlander M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A, Hofmanova Z., Gro M., Sell C., Blocher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D.,*

Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communication, 2017. Vol. 8, N14615 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/labs/articles/28256537/> (дата обращения: 27.02.2018).

19. Young R.S. Three Great Early Tumuli // The Gordion Excavations Final Reports. Vol. I. University Museum Monograph N43. University of Pennsylvania, 1981. – 326 p.

УДК 902.2+56.016.3

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОЛЛЕКЦИИ БОРМОТОВО-3

Онищенко С.С., Щербакова А.В., Сидельникова А.Н., Илюшин А.М.

В работе излагаются основные результаты зооархеологического изучения остатков животных, найденных при раскопках одиночного кургана Бормотово-3, расположенного в долине среднего течения реки Ини в Кузнецкой котловине. Установлено, что массовые остатки лошадей из грабительского раскопа относятся к более рослым животным, чем те которые были захоронены в средневековых могилах. Кроме того, наличие в грабительском раскопе как минимум остатков от трех полнокomплектных скелетов лошадей отличает центральное ограбленное захоронение от впускных средневековых, где использовались только части туш коней. Результаты сравнительного анализа систематизированных источников позволяет поддержать гипотезу о двух периодах использования курганной насыпи в раннем железном веке и развитии средневековье.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, одиночный курган, зооархеология, развитое средневековье.

RESULTS OF THE ZOOARCHAEOLOGICAL ANALYSIS BORMOTOVO-3 COLLECTIONS

Onischenko S.S., Shcherbakova A.V., Sidelnikova A.N., Pyushin A.M.

The main results of zooarchaeological study of animal remains found during excavations of a single burial barrow Bormotovo-3, located in the valley of the middle course of the Ini River in the Kuznetsk Basin, are presented. It is established that the massive remnants of horses from the predatory excavation belong to more stalwart animals than those that were buried in medieval graves. In addition, the presence in the predatory excavation of at least the remnants of three full skeleton horse is distinguished by a central robbed burial from the medieval inroads, where only parts of the carcasses were used. The results of a comparative analysis of systematized sources allow supporting the hypothesis of two periods of use of the mound in the early Iron Age and the developed Middle Ages.

Keywords: Kuznetsk Depression, a single barrow, zooarchaeology, the developed Middle Ages.

Летом и осенью 2017 года Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГИЦ КузГТУ) проводила полевые иссле-

дования одиночного кургана Бормотово-3. Раскопанный объект располагался в 3,3 км к СЗ от пос. Ранний и в 4,9 км к ЮЮЗ от ст. Бормотово на территории Промышленновского района Кемеровской области на левом берегу р. Окуневка, левого притока р. Ини в ее среднем течении. Этот памятник был открыт в 1991 году А.М. Кулемзиным, который отметил, что крупные размеры земляной курганной насыпи 43×35×3,3 м вытянутой с ЮЮВ на ССЗ для данной местности являются уникальными и предварительно датировал его периодом поздней бронзы [Кулемзин, 1991]. В 2006 году памятник был вновь открыт и обследован сотрудниками ККАЭЭ, а затем повторно исследован в 2014 году [Илюшин, 2007, с. 17–18; 2015, с. 20]. При обследовании этого объекта каждый раз фиксировались значительные разрушения курганной насыпи в результате рытья нор, охотничьих раскопов и систематического опаживания ее пол. Состояние уникального объекта (самый крупный земляной курган на территории Кузнецкой котловины) оценивалось как аварийное. По морфологическим признакам сотрудники ККАЭЭ предварительно датировали памятник эпохой средневековья. Однако при исследовании близлежащих территорий и средневековых объектов на них появилась гипотеза, что Бормотово-3 представляет собой памятник раннего железного века и может быть по своим размерам отнесен к категории «царских» курганов. Учитывая, что курганные могильники раннего железного века на территории Кузнецкой котловины ранее не исследовались и этот период в региональной археологии мало изучен, перед ККАЭЭ в 2017 году была поставлена цель провести аварийные раскопки одиночного кургана Бормотово-3.

В процессе раскопок этого памятника было зафиксировано наличие огромной земляной насыпи, которая была окопана рвом удлиненно-подчетыреугольной формы, а под насыпью были выявлены и исследованы восемь могил и две небольшие грунтовые ямы, углубленные в материк. Могилы располагались двумя скоплениями – четыре в центре и четыре в юго-восточной части. Центральная могила, расположенная в центре поминально-погребального сооружения была неоднократно ограблена, вероятно, в раннем железном веке и развитом средневековье. Об этом свидетельствуют многочисленные целые и во фрагментах кости людей и животных, обнаруженных в заполнении могилы и над ней. Три грунтовые могилы оказались кенотафами. В двух могилах находились захоронения женщин и ребенка, а в двух других погребения людей со шкурой лошади. По погребальному инвентарю все грунтовые могилы датируются периодом развитого средневековья, но по профилям курганной насыпи прослежено, что все они за исключением центральной являются впускными в ранее сооруженную курганную насыпь. Последнее позволяет предполагать, что насыпь сооруженная в раннем железном веке была вторично использована в развитом средневековье с полной зачисткой центральной могильной ямы и совершения в нем погребения своего предводителя. Для того, чтобы более полно аргументировать эту гипотезу необходимо провести зооархеологический анализ всех материалов выявленных при раскопках одиночного кургана Бормотово-3.

Зооархеологическая коллекция состоит из 539 образцов костей, из которых около 97 % было идентифицировано до вида (табл. 1). Установлено, что находки относятся как к диким (лось – *Alces alces*, сибирская косуля – *Capreolus pygargus*, лисица обыкновенная – *Vulpes vulpes*, азиатский барсук – *Meles leucurus*, лесостепной сурок – *Marmota kastschenkoi*, краснощекий суслик – *Spermophilus erythrogegens*, заяц-беляк – *Lepus timidus*), так и домашним (лошадь – *Equus caballus*, баран – *Ovis aries*) животным. Кроме того, имеется плечевая кость от птицы средних размеров. В составе коллекции количественно преобладают остатки лошадей хорошей анатомической сохранности. Определение возраста животных проводилось с учетом особенностей формирования зубов и возрастных особенностей износа коронок, сроков срастания диафизов и эпифизов трубчатых костей и позвонков и другим критериям [Воккен, Глаголев, Боголюбский,

1961; Зеленовский, Соколов, 2001; Клевезаль, 2007; Silver, 1963]. Ниже приводится краткая характеристика зооархеологических находок по видам.

Лось. Представлен разрушенными сильной корродированными фрагментами нескольких трубчатых кости конечностей. Были локализованы во рву в северо-восточном секторе в верхнем слое.

Лисица обыкновенная. Разрозненные костные остатки найдены в заполнении грабительского раскопа. Принадлежат двум разновозрастным особям. Одной из них было около 1 года или более (сформированная зубная система и большеберцовая кость). Другая особь, судя по отсутствию эпифизов у большеберцовой кости, была сеголетком, в возрасте около 6 месяцев, с учетом времени рождения, вероятно, погибла в октябре-ноябре.

Таблица 1. Анатомо-видовой состав зооархеологических находок в курганном могильнике Бормотово 3

Названия кости (к.) / структур	Виды животных										Неопределенные	Всего	%
	<i>A. alces</i>	<i>Aves</i>	<i>C. pygargus</i>	<i>E. caballus</i>	<i>L. timidus</i>	<i>M. kaschenkoï</i>	<i>M. leucurus</i>	<i>O. aries</i>	<i>nus</i>	<i>V. vulpes</i>			
Фаланга I			1	19								20	3,7
Фаланга II				19								19	3,5
Фаланга III				17								17	3,2
Пястная к. (2-4)				21								21	3,9
Запястная к.				34							1	35	6,5
Плюсна (2-4)	1		1	25								27	5,0
Предплюсна				30								30	5,6
Таранная к.				11								11	2,0
Пяточная к.				8								8	1,5
Добавочная к.				32								32	5,9
Предплечье				6		2						8	1,5
Плечевая к.		1		2						1		4	0,7
Лопатка			1	7								8	1,5
Череп			1	6			1		1	1		10	1,9

Отдельные зубы				10								10	1,9
Зубная к.				2				2				4	0,7
Голень	1			9	1	1				2		14	2,6
Коленная чашечка				4								4	0,7
Бедренная к.			3	4		1				1		9	1,7
Безымянная к.			2	7						1		10	1,9
Ребро				101							7	108	20,0
Сегмент грудины				5								5	0,9
Позвонок				106				7				113	21,0
Неопределенные											12	12	2,2
Всего	2	1	9	485	1	4	1	9	1	6	20	539	100,0
%	0,4	0,2	1,7	90,0	0,2	0,7	0,2	1,7	0,2	1,1	3,7	100,0	-----

Сибирская косуля. Все остатки были локализованы в разных местах заполнения грабительского раскопа. Вероятно, принадлежат одной взрослой самки (от года и более). На крыльях повздошных костей и проксимальном конце диафиза бедренной кости имеют следы зубов, оставшихся от хищного животного.

Азиатский барсук. В заполнении грабительского раскопа найден мозговой череп с разрушенной левой стороной лицевой части взрослой особи.

Лесостепной сурок. В могиле 5 найдены обломки костей левого предплечья, а в заполнении грабительского раскопа – левой задней конечности. Исходя из локализации костей, остатки принадлежат двум взрослым особям.

Краснощекий суслик. В заполнении грабительского раскопа найден мозговой череп.

Заяц-беляк. В грабительском раскопе найден диафиз правой голени сеголетка.

Баран домашний. Все остатки были локализованы в разных местах заполнения грабительского раскопа. Принадлежат животному, забитому в возрасте 3,5-4 лет.

Лошадь домашняя. С учетом культового назначения животных в могилах 3 (6 экз.), 5 (60 экз.) и 7 (81 экз.) наборы костей относятся к остаткам захоронений «шкуры» коня и/или к частям туши, использованных в качестве сопроводительной пищи. Наиболее многочисленная (329 экз.) часть находок была локализована в разных местах заполнения грабительского раскопа. Принадлежат захоронениям туш коней, локализо-

ванными в центральной части кургана, костяки которых были разрушены и перемешаны при ограблении погребений, а часть, вероятно, была вынесена за границы памятника и не найдены при раскопках. В разных местах рва отложились 25 анатомически разрозненных и фрагментированных костей, вероятно, последствия тризн или перемещений костей из ограбленной части кургана.

Ниже приводится аналитическая характеристика особенностей анатомо-морфологического и возрастного состава наборов костей лошадей по объектам могильника. Измерения черепов и костей конечностей, расчет высоты животных по этим данным, градация лошадей по росту проводилась в соответствии с рекомендациями по изучению скелетов лошадей [Громова, 1979; Кузьмина, 1997; Voessneck, Driesch, 1984].

Могила 3. В ногах погребенного была уложена часть позвоночника от 4 поясничного до 1 хвостового позвонка взрослой особи (более 5 лет).

Могила 5. Остатки принадлежат жеребцу в возрасте около 7-8 лет. Включают анатомически сопряженные части автоподий пар передней и задней конечностей (фаланги, метаподии, базиподии) и кости предплечья, а также череп и хвостовые позвонки. Правая метатарзалия имеет патологию в виде утолщения средней части диафиза и костного нароста около питательного отверстия на плантарной стороне, вероятно, возникшей в результате прижизненной травмы. Следствием этого является срастание 2-й и 3-й метатарзалий, что отсутствует у аналогичных элементов левой конечности. По морфометрическим особенностям метаподий и черепа особь была ростом в холке 137-138 см и относится к средним (ближе к низкорослым) лошадям.

Могила 7. Наборы костей принадлежат двум разновозрастным особям. Для сопроводительного захоронения была использована «шкура» кобылы в возрасте 10-12 лет, от которой остались анатомически сопряженные элементы авто- и зейгоподий (кости предплечья и голени) обеих пар конечностей, череп. По усредненным значениям длин костей конечностей лошадь была высотой в холке около 140 см, а с учетом общей длины черепа относится к средней по росту. Отличается от лошади из могилы 5 заметно узкими (разница между длинами их моляров в 2 мм) коронками верхних коренных зубов, а также укороченным зубным рядом верхних и нижних коренных зубов, соответственно, на 4 и 8 мм. В качестве сопроводительной пищи был уложен в могилу кусок позвоночника от 16-го грудного до 4-го хвостового позвонка включительно от животного около 4-5 лет.

Грабительский раскоп. По количеству черепов, наличию серий сопряженных позвонков от одинаковых отделов позвоночника, числу односторонних элементов билатеральных структур скелета конечностей, с учетом их возрастных особенностей, установлено, что были захоронены 4 лошади, а именно, две кобылы в возрасте около 4,5-5 и 5-7 лет, два взрослых жеребца 9-10 и 10-12 лет, соответственно. Из-за того, что у подавляющего большинства элементов конечностей и осевого скелета отсутствуют признаки полового диморфизма, а их формирование заканчивается к 5-летнему возрасту, то принадлежность отдельных серий костей к скелету конкретной особи не устанавливалась. По совокупности краниометрических особенностей череп жеребца 9-10 лет сопоставим с таковыми из средневековых могил 5 и 7. Остальные черепа по комплексу признаков крупнее и принадлежали рослым лошадям, высотой в холке в 144-152 см. Сходные результаты получены и при расчетах высоты в холке животных по длинам отдельных пястных, плюсневых, лучевых, плечевых, берцовых и бедренных костей. Так, по метаподиям, найденным вместе с черепом жеребца 9-10 лет, высота в холке животного была 140-142 см. В остальных случаях, кости, найденные в других местах грабительского раскопа, где находились и остальные три черепа, по своей длине были сопоставимы с таковыми лошадей высотой в холке 144 см и более.

Таким образом, большинство остатков от скелетов лошадей из грабительского раскопа относятся к более рослым животным, чем те которые захоронены в средневековых могилах. Кроме того, наличие в грабительском раскопе как минимум остатков от трех полнокомплектных скелетов лошадей отличает центральное ограбленное захоронение от впускных средневековых, где использовались только части туш коней. Эти данные позволяют предполагать о том, что курганная насыпь могла использоваться дважды сначала в раннем железном веке, а затем в развитом средневековье.

Список литературы

Воккен Г.Г., Глаголев П.А., Боголюбский С.Н. Анатомия домашних животных. Часть 1. Система органов движения. – М.: Высш. шк., 1961. – 391 с.

Громова В. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм / Тр. Палеонтологического ин-та. Т. XVII. Вып. 1. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1979. – 374 с.

Зеленовский Н.В., Соколов В.И. Клиническая анатомия лошадей. – СПб: ГИОРД, 2001. – 408 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2007. – 74 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2014 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2015. – 58 с.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. – 282 с.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности / р. Зоологического ин-та РАН. Т. 243. – СПб, 1997. – 224 с.

Кулемзин А.М. Отчет об археологической разведке в 1991 году в Кемеровской области. – Кемерово, 1991.

Boessneck J., Driesch A. Die zoologische Dokumentation der Reste von vier Pferden und einem Hund aus einem mykenischen Schachtgrab in Kokla bei Argos (Peloponnes) // Spixina, 1984. – V. 7, № 3. – S. 327-333

Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research / Ed. D. Brothwell, E/ Higgs. – New York: Basic Books, 1963. – P. 250-268.

УДК 902

ПОГРЕБЕНИЯ САВРОМАТСКОГО ТИПА ИЗ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Пересветов Г.Ю.

Описываются исследованные в ходе аварийных раскопок погребения с не типичным для Павлодарского Прииртышья погребальным обрядом раннескифского времени на мог. Кызылтан в Качирском р-не Павлодарской области.

Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье, ранний железные век, савроматы.

BURIALS OF THE SAVROMAT TYPE FROM PAVLODAR PRIRTYSHYE

Peresvetov G.Y.

The burials explored during the emergency excavations with a funeral rite of the early Scythian time that could not be typical of the Pavlodar Priirtyshye were described. Kyzyltan in the Kachirsky district of the Pavlodar region.

Keywords: *Pavlodar Priirtyshye, early Iron Age, Sauromates.*

В 2012-2013 гг. Иртышской археолого-этнографической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и Павлодарского педагогического госуниверситета под руководством Т.Н. Смагулова в зоне реконструкции автодороги Павлодар-Омск проводились охранные раскопки разновременного могильника у п. Кызылтан в Качирском р-не Павлодарской области. [Т.Н. Смагулов, Г.Ю. Пересветов, Т.Л. Айлыбаев, 2014, с. 221].

Из 19 курганов часть относились к раннему железному веку.

В 10 курганах, под земляными насыпями, без каких либо дополнительных сооружений типа рвов и крепид, было исследовано более 100 погребений с устойчивым погребальным обрядом, что, несомненно, говорит о единой культурной принадлежности захоронений датируемые IV-II вв. до н.э. по аналогии с близкими по погребальному обряду каменскими памятниками Кулунды и саргатскими памятниками Омского Прииртышья.

Среди вышеупомянутых исследованных захоронений мог. Кызылтан, в двух курганах зафиксированы более ранние погребения, которые по своему погребальному обряду выделяются от основной части захоронений.

В кургане 3, под земляной насыпью кургана в западной части, на уровне материка, находился костяк человека. Большинство костей плохой сохранности и находились в разрозненном состоянии (в следствии действия грызунов?). In situ сохранились бедренные кости, судя по которым погребенный находился в положении вытянуто на спине - головой на юго-восток (рис.1 - 1). По периметру погребения сохранились следы ритуального огня, в виде довольно мощного прокала подквадратной формы (фото 1).

К северо-западу от погребения 1 на краю прокала, находились кости детского скелета также в разрозненном состоянии. Здесь же обнаружен небольшой керамический сосуд, орнаментированный по венчику косыми прочерченными линиями (рис. 1 - 2). В центре кургана, под северо-восточным углом прокала находилась жертвенная яма? № 1 без каких-либо находок. Яма подпрямоугольной формы, имела размер 1,07x0,5 м, глубина 0,45 м. В 1,35 м к востоку от ямы 1 располагалась жертвенная яма? № 2, размерами 0,8x0,4 м, глубиной 0,4 м. В заполнении найдены два неопределимых фрагмента трубчатых костей. Возможно, что данные ямы представляют собой т.н. “святилища огня” – сооружения прямоугольной формы, внутри которых находилась яма, заполненная углями, битой керамикой, костями животных и пр. [Гуцалов, 2011, с.90]

К югу от центра кургана, к юго-востоку от погребения 1 находилась впускная могила более позднего времени (IV-II вв. до н.э.).

В кургане 4, под центральной частью насыпи расчищена жертвенная яма?, овальной формы, ориентированная ЮЗ-СВ, размерами по верхнему краю 2,75x1,65 м, глубиной 0,75 м; размеры по дну ямы 2,25x1,2 м. В заполнении каких-либо находок не обнаружено. С восточной стороны ямы фиксировался слой прокаленной почвы мощностью 15-20 см.

При расчистке западной части насыпи на уровне материка расчищен костяк человека в положении скорченно, на левом боку (фото 2). Головой костяк ориентирован на юг, лицом на запад, левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука согнута в локте (рис1 - 3). В районе правой кисти погребенного находился каменный оселок в виде бруска без сквозного отверстия (рис. 1 - 6). На расстоянии 20 см к западу от лицевой

части черепа обнаружен каменный жертвенник овальной формы с плоским дном (рис. 1 - 5). В ногах погребенного стоял керамический сосуд, немного вытянутой формы орнаментированный в верхней части сосуда рядом жемчужника (рис.1 - 4). За черепом погребенного, к востоку от него, на расстоянии 20 см, лежали ребра лошади на которые был положен сильно коррозированный металлический нож. Рядом, к югу от лошадиных ребер находились кости в сочленении от задней ноги овцы с тазовой костью.

Данные захоронения по погребальному обряду значительно отличаются, как собственно от основной массы захоронений мог. Кызылтан, так и от известных в Павлодарском Прииртышье памятников раннего железного века (мог. Жол-Кудук, Леонтьевка и др.). Погребения совершены на уровне древнего горизонта. В кургане 4 лежал скорченник. Немногочисленные захоронения с аналогичным положением погребенных в Павлодарском Прииртышье известны пока только для памятников переходного периода от поздней бронзы к РЖВ (мог. Торайгыр, одиночный курган на р. Щидерты и др.), однако последние совершены в каменных ящиках на уровне дневной поверхности, окруженные каменной насыпью и в целом мало имеют общего с вышеописанными погребениями мог. Кызылтан.

Несмотря на не характерный для Павлодарского Прииртышья погребальный обряд с использованием огня, немногочисленный инвентарь довольно типичен. Оселки и каменные жертвенники в данном регионе встречаются практически во всех памятниках Павлодарского Прииртышья VII-IV вв. до н.э. Что касается керамики, то надо отметить отсутствие на данный момент каких-либо значительных аналогий с керамикой из памятников долины Иртыша (Павлодарская обл.) в виду их практически полной не изученности. В равнинной части Павлодарского Прииртышья памятники раннескифского времени не исследовались, известно лишь несколько разрушенных погребений VII-VI вв. до н.э., но в них керамика либо отсутствует, либо представлена немногочисленными фрагментами не позволяющими делать каких-либо значительных выводов. Это касается и поселенческого материала. Многочисленная керамическая посуда IV-II вв. до н.э. из того же могильника Кызылтан имеет другие формы и орнаментацию. Определенное сходство керамический сосуд из кургана 4 орнаментированный рядом жемчужника имеет с посудой савроматов [К.Ф. Смирнов, 1964, рис. 6 – 12г; рис. 18 – 5; рис 61 – 5]. Некоторые аналогии имеются и среди керамической посуды Барнаульского Приобья в мог. Староалейка 2, Обские Плесы 2, Фирсово XIV [Фролов, 2008, с. 307, рис. 76-22; 341, рис. 110-2,3; с. 365, рис. 134-25]. Однако погребальный обряд здесь совсем иной.

По некоторым чертам погребального обряда и керамическому сосуду, погребения в кур. 3, 4 могильника Кызылтан мы предварительно датировали кон. VI – V вв. до н.э.

Ближайшей аналогией вышеупомянутым захоронениям к нам являются погребения в локальных памятниках Центральной Барабы, где исследовано 12 погребений в трех могильниках [Могильников, 1997, с, 21]. В кургане 1. мог. Здвинск-1, под насыпью, рядом с погребальной камерой, окруженной кольцом из ярко-красной прокаленной глины, на уровне древней поверхности находились сильно обгорелые костяки женщины и ребенка [Полосьмак Н.В. 1987, с. 53]. Женщина лежала на левом боку головой на ЮЗ. Рядом находились каменный жертвенник, большеречинский сосуд и ребра коровы. Под северо-восточной полой насыпи, также на древней поверхности, обнаружены пять костяков без сопровождающего инвентаря. Н.В. Полосьмак аналогии данному кургану усматривала в курганах саков Приаралья, савромат и ранних сармат Приаралья [Могильников, 1997, с, 21]. По мнению же Могильникова, курган мог. Здвинск-1 отражает контакты большереченского населения Барабы с саргатами и возможно с ранними сарматами [Могильников, 1997, с, 21].

К несколько удаленным аналогиям кызылтанских погребений хотим отметить погребение савроматского времени в ставропольском крае. В одном из двух курганов исследованных в 1976 году на территории совхоза “Красноманычский” в Туркменском р-не Ставропольского края раскопано впускное погребение [В.А. Коренько, 1982, с. 223]. Дно могилы, контуры которого зафиксировать не удалось, было покрыто черным тленом от подстилки. В пределах пятна тлена вместе с остатками древесных угольков от тонких веточек. Расчищено два скелета. Первый костяк сильно потревоженный грызунами лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Левая рука видимо, была вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, кисть располагалась вплотную к тазу и бедру. Южнее скелета найдены фрагменты глиняного сосуда, рядом кости мелкого рогатого скота: кости двух ног с лопатками. У правой кисти находился обломок небольшого оселка. В полуметре восточнее первого скелета, располагались остатки второго погребенного, также сильно разрушенного норами грызунов. Погребенный лежал на левом боку скорченно, головой на ЗСЗ, лицом на север. Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута, кисти обеих рук находились у коленей погребенного. Между человеческими скелетами и описанными выше костями мелкого рогатого скота стоял каменный жертвенник овальной формы на четырех ножках. [Коренько В.А., 1982, стр. 226, рис. 3]. Южнее второго скелета в беспорядке лежали кости мелкого рогатого скота: ребра, лопатка, кости ноги, половина таза.

По мнению авторов раскопок, обряд погребения, в целом типичен для степных культур скифского времени, в том числе для савроматов, населявших в VI-IV вв. до н.э. степи северо-западного Прикаспия [Коренько В.А., 1982, с. 226], при этом делается акцент на второй скелет располагавшийся в скорченном положении. Считается, что этот ритуал в погребальной обрядности савроматов, является наследием предшествующих культур эпохи бронзы. Основываясь на находке каменного жертвенника и считая данную категорию находок специфической для самаро-уральской группы савроматских памятников, авторы предполагают о проникновении на Северный Кавказ носителей восточного варианта савроматской культуры [В.А. Коренько, 1982, с. 227].

Несмотря на некоторое присутствие следов применения огня в погребальном обряде памятников раннего железного века в Павлодарском Прииртышье (отдельные угольки в заполнении могилы, незначительно обгоревшие бревна перекрытия могильной ямы), все же это не на столько широкое явление в данном регионе и в целом не несло той ритуальной специфики и нагрузки, как это представлено во многих савромато-сарматских памятниках. Проявление культа огня характерно именно для этих памятников, особенно для восточной части в Приуралье [Смирнов, 1975, с. 156,159]

Под насыпью савроматских курганов часто видны пятна пережженной земли вместе с золой и углями. Наибольшее количество таких курганов относится к V-IV вв. до н.э., причем их больше в Приуралье, чем в Поволжье [Смирнов К.Ф., 1964, с. 96].

Относительно положения погребенного в кур. 4 мог. Кызылтан в скорченном состоянии, то для памятников раннего железного века Павлодарского Прииртышья это не характерное явление. Начиная с VII века до н.э. в Павлодарском Прииртышье, как в долине Иртыша, так и на мелкосопочнике, единственным положением погребенного является вытянуто на спине с различными вариациями положения рук и ног. То же касается и расположения погребенного на уровне древней поверхности. В Павлодарском Прииртышье в раннем железном веке все погребения совершены в могильной яме. Как уже упоминалось выше, в переходный период в данном регионе изредка встречаются как погребения в скорченном положении, так и на уровне дневной поверхности, но они имеют значительные различия, что не позволяет их соотносить с погребениями в кур. 3,4 мог. Кызылтан.

Несмотря на малочисленность материалов по раннему периоду из Павлодарского Прииртышья, все же имеющийся материал пока не позволяет связывать погребения в кур. 3 и 4 мог. Кызылтан с местным населением, и связаны они, скорее всего, с пришлым. Немаловажным фактором здесь является применение культа огня, не имевший в Павлодарском Прииртышье ярко выраженного характера. Наиболее вероятным является связь с какой-то группой населения савроматского происхождения, хотя здесь надо отметить, что и в савроматских памятниках скорченное положение на боку характерно в основном для памятников переходного времени VIII-VII вв. до н.э. [К.Ф. Смирнов, 1964, с. 93, таб. 4]. Кроме того, и здесь погребения на горизонте принадлежат к наиболее редкой форме савроматских захоронений. Отмечены они повсюду, но все же их больше в Приуралье [К.Ф. Смирнов, 1964, с. 82]. Для памятников VI-V вв. до н.э. Южного Приуралья погребения на уровне древнего горизонта, либо на материке составляют 17 % основных погребений [Гуцалов, 2004, с. 95].

Погребения на уровне древней поверхности были распространены и в Приаралье (23 %), к тому же здесь имеет место и применение огня [Гуцалов, 2004, 98], но в целом погребальный обряд в кур. 3,4 мог. Кызылтан отличен от такого в памятниках низовьев Сырдарьи.

Таким образом, на довольно значительном пространстве от Ставропольского края на западе, через Прииртышье до Центральной Барабы на востоке, вырисовывается немногочисленная группа памятников с одной стороны имеющая ряд отличительных черт от памятников местного населения на данных территориях, с другой стороны имеющая определенные черты характерные для памятников савромат, хотя и внутри самой савроматской культуры эти памятники не многочисленны.

Вероятно, что погребения у с-за “Красноманычский” в ставропольском крае, единичные погребения в Центральной Барабе и в мог. Кызылтан в Прииртышье, свидетельствуют о продвижении какой-то группы населения савроматской культуры из Приуралья на запад и восток, что отразилось в виде немногочисленных локальных памятников на данных территориях.

Список литературы

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уралск; 2004 – 136 .

Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI-V вв. до н.э.: истоки //Погребальный обряд ранних кочевников Евразии – Ростов на Дону: ЮНЦ РАН, 2011, вып. 3 – С. 88-104

Кореняко В.И. Погребение савроматского времени на восточном Маныче //Советская археология. – М.; Изд-во Наука, 1982, №.2. – С. 223-228

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тысячелетия до н.э. – М.; Пушкинский научный центр РАН 1997. – 195 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука. 1987, – 144 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.; Изд-во Наука, 1964 – 379 с.

Смирнов К.Ф. Саматы-огнепоклонники //Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975 – С. 155-159

Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлыбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан //Маргулановские чтения-2014. – Алматы-Павлодар.; Эко, 2014. – С. 221-229

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. – Барнаул: Азбука, 2008 – 479 с.

Фото 1. Следы ритуального огня в кур. 3, мог. Кызылтан

Фото 2. Скорченное погребение в кур.4, мог. Кызылтан

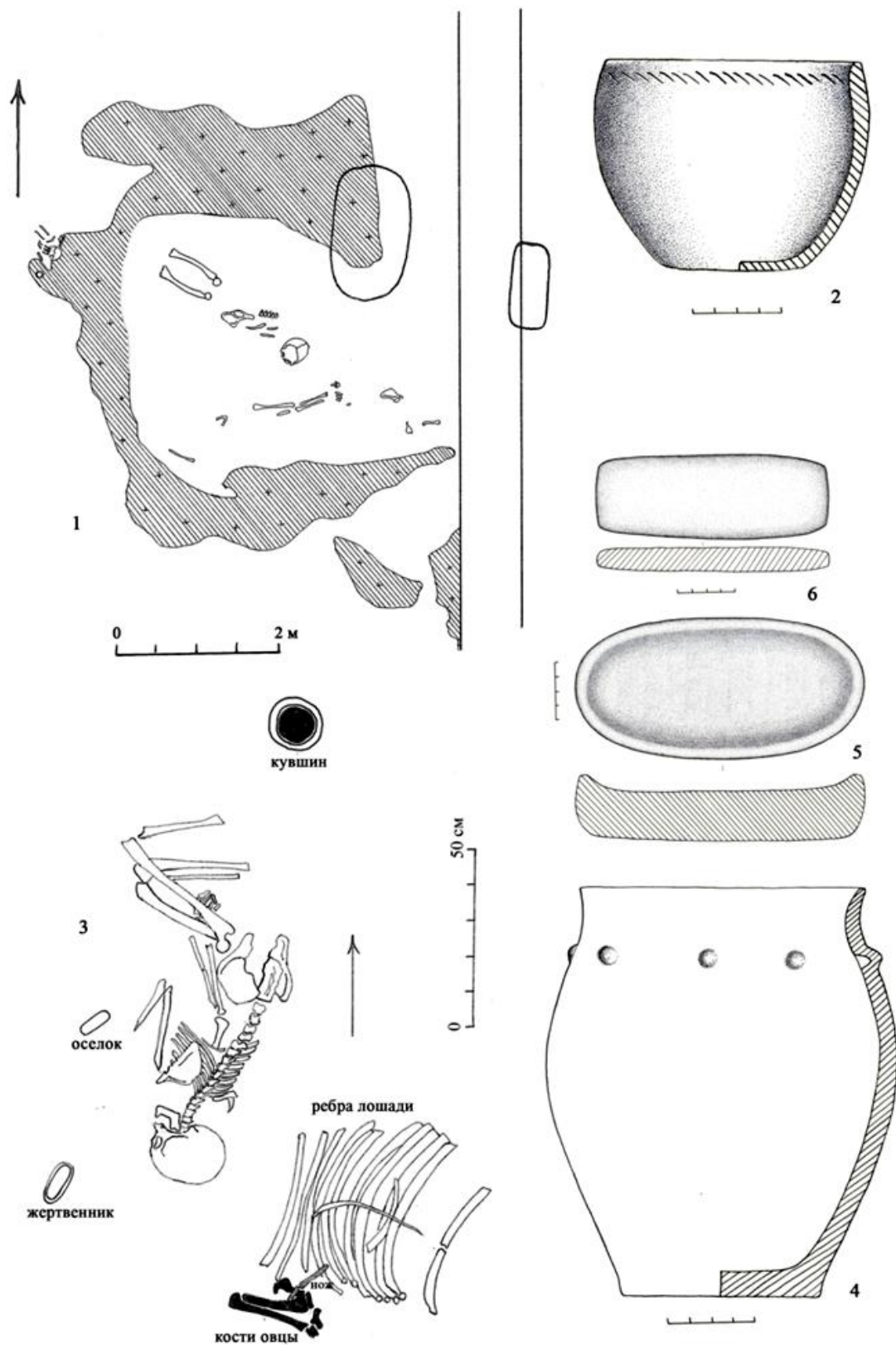

Рис. 1. 1 – Погребение в кур. 3; 2 – керамический сосуд из кур. 3; 3 – погребение в кур. 4; 4 – керамический сосуд из кур. 4; 5 – каменный жертвенник; 6 – каменный оселок

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В УРОЧИЩАХ ЧОБУРАК И БИКЕ (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)¹

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Лянжэнь Ч., Паршикова Т.С.

В статье представлены результаты археологических исследований, проведенных Чемальской экспедицией Алтайского государственного университета на памятниках Северного Алтая. Приведено краткое описание раскопанных курганов комплекса Чобурак-I, демонстрирующих особенности обрядовой практики населения региона от энеолита до сяньбийско-жужанского времени. Кроме того, осуществлена характеристика двух вновь выявленных памятников.

Ключевые слова: Северный Алтай, комплексные исследования, раскопки, древность, средневековье

CONTINUATION OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN CHOBURAK AND BIKE PLACES (NORTH ALTAI)

Seregin N.N., Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Liangren Zh., Parshikova T.S.

The article concerns the results of archaeological research conducted by Chermal expedition of Altai State University on the sites of the Northern Altai. The authors present a brief description of the excavated burial mounds of the Choburak-I necropolis, showing the peculiarities of the ritual practice of the population of the region from the Eneolithic period till the Xianbei-Rouran time. In addition, the characteristics of two newly identified funerary-memorial complexes realized.

Keywords: Northern Altai, comprehensive studies, excavations, antiquity, the Middle Ages

В полевом сезоне 2017 г. Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета проведены комплексные археологические исследования в Чемальском районе Республики Алтай. Эти работы являлись продолжением планомерных изысканий, осуществляемых в данной части региона на протяжении последних лет. В исследованиях принимали участие преподаватели и студенты Нанкинского университета (Китай, г. Нанкин) в рамках организованной археологической практики, ставшей частью разнопланового сотрудничества двух научно-образовательных центров.

Основным объектом исследований в 2017 г. стал погребально-поминальный комплекс Чобурак-I. Памятник расположен на правом берегу Катуня, к юго-западу от ручья Чобурак, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Комплекс Чобурак-I ранее исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а также в 2007 г. Эти работы были связаны с необходимостью реализации охранных мероприятий в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС. Однако в

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

связи с закрытием данного масштабного проекта полевые исследования также были прерваны. В результате работ, проведенных указанными экспедициями, на комплексе Чобурак-I вскрыты более 20 объектов, относящихся к энеолиту (афанасьевская культура), а также ко второй половине I тыс. н.э. (тюркская культура) [Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18]. Начиная с 2015 г. на памятнике проводятся комплексные исследования участниками Чемальской археологической экспедиции АлтГУ [Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016; 2017]. В настоящей статье представлено краткое описание объектов, раскопанных в 2017 г.

Курган №29 расположен в центральной части комплекса Чобурак-I, в 70 м к северу от автодороги Чемал–Куюс. До раскопок объект представлял собой небольшую задернованную каменную насыпь округлой формы и практически не фиксировался на поверхности. В процессе зачистки к северу от кургана зафиксированы и другие подобные конструкции, исследование которых запланировано в следующем полевом сезоне. Для изучения кургана №29 заложен отдельный небольшой раскоп общей площадью 20 кв. м. В результате зачистки выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней, диаметром до 2,7 м, высотой до 0,3 м. Разборка насыпи не позволила выявить основы в виде крепиды, хотя фиксировалась тенденция расположения нескольких крупных камней по краю сооружения и в верхней части конструкции. Могильная яма находилась в центральной части кургана, со смещением на северо-запад, и хорошо фиксировалась в материковом слое, в том числе благодаря просевшим камням насыпи, маркировавшим ее очертания. Пятно овальной формы было ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Длина пятна составила 2,05 м, ширина – 1,02 м. Выборка заполнения могильной ямы позволила обнаружить едва фиксируемые следы деревянной конструкции, которая, предположительно, представляла собой раму с перекрытием, однако не сохранилась. Об этом свидетельствуют остатки древесного тлена по обеим сторонам от покойного, а также над скелетом. Захоронение умершего человека находилось на дне ямы, на глубине 0,65 м. Покойный был уложен на спину, в вытянутом положении, и ориентирован головой в северо-западном направлении. Скелет находился в плохом состоянии – череп и некоторые кости оказались разрушены крупными камнями, фиксировавшимися в заполнении могилы. В ходе зачистки погребения в районе ног человека обнаружены три железных и один костяной наконечники стрел. В районе грудной клетки зафиксирован железный нож плохой сохранности. На локте левой руки находилась железная пряжка округлой формы с подвижным язычком.

Курган №36 расположен в центральной части комплекса Чобурак-I, в 55 м к северу от автодороги Чемал–Куюс. До раскопок данный объект представлял собой задернованную каменную насыпь округлой формы. Для его изучения был заложен раскоп общей площадью 144 кв. м. Впоследствии он был соединен с раскопом, размеченным для изучения кургана №35, находящегося в полутора метрах к северу. В результате зачистки насыпи было выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней, диаметром до 8 м, высотой до 0,3 м. Разборка насыпи не позволила выявить основы в виде крепиды, хотя фиксировалась тенденция расположения нескольких крупных камней по краю сооружения. Отмечена концентрации камней на небольшой площади в центре кургана при общей разряженности насыпи в центральной части.

В процессе разборки каменной насыпи кургана №36 на уровне древнего горизонта выявлено впускное захоронение. Каменная конструкция, зафиксированная в центре сооружения и сохранившаяся частично, представляла собой каменный ящик из узких неровных плит с перекрытием. Общая длина каменного ящика составила 2,06 м, ширина – 0,76 м. Конструкция ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. За-

хоронение умершего человека находилось в каменном ящике. Покойный был уложен на спину в вытянутом положении и ориентирован головой в северо-западном направлении. Скелет находился в плохом состоянии, вероятно, в связи с тем, что погребение было совершено на поверхности. Какие-либо предметы сопроводительного инвентаря во впускном захоронении отсутствовали.

Основное погребение кургана №36 зафиксировано ниже, в центральной части сооружения, со смещением на запад. Захоронение умершего человека находилось на дне ямы, на глубине 0,97 м. Покойный был уложен на спину, в вытянутом положении, с согнутыми в коленях ногами и ориентирован головой в восточном направлении. Скелет находился в плохом состоянии – грудная часть и ребра оказались разрушены грызунами, норы которых фиксировались в заполнении могильной ямы. В черепе имеется отверстие, происхождение которого будет изучаться антропологом. За головой умершего находился керамический сосуд с орнаментом. Скелет человека, а также дно могилы были покрыты следами охры.

Курган №35 расположен в центральной части комплекса Чобурак-I, в 60 м к северу от автодороги Чемал–Куюс. До раскопок объект представлял собой задернованную каменную насыпь округлой формы с сильной западиной в центре. Для его изучения был заложен раскоп общей площадью 116 кв. м, соединенный с раскопом кургана №36. В результате зачистки насыпи выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней, диаметром до 10,5 м, высотой до 0,4 м. По периметру кургана выявлена крепида из крупных камней, уложенных в 1–3 ряда. Могильная яма находилась в центральной части сооружения и хорошо фиксировалась в материковом слое, в том числе благодаря просевшим камням насыпи, маркировавшим ее очертания. Пятно овальной формы ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Длина пятна составила 3,36 м, ширина – 2,67 м. До глубины 0,5 м стенки могильной ямы сужались, образуя своего рода уступ, и далее были почти вертикальными, с небольшим наклоном. Выборка заполнения могильной ямы позволила выявить каменную конструкцию в виде обкладки из шести крупных и нескольких мелких камней, уложенных по обеим сторонам от умершего человека. Торцевые камни, а также перекрытие в данной конструкции отсутствовали. Погребение находилось на дне ямы, на глубине 1,42 м. Покойный был уложен на спину, в вытянутом положении, и ориентирован головой в северо-западном направлении. В ходе зачистки погребения в районе пояса умершего обнаружен комплекс предметов сопроводительного инвентаря – каменный оселок, бронзовый нож, а также пять костяных наконечников стрел.

Раскопанные объекты комплекса Чобурак-I демонстрируют особенности культуры кочевников Алтая в различные хронологические периоды – от энеолита до саянбийско-жужанского времени. Наиболее ранним по времени сооружением является курган №36. Данный объект имел довольно характерную для населения афанасьевской культуры каменную насыпь, отличающуюся почти полным отсутствием камней в центральной части. В данном случае эта ситуация была несколько нарушена в связи с сооружением в центре курганной насыпи впускного захоронения более позднего времени. Характерными показателями обряда населения афанасьевской культуры периода энеолита, зафиксированными в ходе раскопок основного погребения кургана №36, являлись положение умершего человека (на спине с подогнутыми ногами), а также следы охры на скелете и на дне могилы. Наиболее точным хронологическим маркером является остродонный керамический сосуд с орнаментом. Подобные изделия характерны для населения Алтая афанасьевской культуры второй половины IV – начала III тыс. до н.э. [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. Спустя тысячелетие в насыпи кургана №36 было совершено впускное захоронение, которое, судя по полученным результатам радиоуглеродного датирования, относится к раннему бронзовому веку (конец III – начало II

тыс. до н.э.). Значительно позже населением пазырыкской культуры скифо-сакского времени (VI–III вв. до н.э.) рядом был сооружен курган №35. Ключевыми признаками данного комплекса является каменная насыпь крупных размеров с крепидой из нескольких рядов больших камней, а также западина в центре наземной конструкции, обусловленная проседанием камней над могилой. Также традиционна ориентировка умершего в западный сектор горизонта, получившая распространение в традициях населения пазырыкской культуры. Предметный комплекс рассматриваемого погребения имеет многочисленные аналогии в памятниках Северного Алтая VI–III вв. н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 25, 33, 35]. Наиболее поздним из раскопанных объектов является курган №29. Данный комплекс представляет собой самое южное сооружение небольшого некрополя, оставленного кочевниками сяньбийско-жужанского времени. Об этом свидетельствует характерная наземная конструкция кургана, рядом с которым компактно расположена отдельная группа схожих объектов. Зафиксированный сопроводительный инвентарь имеет аналогии в погребальных комплексах развитого и позднего этапа булан-кобинской культуры Алтая (II–V вв. н.э.). Наиболее полное соответствие памятник находит в неопубликованных материалах раскопок памятника Дялян, расположенного в той же части региона [Тетерин, 1991]. Представленные заключения о хронологии объектов подтверждаются результатами радиоуглеродного датирования комплексов, которые требуют специального рассмотрения.

Кроме того, экспедицией АлтГУ проводились работы по выявлению и фиксации ранее неизвестных археологических объектов в Чемальском районе Республики Алтай. Сплошное обследование территории, находящейся в непосредственной близости от места раскопок, позволило выявить два ранее неизвестных памятника, которым присвоены очередные порядковые номера.

Комплекс Бике-VIII находится в 80 м к юго-востоку от крайнего объекта курганной группы Бике-V [Лихачева, 2016, с. 151], на первой надпойменной террасе правого берега р. Катунь. В ходе визуального осмотра зафиксированы пять каменных насыпей. Основу комплекса составляют курганы №3–5, расположенные цепочкой по линии север–юг. Объекты представляют собой сильно задернованные каменные насыпи округлой формы диаметром 6–7,5 м с западинами в центре. К востоку от цепочки находится курган №2, имеющий схожие характеристики. Самым северным объектом памятника является курган №1, расположенный в 20 м. В 17,5 м к западу от кургана №5 зафиксирована вертикально стоящая стела Г-образной формы. Характерная планиграфия комплекса, а также внешние показатели объектов позволяют предварительно отнести курганы к пазырыкской культуре скифо-сакского времени.

К северу от памятника Бике-VIII зафиксирована группа каменных сооружений, объединенных в рамках комплекса **Бике-IX**. Визуально фиксируются 22 насыпи. Основу памятника составляют курганы средних размеров, расположенные цепочкой по линии север–юг, к которым с запада и востока примыкают небольшие сооружения. Кроме этого, в 27 м к востоку от центра цепочки, на краю оврага расположены две небольшие каменные насыпи округлой формы. Судя по характерной планиграфии и фиксируемым визуально признакам, большая часть объектов комплекса Бике-VIII относится к пазырыкской культуре скифо-сакского времени. Остальные сооружения до раскопок могут быть датированы в широких хронологических рамках раннего железного века и средневековья.

Таким образом, исследованные Чемальской экспедицией АлтГУ в 2017 г. объекты расширяют источниковую базу для изучения особенностей истории номадов Северного Алтая в различные хронологические периоды. Дальнейшие археологические изыскания на памятнике Чобурак-I, а также выявленных комплексах, представляются весь-

ма перспективными для получения новой информации о специфике этнокультурных процессов, происходивших в регионе в древности и средневековье.

Рис. 1. Карта-схема расположения погребально-поминального комплекса Чобурак-I.

Список литературы

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 75–82.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуні (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 292 с.

Лихачева О.С. Разведка в Чемальском районе Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. XXII. – С. 150–156.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 54–66.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. XXII. – С. 174–182.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки в Чемальском районе // Археологические открытия 2015 г. – М.: Институт археологии РАН, 2017. – С. 252–254.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 155–157.

УДК 902/904

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ИЗ БОРМОТОВО-3

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.

В работе излагаются результаты исследования предметов вооружения найденных в 2017 году при раскопках одиночного кургана Бормотово-3 Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией. Артефакты подвергаются описанию, классификации и сравнительному анализу. Дается культурно-хронологическая характеристика материалов и оценивается весь комплекс находок в развитии военного дела Кузнецкой котловины в период развитого средневековья.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, одиночный курган, артефакты, вооружение, развитое средневековье.

ARMS COMPLEX FROM BORMOTOVO-3

Suleymenov M.G., Ilyushin A.M.

In work results of research of the subjects of arms found in 2017 at excavation of a single barrow of Bormotovo-3 Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition are stated. Artifacts are exposed to the description, classification and the comparative analysis. The cultural and chronological characteristic of materials is given and all complex of finds in development of military science of Kuznetsk Depression in the period of the developed Middle Ages is estimated.

Keywords: Kuznetsk Depression, a single barrow, artifacts, arms, the developed Middle Ages.

В 2017 году Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводила полевые исследования одиночного кургана Бормотово-3. Памятник располагается на территории Кузнецкой котловины в пределах Кузнецкого Присалаирья в долине среднего течения р. Ини. Этот курган является одним из самых крупных в Кузнецкой котловине. Он был открыт в 1991 году А.М. Кулемзиным и до начала раскопок обследовался сотрудниками ККАЭЭ в 2006 и 2014 годах [Кулемзин, 1991; Илюшин, 2007, с. 17–18; 2015, с. 20]. В ходе раскопок были обнаружены и исследованы восемь могил. В двух из них (могилы 1 и 7) были зафиксированы захоронения воинов-кочевников погребенных вместе со шкурами (манекенами) лошадей, что было характерно для кыпчаков развитого средневековья в этом регионе Верхнего Приобья [Илюшин, 2010, с. 97-106]. Не смотря на то, что одна из этих могил (1) была разграблена, в них сохранились артефакты, указывающие на высокий социальный статус погребенных мужчин в возрасте 20-25 и 25-35 лет (половоз-

растные определения выполнены заведующей кабинетом антропологии ТГУ к.и.н. М.П. Рыкун). Среди них богатые поясные украшения из позолоченного серебра, железные котлы с подвижными ручками для ношения и разнообразные предметы вооружения (рис. 1, 1-12). Исследованию последних посвящена настоящая работа целью, которой является публикация и описание всего комплекса артефактов вооружения из раскопок Бормотово-3 в 2017 году и его культурно-исторический анализ. Основными методами исследования являются описательный, типологическая классификация и сравнительный исторический анализ.

При раскопках могилы 1 и 7 в Бормотово-3 были найдены артефакты для ведения дистанционного и ближнего боя (рис. 1, 1-12). Проведем типологическую классификацию этих предметов вооружения, с использованием опыта коллег изучающих военное дело Кузнецкой котловины и сопредельных территорий в период развитого средневековья [Горбунов, 2006; Илюшин, 2010; 2014; Худяков, 1980; 1986; 1991; 1997; и др.] и обозначим ближайший круг аналогий выделенным типам предметов вооружения.

Оружие дистанционного боя представлено наконечниками стрел, которые по креплению относятся к отделу черешковых, а по материалу изготовления относятся к двум классам – железные и костяные.

Железные наконечники стрел по сечению пера относятся к 3 группам.

Группа 1. Трехгранно-трехлопастные. Она представлена 2 типами.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольный. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 7). В Кузнецкой котловине имеет аналогии в материалах курганного могильника Ишаново и группы Танай-8 датированных концом XII-XIII вв. и рубежом XII-XIII вв. [Илюшин, 2014, с. 42, 80, рис. 73, 11; 2016, с. 44-47; Савинов, Бобров, 2011, с. 64, рис. 7, 7].

Тип 2. Боеголовковый ромбический с короткой шейкой. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 12). В Кузнецкой котловине имеет аналогии в материалах курганной группы Конево датированной рубежом XII-XIII вв. [Илюшин, 2012, с. 34, 70, рис. 14, 31, 32, 34].

Группа 2. Четырехгранные. Она представлена 3 типами.

Тип 1. Удлиненно-ромбический. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 8). В Кузнецкой котловине аналогий этому типу нет. На территории Алтая единичные наконечники стрел этого типа известны в материалах сrostкинской археологической культуры конца I – начала II тыс. н.э. [Горбунов, 2006, с. 34, рис. 27, 28; 30, 20; и др.].

Тип 2. Боеголовковый ромбический с короткой шейкой. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 10). В Кузнецкой котловине аналогий не имеет. Этот тип наконечники стрелы тоже использовался населением сrostкинской культуры Алтая в конце I – начале II тыс. н.э. и монголами Забайкалья [Горбунов, 2006, с. 34, рис. 27, 34; Худяков, 1991, с. 114, рис. 62, 13; рис. 63; и др.].

Тип 3. Боеголовковый удлиненно-ромбический с короткой шейкой. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 11). В Кузнецкой котловине имеет аналогии в материалах курганного могильника Торопово-1 датированного XIII-XIV вв. [Илюшин, 1999, с. 38, 68, рис. 55, 12].

Группа 3. Однолопастные. Она представлена 2 типами.

Тип 1. Боеголовковый удлиненно-четырёхугольный с длинной шейкой. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 6). В Кузнецкой котловине имеет аналогии в материалах погребальных памятников Сапогово, Саратовка, Беково и Шанда датированных разными временными интервалами в пределах первой четверти II тысячелетия н.э. [Илюшин, 2014, с. 91–96, рис. 1, 15].

Тип 2. Боеголовковый удлиненно-четырёхугольный с короткой шейкой. Насчитывает 1 экземпляр из могилы 7 (рис. 1, 9). В Кузнецкой котловине аналогий не имеет.

Единственный костяной наконечник стрелы был найден в могиле 7 (рис. 1, 5). Этот наконечник стрелы внешне похож на тип ромбических наконечников с канавками [Илюшин, 2009, с. 23, рис. 2, 9-12], но отсутствие последней свидетельствует об его конструктивных особенностях. По креплению и сечению пера он относится к группе черешковых ромбически-шестигранных, а по форме пера к типу удлинненно-треугольных. В Кузнецкой котловине аналогий этой группе и типу костяных наконечников стрел нет. Аналогии ему нам не известны.

Оружие ближнего боя представлено саблей, двумя топорами-теслами и фрагментом ножа (рис. 1, 1-4).

Железная слабоизогнутая сабля была найдена в могиле 7 (рис. 1, 1). По разрезу лезвия она относится к группе трехгранных, а по форме перекрестья относится к типу с брусковидным перекрестьем. Этот тип сабель был зафиксирован на погребальных памятниках Шанда, Ишаново, Солнечный-1, Торопово-1, Мусохраново-3, Шабаново-3 и Шабаново-9, которые датированы разными временными интервалами периода развитого средневековья [Илюшин, 2014, с. 245-249, рис. 1, 1, 6, 7, 9-11, 13, 14; рис. 2]. При этом обращает на себя внимание заметный изгиб в средней части клинка сабли, что было характерно для этих изделий в XIII-XIV вв. на территории Кузнецкой котловины.

Железные топоры-тесла найденные в могилах 1 и 7 (рис. 1, 2, 3) относятся к категории универсальных изделий, которые могли быть использованы в быту, хозяйственной и военной деятельности. По своим конструктивным особенностям, найденные в Бормотово-3, топоры-тесла можно отнести к группе железных узколезвийных с несомкнутой втулкой к типу с плечиками. Изделия этого типа в Кузнецкой котловине появляются в конце I тыс. н.э. и широко представлены в материалах развитого средневековья [Илюшин, 2005, табл. 4, 130; табл. 8, 45-47, 49, 50; табл. 10, 16; табл. 13, 72-74; табл. 16, 30].

Фрагмент железного ножа был найден в правой руке мужчины погребенного в могиле 7 (рис. 1, 4). По своим размерам он может быть отнесен к типу больших ножей без перекрестья. Этот тип ножей в Кузнецкой котловине, преимущественно, использовался населением в развитом средневековье [Илюшин, 2005, табл. 8, 53; табл. 13, 58, 60, 61; табл. 18, 37].

В целом, приведенные аналогии артефактам путем корреляции их дат позволяют датировать комплекс вооружения из Бормотово-3 в широком интервале XII-XIII вв., а более узко рубежом этих столетий. Это позволяет отнести одиночный курган Бормотово-3 к кругу исторических вещественных источников шандинской археологической культуры развитого средневековья в Кузнецкой котловине, которая по своему культурно-историческому содержанию отождествляется с тюркоязычными кочевниками, входившими в этнополитическую общность племен Восточного Дешт-и-Кипчак в предмонгольский и монгольский периоды истории Центральной Азии. Исследованный комплекс вооружения косвенно подтверждает эту гипотезу. Экипировка воинов с высоким социальным статусом погребенных в Бормотово-3 указывает, что они представляли собой такой род войск, как легковооруженные всадники, вооруженные луком со стрелами, саблей, топором-теслом и ножом для ведения дистанционного и ближнего боя. Такой комплекс вооружения в развитом средневековье был характерен для кыштымов и восточных кыпчаков Южной Сибири и Центральной Азии [Худяков, 1997, с. 40-41, 116-117].

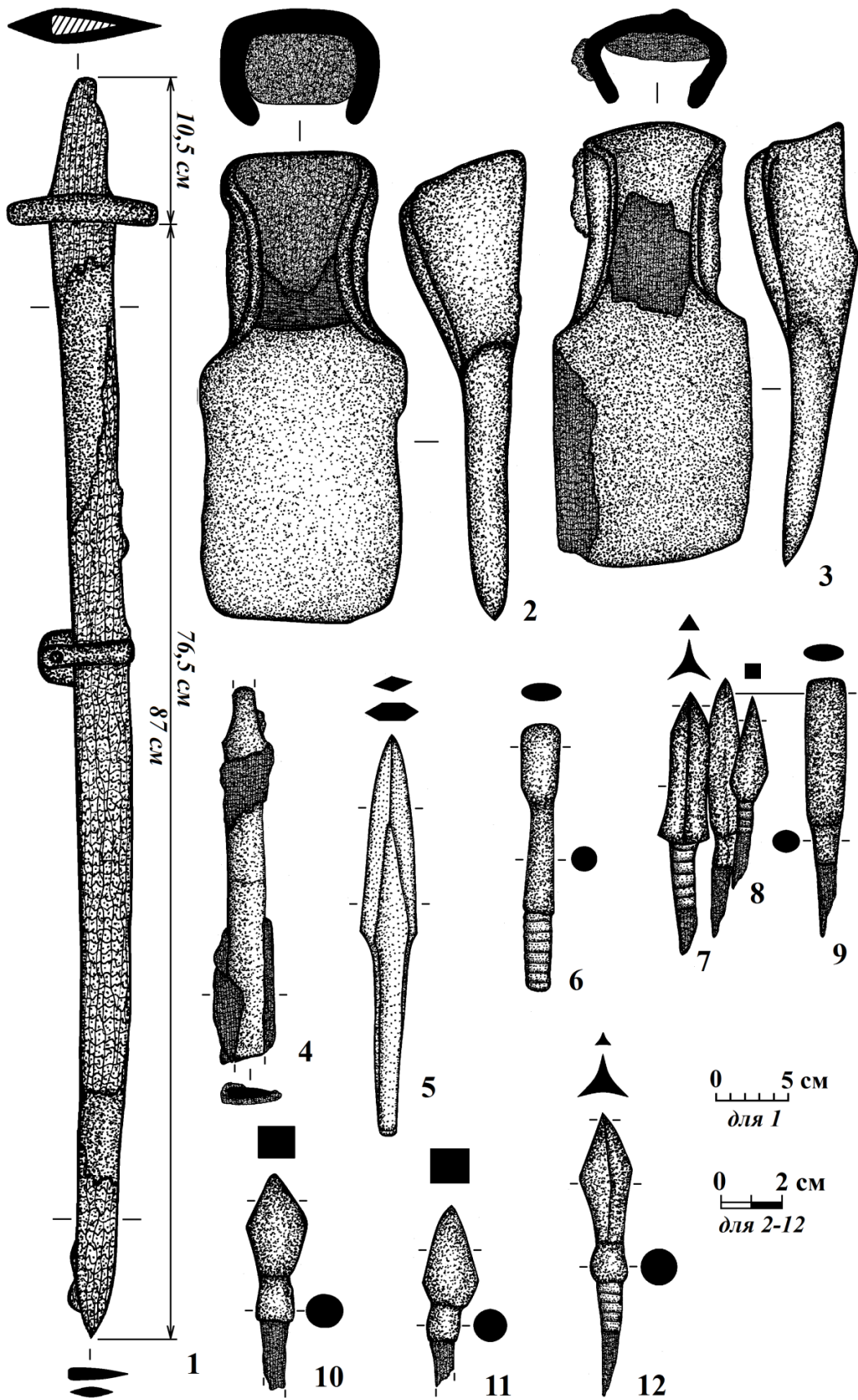

Рис. 1. Находки предметов вооружения из раскопок одиночного кургана Бормотово-3:
 1 – сабля, 2, 3 – топоры-тесла, 4 – фрагмент ножа, 5-12 – наконечники стрел;
 1-4, 6-12 – железо и дерево, 5 – кость

Список литературы

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – 232 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 3. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2007. – 74 с.

Илюшин А.М. Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 35. – 2009. – №32 (170). – С. 21–28.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – №1. – С. 97–106.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №4/1. – С. 120–133.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 188 с.

Илюшин А.М. Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соенова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7(19). – С. 245–251.

Илюшин А.М. Железные однолопастные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №385. – С. 91–96.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. – 216 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2014 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2015. – 58 с.

Илюшин А.М. Систематизация и типолого-хронологический анализ материалов раскопок курганной группы Танай-8 в Кузнецкой котловине // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сб. матер. II Междунар. науч.-практ. конф. (29 сентября 2016 года). Т. I. – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016. – С. 44–47.

Кулемзин А.М. Отчет об археологической разведке в 1991 году в Кемеровской области. – Кемерово, 1991.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-Культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 60–72.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. – 160 с.

УДК 902/571.151

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ТАТУИРОВКАХ НОМАДОВ АЛТАЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Телегин А.Н., Дьяков Н.Р.

Рассматриваются материалы курганов 2, 5 некрополя Пазырык, кургана 3 некрополя Верх-Кальджин-2, кургана 1 некрополя Ак-Алаха-3. Прослеживаются гендерные сходства и различия в художественных образах и сюжетных композициях татуировок номадов Алтая сакского времени.

Ключевые слова: *курган, некрополь, татуировки, гендерные.*

ABOUT GENDER SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN NOMAD'S TATTOOS OF THE ALTAI SAKA PERIOD

Telegin A.N., Dyakov N.R.

In the present article materials of mounds 2, 5 in Pazirik burial ground, mound 3 in Verh-Kaldgin-2 and mound 1 in Ak-Alaha-3 burial ground are considered. Gender similarities and differences in tattoos of the Altai Saki period nomads can be traced in artistic images and compositions.

Key words: *mound, burial ground, tattoos, gender.*

Цель данной публикации – введение в научный оборот результатов исследования татуированных изображений на телах номадов скифо-сакского времени Алтая, на предмет гендерных сходств и отличий в художественных образах.

Источниковую базу работы составили шесть мумий из мерзлотных погребений пазырыкской культуры.

1. Останки мужчины из кургана 2 курганной группы Пазырык [Руденко С.И., 1949, с. 135; Баркова, Панкова, 2005, с. 49].

Кожный покров во многих местах значительно поврежден грабителями, однако большую часть изображений разобрать удается.

Татуировка на правой руке:

- в верхней части плеча - фантастический олень с вывернутым задом, на рогах — птичьей головы, на конце длинного хвоста - птичья головка;

- под оленем, в средней части плеча - клыкастый хищник, подобный изображенному на левом боку;

- под хищником, в нижней части плеча, - фантастический олень с орлиным клювом и длинными рогами. Отростки рогов заканчиваются птичьими головками. Такие же птичьей головы изображены на шее и на конце длинного хвоста;

- в верхней части предплечья - горный баран с вывернутым задом;

- в нижней и средней частях предплечья - кулан или осел с вывернутым задом;

- на одном уровне с куланом - фантастический крылатый зверь с кошачьим хвостом;

- на кисти руки - изображение птицы, «идущей» по направлению к ногтю (возможно петух) (инфракрасная прорисовка);

Татуировка на левой руке (изображения плохо сохранились):

- верхней части плеча — баран;

- в средней и нижней частях плеча - олень, с длинными рогами, отростки которых заканчиваются птичьими головками;

- в средней части предплечья — олень, (частично утрачен), на хвосте - отросток с птичьей головкой;

Татуировка на правой ноге:

- на правой наружной стороне голени, от коленной чашечки до щиколотки, — изображение рыбы;

- ниже рыбы, на стопе, — фантастический клыкастый и рогатый, с кошачьим хвостом, зверь, на его шее - три птичьих головки;

- с внутренней стороны ноги, вдоль голени, параллельно рыбе - изображения четырех горных баранов;

Татуировки на туловище (изображения плохо сохранились).

- на левой груди, над сердцем, изображена голова львиного грифона или какого-то другого фантастического зверя. Туловище зверя проходило под левой рукой женщины, а над левой лопаткой - изображена задняя его половина с длинным, приподнятым кверху и спирально завившимся хвостом. На конце хвоста — изображение змеиной или птичьей головки;

- на правой груди - фигура кошачьего хищника;

2. Останки женщины из кургана №2 курганной группы Пазырык [Баркова, Панкова, 2005, с. 50].

Кожный покров поврежден во многих местах.

Грабители отрубили ей голову, кисть руки и ноги по колено. Тело сохранилось, хотя покров кожи сильно нарушен, и имеющаяся татуировка частично утрачена.

Татуировка на левой руке:

- на плече - фантастический олень с телом копытного и головой хищной птицы. Верхний отросток больших рогов оканчивается птичьими головками. Задняя половина тела животного вывернута;

- несколько выше запястья изображён олений рог с множеством отростков. Не исключено, что это изображение является частью фигуры оленя, которая располагалась на предплечье. К сожалению, плохая сохранность кожного покрова этой части мумии позволяет довольствоваться лишь предположением;

Татуировка на правой руке:

- на плече - фигура барана с вывернутым задом;

3. Останки мужчины из кургана №5 курганной группы Пазырык [Баркова, Панкова, 2006, с. 35].

Кожный покров сохранился хорошо, за исключением некоторых частей, где присутствуют складки и швы.

Татуировка на левой руке:

- на плече — кошачий хищник;

- на кисти изображена птица; ее голова и шея сохранились плохо;

Татуировка на правой руке:

- на плече - конь или кулан, с перекрученным задом;

- на предплечье изображен кулан (лошадь?) и фантастический хищник с закрученным в кольцо полосатым хвостом;

- на кисти - птица с вытянутой длинной шеей, небольшой головкой и изогнутым толстым клювом (тетерев?);

Татуировка на левой ноге:

- на голени - четыре косули;

- на стопе - горный баран, следующий за косулями;

Татуировка на правой ноге:

- спереди, на стыке стопы и голени - два копытных (козлы?), идущих вверх, к

Татуировка на спине:

- справа над талией — изображение какого-то зверя. Видны лишь четыре его ноги и хвост, остальное скрыто под кожной складкой;

- слева, ниже талии - изображение, напоминающее свастику;

4. Останки женщины из кургана №5 курганной группы Пазырык. [Баркова, Панкова, 2006, с.38].

Кожный покров сохранился хорошо.

Татуировка на левой руке:

- на предплечье, чуть ниже локтя, - сцена терзания: большая хищная птица клюет оленя;

- на большом пальце изображена птица (петух?) с пышным хвостом, переходящим на запястье;

- на безымянном пальце вытатуирован рисунок в виде кружка, из которого вырастает бутон лотоса. На соседней фаланге того же пальца изображён едва различимый крест;

Татуировка на правой руке:

- на предплечье от локтя до запястья - сложная многофигурная композиция, состоящая из двух частей. В верхней части изображены олень и нападающий на него спереди тигр. В нижней части - лось или олень, в тело которого вцепился барс, а за передние ноги схватил тигр;

- на безымянном пальце правой руки выполнен узор в виде двух трёхлепестковых пальметок;

5. Тело мужчины из кургана №3, курганной группы Верх-Кальджин-2 [Полосьмак, 2000, с. 96].

Татуировка на левой руке:

- на плече изображено фантастическое копытное животное;

6. Тело женщины из кургана №1 курганной группы Ак-Алаха-3 [Полосьмак, 2000, с.96].

Татуировка на левой руке:

- на плече - фантастическое копытное с «перекрученным» туловищем. Морда животного наделена клювом грифона, на голове - стилизованные рога козерога и оленя, украшенные головками грифонов;

- в верхней части предплечья - баран с закинутой назад головой, у его задних ног - зубастая пасть пятнистого барса с длинным закрученным хвостом;

- в средней части предплечья - фантастический зверь, с «вырастающей» из-за спины стилизованной головкой грифона. У зверя - когтистые лапы хищника и длинный полосатый хвост тигра. Изображение головы животного утрачено, сохранились лишь рога, на концах отростков которых, - головки грифонов;

- на запястье - маленькая головка оленя с большими ветвистыми рогами;

- на среднем и безымянном пальцах - мелкие и плохо различимые знаки;

Татуировка на правой руке:

- на второй фаланге большого пальца - какое-то копытное с «перекрученным» туловищем (баран?).

Художественные образы, воплощенные в рассматриваемых татуировках, можно разделить на три группы: «копытные», «хищные» и «прочие».

Первая группа («копытные») является самой многочисленной, - к ней относятся 28 изображений. Образы этих животных, хоть и с разной степенью частотности, но присутствуют как в женских (7 изображений), так и в мужских (21 изображение) татуировках. Однако, если учесть их видовую принадлежность и сюжетный контекст, то обнаружатся более существенные отличия. Так, в женских татуировках, все реалистично изображенные копытные, представленные тремя оленями и одним бараном (видовую принадлежность одного изображения установить не удастся), выполняют роль жертвы в сценах терзаний. В мужских татуировках сцены терзания отсутствуют, а вот копытных не только больше, но и заметно разнообразнее их видовой состав: три лошади (возможно куланы), семь баранов, четыре косули и два козла (видовую принадлежность одного изображения установить не удастся).

Фантастические копытные, представленные в нашей выборке образом оленя, присутствуют как в мужских татуировках (4 изображения), так и в женских (2 изображения).

Группа хищников состоит из тринадцати изображений. Шесть из них – фантастические существа, сочетающие в себе, в разных комбинациях, признаки кошачьих, копытных и пернатых представителей фауны. Подавляющая часть этих чудовищ (5 изображений) присутствует в мужских татуировках и только одно – в женской.

Из семи реалистично изображенных хищников, большая часть (6 изображений) представлена кошачьими, два из которых присутствовали в мужских татуировках и четыре – в женских. Отличия, в данном случае, обнаруживаются в сюжетном контексте. Так, в женских татуировках, кошачьи хищники терзают копытных травоядных, в то время как в мужских, аналогичные персонажи изображены в портретном одиночестве.

Единственный в нашей выборке пернатый хищник, присутствует в женской татуировке. Подобно своим кошачьим собратьям, он изображен терзающим травоядного, в данном случае, – барана.

Группа «прочих» представлена изображениями двух рогов, четырех птиц, двух цветов, одного креста и одной рыбины. Из этой выборки изображения трех птиц и рыбины присутствуют в мужских татуировках, остальные – в женских.

Список литературы

1. Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48-59.
2. Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 3. С. 31-42.
3. Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // АЭАЕ. 2000. № 4. С. 95-102.
4. Руденко С.И. Древнейшая «скифская» татуировка // Советская этнография. 1949. № 3. С. 133-143.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗНАМЕНСКОМ И БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОМ РАЙОНАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017 г.

Тихомиров К.Н.

Излагаются результаты работ в Знаменском и Большереченском районах Омской области. В д. Айлинка были проведены раскопки для уточнения датировки на памятнике Айлинка VI, предоставившем материалы одиновской культуры эпохи развитой бронзы, а также на территории деревни в результате шурфовки был выявлен двухслойный памятник, содержащий материалы боборыкинской и екатерининской культуры Айлинка VIII. Кроме того, раскопками были исследованы оборонительные системы городища Усть-Тамак II, результатом стало получение данных, которые свидетельствовали о наличии двух строительных горизонтов. При обследовании оз. Ныр был обнаружен памятник Богочаново V, содержащий материалы пахомовской культуры. В Большереченском районе в результате шурфовки было подтверждено нахождение объектов эпохи раннего железного века на поселении Боровянка XXXVa.

Ключевые слова: боборыкинская, екатерининская, одиновская, пахомовская, саргатская, усть-ишимская культуры, древности предков сибирских татар.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN ZNAMENSKOE AND THE BOLSHERECHENSKY DISTRICTS OF OMSK REGION IN 2017

Tikhomirov K. N.

Presents the results of work in Znamenskoe and the Bolsherechensky districts of Omsk region. In village Ilinca were excavated to date adjustment of the site Ilinca VI providing materials odincovskoe culture of the developed bronze epoch, and throughout the village as the result of excavated were identified, double-layered site containing materials boborykino and eckaterinovo culture Ilinca VIII. In addition, excavations were investigated in the defensive system of the settlement of Ust' -Tamack II, the result was the acquisition of data that testified to the presence of the two construction horizons. In the survey of Nyr - lake was discovered site Boguchanovo V containing materials pakhomovskaya culture. Bolsherechensky district as a result of excavated was confirmed by the finding of objects of the early iron age on the settlement of Borovaynka XXXVa

Keywords: boborykino, eckaterinovka, odinovo, pakhomovskaya, sargatskaya, ust-Ishim cultures, ancient ancestors of siberian tatars

С целью выявления новых объектов археологического обследования и уточнения различных вопросов, возникших при исследовании известных памятников в 2017 году в ряде районов Омской области были проведены археологические обследования, позволившие лучше узнать древнюю историю Среднего Прииртышья.

Основным регионом исследования стал Знаменский район где были обследованы участки местности на иртышском правобережье в районе с. Качуково, д. Усть-Тамак и д. Айлинка. Здесь был выявлен ряд памятников в районе с. Качуково: местонахождение Качуково III (эпоха раннего бронзового века), Качуково VI (городище эпохи позднего средневековья). Обследованы ранее известные многослойные памятники Качуково I, Качуково II и Качуково IV, расположенные в районе старой школы.

Особо следует сказать о выявленном многослойном памятнике Качуково V, содержащем материалы эпохи бронзового века (одиновская культура), раннего средневековья и др. Он располагался на месте прекратившей своё существование д. Черный Яр. В настоящее время этот комплекс, полностью разрушен карьером, самовольно устроенном для изъятия грунта на строительство дороги. После обращения в Министерство культуры Омской области, вышло указание о прекращении работ, несмотря на него, здесь самовольно продолжались работы, в результате чего он был полностью уничтожен.

Одним из мест исследований стала д. Айлинка Знаменского района Омской области. Здесь были произведены раскопки на памятнике Айлинка VI и выявленном поселении Айлинка VIII.

Работы на поселении Айлинка VI явились продолжением начатых в 2012 году и велись с целью лучшего понимания памятника и перспектив его дальнейшего исследования. Для этого к шурфу 2012 площадью 2 м², был прирезан раскоп площадью 44 м². В результате раскопок объектов не было обнаружено. Полученную коллекцию образовывали фрагменты керамических сосудов, каменных изделий и куски болотной руды. Её анализ позволил предположить, что памятник функционировал в эпоху в финале раннего бронзового века.

Срезы венчиков керамики или округлые или скошенные внутрь, в основном неорнаментированные. Встречается орнаментация в виде наклонной, наклонной протращенной короткой мелкозубой гребенки или в виде наклонных рядов гребенки. Шейки сосудов прямые или слабопрофилированные слегка отогнутые наружу. Лицевая поверхность сосудов орнаментирована рядами короткого мелкозубого орнамента, иногда протращенного и шагающего, часто поставленного поверх псевдотекстиля. В некоторых случаях псевдотекстиль получен в результате орнаментации взаимопересекающимися часто поставленными оттисками мелкозубого гребенчатого штампа. Его оттиски имеют очень слабое вдавление, в результате чего они слабо заметны. Указанные ряды поставлены неаккуратно, наползают друг на друга. Орнаментальные зоны в некоторых случаях взаимопересекаются, ряды могут пересекаться, и под прямым углом. Присутствуют ниспадающие наклонные ряды. Данная орнаментация дополнялась ямкой и жемчужиной. На некоторых фрагментах фиксируется псевдотекстиль. В целом отмечается, что поверхность сосудов грубо обработана. Наибольшие аналогии материалы памятника находят среди древностей одиновской культуры развитой бронзы [Молодин и др, 2014, с. 118].

На территории выше названной деревни, в районе трансформатора было обнаружено двухслойное поселение. В раскоп площадью 8 м² попали два пятна вероятно это части котлованов двух построек, которые в раскопе не пересекались. Согласно методики полевых исследований, раскоп был законсервирован. Полученную коллекцию керамики составляли фрагменты керамических сосудов двух типов, каменные изделия (в основном скребки) и отходы производства (отщепы). Наиболее многочисленную часть коллекции составляли фрагменты сосудов орнаментированные горизонтальными рядами наклонных оттисков короткого мелкозубого гребенчатого орнамента, чередующихся с горизонтальными рядами ямок. Технология, форма и орнаментация которых аналогичны сосудам екатерининской культуры широко распространенной в Среднем Приртышье в эпоху финала неолита — начала бронзового века [Петров, 2014, с. 48-49]. Вторую часть коллекции составили фрагменты толстостенных сосудов, орнаментированные наколами, образующих фестоны. К этой части относится два крупных фрагмента венчиков. Один из них с округлым волнистым срезом. Под срезом венчика на лицевой стороне он орнаментирован горизонтальным рядом наклонных оттисков гладкого орнамента (после выбивки), горизонтальным сдвоенным зигзагом, образо-

ванным оттисками короткого мелозубого гребенчатого штампа и отверстия. Другой также имеет волнистый срез скошен внутрь. Имеется наплыв на внешней стороне под ним отверстие и сдвоенные ряды наколов, сходящиеся под углом. Описанная керамика находит наибольшие аналогии среди материалов боборыкинской культуры [Зах, 2009, с. 149-167, с. 65, рис. 14-4, с. 68, рис. 17- 1,2, с. 69, рис. 18-6]. Кроме того, в коллекции присутствует несколько фрагментов керамики, имеющей наибольшие аналогии в материалах одиновской культуры.

Таким образом полученные материалы пересекаются с годами предыдущих исследований [Тихомиров, 2007] и свидетельствуют о присутствии на территории д. Ай-линка населения с неолита до развитой бронзы.

При обследовании берегов оз. Ныр и участка левобережной террасы на участке от с. Солдатка до д. Богочаново в Знаменском районе Омской области был обнаружен памятник содержащих материалы, наибольшие аналогии которые заметны в пахомовской культуре эпохи поздней бронзы. Находки представлены фрагментами керамических сосудов. Содержащиеся материалы делятся на две группы. Первую составляют части сосудов орнаментированных заштрихованных гребенчатым штампом лент, образующие геометрический орнамент. Наибольший фрагмент этой группы является придонной частью с фрагментом плоского дна. Орнаментация доходит до дна. Нижняя часть фрагмента орнаментирована горизонтальными рядами лент, заполненных наклонными оттисками мелкозубого гребенчатого орнамента. Границами лент служат горизонтально поставленные оттиски указанного орнамента. Переход к дну орнаментирован горизонтальным рядом поставленных вертикально оттисков мелкозубого гребенчатого орнамента. Дно плоское неорнаментировано. О плоском дне ещё одного сосуда, но с более сглаженным переходом свидетельствует и другой фрагмент. Вторую группу составляют фрагменты украшенные горизонтальными рядами наклонных оттисков длинного гребенчатого орнамента, в некоторых случаях они образуют «елочку». Среди них отмечен фрагмент с широким желобком, орнаментированным косой сеткой, образованной оттисками гладкого орнамента. В коллекции встречен фрагмент шейки сосуда, орнаментированный горизонтальными желобками, заполненные оттисками мелкозубого гребенчатого орнамента, поставленных практически горизонтально. Указанная орнаментация дополнена горизонтальным рядом оттисков уголка лопаточки. Присутствуют здесь и два фрагмента венчика сосудов. Оба имеют округлый в сечении срез. Орнаментированы они оттисками гребенчатого мелкозубого орнамента, в одном случае, образующие горизонтальный зигзаг, в другом – косую сетку. Наибольшие аналогии подобная керамика находит среди древностей пахомовской культуры эпохи бронзы [Матвеев, Костомаров, 2011, с. 48, 52 рис. 4]

В 2017 году с целью исследования оборонительных сооружений были продолжены работы на городище Усть-Тамак II у д. Усть-Тамак Знаменского района Омской области. Раскоп 2017 года был прирезан к раскопам 2006 и 2010 годов и включал небольшой участок жилой площадки, часть рва и вала городища. В результате работ была получена небольшая коллекция материалов (неорнаментированная керамика, кости животных, железное кольцо), сосредоточенные на указанной площадке и во рву городища. Особую значимость представляла находка целого керамического сосуда эпохи позднего средневековья и удлинённо трансформированной крышки черепа человека (часть лобной кости с остатками надбровных дуг и часть теменной кости).

Исследования показали что, оборонительные сооружения городища имеют два строительных горизонта. Нижний из которых, кроме стратиграфических данных, маркируется небольшим целым керамическим сосудом, стоявшим на внутреннем склоне вала. Стратиграфические наблюдения показали, что первоначально на памятнике было два рва и вала, располагавшиеся практически вплотную друг к другу. При подновлении

оборонительной линии первая линия обороны была засыпана, второй (внутренний) вал подсыпан, а на его гребне была возведена двойная стена.

Материалы раскопок позволяют утверждать, что изначально городище было построено населением эпохи средневековья, позже оно было перестроено и использовалось предками сибирских татар в эпоху освоения этих регионов подданными Московского царства, так как в напластованиях культурного слоя этого периода присутствовала неорнаментированная лепная керамика, подобная той, которая распространялась на этих территориях с конца XVI века. Интересен факт полного отсутствия в этом слое керамического материала, более ранних периодов или иной культурной принадлежности. Такую же ситуацию подтверждают и материалы исследований этого памятника в 2006, 2010 годах [Тихомиров, 2014, с. 195]. В то же время железные и костяные предметы находят наибольшие аналогии в коллекциях полученных со средневековых памятников местного населения. Это может свидетельствовать о том, что население этого городища утрачивает технологии изготовления традиционной керамики, но продолжает изготавливать костяные и некоторые железные изделия (втульчатый топор) характерные для населения этого региона эпохи средневековья.

Одним из регионов исследования стал Большереченский район, где было проведено обследовано нескольких участков левобережной террасы и поймы р. Иртыш в районе оз. Батаково, д. Ростовка, р.п. Большеречье, д. Красный Яр. А также осмотрены участки поймы правого берега р. Сухокарасук в районе с. Осихино. Важнейшими результатами работ стал осмотр Ирчинского форпоста, снятие инструментального плана могильника Боровянка II и разведочный шурф на поселении Боровянка XXXVa площадью 8 м².

Указанное поселение находится недалеко от д. Ростовка на гриве в урочище «Чигарь» между двумя группами памятников: 1. поселения Боровянка XXXV, Боровянка XLVII, Боровянка XLVIII и курганного могильника Боровянка XXXVI и 2. поселения Боровянка XXIV и курганного могильника Боровянка XXXVII, которые разделяет ныне заброшенное поле. Из них предварительно датированы лишь курганный могильник Боровянка XXXVI (предположительно эпоха средневековья) и поселение Боровянка XLVII (эпоха бронзы) [Халтурин, 2002] на северном пологом склоне гривы. В 2017 году было решено произвести шурфовку участка заброшенного поля между указанными группами памятников, с целью выяснения возможности существования здесь памятника. В результате раскопок выяснилось, что памятник распахивался на глубину в 25-30 см, ниже располагался культурный слой мощностью 20 - 25 см. В раскоп попала часть котлована постройки. Из-за чего он был законсервирован. Полученный при исследовании керамический материал (более 40 фрагментов керамики и обломок биконического глиняного напоя) позволяет отнести его к древностям саргатской культуры эпохи раннего железного века. Проведенные работы позволили подтвердить предположение о том, что на указанной площади имеется культурный слой и здесь располагаются поселенческие объекты. Наиболее вероятно это часть одного из поселений, фиксирующихся вокруг, наиболее близкое из которых – Боровянка XXXV.

Таким образом, проведенные работы выявили ряд новых памятников, предоставили новые материалы на ранее известных памятниках, позволяющие по-новому взглянуть на историю Омского Прииртышья.

Список литературы

1. Тихомиров К. Н. Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье // Тара в XVI — XIX веках — российская крепость на берегу р. Иртыша — Омск: "Амфора", 2014. - С. 187-223.

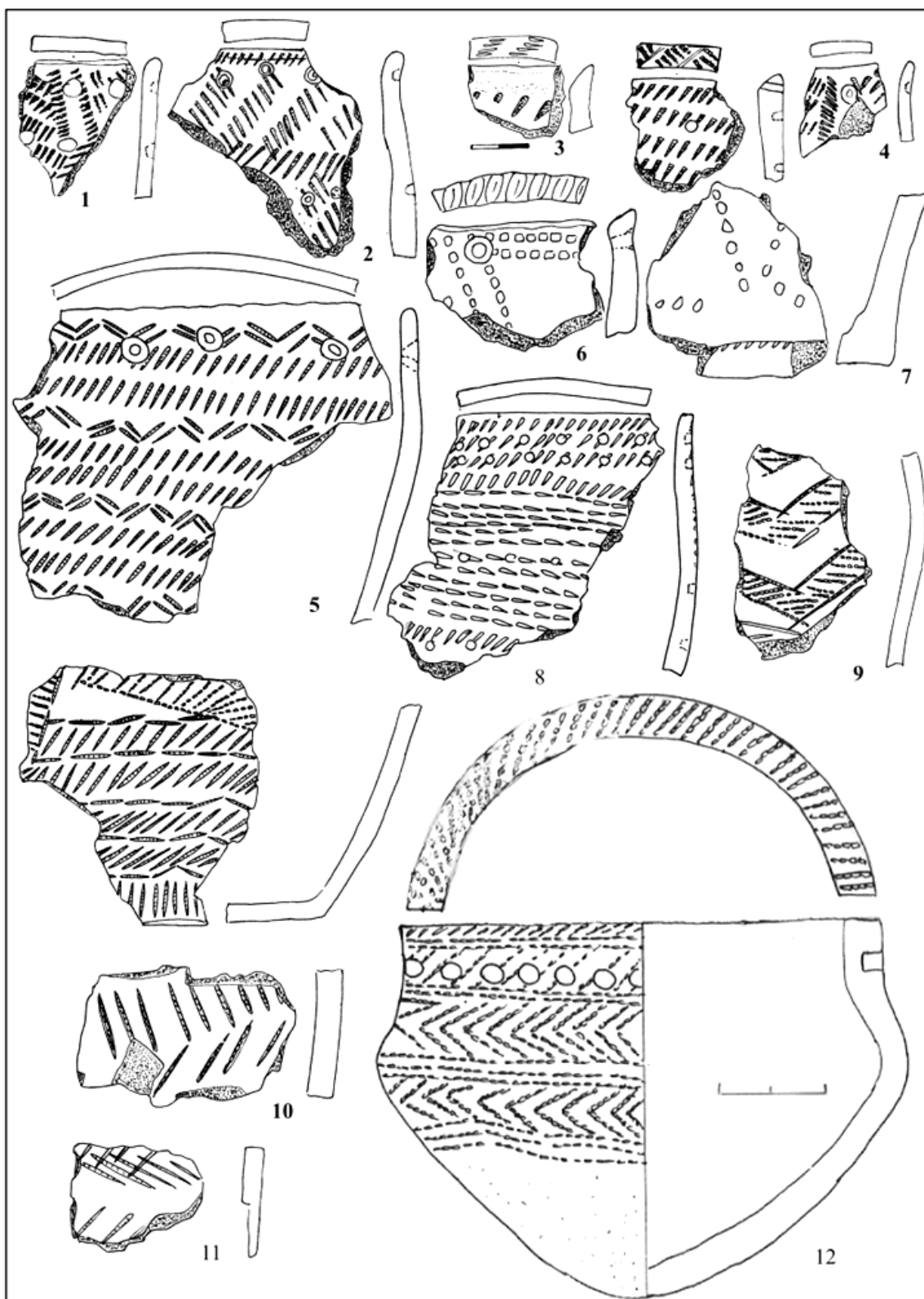

Рис. 1. Материалы работ 2017 года. Керамика. 1-4 – Айлинка VI, 5-8 – Айлинка VIII, 9-11 – Богочаново V, 12 – Усть-Тамак II.

2. *Халтурин А. В.* Отчет об археологической разведке в Большереченском районе Омской области в 2002 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II.

3. *Матвеев А. В., Костомаров В. М.* Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. -2011. № 1 (14)С. 46-55.

4. *Молодин В. И. Нестерова М. С., Мыльникова Л.Н.* Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас — 5 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. - С. 110 — 124.

5. *Петров А.И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртыше. - Омск: Изд-во Ом. гос. Ун-та, 2014. - 348 с. - (Труды учёных Омского ун-та).

6. *Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла Тоболо-Ишимья. - Новосибирск: Наука, 2009. - 320 с.

7. *Тихомиров К. Н.* Новые комплексы эпохи неолита-бронзы в Знаменском и Тевризском районах Омской области // История и культура Сибири: сб. науч. трудов., посвященный 15 -летию Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. – Омск: Изд. ОмГПУ, 2007. – С. 140 — 150.

УДК 904.

О НОВЫХ МЕТОДИКАХ И ОТКРЫТИЯХ В ИЗУЧЕНИИ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ ГОРНОГО АЛТАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2017 ГОДА

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А.

Статья посвящена результатам экспедиции по поиску, документации новых древнетюркских рунических памятников. Во время данной экспедиции впервые в истории отечественных рунологических исследований были применены методики трехмерной оцифровки древнетюркских рунических надписей. Для оцифровки надписей была использована технология фотограмметрии, которая в конечном итоге смогла обеспечить получение корректных фотореалистичных трехмерных моделей скальных поверхностей с рунами. Экспедиция проходила в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Алтай, особенно богатых руническими надписями. В целом, удалось зафиксировать методами фотограмметрии около 30 надписей.

Ключевые слова *трехмерные модели скальных поверхностей, экспедиционные исследования рунических надписей, новые данные, расшифровка древнетюркских рунических памятников.*

NEW DOCUMENTATION METHODS OF ALTAI RUNIC INSCRIPTIONS AND NEWLY DISCOVERED INSCRIPTIONS: THE RESULTS OF THE FIELD RESEARCH IN 2017

Tybykova L.N., Nevskaya I.A.

The article is devoted to the results of an expedition to search the documentation for a new ancient türkic runic monuments. During this expedition for the first time in the history of domestic hronologicheskie research were applied methods of three-dimensional digitization of ancient Turkic runic inscriptions. For digitizing label technology was used photogramme-

try, which ultimately could ensure the correct photorealistic three-dimensional models of rock surfaces with runes. The expedition took place in Ongudai and Kosh-Agach districts of the Altai Republic, are particularly rich in runic inscriptions. In General, managed to fix by methods of photogrammetry about 30 inscriptions.

Key words: *three-dimensional models of rock surfaces, forwarding research runic inscriptions, new data, deciphering old Turkic runic monuments*

В июле-августе 2017 года в Республике Алтай прошла комплексная экспедиция по гранту РФФИ «Поиск, документация и дешифровка новых древнетюркских рунических памятников Горного Алтая», организованная Горно-Алтайским государственным университетом под руководством доц. Л.Н.Тыбыковой и гнс Института филологии СО РАН, ассоциированного профессора Франкфуртского университета И.А. Невской. В экспедиции также приняли участие сотрудники Лаборатории междисциплинарных археологических исследований (ЛМАИ) и Лаборатории социально-антропологических исследований (ЛСАИ) Томского государственного университета (ТГУ), Зайцева О.В. (зав. ЛМАИ), Водясов Е.В. (снс ЛСАИ) и Вавулин М.И. (мнс ЛСАИ), их экспедиция была поддержана проектом «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» под руководством А.В. Дыбо. В состав экспедиции входили также студенты: Елена Панина, студентка Франкфуртского университета, и студент ГАГУ Эркеш Челчушев.

Невская И.А. и Л.Н. Тыбыкова занимаются документацией руники Алтая с 2003 года, организуя практически каждый год экспедиции по поиску и фиксации рунических надписей. Во время экспедиций 2003-2010 г.г. были зафиксированы 90 надписей. Собранные данные были опубликованы в Интернете в свободном доступе уже в 2009 г. (<http://www.altay.uni-frankfurt.de/>); в 2012 году нами был издан «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» в сотрудничестве с проф. Франкфуртского университета Марселем Эрдалом [2012]. В 2013 году Д.Д.Васильев опубликовал «Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Часть I. Древнетюркская эпиграфика Алтая» в котором отразил результаты его исследований на Алтае еще в 80-х годах XX века. За время, прошедшее с тех пор, в результате последующих экспедиций накопилось много новых данных по вновь открытым нами и другими коллегами руническим надписям [Конкобаев и др, 2015]. Особо нужно отметить исследовательскую деятельность ряда жителей Алтая, которые не прекращают поиск новых надписей. Особенно большой вклад в поисковую деятельность был сделан учителем Онгудайской школы искусств Б. М. Киндиковым, который открыл многочисленные рунические надписи в Каракольской долине и многие из них показал К. Конкобаеву и др.

Экспедиция 2017 года была особенной во многих отношениях – как в аспекте технической оснащённости, так и в аспекте количества зафиксированных новых надписей в Онгудайском и Кош-Агачском районах.

Во время данной экспедиции впервые в истории отечественных рунологических исследований были применены методики трехмерной оцифровки древнетюркских рунических надписей. В ходе работ было использовано оборудование вышеупомянутых Лаборатории междисциплинарных археологических исследований и Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. Их сотрудники разработали экспериментальным путём оптимальную на сегодняшний момент методику 3D фиксации древнетюркских рунических надписей. Руны выполнены на скальных поверхностях неглубокими и порой едва заметными для человеческого глаза резами. Такая специфика объекта исследования диктовала свои условия в выборе оборудования и в разработке сценария оцифровки. Глубина и ширина резов в некоторых случаях была менее 0,1 мм, что делает применение трехмерных сканеров, нахо-

дившихся в распоряжении лаборатории, неэффективным, поскольку наибольшее разрешение итоговой модели в 0,1 мм, обеспечиваемое сканером ArtecSpider, было бы недостаточным для корректной фиксации таких объектов. Таким образом, для оцифровки надписей была использована технология фотограмметрии, которая в конечном итоге смогла обеспечить получение корректных фотореалистичных трехмерных моделей скальных поверхностей с рунами. Для проведения 3D фиксации с помощью фотограмметрии вообще не требуется покупки никакого специального оборудования. Достаточно самой обычной цифровой фотокамеры [Зайцева,2014:15]. Специальный алгоритм съемки и последующая компьютерная обработка позволили создать трехмерные модели на основе серии двухмерных снимков. В среднем для фиксации одного памятника рунического письма требуется в среднем 40-60 снимков, затем уже проходит обработка данных в программе автоматически и занимает около шести часов в полевых условиях.

Экспедиция проходила в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Алтай, особенно богатых руническими надписями. В целом, удалось зафиксировать методами фотограмметрии около 30 надписей, в основном ещё не содержащихся в «Каталоге древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» [2012].

Из новых надписей, особенно значительные открытия принесло сотрудничество с Б.М. Киндиковым, за последнее время нашедшем ряд надписей в окрестностях с. Бичикту Боом и Туекта, которые являются одними их наиболее длинных из известных на данный момент рунических памятников Алтая. Новые надписи в Кош-Агачском и Онгудайском районах были найдены и Валерием Ачаповым, с которым мы уже сотрудничали и ранее. Это рунические надписи в окрестностях с. Кокоря на горе Серлу, кроме открытой надписи нам удалось зафиксировать еще и новые надписи, которые еще предстоит тщательно исследовать. В окрестностях с. Ак-Боом нами были обследованы руноподобные знаки на стеле Садак-Улар, на сегодняшний день не удалось точно установить количество знаков из-за очень плохой сохранности надписи. К сожалению, некоторые исследователи ошибочно принимают за рунику надписи, написанные очень давно кириллическими знаками, которые уже выгорели под солнцем и стерлись, что затрудняет его распознавание. Так было, например, с памятником на горе Кызыл Болчок в окрестностях с. Кокоря Кош-Агачского района.

В дальнейшем планируется проведение экспедиций с целью применения данной методики документации для всех рунических надписей Алтая, которые найдены на данный момент. Эти надписи являются очень сложными для расшифровки. Как уже отмечалось, они в основном нанесены очень тонкими резами. Кроме того, они наносились на камни, где находятся граффити или петроглифы, или просто разные резные линии более раннего или более позднего времени. Нередко поверхность камня плохо сохранилась в результате эрозии, и отличить резы от трещин естественного происхождения невооруженным глазом бывает трудно. Соответственно, есть очень различные прочтения данных надписей, которые часто базируются на том, что именно увидел, или не увидел, тот или иной исследователь на камне. Фотографии высокой точности, возможность рассматривать поверхность камня под разными углами зрения, измерять глубину каждой линии помогут сделать ревизию таких прочтений. Они служат также цели сохранения этого бесценного культурного наследия древнетюркского времени, как для науки, так и для последующих поколений жителей Горного Алтая.

Рис. 1. Зайцева О.В. и Водясов Е.В. Идёт фотограмметрия одной из надписей.

Рис. 2. Тыбыкова Л.Н. и Вавулин М.И. Идёт фотограмметрия одной из надписей.

Список литературы

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Часть I. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана, 2013.

Конкобаев К, Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. – Астана:Гылым, 2015 – 367 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012 – 152 с.

Зайцева О. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. – 2014 – №4. – С.10-20.

ПОТЕНЦИАЛ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕР СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ХРЕБТА ИОЛГО

Челтанов М.С.

В статье приводятся сведения о пещерах северо-западной части хребта Иолго, которые могут представлять интерес для археологических исследований.

Ключевые слова: пещеры, хребет Иолго, археология, спелеология

POTENTIAL OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF CAVES OF THE NORTH WESTERN PART OF THE IOLGO RIDGE

Cheltanov M.S.

The article cites information about the caves of the northwestern part of the Iolgo range, which may be of interest for archaeological researches.

Keywords: caves, Iolgo ridge, archeology, speleology.

Пещеры Алтая издавна привлекали интерес археологов. С.В. Маркин приводит обзор пещерных стоянок, в т.ч. в бассейне Катуня и низко-среднегорных областях, говорит об их многослойности. Нередко для археологических памятников наличие нескольких культурных слоев различной эпохи. Так, в горизонтальных пещерах Горного Алтая, где проведены стационарные раскопки голоценовых культурных отложений, обнаружены мощные напластования эпохи верхнего палеолита и неолита. Одна из таких пещер – Иульчак [6, 11]

А. Уманский в книге «Памятники культуры Алтая» (стр. 16, 17) еще в 1959 году отмечал, что самые древние памятники каменного века на Алтае – это пещерные стоянки, однако многие пещеры не обследованы и даже не осмотрены.

Карстоведы Климонтов А.М. и Климонтова А.Н. приводили данные о пещерах [7], на основе которых можно судить о том, что в северо-западной части хребта Иолго множество пещер имеет горизонтальное простирание и небольшие амплитуды, а также на основе наблюдений автора [16, 17] имеют рыхлые отложения, потенциально интересные для обследования археологами.

Изучению пещер с археологической точки зрения посвящена работа спелеолога Вистингаузена В.К. «Спелеоархеология Алтая» [4], который в 80-х годах участвовал в археологических исследованиях, в том числе и на Бирюлинском карстовом участке.

Как известно, в пещерах находят следы пребывания древних людей - останки, орудия труда, рисунки. Что касается пещер северо-западной части хребта Иолго, то здесь можно привести в пример пещеру Иульчак. Она открыта более 30 лет назад [Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1980], и «...может считаться единственной на Алтае, со следами металлургического производства, по-видимому, раннего железного века. Пещера находится юго-восточнее г. Горно-Алтайска, недалеко от с. Карасук, в правом борту руч. Верхняя Еланда, впадающему в р. Иульчак системы р. Карасук. Свидетельством этому являются находки в этой пещере в стратифицированных отложениях кусков спекшегося шлака с повышенным удельным весом...»[5].

Василий Ойношев, директор Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, в интервью [4] упоминал о рисунках на входе в пещеру Иульчак и говорил о проблемах сохранения древней пещерной живописи, в частности, о стирании

рисунков козами в пещере у с. Верх-Мута. В настоящее время пещера Иульчак имеет федеральный статус охраны [13].

В Ингурекском гроте (или пещера Татарка), побывал в 1960-х В.К. Вистингаузен [2], а через 20 лет там Е.П. Маточкиным, опытным исследователем наскального искусства, были найдены и описаны древние писаницы [8].

Что касается изучения пещер, в 1880 Таркольскую пещеру посетил Н.М. Ядринцев. В пещере он нашел следы костра, остатки дерева и бересты, кости человека и животных [17]. Эту же пещеру в 1932 году обследовал археолог С.М. Сергеев, узнав от местных жителей, что в ней находили медные стремена. Сам он ничего в пещере не нашел. [1].

В 1934 году краевед Моннар произвел раскопки, в пещере, названной им Аккаинской. Как сообщил в 1959 г. А.П. Уманский, Моннар открыл в этой пещере, находившейся на левом берегу Аккай, в Каменном логу, «кострище с остатками костей различных животных» (Уманский, 1959, с. 18). Отчет Моннара находится в Горно-Алтайском музее.

В 1957 г. учительница из Горно-Алтайска Е.Л. Певзнер рассказала о посещении Аккаинской и Таркольской пещер во время своего похода со школьниками. Она приводит народное предание, что в Таркольской пещере был похоронен казахский богатырь Кочкор-Бай, убитый во время набега на Алтай. Е.Л. Певзнер также упоминала раскопки в Аккаинской пещере. [11].

Знал о раскопках и В.С. Кочетов, автор первого путеводителя для юных туристов по Горному Алтаю. Описывая маршрут Бирюля – Карым он сообщает о многочисленных входах в пещеры в Каменном логу, карстовом провале на водоразделе Аккай – Карым и упоминает об Аккаинской пещере, находящейся в стороне от маршрута, в верховьях Аккаинского лога [Кочетов В.С. Детские туристические маршруты по Горному Алтаю. 2 изд. Барнаул, 1965. 84 с. с. 52–53]. Во время поиска пещеры Каменной автор попутно обследовал более десятка гротов и небольших пещер в скалах Каменного лога, в некоторых из них были обнаружены костровища неизвестного возраста.

Вопрос об отождествлении названий пещеры "Аккаинская" и Каменная был поставлен в статье Идентификация пещеры Аккаинской [3]. Сейчас можно предположить, на основе анализа изученной информации, что Моннар был направлен "по ложному следу". Каменная пещера находится в Каменном логу, это довольно далеко от Аккаинского лога. Описание, приводимое Кочетовым для Аккаинской пещеры больше подходит для Вороньих пещер, т.к. находясь в верховьях Вороньего лога под перевалом на р. Карым, видны скалы Вороньего лога, а скалы Каменного лога вне пределов видимости. Вороньи пещеры напрямую доступны из Аккаинского лога, находясь не более чем в километре от ее русла. На рукописном схематическом плане окрестностей с. Бирюля из отчета Моннара отмечены Таркольская и Аккаинская пещеры, провалы в Отпетом и Таркольском логу, а также Вороний лог. Очевидно, Моннар составил схему на основе опроса местных жителей, и не зря был отмечен Вороний лог, как и другие карстовые объекты. Возможно, именно туда и собирался Моннар, однако могла возникнуть путаница и ему показали одну из пещер бассейна Аккай, которую он и назвал Аккаинской, а именно Каменную, как одну из наиболее известных наравне с Таркольской. Таким образом, Аккаинском логу больше соответствуют пещеры Вороньего лога.

Пещеры Вороньего длительное время были малоизвестными, отрывочные упоминания о них приводила Климонтова (Тупотилова) А.Н. [7].

В 2017 году автор совместно в группой спелеологов Алтайского края (В. Вистингаузен, В.Иванченко, В.Прокопьев) совершили обследование этих пещер, провели их фото- и топографическую съемку (рис. 1).

Рис. 1. Вход в пещеру Воронья-1.

Рис. 2. Грот с каменной кладкой на входе.

Подробные результаты обследования опубликованы в сборнике Известий Алтайского республиканского отделения РГО «География, экология Алтая: состояние, охрана и устойчивое развитие: Материалы международной научно-практической конференции (27-28 октября 2017 года)» [17]. Здесь лишь отметим, что комплекс пещер Вороньего лога насчитывает пять пещер, в двух из которых обнаружены множество костей и следы животных, рыхлые отложения. В самой крупной пещере есть некое подобие рисунка, который представляет из себя две группы упорядоченных горизонтальных линий, выцарапанных на стене.

В бассейне р. Куюм интерес представляет неизвестный в литературе грот (рис.2), недавно найденный автором неподалеку от п. Туткушской [18]. Возле входа сложена рукотворная каменная кладка с останками полуистлевшей деревянной крепи. Возможно, этот грот служил человеку убежищем. Кроме того, археологических исследований требует комплекс пещер у бывшего села Средний Куюм [Кочетов, 1965].

По устным сведениям жителей села Сайдыс, может быть интересной для археологов пещера в с. Верх-Сайдыс, в которой очень много костей. Пещера небольшая, в нее втекает ручей.

Также следует обследовать пещеры в бассейне р. Сиульты. По сведениям местных жителей, там находится несколько небольших пещер, в одной из которых был найден металлический предмет, по их словам, похожий на меч. Отдельно следует отметить множество устных баек-легенд, связанных с использованием пещер беглыми белогвардейцами. В этом ключе, у В.С. Кочетова (1965) следует отметить в описании Аккаинской пещеры, что раньше она служила убежищем партизан.

Таким образом, на основе вышеприведенных сведений, автор предполагает, что пещеры северо-западной части хребта Иолго имеют потенциал для археологических исследований. Необходим осмотр этих пещер профессиональным археологом с опытным взглядом, для более объективной оценки и прогноза перспектив дальнейших исследований.

Список литературы

1. Археологические памятники Майминского района / С.М. Киреев и др. / Горно-Алтайск, 2008. 144 с., 2008, с. 12
2. Вистингаузен В.К. Все жаждут провалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://priodasibiri.ru/?id_page=22&id_razd=70. – Природа Сибири. – (Дата обращения: 10.03.2018).
3. Вистингаузен, В.К. Идентификация Аккаинской пещеры / В.К. Вистингаузен, С.М. Киреев, М.С. Челтанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей – Вып XXIII. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017. – 264 с. – С.23
4. Вистингаузен, В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С.137-156.,
5. Изображение винторогой антилопы обнаружено в одной из пещер Горного Алтая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/nauka/3657848>. – ТАСС: Информационное агентство России. – (Дата обращения: 10.03.2018).
6. Кирюшин, Ю.Ф. Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае / Ю.Ф. Кирюшин, Г.Я. Барышников, А.М. Малолетко // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. С. 3 – 15.
7. Климонтов, А.М. Карст хребта Иолго / А.М. Климонтов, А.Н. Климонтова // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул, 1975. – С. 15-21.
8. Кочетов В.С. Детские туристические маршруты по Горному Алтаю. 2 изд. Барнаул, 1965. 84 с. с. 52–53

9. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая. / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин // Новосибирск, 1992. С. 45.
10. Маркин, С.В. Разновидности палеолитических стоянок северо-западной части Алтае-Саянской горной области / Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 5: Археология и этнография. на С.72
11. Молодин, В.И. К изучению поселенческих комплексов эпохи раннего железного века Горного Алтая // Скифская эпоха Алтая. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.И.Руденко, Барнаул, 1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/pyd/molodin.html>. – Скифская эпоха Алтая. – (Дата обращения: 10.03.2018).
12. Певзнер, Е.Л. Голубые тропы. Горно-Алтайск, 1957. 44 стр., с. 40–42
13. Перечень объектов культурного наследия Республики Алтай, находящихся на учете в АУ РА «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай» на 01.09.2013 г.
14. Стоянка в пещере Иульчак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nasledie-archive.ru/objs/0210009000.html>. – Архив культурного наследия. – (Дата обращения: 10.03.2018).
15. Уманский, А. П. Памятники культуры Алтая / А. П. Уманский. – Барнаул, 1959
16. Челтанов М.С. О перспективах изучения пещер северо-западной части хребта Иолго // География, экология Алтая: состояние, охрана и устойчивое развитие: Материалы международной научно-практической конференции (27-28 октября 2017 года) / отв. ред. А.М. Маринин. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. – 274 с. С32-39
17. Челтанов М.С. Уточненные данные о пещерах Вороньего лога / "География, экология Алтая: состояние, охрана и устойчивое развитие: Материалы международной научно-практической конференции (27-28 октября 2017 года) / отв. ред. А.М. Маринин. - Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. - 274 с. С.39-44
18. Челтанов М.С. Подземный субботник в пещере Туткушской / М.С. Челтанов // Газета Университет. – 2017. – №2. – С. 8
19. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. 9. вв. 2 и 3. С. 181–204.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 379.8

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ, ДОСУГОВЫХ ИНИЦИАТИВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ УСТНОЙ ИСТОРИИ ПО МАТЕ- РИАЛАМ ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Абдуганиев Н.Н.

Описываются мероприятия, направленные на возрождение и развитие традиционной народной культуры в учреждениях культуры (библиотеки, культурно-досуговые центры), где созданы условия для обеспечения доступа и приобщения жителей к ценностям традиционной культуры народов республики. Деятельность учреждений культуры вносят существенный вклад в укрепление межнациональных отношений. В материалах местных газет прослеживается путь становления учреждений культуры.

Ключевые слова: *Мордовия, народы, учреждения культуры, традиции народов, деятельность, местная региональная газета, этнокультура.*

THE REALIZATION OF THE SOCIO-CULTURAL, RECREATIONAL INITIA- TIVES OF CULTURAL INSTITUTIONS: TO THE QUESTION OF ORAL HISTORY BASED ON MATERIALS OF PRESS AND FIELD RESEARCH

Abduganiev N. N.

The article describes the activities aimed at the revival and development of traditional folk culture in cultural institutions (libraries, cultural and recreational centers), where conditions are created to ensure access and familiarization of residents with the values of traditional culture of the peoples living in the Republic. The activities of cultural institutions make a significant contribution in strengthening interethnic relations. In which local Newspapers can be traced to the way of formation of cultural institutions.

Keywords: *Mordovia, peoples, institutions, cultures, traditions, peoples, activities, local and regional Newspapers, ethnic culture.*

Задачи по совершенствованию взаимодействия государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации предусматривают поддержку деятельности межнациональных общественных объединений, ассоциаций, фондов, национально-культурных автономий как важного средства выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, достижения стабильности межнациональных отношений. Вовлечение институтов гражданского общества, в том числе молодежных и детских общественных объединений, в проведение мероприятий по профилактике проявлений межнациональной (межэтнической) нетерпимости либо вражды в детской и мо-

лодежной среде[9]. Эта тема актуальна, история современности складывается в масштабах всей нашей страны, где деятельности общественных организаций, этническим объединениям и научному сообществу принадлежит ведущая роль. Например, в стратегии государственной национальной политике РФ о роли потенциала институтов гражданского общества говорится: «Использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, в целях гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряженности, экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды» [9]. 31 октября 2016 года в Астрахани состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям, посвящённое актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России. Президент страны В. В. Путин подчеркнул необходимость создания нового закона – Закона о российской нации[4]. «Сегодня национально-культурные автономии – равноправные партнёры федеральных и региональных властей, принимают активное участие в реализации Стратегии государственной национальной политики. Не менее важную работу проводят и другие этнокультурные межнациональные общественные объединения – а их в четыре раза больше, – оказывая населению общественно полезные услуги в соответствии со своими уставами. В. В. Путин, подчеркнул роль некоммерческих организаций в деле укрепления духовного, культурного и целостного единства нашего общества. Это действительно очень важный вопрос. Сегодня в стране создано только 1600 национально-культурных автономий, в том числе 19 федеральных, около 250 региональных; 79 народов нашей страны из 193 воспользовались этим законом, и число этих организаций продолжает расти»[4]. 26 января 2016 г. Председатель Совета Ассамблеи народов России, доктор политических наук С. К. Смирнова в числе ведущих экспертов в сфере национальных отношений участвовала в установочном заседании рабочей группы по разработке Государственной программы по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Участники заседания обсудили основные цели, задачи и подходы к формированию Государственной программы, а также рассмотрели перечень подпрограмм и основных мероприятий документа. Государственная программа должна быть направлена на решение задач по укреплению единства российской нации, обеспечение межнационального мира и согласия, этнокультурное развитие народов РФ [10]. Мордовия — многонациональна: здесь проживает население 119 национальностей (русские, мордва, татары, украинцы, белорусы, евреи, армяне, азербайджанцы, грузины, таджики, узбеки, казахи и другие). Здесь работают национально-культурных и национально-религиозных организаций, в которые объединены представители армянской, еврейской, финно-угорской, азербайджанской, украинской, татарской, узбекской и других общин. Библиотеки муниципальных учреждений культуры, г.о. Саранск – важнейшие составляющие культурной инфраструктуры Республики Мордовия. Рост национального самосознания, стремление к познанию родного языка, культуры, истории народов, проживающих в Мордовии, повышение интереса к краеведению, в значительной степени увеличили спрос на краеведческую информацию, национальную литературу, литературу по истории национальных культур, материалов о современном положении диаспор в регионе и стране, изданий на языках этно-национальных групп местного населения. Основные показатели по состоянию на 01.01.2016 г.: количество библиотек по РМ – 528, из них доступны для лиц с нарушениями зрения – 61, слуха – 34, опорно-двигательного аппарата – 44. Число пользователей и посещений библиотеки (2015 г.): 435 544 чел., число посещений всего – 3 392 991; Выдано документов – 9066021. Формирование библиотечного фонда в 2015 г.: фонд на 01.01.2016 г.: Всего по библиотекам – 5 379 443., в т.ч. печатных доку-

ментов – 5352171 экз., электронные документы – 2229 экз., док-ты на др. видах носит. – 25043, Документы для слепых и слабовидящих – 76; Фонд на языках народов России (на 1.01.2015 г.) – 162797; Фонд на языках народов России на 1.01. 2016 г. – 162022 экз.

Библиотеки Мордовии вносят существенный вклад в укрепление межнациональных отношений. Так, 24 марта 2016 г. в здании в Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина в Саранске по инициативе МРО Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России», общественной палаты РМ, состоялась научная конференция «Библиотеки на перекрёстке культур», в которой приняли участие Министр по национальной политике РМ А. М. Чушкин, заведующий отделом по работе с общественными объединениями и фракционной работе Аппарата Государственного Собрания РМ Е. Савинова, представители комиссии Общественной палаты Республики Мордовия по культуре, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, председатель МРО Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» Л. Никонова, сотрудники библиотек, работники отделов культуры муниципальных районов и др. Проведенное анкетирование и полевое исследование к этому мероприятию показало, что библиотеки работают по комплексным программам. Так, МБУК «ЦГБС для взрослых» работает по комплексной Программе «Дружба народов – единство России» (с 2015); «Наследие по распространению, сохранению знаний об истории и культуре мордвы (с 2000) (МБУК «ЦГБС для взрослых»). ГБУК «Мордовская республиканская юношеская библиотека» работает постоянно действующая Программа «Краеведение: история, традиции, культура» (ГБУК «Мордовская республиканская юношеская библиотека»). МБУК «Ромодановская ЦРБ им.Н.Эркай» – «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ромодановском муниципальном районе» (2015–2019 гг.) (МБУК «Ромодановская ЦРБ им.Н.Эркай»). Отдел библиотечного обслуживания МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия» в настоящее время разрабатывается программа «Моя малая Родина»: «Энциклопедия исчезающих деревень» (с. Александровка, Вейсэ, Красная Поляна, Софьино, Михайловка, Семилейка, Хоневка, Молния, Сосновый Гарт, Пиксаур) (Отдел библиотечного обслуживания МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия»). В практику библиотек вошла традиция составлять программы на несколько лет. Так, «ЦРБ» Ичалковского муниципального района разработали программу до 2020 гг. на тему «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ичалковском муниципальном районе Республики Мордовия (2014 – 2020 гг.) («ЦРБ» Ичалковского муниципального района). В МБУК «Централизованная библиотечная система» Рузаевского муниципального района разработали на 2016-2020 гг. программу по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений «Библиотека – пространство дружбы» (МБУК «ЦБС» Рузаевского муниципального района) [8].

Системно и разнообразно для представителей национальных диаспор организуются библиографические обзоры. Они соответствуют содержанию и носят разнообразный характер – библиографические обзоры у выставки, пресс-обзор, краеведческая гостиная и др. Например: «Народов дружная семья» (2015-2016 гг.), «Из нас складывается народ» (МБУК «ЦГБС для взрослых» г. о. Саранск). «Наша Дружба, наше Братство – наше главное богатство»: библиографические обзоры у выставки (МБУ «Центр культуры Ковылкинского муниципального района»). «Все мы разные, все мы дружные» (2015 г. детская библиотека №6 г.о. Саранск); общегородской День ЭТНОлитературы «Народы дружат книгами» (2015 г.). Участие в однодневном краеведческом библиокалейдоскопе «Вот она такая, сторона родная!» (2016 г.) (ЦГДБ им. А. М. Горького г. о. Саранск); Пресс-обзор «Я горжусь своей Мордовией» (2015)(МБУК «ЦБ Инсарского муниципального района»). Мордовия – прошлое. настоящее», «Литературный календарь»

(2015 г.) (МБУК «ЦБ Кадошкинского муниципального района»). «В семье единой» (МБУК Дубенская РБ). «Познаем народы России и мира – познаем себя» по произведениям писателей ближнего зарубежья: книжная выставка, буктрейлер (2016 г.) (МБУК «Кочкуровская ЦРБ»). Мы в мире – мир в нас»: книжно - иллюстративной выставкой (ЦРБ МБУ «ЦК» Zubovo-Полянского муниципального района РМ), «Татарский народный костюм. Калфак» (2015 г.); «Гаиля байраме» (2015 г.) библиографические обзоры (МБУК «Лямбирская ЦРБ»).

Проводятся беседы, конкурсы, викторины, дни информации, День книжной дружбы. Например, «Библиотека – территория равных» (беседа) (2015) (МБУК «ЦГБС для взрослых» г.о. Саранск). Обращение к истокам»: викторина (МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района РМ»). «Толерантность – путь к спасению»: (информина) (2015) (МБУК «ЦГБС для взрослых» г.о. Саранск); «Мы единой России частица»: дни информации (МБУ «Центр культуры Ковылкинского муниципального района»); «Народы дружат книгами»: День книжной дружбы (2016 г.) (ЦГДБ им. А. М. Горького г. о. Саранск).

Разнообразны формы проведения других информационных мероприятий по этнокультуре народов Мордовии – информационные площадки, библиопраздники, мультимедийный час, выставка-заставка, этнокалейдоскоп и др. Например, «Единой семьей в любимом городе живем»: цикл информационных площадок (2016 г.); «Дружба и братство сильнее богатства»: цикл библиопраздников этнокультуры (2016 г.); Все различны, все едины, все равны: информационный этнокалейдоскоп (2016 г.) (ЦГДБ им. А. М. Горького г. о. Саранск). Выставка национальных костюмов мордовских сел Торбеевского района (МБУК «Торбеевская районная библиотека»).

В целях обмена опытом, развития деятельности по национально-культурному воспитанию, просвещению библиотеки организуют и принимают участие в различных мероприятиях. Круглые столы, семинары, консультации, практикумы помогают обсудить насущные проблемы по этнокультуре и гармонизации межэтнических взаимоотношений, изучению многообразия культур. «Семейные традиции и ценности в призме межрелигиозных отношений»: круглый стол (2015 г.). Участниками мероприятия стали представители различных (православной, мусульманской, еврейской) религиозных организаций, а также ученики и преподаватели средних общеобразовательных школ №7,8,17, Тат-Пишленского сельского поселения. (МБУК «ЦБС» Рузаевского муниципального района). «Что ни народ, то обычай: книга, библиотека и национальные культуры»: практический семинар. «Через книгу к согласию народов»: семинарское занятие; «По одежке встречают»: цикл подиум – практикумов, который посвящен национальным костюмам народов, проживающих в РМ; «Народы дружат книгами»: презентация выставки – просмотр, где представлены 108 национальных и краеведческих книг 17-ти народностей (ГБУК «Мордовская республиканская детская библиотека» г. о. Саранск). «Добрых рук творенье»: презентация о народных умельцах – мастерах п. Кадошкино (2015) (МБУК «ЦБ Кадошкинского муниципального района»).

Согласно проведенным полевым исследованиям и анкетированию среди досуговых учреждений Мордовии выявлено, что в учреждениях культуры проводятся мероприятия, направленные на возрождение и развитие традиционной народной культуры и создание условий для обеспечения доступа и приобщению жителей села к ценностям традиционной культуры народов, проживающих в районных муниципалитетах Республики Мордовия. Досуг – часть свободного времени, используемая для общения, потребления ценностей духовной культуры, любительского творчества, других форм нерегламентированной деятельности, обеспечивающей отдых и дальнейшее развитие человека. Содержание культурно-досуговых программ связано с приобщением человека к культуре, воспитанием гуманности, дружбе. Типы культурно-досуговых программ раз-

лично: праздник, зрелище, фестиваль, длительная досуговая программа, разовая игровая программа, конкурс-игровая программа по заданной тематике, игра-спектакль, театрализованные представления и др. Например, для всех районных культурных центров стало популярно участие творческих коллективов в ежегодном Республиканском фестивале народного творчества «Шумбрат, Мордовия!», День района (во всех муниципальных районах). Так, в Ельниковском районе зрелищно прошла в 2016 г. праздничная программа «С днем, рожденья, район!». Работало несколько творческих площадок, в праздничной программе отмечались лучшие люди района, подводились итоги конкурса на лучшее сельское поселение, лучшее устройство придомовых территорий села Ельники. Во всех КДЦ проведены мероприятия, посвященные Дню единства России (МУ «Ельниковский РДК»). В соответствии с Указом Главы Республики Мордовия «О проведении национально-фольклорных праздников в Республике Мордовия» от 17 июня 2004 года № 80-УГ в Мордовии состоялись Республиканские национально-фольклорные праздники: «День славянской письменности и культуры», «Акша келу», «Сабантуй-2016» и др.[8].

Праздник – это торжественный день, знаменующий о каком-либо важном событии и сопровождающийся различными увеселительными мероприятиями; вечная связь с родиной, потому что из поколения в поколение передается культура народа и культура отдельной семьи; некая пограничная зона между реальной жизнью и художественным произведением. Типология праздников многообразна: народные, национальные и др.

Проведение Праздников характерно для «КДЦ» Республики Мордовия. Например, «Пиже Тривица чи», «Эрзянь Лисьмапря», «Роштува баба» (с. Кельвядни), «Масленица» (во всех сёлах), «Благодати и тепла вам в праздник светлой Троицы» с проведением эрзянского обряда «Тривицянъ Одирвань ютамо» (с. Урусово), «Тундонь ильтема» (с. Низовка), «Норов-авань суюконям» (с. Чукалы) Ардатовского муниципального района. «Праздник Блина», «Праздник Урожая» (ежегодно, сентябрь) («МБУК «Атюрьевский районный дом культуры Атюрьевского муниципального района Республики Мордовия»); фольклорно-обрядовый праздник «Игриштя» (ежегодно, с. Шугурово, МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района»); праздник лаптя «Эрзянь картъ» (с. Березники), «Два села, две культуры» (с. Березники). праздники сёл «Мой край в судьбе России» (МБУ «Центр культуры» Ичалковского муниципального района) [8].

МБУК «ДК Кадошкинского муниципального района» традиционным стало проводить русские, мордовские, татарские праздники, в которых участвуют народы всех национальностей района: «Сабантуй», «В гостях у березки», «Лушник», «КазЭмэсе», «Широкая масленица» (МБУК «ДК Кадошкинского муниципального района»). Например, в Латышовском сельском поселении проведено событийное мероприятие «Сабантуй» (июнь); мероприятие «В гостях у березки», посвященное народному православному празднику Троицы (июнь) состоялось в Паевском сельском поселении. После сбора урожая лука, в с. Нагаево стал традиционным Праздник «Лушник» (луковый пирог – фирменное блюдо села) (август) (МБУК «ДК Кадошкинского муниципального района»). Праздничное мероприятие «Рамазан» (МБУК «Дубенский РДК») [8].

В муниципальном бюджетном учреждении культуры «Центр национальной культуры» Большеигнатовского муниципального района активно ведутся исследовательские работы по сбору экспонатов для музея, по развитию мордовского и русского фольклора, по обрядам и праздникам, по исследованию орнаментов мокшанской и эрзянской вышивки, проводятся фольклорно-этнографические экскурсии с мастер-классами по фольклору, декоративному ткачеству. В Темниковском муниципальном районе ведутся реконструкции древних мордовских молений: об урожае и дожде «Пи-

земонь анама» (КДЦ «Лесно-Цыбаевский»), о сенокосе «Луга лангса васедемат» (КДЦ «Подгорно - Канаковский»), моления – благодарения «Озимь пуре» (г. Темников. «Емашевская роща»). Праздники русской культуры «Тихвинские встречи» (КДЦ «Урейский»), «Петровский встречи» (КДЦ «Пурдошанский»); праздник православной русской культуры «Спасские встречи» (КДЦ «Лаврентьевский»); районные праздники: мордовской культуры «Невскяень васедемат» (Невские встречи) (КДЦ «Лесно - Ардашевский»); «Покрувонь васедемат» (Покровские встречи) (КДЦ «Лесно – Цыбаевский»); татарской культуры «Каз эмэсе» – «День гусей» (КДЦ «Митряловский») (МБУ «Центр культуры» Темниковского муниципального района Республики Мордовия).

Зрелище (концерт, литературно-музыкальная композиция, спортивное состязание и др.) характеризуется наличием исполнителей и зрителей, обеспечивающих успешное проведение мероприятия. Например, ежегодно Ельниковским РДК проводятся театрализованные представления на Рождество, Масленицу, Троицу, Новый год. Особенно зрелищно они проходят в Б. Уркатском, Каньгушанском, М. Маскинском, Стародевиченском КДЦ (МУ «Ельниковский РДК»). Ежегодно во всех КДЦ Ельниковского района проходят колядки «Усеньки» (КДЦ Ельниковского района). Интересно, красочно проводят мероприятия в Ичалковском муниципальном районе. Театрализованное представление «Рождественское чудо»; Громкие чтения «Сказки мордвы» (МБУ «Центр культуры» Ичалковского муниципального района). Этнокультурные новогодние и рождественские колядки характерны и для Темниковского РДК: «Казюлюшка-мазюлюшка» (КДЦ «Аксельский») (МБУ «Центр культуры» Темниковского муниципального района Республики Мордовия) [8].

Исследуя материалы газеты «Красная Мордовия» (далее «Советская Мордовия», ныне – «Известия Мордовии»), очевидно, что издавна в них прослеживаются условия, осуществляющих досуговую деятельность (открытие и работа клубов, изб-читален, сельских библиотек и т.д.), характер художественной самодеятельности и её репертуар; активность участников и т.д. Вопросы по досуговой деятельности в сельской и городской среде регулярно освещали селькоры, фотокорреспонденты, работники органов власти и т.д. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Таким образом, по результатам анкетирования и полевых сведений учреждения культуры (библиотеки, культурно-досуговые учреждения) Республики Мордовии вносят существенный вклад в укрепление межнациональных отношений. Их деятельность может рассматриваться в контексте исторических и социальных наук. Работа общественности, вовлеченность населения через культурно-досуговую деятельность повышает внимание к изучению традиций и истории народов, развитию поликультурной общности. В осмыслении досуга как социального явления можно положиться на народные культурно-педагогические идеи и традиции. В совокупности это способствует гармонизации отношений народов социокультурного пространства Мордовии.

Список литературы

1. Вилков Г. Центр культурно-массовой работы // Красная Мордовия. 17.10. 1950.
2. Еделькин В. Праздник песни // Советская Мордовия. 1.06. 1954.
3. Закончился республиканский смотр сельской художественной самодеятельности // Советская Мордовия и др.
4. Заседание Совета по межнациональным отношениям. Режим доступа: <https://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения 26.12.2016).
5. Кантор К. Вечером в Доме культуры // Красная Мордовия. 4.08. 1950.
6. Кшнякин И. Повысить уровень работы сельских учреждений культуры // Советская Мордовия. 28.09. 1954.

7. Оживилась работа клубов и изб-читален // Красная Мордовия. 26.11.1947.

8. ПМА: Государственное бюджетное учреждение культуры «Республиканский Дом народного творчества»; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Атюрьевский районный дом культуры Атюрьевского муниципального района Республики Мордовия»; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Культурно – досуговый центр Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия»; МБУ «Центр культуры» Ичалковского муниципального района РМ; МБУК «ДК Кадошкинского муниципального района»; Муниципальное учреждение «Ельниковский Районный Дом культуры» (МУ «Ельниковский РДК») и др.

9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). – Москва, 2013.

10. Федеральное агентство по делам национальностей приступило к созданию актуальной Государственной программы. Режим доступа: <http://ассамблеянародов.рф/news/federalnoe-agentstvo-po-delam-nacionalnostey-pristupilo-k-sozdaniyu-aktualnoy-gosudarstvennoy>.

УДК 94

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ

Авагян И.Э., Оганнисян А.Г.

В статье рассмотрены воспоминания людей, которые в разные периоды были подвергнуты сталинским репрессиям и некоторые документы, которые доказывают эти факты. Сталинские репрессии также затронули население Ширака, когда находившиеся под тяжелым воздействием Великого геноцида армяне оказались в тяжелом состоянии. Начиная с 2004 г. мы издаем серию изданий «Пережившие Великий геноцид». Эти воспоминания затрагивают не только историю Армянского геноцида, но и события Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, сталинских репрессий.

Ключевые слова: воспоминания, Сталин, Калинин, Ленинакан, насилие, 1937 г., враг народа, факты, репрессии, документы.

SOME MEMORIES OF STALIN'S REPRESSIONS

Avagyan I.E., Hovhannisyanyan A.H.

The article reviews memories of people who in different periods were subjected to Stalin's repressions and some documents that prove these facts. The Stalin's repressions also affected the population of Shirak, when the Armenians, who were under the heavy influence of the Great Genocide, were in serious condition. Since 2004 we publish a series of publications, «Those who survived the Great Genocide». These memories affect not only the history of the Armenian genocide, but also the events of the First World War, the Great Patriotic War, Stalin's repressions.

Keywords: memories, Stalin, Kalinin, Leninakan, violence, 1937, the warrior, facts, repressions, documents.

В статье рассмотрены воспоминания людей, которые в разные периоды были подвергнуты сталинским репрессиям и некоторые документы, которые доказывают эти факты. Сталинские репрессии также затронули население Ширака, когда находившиеся под тяжелым воздействием Великого геноцида армяне оказались в тяжелом состоянии. Начиная с 2004 г. мы издаем серию изданий «Пережившие Великий геноцид». Эти воспоминания затрагивают не только историю Армянского геноцида, но и события Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, сталинских репрессий.

В 2004 г. мы издали первую книгу нашей серии: «Из отчего дома в Тер-Зор: воспоминания Каджуни Карагезяна [1, с 45-52]. Каджуни переехал в Советскую Армению в 1924 г. Он сорок пять лет искал похищенную турками в 1915 г. старшую сестру. В этих трудных поисках ему помогли двоюродная сестра Аместуи, которая после сиротского приюта оказалась в Лионе, проживающий в США друг-Шахназар Кеотяхян и его сесра. Старшая из сестер Шахназара – Шамирам с семьей жила в Стамбуле. Младшая сестра – Агвита во время Великой репатриации армян с семьей переезжает в Ленинанкан, где при помощи Каджуны строит дом в квартале Гноцаван¹. Но вскоре ее семья была репрессирована и сослана в Алтайский край. После возвращения из ссылки при помощи Каджуни семья обосновалась в Ереване. Живя в Советской Армении, Каджуни все время поддерживает переписку с двоюродной сестрой Аместуи, которая жила в Лионе. Она на страницах газет Стамбула и Анкары печатает платные объявления о том, что младший брат, которого зовут Сулейман, ищет сестру по имени Фабрия. В один прекрасный день-10 декабря 1959 г. Аместуи из Лиона пишет письмо о том, что нашла сесру. Все это не могло остаться в тени от КГБ. Каджуни вызывают в КГБ на допрос и заставляют отказаться от переписки с Францией. Каджуни понадобилось еще пятнадцать лет, чтобы поехать в Турцию на свидание с сестрой. Его дети рассказывают о том напряжении, в котором был отец, все время находясь под прицельным наблюдением КГБ.

Много свидетельств о том, что во время сталинских репрессий, живущие в Советской Армении граждане отказывались от переписки с родными, которые жили в армянских диаспорах за границей. В пятый том серии – «Пережившие Великий геноцид» мы включили воспоминания Тиграна Погосовича Урмузьяна [2, с. 278-279], который своему внуку Самвелу Симоняну рассказал о том, что и него было пять братьев. Кроме двух-его и младшего брата, все остальные погибли в бою. Тигран родился в Западной Армении, в Муше. Отец Тиграна был из Битлиса. Тигран поменял фамилию из-за того, что был активным участником гайдукского движения, его преследовала полиция, и он находился под прицельным наблюдением Османского правительства. В Западной Армении он добровольно вступает в отряд Андраника и верно служит ему, добираясь с ним до Батуми². В 1933 г. Тиграна приговаривают к расстрелу, обвинив его в том, что он являлся солдатом Андраника. По стараниям А. Ханджяна расстрел был заменен на ссылку. Это происходит после того, когда сын Тиграна Григорий плача подбегает к нему и со словами: «Дядя Агаси, я пришел к вам просить»,- протянул ему письмо, где было написано о том, что в то время Тигран содержал не только четырех своих детей, но и двух, чудом спасшихся от османской резни, детей убитого брата. По ходатайству А. Ханджяна расстрел был заменен на десятилетнюю ссылку. Из ссылки Тигран возвращается спустя пять лет в 1938 г. Внук Самвел считает, что причиной тому было то, что дед был хорошим ремесленником. После возвращения на родину ему запрещают жить в Ленинанкане. В 1938-39 гг. он проживает в Гукасяне, а через год переезжает в Ленинанкан. Родственники Тиграна, дети погибших братьев после депортаций 1915г. обосновались в диаспоре Ливана. После ссылки, под давлением КГБ Тигран прерывает переписку

¹ В переводе с армянского – кательня.

² 1919г.

ку с границей. До сих пор потомков Тиграна интересует, как сложилась судьба родных в Ливане.

Рожденная 1926 г. Лусик Джндоян рассказывает: «Мой отец Навасард-Аветис был депортирован из села Рустамгедук уезда Муша. Один старик в сиротском приюте взглянув на маленького мальчика и узнав его сказал, что это внук фидаина Джндо¹, после чего ребенку дали фамилию Джндоян. Мать Сосе была двоюродной сестрой моего отца [3, с. 305]². В 1936 г. мой отец стоял на станции «Ленинакан» со своими друзьями. На поезде привезли прах А. Ханджяна³. Один из друзей сказал: «Это Берия уничтожил его». Один из друзей написал донос. Из-за него мой отец и его друзья были осуждены по уголовным статьям 67,68 и репрессированы. Приговор обвинял их в распространении троцкистских идей среди студентов. Моего отца сослали в Воркуту на пять лет. В 1941 г. его призвали в армию, и он пропал безвести на фронте блокадного Ленинграда». Сохранилась две справка данные прокуратурой Республики Армения. Приводим справку от 22.02.1996г. под номером 13-906-95 в которой написано: «Гражданин Аветис (Навасард) Назарович Джндоян, рожденный в 1905г. в Ленинакане, совещанием НКВД АрмССР 3.03.37г. приняло решение его и других пятерый осудить на пять лет по статьям 67,68 уголовного кодекса по причине ведения троцкистской агитации среди студентов в 1935-36гг., потому что хвалил Троцкого и с вражеский позиций критиковал политику партии. Постановлением Судебной коллегии по уголовным делам Генерального суда АрмССР 14.01.59г. выше приведенный приговор НКВД был отменен, дело было прекращено за не имением доказательств вина. Аветис (Навасард) Назарович Джндоян был помилован и, как таковой, считается реабилитированным, а после его посмертной реабилитации его прямые потомки пользуются полагающимися льготами по закону о «Репрессированных» РА принятого 14 июня 1994г. Прокурор отдела по надзору о законности приговоров и вердиктов прокуратуры РА А.Г.Ерицян» /печать и подпись/.

1915г. из Муша в Краснодар была депортирована семья Авагянц и обосновалась в станице Переясловская Краснодарского края. 1937г. умерла Сима Авагянц, спустя сорок дней - Аршак Авагянц. Сиротами остаются пятеро детей. Старший сын Рубик погиб во время работы, он был задавлен двумя вагонами. Младших сестер разлучили, их удочерили тети Симы. Самую младшую Наталью, которой было шесть лет, усыновила тетя Симы Туик. Наталья вместе с ней переехала в Ялту. В 1940г., вторая сестра - Виктория переехала в Ленинакан. Во время Великой Отечественной войны под Сталинградом во время бомбардировки санитарного поезда погиб младший сын семьи – шестнадцатилетний Андраник, который служил санитаром. Старшая сестра Маруся умерла от малярии. Наталья Авагян-Папаян о ссылке в Башкирию рассказывает. «После отхода немцев из Ялты – 27-ого июля постучали в нашу дверь. Было четыре часа ночи. Те, кто вошли, приказали собраться, взять первые необходимые вещи и матрасы. Нас отвели на железнодорожную станцию и распределили по грязным товарным вагонам. Прошел месяц, пока мы доехали до поселка Красный Ключ. За это время мы все завшивели. Некоторое время мы жили в клубе поселка, потом нас переселили в деревянные бараки. Наша комната была на первом этаже. Я работала на бумажной фабрике поселка. Местные алкаши нас обзывали «Крымскими предателями». Муж маминой тети – Арпиан, которого я называла отцом, работал парикмахером. Однажды местные алкаши у него потребовали Тройной одеколон, а он не дал. По этой причине они написали до-

¹ Джндо был армянским фидаином, но носил курдскую одежду.

² Мать Сосе – Сосе Майрик (Варданян Сосе), участница армянского национально-освободительного движения, жена и соратник Ахбюр Сероба. Неоднократно участвовала в боях фидаи.

³ 1936-1937 гг. Л.Берия начинает чистки в рядах армянской и грузинской коммунистической партий.

нос, мол, отец сказал. «Хорошо, что Сталин умер, тогда содержал четыре козы, а сейчас буду содержать десять коз, никто ничего не скажет». В ссылке его арестовали, и он просидел в тюрьме Ишимбая целый год, где его мучили. Когда он вышел из тюрьмы был в тяжелом состоянии. Я была вынуждена отвести его к одной бабке, которая народными средствами вылечила его – отвела страх».

В 1937 г. жертвой культа личности оказалась семья Тоноян, которая в 1915 г. была депортирована из Муша [4]. Арам Тоноян был заключен в тюрьму на политической почве. В своих мемуарах брат Арама Айрапет пишет: «Из-за брата меня исключили из партии, выгнали с работы... Когда на улице меня видели друзья, они избегали меня, боясь доносов. Из Москвы приехала комиссия, которая, изучив мой вопрос, сообщила, что в Центральном Комитете КП Армянской ССР будет рассмотрено мое заявление. В 1938 г. меня восстановили в партии и на работе». Некоторые подробности сообщает младший сын Айрапета Айк, о том каким жестоким образом был сослан его дядя Арам. «На его руках отсутствовали все пальцы кроме большого и указательного пальцев на правой руке, которые, видимо, оставили для того, чтобы он смог подписывать под обвинениями». Не менее жестокой оказалась судьба двоюродного брата Арама и Айрапета, о котором Айрапет гордо пишет, что: «После советизации Мурад стал колхозником». По рассказу Айка Тонояна Мурада сослали из-за того, что он в гневе обозвал Калинина козлиной бородой, а причиной злости была задержка выплаты зарплаты. Семья Мурада была выслана в Алтайский край и вернулась из ссылки после смерти Сталина в 1955 г. Сохранилась характеристика Айрапета Тонояна на русском языке, которая характеризует его, как политически грамотного, морально и политически устойчивого, преданного партии Ленина и Сталина партийного работника. «Характеристика. На члена В.К.П./б/-Ст. Сержанта тов. Тонояна Айрапета Айрапетовича. Тов. Тоноян Айрапет Айрапетович проходил службу на Ереванском Военно-Пересыльном пункте Зафронта в должности Зав. складом с Марта 1942 г. по 1-ое Марта 1944 г. За время своей работы показал себя образцовым, исполнительным, добросовестным и честным работником. Имел целый ряд благодарностей от командования Военно-пересыльного пункта, а также был неоднократно премирован. За время службы ни дисциплинарных, ни партийных взысканий не имел. Тов. Тоноян А.А. является политически грамотным. Морально и политически устойчив. Партийные поручения выполнял своевременно и честно. Коммунист Тоноян А.А. партии Ленина Сталина и Советского Родины предан. Нач. Ерев. Военно-Пересыльн. Пункта Майор /подпись/ Зубарев, Парт.орг Ер.В.П.П. Ст.Л-т /подпись/ Звенияцкий». О том, какими усилиями А. Тоноян смог достигнуть этого, свидетельствует его рукопись (см. рис.). Документ процитирован без изменений и характеризует дух сталинской эпохи. Имея такую характеристику А.Тоноян случившееся с братьями и собственное горе считает обыкновенной неудачей, в то время как, его потомки к случившемуся относятся беспристрастно и оценивают, как подобает.

Считаем закономерным следующее заключение: в многочисленных воспоминаниях которые мы собрали, непосредственно пережившие сталинские репрессии свидетели случившееся считают недоразумением или случайностью, даже не смотря на то, что воспоминания собраны в разные промежутки времени. У людей сохраняется глубокая признательность Советскому государству, благодаря которому армянский народ смог пережить Армянский геноцид и избежать от нависшего над головой турецкого ятягана. Удивительным образом сохраняется снисходительность и терпимость армянского народа к случившемуся. Пережившие Армянский геноцид и сталинские репрессии случившееся считают случайностью, результатом чей-то злой или ненарошной шутки. Никким образом свидетели случившееся не считают целенаправленными и систематизированными репрессиями, которые были организованы на государственном

уровне и входили в область советской государственной политики. Из вышеописанного следует, что даже в некоторых случаях данная политика и подобного рода давления случались после смерти Сталина и доходили вплоть до 1974 г. Сбор воспоминаний продолжается, в дальнейшем возможно будут собраны другие мнения, взгляды и точки зрения относительно сталинских репрессий в Советской Армении и среди населения армянский диаспор Советского Союза.

Список источников и литературы

1. Авагян И.Э. Пережившие Великий геноцид, серия изданий, книга 1, Из отчего дома в Тер-Зор: воспоминания Каджуни Карагезяна, Эльдorado, 2004 (на армянском языке).
2. Авагян И.Э., Пережившие Великий геноцид, серия изданий, книга 5, Судьба нашего полка: Мемуары Оганнеса Трчуняна - Оганнисяна, Гюмри, Эльдorado, 2016 (на армянском языке).
3. Армянский Вопрос, энциклопедия, Ереван, 1991.
4. Авагян И.Э., Пережившие Великий геноцид, серия изданий, книга 2, Из прошлого: мемуары А.Тонояна, Эльдorado, 2006 (на армянском языке).

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԴԱՏԱԽԱՂՈՒԹՅՈՒՆ

ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

375010, Երևան, Խորհրդարանի 6

375010, Ереван, ул. Хорурдарапа 6

22 02 1996 г. № 13-906-95

Տ Ե Ղ Ե Կ Ա Ն Ք

Քաղ. Ավետիս /Նավասարդ/ Նազարի Քնդոյանը, ծնված 1905թ. Լենինական քաղաքում, ՍՍՀՄ ՆԳՃԿ-ի հասուկ խորհրդակցության 3.03.37թ. որոշմամբ 5 ալևանձանց հետ միասին քրեական օրենսգրքի 67 և 68 հոդվածներով դատապարտվել է ազատազրկման 5 տարի ժամանակով այն բանի համար, որ 1935-36թթ. ուսանողների մոտ տարել է տրոցկիստական ազիտացիա, գովել է Յրոցկուն, թշնամական դիրքերից քննադատել է կուսակցության քաղաքականությունը:

ՀՍՍՀ Գերագույն դատարանի քրեական գործերի դատական կոլեգիայի 14.01.59թ. որոշմամբ բեկանվել է ՆԳՃԿ-ի վերը նշված որոշումը և գործը կարգվել է հանցանքը ապացուցված չլինելու պատճառով:

Ավետիս /Նավասարդ/ Նազարի Քնդոյանը, արդարացվել է, համարվում է բռնադատված և որպես այդպիսին նա, իսկ նրա հետմահու արդարացման դեպքում նրա առաջին հերթի ժողանգները օգտվում են , Բռնադատվածների մասին, , 1994թ. հունիսի 14-ի ՀՀ օրենքով նախատեսված արտոնություններից:

ՀՀ դատախազության դատավճիռների և որոշումների օրինականության վրա հսկող բաժնի դատախազ

Ա.Գ.Ներիցյան

Справка, данная прокуратурой Республики Армения от 22.02.1996 г. под номером 13-906-95

266

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ

ԴԱՏԱԽԱՋՈՒԹՅՈՒՆ

ПРОКУРАТУРА

РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

375010, Երևան, Շահումյան 6

375010, Ереван, Шаумяна 6

№ 13-986-95 8.06.1995 թ.

Տ Ե Ղ Ե Կ Ա Ն Ք

Բռնադատված Ավետիք /Նավասարդ /Նազարի Հնդոյանի վերաբերյալ

ՍՍՄԲ ՆԳԺԿ-ի հատուկ խորհրդակցության 3.03.1937թ. որոշմամբ Ավետիք / Նավասարդ / Հնդոյանը դատապարտվել է 5 տարի ազատազրկման: 1959թ. հունվարի 14-ին ՀԽՍՀ Գերագույն դատարանը վերոհիշյալ որոշմամբ բեկանել է Հնդոյանի և մյուսների նկատմամբ, ըր. գործը կարճել է հա նցանքը ապացուցված չլինելու պատճառով:

Ա./Ն./ Հնդոյանը համարվում է բռնադատված, նրա նկատմամբ տարածվում է 1994թ. հունիսի 14-ի օրենքը:

Բաժնի դատավար Ս. Գրիգորյան

Справка, данная прокуратурой Республики Армения от 8.06.1995 г. под номером 13-986-95

Характеристика

На члена В.К.П./б/ - ст. Сержанта тов.
Тонояна Айрапетя Айрапетовича.

Тов. Тоноян Айрапет Айрапетович проходил службу на Ереванском Военно-Пересыльном пункте Закавказья в должности Зав. складом с Марта 1942г по 1^ю Марта 1944г.

За время своей работы показал себя образцовым, исполнительным, добросовестным и честным работником.

Имеет целый ряд благодарностей от Командования Военно-пересыльного пункта, а также был неоднократно премирован.

За время службы ни дисциплинарных ни партийных взысканий не имел.

Тов. Тоноян А.А. является политически грамотным, морально и политически устойчивым.

Партийные поручения выполняет своевременно и честно.

Коммунист Тонояну А.А. партии Ленина Сталина и Советского Родина предан. —

Найденное
Военно-Пересыльный Пункт
Чайор
Ер. В. К. П.
П. П.

Зубарев /Зубарев/

Звениковский /Звениковский/

Характеристика А. Тонояна

П Р И К А З

по тресту «Ленстрой» Министерства пром. строительства
Армянской ССР

От « 7 » ..... 1977 г.

№ 5

г. Ленинакан

"О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ПОЧЕТ-
НОГО СТРОИТЕЛЯ ТРЕСТА "ЛЕНСТРОЙ"
УПРАВЛЯЮЩЕГО СТРОЙБАНКА г.
ЛЕНИНАКАНА тов. ТОНОЯНА А.А".

Отмечая многолетнюю плодотворную работу тов. ТОНОЯНА АЙРАПЕТА АЙРАПЕТОВИЧА в должности управляющего Стройбанком гор. Ленинакана, и имея ввиду его большие заслуги в деле оказания тресту "Ленстрой" всестороннюю практическую помощь в вопросах финансирования строительства и отмечая 70-и летие дня рождения,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. По поручению администрации, партийной и профсоюзной организацией треста "Ленстрой" управляющего Стройбанка г. Ленинакана тов. ТОНОЯНА АЙРАПЕТА АЙРАПЕТОВИЧА за многолетнюю работу в должности управляющего Стройбанка г. Ленинакана и оказание большой помощи тресту "Ленстрой" присвоить звание "Почетного Строителя" треста с вручением ему удостоверений и значка "Почетного Строителя".

2. Ежегодно выделять бесплатные путевки в профилакторий треста тов. ТОНОЯНУ А.А. и его жене.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ТРЕСТОМ "ЛЕНСТРОЙ"

В.А. ХАЧАТРЯН

Разослать: О^д, АХо, Цостройком, Стройбанк.

Приказ о награждении

**СКАЗИТЕЛИ СЕВЕРНОЙ ШОРИИ
(ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1995-2003 гг.)**

Арбачакова Л.Н.

В данной статье рассматриваются полевые записи, сделанных нами с 1995 по 2003 гг. во время индивидуальных экспедиционных работ с шорскими сказителями. В ходе полевых исследований в северных районах Шории нам удалось зафиксировать от представителей мрасской сказительской школы (А.В. Рыжкина, В.Е. Таннагашева, А.П. Напазакова) около 32 героических сказаний объемом от 1,5 до 3 тыс. стихотворных строк. В настоящее время оригиналы аудиозаписей с героическими сказаниями современных кайчи хранятся в Фоноархиве сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л.Н. Арбачаковой), копии оцифрованных аудиозаписей имеются в личном архиве собирателя.

Ключевые слова: *Шорские героические сказания, полевые записи, мрасская сказительская школа, современные сказители, традиция.*

**STORY-TELLERS OF NORTH SHORIA
(FIELD RECORDINGS 1995-2003 YEARS)**

Arbachakova L.N.

This article deals the field recordings made by us from 1995 to 2003 yy. during individual expedition works with Shor story-tellers. During field researches in the northern areas of Shoria we managed to fix about 32 heroic legends from by volume 1.5 up to 3 thousand poetic lines from representatives of Mrass story-teller school (A.V. Ryzhkin, V.E. Tannagashhev, A.P. Napazakov). In present time, the original audio records with heroic legends of contemporary story-tellers (kajchi) are stored in the Audio archives of sector of folklore of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology RAS SB (L.N. Arbachakova), copies of digitized audio recordings are available in the collector's personal archive.

Keywords: *Shor heroic poems, field recordings, Mrass story-tellers school, contemporary story-tellers, tradition).*

В данной статье мы анализируем полевые записи с 1995 по 2003 гг., собранные на севере Горной Шории. В это время живая сказительская традиция у шорцев, как и у других народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов), практически угасла. Тем не менее, остались последние отголоски бывшего сказительства у отдельных исполнителей, хорошо знавших эпическую традицию народа.

В первой исследовательской интерпретации полевых записей 1999 года (работа была выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Интеграция»), мы отметили знание у В.Е. Таннагашева исполнительской манеры не только П.Н. Амзорова, но П.И. Кыдыякова: «он достаточно точно продемонстрировал тип тембра Кыдыякова, а при записи напевов сказаний исполнил сначала его напевы, затем свои» [Назаренко, Арбачакова, 1999, с.80].

Отметим, что большая часть героических сказаний была записана нами во время индивидуальных экспедиционных работ с современными кайчи. В ходе полевых исследований в районах Междуреченска и Мысков (север Шории) нам удалось сделать аудиозаписи героических сказаний от трёх представителей мрасской сказительской

школы: А.В. Рыжкина (1924-2003), В.Е. Таннагашева (1932-2007) и А.П. Напазакова (1937-2004?). Было зафиксировано около 32 героических сказаний объемом от 1,5 до 3 тыс. стихотворных строк каждое [Фольклор шорцев, 2010].

По сведениям А.И. Чудоякова, помимо мрасской сказительской школы Северной Шории, была кондомская, а третья – находилась в южной стороне (Таштагольского района – Л.А.). К сожалению, эта школа осталась неизученной, так как сказительская практика оборвалась в годы Великой Отечественной войны [Шорские героические сказания..., 1998 с. 15]. Представителем кондомской школы был известный поэт и сказитель – С.С. Торбоков, оставивший самозаписи богатырских сказаний, а также сказки, загадки и пословицы. Сегодня эти материалы хранятся в архивах Института алтаистики им. С.С. Суразакова и Хакасского научно-исследовательского института, а 5 текстов сказаний – в архиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН [Фольклор шорцев, 2010].

С 1996 года мы тесно сотрудничали с В.Е. Таннагашевым, который помнил около 80 героических сказаний. По его словам, он слышал их от разных сказителей: П.И. Кыдыякова, С.С. Торбокова, П.Н. Амзорова Г. Кастаракова, И.В. Токмагашева и других *кайчи*. Однако своим учителем он считал П.Н. Амзорова, которому, наигрывая на бала-лайке, подражал с юных лет.

Современные исполнители различаются по манере исполнения: *қайба ысчытқан кайчи*, т.е. исполняющие *каем* (горловым пением) в сопровождении двухструнного музыкального инструмента *кай-комус* и *чооқпа ысчытқан кайчи*, т.е. исполняющие речитативом, букв. «говором отправляющие кайчи». Большинство современных представителей мрасской сказительской школы сами себя называли *кайчи* (В.Е. Таннагашев, А.В. Рыжкин). А.П. Напазаков – исполнитель из села Чувашки, считал себя *ныбакчи*-сказочник, так как он не умел петь *каем* и играть на *комусе*. Повествование он вёл без горлового пения и музыкального инструмента, но активно пользовался мимикой и жестиком. Подобный вид исполнения эпоса называется сказителями «...чазаг (т.е. «пеший»)» [Алтын Арыг, 1988, с.494].

С 1996 года мы тесно сотрудничали с В.Е. Таннагашевым, который помнил около 80 героических сказаний. По его словам, он слышал их от разных сказителей: П.И. Кыдыякова, С.С. Торбокова, П.Н. Амзорова Г. Кастаракова, И.В. Токмагашева и других *кайчи*. Однако своим учителем он считал П.Н. Амзорова, которому, наигрывая на бала-лайке, подражал с юных лет.

С 1996-2003 гг. Л.Н. Арбачакова зафиксировала от В.Е. Таннагашева на современную аппаратуру 27 героических сказаний (17 сказаний были исполнены сказителем *каем* в сопровождении *кай-комуса*, а 10 – речитативом). Из них, сказание «*Ак Қаан*» имеет четыре одновременные аудиозаписи, первый вариант назван по имени алыпа и его коня: «*Ұш қулақтығ ақ қор аттығ Ақ Қаан*» (С треухим светло-каурым конём Ак Кан), остальные – по имени алыпа «*Ак Қаан*».

Другое сказание «Алтын Тайчы» записывалось дважды в 1996 и 1998 гг.; сказание «Қан Мерген» в ходе сказывания было прервано, так как выяснилось, что *кайчи* исполняет вариант сказания «*Алып Қарачын қыс*». Сказитель вдруг понял, что исполняет сказание «*Алып Қарачын қыс*».

С 1996 по 2002 гг. нам удалось от А.П. Напазакова записать на диктофон пять героических сказаний: «*Қуба Салғын*» (зап. в апреле 1996 г.); «*Күмүш түктүг күмүш сар аттыг Күмүш Қылыш Күмүш Көök печелиг*» (зап. 1996 г.); «*Қыдат Қаан*» (зап. в октябре 2001 г.); «*Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабақ печелиг Қаан Мерген туңмалыг*» (зап. в сентябре 2001 г.); «*Ұш очуқтыг Сарыг Тайга*» (зап. в январе 2002 г.), усвоенных им от Ф.Д. Напазакова (родного брата отца) и П.П. Токмагашева (Па-

бель) – ярких носителей мрасской эпической традиции [Арбачакова, 2015, с. 98]. Помимо перечисленных сказаний, он знал ещё около двадцати произведений эпоса.

От А.В. Рыжкина нам удалось сделать 5 аудиозаписей героических сказаний, так как в это время он уже болел. А.В. Рыжкин своим учителем считал своего дядю И.М. Рыжкина – известного сказителя, которого слушал с раннего детства. Первая запись сказания «*Алтын Эргек*» была произведена нами в 1995 году в домашней обстановке в присутствии его жены – М.Г. Рыжкиной и Л.И. Чульжановой. В последующие годы мной были записаны сказания в присутствии А.Н. Арбачакова, который производил фотосъёмку. Так в марте-апреле 1996 г. были зафиксированы от него сказания «*Алтын Қаан*» и «*Эргек пажы Қаан Эргек*». В марте 1998 г. – «*Қара Қартыға*» и «*Ақ Сагал*». Все сказания были исполнены сказителем традиционным *каем* под двухструнный музыкальный инструмент *кай-комус*, изготовленный им собственноручно.

В 1995 году от М.К. Каучакова мы записали лишь небольшой отрывок сказания «*Кан Эргек*» (7 стр. в стихах), а также несколько песен в его сочинении, исполненных им горловым пением под *кай-комус*. В 2010 году он рассказал нам небольшой отрывок сказания «*Алтын Тайчы*» и некоторые «общие места» («богатырская езда», «испытание алыпа», «облачение алыпа»). По словам Р. Б. Назаренко, М.К. Каучаков своим учителем считал П.И. Кыдыякова [Назаренко, Арбачакова, 1999, с.80].

На сюжетных особенностях записанных сказаний можно проследить линию преемственности мрасской эпической традиции. Так, в эпических сюжетах сказители мрасской школы заявляют о себе в зачине, по ходу развития действия и в концовке [Арбачакова, 2003, с. 92]. Например, А.В. Рыжкин в зачине сказания, знакомясь с богатырем, называет свое имя и место проживания. Приведем пример из сказания «Алтын Кан»: «Что ты за человек? – так он спросил. / – Кто я буду? – сказал, – Я Афоня из Шана Кола» – *Ноо кижизиң поларзың? – теп сураганда /– Ноо кижизим?– тедим, – Шана Колдың Афоня.*

Необходимо отметить, что этот эпизод следует в зачине, как и описание первостворения, которое относится к «общим» или типическим местам эпоса [Кузьмина, 2005, с. 4]. У А.В. Рыжкина описание первостворения дано в сокращенном виде: «В эту землю придя, / Затем вижу: /Дерево-береза появившись, выросла! /Люди-народ сотворившись, жили./ Когда дерево-тополь появилось, /Весь народ появился...» Где деление на строфы? – *Ам по черге келчадып, /Анан көргеним: /Қазың агаши нұткелип, түйшарған полтур! /Қалық-чон чайапкел, чат турған! /Терек агаши нұткенде /Текси чон чайылкелип...* («*Эргек пажы Қаан Эргек*»). Последние четыре строки являются вариацией «общего места», которое в исполнении верхнетомского сказителя Д.К. Турушпанова выглядит следующим образом: «Когда на березах листья распускались, / Тогда народ-люди появлялись. /Когда на тополях листья распускались. / Весь народ появлялся» – *Қазың ағашқа нұр өзерде, /Қалық-чон чайаларда полтур. /Терек ағашқа полза, нұр өзерде полза, /Текси-чон чайаларда полған полтур.*

У другого мрасского сказителя – А.П. Напазакова, также сохранено традиционное начало, но тоже в сокращённом виде: «Давно это было: /Прежде нынешнего поколения было, /Позже давнего поколения было. /В то время, когда земля создавалась, /Когда земля-вода схватывались» – *Пурун полча ба: /Амдыгыдың аалында, /Пурунгуңуң төлдүн соонда. /По чер нүдерде, /По черсил қабарда* [«Куба Салгын», 1996]. Удалось выяснить у кайчи, что он знает более развернутые варианты зачинов, однако, по его словам, он идет «по прямой, хотя знаю другие варианты зачина!» – *Мен прямой-оқ парчам-но, а төзелерге, төзетчам.* В подтверждение своих слов А.П. Напазаков привел другой вариант зачина и концовки: «Чайзаны на белом свете, / Сотворившись, пришли: / Реку ковшом стали делить, / Землю мешалкой стали делить» – *Чайзаңнар ақ чарыққа / Чайалкел, келдилер. / Сугду омаша үлешчалар, / Черде қалақна үлешчалар.*

У В.Е. Таннагашева традиционный зачин наиболее разработан, описания последовательны и поэтичны: до появления алыпa говорится о процессе первотворения земли, появления зелени и птиц: «Прежде нынешнего поколения было, /Позже давнего поколения было. /В те времена, когда земля сотворялась, /Земля-вода схватывались, /Мешалкой земля делилась, /Ковшом вода отделялась. /В то время, когда зеленея, проклёвываясь, /На макушке белой берёзы /Зеленые листья, раскрывшись, выросли. /В те времена, когда на верхушках деревьев /Золотые птицы щебетали, / Над зелеными травами молодые соловьи /Пели, оказывается» – *Амдыгы төлдүң алында полча, /Пурунгу төлдүң соонда полча. /Чер нүдерде, /Чер-суз қабыжарда полча, /Қалақпа чер пөлүжип, /Қамышпа суз пөлүшкен темнер полтур. /Көгериш-келип, чарылыш-келип, /Ақ қазың паштарында /Көк нүрлер чарыл өсчитқан тем полтур. /Ағаш паштарында /Алтын қушар көглеш чөрчалар, /Өлең паштарында көк торчуқтар /Көглешиб-одурчиган темнер полтур, «Ак Плек»* [Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева, 2015]. Им подробно описаны владения алыпa, появление самого алыпa и его коня.

Традиционные зачины в зависимости от мастерства *кайчи* и ряда обстоятельств (недомогание, нехватка времени и проч.) исполнялись то кратко, то развернуто. Анализ зачинов показал, что сказители мрасской школы прибегали к одним и тем же художественно-изобразительным и стилевым средствам, приёмам.

В настоящее время оригиналы аудиозаписей с героическими сказаниями В.Е. Таннагашева хранятся в Фоноархиве сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л.Н. Арбачаковой), копии оцифрованных аудиозаписей имеются в личном архиве собирателя.

Сравнительный анализ типических мест героических сказаний современных сказителей Шории (картина первотворения земли; появление (рождение) алыпa, получение им имени; богатырская трапеза; психологическое состояние героя (гнев, страх); бег коня, богатырская езда; описание пространственного и временного перемещения, длительность пути; угон скота и народа; поединок и продолжительность боя алыпов; выход невесты, свадебный пир; зачин и концовка, обращение к слушателям), и других поэтических описаний, характерных для эпоса [Кузьмина, 2005, с. 8–10], – ждёт своего изучения.

Все сказители были знатоками народных обрядов и фольклора, в своей исключительной памяти хранили огромное количество образцов духовной культуры своего народа. Но, к сожалению, многое безвозвратно утрачено. Лишь отдельные фиксации фольклорного репертуара *кайчи* говорят о былом поэтическом богатстве шорского народа.

Список литературы

1. Арбачакова Л.Н. Рольевые функции *кайчи* в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – 2003. – № 3. – С. 92-95.
2. Арбачакова Л.Н. Роль сказителя в сюжетостроении шорских героических сказаний// Вестник Кемеровского государственного университета № 2 (62) Т.4. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. – С. 98-101
3. Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос./Зап., подгот. текста, вступ. ст., пер коммент. В.Е. Майногашевой. Москва: Наука, 1988, 592 с.
4. Назаренко Р.Б., Арбачакова Л.Н. Сказительская традиция Северной Шории: полевые материалы 1999 года/ Народная культура Сибири. – Омск, 1999. – С.79-82.
5. «Куба Салгын» (*Куба Салгын*). Зап. в 1996 г. Л.Н. Арбачаковой от А.П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л.Н. Арбачаковой).

6. Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1381 с.

7. Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева/отв. редактор Е.Н. Кузьмина. (Составление, подготовка текстов и перевод Л.Н. Арбачаковой). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 318с.

8. Фольклор шорцев / Сост. Л.Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29).

9. Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык / Вступ. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А.И. Чудоякова; музыковедческая ст. и подгот. нотного текста Р.Б. Назаренко. – Москва; Новосибирск: Наука, 1998. – 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

УДК 37.014.3

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ в 1930-е гг.

Василенко А.И.

Аннотация: В статье рассматривается развитие системы народного образования и результаты реализации программы по ликвидации неграмотности в Ойротской автономной области в период ускоренной модернизации.

Ключевые слова: *Аймак, ликвидация неграмотности, культурная революция, народное образование, Областной отдел народного образования, пятилетка.*

NATIONAL EDUCATION IN THE OYROTSKY AUTONOMOUS REGION in the 1930s

Vasilenko A.I.

The article deals with the development of the public education system and the results of the implementation of the program for the eradication of illiteracy in Oiroot Autonomous Region during the period of accelerated modernization.

Keywords: *Aimак, the elimination of illiteracy, the cultural revolution, the people's education, Regional Department of Public Education, the five-year plan.*

Потребность в квалифицированных кадрах для различных отраслей промышленности в период ускоренной индустриализации 1930-х гг. способствовала пересмотру структуры школы, изменению содержания и методов образования, повышению роли учителя, восстановлению ряда общеобразовательных дисциплин, изданию единых учебных планов, программ, школьных учебников.

Во второе десятилетие существования советской власти окружающая внешнеполитическая действительность требовала от Советского Союза большей хозяйственной, а главное технологической самостоятельности, которая должна быть основана на интеллектуальной независимости от иностранного капитала. Однако из докладов отдела Обкома ВКП(б) за 1929-1930 годы о проведении культпохода в частности по Ойротской автономной области видно, что темпы культурного строительства в вопросах об-

разования не удовлетворяли поставленным целям. Тогда в среднем по области на 100 человек населения всего 31 был грамотный, а в национальных аймаках и того меньше: в Улагане – 11 человек, в Онгудае-16 [ОХС КПД..., Д.550, л.1]. Конечно если посмотреть динамику строительства школьной сети в период НЭПа (в 1926 г. в 91 школе 136 учителей обучали 4943 учащихся, а в 1929 г. в 131 школе 6388 учащихся обучались у 203 учителей) [ОХС КПД..., Д.550, л.2] положительный результат внедрения программы всеобщего образования в первое десятилетие советской власти очевиден, но с позиции сложившихся реалий, недостаточен. К тому же при необходимости перераспределения средств в пользу тяжелой промышленности главным фактором ускорения школьного строительства остается увеличение финансовых вливаний в систему народного образования. Ежегодное увеличение количества образовательных учреждений всех типов напрямую связано с ростом расходов на нужды народного просвещения (1927-28гг. 42% от местных бюджетов, на следующий год на 3% больше [ОХС КПД..., Д.550, л.1]. Попытки государства сократить организационную и финансовую нагрузку по средствам создания добровольных общественных организаций, например «Общества долой неграмотность», не всегда имели результат [Народное образование..., 2007, с.55]. Незначительный вклад школьных советов в организацию помощи детям, неэффективность органов школьного самоуправления в целом [ОХС КПД..., Д.550, л.3], разбалансировка бюджета народного просвещения, вызванная его многоукладностью [ОХС КПД..., Д.694, л.2] определили факторы тормозившие развитие школьной сети снизу.

Что было особенно неприемлемо для советской доктрины по данным социальной статистики в конце 1920-х гг. XX в. прослеживалась тенденция уменьшения детей бедноты и батрачества по мере перехода к старшей школе [ОХС КПД..., Д.550, л.3]. При этом почти половина детей школьного возраста оставалась за бортом системы народного просвещения, особенно из числа представителей региональной национальности (дети алтайского населения охвачены школой на 33,8%, в то время как русские на 64%). Как показатель классные комплекты в русских школах состояли в среднем из 37 человек, в смешанных из 25, а в алтайских из 18 [ОХС КПД..., Д.550, л.2]. С точки зрения президиума Ойротского облисполкома не лучшим образом обстояли дела и с реализацией программы ликвидации неграмотности. В докладе «О ходе ликвидации безграмотности» от 14 декабря 1930г. была установлена причина, мешающая ликвидации безграмотности- это фактическое неравенство трудящихся масс алтайского населения их огромная культурная и хозяйственная отсталость [Народное образование..., 2007, с.62]. Учитывая, в том числе и подобные явления на II Всесоюзном партийном совещании по вопросам народного просвещения в 1930 г. было принято постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» детей 8-10 лет и подростков 11-15 лет, не получивших начального образования. В постановлении ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» дано указание о развертывании десятилетней общеобразовательной политехнической школы и положено начало унификации всей системы образования в СССР.

Недостатком работы школьной сети была очень нечеткая организация учебного процесса. В докладах ОблОНО была отмечена, перегрузка учащихся в связи с тем, что учебный год начинается в середине октября [ОХС КПД..., Д.550, л.4]. Помимо общего образования, на одно из первых мест, выдвигалась задача политического воспитания в духе марксистско-ленинской идеологии. В решениях аймачных бюро того периода отчетливо просматривается расстановка классовых приоритетов в образовании. Вопросы классового, интернационального, антирелигиозного воспитания стояли на особом контроле. [Народное образование..., 2007, с.35] Так, например, в областном центре в целях антирелигиозной пропаганды помимо специальных бесед с детьми введен предмет

«материалистическое объяснение явлений природы», проводились беседы с родителями, был организован кружок безбожников. Судя по всему работа была поставлена на высоком уровне, о чем свидетельствовало количество посещавших данные направления [ОХС КПД..., Д.550, л.18].

В целях оптимизации учебного процесса для более эффективного проведения в том числе и подобной воспитательной работы в 1934 году, постановлением ЦК ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров СССР «О структуре начальной и средней школы в СССР» группы учащихся переименовывались в классы, а школьная система установлена в следующем виде: четырехлетняя начальная школа с I–IV классами; семилетняя школа с I–VII классами и десятилетняя средняя школа с I–X классами. Итоги реализации предшествующих решений пленумов крайкома ВКП(б) можно увидеть из докладных записок о развитии начальной и средней школы. Охват населения области школьной сетью с 86% повысился до 94,7%. В том числе вырос удельный вес охвата национальностей с 82% до 88,8%. Из 16200 подлежащих обучению 547 составляли казахи, 4877 алтайцы, 10872 русские. Неохваченными учебным процессом в 1933 г оставались 1075 человек или 5,3% от запланированных к обучению. Причинами нехватки в докладе кроме несовершенного учета детей школьного возраста, называются: недостаточное принятие организационных мер, слабое укрепление материально-хозяйственной базы школы и незначительная материальная помощь учащимся со стороны ОНО и общественности [ОХС КПД..., Д.693, л.1]. Однако при всех вышеуказанных трудностях масштаб развития школьной сети во второй и третьей пятилетке был колоссальный. К 1939 году в области организовано 270 школ, из них 83 национальных, в которых обучалось 29722 человека в том числе 6673 алтайца. 215 начальных школы охватывали 22385 детей из них 5600 алтайцев проходили обучение в 69 национальных школах. В 43 неполных средних школах с 5 по 7 класс обучались 6672 человека, из них в 13 учились 1002 алтайца. На территории области было организовано 12 средних школ по одной на аймак, за исключением Улагана, в них обучалось 665 школьников. Национальная средняя школа была организована только в отдаленном Кош-Агачском аймаке с 71 учащимся [ОХС КПД..., Д.1191, л.15].

Для повышения авторитета руководства школы и введения единоначалия вместо заведующего в неполной средней и средней школах, введена должность директора, который должен был обязательно иметь высшее образование и не менее трех лет стажа педагогической работы. В целом в докладах Обкома ВКП(б) по Ойротской области вплоть до конца 1930-х гг. эффективность системы управления народным образованием оценивалась очень низко. В отчетных справках того периода отмечено, что если с задачей охвата детей школьного возраста ОблОНО справлялся удовлетворительно, правда с замедлением темпов роста сети и с запоздалой увязкой алтайской и русской школы, то в вопросе обслуживания и живого руководства дело обстояло далеко неблагоприятно. Особенно в части обслуживания алтайской сети. Из доклада следует, что при практически полном отсутствии письменной связи ОблОНО было совершенно неизвестно как обстояли дела с созданием и использованием фонда помощи школе, как участвовали школы в хлебозаготовительной кампании, как выполнялись решения учительских конференций. Из-за неорганизованной обратной связи материалы и важные разработки задерживались в ОНО часто больше чем на 10 дней. Неэффективность руководства алтайскими школами объяснялась отсутствием необходимой языковой дифференциации в управлении. Циркуляры и распоряжения рассылались на русском языке, их попросту некому было переводить. В аппарате ОблОНО долгое время работали два представителя алтайской национальности, которым приходилось обслуживать три аймака. Подготовка кадров алтайских работников через рабфаки и ВУЗы шла медленно и не обеспечивала необходимых потребностей [ОХС КПД..., Д.550, л.18]. Особенно ска-

звался низкий качественный уровень подготовки сотрудников. В самый разгар культурной революции из 17 работников ОблОНО только 5 человек имели среднее образование. [ОХС КПД..., Д.693, л.10]. Сложившаяся ситуация с обеспечением национальными кадрами сохранялась весь период предвоенной индустриализации [ОХС КПД..., Д.1110, л.34]. Резко критический подход к системе управления народным образованием области со стороны партийных органов сохранялся вплоть до 1939 г. В докладах указывалось на отсутствие четкой системы управления, неорганизованную схему обратной связи, низкий контроль со стороны вышестоящих инстанций [ОХС КПД..., Д.1191, л.17]. Отношение государственных органов к системе управления просвещением области изменилось только в 1940 г. по причине сложившегося кадрового дефицита. Часть сотрудников была мобилизована в РККА и необходимо было сохранить персонал увеличив рабочую нагрузку. В предвоенный год работа ОблОНО была признана удовлетворительной, а взаимодействие инспекторов с местными аймОНО эффективным. [ОХС КПД..., Д.1182, л.14].

Изменение структуры общеобразовательной школы потребовало пересмотра содержания учебных программ. Постановлением ЦК ВКП(б) от 1932г. «Об учебных программах в режиме в начальной и средней школе» были введены учебные планы, построенные по предметному принципу и направленные на систематическое усвоение учащимися основ наук В 1935 году в целях упорядочивания учебного процесса ЦК ВКП (б) и Советом Народных Комиссаров СССР было принято постановление «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе», которым определены сроки начала (1 сентября) и окончания учебного года, деление на четверти, основная форма организации обучения.

В условиях возврата к классно-урочной системе с утвержденным расписанием и постоянным составом учащихся, решающая роль в организации учебно-воспитательного процесса теперь отводилась учителю. Вопрос с качеством педагогических кадров в национальном регионе всегда стоял очень остро. Недостаток в учителях алтайских и казахских школ покрывался за счет привлечения интеллигенции путем переподготовки на курсах. [ОХС КПД..., Д.550, л.6]. В докладе о Социалистическом воспитании говорится, что ОблОНО вынуждено было заполнять учительские места буквально первыми попавшимися грамотными алтайцами, не отвечающими требованиям ни с методической ни с этической точки зрения. [ОХС КПД..., Д.550, л.18] Имели место моменты когда в казахских школах уроки проводились на алтайском языке, а учебники были на русском, в результате ученики не усваивали в полной мере ни одного из трех языков. [Народное образование..., 2007, с.35] Что неизбежно сказывалось на качестве образования. Однако к концу первой пятилетки система подготовки учительских кадров в том числе и национальных через рабфаки, техникумы и вузы стала приносить плоды. К 1933 году происходит укрепление педагогических кадров. Из 486 педагогов 195 были алтайцами 277 русскими, 14 казахами. При этом сама подготовка кадров оставалась на невысоком уровне из всего состава только 181 человек имели специальное образование [ОХС КПД..., Д.693, л.8]. К началу третьей пятилетки ситуация изменилась в основном в количественном отношении. Из всего состава учителей области только 34 педагога имели высшее образование, 100 незаконченное высшее, 711 среднее, 504 незаконченное среднее. В результате политики направленной на привлечение идеологически благонадежных специалистов [Народное образование..., 2007, с.35] в 1940 г. в школах области трудилось 178 учителей со стажем более 10 лет, 259 до 10 лет, 913 педагогов работали в системе образования менее 5 лет. [ОХС КПД..., Д.1182, л.5] Продолжала сохраняться необходимость в педагогах в национальных аймаках. В 1938 г. требовалось 4 учителя алтайца в Улаган, 3 в Кош-Агач, 1 в Эликмонар [ОХС КПД..., Д.1191, л.16]. Непростая ситуация с национальными кадрами усугублялась тем, что в

1935 г. народный комиссариат просвещения принял новые учебные планы по которым преобладающее число часов отводилось на изучение родного языка, литературы, математики, естествознания, истории и географии. Было сокращено время на изучение обществоведческих дисциплин, курс истории партии в был заменен курсом гражданской истории, а в 1936 г. в качестве самостоятельного учебного предмета было введено изучение Конституции СССР, в 1937 г. труд был исключен из учебного плана.

Происходили изменения и в вопросах учета и контроля знаний и умений учащихся. В указанном выше постановлении было обращено особое внимание на необходимость изучения особенностей личности каждого ученика и проведения на этой основе индивидуального контроля его знаний и умений. Были введены в практику ранее отмененные проверочные испытания для всех учащихся по окончании учебного года. В 1933 г. вместо двухбалльной системы оценок – «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» была введена четырехбалльная – «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо» и «очень хорошо». Если в начале реализации программы всеобща в ойротской области наблюдалось снижение посещаемости и успеваемости по ряду в том числе и объективных причин (неприспособленные помещения, отсутствие мебели, учебных и наглядных пособий, слабость руководства) [ОХС КПД..., Д.550, л.39] то уже к концу 30-х гг. успеваемость доходит в среднем до 80%. [ОХС КПД..., Д.1182, л.8]. Например в 1940 г. по городу, абсолютная успеваемость держалась на уровне 84:% . Из 4419 учащихся 44% учились на «хорошо» и «очень хорошо», 1309 были отличниками. По русскому языку освоили программу 89,5%, арифметике 94,3%. Имеют плохие оценки 15,1% учащихся, 309 оставлены на второй год, 370 на осень. В национальных аймаках снижение успеваемости происходило в основном за счет русского языка [Народное образование..., 2007, с.34, 36.]

Главной трудностью реализации просветительских планов и программ в 30-е гг. XX века в Ойротской области оставалась унификация учебного процесса в условиях многоязычия населения, разнообразие хозяйственного уклада различных национальных и социальных групп и конечно резко различный уровень грамотности. Сами руководители региона того периода недостатки в работе ойротских и казахских школ по традиции связывали с дезорганизацией в работе ОблОНО и отсутствием национальных управленческих и педагогических кадров. Реализация образовательных программ внедрение новых методов и образовательных технологий тормозилась сложностью преподавания на русском языке в национальных классах, связанной с отсутствием методических пособий и систематизированного ойротско-русского словаря. [ОХС КПД..., Д.1110, л.34]

Важным условием реализации намеченных учебных планов было обеспечение процесса обучения стабильными учебниками. В начальный период реализации программы культурной революции школы области, особенно алтайские, испытывали острую нужду в учебниках и учебных пособиях. Учебно-методические комплекты не удовлетворяли организованному учебному процессу ни в количественном ни в качественном отношении. Букварь-первая книга для чтения, составлен по звуковому принципу и очень далек от утвержденной государственным ученым советом программы. Задачники, которых катастрофически не хватало, имелись только для первого года обучения. В некоторых группах для занятий чтением кроме издания «Кызыл Ойрот» ничего не имелось. Были составлены новые книги для чтения и задачники, но не отпечатаны. [ОХС КПД..., Д.550, л.4]

В специальном постановлении ЦК ВКП (б) «Об учебниках для начальной и средней школы» от 1933г. отмечалось, что «в настоящее время отсутствует в советской школе стабильный, общепринятый и удовлетворяющий требованиям науки учебник». Было дано указание в течение полугода подготовить пробные единые обязательные

учебники по основным учебным предметам. Определялось, что каждый новый учебник должен будет утверждаться Коллегией Народного комиссариата просвещения. Республики, края и области имели право дополнять учебники отдельными пособиями и книгами для чтения, в которых раскрывались бы региональные и национальные особенности той или иной территории и ее населения. Свободная продажа учебников заменялась распределением. Для решения части выявленных проблем в Ойротской области был намечен переход к новому тюрско-татарскому алфавиту на основе латиницы. Все учебные группы должны были заниматься на родном языке используя учебные пособия на яналифе [Народное образование..., 2007, с.58]. Однако слабая пропускная способность областной типографии не давала возможности в полной мере обеспечить всю школьную сеть учебниками [ОХС КПД..., Д.550, л.9]. На территории аймаков в которых преобладали национальные школы к окончанию второй пятилетки учебников с использованием нового алфавита катастрофически не хватало. Так по отчету от АймОНО заказ от Чибитской базы для Кош-Агача получен, но в нем совершенно нет учебников на ойротском и казахском языках [ОХС КПД..., Д.1191, л.12]. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы» от 1935г. учебники анализировались по четырем основным аспектам: идеологическому, научно-теоретическому, языково-стилистическому, оформительско-иллюстративному. В области не хватало кадров могущих выполнять переводческую работу. Неоформленность алтайского литературного языка и отсутствие полной грамматики тормозили процесс составления учебных и наглядных пособий [ОХС КПД..., Д.550, л.9].

К концу первой пятилетки учебниками школы, как алтайские, так и русские в количественном отношении были обеспечены, хотя качество их далеко неудовлетворительно и сам ассортимент их был весьма разнообразен и хаотичен. Необходимыми учебниками слабо обеспечены старшая группа школы первой ступени и совершенно отсутствовали учебники соответствующие новым требованиям программ для средних и повышенных школ. Почти все школы области испытывали затруднения письменными принадлежностями и оборудованием. К тому же имели место факты задержки поставок учебников, наглядных пособий и канцелярских товаров на складах в г. Бийске [ОХС КПД..., Д.693, л.5]. К окончанию второй пятилетки уже существовала централизованная система обеспечения образовательных учреждений учебниками и наглядными пособиями. Однако она довольно часто сталкивалась с трудностями, которые были связаны с очень нечеткой схемой формирования местных бюджетов за счет аймачного, регионального, центрального, а так же привлечения добровольных пожертвований. Как например указано в переписке от 1938 г. учебно-наглядные пособия поступили и отправлены по АймОНО региона согласно потребностей по твердому заказу ОблОНО в полном объеме, но счета большинством аймаков своевременно не оплачивались [ОХС КПД..., Д.1191, л.11].

В период культурного строительства довольно интенсивно происходил процесс упорядочения структуры и методов обучения. В постановлении «Об организации учебной работы, внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» была раскрыта неправомерность деления методов на активные и пассивные, обосновывалась необходимость отказа от активно использовавшихся ранее «метода проектов» и лабораторно-бригадного метода, приводивших, к снижению качества знаний и умений учащихся и к разрушению школы. Для реализации принятого подхода появилась необходимость в специально приспособленных школьных помещениях и учебном оборудовании. Согласно постановлению крайкома все школы сельской местности работают по 7-и дневной неделе, а городские по 6-и дневной. В целях вовлечения в учебный процесс детей кочевого населения в конце первой пятилетки в области было организовано 10

интернатов школьного типа, Из них 5 национальных, 2 смешанных и 3 русских. Решалась проблема беспризорности из 483 воспитанников 137 были безнадзорными. Кроме того на территории области функционировало 89 общежитий при национальных школах с количеством проживающих 2225 человек [ОХС КПД..., Д.693, л.6]. Причинами нехватки в докладах детей школьного возраста в докладах называются: недостаточное принятие организационных мер, слабое укрепление материально-хозяйственной базы школы и незначительная материальная помощь учащимся со стороны ОНО и общественности. В ряде мест не был организован подвоз учащихся, которые в свою очередь не были обеспечены необходимой одеждой, обувью, горячим питанием [ОХС КПД..., Д.693, л.1]. Кроме этого не во всех школах к началу учебного года заканчивался текущий ремонт. А иногда при наличии острой образовательной необходимости школьные здания занимались иными организациями или учреждениями. Так например: в Усть-Кане верх школьного здания был занят Айкомом, в Эликмонаре половина школьного здания была отдана под квартиру, а в Онгудае все двухэтажное здание школы крестьянской молодежи занято партийным комитетом. [ОХС КПД..., Д.693, л.3]. В некоторых образовательных учреждениях не хватало мебели и оборудования. Школьная мебель изготавливалась и ремонтировалась местными аймачными мастерскими, бюджет которых был очень ограничен. По отчетам изготовление типовой школьной мебели, соответствующей требованиям политехнической школы фактически не производилось [ОХС КПД..., Д.693, л.15].

Однако, для того чтобы более наглядно увидеть результат реализации государственной программы необходимо вспомнить положение дел на закате Российской империи, когда грамотность среди местного населения с высоты достигнутых к концу 1930-х гг. была просто катастрофически низкой. Так по данным архива в начале XX века на территории области проживало 1,3% образованных кочевников, 8% оседлого населения, 2,1% казахов [ОХС КПД..., Д.1130, л.15]. Рубежом который был установлен для того чтобы оглянуться назад стало 15-летие Ойротской автономной области. И результаты, с учетом всех трудностей и отсутствия опыта введения всеобщего образования на государственном уровне, впечатляют. Если в начале первой пятилетки на 100 человек населения всего 31 был грамотный [ОХС КПД..., Д.550, л.1], то к концу второй пятилетки уже 97 % жителей региона умели читать и писать. Положительный результат проводимой образовательной политики становится особенно очевиден если проанализировать становление образовательной среды за пятнадцатилетний период Ойротии. В начале пути становления обязательного образования в области в 1922 г. в 56 школах обучалось 1560 человек, то в 1937г. в 260 школы 24830 учащихся, а это 97,8% населения подлежащего обучению. При этом охват алтайского населения благодаря систематическому упору государственных органов на количественное развитие именно национальных школ [Народное образование..., 2007, с.27] увеличивается больше чем в 8 раз [ОХС КПД..., Д.1130, л.15]. В конечном итоге накануне войны в сторону, которой вынужденно смещались в той или иной степени цели ускоренной индустриализации Ойротская автономная область в основном решила поставленные образовательные задачи. В 1940 году в 302 школах обучалось 32977 человек, почти 98 % от подлежащего населения. [Народное образование..., 2007, с.37]. И интенсивность расширения школьной сети продолжала нарастать. Если в 1939 г функционировало 284 школы, то уже к концу 1940г. -309 [ОХС КПД..., Д.1182, л.4]. Особенно показательны в 30-е гг. результаты реализации программы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. К 1939 г. ликбезом охвачено 11651 человек из них почти половина 4979 алтайцев. Это притом, что на начальном этапе грамотные алтайцы встречались в пять раз реже, чем русские [ОХС КПД..., Д.1191, л.14].

В целом осмысление проблемы унификации системы образования в 1930-х гг., проявлявшейся в создании единообразных учебных планов, программ, в возвращении к твердому расписанию, предметному построению учебного курса, постоянному составу учащихся, не должно происходить односторонне. К положительным аспектам происшедших изменений следует отнести создание необходимых условий для перехода к обязательному среднему образованию в стране. Отрицательной стороной явился сам принцип унификации, который неизбежно влечет за собой приоритет только одного подхода. В результате многие национальные системы воспитания, складывавшиеся в России на протяжении веков, оказались забытыми.

Список литературы

1. Народное образование в Горном Алтае. (Из истории развития грамотности в Горном Алтае) // Конец XIX в.- 20-30 гг. XX в. – Горно-Алтайск. 2007. – 99с.
2. Отдел хранения спецдокументации комитета по делам ЗАГС и Архива Республики Алтай (ОХС КПД ЗАГС и А РА). Ф.П-1. Оп.1. Д. 550. Л. 1-3, 18.
3. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.693. Л.1,3,15.
4. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.694. Л.2.
5. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.1110.
6. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.1130. Л.15.
7. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.1182. Л.4.
8. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.1191. Л.14.

УДК 908

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С. П. ШВЕЦОВА: МЕТОДЫ И ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

Глотов В. М.

В статье характеризуется личность и деятельность С. П. Швецова, через его участие в полевых историко-статистических исследованиях крестьянского хозяйства на рубеже XIX-XX вв. Анализируются методы исследования жилища Алтайского горного округа. Характеризуются источники, составленные Швецовым в ходе его работы. Дается оценка предложенной Швецовым классификации жилых построек старожилов и переселенцев Алтайского горного округа.

Ключевые слова: С. П. Швецов, Алтайский горный округ, жилище, старожилы, переселенцы

S. P. SHVETSOV'S FIELD RESEARCH: METHODS AND CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE TRADITIONAL DWELLING OF THE PEASANT POPULATION

Glotov V. M.

The article describes the personality and activities of S. P. Shvetsov, through his participation in historical and statistical studies of peasant farming at the turn of the 19th and

---

¹ Научный руководитель д.и.н., проф. Т.К. Щеглова

20th centuries. Methods for studying the housing of the Altai mountain district are analyzed. The sources compiled by Shvetsov during his work are described. An evaluation of the classification of residential buildings of old residents and settlers of the Altai mountainous district proposed by Shvetsov is given.

Keywords: *S. P. Shvetsov, Altai mountainous district, dwelling, old residents, settlers*

Жилище является наиболее устойчивым элементом материальной культуры в силу длительности его существования, входит в систему жизнеобеспечения любого народа. Изучение его является одним из приоритетных направлений в этнографии. Изучением традиционного жилища в Алтайском округе до С. П. Швецова никто не занимался. Его исследования, являются одним из первыми. Самостоятельный интерес для современных этнографов представляет методика исследований, разработанная Швецовым. Важно проанализировать опыт исследований не только жилища, но и в целом, хозяйства русских старожилов и переселенцев. Задачами данного исследования является выявление особенностей методов и источников изучения жилища Швецовым, его вклад в исследование переселенческой и старожильской культуры и создание классификации жилых построек старожилов и переселенцев.

Главными источниками служат опубликованные историко-статистические материалы С. П. Швецова. Во-первых, «Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 году» [Швецов, 1899, с. 1], в которых дается хозяйственная характеристика переселенческих сел Барнаульского, Бийского и Кузнецкого округов, и, во-вторых, «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе», а именно Т.1. Вып. 2 [Швецов, 1899, с. 1], в которых так же содержатся статистические данные по хозяйству крестьян-старожилов тех территорий Томского округа, который входили в Алтайский округ. Эти издания включают материалы полевых исследований 1894 года на территории Алтайского округа. На современном этапе они включают территории Алтайского края и Республики Алтай, часть территорий Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточного Казахстана.

Сергей Порфирьевич Швецов – известный статистик и этнограф, родился в Курске в дворянской семье, образование получал, но не завершил, в Архангельской гимназии [Швецов, 2009, с. 231], в 1875 г. он поступил в Петербургский учительский институт, который также не закончил. Увлечшись социалистическим движением, он вступает в один из революционных кружков «лавристов» (в котором состояла и его старшая сестра, слушательница фельдшерских курсов Юлия Порфирьевна): «Я в революционной деятельности принимал участие в Петербурге с 1875 г., но здесь жил и раньше и, вообще, вращался в той среде», — писал сам С.П. Швецов [Курышов, 2011, с. 104]. Это повлияло на его интерес к жизни крестьян, а также привело к аресту в 1876 году, а в мае 1879 года к лишению всех прав состояния и бессрочной ссылке в Западную Сибирь, где он и реализовал свой интерес к крестьянскому миру, особенно после переезда в июле 1888 г. в Барнаул.

В этом городе С. П. Швецов поступил по вольному найму в статистический отдел Главного управления Алтайского округа, затем в окружное статистическое бюро [Швецов, 2009, с. 231], где он начинает серьезно заниматься исследовательской деятельностью. В центре его исследований находилось крестьянское общество в контексте массовых переселений, формирования этнокультурных групп переселенцев и старожилов и культурного взаимодействия. В 1891 – 1893 гг. он участвовал в обследовании арендного хозяйства округа, в 1894 г. – участвовал в изучении хозяйства крестьян и коренного населения, а также однодневной переписи населения Барнаула 26 марта 1895 г. Его исследовательский подход отличался стойким вниманием к социальным аспектам

быта; при аналитическом анализе экономико-статистических данных, а не простом описании [Курышов, 2011, с. 106]. Что привело к участию вместе с женой Марией Васильевной в организации Общества любителей исследования Алтая в октябре 1891 г., которая, также как и Сергей Порфирьевич занималась полевыми исследованиями. В отечественной историографии еще осталась без внимания их методика полевой работы. Для нас, как раз, представляют большой интерес методы, формы и результаты масштабных историко-статистических исследований крестьянского хозяйства с использованием в т.ч. числе опросных технологий [Щеглова, 2014, с. 226].

Анализ опубликованных историко-статистических материалов позволяет говорить, что наряду с традиционным статистическими методами подворного анкетирования использовались методы устной истории и этнографии. Это прослеживается в деятельности созданного при земельной части управления Алтайского округа в 1894 году статистического бюро по "обследованию крестьянских хозяйств с целью поземельного устройства крестьян в Алтае" и водворения переселенцев. Были составлены программы обследования экономического быта крестьян, подворные карточки. Обследованием территориально был охвачен весь Алтайский горный округ за исключением 5 волостей Томского округа и Бухтарминский край. Ведущим методом сбора материала в ходе исследований являлось анкетирование. Вопросы анкеты базировались на содержании программы переписи и были сгруппированы в различные бланки – общинный (с дополнениями), промысловый, сельско-общественный и подворную карточку [Швецов, 1898, с. 5]. Только по Алтайскому округу в 1896 году было «распространено более 10000 анкет и переписных листов в местности для предварительного сбора материалов» [Памятная книжка..., 1910]. Другая часть статистического материала формировалась в результате подворной переписи и опроса каждого домохозяина, что позволяло целостно сформировать статистические сведения об объекте. Статистиками использовались этнографические методы, в частности метод непосредственного наблюдения, который позволили подробно описать различные типы жилищ на рассматриваемой территории.

Во время исследования С. П. Швецов изучал сельскую документацию, в частности приходно-расходные книги сельских старост и волостного правления. Эти документы позволили рассмотреть динамику развития земельных отношений. Беседовал как с сельской администрацией, так и крестьянами-старожилами и крестьянами-переселенцами. Таким образом, с помощью социологических, этнографических и устноисторических методов был получен разнообразный материал, обработанный С. П. Швецовым на теоретическом, обобщающем этапе [Буланов, 2013, с. 114].

Для нас интересен опыт изучения жилища, как базового компонента крестьянской культуры жизнеобеспечения и как важного показателя материальной состоятельности [Щеглова, 2014, с. 61]. Для анализа базовых компонентов культуры сельского населения Швецовым были выделены группы сельского населения. Томский округ: крестьяне-старожила, крестьяне-переселенцы, инородцы, ссыльные [Швецов, 1899, с. 2]. Алтайский горный округ (Барнаульский, Бийский, Кузнецкий округ): переселенцы причисленные, переселенцы не причисленные, переселенцы-старожила, старожила [Швецов, 1899, с. 2]. Для удобства сравнения в статье объединяются переселенцы причисленные и переселенцы не причисленные в одну группу, под названием крестьяне-переселенцы, а также переселенцы-старожила и старожила в другую группу – крестьяне-старожила. Остальные группы – инородцы и ссыльные не рассматриваются.

Первым критерием характеристики традиционного крестьянского жилища у С. П. Швецова является принцип камерности. Вторым критерием – строительные технологии и материал. В совокупности эти два критерия привели С. П. Швецова к введению трех категорий жилых помещений. Первый тип – дом, как многокамерное жилище. Второй тип – изба, как однокамерное жилище. Третий тип – землянка. В отличие от ка-

питального жилища – домов и изб, землянка относилась к временным жилищам крестьян-переселенцев и представляла собой вырытые в земле и накрытые земляными пластами, сверху каркаса, состоящего из деревянных жердей [Швецов, 1899, с. 3]. Таким образом и изба и землянка являлись однокамерными жилищами и свидетельствовали, как правило, о первоначальном этапе освоения территорий переселенцами.

В отличие от изб и землянок, дома имели несколько видов, в зависимости от числа камер, вертикальной и горизонтальной планировки. В вертикальной планировке Швецов выделяет двухэтажные дома, имеющие два этажа. В горизонтальной планировке – связные дома – тип архитектуры вытянутой формы, который делился двумя параллельными внутренними стенами на три камеры: две крайних – больших размеров и между ними – маленького размера. В таких трехкамерных домах Швецов зафиксировал традиционные названия камер: большое помещение с печью – "изба", второе большое – "горница", среднее помещение между ними "сени" или "сенцы". Следующий вид многокамерного дома – крестовые дома, имеющие шесть капитальных стен, две из которых пересекаются внутри дома, образуя крест. В результате образуется четыре камеры. Третий вид – пятистенные дома, – сруб которых имел прямоугольную форму, разделен поперечной стеной на две камеры [Швецов, 1899, с. 6]. Таким образом, к домам относилось 4 вида. В современных этнографических исследованиях широко используется систематизация видов и типов крестьянской архитектуры.

Введенный исследователем статистический материал, позволяет сделать выводы о жилищном обустройстве крестьян на рубеже XIX – XX столетий в период массовых внешних крестьянских переселений и внутренних миграций. В Алтайском горном округе было обследовано 32 464 жилых помещения переселенцев и старожилов, из них большая часть приходилась на Томский округ – 14 274 жилых помещения, среди которых 7760 домов, 6308 изб и 206 землянок [Швецов, 1899, с. 334]. На его территории старожильческие жилые постройки преобладают над переселенческими, 12056 против 2218, что в целом подтверждается данными о преимущественном переселении крестьян из Европейской России в более благоприятные для хлебопашества южные территории. Наличие тайги и более холодный климат обусловили преобладание в Томском округе старожильского населения. Именно благодаря давности проживания в жилой среде наблюдается преобладание домов над избами и землянками. В отличие от территорий массовой аграрной колонизации, например, Барнаульского округа, где избы преобладали на 50 % – 70 % (Барнаульский округ: домов – 2013, изб – 6539) [Швецов, 1899, с. 201]. Это подтверждает выводы Т.К. Щегловой о том, что в период массового освоения новых земледельческих территорий на первоначальном этапе преобладали временные жилища – землянки и малокамерные жилища – избы, т.к. для крестьян более важным было разработать целину и запустить земледельческое производство, как неприемлемое условие приживаемости. И лишь по мере успешного развития базовой отрасли – земледелия, крестьяне-переселенцы переходили от землянок и изб к строительству домов. Этому способствовало и наличие ленточных реликтовых лесов, салаирской и алтайской тайги. [Щеглова, 2016, с. 166]. На это указывал и С.П. Швецов: «Богатый лиственными лесами, которые тянутся по нему почти сплошной полосой однообразных насаждений, исследуемый район является обеспеченным в достаточной мере и хвойными строевыми лесами» [Швецов, 1898, с. 5]. Но строевые леса далеко не равномерно покрывали площадь Алтайского округа, тем не менее, у русских старожилов-крестьян старожилов, в том числе, под воздействием строительного регламента Управления Алтайского горного округа с 1832 года сформировалось представление о здоровом жилище и о здоровом строительном материале [Щеглова, 2014, с. 44]. А по истечению определенного времени обустройства на новом месте к нему переходили и русские переселенцы.

Включение земель Барнаульского округа в земельный фонд подтверждает и статистика жилища – преобладание малокамерного или земляного жилища вследствие наиболее массовых колонизационных потоков на его территории: из 10149 жилых помещений – домов, как многокамерных жилищ, было всего 2013, тогда как изб – 6539 и землянок – 1597. Большое количество землянок, всего на четверть уступающих числу домов, свидетельствовало, прежде всего, о более массовом оседании переселенцев во второй половине XIX – начале XX века именно на степных территориях малоосвоенного запада Алтайского округа. И лишь во вторую очередь зависело от малого наличия лесов при преобладании степи. Именно в степной полосе (а Швецов делит Барнаульский округ на четыре зоны: безлесная часть степного района, лесная часть степного района, лесная часть горного района, безлесная часть горного района) число землянок в три раза превосходило число домов – 1278 против 413. Но и этот показатель еще не говорит об отказе от срубного строительства, а скорее о преобладании переселенцев над старожилами, т.к. землянка являлась временным жилищем. Хотя соотношения домов и изб в лесной части степного района все же отражает трудности с заготовкой леса: домов – 833, изб – 2906. [Швецов, 1899, с. 201].

Преобладание изб в три раза над числом домов в переселенческих селах, как наиболее адаптированного жилища переселенцев, требующего меньшее количество строевого леса, чем любой вид дома подтверждается и числом переселенческих поселений в степной и лесостепной областях. Эти территории отнесены Т.К. Щегловой к западной историко-этнографической переселенческой области юга Западной Сибири [Щеглова, 2011, с 73]. Число переселенческих сел, изученных С.П. Швецовым в Барнаульском округе составило 79 сел, Бийском - 41 село, Кузнецком – всего 11 сел.

На втором месте по популярности для переселений на рубеже XIX – XX веков вышел Бийский округ, который относился к восточной старожильской предгорной и притаежной и центральной лесостепной старожильско-переселенческой области, которые массово осваивались русскими в XVIII – первой половине XIX в. [Щеглова, 2014, с. 254] В Бийском округе, благодаря переселенцам, преобладали избы, как промежуточный вариант жилищного обустройства: из 7504 жилищ изб было 4509, землянок – 788. Более интересным представляется количество домов – 2207, что значительно превышает число домов Барнаульского округа и подтверждает преимущественные потоки переселенцев на степные территории земледельческой колонизации в период массовых крестьянских переселений.

Кузнецкий округ в силу преобладания каменистых почв, не пригодных для сельского хозяйства, был малопривлекателен, за исключением северных районов [Швецов, 1899, с. 201]. В 11 изученных переселенческих селах было всего 437 жилых построек, среди которых: домов – 175, изб – 262, землянки отсутствовали.

В заключении необходимо отметить, что С.П. Швецов внес самостоятельный вклад в методику изучения жилища и социально-культурного развития крестьянства юга Западной Сибири. Его вклад еще не до конца оценен ни в исторической, ни в этнографической научной литературе. Более того предложенные им подходы до сих пор могут использоваться в полевых исследованиях.

Список литературы

1. Буланов Д. В. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе: (из опыта исследований С. П. Швецова на Алтае в начале XX в.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае, 2011-2012 гг. : археология, этнография, устная история : материалы 8-й международной научно-практической конференции, 18-19 апреля 2013 г. / Алтайская государственная пе-

дагогическая академия, Павлодарский государственный педагогический институт ; [отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. — Барнаул, 2013. Вып. 8 — С. 112-115.

2. *Курьшов А. М.* "Ученый-сибиряк" С. П. Швецов и его научное наследие // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 3. — С. 103-113.

3. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год / изд. Том. губ. стат. ком. — Томск : Типография Губернского правления. — 1910. — [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/page/928> (дата обращения: 10.02.2018).

4. *Швецов С. П.* Как водворяются переселенцы в Алтайском крае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. — Барнаул: Алт. краев. ун-верс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2009 – Т. 3. — 496 с.

5. *Швецов С. П.* Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. // Т. 1. Вып. 2: Волости: Тутальская, Уртамская, Спасская; инородные управы: Чатская, Телеутская, Мало-Коряковская, Темерчинская и свод данных по всему Томскому округу. — Барнаул: Типо-Лит. при Главном Упр. Алтайского округа, 1899.— 345 с.

6. *Швецов С. П.* Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. // Т. 2. Вып. 1: Население. Жилища. — Барнаул: Типо-Лит. при Главном Упр. Алтайского округа, 1898.— 138 с.

7. *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: результаты статистического исследования в 1894 году. // Т. 4. Вып. 1: экономические таблицы. — Барнаул: Типо-Лит. при Главном Упр. Алтайского округа, 1899.— 255 с.

8. *Щеглова Т. К.* «Домообзаведение» сельского населения юга западной Сибири в 1880-1960-е годы: устная история как источник и метод по истории крестьянства в прошлом и настоящем // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы X международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель: в 3 частях. / по ред. Т. Н. Золотовой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. Омск: ОГАУ имени П. А. Столыпина, 2014. Ч.1. С. 59-71.

9. *Щеглова Т. К.* Крестьянское срубное домостроительство на юге Западной Сибири в 1830 - 1930-е гг.: возможности заготовления и условия доставки "избенного материала" (срубного леса) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15-18 апреля 2014 г. / сост. Д.Д. Гаркуша, Д.С. Шмелина; Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. - Т. IX. - Ч. 1. С. 42-49.

10. *Щеглова Т. К.* Представления о «здоровом жилище» в повседневных практиках 1880-1920-х гг. и возможности крестьян юга Западной Сибири в выборе и заготовке «избенного леса»: «ферменты» устной истории в «старых документах» и «новые» устные исторические источники / История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию проф. Е.И. Соловьевой, 65-летию проф. В.А. Зверева и 70-летию кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения НГПУ (Новосибирск, 15-16 апреля 2014 г.) / под ред. В.А. Зверева, К.Б. Умбрашко; Мин-во образования и науки РФ, Новосибгос. пед. ун-т. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 225-231.

11. *Щеглова Т. К.* Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта : (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы 8-й международной научной конференции / Алтайская государственная педагогическая академия ; [отв. ред.: Т. К. Щеглова]. — Барнаул, 2011. — Вып. 8. — С. 72-83.

12. Щеглова Т. К. Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований) // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1 (19). – С. 252-257.

13. Щеглова Т. К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860-1980 гг.) // Традиционная культура: научный альманах. – Москва, 2016. - №1(61). – С. 163-174.

УДК 94 (574.42)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЧЕЧЕНЦЕВ ПО УСТНЫМ ИСТОЧНИКАМ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Казбекова А.Т.

В данной статье автор на основе воспоминаний рассматривает взаимоотношения местного и депортированного чеченского населения (на материалах Восточно-Казахстанской области).

Ключевые слова: *Восточно-Казахстанская область, устная история, воспоминания, спецпереселенцы-чеченцы, местное население.*

RELATIONSHIPS BETWEEN LOCAL POPULATION AND SPECIAL SETTLERS CHECHENS BASED ON ORAL SOURCES (ON THE EXAMPLE OF THE EAST-KAZAKHSTAN REGION)

Kazbekova A.T.

In this article, the author, based on memories, considers the relationship between the local and deported Chechen population (on the materials of the East Kazakhstan region)

Key words: *East Kazakhstan region, oral history, memories, special settlers, Chechens, local population*

Устная история играет важную роль в формировании источниковой базы для широкого круга гуманитарных исследований. В официальной истории и в ее источниках могут не отразиться или практически отсутствовать разные стороны и аспекты жизни социума. В этих случаях эффективным методом оказывается запись устной истории, данные которой могут оказаться незаменимыми при формировании источниковой основы изучения таких сложных явлений как повседневность или отношение местного населения к прибывшим спецпереселенцам. Обращение к воспоминаниям непосредственных свидетелей и очевидцев позволяет выявить особенности взаимоотношений депортированных с местным населением.

Прибывшие спецпереселенцы-чеченцы были расселены в 8 районах Восточно-Казахстанской области. Наибольшее количество спецпереселенцев было размещено в Лениногорском (2481 семей, 10937 человек), Кировском (с учетом п. Аблакетка 1569 семей, 6542 человек), Верх-Убинском (525 семей, 2193 человек) районах, в которых преобладало русское население, но также были населенные пункты со смешанным на-

селением. В приграничных районах с преобладанием казахского населения чеченцы не размещались [3, л. 66].

Следует отметить, до прибытия спецпоселенцев в Казахстан местными органами власти проводилась определенная разъяснительная работа с целью формирования в глазах местных жителей образа «врагов» и «предателей». Так, «местное население перед прибытием эшелонов с переселенцами получало установку – не общаться с ними, не пускать в свои дома, не помогать им ни в чем по причине их «неблагонадежности» [Баймаханов, 1998, с. 356].

Приезд чеченцев местным населением был воспринят неоднозначно и сопровождался массой слухов негативного характера, как например: все чеченцы – бандиты, предатели, изменники Родины; вместо депортированных чеченцев на Кавказ отправят местное население. Так, в книге А. А. Аубакирова есть упоминание о Багыс ага из села Чимкура Уланского района, который вспоминал: «В сорок четвертом году мне было 15 лет. Мать, однажды вернувшись с работы очень поздно, сказала: «К нам в ауыл Корпембай везут с Кавказа переселенцев «за то, что они хотели против нас объединиться с немцами. Будь осторожен при общении...» [Аубакиров, 2014, с. 6].

Подобные представления о чеченцах были характерны и в других районах области. Чеченцев воспринимали как предателей, бандитов, что сразу устанавливало границы общения с местным населением, особенно на первых порах. О первых годах вселения рассказывает бывшая спецпоселенка Х.З. Довтабаева (1936 г.р.) г. Риддер: «Нас сначала расселили в колхозе 22 км от Усть-Каменогорска. Местные жители с подозрением, с опаской относились к нам, старались от нас подальше держаться. Ведь разные разговоры были...» [5]. По воспоминаниям Д.М. Шалаевой (1943 г.р.) г. Риддер: «По рассказам дяди местное население Лениногорска относилось к нам с пренебрежением, нас считали предателями, врагами» [6].

Отношения с местными жителями складывались по-разному, но не всегда проявлялась враждебность по отношению к спецпереселенцам. Существует немало свидетельств доброжелательности местного населения к депортированным чеченцам. Адаптация спецпереселенцев в тяжелых условиях спецпоселения зависела зачастую от местного населения. Жилищная проблема была одной из многих трудностей, возникавших перед спецпереселенцами при обустройстве на новом месте. В городской местности депортированных чеченцев размещали в бараках, в зданиях примыкающим промышленным предприятиям, в сараях, клубах, землянках.

Контакты местного населения и депортированных чеченцев происходили в основном во время расселения их в сельской местности. В сельской местности частым явлением было подселение в дома к местным жителям. Приезд и прием чеченцев родителями запечатлены в детских воспоминаниях Ш.О. Атаханова (1937 г.р.) с. Солдатово Уланский район (ныне проживающий в п. К.Кайсенова): «Привезли чеченцев с Усть-Каменогорска и на колхозных бричках размещали в каждый дом. Колхоз наш назывался «Национальная дружба», так как в колхозе жили люди разных национальностей. Село Солдатово располагалось между Таргыном и Скалистое, сейчас не существует. Мой отец был председателем колхоза. Тогда пустующих домов не было. Мы приняли бабушку чеченку Бушай апа с двумя дочерьми. В первое время местные жители относились к ним с настороженностью, тогда же ведь разные разговоры шли... После их приезда, люди убедились, что они такие же люди. Обустроивали их в своих домах на уплотнении. Они у нас дома около двух лет жили [7]. По воспоминаниям жителя аула Обалы Уланского района (ныне с. Шымкора) Б. Мырзагалиева (1941 г.р.): «Когда привезли чеченцев, их стали расселять в домах местных жителей. По рассказам моих родственников некоторые жители аулов нашего района не принимали чеченцев, отказывали им в подселении. В основном чеченцы были расселены в аулах Обалы, Корпембай,

Партсъезд по 10-12 семей в каждой местности. Мои родители, имея небольшой дом из трех комнат, приняли чеченскую семью, освободив им одну комнату. У нас дома они жили где-то два года. Вместе вели хозяйство...» [8]. О.В. Анисимова (1955 г.р.) с. Выдриха рассказывает: «Как вспоминает уроженка села Зоя Степановна Кривоногова (1933 г.р.), привезли их со станции «Аврора», они шли большой группой по центральной улице к верхней части села. Чеченцев подселяли сначала в семьи выдрихинцев, выделяли жильё в опустевших по каким-либо причинам домах» [9].

Следует отметить, что бытовое обустройство спецпереселенцев осуществлялось в трудные военные годы, к тому же первоначальные планы размещения и обустройства оказались не везде реализованными. Ситуацию во многом усугубляла позиция местных властей, которые с пренебрежением относились к хозяйственно-бытовому обустройству спецпереселенцев-чеченцев, перекладывая часть их на местное население.

Проблема жилья, решаемая путем так называемого «уплотнения», вызывала неоднозначную реакцию у местного населения. Так, например, в колхозе «Хлебороб» Верх-Убинского района колхозник Никитин убил лопатой спецпереселенца-чеченца Исаева с целью освобождения своего жилья [4, л.6]. В этом же районе в большинстве квартир, где проживали семьи спецпереселенцев совместно с колхозниками на уплотнении, двери колхозников были заколочены, и спецпереселенцы вынуждены были выбираться через окна [3, л.62].

По воспоминаниям местного населения прибывшие чеченцы находились в тяжелом материальном положении. Многие респонденты отмечают, что большинство чеченцев прибыло в галошах, без теплой одежды и некоторые при себе имели только узлы. Вспоминает Ш.О. Атаханов (1937 г.р.): «В чем были с тем и приехали, женщины, дети закутаны в шали, с небольшими баулами. Все почти в галошах были... по их рассказам, из дома не успели ничего взять» [7]. Эпизод из воспоминаний Б. Мырзагалиева (1941 г.р.): «Их привезли, можно сказать без ничего, мужчины были в папахах, женщины в галошах. В то время сами местные жители испытывали нужду, мои родители помогали, чем могли, кормили, даже пришлось отдать им свои валенки» [8].

Обеспечение питанием являлось главной задачей в первоначальный период высылки на новое место. О продовольственных затруднениях в первые годы вселения рассказывает один из очевидцев С.Х. Дацаев (1939 г.р.) г.Усть-Каменогорск: «...Есть ничего не было, черный хлеб по карточкам выдавали. Употребляли разную траву. Сложно было найти даже съедобную траву, будучи детьми, мы весной искали траву, чтобы пропитаться. Был страшный голод...» [10]. По воспоминаниям Н.Д. Мукаевой (1918 г.р.) с. Ново-Азовое: «Мы подбирали кожуры картофеля, потом варили. На поле корни растений копали, собирали и кушали. Так и питались. Местные жители сами голодные были, но помогали, чем могли. Государство выделяло одну булку черного хлеба, мы делили на маленькие кусочки по 10 гр. чтобы всей семье хватило. Много людей умирало от голода, болезни» [11]. О трудных временах своей жизни говорит и Х.З. Довтабаева (1936 г.р.) г.Риддер: «Голод был страшный. Собирали весной оставшуюся мерзлую картошку, если застанут коменданты, то били ружьем, не давали собирать. Ели крапиву, лебеду ботву, мама варила суп из крапивы, если были кожурки от картошки, то в суп бросала. Опилки перекручивали, делали из нее оладьи. Давали по 100 гр. черного хлеба. Ели мокух от подсолнуха. Сахара, соли вообще не было...» [5].

В повседневной жизни в хозяйственно-бытовом обустройстве спецпереселенцев-чеченцев немаловажное значение имели приусадебные участки и индивидуальные огороды. Обеспечение спецпереселенцев-чеченцев землей и посевным фондом, способствовало бы решению продовольственной проблемы. Однако проблемы были связаны как с общей сложной социально-экономической ситуацией военного периода, так и с откровенным пренебрежением некоторых руководителей предприятий, колхозов по наде-

лению приусадебными участками спецпереселенцев. Как показывают устные свидетельства местных жителей, проживающие, в одном доме с ними чеченцы вместе сажали огороды. Об этом вспоминает житель с. Солдатово, Уланского района Ш.О Атаханов (1937 г.р.): «Для посадки картофеля земли хватало, однако в колхозе для выделения чеченцам не было семян, поэтому в первые годы чеченцы вместе с нами сажали картошку» [7]. В своих рассказах так же подтверждает совместную посадку картофеля Б. Мырзагалиев (1941 г.р.) с. Обалы, Уланский район: «Когда они у нас дома жили, родители делились всем что имели, мы вместе сажали и пололи картошку» [8]. О первых годах вселения спецпереселенцев-чеченцев вспоминает житель п. Шемонаиха С.П. Барсуков (1937 г.р.): «Жилось в то время всем нелегко, мы сами на одной картошке сидели... но помогали чеченцам, где картошкой, где семенами. Интересный факт помню, чеченцы привезли с собой семена своей кукурузы. Посадили кукурузу, и она выросла высокая, но плодов не дала, не вызрела, так как вегетационный период у нее большой и в наших условиях она не прижилась. Чеченцы стали использовать нашу кукурузу, она хоть низкорослая и початки маленькие, но дает плоды. У чеченцев кухня построена на кукурузе, и они потом активно использовали нашу кукурузу» [12].

Необходимо отметить, что отношения между местным населением и спецпереселенцами-чеченцами складывались неоднозначно. Есть много примеров казахов, русских и др., которые делились с чеченцами кровом, продуктами, одеждой и обувью. Об этом вспоминает бывшая спецпоселенка Н.Д. Мукаева (1918 г.р.) с. Ново-Азовое, Уланский район (бывший Таврический район): «...Мать мне рассказывала, что по их приезду в Кайынды, ее с дочкой приютила казахская семья. Звали его по-моему Иманкул. У них был маленький домик, мазанка из глины. Чтобы разделить на комнаты, они тряпкой разгородили. Мать всегда вспоминала, если бы не эта казахская семья, они бы не выжили с дочкой. Когда их привезли, она была тяжелобольная. Женщина-казашка жарила курдюк с чем-то и поила маму. Так и она спасла [11]. По рассказам Д.М. Шалаевой (1943 г.р.) г. Риддер: «Со слов дяди помню, ходила я зимой в больших галошах на босую ногу, спасибо отдельным человеческим семьям, давали обноски, когда за работу хлеб, картошку замороженную...» [6].

Но первые годы основная масса населения к ним продолжала относиться с подозрением, недоверием и пренебрежением. По воспоминаниям Р.Х. Сельмурзаевой (1956 г.р.) г.Риддер: «Моя свекровь рассказывала, ей было 14 лет, когда их переселили в Лениногорск, поселили в бараке. С ней были два брата и маленькая сестра. У них мать умерла очень рано, отец при высылке потерялся. Она ходила подрабатывала у старой русской бабушки, в дом она ее не пускала, относилась с недоверием, выполняла она работу только во дворе, потом спустя через некоторое время стала пускать в дом, предупредив ее о том, что не дай бог, что-нибудь у нее пропадет, что нигде работу больше не найдешь. С того времени она белила, стирала, зарабатывала картошкой, то хлебом» [13].

Одним из факторов препятствовавших диалогу между спецпереселенцами-чеченцами и местным населением был язык. Отметим, что чеченцы практически не владели русским языком. Местный житель С.П. Маханов (1936 г.р.) г.Зыряновск рассказывает: «В первое время им сложно было не только материально, они не знали, не понимали русского языка. Приходилось объясняться жестами» [14]. Необходимо подчеркнуть, что чеченцы особо не стремились к изучению русского языка. Многие спецпереселенцы-чеченцы не отпускали своих детей учиться в школы. В первую очередь их не устраивало то, что обучение их детей проводится на русском языке. Об этом говорит Довтабаева Х.З (1936 г.р.) г. Риддер: «Русский язык мы вообще не знали, по-чеченски они тоже не понимали. В школу так и не ходила. Первые годы даже объясняться в быту, на базаре не могли» [5]. По рассказам Н.Д. Мукаевой (1918 г.р.) с. Ново-Азовое:

«Мы почти не понимали русского языка, но так как нужно было, мы учились говорить на русском языке, дома разговаривали на чеченском языке» [11].

Следует отметить, что спецпоселенцы-чеченцы в районах области расселялись внутри принимающего социума, их не изолировали от местного населения. Однако во многих устных свидетельствах подчеркивается, что характерной чертой спецпоселенцев-чеченцев было то, что они держались замкнуто и не общались с местным населением, контакты с которым были редки и обусловлены только производственной необходимостью. Эпизод из воспоминаний В.Д. Макшиной (1939 г.р.) г.Зыряновск (ныне проживает в г. Алматы): «...Жили они на краю Зыряновска, возле горы, которую мы называли «круглой». Вырыли землянки и выдолбили в камне они себе жилища. Держались они обособленно, с местным населением не контактировали» [15].

Места компактного заселения чеченцев получили как в народе, так и в официальных источниках название «чечен-городок». Такие «чечен-городки» появились в Усть-Каменогорске, в Лениногорске. Спецпоселенка Х.З. Довтабаева (1936 г.р.) г. Риддер вспоминает: «В Лениногорске «чечен-городок» находился по улице Семипалатинской, другой «чечен-городок» был на Таловке за Полярной. Когда приезжали чеченцы с Таловки к нам на Семипалатинскую, мы встречали их как «великих гостей», делились новостями, радовались что живы. В чечен-городке мы все дружно жили, поддерживали друг друга. Соблюдали все свои традиции. Уразу, Наурыз отмечали вместе. Старики своими наставлениями учили молодежь. Между собой мы строго на чеченском языке общались» [5].

Опрошенные респонденты отмечают в своих воспоминаниях, что чеченцы по мере адаптации на новом месте стали строить дома и расселялись компактно в местах вселения. Из рассказов И.А. Полтаранина (1939 г.р.) Верх-Уба (ныне проживает в г.Усть-Каменогорске):«...Позже чеченцы стали расселяться особняком. Местом их расселения был назначен так называемый Казачий край. Просто одна из улиц этого Казачьего края получила продолжение, там чеченцы стали строить свои дома, впрочем, вот это слово «дома» едва ли можно соотнести реально с тем, что на самом деле имело место быть. Скорее всего, это были землянки или хибары. Все зависело от того какими средствами располагали чеченцы. Средств у них не было, поэтому обустроивались, как могли, смотря, что им выделили. Жили они *особняком*» [16]. О строительстве жилья и компактном проживании свидетельствуют и воспоминания И.С. Маханова (1936 г.р.) г.Зыряновск: «...Когда им участки выделили, был так называемый «самострой», они строили избушки по улице Горной, чтобы лишь бы жить. Жили они также по улице Зубовской, там у них было кладбище. Помню, только продавец магазина №6, чеченец отдельно жил, а так они в Зыряновске жили скученно, общались с местными по мере необходимости» [14].

Существенную роль в жизни чеченцев играли так называемые «белхи». Их устраивали, чтобы выполнить большой объем работы силами многих чеченцев, например, строительство дома, заготовка сена и т.д. В условиях спецпоселения обычай взаимопомощи еще больше укрепился. Многие респонденты вспоминают, как чеченцы быстро строили жилье из самана, при этом подчеркивается роль женщин в строительстве саманных домов, и упоминаются национальные музыкальные инструменты – кехат-пандур (гармошка) и бубен. О том, как строили саманные дома чеченцы рассказывает житель п. Шемонаиха С.П. Барсуков (1937 г.р.): «...Хочу отметить, что чеченцы жили очень дружно. Они выжили только из-за того, что дружные были. Когда им разрешили строить дома, то они строили дома вместе. В один день они все собирались вместе. Сначала начинали вместе делать кирпичи из самана. Я помню, у них был бубен и гармошка. Они работают – работают, а когда перерыв, то играют на бубне и гармошке и пляшут. Они за один день могли сделать кирпичей из самана на

целый дом. Когда саман высохнет, то они за день стены всего дома выкладывали. Строили быстро, благо проблем с пиломатериалом не было. Буквально за один год все они из барака переселились в эти дома. Сейчас только один дом их сохранился, можете посмотреть» [12].

Устные свидетельства показывают, что характер взаимоотношений между местными и спецпоселенцами-чеченцами по мере более близкого знакомства изменяется. Отношения определялись межличностными контактами в бытовой сфере. Необходимо отметить, тесные взаимоотношения складывались особенно в сельской местности. Вспоминает О.В. Анисимова (1955 г.р.) с. Выдриха: «Наша улица Виленская (ныне Садовая), расположенная в нижней части села, заселённая когда-то белорусами, оказалась со временем интернациональной: жили здесь ещё и русские, украинцы, с начала 40-х годов добавились немцы, а во второй половине 50-х - чеченская семья Яндарбиевых. Я где-то с 3-4 лет помню соседей-чеченцев, живущих напротив, через дорогу. Семья состояла из шести человек: глава семьи Абдулла Яндарбиев, его жена Петимат, престарелые уже родители – отец и мать, дети – Тумиша, Халид, Зара. У бабушки, матери Абдуллы, были больные ноги, и она редко выходила из дома; по-русски говорила плохо и почти ни с кем из соседей не общалась. Дед был более разговорчив, летними вечерами выходил «на беседу» со стариками-соседями, вёл себя очень сдержанно, с достоинством, пользовался уважением всей улицы. Был, однако, один наш уличный местный враль-Щукарь Иван Тюрин, который, как выпьет лишнего, что бывало довольно часто, начинал привязываться к старику Яндарбиеву: «Вот я чапаевец (или «буденовец» - когда что выберет), меня сам Сталин хромовыми сапогами премировал – на покос с вертолётá сбросил, а ты есть кто? Врах народа?!...» Чеченец не связывался, молча отходил. Только когда невестка Петимат садилась доить брыкастую корову, старик держал животное за хвост и, охаживая прутом, покрикивал: «Стой, не дрыг! У-у, Турин!!!...» «Турин», т.е. «Тюрин» было у него самым ругательным словом. Петимат была улыбочивой, приветливой, любила угощать соседей вкусными лепёшками, которые пекла по своему кавказскому рецепту. Очень дружна была с моей бабушкой Анастасией. «Настасик, помогай: госта лениногорская приехал – пяток яичек нада», - говорила она, улыбаясь и прижимая к груди кулачки, а вечером прибежала Тумиша с крынкой молока: «Настасик, Оля пей нада!» [9].

О добрососедских отношениях вспоминает Н.Ф. Богатырева (1948 г.р.) с. Выдриха: «Наша семья Анисимова Фатей Евсеевича проживала по ул.Советской, в верхней части села. Соседями нашими были чеченцы. Главу семьи звали Ваха, он работал агрономом в колхозе. Из самана они выстроили дом, в котором было несколько помещений. В одном жили бабушка с дочерью Розой, лет 18-19, это мать и сестра главы семейства, во втором, через коридор, – Ваха с женой и детьми. Роза очень хорошо играла на маленькой гармошке. Бабушка была очень доброй и общительной. Всегда угощала нас какими-либо лакомствами, особенно на праздник Ураза, который чеченцы сильно почитали. Бабушка приносила нам орехи (я их тогда впервые увидела), сухой виноград (сухие фрукты им присылали откуда-то родственники), очень вкусное домашнее лакомство из кукурузы с добавлением ещё чего-то, по вкусу похожее на халву. Кукурузу и тыкву они выращивали на своём огороде в большом количестве. Тыква у них была какая-то особая, крупная, сладкая. Если у нас тыкву обычно парили в печке, то они её варили кусочками в воде на домашнем очаге во дворе дома, и было очень вкусно. Когда наша семья начала летом строить новый деревянный дом на месте старого, соседи-чеченцы пригласили нас к себе на квартиру. Бабушка и Роза перешли на половину Вахи, а нам уступили свою комнату, где мы жили, пока не построили свой дом. Когда я была уже взрослой и училась в Усть-Каменогорске, мама рассказывала, что Ваха с же-

ной приезжали в Выдриху (в середине 1960-х), гостили и ночевали в нашем доме. Им нужно было собрать документы о работе в колхозе [17].

В.А. Тугарина (1954 г.р.) с. Выдриха рассказывает: «Помню из рассказов моей мамы, Евдокии Львовны Андреевой, 1926г.р., что в нашем доме одно время проживал на квартире чеченец по имени Заинди, фамилию не помню. Где-то в конце 1960-х несколько чеченцев, мужчины и женщины, приезжали в Выдриху из Чечни. Собрали у нас во дворе всех знакомых выдрихинцев, чтобы отблагодарить за помощь и поддержку в годы ссылки. В мешках привезли подарки. Помню, как вытаскивали из мешков красивые шерстяные кофты и дарили их нашим женщинам. У нас здесь таких не продавали...»[18].

О взаимоотношениях с местными жителями Н. Д. Мукаева (1918 г.р.) вспоминает: «Мы в Кайынды жили очень дружно. Здесь жили 2-3 семьи немцев, казахи, русские. Поминки, горе и радость вместе делили. Мы как родные стали. Когда у меня дочь умерла, приезжали бывшие соседи с Семипалатинска, Талдыкургана. Мы жили одной семьей. Нас называли «Кайындинцы» [11].

Таким образом, можно говорить о неоднозначности отношений между местным населением и спецпереселенцами-чеченцами: от настороженности и враждебности до дружбы и благодарности. Отметим, что характерной чертой чеченцев (особенно в первые годы вселения) были замкнутость и малые контакты с местным населением, которые были обусловлены производственной необходимостью. Но с течением времени местное население лучше узнавало спецпереселенцев-чеченцев, устанавливались, особенно в сельской местности, тесные взаимоотношения, о чем свидетельствуют рассказы очевидцев: многие местные жители делились с чеченцами кровом, продуктами, одеждой и обувью, всем, что помогало выжить спецпереселенцам в тяжелых условиях спецпоселения.

Список литературы

1. Аубакиров А.А. Дети гор. К 70-летию со дня депортации населения с Северного Кавказа. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – 576 с.
2. Баймаханов М. Депортация народов и права человека: политико-правовые проблемы. //Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы; «Арыс»-«Казахстан», 1998. – С.356.
3. ГАВКО Ф. 1-п. Оп.1. Д. 2750.
4. ГАВКО Ф. 1-п. Оп.1. Д. 2741.
5. ПМА. ВКО, г.Риддер, 2016.
6. ПМА. ВКО, г. Риддер, 2014.
7. ПМА. ВКО, Уланский район, п.К.Кайсенова, 2017.
8. ПМА. ВКО, Уланский район, с.Шымкора, 2017.
9. ПМА. ВКО, Шемонаихинский район, с. Выдриха, 2017.
10. ПМА. ВКО, г. Усть-Каменогорск, 2016.
11. ПМА. ВКО, Уланский район, с. Ново-Азовое, 2016.
12. ПМА. ВКО, п. Шемонаиха, 2017.
13. ПМА. ВКО, г.Риддер, 2017.
14. ПМА. ВКО, г.Зыряновск, 2016.
15. ПМА. ВКО, г.Зыряновск, 2015.
16. ПМА. ВКО, г. Усть-Каменогорск, 2016.
17. ПМА. ВКО, Шемонаихинский район, с. Выдриха, 2017.
18. ПМА. ВКО, Шемонаихинский район, с. Выдриха, 2017.

ГИДРОНИМИЯ ХАКАСИИ И ТЫВЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ О РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

Каксин А.Д.

В статье рассматривается пласт наиболее древних гидронимов Хакасии и Тывы, т.е. тех названий рек, этимология которых может быть возведена к корням праязыков, давших начало современным енисейским, самодийским и монгольским языкам. Современное тюркское звучание и (или) унифицированная на картах тюркско-русская форма считаются самыми поздними (хотя и окончательными) вариантами искомым гидронимов.

Ключевые слова: древние названия рек, Южная Сибирь, Хакасия, Тыва, тюркские языки, алтайская семья, уральская семья, енисейская семья

NAMES OF THE RIVERS OF KHAKASSIA AND TUVA IN THE LIGHT OF DATA ON DEVELOPMENT OF LANGUAGE FAMILIES IN SOUTHERN SIBERIA

Kaksin A.D.

In article layer of the most ancient water-name of Khakassia and Tuva, is those names of the river which etymology can be built to roots of the parent languages which gave rise to modern Yenisei, Samoyed and Mongolian languages is considered. Modern Turkic sounding and (or) the Turkic-Russian form unified on cards are considered as the latest (though final) as options of required water-name.

Keywords: ancient water-names, Southern Siberia, Khakassia, Tuva, Turkic languages, Altai languages family, Ural languages family, Yenisei languages family

В современных условиях возрастает актуальность исследования топонимии с позиций разных лингвистических направлений, в т. ч. двух значимых в данном случае – учения о репрезентации языковой картины мира и когнитивного. Основное предположение сводится к тому, что в основе большинства названий лежит яркое и точное определение (эпитет), а часть топонимов имеет смысл трактовать как образования, в основе которых лежит метафоризация. С этих позиций мы и подходили к анализу материала, в том числе – уже описанного (например, в работах В.Я. Бутанаева, Б.К. Ондар). Кроме словарного, мы использовали также материал, изложенный в предшествующей научной литературе [Дульзон, 1959, 1964, 1971; Матвеев, 1962, 1985, 1987, 1989, 1995, 1997; Татаринцев, 1976; Молчанова, 1979; Розен, Малолетко, 1986; Щеглов, 1993; Мурзаев, 1996; Сунчугашев, 2009].

Аналізу подвергались, прежде всего, данные географических карт, топонимических словарей, справочников и энциклопедий; учитывались также результаты поездок в Алтайский, Аскизский, Бейский, Таштыпский районы Республики Хакасия [карта Красноярский край, Республика Хакасия, 2013]. Отобранные названия интерпретировались в аспекте заключенной в них информации о жизнедеятельности коренного населения региона.

В результате своей работы мы стремились дать трактовку происхождения ряда гидронимов Хакасии в аспекте первоначальной, когнитивной, мотивации, исходившей из способа мышления древних: какими мотивами они руководствовались, когда давали географическим объектам те или иные названия. Наш общий посыл заключается в том,

что такие названия, в общем случае, не бывают случайными : за ними стоит способность (и возможность) давать названия, подсказанные знанием об окружающем мире, мотивированные определенными концептами.

Топонимия (и особенно – гидронимия) Хакасии дает для этого очень ценный материал. Речь идет, в первую очередь, о тех гидронимах (преимущественно – названиях рек), которые остались в результате длительного проживания здесь носителей самодийских языков. До широкого распространения на этой территории тюркских наречий здесь были распространены преимущественно южно-самодийские языки. О времени и обстоятельствах прихода самодийцев (и только потом – тюрков) на территорию Южной Сибири много написано (в первую очередь, археологами и историками). Здесь мы приведем взгляд лингвиста-компаративиста на эти древние эпохи:

«Продвинувшись на восток до Енисея, самодийцы застали здесь тунгусоязычное население, от которого и заимствовали название этой реки... Определенное культурное влияние оказали на самодийцев и тюрки, которые в последние века I тыс. до н.э. продвинулись в северную часть Алтайского нагорья и на юг западносибирской тайги. ... Совокупность лингвистических данных позволяет предположительно локализовать позднюю самодийскую прародину (накануне распада праязыкового единства) в районе Чулыма – Среднего Енисея, ориентировочно вокруг треугольника “Томск – Красноярск – Енисейск”. Из самодийских народов нового времени в этом регионе оставались южные селькупы и камасинцы» [Хелимский, 1996, с. 102].

На состоявшейся в июне 1958 года научной конференции, посвященной 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России, выдающийся археолог Л.Р. Кызласов выступил с докладом об этногенезе хакасов, в котором затронул и вопросы топонимики. Полагаем, что в ходе подготовки доклада он мог обсудить животрепещущую тему с А.П. Дульзоном, также принимавшим участие в этой конференции. Как бы то ни было, результатом размышлений Л.Р. Кызласова (об отражении в топонимике Хакасии истории заселения региона) явились следующие положения:

«Анализ топонимики Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих к ней районов свидетельствует о том, что наряду с наслоившимися тюркскими топонимами более позднего происхождения здесь в основном господствовали топонимы, разъясняющиеся из угорских и самодийских языков. По-самодийски: «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы) – «вода». Этот термин носят следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Ерба (Чорба) и т.д. [Они] встречаются на единой территории, которая охватывает целиком Восточные Саяны (от р. Оки на востоке и до Енисея на западе), часть Западно-Саянского хребта, где они заходят на левобережье Енисея» [Кызласов, 1959, с. 73-74].

Как видим, выдающемуся археологу и знатоку хакасского языка Л.Р. Кызласову удалось очень наглядно показать, что во всех перечисленных гидронимах сохранились отголоски звучания тех языков, которые исторически предшествовали тюркским языкам на указанной территории. Это были енисейские и уральские языки, и вполне целесообразно, этимологизируя названия, необъяснимые тюркскими корнями, использовать данные по исторически предшествовавшим языкам. Определенная работа в этом направлении была проделана: описаны тюркские топонимы Южной Сибири, самодийские (и енисейские) отделены от них и выделены в отдельные группы [см., напр., Молчанова, 1979; Бутанаев, 1995; Ондар, 2004; Сунчугашев, 2009; Традиционные знания..., 2009; Бурыкин, 2011, 2016].

Мы, ознакомившись с этой, предварительной, таксономией материала, делаем, далее, определенные выводы по языковой принадлежности и мотивационной основе древних гидронимов Хакасии. При этом мы с самого начала предполагаем, что они от-

ражают культуру аборигенных этносов (во всех ее проявлениях). Важно, что проанализированный в данном аспекте материал можно далее интерпретировать в аспекте сохранности топонимов, служащих источником сведений о географии Южной Сибири, являющихся источником разнообразной информации о жизнедеятельности коренного населения региона. Но это общий посыл. Более конкретно, лингвисту необходимо поискать в этимологии этих древних корней логико-семантический подтекст. Беря во внимание форму, можно отметить структурную прозрачность как характерный признак, объединяющий слова в этой компактной группе: односложный корень, к которому присоединяется компонент со значением 'вода / река'. Далее можно анализировать и глубинную семантику. При этом естественно полагать, что некоторые топонимы представляют собой образования, в основе которых лежит метафоризация. Важно и то, что метафоризация проистекает от постоянного стремления человека к какой-либо деятельности.

Для нас (в данном случае) очевидно, что метафоризация – очень сложное явление, появляется на поздних стадиях развития сообщества, а на ранних этапах развития метафору вполне заменял эпитет. Для древних гидронимов это положение применимо в первую очередь. Поэтому, считаем, объяснение семантики корневого элемента можно поискать в базовом словаре языковой семьи. Проверая эту гипотезу, опираясь на работы компаративистов, словари языков самодийской группы, мы сочли возможным предложить следующие трактовки названий рек (Хакасии), заканчивающихся на *-ба* (*-бе*, *-бу*). При этом мы ориентируемся в основном на списки Сводеша с данными языков самодийской семьи [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>]: там значатся слова камасинского и селькупского языков (соотносимые с ненецкими, нганасанскими и энецкими единицами), которые были использованы в качестве первого компонента при номинации рек (или других водоемов).

Холба: это название могло пойти от ассоциаций, связанных с обозначением человеческой способности слышать: от слов со значениями 'ухо' и 'слышать' (в упомянутом списке значатся слова: ненецк. *ха*, нганасанск. *коу*, камасинск. *ку* со значением 'ухо', ненецк. *намдорць*, *инзелесь* 'слышать'). Предположительно, в языке древних самодийцев название появилось потому, что эта река издавала громкие звуки, это была 'слышимая', 'звучащая' река. Возможно, река была неглубокая, с множеством перекаатов в каменистых местах (что усиливало звучание). Или по течению этой реки было много небольших водопадов. Другими словами, это была 'шумная река'.

Тайба: река могла получить название по одному из своих характерных признаков – 'широкая'. В списке Сводеша приводятся данные только по двум языкам (ненецк. *лата*, нганасанск. *тантэггэ* 'широкий'), но указания на существование этого корня в других самодийских языках можно найти в других источниках (в частности, в лексиконе селькупского языка обнаруживается слово с искомым значением, *тарёдык*). Сопоставляя этот языковой материал, предполагаем первоначальный смысл названия: Тайба – 'широкая река'. Необязательно, чтобы река была широкой на всем своем протяжении: для первоначальной номинации достаточно того, что широким был тот участок реки, на который вышла та группа людей, которая дала название. С достаточной долей уверенности можно говорить также о том, что в этом месте бассейна Тайбы протекала и дальше жизнь и деятельность первых аборигенов.

Колба: первый компонент в этом названии воспринимается как вариант общепуральского слова со значением 'рыба'. В этом же значении оно фиксируется почти во всех современных финно-угорских и самодийских языках. В названии реки мог быть отмечен тот факт, что в ней водится много (и самой разной) рыбы.

Салба: в современных самодийских языках обнаруживаются слова с этим корнем (*сал* / *сол*, *с'ат* / *с'от*), имеющим значение 'левый'. По всей видимости, название

дано исходя из пространственных ориентиров: каждая из этих рек (в статье Л.Р. Кызласова указываются две Салбы) являлась, на взгляд древних, левым притоком другой реки.

Тебе: эта река названа так, очевидно, по признаку полноводности (ср. камасинск. *джёлдяй* ‘полный’). В случае с рекой ‘полнота’ часто имеет следующий смысл: река достаточно широкая, глубокая, не пересыхает, с рельефными берегами, которые не очень высоки (так что возможны весенние разливы). Сочетание невысоких ровных берегов и медленного течения создает ощущение наполненной чаши.

Сейба: корень *сей-*, на наш взгляд, явно перекликается с сохранившимся в обско-угорских языках словом *сэй* со значением ‘песок (на берегу реки)’. В южно-самодийских языках оно не фиксируется. Возможно, это слово как нарицательное было утрачено, но сохранилось в названии реки, в русле которой наблюдалось много песчаных отмелей.

Буйба: компонент *буй-*, по всей видимости, следует возвести к слову со значением ‘камень’. В южных самодийских и энецком языке оно реконструируется в виде *ни / ну* (озвончение начального согласного вставка протезы *-й-* могли произойти уже на тюркской почве). Таким образом, в названии определенно был отражен или характер местности (по берегам много больших камней), или то обстоятельство, что дно реки покрыто камнями.

Ирба: корень *ир-*, вполне возможно, представляет собой усеченный вариант слова со значением ‘белый’. (В списке Сводеша содержатся такие слова: ненецк. *сэрако, сэр'*, энецк. *сыляйгу*, камасинск. *сири* ‘белый’). Очевидно, берега этой реки были обрывистые, и песок в этих обрывах был белый. Наименование реки по цвету обрывов (яров) встречается довольно часто. По тому же принципу, следуя цветовой характеристике, создаются названия гор, пригорков, других форм рельефа. Иногда эти ойконимы, далее, преобразуются в названия населенных пунктов типа Белый Яр, Белоярский, Красноярск [см., напр., Дмитриева, 2005, с. 194-197].

Конечно, при создании гидронима могут быть учтены характеристики воды в реке (озере, протоке, роднике, любом другом водоеме), но в этом случае в исходном слове должны заключаться значения ‘светлая’, ‘чистая’, ‘прозрачная’. Как правило, человеком сама вода не воспринимается по цвету как ‘белая’.

Анбу: для объяснения внутренней формы этого названия можно привлечь слова самодийских языков, обозначающие часть тела распространенных на этой территории копытных животных (ненецк. *нямд*, нганасанск. *ңамтэ*, камасинск. *амно, амну* ‘рог’). Поскольку рога оленей, сайгаков и подобных им диких животных, были (представлялись человеку) изогнутыми, кривыми, соответствующее название дали реке. Таким образом, Анбу – это река с множеством поворотов, т.е. ‘изогнутая’, ‘извилистая’. Увидеть протяженный участок извилистой реки можно, очевидно, с какой-либо возвышенности (например, с высокого холма), и даже современному человеку придет в голову сравнение речного русла с рогом животного.

Ташеба: звучание первого компонента этого названия сближается со словами самодийских языков со значением ‘холодно’: ср. энецк. *тэчи*, камасинск. *шиишти*. Вероятно, реку называли так потому, что вода в ней была всегда холодная (или местность такая, что людям возле этой реки было холодно). Однако, на примере слова Ташеба можно развивать версию о происхождении некоторых названий как тюркских аналогов существовавшим самодийским. И тогда происхождение данного конкретного названия можно объяснить следующим образом: к тюркскому *таш* ‘камень’ присоединен самый распространенный на данной территории самодийский апеллятив *-ба* ‘вода; река’ (протетическое *-е-* могло появиться намного позже).

Туба: по звучанию первый компонент сближается, прежде всего, со словами са-

модийских языков со значением ‘огонь’: ср. ненецк. *ту*, энецк. *ту*, селькупск. *тя*, камасинск. *шы*. Труднее объяснить, почему слово с таким значением является эпитетом: выражение ‘огненная река’ – очень образное, вряд ли уместно рассматривать эту версию. Возможно, в самодийском праязыке это слово обозначало также ‘источник тепла’, и тогда понятно обозначение (по ассоциации) реки с его помощью: *Туба* – ‘теплая река’. (Возможно, в этом районе были горячие источники, имевшие выход на поверхность).

По другим названиям также наблюдаются соответствия в современном звучании (возможно, уже полностью тюркском) и предполагаемом исходном (самодийском). В упоминавшемся списке имеются слова со значениями: ‘лёд’, ‘большой’, ‘гнилой’, ‘грязный’, ‘прямой’, ‘желтый’, ‘жир’, ‘змея’, ‘озеро’. Все они могли послужить основой при создании названий для рек *Карасиба*, *Ерба*, *Чорба* и других.

По такому же плану, далее, проанализируем модели первоначальных гидронимов на территории (карте) Республики Тыва. Другими словами, продолжим рассмотрение вопроса об использовании простых определений, эпитетов и метафор как наиболее распространенном способе создания названий географических объектов у древних народов. На этой территории, ныне занятой тюрками, названия многим рекам первыми также дали енисейские, самодийские и монгольские народы.

Для когнитивного описания топонимия рассматриваемой территории также дает очень ценный материал. Речь идет, в первую очередь, о тех гидронимах (преимущественно – названиях рек), которые остались в результате длительного проживания на определенных территориях носителей енисейского, уральского праязыков и их потомков. История распада, к примеру, уральского языка-основы, а затем – нескольких его непосредственных потомков, достаточно хорошо прослежена. Здесь приведем взгляд на эти древние эпохи лингвистов-компаративистов:

«Отправной точкой ... этногенеза обско-угорских народов является та огромная лесостепная зона, которая простирается от Южного Урала и верховьев Оби до бассейна Тобола, Ишима и Иртыша. Здесь, вероятно, жила угорская племенная общность после распада уральского единства. Эта общность оказалась в непосредственном соседстве с мигрировавшими из среднеазиатских центров оседлого продуктивного хозяйства на север народами, которые познакомили угров с комплексным земледельческо-скотоводческим типом хозяйства. Эти племенные группы южного происхождения, говорившие, по всей вероятности, на протоиранском языке, создали вместе с предками угорских народов, жившими на севере, и предками самодийцев, жившими на востоке, андроновскую культуру бронзового века» [Микеши, 1996, с. 30].

«Естественно, если территория поздней самодийской прародины была достаточно велика – что вполне вероятно, – то она могла включать в себя, полностью или частично, и ряд сопредельных территорий – бассейн Средней Оби с ее притоками (хабитат центральных селькупов), Северный Алтай, Присяянье (хабитат маторов), земли к востоку от Среднего Енисея» [Хелимский, 1996, с. 102].

Определенная работа по исследованию гидронимов Южной Сибири, в том числе – Республики Тыва, конечно, проделана: они описаны в целом как группа, поздние (наслоившиеся) отделены от исконных, т.е. выделены разные (отдельные) подгруппы [см., напр., Дульзон, 1959, 1964; Боргояков, 1970; Бертагаев, 1980; Бутанаев, 1995, 1999; Ондар, 1995, 2004; Сунчугашев, 2009].

Наше исследование – когнитивное (т.е. не строго этимологическое), но основывается на данных наших предшественников (в деле изучения топонимов региона). Так же, как в случае с гидронимами Хакасии, объяснение семантики корневого элемента ищем в базовом словаре языковой семьи. Проверая эту гипотезу, опираясь на работы компаративистов, словари уральских и алтайских языков, мы сочли возможным предложить следующие трактовки названий рек Тывы. При этом, повторимся, мы ориенти-

руемся в основном на списки Сводеша с данными языков разных семей [https://ru.wiktionary.org/wiki/], полагая, что слова енисейского, уральского, алтайского праязыков использовались в качестве первого компонента при номинации рек (или других водоемов).

Кул-Хем. Относительно этого названия возникают две версии: по первой, предполагаемой материалом тюркских языков, река получила это название потому, что являлась небольшим притоком большой реки, т.е. имела подчиненное положение:

«Кул-Хем – р., л.п.р. Чоон-Хем; Бай-Тайг.; кул ‘раб, слуга, невольник’, хем ‘река’; букв. слуга-река; возможно, метафора, связанная с небольшой длиной реки» [Ондар, 2004, с. 125].

Если рассматривать этот вариант, надо признать, действительно, что название возникло вследствие метафоризации. Но эта метафора, на наш взгляд, – очень абстрактная, отвлеченная. Как показывает опыт лингвистического анализа гидронимов, метафоризация (при их образовании) может возникать, но не такая образная и поэтическая.

По нашей версии, исходящей из материала уральских языков, река могла получить название по одному из своих характерных признаков – ‘быстрая; скользкая’. В современных финно-угорских языках обнаруживаются слова, обозначающие что-то гладкое, быстрое, скользкое (хант. *küli*, манс. *kulig*), а в списке слов обще-уральского происхождения находим следующее:

«плыть (по течению): *kulke- > ф. *kulke-* ‘идти’, ‘ходить’, эс. *kulge-* ‘тж’, с. *golga-* ‘течь (о воде, крови)’, ‘плыть (по течению)’, э. м. *кольге-* ‘капать’, ‘течь’, к. *кылал-* ‘плыть по течению’, в. *halad-* ‘идти’, ‘ходить’, сам. н. *hula-*» [Основы, 1974, с. 406].

И таких спорных случаев в этимологической трактовке гидронимов Тывы – предостаточно. И, исходя именно из этих примеров, стоит допустить глубокое (далее) проникновение древних самодийцев в бассейн Верхнего Енисея. Тогда становятся объяснимы многие гидронимы (названия рек), смысл которых не выводится из материала тюркских и монгольских языков. Причем, в данном случае можно не ограничиваться данными современных самодийских языков: после распада уральского праязыка самодийский язык-основа вполне мог сохранить многие общие уральские корни и, соответственно, принести на новую осваиваемую территорию. Самыми показательными случаями такой этимологии мы считаем следующие три. Во всех случаях сначала приводим выдержку из словаря Б.К. Ондар (2004), а затем – комментарий по поводу возможного мотивирующего слова, лежащего в основе (уральского по происхождению).

«*Шишкит* (варианты – *Шишихид*, *Шишихид-Гол*) – р., л.п.р. Кызыл-Хем; Каа-Хемский кожуун. ... *Шишихид* – гидроним загадочного происхождения. Г.Н. Потанин так характеризует реку: «Главная ветвь верхнего Енисея (сначала *Шишкит*, потом *Ха-хем*), сначала упираясь в реку, она сжимает ее долину и образует теснину и то, что туземцы и урянхайцы, и монголы, называют *Хацыл*, *Кысыл* или *Хысыл*. Это слово, которое по-русски можно переводить как ‘щеки’. Образовалось здесь собственное имя реки *Шишкит*, по выходе из оз. Дод-нор, соединяется с *Тенгисом*; затем р. входит в теснину и получает новое имя *Кысыл*» (Потанин, 1881, с. 271). Как подчеркивают исследователи, название *Шишкит* или *Шишихид* практически не имеет удовлетворительной этимологии. Согласно точке зрения Э.М. Мурзаева, начальный компонент гидронима (*Шиш-*) истолковывается как фонетический вариант слова кетского языка *чис*, *цис* в значении ‘река’, а этимология второй части (*-кит* или *-хид*) – остается невыясненной. ... В тувинских диалектах отмечено название птицы *шээшкиш* или *шишкиш* ‘хищная птица, ловящая рыбу; коршун белокрылый’... [Можно также провести] параллель между алтайским топонимом *Чыкчыт* (*Чукчут*), которым обозначаются труднопроходимые горы. При этом *Чыкчыт* сопоставляется с алтайским диалектным словом *чыкчыт* ‘висок;

геогр. значение – возвышенная горная местность’. Как считает Б.И. Татаринцев, гидроним имеет древнее происхождение и может быть истолкован как вторичное монгольское заимствование» [Ондар, 2004, с. 239-240].

Мы также полагаем, что слово нетюркское, а монгольское, а монголы переняли его у самодийцев уже как имя собственное (название реки или, если точнее, протяженного участка большой реки). Если исходить из материала уральских языков, почти не вызывает сомнений семантика второго компонента – ‘промежуток; середина; (средняя) часть’. Например, слово *küt* в хантыйском языке, в сравнении с другими подобными словами (послелогоми), описывается так: при сочетании имен с послелогоми «как правило, происходит своеобразная лексикализация послелого, получающего свое “первоначальное” значение типа “место, берег, пространство, край, бок, кромка”: *hor jelpewn* ‘перед нашей лодкой’, *lor honnewa* ‘на берег нашего озера’ ... *liw kütela* ‘в середину между ними’, *liw küteln* ‘среди них’, *liw kütel ewalt* ‘из их среды’» [Каксин, 2010, с. 119-120].

Возможно, к этому же древнему уральскому корню восходит слово финно-пермского периода с похожим значением:

«луг, площадь: *kentä > ф. *kenttä* ‘плац’, ‘площадь’, ‘поле’, с. *gied’de* ‘луг’, ‘лужайка’, у. *gid* ‘хлев’, к. *gid* ‘небольшой теплый хле́в’; ‘хлев на пастбище’» [Основы..., 1974, с. 427].

Семантика первого компонента “подсказывает” также соотнесение со словами современных уральских языков со значениями ‘шагать, брести’, ‘спина; хребет’, ‘птица-рыболов’ (к примеру, хант. *šöš-*, *šäš*, *šoš*). Подходят все три корневые лексемы; исходя из этого, можно предположить первоначальный смысл названия реки: ‘труднопроходимый промежуток’, ‘русло, за которым возвышенность, хребет’, ‘место, где много птиц, добывающих рыбу’.

Относительно следующего названия в первую очередь возникает предположение о субстратном его характере.

«*Сизим* – р., н.п. Каа-Хем.; название не осмысливается местными жителями; по всей вероятности, гидроним субстратного происхождения. По Г. Вернеру, гидронимы Сисим, Ишим, Шижим (междуречье Оби и Енисея) содержат элемент *-сим*, *-сим*, *-шим* ‘река’. Возможно, в составе гидронима Сизим содержится элемент *сис*, *сиз* ‘река’. Это лишь предположение, мотивировка названия требует уточнения» [Ондар, 2004, с. 165].

Согласимся с мнением о наличии в составе данного гидронима компонента со значением ‘река’, но только, на наш взгляд, это окончание *-зим* (а не корень *сиз*, как можно вывести, или понять, из смысла словарной статьи). Но теперь надо объяснить этимологию корневого элемента; и, на наш взгляд, она заложена (имеется) в слове уральского праязыка со значением ‘глаз (глаза)’:

«глаз: *šilmä > ф. *silmä*, эс. *silm*, с. *cal’bme*, э. *сельме*, м. *сельмя*, мр. *сынза*, *шинча*, у. *син*, *синь* (*синм*, *синьм-*), к. *син* (*синм-*), х. *sem*, мс. *sam*, *šäm*, в. *szem*, сам. н. *sew*» [Основы..., 1974, с. 400].

Исходя из этого предположения, первоначальной мотивацией служило то обстоятельство, что эта река была ‘зримая, (ясно) видимая’.

Как показывает опыт этимологизации анализируемых гидронимов (по большей части – названий рек, в меньшей степени – озер), главным признаком водоема, на который обращали внимание первые насельники, был пространственный: в каком месте находится водоем, как он видится людям в системе сложившихся пространственных ориентиров. На наш взгляд, именно особенности окружающего рельефа обусловили название одной из главных рек региона – Бий-Хема.

«*Бий-Хем* (русская форма – Пий-Хем, Бий-Хем) – р., один из двух главных истоков (правый) р. Улуг-Хем (Енисей) в Бий-Хемском, Тоджинском кожуунах. ... Сущест-

вует несколько объяснений названия реки. По одной из легенд Бий-Хем – ‘владыка-река’ по отношению ко второму истоку Улуг-Хема – Каа-Хему ‘слуге-реке’. В этой легенде название связывается с тув. *бег*, алт. *бэг*, хак. *тил*, *бий*, др.-тюрк. *beg* ‘правитель, вождь, бек, князь; господин’ (ДТС, с. 91). ... Происхождение гидронима Ш.Ч. Сат тоже связывает с др.-тюрк *бег* ‘старшая река’ (по отношению к Каа-Хему ‘младшей реке’). Другие исследователи, напр., М.А. Кастрен, предполагают самодийское происхождение названий Бий-Хем и Каа-Хем, связывая первое с самодийским *би* ‘вода’, а второе – с *ку*, *ке* ‘река’. С.И. Вайнштейн к самодийским названиям Тувы добавляет гидроним Сейба (Севи) (1961, с. 21). О.Т. Молчанова (1979, с. 159) вопрос о происхождении алт. Бия (Бий, Пии суу, Бея, Бий-Суу) считает спорным: 2) др.-тюрк. *бег* ‘глава клана, господин’ (ДТС, с. 91); 2) негидальский *бийа* ‘речка, ключ’; 3) самодийский *би* ‘вода’. ... Этимология названия Бий-Хем (также Каа-Хем) остается проблематичной и дискуссионной» [Ондар, 2004, с. 72].

На наш взгляд, предпочтительнее все-таки самодийская версия: тогда оправдывается и гипотеза компаративистов о широком (или глубоком) внедрении пришедших с севера самодийцев на земли, еще не занятые к тому времени монголами (последние, по всей вероятности, были уже совсем близко). Это многое объясняет: попав в эти края (придя к истокам Енисея), самодийцы, унесшие много слов из своей прежней общности, назвали обе реки “по-уральски”: делая упор на характерных признаках, одной реке дали название Пай-Хем ‘река на возвышенности’, а другой – Кав-Хем ‘каменистая река (дно каменистое)’ [Основы..., 1974, с. 400-402, 407].

По другим названиям также наблюдаются соответствия в современном звучании (возможно, уже полностью измененном) и предполагаемом исходном (финно-угорском). В списке возможных эпитетов имеются, в частности, слова со значениями: ‘большой’, ‘гнилой’, ‘грязный’, ‘прямой’; ‘жир’, ‘змея’, ‘озеро’. Все они могли послужить основой при создании названий для рек *Шивилиг*, *Межегей*, *Кум-Сайыр*, *Дасны* и других.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет понять, какие воззрения древних уральцев отразились в тех названиях, которые они дали окружающим их рекам, речушкам, озерам. Если анализировать корни искомым слов (во многих случаях второй элемент, действительно, воспринимается как апеллатив со значением ‘вода / река’), достаточно легко приходит мысль о том, что они (эти корни) – суть определения или эпитеты, называющие ту или иную характерную особенность конкретной реки.

Источники происхождения топонимов на территории Хакасии и Тувы многообразны, но есть некоторые общие свойства (черты), характеризующие их. У каждого отдельно взятого наименования есть формальная и содержательная сторона, которые существуют в диалектическом единстве. Каждое из этих слов представляется двусоставным: есть постоянный семантический элемент со значением ‘река’, со свойственной ему формальной вариативностью (которая, в ряде случаев, проистекает из действия закона сингармонизма). Переменным является корень, он вариативен в семантическом смысле. Вариативность корня – более широкая, все же и она имеет свои рамки. Корень, являющийся определением или эпитетом, выбирается из круга слов, которые могут с какой-либо стороны характеризовать реку: обычно это слова типа ‘короткая’, ‘длинная’, ‘мелкая’, ‘глубокая’, ‘каменистая’, ‘большая’, ‘маленькая’, ‘изогнутая’, ‘быстрая’, ‘рыбная’, ‘медвежья’, ‘лосиная’.

Таким образом, проведенное исследование актуально и в аспекте сравнительно-исторической этимологии, и когнитивистики (установления когнитивных моделей образования древних гидронимов). В последнее десятилетие лингвисты все чаще обращаются к проблемам ономастики с позиций работы человеческого сознания, в аспекте установления связей между разными видами речемыслительной деятельности. Такой

анализ позволяет выяснить, как ономастические единицы отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке.

Топонимическая система двух рассматриваемых территорий определенным образом связана со сменой господствовавших на ней языков. Опираясь на труды компаративистов, можно постулировать длительное “пребывание” на этой территории енисейских и самодийских языков, их длительный контакт с монгольскими языками, и только после этого – приход тюрков. Родство тюркских и монгольских языков неоспоримо, но можно обратить внимание на то, что термин “алтайская” для этой семьи – достаточно условный даже в географическом смысле. В настоящее время превалирует точка зрения, что прародина алтайских языков находилась достаточно далеко от Алтайских гор.

Считаем, что, только придерживаясь традиционного, компаративистского, мнения по поводу единства алтайской семьи, можно привести в систему все новые данные по алтайской языковой семье (результаты последних лингвистических и археологических исследований) и комплексно обосновать точку зрения об удаленности прародины алтайских языков от Алтайских гор. Для сравнения можно привести взгляд на этапы распада уральского праязыка, место локализации которого также достаточно далеко от Уральских гор (давших название и самому праязыку, и всей семье).

Полагаем, что появление гидронимов на *-ба* (*-бе*) и *-ас* в Южной Сибири тесно связано с последовательной сменой на этой территории языков трех семей – енисейской, уральской и алтайской. История двух первых из них восстанавливается достаточно определенно и ясно, чего не скажешь об алтайской семье. Понятно, что представление об алтайском языковом единстве зародилось не на пустом месте: слишком много общей лексики обнаружилось в рассматриваемых языках. Большое сходство наблюдается и в типологии рассматриваемых языков. Другими словами, алтайская теория остается незыблемой, но и в ее рамках мы придерживаемся того мнения, что алтайская прародина находилась достаточно далеко от гор Алтая, а «пратюркский элемент» недолго находился в составе алтайского единства. Здесь можно сослаться и на результаты последних исследований вопроса о тюркских прародинах. Эти результаты, на наш взгляд, говорят в пользу той точки зрения, что пратюркский язык отделился уже на первых этапах развития алтайской семьи (и “переместился” во Внутреннюю Монголию, на Ордос). Спустя тысячелетия тюркские и монгольские языки вновь “встретились” на Саяно-Алтайском нагорье, но до этого монгольские языки, распространившиеся там ранее, уже успели вступить в контакт с енисейскими и самодийскими языками.

Сравнивая гипотетическое развертывание в пространстве двух языковых семей (уральской и алтайской), для уральских языков можно констатировать параллельное (сбалансированное, равномерное, почти в едином ритме) развитие двух частей (“крыльев”). Когда единая семья распалась, одна из частей “сдвинулась” в сторону невысоких в этом месте Уральских гор, т.е. в сторону Европы. Впоследствии она разделилась на три потока : 1) в бассейн Печоры и оттуда – на запад (саамы); 2) в бассейн Камы и далее (прибалтийско-финская, финно-волжская, финно-пермская ветви); 3) на юго-запад, а затем в разных направлениях – на запад (венгры), на север (манси) и северо-восток (ханты). Вторая “половина”, самодийская, двигавшаяся в юго-восточном направлении, заняла бассейн Средней Оби с ее притоками, Северный Алтай, Присяянье; лишь потом началось движение самодийцев на север [Хелимский, 1996, с. 101-102].

Алтайская семья, очевидно, имела прародиной довольно большую территорию к югу от Байкала, включая окрестности оз. Хубсугул и бассейн верхней Селенги. Затем, до оформления твердого, устойчивого языкового единства, от этой территории (на которой остались монголы) поочередно отошли тюрки, предки корейцев и японцев и тунгусы-маньчжуры. Началось их отдельное, независимое друг от друга развитие. Но впо-

следствии тюрки и монголы, недалеко от общей прародины, встретились снова. Но, как известно, до этой встречи тюрков и монгол в Присаянье, монголы, пришедшие туда раньше, уже успели вступить в контакты с самодийцами и енисейскими народами. Отсюда и многочисленные перекрестные заимствования во всех названных языках, а также те гидронимы (или их элементы), выяснением семантики которых мы занимались.

Список литературы

1. *Бертагаев Т.А.* О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 124-129.
2. *Боргояков М.И.* К вопросу об этимологии гидронима «Молочный» // Советская тюркология. – 1970. – №5. – С. 85-87.
3. *Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края = Толы Хоорайдагы Чир-суҥ аттары / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова / Отв. ред. И.Н. Гемуев. – Абакан, 1995. – 268 с.
4. *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский этнографический словарь / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 1999. – 237 с.
5. *Бурькин А.А.* Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб., 2011. – 476 с.
6. *Бурькин А.А.* Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов // Российская тюркология. – 2016. – №2 (15). – С. 13-24.
7. *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 217 с.
8. *Дмитриева Т.Н.* Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – 580 с.
9. *Древнетюркский словарь (ДТС)* / Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
10. *Дульзон А.П.* Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VII. – Абакан, 1959. – С. 93-102.
11. *Дульзон А.П.* Дорусское население Западной Сибири как один из источников ее древней истории // Из истории Кузбасса. – Кемерово, 1964. – С. 246-252.
12. *Дульзон А.П.* Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С. 198-208.
13. *Каксин А.Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Изд. 2-е, доп. / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск, 2010. – 176 с.
14. *Красноярский край. Республика Хакасия:* Туристская карта. Выпуск 3, обновленный. Масштаб 1: 650000 / Красноярский филиал ФГУП «Госцентр «Природа»»; ИИЦ «Ориент». – Красноярск, 2013.
15. *Кызласов Л.Р.* К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VII. – Абакан, 1959. – С. 70-92.
16. *Матвеев А.К.* Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С. 127-142.
17. *Матвеев А.К.* Топонимия Урала: Учебное пособие. – Свердловск: УрГУ, 1985. – 76 с.

18. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – Свердловск, 1987. – 208 с.
19. *Матвеев А.К.* Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989. – С. 5-18.
20. *Матвеев А.К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. – 1995. – №2. – С. 29-42.
21. *Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера. – Екатеринбург, 1997. – 191 с.
22. *Микеша Г.* История обско-угорских народов // Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). – Будапешт-Москва, 1996. – С. 29-35.
23. *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 397 с.
24. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. – М.: Издательство восточной литературы, 1996. – 253 с.
25. *Ондар Б.К.* Краткий словарь гидронимов Тувы. – Кызыл, 1995. – 48 с.
26. *Ондар Б.К.* Топонимический словарь Тувы / Тывинский государственный университет. – Абакан, 2004. – 256 с.
27. *Основы финно-угорского языкознания.* Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
28. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. – СПб., 1881. – 372 с.
29. *Розен М.Ф., Малолетко А.М.* Географические термины Западной Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1986. – 205 с.
30. *Сунчугашев Р.Д.* Топонимия Хакасии / Научный редактор И.В. Кормушин. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. – 198 с.
31. *Татаринцев Б.И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл, 1976. – 129 с.
32. *Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования:* информационно-методический справочник / гл. ред. И.И. Назаров. – Барнаул, 2009. – 310 с.
33. *Хелимский Е.А.* Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). – Будапешт-Москва, 1996. – С. 101-115.
34. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032-1882 гг.). – Сургут: Акционерный информационно-издательский концерн “Северный дом”, 1993. – 463 с.
35. https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_монгольских_языков
36. https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_самодийских_языков
37. https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_тюркских_языков
38. https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_финно-угорских_языков

**ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОДЕЖДОЙ
СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ 1941-1945 ГГ.**

Мазырина А.А.

Данная статья посвящена вопросу обеспечения одеждой сельского русского населения Алтайского края по материалам устных исторических источников в годы Великой Отечественной войны на примере повседневной летней одежды.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, традиционная культура, культура жизнеобеспечения, Алтайский край, повседневная одежда.*

**THE PROBLEM OF PROVIDING CLOTHES
TO THE RURAL RUSSIAN POPULATION OF THE ALTAI VILLAGE
IN WARTIME CONDITIONS OF 1941-1945.**

Mazyrina A.A.

This article is devoted to the provision of clothing for the rural Russian population of Altai Krai based on the materials of oral historical sources during the Great Patriotic war on the example of everyday summer clothes.

Keywords: *Great Patriotic War, traditional culture, culture of life support, Altai Krai, everyday clothes*

Обеспечение и изготовление одежды крестьянами Алтайского края зависело от исторических событий. Особые условия сформировала Великая Отечественная война. Население тыловой деревни в условиях военного времени было вынуждено приспосабливаться ко многим трудностям. Одной из таких трудностей стало обеспечение сельского населения одеждой, которая является базовым компонентом культуры жизнеобеспечения [Культура жизнеобеспечения и этнос..., 1983, с. 53-60].

Во-первых, полевые исследования показали, что крестьяне были вынуждены вернуться к традиционному для крестьянского домашнего ткачества сырью. Передача навыков по изготовлению одежды из растительного сырья (льна, конопли), а также использование шерсти осуществлялась благодаря наличию в семье русского сельского населения представителей потомственных крестьян - носителей народных традиций. Опыт «бабушек» и «дедушек» был востребован в годы войны в изготовлении сезонной одежды [Щеглова, 2017, с. 70].

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть способы обеспечения летней повседневной одеждой сельского русского населения тыловой деревни. Основой работы послужили новые полевые материалы 2015-2017 гг., полученные в ходе историко-этнографических экспедиций на основе методов полевой этнографии и устной истории при реализации проекта «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д.и.н., проф. Т.К. Щеглова). В основе экспедиционных исследований при реализации этого проекта лежала новационная методика изучения информационной среды, которая включает коллективную и индивидуальную историческую память населения и культурный ландшафт сельских населенных пунктов [Щеглова, 2015, 132 с.].

В 1930-е гг. в связи с развитием колхозного хозяйства значение промыслов в хозяйстве меняется, традиционные крестьянские промыслы уходят на второй план. Социалистическая модернизация деревни в 1920-1940-х годов отстранила сельских домохозяев от средств производства, ликвидировала традиционные источники жизнеобеспечения русских крестьян – семейное земледелие, семейное скотоводство, промысловую деятельность. Усугубило положение сельского населения незавершенность к началу войны процессов формирования кооперативного сектора деревни, что привело к низкому достатку населения в колхозах [Щеглова, 2015, с. 20].

В этих условиях в годы Великой Отечественной войны крестьянское общество должно было самостоятельно обеспечивать себя не только продуктами питания, но и необходимыми предметами повседневной жизни, в том числе и одеждой. Поэтому возникла потребность в изготовлении домашних тканей. Повсеместно в алтайских селах крестьяне для своих нужд перерабатывали лен и коноплю, ткали холсты.

В годы войны прослеживается увеличение посевов конопли. Коноплю сеяли на земельных участках, которые выделялись колхозами сельским жителям. Выращивание конопли требовало обработки земли и посева семян, дальнейшего ухода до самой уборки культура не требовала. Лен был прихотливее, чем конопля, поэтому в годы войны конопля получила повсеместное распространение [Шишмакова, 2006, с. 190].

Если рассматривать технику уборки конопли, то она оставалась прежней, которая использовалась при единоличном хозяйствовании. После цветения конопли выбирали «мужские» стебли – «посконь». Их выдергивали, а «женскую» коноплю оставляли дозревать. Далее стебли собирали в снопы, и обколачивали, отделяя семена от стебля растения, из которого получали волокно. Новикова В.А. рассказывала: «Сеяли, а потом эту коноплю мочили, потом трепали его как-то и все, а потом получалось из конопли волокно. Она это коноплю, когда вот убрали, это все отмолотили, а потом они вот так отмолотят, а она же высохла, и у нее отстает, как сказать, шелуха, а эти волокна то остаются» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Новикова В.А., 1934 г.р.]. Затем следовало мочение, или «стлание», обколоченной конопли для удаления вещества, склеивающего волокна между собой. Мочили в болотах, озерах или речках. Далее коноплю высушивали, в бане [Шишмакова, 2006, с. 191]. Выращивание конопли, которая получила распространение в сельской местности в годы войны 1941-1945 гг. свидетельствуют об адаптационных практиках сельского населения тыловой деревни, об использовании знаний и опыта традиционной культуры хозяйствования. В связи с этим следует говорить о том, что традиционная культура выполняла функцию подстраховщика в обеспечении одеждой, с опорой на традиции домашнего изготовления ткани из растительного волокна конопли [Щеглова, 2015, с. 15.]

Полученные волокна пряли в нити в осенний и зимний период, когда все сельскохозяйственные работы были закончены. Далее ткали холст, который использовался для шитья одежды. У респондента Новиковой В.А. этим занималась бабушка: «Нити, а потом уже эти нити натягивают на этих станках, все это умели делать, кто их учил там, кто его знает!? И из этих нитей вот они такие, челнок назывался. Вот она, мы помним: баба дай я попробую, баба дай я попробую! Вот она сидит, целый день, за этим станком двигает. Тут у нее и вот получалось такое полотно». Следовательно, шел процесс включения и обучения детей ткачеству. Раннее включение детей в трудовую жизнь семьи соответствовало традициям русской культуры. В данном случае учителем явилась бабушка, которая была носителем традиций культуры жизнеобеспечения. В семьях, где было старшее поколение были более благоприятные условия жизнеобеспечения, в частности в обеспечении семьи одеждой. Поэтому половозрастная структура напрямую оказывала влияние на повседневные адаптационные практики крестьянской семьи [Щеглова, 2015, с. 25-26].

Грубый конопляный холст выносили зимой на снег, чтобы хоть как-то сделать его мягче. Так делала бабушка Новиковой В.А.: «И вот она получала, а потом, зимой ну наткет она этот материал, он жесткий, грубый, ну волокно, а зимой на снег расстиляет, а потом как бы выветривает что ли, вымачивает, ой там хлопот столько, чтобы помягче было эта материя, если нижнее белье какое шить, чтобы помягче было» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Новикова В.А., 1934 г.р.]. Одежда, сшитая из конопляных холстов была простая это рубахи, платья, юбки. Яковлева Л.А. так охарактеризовала платье, в котором она ходила во время войны: «Я вот, например, носила платье, от тут сшито, тут вырез и здесь вырез-горло. Оденешь и все! Голо тело не видать!» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2017 г. Яковлева Л.А., 1930 г.р.].

Кроме холста для шитья одежды из конопли делали веревки, или шили мешки для домашних нужд: «Ну, а тут мешки или палатки какие. Что требовалось в хозяйстве, это вот делали из этих [конопляных ниток – автор]. Это, ну мы уже бегали, тут нам лет по десять нам было, мы видели, как бабушка, чем занимается» – вспоминала Новикова В.А. [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Новикова В.А., 1934 г.р.].

Конопляный холст отличался своей практичностью. Одежда, сшитая из такого холста была особо прочной, сохраняла первоначальную форму после стирок, хорошо пропускала воздух, но сохраняла тепло. У такой одежды были и недостатки, она была груба и при носке «колючестью» ткани доставляла дискомфорт. Информант Дворянкина М.Т. рассказывала: «Ну, куртки какие-то шили с холста [конопляного - автор] и носили, а вот его родители нашего отца, те ходили полностью и одежда была холщовая и раньше были из чего они делали» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г. Дворянкина М.Т. 1933 г.р.]. Новикова В.А. подтверждает также этот факт: «Она же в этих, натуральное волокно, то натуральное, конечно прочная была она [конопля – автор]» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Новикова В.А., 1934 г.р.]. Об этом также свидетельствуют воспоминания Калмакова И.П.: «Я раз наделся рубахой, на кол, меня снимали, а она не рвется, он крепкий холст» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Калмаков И. П. 1929 г. р.].

По воспоминаниям респондентов, летом было проще с одеждой, чем зимой. Дворянкина М.Т. рассказывала в интервью: «А летом босиком, раздевшись, всяко ходили. Ничего хорошего так, чтобы одеться. А летом платьишко, там какое-нибудь оденем, так, без платка летом» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г. Дворянкина М.Т. 1933 г.р.].

Еще одним способом обеспечения одеждой крестьян был способ перешивания старых вещей, которые были куплены или изготовлены до войны. Респонденты отмечают, что одежду перешивали на несколько раз, надставляли на платья по мере изнашивания ткань. Сшитая новая одежда в семьях для ребятишек была настоящим праздником. Долгова В.Г. вспоминала: «Я все сшитые мне в детстве платья помню, потому что каждая обновка действительно была событием. Мама нам сама шила. Раз из алого такого сатина (бабушка Марья дала кусок ткани) мама мне сшила платье. Брат Гринька, а мы с ним погодки были, разобиделся: «Сшейте мне тоже красную рубаху! Вальке сшили, а мне нет!» Сшила ему мама синюю сатиновую рубаху, воротничок так, как у косоворотки, а он опять в слезы: «Вон Вальке красное платье сшили! Я тоже хочу красную рубаху!» Так плакал» [Алтайская деревня..., 2012, с. 173.]

Таким образом, анализ материалов по изготовлению повседневной летней одежды крестьян в годы Великой Отечественной войны показал, что основными источниками обеспечения были конопляные холсты, из которых шили одежду. Посевы этой технической культуры крестьянами в военные годы были расширены. Соответственно увеличилось домашнее производство одежды, которое в период социалистической модер-

низации отошло на второй план. Бабушки являлись главными носителями традиционной культуры и единоличного хозяйствования. Еще одним способом «пополнения» летнего гардероба было перешивание старых вещей.

Традиционная культура явилась подстраховщиком сельского русского населения Алтайского края, мобилизуя народные традиционные знания, умения и навыки, что способствовало обеспечению населения повседневной летней одеждой.

Список источников и литературы

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул:Алт.дом печати, 2012. – 447 с.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, п. Майский. Дворянкина М.Т. 1933 г.р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощековский район, с.Усть-Пустынка. Калмаков И. П. 1929 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Красногорский район, с.Усть-Иша. Яковлева Л.А., 1930 г.р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2016.: Крутихинский район, с. Заковряшино. Новикова В.А. 1934 г.р.
6. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (наматериалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.
7. Шишмакова Т. Ю. Обработка конопли в первой половине XX века населением Шелаболихинского района (по материалам историко-этнографической экспедиции) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – 2006. – Вып. 2. – Барнаул, 2006. – С. 189-192.
8. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. – Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. - 132 с.
9. Щеглова Т.К. Обеспечение зимней одеждой и обувью русского сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны в контексте государственной политики раскрестьянивания// Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. - № 1(15). – С. 70-80.

УДК 394.9

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БРЕНДА СТРАНЫ

Мицкевич Ю.В.

Повышению туристской и инвестиционной привлекательности Казахстана способствует деятельность, направленная на формирование и позиционирование эффективно бренда страны. В статье представлены теоретические и практические аспекты формирования территориального бренда Казахстана. Обозначены ключевые ресурсы, которые детерминируют стратегию формирования бренда страны. Обозначены тенденции развития территориального бренда Казахстана.

Ключевые слова: бренд территории, стратегия бренда страны, разработка и позиционирование бренда территории, реализация потенциала бренда.

STRATEGY FOR FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE BRAND OF THE COUNTRY

Mitskevich Y.V.

Increasing the tourist and investment attractiveness of Kazakhstan is facilitated by activities aimed at the formation and positioning of the country's effective brand. The article presents theoretical and practical aspects of the formation of Kazakhstan's territorial brand. Key resources are identified that determine the strategy of forming the country's brand. Tendencies of development of Kazakhstan's territorial brand are indicated.

Keywords: *territory brand, brand strategy of the country, development and positioning of the brand territory, realization of the brand potential.*

Процесс разработки и позиционирования бренда территорий все чаще становится предметом исследований в странах Европы, Америки, Азии. Казахстан как географическая, административная, экономическая, культурно-историческая, этнокультурная единица вызывает интерес у представителей различных отраслей научного знания.

По итогам исследования Национального аналитического центра в рейтинге конкурентоспособности на 2016-2017 гг. среди 138 стран мира Казахстан занял 53-е место, а на 2017-2018 гг. среди 137 стран – 57-е место. Среди стран СНГ Казахстан находится на третьем месте после Азербайджана (35-ое место) и России (38-ое место) [2]. Доминантными задачами стратегического характера для Казахстана, на наш взгляд, являются следующие: доступ к финансированию перспективных проектов, борьба с коррупцией, внедрение образовательных реформ, организация рабочего труда, инфляция, налоговое регулирование. В начале 2018 года Нурсултан Назарбаев в своем ежегодном послании призвал развивать научный потенциал Казахстана: «Республика должна войти в число ведущих инновационных стран мира, использующих во всех сферах экономики только самые передовые технологии [4].

Значительные положительные изменения в 2016-2017 г. произошли по таким показателям, как количество процедур, требуемых для открытия бизнеса (22, +35) и количество дней, необходимое для открытия бизнеса (26, +27), а также по индикаторам сотрудничества университетов и бизнеса в сфере НИОКР (66, +22), пользователи Интернета (41, +21) и Охват средним образованием (21, +21). Лучший результат Казахстана за всю историю участия в рейтинге индекса конкурентоспособности был в Отчете Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности на 2015-2016 годы. Тогда Казахстан занял 42-ое место среди 140 стран мира, улучшив свою предыдущую позицию на 8 пунктов.

На наш взгляд, брендинг территории предполагает создание рекламы, которая основана на реальных действиях государства по улучшению инвестиционного климата, туристской инфраструктуры, уровня жизни страны. Таким образом, реализация потенциала Казахстана как территориального бренда является приоритетной государственной задачей.

Впервые в качестве профессионального термина словосочетание «брендинг мест» (placebranding) употребил в 2002 г. один из ведущих мировых специалистов в области брендинга С. Анхольт [1]. По его мнению, в условиях глобализации территории должны конкурировать между собой за свою долю туристов, инвесторов, событий и освещения в средствах массовой информации.

Д. Аакер – известный классик в области бренд-менеджмента, определяет бренд как стратегический актив, создание которого занимает длительное время и нуждается в управлении [1]. Считаем, что бренд территории – это совокупность ценностных харак-

теристик, которые отражают его сущность и получили общественное признание и известность, пользуются стабильным спросом у разных групп населения.

Важными стратегическими целями брендинга территорий являются, на наш взгляд, следующие:

- скорректировать отношение к стране у ее жителей или гостей;
- акцентировать привлекательность географическую, экономическую, культурную и др.;
- поддержать в конкурентной борьбе товары отечественных производителей;
- укрепить суверенитет и сохранить территориальную целостность и др..

Для того чтобы разработать стратегию развития бренда Казахстана, необходимо, на наш взгляд, изучить ее территориальные особенности (уникальные качества, характеристики, свойства), т.е. оценить страну как продукт позиционирования разным целевым аудиториям.

Среди стратегически выгодных особенностей Казахстана следует назвать экономико-географическое положение. Казахстан расположен на стыке двух континентов – Европы и Азии. Протяженность его территории с запада на восток превышает 3000 км, с юга на север – 1700 км. Казахстан по занимаемой площади находится на девятом месте в мире, т.е. входит в первую десятку крупнейших по территории государств мира – после России, Канады, Китая, США, Бразилии, Австралии, Индии и Аргентины, что свидетельствует об огромных потенциальных возможностях данного региона земного шара.

Глубокое материковое расположение в значительной мере определяет природные условия Казахстана. Более четверти территории Казахстана занимают степи, половину – пустыни и полупустыни, остальную четверть – горы, моря, озера и реки. В Казахстане почти на 22 млн. гектаров расположились леса и насаждения, имеются 11 тысяч рек, более 7 тысяч озер и водохранилищ; растительный фонд превышает 6 тысяч видов, разнообразен животный мир. На западе и юго-западе территории на протяжении 2340 км, земли Казахстана омывает Каспийское море, являющееся самым большим озером на Земном шаре и названное морем за свою величину. Крупнейшая река Казахстана – Иртыш, общая протяженность которого равна 4248 км.

Рельеф местности поднимается от обширных низменностей, расположенных ниже уровня океана, до высочайших горных хребтов, достигающих 5000 метров. Природные условия Казахстана, их многообразие обуславливают значительные потенциальные возможности для развития животноводства. В Казахстане традиционно занимаются овцеводством, коневодством, верблюдоводством, разведением крупного рогатого скота.

Основными свойствами климата Казахстана являются его резкая континентальность и неравномерное распределение природных осадков. Земли Казахстана представлены также разнообразными почвами: большую часть лесостепной зоны занимают черноземы, южнее их расположены темно-каштановые, светло-каштановые и бурые почвы. Вся горная система Казахстана богата минеральными источниками, что позволит в будущем широко развивать курортно-санаторное дело, а значит привлечь целевую аудиторию, которая с большим вниманием относится к своему здоровью [5].

Одно из главных богатств Казахстана – это его полезные ископаемые. По оценке ученых ведущих стран мира Казахстан занимает шестое место в мире по запасам природных ресурсов. Казахстан располагает богатыми природными ресурсами, о чем свидетельствует то, что из 110 элементов таблицы Менделеева в его недрах выявлены 99, разведаны 70, но пока извлекаются и используются 60 элементов [5].

Высокий потенциал республики в стратегических сырьевых ресурсах, в первую очередь нефти и газа объясняет заинтересованность в сотрудничестве с Казахстаном

США, стран Западной Европы, а также Турции, Ирана, Пакистана, Японии и Китая. В Казахстане сегодня известно 14 перспективных бассейнов, расположенных практически по всей его территории, где пока разведаны только 160 месторождений нефти и газа. Однако в Казахстане особую актуальность приобретает вопрос о формировании бренда страны посредством публичной дипломатии, так как в государстве отсутствует такой общественный институт, как Фонд им. Ф. Эберта, Международный институт Гёте, Британский совет, и т.д.

Республика Казахстан – аграрно-индустриальная страна. Сельское хозяйство является важным сектором экономики страны. По производству зерна Казахстан занимает третье место в СНГ после России и Украины. Большая часть населения Казахстана вела полукочевой и кочевой образ жизни, горожан было значительно меньше. Вместе с тем, Казахстан представляет собой государство с довольно современными взглядами на все области жизни, включая моду. На наш взгляд, процесс реализации потенциала бренда страны включает в себя такую важную составляющую, как идеологическую работу с населением. Так, целесообразным представляется культивирование теплых, положительных эмоций у местных жителей по отношению к своей территории, что позволит и гостям Казахстана почувствовать позитив от общения с жителями, которые любят свою страну и гордятся ей.

Численность населения Республики Казахстан по состоянию на конец 2017 года составляла 18 379 741 человека (Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения) [3]. 13 018 821 человек старше 14 и младше 65 лет (мужчин: 6 343 668 / женщин: 6 675 153). Самой многочисленной в стране национальностью являются казахи (их около 60 %), на втором месте русские (порядка 25 % населения). Самым крупным городом Казахстана является Алма-Ата, где проживает 1400 тыс. человек. 14 городов являются областными центрами. Денежная единица Республики Казахстан – Тенге.

Географическое расположение Казахстана в центре Евразийского континента предопределяет его значительный транспортный потенциал в области транзитных перевозок. Протяженность наземных транспортных магистралей республики составляет 106 тыс. км. Национальной авиакомпанией «Эйр Казахстан» освоено более 40 маршрутов по Казахстану, странам СНГ и дальнего зарубежья. В республике также работают ведущие иностранные компании, такие как: British Airways, Lufthansa, KLM, Transaero, PIA, Turkish Airlines, Iran Air и др. [5].

Среди основных тенденций развития территориального бренда Казахстана, выделим следующие:

- поиск ценностей, характеристик которые ассоциируются с брендом страны;
- определение идентичности бренда;
- трансформация идентичности в конкретные предложения для целевой аудитории в форме услуг, продуктов и т.п.;
- подъем патриотических настроений среди населения;
- подготовка специалистов по брендмейкингу;
- разработка продуманной стратегии в области внешних коммуникаций;
- укрепление влияния и авторитета страны на международной арене и др..

Таким образом, целостный бренд Казахстана складывается из множества составляющих компонентов: экономико-географическое положение, климатические особенности, внешняя и внутренняя политика, сырьевые и промышленные ресурсы, общественные деятели данного государства и т.д., что и определяет репутацию, которую приобретает страна в сознании мировой общественности.

Список литературы

1. Аакер, Д. Аакер о брендинге. 20 принципов достижения успеха / Д. Аакер. – М.: Эксмо, 2016. – 256 с.
2. Казахстан в рейтинге Глобального индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума на 2017-2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kst.adilet.gov.kz/ru>. – Дата доступа : 02.01.2018.
3. Население Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>. – Дата доступа : 11.03.2018.
4. Никоноров, А. Насколько конкурентоспособен Казахстан? Часть 1: Бизнес и инновации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://365info.kz>. – Дата доступа : 01.01.2018.
5. Территориальные особенности и международные отношения Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.financialguide.ru> – Дата доступа : 02.01.2018.

УДК 93/94

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНСКОГО ГЕОМОРФОЛОГА Й.Г. ГРАНЁ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XX ВВ.

Мукаева Л.Н.

Статья посвящена экспедиционным исследованиям финского ученого, геоморфолога Й.Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX в. Дана оценка вклада Й.Г. Гранё в научное изучение Горного Алтая в начале XX столетия.

Ключевые слова: наука, экспедиционные исследования, геоморфология, теория оледенения, горный рельеф, Телецкое озеро, Бия.

EXPEDITIONARY RESEARCH OF THE FINNISH GEOMORPHOLOGIST I.G. GRANE IN THE NORTH-EASTERN ALTAI AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURHY

Mukaeva L. N.

The article is devoted to the expedition research of the Finnish scientist, geomorphologist I.G. Granet in the North-Eastern Altai at the beginning of the XX century. The assessment of the contribution of I.G. Grande in the scientific study of the Altai Mountains in the early XX century.

Keywords: science, field investigations, geomorphology, glaciation, mountainous terrain, Teletskoye lake, the Biya.

Одним из ученых, внесших значительный вклад в научное изучение северо-восточной части Горного Алтая, то современных Турочакского, Чойского и отчасти Чемальского районов Республики Алтай в начале XX столетия был российский ученый финского происхождения Й.Г. Гранё, предпринявший целый ряд экспедиционных исследований по Горному Алтаю в 1905 – 1907, 1909, 1913 – 1916 гг. После распада Российской империи в 1917 г. ученый остался в Финляндии, отделившейся от России. Ему больше никогда не довелось побывать в Горном Алтае, о чем он постоянно сожалел. В

послереволюционный период он работал в университетах Финляндии и Эстонии [Гранё, 2012, с. 571-576].

Материалы многолетних экспедиций им были опубликованы в сочинении «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий», впервые вышедшим в 1919 – 1921 гг., и переизданным Финским литературным обществом в 1993 г. В 2012 г. книга ученого вышла уже на русском языке на средства гранта Академии наук Финляндии, выделенного на проект «Этнокультурные традиции в Азии», в рамках которого и был выполнен перевод книги ученого на русский язык. Само издание было выпущено уже на средства гранта фонда Н. Геландера [Гранё, 2012, с. 8].

В своем сочинении финский ученый подробно изложил ценные материалы по геологии, геоморфологии, гляциологии, природным ресурсам Горного Алтая и соответственно Северо-Восточной части, то есть современной территории Турочакского, Чойского и Чемальского районов РА. Целью его экспедиционных исследований в Горном Алтае и соответственно в его северо-восточной части являлись проверка теории оледенения и выяснение вопросов происхождения Алтайских гор. В соответствии с поставленной целью ученый определил для себя важные задачи освещения истории ледникового периода Алтая, выяснения геологических особенностей процессов горообразования, описания горного рельефа и горных пород.

Анализ материалов Й.Г. Гранё по научному изучению Северо-Восточного Алтая показывает, что ученый был хорошо знаком с научными трудами своих предшественников, побывавших в данном регионе в разные годы: Г.П. Гельмерсена, В.В. Радлова, С.А. Яковлева и П.Г. Игнатова. С их сочинениями он знакомился на языке оригинала, причем проштудировал их основательно. Об этом свидетельствует почти дословное цитирование многих высказываний и положений ученых, особенно Г.П. Гельмерсена и В.В. Радлова.

Основой сочинения «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» стали путевые очерки, написанные ярким выразительным языком. Северо-Восточному Алтаю, его людям и главной природной достопримечательности – Телецкому озеру Й.Г. Гранё посвятил разделы: «Жители Алтая и их расселение по территории» в Введении; «В Чернолесье», «Лебедь-река и Иван Иванович», «Чиновник короны», «Спускаясь по Бии» в главе IV «По Лесному Алтаю»; «В Артыбаше. Путешествие по Телецкому озеру», «На прибрежных обрывах» в главе V «Золотое озеро» [Гранё, 2012, с. 41-42, 178-194, 213-234, 243-259]. Свое сочинение ученый подкрепил фотоснимками очень хорошего качества местных жителей, горных пейзажей, Телецкого озера, населенных пунктов Северного Алтая.

Северо-Восточный Алтай Й.Г. Гранё изучал во время своих экспедиций с 1913 по 1915 г. Здесь он побывал в трех полевых сезонах 1913 г., 1914 г. и 1915 г. Обширный Северо-Восточный Алтай, расположенный к востоку от нижнего течения Катуня (Дьыш) и до Куминских белков (гор) на юге он образно назвал Чернолесьем – Черным Алтаем. Название «Чернолесье» он позаимствовал из одного алтайского сказания, к сожалению, им не указанного. Ученый писал: «перед Синим Алтаем поднимает свои кряжи Черный Алтай, рядом с синими водами текут черные воды» [Гранё, 2012, с. 343]. Здесь царствует черный хвойный лес – темно-хвойная тайга. С болотистых вершин Куминских гор стекают длинные притоки Бии: Кокша, Уймень, Пыжа, речные системы которых охватывают значительную часть Черновой тайги. Для Й.Г. Гранё Черный Алтай – это лес и непроходимые заросли, по Черному Алтаю, отмечал ученый, трудно путешествовать, Черный Алтай предлагает путнику будничные труды и лишения [Гранё, 2012, с. 346]. Не случайно он дал ему такую характеристику: «темен лес, сумрачны его своды. ... темно-коричневые воды в болотах и илистых прудах» [Гранё, 2012, с. 345]. Вместе с тем для Й.Г. Гранё «Черный Алтай – это еще и другое. Он близкий и настоя-

щий, он следует за нами, он окружает нас, вырастает перед нами. Он не отодвигается от нас все долгие мили пути» [Гранё, 2012, с. 345]. Чернолесье, указывал исследователь, редко заселено особенно по Бие. Только рядом с предгорьями он увидел деревни, образованные русскими, южнее человеческое жилище являлось редкостью. На берегах Уйменя и Пыжи среди нетронутых густых чащ ему попадались лишь небольшие скопления тубаларских юрт [Гранё, 2012, с/ 178-179].

В полевой сезон 1913 г. в распоряжении ученого был всего один месяц [Гранё, 2012, с. 16]. Экспедиция И.Г. Гранё 1913 г. началась с восточной части Горного Алтая, с окрестностей Телецкого озера. Он хотел проверить выдвинутую им гипотезу о том, что возникновение озера было вызвано ледниковой активностью в период начала современного оледенения. По пути к Телецкому озеру и обратно он намеревался изучить состав валунов по берегам рр. Катунь и Бии и найти конечные морены ледников, прошедших в далекие геологические эпохи по долинам этих рек. Вместе с ним в экспедицию отправились его супруга и его помощник – сибиряк финского происхождения Т. Ункури.

Начальным пунктом экспедиции 1913 г. к Бии и Телецкому озеру стал г. Бийск. Отсюда И.Г. Гранё сначала двигался по Катунь, где наблюдал валуны-окатыши ледникового периода и моренные скопления древнего Катунского ледника. Когда он следовал по долине Бии к Телецкому озеру, то отмечал по пути все увиденные им ледниковые отложения. В долине Бии И.Г. Гранё, провел геологические наблюдения ледниковых отложений, горного рельефа и ландшафта, изучил геологическое строение поверхностных форм и разрозненных рыхлых осадочных пород. Все это дало богатый материал для его теории горообразования Алтая [Гранё, 2012, с. 16]. Помимо ценных материалов по геоморфологии и ландшафтоведению Северо-Восточного Алтая, его сочинение содержит интересные сведения об истории региона, его населенных пунктов, этнографии, культуре и хозяйственных занятиях местного населения: тубаларов, русских крестьян, золотоискателей, миссионеров, переселенцев и других групп.

Одним из ярких характеристик населенных пунктов Северного Алтая является описание Артыбаша и его жителей. По данным И.Г. Гранё, в Артыбыше находилась земская с гостиницей хозяина по фамилии Филатов. В этой гостинице маленькая экспедиция и остановилась. В Артыбаше исследователь с помощью Филатова нанял лодку и гребцов – двух тубаларских парней и рулевого – пожилого тубалара по имени Тёдыжек [Гранё, 2012, с. 244-245]. В течение двух недель учёный изучал бассейн Телецкого озера. Телецкому озеру он посвятил целую главу под названием «Золотое озеро». О нем он писал: «Такого могущественного (озера) не найти, ... мрачная леденяще-холодная вода заполняет его глубины. Какое угнетающее величие природы. Но местные жители считают его прекрасной достопримечательностью самой прекрасной земли» [Гранё, 2012, с. 237]. И в подтверждение своих слов он привел русский перевод песни, сложенной тубаларами о своем озере:

«Прекрасен Алтын-кель!

Над его гладью реет дымка,

Красивы склоны его,

Черным лесом укутанные»

Вкусна его рыба, которой кормит оно народ свой,

Крупна дичь в лесах,

За которой здешний народ ходит»» [Гранё, 2012, с. 237].

Интересно сравнить перевод И.Г. Гранё этой тубаларской песни с другим вариантом перевода на русский язык, помещенный в сочинении «Памятное завещание» первого алтайского священнослужителя, миссионера-просветителя М.В. Чевалкова:

Как прекрасно Золотое озеро

Со своим расстилающимся белым туманом!

Как вкусна рыба его,

Которой он кормит свой народ» [Чевалков, 2007, с. 67].

В ходе изучения Телецкого озера Й.Г. Гранё провел детальное исследование и фотограмметрическое картографирование высоких береговых откосов, изучение геологических особенностей береговых обнажений с выходами различных каменных пород и отложений ледникового периода. Согласно физико-географическому описанию ученого, Телецкое озеро – это узкий клин шириной в 3 – 4 км., протянувшийся на 90 километров [Гранё, 2012, с. 248].

Из долины устья р. Чулышман, главного истока Телецкого озера Й.Г. Гранё с членами экспедиции поднялись на самую высокую гору Северо-Восточного Алтая – гору Алтын-туу, возвышавшуюся на юго-западном побережье озера. С ее склонов они увидели, что открытая, частично изрытая трещинами «полу-равнина», именуемая в геологической науке пенепленом, окружает глубокую озерную чашу и долину Чулышмана с крутыми склонами. Ученый писал, если смотреть с плоскогорий, окружающих озеро, оно кажется «спящим в глубокой бездне, в гигантской скважине между горами». Он зафиксировал представления местных тубаларов об озере: «старики говорят, раньше была река», однако при этом они не могли объяснить ученому, откуда взялось озеро [Гранё, 2012, с. 295-297]. Но Й.Г. Гранё было ясно, что горный рельеф Телецкого озера и его окрестностей был сформирован в ходе движения древнейших ледников.

Летом 1913 г. исследователи с южной оконечности озера верхом вернулись в миссионерское село Кебезень, расположенное на правом берегу Бии. О Кебезени Й.Г. Гранё сообщил очень краткие сведения, отметив здесь церковь, пару лавок и миссионерскую школу, построенную в 1851 г. [Гранё, 2012, с. 229] Из Кебезени Й.Г. Гранё, его супруга и Т. Ункури спустились на большом плоту в Бийск, заплатив за проезд 16 руб. Плотогоном был колоритный теленгит Маркус Акчин, которого исследователь охарактеризовал как высокого, худого и жестковатого человека. Двухчастный на восемь весел плот действительно был большим: его длина составляла 20 м., а ширина – 10 метров. Во время сплава, которым мастерски руководил М. Акчин, маленькая экспедиция благополучно миновала самые большие пороги на Бие: Кебезенский возле одноименного села, Кузенский, образованный на месте конечной морены Телецкого озера, в 21 км. ниже Кебезени, Гондошский порог, находившийся еще на 19 км ниже. В Турочаке путешественники пообедали. На второй половине дня экспедиция прошла еще два порога: «Кипяток» возле Турочака и ниже – «Василий Агафонович». На ночь путешественники остановились в дер. Удалово, расположенную в 30 км ниже Турочака [Гранё, 2012, с. 230-231]. По пути следования Й.Г. Гранё тщательно исследовал берега Бии и ее боковые долины. Практически везде он видел морены и скопления валунов-окатышей как подтверждение своей теории существования в древности мощного Телецкого ледника [Гранё, 2012, с. 232-234].

На следующий год – 1914 г. состоялась новая экспедиция Й.Г. Гранё в Горный Алтай, полевой сезон которой составил четыре месяца. На этот раз ученого сопровождали финский магистр Каарло Хильден, самостоятельно занимавшийся этнографическими и антропологическими исследованиями в районе проживания северных алтайцев и техник Пааво Гранё, приходившийся Й.Г. Гранё близким родственником и помогавшим ему в вопросах материально-технического обеспечения экспедиции и в антропологических исследованиях [Гранё, 2012, с. 232-234]. Научно-исследовательскими задачами экспедиции 1914 г. являлись геоморфологическое изучение бассейна Нижней Бии, ее самого крупного притока – р. Лебедя и Телецкого озера.

Итак, экспедиция 1914 г., как и предыдущая, началась с нижнего течения Бии. Здесь изыскатели тщательно изучили геологическое строение бийского притока – р. Лебедя. К. Хильден во время следования по бассейну Лебедя обмерял челканцев для выяснения их антропологических особенностей. В полевой сезон 1914 г. Й.Г. Гранё нанял в проводники местного парня – крешеного челканца Варлаама. Но экспедиция нуждалась в опытном проводнике, который мог бы доставить их в верховья Лебедя, находившиеся на расстоянии 87 верст от Турочака. Таким стал житель верховий Лебедя, 40-летний Иван Иванович Микиткин. По словам Й.Г. Гранё, это был загорелый, с европейской внешностью человек, таким он предстает на всех фотографиях, сделанных ученым. Но достаточно быстро выяснилось, что респектабельный и с хорошими манерами И.И. Микиткин оказался плутоватым. Он сумел навязать в качестве еще одного проводника своего товарища Воробьева. Й.Г. Гранё считал, что И.И. Микиткин его сильно обманул в расчетах за свой труд проводника, что для бережливого финского ученого было очень огорчительно. Через три дня пути по Лебедю экспедиция добралась до жилищ И.И. Микиткина и Воробьева [Гранё, 2012, с. 217-224].

Й.Г. Гранё дал подробное описание Лебедя, начинающегося у Кузнецких гор и впадающего в Бию около дер. Турочак, на расстоянии 80 км. от Телецкого озера. Во времена экспедиции финского исследователя долина Лебедя, как и в целом бассейна Бии и Телецкого озера, была покрыта густыми заболоченными лесами и высоким разнотравьем. Путешествие по труднопроходимой местности, в которой редко кому удалось побывать, оказалось на редкость сложным. В этих местах Й.Г. Гранё встретил много водоемов. По его словам, «сеть танцующих ручьев покрывает склоны гор, внизу в долинах переливаются через край полноводные потоки. Переправы глубоки и очень опасны [Гранё, 2012, с. 213-214]. Исследователь отметил существенную особенность ландшафта: служившее каркасом дно центральной долины и протекавшую по нему извилистую реку, окаймленную кудрявыми кустарниками. Когда путешественники поднялись на высокий хребет между реками Клык и Чуя, то перед ними открылась потрясающей красоты картина: «внизу текла прозрачной лентой река Лебедь, все вокруг было затянуто легким синеватым маревом. ... полная тишина. Нас окружал большой цветочный храм. Сказка, мечта!» [Гранё, 2012, с. 214-215].

И.Г. Гранё сообщил несколько фактов из истории хозяйственного освоения Лебедя в начале XX в., являющиеся ценными историческими свидетельствами. Так, исследователь писал, что в этом районе никогда не было никаких проезжих дорог; шоссейная дорога, ведущая из Бийска, закончилась в Турочаке. Но поскольку в верховьях Лебедя находились золотые прииски, то в самой долине была проложена дорога. По обе стороны дороги располагались новые дома русских, здесь была ямская служба [Гранё, 2012, с. 217].

Бассейн Лебедя издавна осваивала немногочисленная группа северных алтайцев – челканцы, о которых Й.Г. Гранё сообщил важные сведения, не потерявшие научной ценности в наше время. Челканцы, или как они себя называли «ку-кижи», то есть «лебединые люди», по данным ученого, проживали на прибрежных лугах, в скалистых рощах в маленьких, но довольно высоких бревенчатых избушках в два этажа. На первом этаже челканцы устраивали амбары, над ними на втором этаже располагались жилые комнаты. Во времена их посещения Й.Г. Гранё не увидел в их жилищах икон, зато они, по его словам, слушали бубен шамана [Гранё, 2012, с. 215].

Земледелие у челканцев находилось в плохом состоянии. На территории их обитания путешественники наблюдали редкие поля. Зато почти каждая семья занималась разведением пчел. Бедные челканцы держали ульи рядом с жильем, богатые устраивали пасеки на «открытых лугах Чернолесья, иногда на расстоянии километра от дома. Мед шел на внутренне потребление и на продажу. Осенью челканцы целыми семьями ухо-

дили в тайгу на сбор кедрового ореха. По сведениям Й.Г. Гранё, в урожайные на орех годы среднестатистическая челканская семья могла собрать 4000-5000 килограмм ореха, обеспечив себе солидный доход. В челканском социуме широко были развиты и другие промыслы: рыбная ловля и охота. Путешественники наблюдали в местах проживания челканцев построенные плотины, сохнувшие рыболовные снасти, на стенах жилищ – «обязательные охотничьи принадлежности» [Гранё, 2012, с. 215-216].

Вместе с тем Й.Г. Гранё указал на «бич» челканского социума: нечистоплотность, грязь, опасные для жизни людей эпидемии. По его словам, в прошлом году, то есть в 1913 г. в челканских селениях свирепствовала оспа. Встречавшиеся экспедиции люди как один просили лекарства. В сочинении ученого описан «полный внутреннего драматизма» случай: старый челканец принес путешественникам маленькую девочку, полностью ослепшую после оспы. Он надеялся получить лекарство, которое поможет ему вылечить внучку, но такого лекарства у Й.Г. Гранё не было. «Удрученный старик, пошатываясь от горя, вернулся домой [[Гранё, 2012, с. 216]. Во время обследования бассейна Лебеда ученый постоянно фотографировал, его фотоснимки челканцев и видов Лебеда, помещенные в книге «Алтай. Увиденное и пережитое», являются важными историческими источниками по истории лебедского региона.

После изучения бассейна Лебеда экспедиция двинулась по Бие по направлению к Телецкому озеру. На этот раз исследователь выявил «эффект закупоривающего» влияния древнего Бийского ледника на боковые долины, в которых образовались болота и озера, оставшиеся до наших дней. В результате такой «закупорки» в боковых долинах не было ледников. На формирование рельефа боковых долин по утверждению Й.Г. Гранё большое определяющее влияние оказала текущая вода, которая вызвала эрозию почвы, вымывание, перемещение и наслаивание почвенных слоев. После того как растаял ледник, двигавшийся по главной долине, выпавшую до плоской формы, то проявился резкий контраст между главной долиной, по которой пролегло русло Бии и ее боковыми долинами, в которых ледник отсутствовал [Гранё, 2012, с. 17].

Через уже знакомую Кебезень экспедиция вышла к небольшому селению Артыбаш, откуда путешественники попытались совершить геологическую экскурсию к горному массиву, окаймляющему озеро на севере, но, к их глубокому сожалению, оказавшимся непроходимым. Добравшись по воде до южной оконечности озера исследователи отправились верхом в долину р. Кыгу, впадающей в юго-восточную бухту Телецкого озера для изучения нагорья на границе с Урянхаем. Й.Г. Гранё выяснил, что в ледниковый период эта местность была сплошь покрыта вечными снегами. Затем экспедиция перешла в бассейн Чулышмана, а с него на Башкаус. Собранный полевой материал позволил ученому сделать вывод, что специфический рельеф Восточного Алтая с открытыми гигантскими нагорьями, например, Чулышманским, был образован древними гигантскими ледниками [Гранё, 2012, с. 291-292].

С Башкауса экспедиция спустилась верхом через Курайский горный хребет в Чуйскую долину на Чуйский тракт, по которому вернулась в Бийск. Так закончился первый этап экспедиции 1914 г. Расставшись в Бийске с К. Хильденом, который вернулся в Финляндию, Й.Г. Гранё приступил к исследованиям, запланированным на вторую половину лета. Ученый хотел получить полный опыт путешествия по Чернолесью – пройти маршрут от Правобережья Катунь к Чулышману. Изыскатель отправился в долину, расположенную в устье Катунь, проследовал по ней в с. Узнезя (ныне Чемальского района РА). Проживавший в Устьнезе писарь Степан Иванович Гуркин, – родной брат известного художника, мастера горного пейзажа Г.И. Гуркина подсказал ему конную тропу, ведущую через водораздел между Катунью и Бией на Телецкое озеро. С.И. Гуркин нашел для Й.Г. Гранё проводника, который, кстати, как быстро выяснилось, совсем не знал дороги на Телецкое озеро [Гранё, 2012, с. 179-180]. Дополнительным стимулом

для выбора маршрута экспедиции стало посещение сына тубаларского зайсана, проживавшего на слиянии Уйменя и Кокши в местности под названием Чулышкар. Речь шла о Данииле Петровиче Костагачеве, который был сыном зайсана, но сам зайсаном не являлся. Интерес его социокультурный портрет, составленный Й.Г. Гранё. Костагачев, писал ученый – это житель Чернолесья. Его дом, украшенный иконами и репродукциями картин с батальными сценами, ничем не отличался от домов зажиточных русских крестьян. Более того, дом Д.П. Костагачева, расположенный на конце широкой болотистой долины Коксы в нескольких километрах от устья р. Уйменя, был самым большим в поселении. Одежду Даниил Петрович носил «совершенно русскую», на русском языке он говорил без ошибок, причем рассуждал о положении дел в мире с таким же апломбом, как и волостные писари. Не случайно Й.Г. Гранё назвал его грамотным человеком с государственным мышлением. К тому же Д.П. Костагачев прекрасно знал топографию своей местности и легко согласился сопровождать экспедицию за два рубля в день [Гранё, 2012, с. 188-189].

Путешественники, «одолеваемые нескончаемыми» дождями, продвигались лес В дневнике Й.Г. Гранё содержатся записи: «густая растительность мешала делать какие-то наблюдения. В устье Уйменя, разлившегося от дождей с трудом переправились с помощью местного русского жителя. По правому берегу караван медленно двигался по извилистой тропе под колоннадами гигантских кедров и елей. Кусты смородины, жимолости, ветки хмеля и высокотравье образуют над головами свод. Не могли перебраться через р. Уймень. В Чернолесье указывал исследователь, *весной и в начале лета* дожди идут *почти каждый день* [Гранё, 2012, с. 192]. Экспедиции в 1914 г. тоже не повезло, дождь практически не прекращался. Одежда и палатка путешественников сутками оставались насквозь мокрыми, солнце, показывающее утром, не успевало их высушить. Каждый вечер шел дождь, или же дождь с туманом, или ливень как из ведра. Сушиться возле вечернего костра было бесполезно. Для палатки невозможно было найти сухое место. В результате все вещи, продукты покрывались плесенью. Заплесневели даже фотоаппарат и футляр фотометра. Постоянно идущие дожди дополнялись «хором бесчисленных пищущих комаров». Измученный Й.Г. Гранё записал в дневнике: «в полевой сезон 1914 г. Чернолесье показало путешественникам свою теневую сторону» [Гранё, 2012, с. 193]. В свое сочинение ученый включил интересное алтайское предание о волшебном камне «Яда-таш», с помощью которого можно в дождливые годы прекращать проливные дожди. Имея «Яда-таш», можно «влиять на погоду сколько душе угодно». Но, к сожалению, Й.Г. Гранё поздно узнал об этом камне, когда его путешествие по Чернолесью уже заканчивалось. Согласно устным данным, полученных им от проводников, волшебный камень «Яда-таш» находится в приуименских лесах [Гранё, 2012, с. 193-194]. По заверениям проводников, сопровождавших экспедицию Й.Г. Гранё в 1914 г., совсем по-другому можно было путешествовать в сухое лето, когда воды в реке было не так много, высыхали болота, а солнечные лучи играли с белками на покрытых лишайниках стволах деревьев.

Речная поросшая густой тайгой долина Уйменя в 1914 г. была не заселена, за исключением нескольких старообрядческих починков, укрывавшихся в непролазной чаще. По мнению Й.Г. Гранё, это самая мрачная часть Чернолесья. Выше по течению располагались два поселения Ынырга и Никольское, на востоке ближайшее жильё находилось на берегу Пыжи. У уименских старообрядцев путешественники намеревались закусить продуктами: мясом, хлебом, яйцами. Экспедиция вышла к недавно построенному старообрядческому дому на правом берегу Уйменя. Но путешественникам сильно не повезло, так как они столкнулись с таким обычаем: этот день был христианским праздником – днем ветхозаветного Св. Илии, а старообрядцы считали грехом торговать в Ильин день. Во время беседы выяснилось, что продавать и покупать действительно

было нельзя, но можно было обмениваться подарками. Старообрядцы могли подарить мясо и яйца, а путешественники – деньги. В итоге, завязалась оживленная дискуссия, по окончании которой Й.Г. Гранё за полпуда мяса подарил старообрядцу 4 рубля. После Уйменской тайги исследователи вышли на западный на берег Телецкого озера, на этом экспедиция 1914 г. закончилась [1, с.18.].

Хотя р. Бия была хорошо исследована Й.Г. Гранё в 1913 – 1914 гг., он в 1915 г. еще раз решил навестить этот регион, так как в своей теории он обнаружил несколько пробелов, и для их устранения ученому потребовалось провести дополнительные наблюдения. Исследование 1915 г. он разделил на две части. В первый этап он со своим сопровождающим – учителем народной школы И.Н. Котельниковым отправился на Телецкое озеро вдоль р. Бии. На этот раз Й.Г. Гранё очень детально изучал все устья ее притоков и их долин и ради этого он совершил десятки экскурсий в сторону от Бии. Достигнув озера, они поплыли на юго-восточный берег в урочище Пеле (ныне кордон Беле Алтайского государственного биосферного заповедника).

Ученый пришел к мнению, что юго-восточная часть Алтая от истоков Джазатора до Телецкого озера была некогда покрыта сплошным ледниковым панцирем, который медленно сползал с южных пограничных гор на север, по-разному приспособиваясь к разнообразию рельефа. Он дал исчерпывающую характеристику природно-климатических условий с точки зрения геоморфологии и рельефа местности. «Нигде больше на Алтае климатические факторы не работают столь мощно и неустанно. Тысячи ручьев роют склоны, заняты своим делом и движущиеся ледники, дуют стремительные ветры. Обнаженные скалы трескаются крошатся, падают камни, на глазах вырастают груды шtuфов и конические кучи гравия. Ты стоишь посреди гигантской мастерской по выравниванию земной коры [Гранё, 2012, с. 39-40].

Большой научный интерес представляют сведения, сообщенные ученым о населении Бии и Телецкого озера. Мест, пригодных для жизни и хозяйственного освоения было немного – это моренные террасы Яйлю и Пеле (Беле). В 1916 г. в Яйлю находилось около пяти бревенчатых «чумов» и зимних избушек тубаларов [Гранё, 2012, с. 239].

Важным является вывод ученого об единстве этнического разнообразия. Тюркско-монгольские признаки, писал ученый, здесь являются преобладающими, но наравне с ними, в северной части Горного Алтая встречаются финско-угорские особенности. Следует отметить, что Й.Г. Гранё верно понял этимологию этнонимов различных этнокультурных групп местного населения. «Лесные татары» (тубалары) себя называли дьыш-кижи, что означало в переводе – лесные люди, то есть жители черных лесов (чаш). «Татары» – поскольку русские, столкнувшись с тубаларским населением, сочли его по внешности и обычаям, сходным с татарским населением Сибири. Ареал расселения тубаларов был достаточно значителен: на западе до долины Катуня, на юге – до огромного Телецкого озера. Численность тубаларов Й.Г. Гранё определил в 5 тыс. человек. Тубалары, по его наблюдениям, вели оседлый образ жизни: они проживали в бревенчатых избах, одевались на русский манер, занимались земледелием и скотоводством, хотя у них охота и рыболовство по-прежнему оставались важным источником средств к существованию. Телецкое озеро было очень рыбным [Гранё, 2012, с. 41-42]. Определяя этническую природу тубаларов, Й.Г. Гранё ссылаясь на мнение известного сибирского исследователя, академика-тюрколога В.В. Радлова, считавшего их тюркизированным финским племенем. Антропологические исследования К. Хильдена подтвердили данные предположения. Й.Г. Гранё отметил, что остальные народы Горного Алтая – это алтай-кижи и теленгиты не считали лесных татар своими близкими родственниками и не относили их к тюркам Алтая. В подтверждения такого вывода Й.Г. Гранё сослался на мнение исследователя Г.П. Гельмерсена, побывавшего на Бие и Те-

лецком озере еще в 1834 г., о том, что лесные татары, то есть тубалары состоят в родстве с финно-уграми [Гранё, 2012, с. 42].

В сочинении «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий», содержится много портретных зарисовок, сценок из повседневности тубаларов того времени, оценки их хозяйственной деятельности и бытовой жизни, расширяющие наши представления об истории Северо-Восточного Алтая и его населении в начале XX в. Автор отметил древность рыболовного промысла тубаларов в отличие от теленгитов, которые никогда рыбу не ловили. Что касается земледелия, то подходящих условий для земледелия на озере не существовало из-за крутизны берегов и состава почвы. Кроме того, вода глубокой впадины озера, которая весной и летом оставалась холодной, заметно понижала температуру воздуха в летний период. По наблюдениям Й.Г. Гранё редкие зерновые культуры на Телецком озере созревали, чем в остальных частях Алтая на той же географической широте и на той же высоте. Поля ячменя и пшеницы, засеянные на пожогах, встречались чаще всего на террасах. Тубалары занимались животноводством, но в очень ограниченных размерах, открытых пастбищ среди тайги Й.Г. Гранё встретил немного [Гранё, 2012, с. 240-241]. По его наблюдениям, покатые скалистые склоны больше подходили для овец и коз, «которые скачут по ним удивительно резво» [Гранё, 2012, с. 241]. Как правило, немногочисленный скот тубалары держали на подножном корму целый год, поскольку снега было много только на северном берегу Телецкого озера [Гранё, 2012, с. 240-241]. Интересны наблюдения Й.Г. Гранё элементов рыночной торговли в этом крае. Так у одного яйлинского тубалара исследователь купил курицу за 25 копеек, на следующий год этот предприимчивый тубалар пытался продать им курицу уже за 40 рублей и со знанием дела занимался «очень выгодным куроводством» [Гранё, 2012, с. 242].

Богатая флора Прителецкого края не могла не обратить на себя внимание финского естествоиспытателя. Растительный мир этого края, писал он, был типичен для лесного пояса Алтая. Обрывистые берега озера были покрыты густой тайгой, и только в исключительных случаях Й.Г. Гранё наблюдал луга. Здесь господствовали древесные породы: кедр, ель, пихта сибирская, сосна и осина, местами путешественникам встречалась лиственница. По берегам озера во многих местах произрастали черемуха, ольха и береза, кустарники: жимолость, калина, желтая акация, смородина [Гранё, 2012, с. 239].

Й.Г. Гранё внес значительный вклад в исследование Северо-Восточного Алтая и Телецкого озера, история научного изучения которого началась с экспедиции А.А. Бунге в 1826 г. и Г.П. Гельмерсена в 1834 г. Первым, кто произвел топографическую съемку и попытался измерить глубину озера был алтайский исследователь П.Г. Игнатов. По его промерам, проведенных в ходе исследования по заданию Русского Географического общества в 1901 г., глубина озера составляла 311 м. С кабинетским геологом С.А. Яковлевым, исследовавшим Телецкое озеро и его окрестности в начале XX в. Й.Г. Гранё полемизировал относительно роли ледникового периода в формировании озерной впадины [Яковлев, 1909, 1916]. Финский ученый последовательно отстаивал теорию ледникового происхождения Телецкого озера. Согласно его выводам, бассейн озера образовался в ледниковый период на месте древней реки. Древний ледник русло этой реки расширил и углубил. Финский исследователь утверждал, что воздействие древнего ледника на формирование Телецкого озера оказалось максимально сильным, поскольку именно здесь в древности по долинам Чулышмана и Кыгы двигалась ледяная масса из двух сросшихся между собой крупных ледников [Гранё, 2012, с. 250].

Таким образом, экспедиционные исследования, проведенные Й.Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX в., в значительной степени изменили систему научных представлений о формировании горного рельефа в этой части региона, роли древ-

них и современных ледников в формировании рельефа и в процессах горообразования. Й.Г. Гранё был одним из первых ученых, который выдвинул теорию о молодом возрасте Алтайских гор.

Список литературы

1. Гранё Й.Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. – М.: «Индрик», 2012. – 608 с.
- 2.. Чевалков М.В. Памятное завещание /Ред. А.А. Байдалин. – Горно-Алтайск. 2007. – 131 с.
3. Яковлев С.А. К вопросу о ледниковом периоде на Алтае // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. – СПб., 1909. Т. 40. Вып. I. – С. 27-36.
4. Яковлев С.А. О происхождении Телецкого озера // Известия Русского Географического общества. – СПб., 1916. Т. 52. – С. 431-457.

УДК 908

ОГОРОД И ОГОРОДНИЧЕСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ, ЗАГОТОВКИ И ХРАНЕНИЕ ПРОДУКТОВ ОГОРОДНИЧЕСТВА¹

Пермяков Д.Ю.

В статье рассматриваются особенности и тенденции культуры жизнеобеспечения крестьянского населения Алтая в области огородничества в период Великой Отечественной войны. Данное исследование основано на устных исторических источниках, с опорой на которые делается попытка определить роль огородничества в жизни крестьян Алтайского края и его особенности.

Ключевые слова: *Культура жизнеобеспечения, огородничество, Великая Отечественная война, ЛПХ, картофель, тыква, табак, конопля, лен, заготовки, хранение.*

GARDEN AND GARDENING IN THE YEARS OF WAR, STORAGE AND STORAGE OF FARMING PRODUCTS

Permyakov D.Y.

The article examines the features and trends in the culture of life support for the peasant population of Altai in the field of truck farming during the Great Patriotic War. This study is based on oral historical sources, with the support of which an attempt is made to determine the role of gardening in the life of the peasants of the Altai Territory and its features.

Keywords: *Culture of life support, gardening, the Great Patriotic War, LPH, potatoes, pumpkin, tobacco, hemp, flax, billets, storage.*

Тема Великой Отечественной войны включает в себя различные аспекты исследования событий в различных сферах жизни, которые она затрагивает. Одной из важнейших тем для исследования в Великой Отечественной войны, является изучение населения тыловых территорий. Положению тыла на сегодняшний день в научной и научно-популярной литературе уделено много внимания. Существуют различные исторические школы, занимающиеся данной проблемой, и накоплен большой материал для

¹ Научный руководитель: д.и.н., проф. Т.К. Щеглова

историографии. При этом в меньшей степени уделяется изучению жизни и быту населения в тылу и практиках их жизнеобеспечения.

Центр устной истории и этнографии АлтГПУ занимается изучением системы жизнеобеспечения населения Алтая с 2015 г., изучает жизнь и быт крестьян в годы ВОВ. При использовании методов устной истории в этнографических исследованиях для нас более важным является антропологическое содержание исторического прошлого, сохранившегося в информационной среде. Особое внимание сегодня акцентируется на культуре жизнеобеспечения и адаптационных практиках русского сельского населения, благодаря чему выстояли и фронт, и город [Щеглова, 2014, с. 4].

В данной публикации делается попытка оценить особенности и значение огородничества в жизни крестьян во время ВОВ в различных природно-географических районах Алтайского края. Устная история, как одно из направлений в исторической науке как раз и занимается созданием устных исторических источников, которые используются «для изучения как непосредственно исторической реальности, так и ее отражении в массовом сознании» [Щеглова, 2014, с. 49]. В настоящее время Центром устной истории и этнографии создан обширный архив устных источников по проблеме жизнеобеспечения крестьян в годы ВОВ. В данной работе используются материалы интервьюирования в экспедициях 2015 - 2017 гг, которые проводились сотрудниками и студентами истфака АлтГПУ в Ельцовском, Калманском, Красногорском, Краснощелковском, Романовском и других районах Алтайского края.

В период коллективизации государство на основе сельскохозяйственной артели создавало новую форму организации сельского хозяйства. Крестьяне в связи с «великим переломом» в жизни деревни, отныне не могли быть собственниками земли, могли иметь лишь в своем пользовании личные подсобные хозяйства выделенные государством. Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 17.02. 1935 г. «Примерного устава сельскохозяйственной артели», четко определяли размеры личного подсобного хозяйства [Спицын, 2015, с. 234.] (прим. – далее ЛПХ) от 0,25 до 0,5 га.

Политика переустройства земель прекратилась в связи с началом Великой Отечественной войны в 1941 году. Трудности войны и увеличение нагрузки на сельское хозяйство в тылу привело к увеличению отправок продукции на нужды фронта и обеспечение тыловых промышленных рабочих. В связи с этим увеличилось обязательное количество трудодней [Зеленин, 2003, с. 158-159], а также уменьшился заработок колхозных крестьян. В Алтайском крае по сравнению с 1941 г. средний размер выдаваемого зерна на 1 трудодень в 1943 г. упал в 2 раза (с 1,21 до 0,42 кг) [Рыков, 2016, с. 150].

Соответственно тяготы войны и связанное с этим «снижение продовольственного обеспечения крестьян привело к росту голода и случаям голодной смерти». Великая Отечественная война существенно изменила количество и рацион питания крестьян. При этом роль огородничества в этот момент более возросла, чем раньше. Для решения проблем крестьянского жизнеобеспечения в Сибири государственная власть пошла на уступки, и производила нарезку земли для ЛПХ от 0,3 до 0,5 га, вследствие этого размер приусадебных участков нередко доходил до 1 га. Такая ситуация продолжалась вплоть до окончания войны [Зеленин, 2003, с. 159].

В годы войны в алтайских деревнях на основе опросов респондентов можно выявить тенденции, которые подтверждают практику увеличивать земельные угодья ЛПХ. По признанию И.В. Рябоконева, уроженца села Красногорское, размер земельного участка был «наверное с гектар» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.], местами «около 10 соток» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Ларионов А.И., 1930 г.р.]. Проблема больших огородов состояла в том, что нужно больше усилий и времени, иметь достаточно посевов, чтобы можно было засеять большие участки. Крестьяне, занятые на работе в кол-

хозах не всегда имели возможность полноценно заниматься обработкой своего огорода, «бывало, что не успевали вспахать» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.].

Большой проблемой являлись средства для пахоты огорода. Многие респонденты признают, что зачастую огород приходилось вскапывать вручную: «пахали, лопатой! Вот вся семья встанет. Вот вам, - родители говорят, - столько то вскопать. И все - пошел. Садил в ручную, вначале копали, борошили, садили лопатой» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Осокина Т.Г., 1930 г.р.]. Единственной тягловой силой являлся домашний скот. При этом в годы войны лошадей отправляли на нужды фронта. Уменьшение количества лошадей в колхозах приводило к тому, что в качестве тягловой силы использовали коров. «Четыре двора складываются – запрягают четыре коровы. Плуг сзади» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г. Изотова Т.М., 1933 г.р.]. Зачастую крестьянам приходилось обрабатывать землю вскладчину общими усилиями «коня не было. Огромный плуг. Ковырял как попал» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.].

Трудности в огородничестве создавало плодородие земли. У крестьян была острая необходимость в удобрении хотя бы части земель. Навоза из подсобного хозяйства не хватало, т.к он шел на изготовление кизяков. Респонденты вспоминали, что в ход пускали даже навоз «от людей» [Алекса, Рыков, 2015, с. 308].

Полевые исследования показали изменения в структуре посадок. Основной повсеместной культурой являлся картофель, который заменял хлеб в условиях дефицита зерновых запасов. Выращивание картофеля в годы войны испытывало, прежде всего, из-за нехватки посадочного материала. Крестьяне не всегда садили клубни картофеля, а чаще садили картофельные очистки [Алекса, Рыков, 2015, с. 308]. При этом картофель не всегда достигал зрелости положенных 3-х месяцев. В условиях голода ее подкапывали раньше. [Алекса, Рыков, 2015, с. 308]. Картофель стал основной пищей для крестьян. «Ведь выжили только на картошке». В годы войны крестьяне выращивали в большом количестве бобовые культуры, которые являлись основной растительной белковой пищей. «Фасоль - это первое кушанье было, <...> Горох садили. Бобы садили. Посодишь это все! Вроде нарастет и свое питание!» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.].

В большом количестве крестьяне выращивали капусту, морковь. Меньше огурцов и помидор [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.]. Свеклу использовали вместо сахара «сахарную свеклу белую парили, в русской печи сушили» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Писмаркин И.К., 1929 г.р.]. Но второе после картофеля место занимала тыква. Ее использовали как в пищу, так и для корма скоту [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Кошкина А.Н., 1930 г.р.]. Тыкву, как правило «парили и ели», а кормовой она являлась, когда перезревала [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Харлова М.Е., 1933 г. р.]. Повсеместно на Алтае в крестьянских хозяйствах выращивали кукурузу: « Мы садили много кукурузы в огороде. <> Сварим и ели эту кукурузу» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.]. Из кукурузы готовили супы и похлебки. «Намелют эту - кукурузу мукой и туда [в кипятке]. Какой муки маленько бросишь. Вот похлебка, вот и еда» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.].

Особое место в ряде природно-географических зонах в огородах занимали бахчевые. Среди них теплолюбивые арбузы и дыни: «Арбузы, дыни... земли хорошие были» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Лапутина Т.К., 1921 г.р.]. Как описывают респонденты, «Столько было арбузов!!? Но все были белые». По-

рой они не успевали дозревать. На огородах также выращивали мак, «вытрясали его семечки и пироги пекли. Даже вроде говорили они снотворные что ли, кто не спит».

Из технических культур наиболее часто встречалась на огородах конопля. «Сеяли, а потом эту коноплю мочили, потом трепали его как-то и все, а потом получалось из конопля волокно. Вот это волокно пряли, и вот из этого коноплевого волокна ткали, назывался холст». Конопля была одной из важных технических культур в хозяйстве крестьян «из ее делает веревки, гужи к хомутам, завертки к саням, оглобля». Также из конопляного холста ткали «мешки, рубашки, штаны» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Ларионов А.И., 1930 г.р.], «выращивали коноплю и из нее нитки делали, валенки» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Лапутина Т.К., 1921 г.р.]. При этом одежду из конопли шили реже «потому что она грубая, жесткая. С нее делали прочные веревки, ремни, жгуты, бичи» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Осокина Т.Г., 1930 г.р.]. В годы войны конопля стала важной культурой в огороде. Полевые материалы показывают, что сеяли её фактически повсеместно. Кроме того, семя конопли добавляли как примесь в хлеб, «мололи, потом кипятком завариваешь, размешивали, и вот этой мокаешь туда, оно сладкое, вкусное, за высший сорт ели».

Коноплю в войну выращивали на огородах для прядения тканей, шитья одежды и спальных принадлежностей. Респонденты используют для постельных принадлежностей из конопли понятия «дерюга» или «дерюжка»: «Дерюшки помню... Мать все прокипятит [о рубахе]» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.]. Дерюжкам находили разное назначение. Их использовали активно в хозяйстве и в качестве спальных принадлежностей «Дерюжками укрывались, одеялов не было - дерюжка была наместо одеяла и стелили, и одевались» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.]. Меньше садили га огородах лен. «Из льна делали ткань, полотенец белое, делали на пряхках его. Шили одежду только для себя» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г. Осокина Т.Г., 1930 г.р.]. Дети использовали своедельное полотно для ловли рыбы. «Ночью побежали, дерюжку схватили и давай ловить. С этой дерюжкой забежим, зачерпнем, вытащим в котелок, сложим их и опеть. Сверху пока их не выловили не отступились. Наловили пол ведерка без малу» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Елесин А.И., 1930 г.р.].

Наконец, большие участки на огородах отводили под табак: «Табак садили. Много табаку садили» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г. Неверова З.А., 1934 г. р.]. Табак использовался в медицинских целях, также и для курения. «Табак сушили, на крыше. Всю крышу застелим, а потом как подсох, собрали кучей» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.].

Для хранения продуктов огородничества русским сельским населением использовались уличные погреба. Часть продуктов хранили в подполе. И подпол и уличные погреба позволяли обеспечить охлаждение продуктов питания. Главной проблемой становились холодные зимы, когда перепады уличной температуры могли превратить подпол в «морозильник». «Все эти запасы: соленья, грибы хранили в подполе. Он под домом был. Картошка там хранилась. Ясное дело, если холодно, то и картошка замерзнет» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.]. «Внутри подпол ничем не утепляли. Только землей завалишь и все [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Овчарова А.Ф., 1924 г.р.].

Способом заготовок в войну в незначительном количестве были соленья капусты [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Елесин А.И., 1930 г.р.], огурцов и помидоров [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Потапов П.П., 1938 г.р.]. Капусту, как правило, солили в деревянных бочках. Для бочек

использовали разные породы деревьев, в зависимости от местности: дуб, кедр [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г. Потапов П.П., 1938 г.р.]. Засолка и хранение овощей требовало деревянной посуды

Таким образом, в результате проведенного исследования на основе устных источников удалось сделать ряд выводов. 1. Занятие огородничеством, как трудовая традиция крестьян по обеспечению пропитания, стало основной повседневной практикой для колхозников в годы войны. 2. Занятие огородничеством затрудняло отсутствие орудий труда, тягловой силы и нехватка времени для обработки земли. 3. Продукты огородничества существенно потеснили продукты животного происхождения.

Список литературы

1. Алекса Д.В., Рыков А.В. Огороднического в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения АлтГПУ (Барнаул, 28-30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т.К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. - С. 306-310.

2. Зеленин И. Е. И. В. Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Вып. 3. — С. 148-161.

3. Рыков А.В. Особенности системы жизнеобеспечения сельского населения в годы Великой Отечественной войны: на примере колхозного крестьянства и рабочих совхозов юга Западной Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 149-152.

4. Спицын Е.Ю. Россия - Советский Союз 1917-1945 гг. Книга 3. - М.: Концептуал, 2015.

5. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения алтайского сельского общества в годы Великой отечественной войны и возможности устной истории: повседневные практики борьбы с голодом и холодом (к вопросу о сохранении нематериального историко-культурного наследия села) // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны, Сборник материалов/под общ. ред. М.П. Щетинина. - Барнаул : Литера, 2014. - С. 171-174.

УДК 908

ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ МУЖЧИН В СЕМЬЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В 30-е – 50-е ГОДЫ XX ВЕКА: ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2017 ГОДА¹

Руппель И. А.

В статье анализируются трудовые традиции мужского населения в семье сельского населения алтайской деревни в 30-е — 50-е годы XX века. Автором предпринимается попытка на основе использования методов и источников устной истории при введении новых полевых материалов выявить трансформацию этих традиций, а так-

¹ Научный руководитель: д.и.н., проф. Т.К.Щеглова.

же определить их место в культуре жизнеобеспечения сельского населения в годы Великой отечественной войны.

Ключевые слова: Алтай, мужчины, разделение труда, русское население, традиции, Великая Отечественная война.

WORK TRADITIONS OF MEN OF RURAL POPULATION OF ALTAI IN THE 30's – 50's OF THE XX CENTURY: FIELD MATERIALS FOR 2017 YEAR

Ruppel I.A.

The article reviews labor traditions of the male population of the Altai village in the 30s - 50s of the XX century. The author makes an attempt to reveal the transformation of traditions based on the use of methods and sources of oral history with the introduction of new field materials, and also to determine the place of traditions in the culture of life support for the rural Russian population, during the Great Patriotic War.

Keywords: Altai, men, division of labor, Russian population, traditions, Great Patriotic War.

Устная история — научная дисциплина, которая в современной исторической науке начинает играть все более значимую роль. В данной статье устная история, как метод и источник исторических исследований, дополняет этнографические полевые исследования автора в составе историко-этнографической экспедиции АлтГПУ (рук. д.и.н. Т.К. Щеглова), проведенной на территории Красногорского района летом 2017 года в рамках учебной практики кафедры отечественной истории. В ходе экспедиции 2017 г., также как и предыдущих экспедиций 2014 – 2016 гг, в архив Центра устной истории и этнографии АлтГПУ поступили в материалах интервью, в которых большое место уделяется жизни и быту тылового населения во время Великой Отечественной войны в соответствии с методической и теоретико-концептуальной новационной программой «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы войны: традиции и новации» [Щеглова, 2006, с. 108].

Целью публикации является определение тенденций развития трудовых традиций мужского населения алтайской деревни и факторы, повлекшие за собой данные изменения в 30-е — 50-е годы XX веков. Для достижения этой цели ставится ряд задач: рассмотреть эволюцию мужских трудовых традиций в контексте переломных для традиционного семейного уклада русских крестьян исторических событий, выявить влияние традиционных крестьянских практик на адаптацию сельского населения к трудностям материального обеспечения семьи в годы войны.

Как известно, до начала 30-ых годов XX века сельское население Алтая развивалось на основе традиционной модели устройства крестьянского общества. Для нее было характерно разделение хозяйственных обязанностей по гендерному принципу, что выражалось в закреплении за определенными работами понятий женских и мужских. Такая традиционная система выстраивалась по формуле «баба в доме, мужик в пригоне», т. е. женщина в первую очередь обеспечивала порядок в доме и следила за домашними, а мужчина занимался тем, что связано с внешнехозяйственной сферой семьи. Прежде всего, традиционно мужскими занятиями считались полевые работы (пахать, сеять, косить сено и т.д.), а на крестьянской усадьбе - уход за скотным двором, заготовка дров, домашние промыслы по изготовлению орудий труда, утвари т.д. Об этом говорили и респонденты: «А отец занимался хлебопашеством: пахал, сеял, убирал...» (А.Н. Юрлов). Кустарные промыслы тоже оставались Зоной трудовых обязанностей также

являлись кустарные промыслы. Согласно данным Е.А. Коляскиной [Коляскина, 2015, с. 185] в промыслах было занято мужчин больше в три-пять раз, чем женщин.

Базой сохранения гендерного разделения трудовых обязанностей оставалась большая патриархальная семья. Именно внутри нее сложился ряд факторов повлиявших на обособление мужских работ и сформировался ряд стереотипов, которые создали труднопреодолимую границу между женской и мужской сферой обязанностей. Грани между мужскими и женскими работами стали стираться в малой семье. Так, в малой семье работала только одна женщина, и при невозможности ей выполнять работы (болезнь, беременность и тд.) ее заменял мужчина. В традиционном крестьянском обществе выполнение мужчинами женского труда считалось зазорным. В алтайской деревне в повседневной жизни еще долго сохранялись боязнь осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалось лишь для холостяков и вдовцов. В единоличный период жизни трудовое обучение воспроизводило традиционную систему гендерного разделения труда, отец обучал мальчиков мужским работам, а мать женским. Это подтверждают материалы устной истории: «С мальчиками деда, девочки с бабушками» (М.И. Александрова).

Социалистическая модернизация и ликвидация мелких индивидуальных хозяйств, как самостоятельных единиц сельскохозяйственного производства, привела к изменениям состава семьи, в отношениях мужчин женщин, взрослых и детей, в распределении обязанностей между ними. Новые условия повседневной трудовой жизни крестьянской семьи фиксируются в исторической памяти сельских жителей: «Это же сложно перейти на ту систему. У каждого же пашня, крыша, у каждого избушка, у каждого инвентарь, сбруя и никто же ничего не брал... Отец мой в 1930 г. зашел в колхоз. Он сдал в колхоз двух коней, плуг, бороны, телегу, ходок – все сдал в это хозяйство» (М.Д.Середа). Переориентация с единоличного хозяйствования на коллективно-государственное повлекло за собой изменение трудовой мотивации. М.Д. Середа так оценил новую ситуацию: «Мы работали за трудодни. А давали пайку хлеба, и в конце года подсчитывали трудодни и из них высчитывали, сколько ты съел и еще иногда долг оставался».

Изменение мотивации, привело к тому, что в советской деревне 1930-х годов главным транслятором новых трудовых традиций стала молодежь, как наиболее мобильная часть деревенского общества. Они вышли в своём трудовом воспитании за пределы традиционных норм. Под влиянием агитационно-пропагандистской работы в трудовую практику сибирских крестьян входят новые формы работы – соревнование и ударничество. Как пишет А.А. Козин [Козин, 2002, с. 110-111]: «Авторитетами становятся активисты и ударники, чьи трудовые традиции, как правило, были основаны на модернизации трудового процесса, а также использовании сельскохозяйственной техники». Подтверждение этого факта содержатся в агитпроповских выражениях: «В соревновании за урожай друг друга опережай», «Лодырю ударник в работе не напарник», «Ударнику — уваженье, лодырю — пренебреженье», «Агротехнику уважай - будет выше урожай» и т.п. В результате взаимовлияния двух мировоззрений – крестьянского и советского формируется трудовая культура, ориентированная на социалистические ценности в общественном труде и сохранение традиционных трудовых мужчин в сельской семье.

Великая отечественная война, с одной стороны, способствовала дальнейшей трансформации сложившегося уклада жизни, с другой стороны, создала в тыловой деревне условия для его сохранения. Как известно, структура трудоспособного населения в военное время существенно изменилась. Мужчины были массово мобилизованы на фронт. Как говорила А.Д. Комарова, «... одни остались женщины, да старики, да вот мы - дети...». Вследствие этого в семье в годы войны произошло перераспределение

трудовых обязанностей по содержанию дома, быта, подсобного хозяйства и огорода с более активным включением в работу детей. Такое раннее привлечение детей к труду, было в принципе свойственно для традиционной трудовой модели русской культуры, однако как пишет Т.К. Щеглова: «Война поставила семью перед необходимостью перекладывания на их плечи не свойственных их возрасту функций, требующих дополнительных умений и навыков» [Щеглова, 2015, с. 23].

На государственном уровне возрастная граница включения детей и подростков в общественный труд также изменилась. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» был установлен минимум трудодней для подростков (12–16 лет), состоящих в колхозе, — 50 трудодней в году. Однако, большинство респондентов указывают, что начинали работать с еще более раннего детства: «Ну, а после этого-то, как отца-то на фронт забрали. Я бросил школу, не стал учиться, и даже меня два раза посылали. Я уже работать начал, на лошадях работал.... Ночью ехать тайгой, а боюсь, ну чё ехать надо, пугнул коня в горку, постерёг, вожжи привязал, постерёг и куда увезёт...» (М.М. Родионов). Пример показывает, что это привело к резкому взрослению детей. Традиция раннего привлечения в семьях крестьян мальчиков и девочек к крестьянскому труду: работе на пашне, сенокосе, жатве, пастьбе скота и к другим традиционным сельскохозяйственным занятиям позволило деревенскому обществу тыловой деревни при использовании традиционных практик адаптироваться к военным условиям и самоорганизоваться в трудных условиях.

Полевые материалы показывают сохранение принципов наследования семейных крестьянских трудовых традиций в семье по мужской линии. Эту ситуацию подтверждают полевые исследования: «Просто принципиальный человек был (отец): что задумает, то и сделает. И нас так учил, а ... вот он, Анатолий, у деда все перенял, рисунки его забирал. К деду приходил, и он его учил» (М.Д. Середя). Именно трудовые крестьянские традиции выступали той основой, к которой при использовании адаптивных практик обращались жители алтайской деревни в годы войны. Как пишет Т.К. Щеглова: «...трудовые традиции и традиции воспитания сельской семьи русского населения подстраховали сельское общество в годы войны» [Щеглова, 2015, с. 25].

В Красногорском районе, как показали экспедиционные исследования, война вернула оставшихся в деревне мужчин и подростков к традиционным занятиям и крестьянским семейным промыслам - скорняжному, пимокатному, кузнечному и др. Это было связано с необходимостью обеспечения семьи одеждой, обувью, рукавицами, жильем, питанием, отопительными и осветительными материалами. Доказательством этого служит полевая информация. А.А. Исаков так описывал свою работу по шитью обуви под присмотром сельского обувщика: «Я лето работал на бригаде, а зиму не в чем было, раздетые ведь были, война была. Зиму у него шил, для колхоза ремонтировали все». В войну домашние промыслы выполнялись в свободное от колхозных работ время с целью обеспечения потребностей семьи.

Наибольшее распространение среди трудовых обязанностей мужчин являлось изготовление обуви (из кожи и валянием шерсти), выделка овчин и шитье зимней верхней одежды, конскую упряжь. В исторической памяти А.Л. Ярцева сохранились воспоминания трудовых занятий отца: «Все мужики так делали... Вот у меня отец занимался изготовлением кожи. Он не сапожник, он только умел из этой кожу плести хорошие шлеи на лошадей, вожжи плетеные, седла там делал». Описывая сам технологический процесс, он упоминает: «(Отец) плел и в три нитки, в четыре, двенадцать. Разрезали кожу узенькими полосками и плели из нее, понимаешь, как - залюбуешься было... Её там мнешь, вот такая мялка была специальная и коленом ее вот так и мяли... Она разминалась, мягкая становилась, а потом на полоски нарежут, а потом на маленькие

узеньки ножом. Один держал, а другой резал. Ну, я потом плел. Как хотели: шлея плоская была, вот бич плели - первое колено толстое из многих сплетенное, понимаешь, а потом меньше, меньше, меньше. Узда - ее тоже надо сплести было как-то, все это вплелось концы кромки, бахрома резалась». Респондент подчеркнул, что этим занимались в основном мужчины: «Женщины делали: у них сил нет, они не отомнут и принесут ему [отцу]. А еще хуже, дак, с шерстью. Слышат [женщины], где звон, а не знают где он [т.е. не умеют]. Одинокие же [женщины] жили. Принесут вот, и мучайся с ней». Важной мыслью в рассуждениях респондента было утверждение о роли старших мужчин в семье, в частности отца. А.Л. Ярцев указывает на то, что именно отец, который сам умел работать с кожей, учил сына, который «научился [у отца] сам. Для меня теперь сапоги сшить проблем нет».

О преемственности семейных мужских трудовых традиций в годы войны на Алтае в сапоговалянии и пимокатстве говорится в устном свидетельстве Е.А.Иванович. В их семье «занимались отец, и дед, и дядька герои Советского союза, работали в пимокатке, валенки катали, сапоги шили. И Шебелев здесь еще был [Усть-Ионыш]. Они, значит, из шерсти скатали костюм. Значит валенки, фуфайку и шапку. Это все за одно. Все ручное. Вот. Ну, и когда дядя Миша пришел с войны, он мне сказал, дескать, вот так, вот так, давай тоже делай. Настелил, значит, полки вот, и давай здесь, значит, валенок вот так, черная шерсть, здесь белую. Сначала для себя сделал, вот ходил, потом, значит, сыну сделал, ходил». Историческая память воспроизводит модель преемственности мужских трудовых традиций в семье в годы войны. В этой модели представители старшего поколения по разным причинам, оставшиеся в селе или вернувшиеся с войны, включали в свою работу младших мужчин и подростков. Трансляция умений и навыков от старших мужчин к младшим в войну обеспечило сохранение традиционных мужских форм труда.

Таким образом, война, с одной стороны, затормозила экономическое развитие села и вынудила вернуться к традиционным занятиям и трудовым традициям, которые стали способами адаптации к военным условиям и подстраховали колхозную семью в годы войны. Но, с другой стороны, война изменила гендерные соотношения в трудовых традициях, включила в мужские трудовые традиции женщин. По мнению Т.К. Щегловой: «Проявлением этого стало освоение ими и в общественном производстве, и в семейном быту мужских профессий, связанных с техникой, а также расширение участия в административной работе и общественной жизни. Эти противоречивые последствия войны, по сути дела, привели к переплетению традиций и новаций в русском сельском обществе» [Щеглова, 2015, с. 33].

Завершение войны привело к инерции сформировавшихся в годы войны тенденций. Этому способствовало и то, что с войны не вернулось большое количество трудоспособных мужчин, и то, что материальная база тылового села была истощена непомерными налогами. Важным фактором стала передача в годы войны традиций трудовой деятельности в крестьянской семье через раннее включение подрастающих мальчиков и подростков в домашние промыслы. Кроме того, после войны у колхозников, наряду с работой на колхозно-кооперативных и государственных сельскохозяйственных предприятиях, по-прежнему большое значение имели личные приусадебные хозяйства. В условиях колхозно-кооперативной системы оплаты труда, сельская семья вынуждена была жить в основном за счет домашнего хозяйства. Переплетение трудовых обязанностей мужчин в колхозно-совхозном производстве и в приусадебном хозяйстве сопрягались. Более того, по мнению В.М. Самохина [Самохин, 2000, с. 24]: «Практически все орденосцы, Герои Социалистического Труда - труженики сельского хозяйства, как это явствует из их воспоминаний и подтверждается документами, первые свои трудовые навыки они получили в семье, в личном подсобном хозяйстве.

Режим дня, сезонные смены различных видов труда, уход за животными формировали такие важнейшие качества, как добросовестность, ответственность, трудолюбие. В детские годы, для большинства активных тружеников 40-50-х гг. — это или предвоенные или военные годы — формировалось и понимание взаимоотношений между личным подсобным хозяйством и общественным производством». Таким образом, условно можно предположить, что личное подсобное хозяйство являлось базой для сохранения в 1950-е гг. трудовых традиций мужчин в среде сельского населения Алтая.

В заключение можно говорить о некоторой трансформации мужских трудовых традиций в 1930-1950-е годы. Но эти изменения не носили кардинальный характер. И причиной этого являлось приспособление крестьян к ухудшающимся условиям жизни русского сельского общества. В этом смысле мужские трудовые традиции выступали основой жизнеспособности населения сибирской деревни, и в годы коллективизации, и годы войны, и в послевоенный период восстановления народного хозяйства. В определенной степени, сохранению мужских трудовых традиций в среде сельского населения Алтая на современном этапе способствуют семейные повседневные практики по содержанию личного подсобного хозяйства.

Список литературы

1. Громыко, М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири: (XVIII - первая половина XIX в.) / М.М. Громыко. — Новосибирск: "Наука", Сиб. отд-ние, 1975. — 351 с.
2. Козин, А.А. Трудовая этика крестьянства Восточной Сибири в конце XIX — 30-е годы XX века / А.А. Козин // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2002. — Вып. №1. — С. 110-111. [Электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000280223> (дата обращения 28.02.2018)
3. Коляскина, Е. А. Женщина и мужчина в русской деревне Алтая [монография] / Е. А. Коляскина. — Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2015. — 294 с.
4. Самотохин, В.М. Формирование и развитие трудовых традиций в сельских производственных коллективах Алтая: опыт, проблемы: 1946-1958 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02/ В. М. Самотохин. — АГТУ им. И. И. Ползунова. — Барнаул, 2000. — 31 с. [Электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000280223> (дата обращения 05.03.2018)
5. Щеглова, Т.К. Историческое и культурное наследие Алтайской деревни: Материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: метод. пособие / науч. ред. Т.К. Щеглова. — Барнаул: БГПУ, 2006. — 108 с. — (Этнография и устная история Алтайского края).
6. Щеглова, Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы / Т. К. Щеглова. — Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. — 132 с.

Список информантов:

1. *Александрова Мария Ивановна*, 1919 г. р., запись 2003г. — Бийский район, с. Малоенисейское.
2. *Елесин Александр Иванович*, 1930 г.р., запись 2016 г. — Ельцовский район, с. Ельцовка.
3. *Исаков Александр Афанасьевич*, 1930 г.р., запись 2004 г. — Чарышский район, с. Березовка.
4. *Родионов Михаил Михайлович*, 1928 г.р., запись 2006 г. — Тогульский район, с. Тогул.

5. *Середа Михаил Данилович*, 1938 г.р., запись 1996 г. – Тальменский район, с. Шадринцево.

6. *Юрлов Александр Николаевич*, 1925 г.р., запись 2003 г. – Бийской район, п. Промышленный.

7. *Ярцев Анатолий Лукьянович*, 1934 г.р., запись 2017 г. – Красногорский район, с. Усть-Иша.

УДК 908

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ И РЯДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Рыков А.В.

В данной статье рассматриваются основные проблемы, по которым выстраивались взаимоотношения между руководством колхозов и рядовыми колхозниками в условиях военного времени. Основными источниками статьи являются устные исторические источники

Ключевые слова: *взаимоотношения, колхоз, колхозное крестьянство, председатели колхозов, бригадиры, Алтайский край, Великая Отечественная война, устные исторические источники*

RELATIONSHIP BETWEEN ADMINISTRATION AND ORDINARY COLLECTIVE PEASANTS OF THE ALTAI REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF ORAL HISTORICAL SOURCES)

Rykov A.V.

This article examines the main problems on which relations were built between the leadership of collective farms and ordinary collective farmers in wartime conditions. The main sources of the article are oral historical sources

Keywords: *relationships, collective farm, collective farm peasantry, collective farm chairmen, brigadiers, Altai Region, Great Patriotic War, oral historical sources*

Военное время потребовало обновления системы взаимоотношений между государством и сельским обществом. В отечественной историографии сложились разные точки зрения на данную проблему. В советской историографии подчеркивалось, что гармонизирующую роль во взаимоотношениях власти и колхозного общества сыграла коммунистическая партия [Анисков, 1966; История советского крестьянства..., 1987; Крестьянство Сибири..., 1985].

В постсоветской историографии авторы подчеркивают, что государство для выполнения поставленных целей по переводу экономики на военные рельсы власть стала активно прибегать к использованию различного рода принуждений и запретов для сельских жителей [Вылцан, 1995; Исупов, 2008], в том числе репрессиям [Папков, 2012]. Влиянию традиционности и менталитета во взаимоотношения сельского общества с властью на основе устных источников в своей монографии касалась Т.К. Щеглова [Щеглова, 2008].

В статье на основе привлечения новых полевых материалов ставится попытка рассмотрения данного вопроса. В новых устных материалах содержится источниковый материал о взаимоотношениях председателей колхозов, бригадиров с колхозным обществом, что позволяет рассмотреть ранее недостаточно проработанные аспекты взаимодействия между властью и обществом. К такому в частности относится рассматриваемые автором в данной статье взаимоотношения между председателями колхозов, бригадирами полеводческих бригад и колхозным обществом. Привлечение новых источников позволит расширить взгляд на имеющуюся проблему и рассмотреть ранее не освещаемые аспекты взаимоотношений власти и общества на низовом уровне через призму повседневных взаимоотношений внутри колхоза. Вместе с тем исследование потребовалось привлечение нормативной базы. Сопоставление нормативной базы и полевых источников является особенностью данного исследования.

В статье будет подробно рассмотрены особенности формирования кадровой политики администрации колхозов, а также выстраивание отношений между руководством и рядовыми колхозниками имеющих разный социально-правовой статус.

Взаимоотношения между колхозным руководством и колхозниками регулировались Примерным уставом сельскохозяйственной артели, принятым в 1935 году [Советская Сибирь. 1935. 20 фев.]. В нем прописывались основные положения о деятельности артели (колхоза) и его правления, права членов артели и основы организации их труда.

Согласно ст. 22 данного Устава председатель колхоза избирался общим собранием колхоза «для повседневного руководства работой артели и ее бригад, а также для повседневной проверки выполнения решений правления» Он же являлся и председателем правления. Председателю колхоза в соответствии с примерным уставом сельскохозяйственной артели предоставлялись широкие права. В частности он имел право на самостоятельное распоряжение финансами колхоза, а также осуществлял непосредственное руководство производственной деятельностью колхоза. Фактически он осуществлял руководство колхозом единолично. Но также следует отметить, что председатель колхоза нес большую «ответственность перед государством и общественными организациями», как представитель колхоза. Это, по сути, означало, что за все свои действия он отвечал перед партийными органами.

Бригадир полеводческой бригады согласно данному уставу осуществлял непосредственное распределение работы между членами колхоза и ее подсчет в трудоднях.

Начало Великой Отечественной войны очень сильно ударило по кадровому составу руководящих кадров колхозов Алтайского края. Большое число председателей колхозов и бригадиров было мобилизовано в действующую армию. По Алтайскому краю за два года войны сменилось более двух третей председателей колхозов. В целом по Алтайскому краю, на конец 1943 г. насчитывалось 4464 председателя колхозов, из них лишь 789 человек имело опыт работы председателем в возглавляемом на тот момент колхозе свыше 3 лет, от 1 до 3 лет – 1781, до 1 года – 1894 [Арутюнян, 1970, с. 401]. Такой же была ситуация и с бригадирами. На конец 1944 года из 5516 бригадиров края довоенный опыт (от 3 лет и более) имели всего 675 человек (или 12,3% бригадиров) [Рыков, 2015, с. 124].

Также в годы войны наблюдалась большая текучка руководящих кадров колхозов на местах. Например, в Тюменцевском районе за 1941-1944 годы сменилось 116 бригадиров полеводческих бригад, из них в 1943 – 10, а в 1944 – 19 бригадиров [Рыков, 2015, с. 125]. В Новичихинском районе из 48 председателей колхозов за 1943-44 год 23 председателя колхозов: из них призвано в Красную Армию 7 человек, откомандировано в освобожденные области 2 чел, а 19 человек снято по различным причинам, причем 7 человек из них заменены без санкции крайкома ВКП(б). В одном только колхозе

«Красная Армия» за время войны сменилось 5 председателей колхозов [ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 404. Л. 199.].

В результате, в этих условиях колхозное общество часто было вынуждено выстраивать отношения с «пришлыми» руководителями, которые часто во главу угла интересы государства или свои собственные интересы. Вспоминает М.Ф. Вознюк (1928 г.р.): «Председатель был чужой, че-то своего забрали, а вот чужого поставили. Там такой вредный дядька был. Держал колхоз, пока война кончилась. Война хоть и кончилось, так мало пострадали, все равно нежравши были. А сколько, там у нас один такой, что попересажал всех. Безжалостный был этот Голенко. Баба там одну, поллитра керосину взяла, и то 2 года дали» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Вознюк М.Ф., 1928 г.р.].

В своих воспоминаниях респонденты делят председателей и бригадиров на «хороших» и «плохих». Главные черты «хорошего» председателя описал А.И. Елесин (1930 г.р.): «А вы где-то в колхозе работаете, у вас хлебушек, где-то тоже какой-то председатель хороший, где-то на трудодни уплатил, вот. А некоторые у нас, допустим, на Пиле, на Гробнице [названия мест – А.Р.] очень дружный народ был, чтобы маленечко сюды. Вот, председатель были хорошие, вот, ну, как хорошие? И государству умели дать, и умели накормить колхозников» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Елесин А.И., 1930 г.р.]. Таким образом, главным критерием «хорошего» председателя являлось умение учитывать и выполнять потребности, как государства, так и простых колхозников.

Соответственно главными чертами «плохих» председателей колхозов являлось игнорирование интересов колхозников, которое осуществлялось либо в интересах государства («хотел выслужиться»), либо в своих собственных интересах. П.Е. Лысенкова (1929 г.р.) рассказывает: «У нас через дом соседи жили: десять детей. Она в кармане с тока унесла пшеницу. У неё такая шуба была, она так уработалась, в карманах насыпала. И у нас плохой был председатель, такой, до на всех доносил, милиции. И вот донёс в милицию. Милиция нагрязнула. А они кушают ребятишки сидят. И арестовали и посадили на десять лет. А десять детей остались. Мал мала меньше» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Лысенкова П.Е., 1929 г.р.].

В целом, в годы войны по воспоминаниям респондентов можно проследить 2 основных проблемы, вокруг которых происходило выстраивание взаимоотношений между руководством колхозов и простыми колхозниками: обеспечение продовольствием и работа в колхозе. Во время войны в условиях значительной нехватки продовольствия, вследствие сокращения натуральных выплат на трудодни, колхозники были вынуждены искать альтернативные источники его получения. Председатель колхоза, как его руководитель имел право распоряжаться ресурсами колхоза, в том числе и продовольственными. В результате, часто при наступлении большой нужды колхозники обращались к председателю колхоза с просьбой о выделении продовольствия в порядке единовременной помощи. Вспоминает Н.К. Левченко (1933 г.р.): «Хлеба не хватало. Почти всю пшеницу сдавали государству. Иногда мама привозила паек из бригады. Сама не ела, а нам делила крохи. Помню, как я, иногда, с сумочкой ходила в контору к председателю просить пшеницу. Стеснялась, просиживала часами, а все-таки выпрашивала. Есть хотелось!» [Левченко Н.К. (1933 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

В ряде случаев председатели сами оказывали подобного рода единовременную помощь нуждающимся колхозникам. Нередко это шло вразрез с действовавшими тогда директивами региональных и центральных органов власти, что ставило под угрозу карьеру, а то и свободу самого председателя колхоза. Вспоминает П. Л. Зык (1923 г.р.): «А дома голодная семья в хатенке два на два метра. Хоть и работа у меня была пишу-

шая – то учетчиком в бригаде, то председателем ревизионной комиссии, но я никогда не позволяла себе присвоить ни грамма хлеба, ни колоска, ни зернышка. Старик – председатель колхоза Сухоруков Павел Иванович спрашивает как-то: «Паша, а что у вас дома едят?». «Пока была коровка, сыворотку ели, а теперь совсем худо», - отвечаю. «Паша, у тебя же лошадка, хоть бы мешочек пшенички увезла домой». «Боюсь воровать, Павел Иванович, а как встретят, проверят – тюрьма», - говорю. Наверное, видя мою честность и то, что семья голодает, сердобольный председатель на свой страх и риск сам вечером привез нам два мешка пшеницы. Помню, как мама боялась – вдруг меня посадят, ведь случаи такие были» [Зык П.Л. (1923 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

Но при этом не всегда просьбы колхозников о помощи находили понимание у руководства колхозов. Показательным является воспоминание А.И. Сиротенко (1933 г.р.), которая была дочерью председателя колхоза, призванного на фронт. В условиях острой нужды ее мать была вынуждена просить у действующего председателя колхоза, но сразу помощи и поддержки от него добиться не удалось: «Пошла как-то она [мать] просить помощи у председателя: «Дети голодают, болеют, хата промерзает. Помогите». Дошло до того, что младшая сестра Мария и брат Валентин просили милостыню. Помогли нам только тогда, когда с фронта пришло на имя председателя гневное письмо от боевых командиров отца. Тут уж обратили внимание на нуждающуюся семью фронтовика» [Сиротенко А.И. (1933 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

В тех случаях, когда договорится или попросить продовольствие было невозможно, колхозники часто были вынуждены идти на его кражу. В этих условиях «хорошими» председателями по воспоминаниям колхозников являлись те председатели, которые «с пониманием» относились к небольшим кражам зерна, несмотря на всю строгость законодательства. Вспоминает Д.И. Савченко (1936 г.р.): «Война проверяла людей не только на стойкость, но и на человечность. Разные люди стояли у власти в селе: кто-то лютовал, а кто-то хорошим и справедливым председателем был. Мне запомнился Мироненко Василий Ефимович. Мы детьми пололи под его началом поле с просом от полыни. Он отвернется, а мы скорей намнем в руке зернышек – и в рот, а то и в карман. А дома в ступе натолчем, каши сварим – вот и ужин. Разве же он не видел этого, «воровства»? Конечно, видел, но позволял детям унести с поля горсть зерна, чтоб не умереть с голодухи» [Савченко Д.И. (1936 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

«Плохие» председатели колхозов, по воспоминаниям респондентов, не входили в положение колхозников и всячески старались сохранить зерно любыми возможными методами. Вспоминает С.Ф. Прокопенко (1934 г.р.): «Помню то, что всегда хотелось есть. А однажды увидел председатель, что мы колоски воруем. Он гнался за нами на коню, чуть не задавил. С того случая, мы так испугались, что забыли про колхозное зерно» [Прокопенко С.Ф. (1934 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

Что касается выстраивания взаимоотношений между руководством колхоза и колхозниками в области труда, то здесь основную роль играли бригадиры. Они осуществляли непосредственный сбор колхозников перед работой, распределение контроль и учет выполняемых ими сельскохозяйственных работ. Лысенкова П.Е. (1929 г.р.): «Бригадир рано в окно стучит. Ты иди на ток. Ты в поле полоть хлеб. Всем давал [работу]. Все с шести лет. Моя сестренка третья с шести лет со мной и хлеб полола. Мы уж считались как взрослый. 9-10 лет мы уже и учились» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Лысенкова П.Е., 1929 г.р.].

«Хорошим» бригадиром, по мнению респондентов, считался тот, который старался учитывать тяжелые условия труда колхозников. И.К. Писмаркин (1929 г.р.): «Мы наелись все, позавтракали и пошли боронить поехали. Нам стало жарко - смотрим, один пал за лошадыми волокётся, второй пал, третий. Ноги отказывают и падает человек. Приехал бригадир «Чё такое, почему не работаете?». А мы лежим, кони траву щепают. Догадался, поехал. А были колхозные коровы, приезжает домой обратно, нашли, молоком нас напоили» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Писмаркин И.К., 1929 г.р.].

«Плохие» бригадиры, по воспоминаниям респондентов отличались тем, что не знали, как правильно организовать труд колхозников, а также проявляли жесткость и агрессию к простым колхозникам. М.Е Харлова (1933 г.р.): «Вот пошлет нас бригадир, скажет где мы на покосе работали мы знаем, где это место. Приехали, а что же там, зимы какие были, приехали, сказал нам вот тут и вот тут, лопаты возьмите. Мы лопаты взяли, приехали, как он нам растолковал, тут, а не знаем, где брать, вот мы вилами штырять, штырять, все закатило снегом, вроде бы здесь, спотыкаются вилы, здесь стог, вот начали мы копать. А ну как, сейчас трактор даст и обчистит сейчас зимами не возьят, сейчас летом все вывозят, вот мы копать вот мы копать, копать-копать-копать, а кто мы были мы трое. Приехали три девчонки, вот копали-копали раскопали, так его надо весь стог раскопать, не то что верхушку, тогда она будет браться, он же стог не прямо он же вот так вот, не тянется, да мы приехали к вечеру два раза съездили, мы ели натеребили и приехали. Вот. И говорим: «Что ты над нами издеваться?»» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Харлова М.Е., 1933 г.р.].

Отдельным сюжетом являются взаимоотношения между руководством колхоза и колхозниками, которые имели какие-либо ограничения в правах (раскулаченные, репрессированные, депортированные). Часто представители данных категорий, не имея поддержки среди других жителей села подвергались разным формам дискриминации со стороны руководства колхозов. Сами формы могли носить как прямой, так и косвенный характер.

Например, так вспоминает причины своей мобилизации на Меланжевый комбинат А.В. Яшина (1925 г.р.), которая была из семьи раскулаченных: «Ну, потому что, потому что у кого-то вот была какая – то защита. Вот, я вот, например, мама не родная и отца убили. Сирот, сирот это все. А тех, кто были хоть немножко защищенные, тех куда не трогали. А нас. Везде все досталось» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г. Яшина А.В., 1925 г.р.].

Также негативное отношение к себе со стороны председателя колхоза вспоминает В.И. Михайличенко (1931 г.р.) – сын репрессированного в 1937 году: «Мое детство длилось всего 6 лет, до декабря 1937 года. А в 1937 году отца моего арестовали по линии НКВД и все, больше мы его не видели. Я закончил два с половиной класса и в 9 лет пошел работать. Началась война. Старший брат Николай был призван в армию в 1944 году. С матерью остались я, да еще две маленьких сестренки. За то, что я был сыном «врага народа», меня посылали на самые тяжелые работы, куда никто не шел. А я шел и работал, потому что деваться было некуда. Встретил я на своем пути и доброго человека. Дядя Вася Чупиков всегда за меня заступался, когда председатель колхоза Чурсин Василий издевался надо мной, как над врагом народа. А какой я враг, и кому был враг. Моего отца позже реабилитировали, он ни в чем не был повинен» [Михайличенко В.И. (1931 г.р.) // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.].

Определенные притеснения со стороны колхозного руководства нередко осуществлялись и в отношении депортированных немцев. В частности об этом рассказывает Ф.А. Гольм (1935 г.р.), который в 1941 году был депортирован из Поволжья в с. Коро-

бейниково: «Об нас ноги вытирали, господа. Русского же никто не знал. А там одна гадка была такая, женщина-животноводка была она, бригадир. Она бригадир и животновод была. Оооо. Такая гада... Это она такая лютая была женщина, невозможная, вот что. А мы оборониться не можем, мы слова не можем сказать и все. Потом же все подростки были» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Гольм Ф.А., 1933 г.р.].

Но при этом, этот же респондент вспоминает, как его семье помог председатель колхоза: «Вот у нас председатель один был, он приказал моему отцу туда [на животноводческую ферму] ехать. Не давай дитяам умереть, чтоб опухли с голоду. Втихаря делайте, там баранчика зарежьте. Все тогда строго было, все прячьте, в назем пихайте все в навоз. Эти шкурки там, овчину в говно все туда. А мясо варите втихаря, чтоб никто не видал. Вот ночью варили, помаленьку ели» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Гольм Ф.А., 1933 г.р.].

Таким образом, в годы войны основными проблемными аспектами взаимоотношений между руководством колхозов и колхозниками являлись проблемы питания и труда. Отношения между администрацией и рядовыми колхозниками выстраивались в условиях постоянной ротации руководящих кадров, нередко прихода малокомпетентных руководителей, которые не могли грамотно выстроить работу колхоза в условиях военного времени. Выстраивание гармоничных взаимоотношений между ними по данным аспектам было возможно только при наличии определенных уступок со стороны власти. В этих случаях руководство колхоза являлось «хорошим» и имело поддержку у рядовых колхозников. В случае, когда руководство колхоза стремилось действовать преимущественно в интересах государства или свои собственные интересы за счет колхозников между ними происходили конфликты. Отдельным аспектом являлись взаимоотношения руководства колхозов с колхозниками, которые являлись в той или иной степени пораженными в правах. Преимущественно они носили негативный характер, но также фиксируются случаи и позитивного отношения у них.

Таким образом, Великая Отечественная война стала проверкой для руководства колхозов на умение выстраивания взаимоотношений с рядовыми колхозниками. Большое значение имели личные и управленческие качества каждого конкретного руководителя, которые позволяли сбалансировать интересы государства и простых колхозников.

Список литературы

1. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941-1945. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. – 369 с.
2. История советского крестьянства: В 5-ти т. Т. 3.: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938-1945 / Редкол.: Вылцан М. А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1987 – 447 с.
3. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / редкол.: В. Т. Анисков (отв. ред.) и др. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 398 с.
4. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941-1945. Пиррова победа. – М., 1995. – 79 с.
5. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Новосибирск: ИД «Сова», 2008 – 378 с.
6. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 440 с.
7. Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : монография. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 527 с.

8. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. - Издание 2-е, дополненное. – Москва : Наука, 1970. – 465 с.

9. Рыков А. В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). – М.: Буки-Веди, 2015. – С. 124-126.

УДК 94(47).084

СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Чедурова Е.М.

В статье освещен процесс становления и развития сельской кооперации в условиях рыночной экономики и восстановления отраслей сельского хозяйства Ойротской автономной области. Советское правительство сделало ставку на кооперацию как на массовую хозяйственную организацию. В результате ее признания кооперативы превратились в универсальные органы регулирования хозяйственной жизни деревни и получили не только экономическое, но и юридическое признание.

Ключевые слова: кооперация, рыночная экономика, сельскохозяйственное товарищество, артель, новая экономическая политика, кооперативное движение.

COOPERATIVE OF MOUNTAIN ALTAI IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY

Чедурова Е.М.

In the article the process of formation and development of rural cooperative in conditions of market economy and restoration of branches of agriculture of the Oirat autonomous region is highlighted. The Soviet government relied on cooperation as a mass economic organization. As a result of its recognition, cooperatives turned into universal bodies regulating the economic life of the village and received not only economic but also legal recognition.

Keywords: cooperation, market economy, agricultural partnership, artel, new economic policy, cooperative movement.

История сельскохозяйственной кооперации, включая кооперативную политику государственных структур в годы нэпа, может оказать содействие при разработке эффективной стратегии развития малого и среднего бизнеса в России. Исторический опыт крестьянской кооперации можно учитывать при реализации приоритетных национальных проектов, особенно в области развития агропромышленного комплекса, что в свою очередь закономерно предопределяет научную значимость и актуальность исследовательского интереса к кооперации.

С момента выделения Ойротской автономной области в самостоятельную территориальную единицу, членами Обкома РКП (б) был поднят вопрос о перенесении Ойротского отделения входящего в состав Алтгубсоюза из Алтайского в Улалу. Правление Алтгубсоюза отсрочивало принятие решения по данному вопросу. Ойротский Обком РКП (б) и Облисполком принимают решение об окончательном выделении кооперативов Ойротии из состава Алтайского губернского союза и создания областного коо-

перативного органа с подчинением его Сибирскому центру. Но из-за отсутствия квалифицированных управленческих кадров и специалистов в области кооперации членами Обкома РКП (б) и Облисполкома принято решение, о необходимости создания единого областного кооперативного органа смешанного типа.

Создание объединенного Союза в Ойротской области проходило в сложнейших политических и экономических условиях, борьбы с бандитизмом, разрухи и отсутствия средств. В ноябре 1923 г. в ходе переговоров с представителями Сибревкома руководством области был решен вопрос об организации Ойротского областного союза кооперативов с вхождением в систему Центросоюза. Одновременно с этим Ойрот-Интеграл был также принят членом Сибсельхозсоюза [ОХС КПД..., Д.53, л.21].

Главная задача Облсоюза кооперативов заключалась в том, чтобы организовать на кооперативных началах закупку, сбыт сельскохозяйственных продуктов, и снабжение населения промышленными товарами, предметами первой необходимости. В целях оживления кооперативной работы в области и согласования деятельности существующих кооперативных организации Союза военно-потребительских обществ, Союза охотничьих артелей и Облсоюза, для корректировки их деятельности была создана кооперативная комиссия при Обкоме РКП(б) [ОХС КПД..., Д.53, л.72].

В результате работы Комиссии была составлена докладная записка «О состоянии областного кооперативного аппарата в Ойротеи». В Облсоюзе руководящий аппарат кооператива состоял из 5 членов Правления, 11 инструкторов. По всем 3 видам кооперативов в управленческой кооперативной системе числилось 27 человек, из которых 10 человек были членами партии [ОХС КПД..., Д.465, л.15].

В рамках Облсоюза функционировало три секции потребительская, сельскохозяйственная и молочная. Данную форму построения союза можно было считать приемлемой на тот момент и сохранить ее в прежней структуре. До тех пор пока кооперативы не станут самостоятельными хозяйственными с организацией собственными средствами и балансом.

Работа сельскохозяйственной секции. По мере восстановления отраслей сельского хозяйства в первые годы новой экономической политики, а также содействия со стороны государства и партийных структур к 1924 г. в области организована сельскохозяйственная кооперация. Членами сельскохозяйственной кооперации могли быть производственные кооперативы, артели, товарищества и общества, имевшие целью улучшение и развитие хозяйства, совершенствование сбыта сырья, промышленных и кустарных изделий. Это был один из рычагов воздействия Советского государства на производственные процессы распыленных мелких хозяйств. В июне 1924 г. Съездом Уполномоченных было принято решение об организации сельскохозяйственного союза, в который вошли 6 первичных сельскохозяйственных товарищества, существовавших до работы Съезда. Такие как Улалинское, Усть-Канское крестьянские товарищества, Усть-Коксинское, Карагужинское, Сайдыкское сельскохозяйственные товарищества и Чемальская артель металлистов. К моменту образования Союза пришли в упадок Онгудайское, Александровское крестьянские товарищества, Кибезенское сельскохозяйственное товарищество, а Шебалинское крестьянское товарищество частично вошло в ЕПО и часть членов вошли в другие кооперативные объединения [ОХС КПД..., Д. 103, л.8]. К сентябрю 1924 г. в Союз входило 8 первичных кооператива с 548 пайщиками. Подготовлено было к работе еще 3 первичных кооператива в селах Мьюта и Черга Шебалинской волости, в с. Катанда Уймонской волости, число членов пайщиков не удалось уточнить по причине того, что шел подготовительный этап [ОХС КПД..., Д. 103, л.21]. К концу 1924 г. в Союз входило 26 первичных кооператива, в том числе 14 кредитных товариществ, 5 сельскохозяйственных товариществ, 2 трудовые артели, 1 пчеловодное товарищество, Улала «Металлист», Улалинское электрическое товарище-

ство и коммуна «Свободный путь» и Бирюлинское земледельческое товарищество. В сельскохозяйственном союзе насчитывалось 2523 человек. Количество обслуживаемого союзом населения увеличилось до 74729 человек [ОХС КПД..., Д. 180, л.16].

Деятельность Сельскохозяйственного союза была направлена на восстановление отраслей сельского хозяйства. Перед Союзом была поставлена цель, способствовать развитию отраслей смолокурения, лесозаготовительных, сухой перегонки дерева, переработки камня, серозаготовительных, известковых, кедрового промысла, кожевенных, пимокатных, кошмовальных, мукомольных предприятия [ОХС КПД..., Д. 103, л.3].

В 1924 г. с организацией Ойротского отделения Сибирского общества сельскохозяйственного кредита (Сибселькредсоюз) было положено начало созданию сети кредитных товариществ. На 1 октября 1925 г. было создано 8 кредитных товариществ с числом 4581 членов, которые объединяли 15854 крестьянских хозяйства. В сельскохозяйственную секцию входили Майма-Чергачакское сельскохозяйственное товарищество с числом членов 113, земледельческие коммуны: Дмитриевская «Красный Луч» – 25, Карасукская «Искра Красного Алтая» – 30, Турочакская «Свободный Путь» – 39, Чойское случное товарищество «Любитель» - 42, Улалинское пчеловодное товарищество – 50, товарищество по электрификации «Завет Ильича» - 335, трудовые артели «Металлист» - 8, «Строитель» - 10, «Гужевик» -8 и лесопромышленное товарищество «Тайга» - 100 членов. [ОХС КПД..., Д. 272, л.60].

На 1 января 1926 г. в сельскохозяйственную кооперацию входило 8 кредитных товариществ с 4847 членами и паевым капиталом в 10 тыс. рублей. Кредитные товарищества объединяли 32 юридических члена – семенных, машинных, скотоводческих, пчеловодных, кустарно-промысловых, смолокурных, дегтярных товариществ и артелей. Кроме того в члены секции сельскохозяйственной кооперации Облсоюза входили коммуны «Свободный путь» и «Красный луч», сельскохозяйственное товарищество, товарищество по электрификации и одно лесопромышленное товарищество. Всего по линии сельскохозяйственной кооперации было кооперировано 30% хозяйств [ОХС КПД..., Д. 103, л.3-7]. Сельскохозяйственная кооперация способствовала внедрению в производство сельскохозяйственных машин, улучшенных сортов семян, более продуктивных пород животных, минеральных удобрений, организации помощи в борьбе с вредителями и болезнями скота. Во время нэпа усилился процесс специализации сельскохозяйственной кооперации. Экономической основой этого процесса был рост товарности крестьянских хозяйств. Кооперирование крестьян по товарным отраслям позволяло усиливать регулирующее воздействие на крестьянское хозяйство и осуществлять постепенный переход к кооперированию самого производства.

Сельскохозяйственная кооперация в годы нэпа продолжала выполнять сбыто-снабженческие функции, являлась поставщиком сырья для промышленности, осуществляла экспортно-импортные операции, в частности, через нее ввозились сельскохозяйственные машины, орудия и инвентарь, перерабатывалась сельскохозяйственная продукция, располагала элеваторами, лесопильными заводами, ремонтными мастерскими, электростанциями, кустарно-промысловыми предприятиями.

Из докладной записки кооперативной комиссии при Обкоме РКП(б) о росте паевых взносов, кооперирования населения и вкладов приведены следующие данные только по 6 аймакам. На 1 октября 1927 г. в сельскохозяйственной секции было 7630 чел, паевой капитал составлял 20027 руб., вклады 27575 руб. а на 1 апреля 1928 г. число членов увеличилось до 8315 чел., паевой взнос 31966 руб. или в среднем средний пай был 3 руб. 85 коп., вклады 47575 руб. Директива Обкома РКП(б) о кооперировании дворов поставленная перед сельскохозяйственной кооперацией к установленному сроку к 1 апреля 1928 г. была выполнена на 40% [ОХС КПД..., Д.465, л.19].

Сибселькредсоюз хотя и был привлечен государством к кредитованию крестьянства, но не сумел занять господствующего положения в финансировании деревни, а низовые кооперативы, лишённые самостоятельности, трансформировались в неэффективные рычаги государства по проведению кассовой социально-экономической политики, занимаясь простым распределением финансовых средств.

Таким образом, являясь базой сельскохозяйственной кооперации во второй половине 1920-х гг., кредитная кооперация не выполняла возложенных на нее функции. Основой ее финансового баланса являлись государственные заемные средства, а не частные вклады. В кредитовании деревни возникали серьезные проблемы, увеличивался размер просроченных ссуд, мобилизация сбережений населения на решение хозяйственных задач реализовывалась слабо. Кредитная кооперация выполняла функции низовой расчетной кассы, осуществляла финансовый контроль первичных кооперативов, выполняла поручения финансовых органов.

Система политического контроля над кооперацией в Сибири и в частности в Ойротской автономной области складывалась постепенно на протяжении 20-х гг. Одним из способов изучения политических настроений в кооперативной среде являлись сводки и отчеты ОГПУ, с помощью которых деятельность выборных органов управления ставилась под политический контроль партии. Члены особых отделов готовили информационные отчеты, содержащие политические оценки кадрового корпуса не только низовой кооперативной сети, а также областного, союзного уровней. Органы ОГПУ контролировали перемещения руководящих работников, специалистов и технического персонала. Контроль велся через их представителей возглавлявших особые отделы в кадровых службах кооперативного аппарата [Николаев, 2007, с.187].

В 1921 г. 1 инструктор был осужден за контрреволюцию, 1 член правления Облсоюза кооперативов по потребительской и сельскохозяйственной секции в 1923 г. предстал перед судом за халатное отношение к делу [ОХС КПД..., Д.465, л.14].

Но все же сельская кооперация не стала самостоятельной, самостоятельной организацией в годы новой экономической политики. Основным фактором, иницирующим ее развитие, стали не запросы пайщиков и их экономические мотивации, а кооперативные управленцы, выполнявшие установки государства по регулированию социального состава, вытеснению частного капитала из торговли. На макроэкономическом и политическом уровне кооперация была полностью подконтрольна государству. Так, 3 августа 1922 г. при ЦК РКП(б) был создан учетно-распределительный отдел, который осуществлял назначение и перемещение ответственных кооперативных работников в члены Правления и Ревизионных комиссии [Файн, 2001, с.55]. К концу 20-х гг. приобретают широкое распространение кампании по чистке кооперативного аппарата управления, борьба со лжекооперативами, которые являлись предвестниками репрессивной политики. Хотя нэп и имел положительные моменты для развития кооперации в стране, несмотря на показатели статистики, отражавшей количественный рост показателей и расширения направлений хозяйственной деятельности кооперативных организации, увеличение числа кооперированного населения, динамику роста товарооборота. Кризисные явления в кооперации были восприняты руководством государства как недееспособность и неприспособленность форм кооперации для модернизации экономики, поэтому она не получила дальнейшего развития.

Источники и литература

1. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. – Новосибирск, 2007. – 280 с.

2. Отдел хранения спецдокументации комитета по делам ЗАГС и Архива Республики Алтай (ОХС КПД ЗАГС и А РА) Ф.1. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.

3. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф. 1. Оп.1 Д. 103. Л. 25, 25об, 26, 27 об, 28.

4. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф. 1. Оп.1. Д. 180. Л. 16.
5. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф. 1. Оп.1. Д.465.Л. 15.
6. ОХС КПД ЗАГС и А РА. Ф.П-1. Оп.1. Д.272. Л. 60.
7. Файн Л.Е. Нэповский эксперимент над российской кооперацией // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С. 35-55.

УДК 94 (47)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ 1918-1920 гг.

Чедурова Е.М., Щелупанов Ю.В.

В статье сделана попытка анализа решения советским правительством продовольственного вопроса в условиях экономического кризиса периода гражданской войны.

Ключевые слова: продразверстка, продналог, кооперация, ревком, военный коммунизм.

FOOD PROTECTION OF THE ALTAI POPULATION 1918-1920

Chedurova E.M, Shelupanov Y.V.

The article makes an attempt to analyze the solution of the food problem by the Soviet government in the conditions of the economic crisis of the period of the civil war.

Key words: surplus-fund, tax, cooperative, revolutionary, military communism.

В условиях радикальных преобразований советского государства в годы гражданской войны и военной интервенции, особую актуальность приобретают проблемы политического развития Горного Алтая. Этот период характеризуется углублением экономического кризиса, негативными тенденциями военного времени является продовольственный вопрос. В период гражданской войны и политики «военного коммунизма», продовольственные декреты принятые Советским правительством весной и летом 1918 г., были рассчитаны на изъятие товарного хлеба у зажиточной части крестьянства, пресечение спекуляции и установление централизованного снабжения трудящихся. В декрете ставилась задача организации снабжения населения только через советскую и кооперативную торговую сеть. В январе 1918 г. под руководством Л. Троцкого была образована Чрезвычайная комиссия по продовольствию, которой поручался непосредственный контроль над упорядочением продовольственного дела. Комиссии предоставлялись неограниченные полномочия по принятию экстренных мер в этих целях [Постановление СНК...1957, с. 459-460]. В мае 1918 г. для успешной борьбы с продовольственным кризисом народный комиссар по продовольствию был наделен чрезвычайными полномочиями [Декрет ВЦИК, 1918]. Обстановка в центральных районах страны была крайне напряженной из-за начавшегося голода. И поэтому Советам Алтайской губернии в срочном порядке необходимо было провести заготовку и отправку хлеба для голодающих. В ходе работы III Западно-Сибирского съезда Советов принято решение о введении хлебной монополии. Губернский Совет в марте 1918 г. обязал частных лиц и кооперативные товарищества сдать излишки зерна на ссыпные пункты.

Проект программы РКП(б), рассмотренной на VIII съезде партии в марте 1919 г., обусловил основную задачу в области продовольственной политики – продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов питания [КПСС в резолюция..., 1983, с. 88]. В 1919 г. на территории Сибири был организован Сибирский революционный комитет, отвечавший за организацию продовольственного снабжения населения через ревкомы. 4 апреля 1920 г. в Омске был образован Сибирский продовольственный комитет, возглавляемый уполномоченным Наркомата продовольствия РСФСР по Сибири. Сибпродком отвечал за заготовки и распределение по Сибири продовольствия, фуража, промышленных товаров, сельхозинвентаря, перевозку продовольственных грузов, отправку продовольствия в центральную Россию. Для руководства хозяйственными делами в Горном Алтае было создано три районных ревкома в Улале, Шебалино и Уймоне с непосредственным подчинением Бийскому ревкому. При районных ревкомах организовывались комиссарии продовольствия. Членов ревкомов избирали на сельских сходах граждан, при этом, руководствовались не социальным положением, а личными качествами каждого. Так, в марте 1920 г. в Верх-Апшухте Шебалинской волости председателем сельского ревкома был избран Яманка Меноров, имеющий 12 лошадей и 11 коров, а его заместителем – Байгоз Чалтуйманов, у которого имелось 70 лошадей и 19 коров. Такое положение было и в Чергинской, Песчанской волостях [Демидов, 1962, с. 40]. До начала лета 1920 г. Советская власть была вынуждена считаться с интересами всех слоев крестьянства, которые выступили против Колчака. На общественные посты рекомендовали не избирать хотя бы бывших офицеров, жандармов, сыщиков белой армии.

Партийные работники в докладных записках сообщали о том, что кочевые и полукочевые хозяйства из гражданской войны вышли более ослабленными, чем оседлые. Так, в январе 1920 г. представитель Уймонского районного революционного комитета докладывал, что советская работа осложнялась «полным разрушением алтайских хозяйств и вытекающей отсюда необходимостью немедленного выяснения и решения вопроса о дальнейшем сосуществовании алтайцев» [Екеева, 1997, с. 21]. В Бийский уездный революционный комитет поступали сообщения о том, что «...Алтай в значительной части пострадал от белых банд, разорен, некоторые селения выжжены, а помощь населению почти не оказывалась, сплошь и рядом встречаются семьи буквально голые...» [КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 31. Л.3]. Земельный отдел уездного ревкома констатировал, что «существующее состояние скотоводства, конечно, не может обеспечивать существование алтайцев-кочевников», тем более, что «вторая отрасль хозяйства, которая составляла около половины бюджета инородцев – охота, находится еще в худшем положении». Была запрещена продажа пороха и дроби, у жителей изымалось огнестрельное оружие. Это резко ухудшило экономическое положение населения, основным источником существования которых был охотничий промысел [Болдуев, 1978, с. 21-22].

Суровые испытания переносили не только охотники, но скотоводы, занимавшиеся кочевым скотоводством. В Горном Алтае зимой 1918-1919 гг. глубокие снега затрудняли пастбищное содержание скота. От бескормицы и вспыхнувшей эпизоотии погибли десятки тысяч голов, поголовье скота резко сократилось. Каракорумская управа вместо помощи провела дополнительное обложение его налогом [Потапов, 1953. с. 86]. К 1920 г. произошло увеличение бедняцких хозяйств более, чем в 1,5 раза по сравнению с 1917 г. До 80% увеличилось количество хозяйств без рабочего скота и до 40% бескоровных хозяйств [КУ РА «Госархив СПД РА». Ф.Р-5. Оп.1. Д.179. Л. 18]. Довольно сильно подорвал экономику региона и неурожай 1920 г. П.Я. Гордиенко отмечал, что «разруха ... дала почувствовать себя в Горном Алтае. Жители разоренных айлов вымирали от голода...»[Гордиенко, 1994, с. 97]. Дефицит хлеба исчислялся в 298 тыс.

пудов [Демидов, 1963, с. 34]. По данным 1920 г. в Горном Алтае было отмечено сокращение сельскохозяйственного производства, что сопровождалось разорением селений. Так, в Успенской волости в начале 1920 г. голодало три четверти населения, две трети населения Чемальской волости не имели хлеба. Особенно тяжелой была ситуация в Кош-Агаче. В 1920 г. А. Иванов член Горно-Алтайского оргбюро РКП(б) сообщал, что «население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, одежды, постройки сожжены». Постоянное недоедание вело к ухудшению здоровья населения, появлению многих заболеваний. В апреле 1920 г. СНК РСФСР в целях единообразного распределения продуктов питания среди работающего населения страны был введен трудовой продовольственный паек и установлена месячная норма потребления на одного человека (без различия возраста) 12,3 кг муки, 6,1 кг мяса, 1,2 кг масла, 1,6 кг соли, 1/8 кирпича чая, 205 гр. мыла, 1 коробка спичек и 2 кг сала для освещения [Декрет СНК..., 1976, с. 131-136]. К осени 1920 г. в декрет были внесены коррективы, для занятых тяжелым физическим трудом, нормы пайка увеличивались. Несмотря на фиксированность, нормы пайка могли меняться, в регионах страны в зависимости от имеющихся ресурсов. В июне 1920 г. Шебалинский районный продовольственный комитет увеличил норму муки до 14,7 кг для служащих и 18,4 кг для рабочих [КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-12. Оп.1. Д.5. Л.49]. Кроме муки, в месячный паек рабочих и служащих района входили 1,2 кг мяса, 1 коробка спичек, 51 гр. мыла, 153 гр. сахара, 51 гр. Дрожжей [КУ РА «Госархив СПД РА». Ф.Р-12. Оп.1. Д.5. Л.65]. В июне 1920 г. снабжение волостей Горного Алтая, лежащих к югу от с. Шебалино было передано открывшемуся отделению Горсоюза. Волости, лежащие к северу от с. Шебалино и Усть-Канский район, снабжались из г. Бийска. Их снабжение являлось довольно проблематичным и затратным делом. Разбросанность волостей, отсутствие удобных путей сообщения, удаленность от железной дороги и г. Бийска требовали решения вопроса о создании в Шебалинском районе собственного транспорта. По мнению районного продовольственного комиссара, на первое время было необходимо иметь 300 подвод. Требовал решения и вопрос об открытии в г. Бийске складского помещения, как пункта временного хранения. В последующем он был организован в виде представительства при Бийском Горсоюзе. Перебои с хлебом были постоянными, а нормы его выдачи сокращались. К примеру, в качестве экстренной меры в Алтын-Кольской волости была введена половинная норма выдачи хлеба населению [История Горного Алтая..., 2000, с. 118].

С еще большим недовольством крестьянство встретило запрещение свободной торговли. Засуха 1920 г. резко сократила продовольственные запасы населения Алтая. Нормы, по которым выдавался хлеб, постоянно уменьшались. К январю 1920 г. они составили 1 пуд (пуд = 16 кг) 10 фунтов (примерно 20 кг), а в сентябре – 14 фунтов (5,7) муки или 20 (8,2 кг) фунтов зерна на месяц на душу населения. Некоторые представители партийно-советского руководства, непосредственно работающие с населением начали высказывать вслух свое отношение к проводимым мероприятиям. 24 июня 1920 г. председатель Горно-Алтайского райревкома В.И. Плетнев, выступая на губернской конференции РКП(б) назвал продовольственную политику Советской власти «неправильной» и предложил не запрещать свободную торговлю. По словам продавца Шебалинской волости Шмелева, В.И. Плетнев часто отменял «для многих селений разверстки по основаниям якобы чрезмерной тяготы наложения и несправедливости таковых ввиду разоренности населения войной». В декабре 1920 г. враждебное отношение к сельревкомам было зарегистрировано в Улалинской и других волостях. В.И. Плетнев открыто игнорировал приказы, исходившие от губернских властей [Демидов, 1970. с. 68]. Трения между Бийском и Горным Алтаем вызывали недовольство населения, причем это недовольство переходило в недоверие к политике советской власти. Первые вспышки недовольства проявились при взимании разверсток на круп-

ный скот. Очень резко настроение крестьян стало меняться с конца июля 1920 г., в частности в связи с реализацией разверсток на молочные продукты. Норма взимания молочных продуктов была установлена в размере 25 фунтов (1 фунт = 410 г) с дойной коровы в год (примерно 10 кг). Дело в том, что разверстка на масло в Сибири, даже уменьшенная для Горного Алтая наполовину, значительно превышала уровень, установленный для европейской части страны (в немаслодельных районах – 3 фунта (1,2 кг), в маслодельных – 10 фунтов (4 кг) масла с коровы. Население отказывалось выполнять разверсточные задания, оказывало сопротивление продовольственным органам, резало скот, откочевывало за границу. Чтобы избежать разверсточных и других мероприятий военного коммунизма, алтайское и казахское население очень часто прибегало к откочеваниям в неприступные для советской власти места в долину реки Аргут или за монгольскую границу. Так, почти все население Кош-Агачской волости, избегая разверсток и различного рода повинностей, устанавливаемых воинскими частями, перекочевало поздней осенью 1920 г. на территорию соседнего государства. 28 февраля 1921 г., после возвращения из Монголии, население на своем собрании отказалось проголосовать за резолюцию в поддержку советской власти [ОХСД КПД 3 и А РА. Ф.П.-1. Оп.1.Д.57. Л.3-5].

И без того отсталое хозяйство Горного Алтая в результате установления диктатуры Колчака находилось в упадке. По данным областного статбюро количество лошадей в 1920 г. по сравнению с 1916 г. сократилось на 40,2 %, крупного рогатого скота на 30,4 %, овец на 53,6 %. Посевные площади сократились с 22,3 тыс. дес. до 19,5 тыс. дес. [Демидов, 1962, с. 41]. Если к лету 1918 г. в Каракорумском уезде насчитывалось 142 400 жителей, то с 1922 по 1923 гг. – численность населения области сократилось с 92,6 до 83 тыс. человек [Алтайский край..., 1978, с.175].

Положение осложнялось тем, что скрывавшиеся в горах белогвардейские банды продолжали терроризировать население, убивали советских, партийных работников и сельских активистов. Районные ревкомы и партийные организации направляли усилия на нормализацию жизни в уезде, принимали меры к налаживанию социально-экономических отношений населения горного Алтая.

Таким образом, в 1920-е гг. продовольственный вопрос в Горном Алтае решался в зависимости от социально-экономической и политической ситуации в стране. Общий упадок сельского хозяйства, развал путей сообщения, сокрытие крестьянами зерна, изъятие для нужд армии товарных запасов продовольствия явились причинами создавшейся критической ситуации. В условиях политики «военного коммунизма», продовольственной диктатуры государственная политика в области продовольственного снабжения населения не была целенаправленной, носила лишь характер антикризисных мер и формировалась в сложной политической обстановке. Экономическая обстановка требовала отказа от политики военного коммунизма, по причине того, что он не создал необходимых условий для дальнейшего переустройства и ликвидации хозяйственной отсталости в Горном Алтае.

Список литературы

1. Алтайский край. Административно-территориальное деление. – Барнаул, 1978. – 260 с.
2. Болдуев А.А. Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – Вып. 1. – С. 90.
3. Болдуев А.А. Первая продналоговая кампания в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. – Барнаул, 1978. – С. 19-34.
4. Гордиенко П.Я. Ойротия. – Горно-Алтайск, 1994. – 143с.

5. Декрет СНК РСФСР «О введении трудового продовольственного пайка» от 30 апреля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 8. Апрель-май 1920 г. – М., 1976. – С. 131-136.
6. Демидов В.А. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской автономной области. – Горно-Алтайск, 1962. – 87.
7. Демидов В.А. Боевая молодость. Из истории комсомола Горного Алтая (1920-1940 гг.) – Горно-Алтайск, 1963. – 125с.
8. Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. – Новосибирск, 1970. – 223.
9. Екеева Н.М. Горный Алтай в 1922 – 1929 гг. // Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков. – Горно-Алтайск, 1997. – 102с.
10. История Горного Алтая: в 3т. 1900-1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. – Бийск, 2000. – Т. 2. – 223с.
11. Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай» (КУ РА «Госархив СПД РА»). Ф. Р-5. Оп.1. Д.179. Л.18.
12. КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-12. Оп.1. Д.1. Л.42 об.
13. КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-458. Оп.1. Д.31. Л.3.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 2. 1917-1922 гг. – М., 1983. – С. 88.
15. Постановление СНК «Об образовании Чрезвычайной комиссии по продовольствию» от 31 января (13 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. – С. 459-460.
16. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – Горно-Алтайск. 1953. – 482 с.
17. Отдел хранения спецдокументации Комитета по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай (ОХСД КПД 3 и А РА). Ф.П.-1. Оп.1.Д.57. Л.3-5.

УДК 378

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ГОРОДА ОМСКА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Чуркина Н.И.

В статье рассматриваются теоретико-методологические вопросы изучения становления научно-педагогических школ в отдельном регионе. Определен перечень методов и приемов из арсенала устной истории, которые могут быть применимы в исследовании генезиса научно-педагогических школ. Делается вывод о том, что в историко-педагогических исследованиях недавнего прошлого применение исторического интервью, бесед позволяет создавать новый тип источников.

Ключевые слова: научно-педагогическая школа, научная школа, устная история, интервью

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL SCHOOLS OF THE CITY OF OMSK IN THE RESEARCH SPACE OF ORAL HISTORY

Churkina N.I.

The article deals with theoretical and methodological issues of studying the problem of the formation of scientific and pedagogical schools in a separate region. A list of methods and techniques from the arsenal of oral history that can be applied in the study of the genesis of scientific and pedagogical schools is defined. It is concluded that in historical and pedagogical studies of the recent past, the use of historical interviews and conversations allows the creation of a new type of sources.

Key words: *scientific and pedagogical school, scientific school, oral history, interview*

Актуальность исследования процесса становления научно-педагогических школ обусловлена комплексом факторов:

- на государственном уровне – введением в систему аккредитационных показателей вузов данного критерия, разработкой отдельными вузами нормативных документах о научно-педагогических школах;
- на общенаучном уровне – осознанием важности сообществ в развитии современной науки, отсутствием общепризнанного определения понятия, признанием данного феномена комплексной науковедческой проблемой, которую изучают философы, социологи, психологи, педагоги;
- на уровне педагогической теории – ростом интереса педагогического сообщества к теоретическим, методологическим и историко-педагогическим исследованиям научно-педагогических школ в масштабах страны, региона, образовательной организации.

Научно-педагогическую школу можно рассматривать как вид научной школы, которые в свою очередь трактуются как: формальные объединения, научно-образовательные организации различного статуса (университет, кафедра, научно-исследовательский институт, лаборатория); направление в науке, объединившее интересы группы исследователей; исследовательский коллектив. Реализуемая в России с 1996 года программа поддержки научных школ постепенно свелась к Президентскому гранту ведущих научных школ (количество и объем финансирования проектов в нем сокращаются). В методических рекомендациях Минобрнауки отмечается, что «ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью» [Левин, 2002, с.151]. В данном определении отсутствуют четкие критерии и признаки, которые помогли бы отделить временный научный коллектив от научной школы.

Исследованием феномена научной школы в науковедении и общественных науках занимались А.Н. Антонов, И.А. Аршавский, Б.М. Кедров, Т. Кун, И. Лакатос, К.А. Ланге, Д. Прайс, Н.Н. Семенов, С.Д. Хайтун, Г. Штейнер, которые смогли уточнить структурные и функциональные компоненты научных школ, критерии их выделения.

Множественность и неоднозначность феномена подтверждает разнообразие существующих классификаций научных школ. Н.А. Куперштох рассматривает научные школы: применительно к отдельным ученым (научная школа Л.Д. Ландау); применительно к городам (московская, ленинградская школа и др.); применительно к регионам (уральская историческая школа); применительно к отдельным нациям и государствам; применительно к отдельным отраслям знания (научные школы в математике и др.) [Куперштох, 2005, с.94].

В зависимости от уровня локализации научной школы, О.Ю. Грезнева в своем исследовании рассматривает научные школы как педагогический феномен и выделяет 7 групп по следующим основаниям:

- по виду связей между членами научной школы (научное течение, научная

группировка, «невидимый колледж»);

- по статусу научной идеи (экспериментальные, теоретические);
  - по широте исследуемой предметной области (узко- и широкопрофильные);
  - по функциональному назначению продуцируемых знаний (фундаментальные, прикладные);
  - по форме организации деятельности учеников (индивидуальные, коллективные);
  - по характеру связей между поколениями (одноуровневые, многоуровневые);
  - по степени институализации (неформальные, кружки, институальные)
- [Грезнева, 2003, с.15].

Разработанные в науке и образовательной практике критерии научных школ (наличие основателей научной школы, количество поколений их последователей и учеников, наличие у них официального признания в виде дипломов, количество и объем публикаций в системе ранжированных органами власти изданиях, число подготовленных и защищенных диссертаций различного уровня, наличие государственных премий и наград, авторских свидетельств, патентов, признание со стороны зарубежных научных сообществ в форме дипломов и почетных званий и т.д.) предлагают, в основном, количественные характеристики научной школы.

Д.В. Аронов, В.Г. Садков в своих статьях сделали попытку разработки качественных критериев: наличие иерархически структурированного ученого сообщества, самовоспроизводящегося во времени и в пространстве и реализующего себя в традиционных для мировой науки формах. Но при раскрытии данных критериев также сводят их к количественным показателям (количество защищенных диссертаций, монографий, статей и др.) [Аронов, 2014, с. 238].

Рассматривая научную школу в связке с понятием «школа» Е.П. Белозерцев, Д.В. Аронов и В.Г. Садков отмечают ее педагогическую направленность (лидер научной школы как учитель, наставник, а одна из главных задач – обучение, воспитание, подготовку молодых ученых). О.С. Анисимов, А.А. Вербицкий, Г.Л. Ильин, Т.В. Новикова, С.Д. Поляков, Л.М. Сухорукова и др. рассматривают педагогические научные школы с точки зрения их профессионально-педагогического потенциала по созданию эффективных условий подготовки научных кадров. Это позволяет многим исследователям использовать понятия научная школа и научно-педагогическая школа как синонимичные, но распространяя понятие «научно-педагогических школ» только на научные сообщества вузов, исходя из того, что педагогическая деятельность является неотъемлемой частью выполняемой ими социальной функции. В рамках данной статьи мы будем исходить из позиции ученых (С.Д. Поляков, Э.С. Зимин, А.А. Вербицкий, Г.Л. Ильин), которые рассматривают научно-педагогические школы как школы в области научной педагогики, психологии обучения и образования, которые выступают разновидностью научных школ.

На фоне роста интереса к регионам, вышли исследования региональных научных школ (Д.В. Аронов и В.Г. Садков, В.А. Семькин, П.В. Лебедчук). О.Ю. Грезнева ввела понятие «локальной научной школы», сформировавшейся на базе высшего учебного заведения, в состав локальной научной школы входят личностные научные школы, в которых проводятся исследования проблем конкретного научного направления.

Наш исследовательский интерес сосредоточен на научно-педагогических школах города Омска второй половины XX - начала XXI вв. (И.М. Чередова, М.Н. Аплетаева, М.П. Лапчика, В.А. Далингера, Н.В. Чекалёвой, С.А. Маврина, Л.А. Шипилиной, И.А. Мавриной и др.), в связи с тем, что деятельность ряда из них насчитывает уже достаточный исторический период (с 50 – 60-х гг. XX века), сложилось несколько поколений ученых, их опыт не описан. Поэтому стоит задача изучить особенности созда-

ния региональных научно-педагогических школ, определить ведущую идею, компоненты педагогической системы, сложившиеся и утерянные традиции. Изучение генезиса научно-педагогических школ позволит осуществить прогноз возможностей возрождения и развития лучших традиций региональных научно-педагогических школ и определение механизмов их взаимодействия с региональным образовательным пространством.

В процессе осуществления исследования мы столкнулись с парадоксальной ситуацией – не смотря на хронологическую близость исследуемого историко-педагогического феномена, круг источников, имеющихся в нашем арсенале, представлен, в основном, текстами научных работ, статистическими данными. Эти источники не дают возможность провести реконструкцию исторических событий и выявить важные моменты, входящие в характеристику научно-педагогической школы – этос сообщества, эмоциональный фон, т.е. всего, что составляет скрытое содержание, культуру научной школы. Именно для этого мы считаем необходимым дополнить методологическую программу традиционного педагогического исследования методами устной истории.

Для нас очень важно, что, как указывают историки «устная история формирует иное восприятие исторической действительности, дает иные способы оценок прошлого» [Щеглова, 2011, с.36]. Главными методами устной истории являются опросы, интервью, собранные учеными, что составляет новый тип исторического источника. Это меняет всю работу исследователя – он не ищет источники, а сам их создает и потом интерпретирует. Такой подход полностью укладывается в современный стандарт научности, который признает субъективность исследователя и субъективность исторического источника не как недостаток исследования, а как его новые возможности. Задача исследователя не только в том, чтобы попытаться составить «объективную» картину прошлого, а показать, что прошлое в восприятии отдельных людей, сообществ, было разным.

Эти положения устной истории очень важны при изучении процесса становления научно-педагогических школ, так как позволяют увидеть отношения внутри данной структуры, раскрыть особенности кластеризации (иерархии) школы, связи между отдельными членами сообщества, которые невозможно отследить за счет других методов (например, по совместным публикациям, проектам, грантам). Не смотря на то, что опросы, интервью, являются традиционными методами педагогического исследования, в контексте устной истории эти методы имеют совершенно другой смысл и процедуру подготовки, проведения и интерпретации. Интервью о прошлом позволяет не только восстановить фактическую цепь событий, но и выявить зависимость индивидуального опыта человека от его оценок и трактовки прошлого. Т.е. одним из методов исследования становления региональных научно-педагогических школ будет исследовательское интервью с их лидерами и членами сообществ.

Часть современных ученых к методам устной истории относит все виды устной информации о прошлом (традиции, истории, фольклор), но для исследования предлагаемой проблематики не продуктивно использование таких источников, но могут представлять ценность биографии, записанные со слов авторов, особенно в тех случаях, когда она не сохранилась в других источниках, или имеющиеся тексты не отражают отдельные этапы деятельности.

Наряду с традиционным подходом к данному феномену в последнее время появились статьи, в которых продуктивность деятельности научных школ в их традиционном виде подвергается критическому анализу. Не соглашаясь с ключевым выводом авторов, мы можем признать существующие риски и ограничения в деятельности научно-педагогических школ. Для них характерна латентная конкуренция (между лидерами и

их возможными преемниками, между молодыми членами научной школы). Высокая степень кластеризации и централизации вокруг одного или нескольких лидеров, что приводит к тому, что небольшая группа ученых имеет очень большое количество связей с другими, в том время как остальные практически работают самостоятельно, опираясь на изучение научной литературы. Вокруг школ формируется выгодное соавторство (неизвестный автор, вступает в выгодную для него сделку, которая приводит к получению высокого блага - совместной статье с выдающимся ученым. При этом выдающийся ученый также получает эквивалент в виде прироста интеллектуального капитала). Научная школа в традиционном виде приводит к ограничению свободного общения (институциональная организация науки задает рамки научной коммуникации). Школа сохраняет верность одной основополагающей идеи, которая может корректироваться в процессе обсуждения, но параллельное развитие альтернативной идеи исключается, модель отношений «учитель-ученик» тормозит развитие [Дежина, 2009, с.44]. Эти риски объективно существуют, но, как нам представляется, они могут быть минимизированы лидером и членами научной школы, которые нацелены на развитие. Поэтому в содержание исследовательских интервью необходимо включать вопросы, которые позволят понять, насколько в той или иной научно-педагогической школе эти риски стали реальностью, какие практики позволяют сделать вывод об этом и др. Именно методы устной истории, наряду с количественными методами исследования, поможет понять и увидеть эти тенденции.

Таким образом, для изучения генезиса становления научно-педагогических школ города Омска в XX – XXI вв., в методологическую программу необходимо включить в группу частных подходов, методы устной истории (исследовательские интервью, устные биографии), что позволит дополнить имеющиеся источники (статьи, монографии, отчеты и др.) новыми материалами, которые позволят не только узнать новые факты их истории, но и раскрыть исторические и современные риски и ограничения деятельности. Все это даст возможность делать прогноз о перспективности их развития и возможностях влияния на региональное образовательное пространство.

Список литературы

1. *Аронов Д.В., Садков В.Г.* Научная (научно-педагогическая, творческая) школа в системе российского высшего образования //Известия высших учебных заведений. Приволжский регион, 2014. – №2(30), С.236 – 246.
2. *Грезнева О.Ю.* Научные школы (педагогический аспект). – М., 2003. – 69 с.
3. *Дежина И.Г., Киселева В.В.* Научные школы: форма стагнации или интеллектуальной капитализации?// Мировая экономика и международные отношения, 2009, №1, С. 43–51.
4. *Куперштох Н.А.* Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. – Новосибирск, 2005. - N 2(25). - С.93-106.
5. *Левин А.С.* Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования// Акустика неоднородных сред. Сборник трудов семинара научной школы проф. С.А.Рыбака. – М.: Российское акустическое общество, 2002. – С.150– 170.
6. *Щеглова Т.К.* Устная история: учебное пособие. – Барнаул: АльГПА, 2011. – 364с.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015-2017 ГОДОВ

Щеглова Т.К.

В статье подводятся итоги трехлетнего проекта исследований культуры жизнеобеспечения русского населения (2015-17 гг.) под влиянием социалистической модернизации и условий военного времени. Основными источниками являлись материалы полевых исследований в разных природно-географических и этнокультурных областях юга Западной Сибири, среди разных социально-экономических и правовых групп сельского населения. Предоставляются полученные выводы о крестьянской традиционной системе преодоления трудностей в затруднительных условиях жизнедеятельности. Анализируются адаптационные практики и жизненные стратегии крестьянской семьи в борьбе с голодом и холодом, повседневные заместительные технологии в обеспечении базовых компонентов жизнеобеспечения – жилища, пищи, одежды. Выявляются традиции и новации в семейной и общественной жизни русского сельского населения.

***Ключевые слова:** война, культура жизнеобеспечения, русские, адаптация, жилище, пища, одежда, традиции, новации*

LIFE SUSTAINING CULTURE OF RUSSIAN RURAL POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: TRADITIONS AND INNOVATIONS ON THE BASIS OF FIELD RESEARCH MATERIALS 2015-2017 YEARS.

Shcheglova T.K.

The article presents the results of the three year project on the research of life sustaining culture of Russian population (2015-17 years) under the influence of socialistic modernization and in the context of war time. The main sources were materials of field research in different natural-geographic and ethnocultural regions of the South of Western Siberia, among different social-economic and legal groups of rural population. The author makes the conclusions about the traditional peasant system of overcoming difficulties in challenging conditions of life support activity. The article analyzes adaptation practices and life sustaining strategies of the peasant family fighting with cold and hunger, everyday compensating technologies providing with basic components of life support – household, food, clothes. Traditions and innovations in family and social life of Russian rural population are revealed.

***Key words:** war, life sustaining culture, Russians, adaptation, household, food, clothes, traditions, innovations*

Проект «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой отечественной войны: традиции и новации»¹ реализовывался в 2015 – 2017 годах группой молодых исследователей А.В.Рыковым,

---

¹ «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д.и.н., проф. Т.К. Щеглова). <https://www.altspu.ru/history/kignak>

Д.В. Алексой, А.С.Кузнецовым и А.А. Мазыриной при участии и под руководством д.и.н., проф., зав. кафедрой отечественной истории Т.К.Щегловой и был поддержан РГНФ¹. Проект был направлен на изучение адаптационных механизмов традиционной культуры русского населения Западной Сибири под воздействием политических и социально-экономических условий военного времени в 1941-1945 гг. В совокупности эти условия вели к повышению значения института семьи, семейных и мирских традиций по обеспечению жильем, питанием, одеждой, развитию домашних ремесел и промыслов.

Ставились задачи создания новых этнографических и устноисторических источников, выявления документов личного происхождения для изучения традиций и новаций в семейном и общественном труде и быту. Главной целью являлось определение роли традиций в жизнеобеспечении сельского русского общества в экстремальных условиях войны и адаптационные ресурсы традиционной культуры.

Юг Западной Сибири относится к сибирским регионам с благоприятными природно-климатическими условиями для развития сельского хозяйства. Достопыпинские и постстопыпинские миграции рубежа XIX –XX столетий определили аграрный профиль южных территорий Западной Сибири. Индустриализация 1930-х гг. затронула территорию Кузбасса, но не коснулась сопредельного Алтая, закрепив масштабной коллективизацией сельскохозяйственную специализацию. Это подтверждает сравнительный демографический анализ: на Алтае сельское население составляло 83,5% населения (к концу войны — 74%), тогда как во всей Западной Сибири — 70%, в РСФСР — 66,3%. Титульным этносом на юге Западной Сибири являлись русские, в 1939 г. они составляли 2139,9 из 2498,5 тысяч человек, т. е. 85,6%.

Это позволяет говорить о высокой степени объективности полученных результатах исследования о традициях и новациях в культуре жизнеобеспечения русского сельского населения. В ходе полевых исследований 2015 – 2017 годов было проведено 658 интервью, задокументировано (транскрибировано) 972,5 часов устных исторических источников, фотофиксация элементов культуры жизнеобеспечения составила 60,7 тысяч цифровых фотоснимков. В 7 экспедициях были оцифрованы тематические материалы семейных архивов, документы муниципальных архивов и музеев, среди них коллекции дневников, воспоминаний, писем. В Государственном архиве РФ и Государственном архиве Алтайского края были выявлены новые для антропологических исследований документы о развитии местного производства товаров широкого потребления с опорой на природные ресурсы.

В соответствии с концепцией культуры жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны полевые исследования 2015-2017 годов проводились с учетом природно-географических и этнокультурных факторов. Территория юга Западной Сибири отличается разнообразием и включает практически все природные пояса, от солончаков до альпийских вершин. Поэтому экспедиции проводились в разных зонах: предгорные и горные территории Большого Алтая (Краснощековский район - Горный Чарыш), северо-восточная притаежная зона (Залесовский район - Залесовское Причумышье), западные солончаковые степи (Благовещенский район), степные приборовые территории Приобья - Крутихинский район, восточные предгорья Салаира - Ельцовский район и центральная лесостепная часть традиционного хлебопашества — Усть-Пристанский район (Нижнее Причарышье), предгорное междуречье Бии и Катунь - Красногорский район и т.д.

В соответствии с этнокультурным критерием выбора сел в 2015 г. экспедициями были охвачены зоны русско-украинского порубежья с преобладанием русских переселенцев и русско-мордовского порубежья с преобладанием русских старожилов. В 2016

---

¹ РГНФ, № 15-31-01019 а1

г. историко-этнографические экспедиции проводились в восточных и южных предгорных историко-этнографических зонах с преобладанием старожильческого русского населения, центральной лесостепной старожильческо-переселенческой зоны со смешанным составом русских старожилов и переселенцев второй половины XIX века и северо-западной приборовой и приозерной степной зоны с преобладанием русских старожилов и поздних столыпинских переселенцев. В 2017 году было обследовано славянско-тюрское порубежье, с проживанием кумандинцев.

При планировании полевых исследований также учитывался фактор социально-экономической (работники колхозов, работников совхозов и др.) и гражданско-правовой (раскулаченные, спецпереселенцы, трудармейцы и др.) неоднородности населения. Например, выбор приборовых и притаежных районов был обусловлен тем, что на их территории было много спецпереселенцев, а также бывших кустарей. В этих районах было развито промартельное производство. Это позволило проследить эволюцию традиций кустарных народных промыслов и их влияние на жизненные стратегии русских в борьбе с голодом и холодом.

Полевые материалы позволили сделать выводы, что на состояние и развитие культуры жизнеобеспечения семьи русских крестьян в годы войны влиял ряд факторов. К неблагоприятным относились тенденции демографического развития: сельское население сократилось на 24,87%, процент мобилизованных в сельской местности на юге Западной Сибири был выше среднего по стране (55% трудоспособного населения; по стране – 38 %.). Неблагоприятным являлось половозрастное соотношение с преобладанием женщин: в 1939 г. в сельской местности Алтая (997,5 тыс. мужчин и 1109,7 тыс. женщин) на 100 женщин всех возрастов в Алтайском крае приходилось 88 мужчин, в 1945 г. - 55 мужчин. Особенно гендерный перекос проявлялся в категории трудоспособного населения (14-59 лет): в 1945 г. на 100 женщин приходилось 35 мужчин. В целом трудоспособные мужчины составляли всего 15,18%.

В антропологических исследованиях также упущен вопрос о влиянии на формирование адаптационных повседневных практик русского населения сибирской тыловой деревни этнических депортаций. В ходе совместного преодоления трудностей военного времени происходил взаимообмен опытом обустройства жилища, решение проблем с одеждой и обувью, организация системы питания с использованием альтернативных источников растительного и животного происхождения. Усиливало этническое влияние дисперсное размещение иноэтнических депортантов, начиная с первых волн 1936-41 гг. когда спецпереселенцы (поляки, белорусы, немцы и литовцы) из Прибалтики, Белоруссии и Поволжья были размещены в 46 районах и городах края и, заканчивая поздними депортациями, когда в 1949 г. на Алтай были отправлены 13 тыс. человек армян с размещением в 27 районах. С 1944 г. во многих селах проживали калмыки. Это позволило выявить межэтническое взаимодействие и взаимовлияние в ходе совместного преодоления трудных условий военного времени.

Исследования показали, что в изучении системы жизнеобеспечения необходимо учитывать неоднородность сельского русского населения, которая мало бралась во внимание исследователями в вопросах изучения крестьянской антропологии. Для выявления социальных локусов военной деревни было введено несколько критериев: социально-экономическое и правовое положение, этнокультурная и половозрастная принадлежность. Сформировавшиеся группы отличались условиями жизнедеятельности: для одних они были трудными, для других — экстремальными. Критериями этих условий являлись регламентация гражданских и социально-экономических прав сельских групп; характер собственности, определявший наличие или отсутствие помощи государства и возможности самостоятельного распределения результатов совместного про-

изводства и другие обстоятельства влиявшие на стабильность социума, его уровень жизни.

Совокупность условий жизнедеятельности разных локусов и многофакторность повседневной жизни в военное время способствовали, с одной стороны, сохранению и развитию этнокультурных традиций, с другой стороны, вели к изменению и трансформации базовых элементов культуры жизнеобеспечения. Основными путями вкрапления новаций в культуру русского сельского населения, в т.ч. иноэтнических, являлись повседневные адаптационные практики борьбы с голодом и холодом и заместительные технологии, заменяющие недостающие базовые и периферийные компоненты культуры жизнеобеспечения для жизнедеятельности русского сельского населения. Заместительные технологии и повседневные адаптационные практики были проанализированы на базовых системах и элементах культуры жизнеобеспечения русского сельского населения — жилья, пищи, одежды и способов их обеспечения — трудовых и семейных традиций, в т.ч. собирательства, ловчих промыслов, рыболовства, охоты, а также анализа приусадебного хозяйства — огородничества, домашнего скотоводства. В совокупности это позволило сделать ряд выводов.

Во-первых, семейное производство и приусадебное хозяйство в годы войны сводилось к домашнему скотоводству и огородничеству; приусадебное земледелие сохранилось фрагментарно. Во всех отраслях семейной экономики меняется структура. Скотоводство в годы войны, с одной стороны, обременяло семью налогами, с другой стороны, превратилось в стратегически важную отрасль. Особенностью структурных изменений в войну являлось сокращение поголовья скота, особенно свиней и овец в личном хозяйстве, с преимущественным содержанием коров. Последнее не является новацией — корова в крестьянской системе жизнеобеспечения всегда находилась в центре, но занимала второе после лошадей место. Ликвидация единоличного хозяйства поставила корову в центр семейного хозяйствования.

Пересмотр жизненных стратегий в затруднительных условиях жизнедеятельности сопровождался многофункциональностью каждого элемента системы жизнеобеспечения. Этот вывод делается на примере использования в культуре жизнеобеспечения коровы, собаки, соломы, лопуха (репейника) и других компонентов. Многофункциональное и многофакторное использование элементов в традиционной культуре являлось одновременно и традицией, и новацией. Например, собаки служили и средством транспортировки и источником шкур и шерсти и т.п. Корова — источником молочной пищи, тяглом, источником сырья — шерсти (детские мячики), шкур и т.д. В целом, развитие заместительных технологий являлось способом адаптации. В частности замена сена соломой в домашнем скотоводстве закрепила вторичное значение овец, которые, несмотря на их сырьевое значение в крестьянском хозяйстве (шерсть, овчины, мясо) составляли конкуренцию коровам в качественном корму.

Рост значения приусадебного огородничества в условиях войны проявлялось в увеличении размеров огородов и обновлении структуры посадок. Традиционно для русских, являвшихся по ХКТ земледельцами, основой питания являлись зерновые. Выявлено, что средний размер посева зерновых культур на приусадебных участках в годы войны увеличился более чем в 4 раза. Но на самом деле этот рост происходил, прежде всего, за счет увеличения посева бобовых культур, которые в статистических данных включались в группу зерновых.

Основной адаптационной практикой в системе питания стала замена базового продукта — зерна другими продуктами. Их ассортимент зависел от природно-географических условий и этнокультурных традиций. Наибольшее порайонное распространение получили злаковые и бахчевые культуры. К первой группе относились просо и кукуруза. Ко второй группе — тыква. Но основным заменителем зернового хлеба

стал картофель. Это потребовало увеличение размеров огородов. В годы войны зафиксировано выносное огородничество с формированием овощных посадок за селом. Увеличили огороды и расширявшиеся посадки конопли, которая была сырьем для домашнего ткачества.

Развитие огородничества как стратегической отрасли семейной экономики повлияло на трудовые традиции русской сельской семьи. Были востребованы традиции коллективного труда - «труд вскладчину», «традиционные помочи». Адаптационными технологиями огородничества в годы войны стали решения вопросов о семенном и посадочном материале (глазками и «очистками» посадка картофеля), способы обработки земли и изготовление самодельных орудий. Зафиксированы индивидуальные и коллективные жизненные стратегии в «борьбе за урожай» в условиях голода.

В системе питания важнейшей жизненной стратегией стало замещение базовых продуктов периферийными или их вытеснение из основного рациона. Главными заместителями базовых зерновых культур стали картофель и тыква, а также другие зерновые – кукуруза и просо. Реконструированы самодельные приспособления и инструменты для обработки зерновых культур - терки, ручные «меленки», «рушалки». Повсеместно выращивались морковь, свекла, брюква, горох и др. Выявлены способы их заготовки, хранения и приготовления - томление, вяление, варение.

Во-вторых, развитие домашних отраслей крестьянской экономики в военных условиях вызвало изменения в трудовых обязанностях и семенных хозяйственных традициях, связанные, в первую очередь, с половозрастными изменениями. В сельском обществе сформировались группы трудоспособного населения с 11–13 лет и до 50–60 лет, «детей войны» от грудничков и до 11–13 лет и нетрудоспособные «бабушки» и «дедушки». Способы адаптации к военной повседневности у этих групп были обусловлены их возрастом и распределением трудовых обязанностей в крестьянской семье в соответствии с трудовыми традициями русского сельского общества.

В-третьих, в годы войны повседневными практиками по обеспечению системы жизнедеятельности для восполнения «прожиточного минимума» из-за недостатка основных источников, получаемых в домашнем и колхозном производстве (зерновые и мясомолочные продукты) стали присваивающие промыслы. Семейное хозяйство и семейный труд в результате предвоенных советско-социалистических трансформаций и военного положения страны уже не являлись главными средствами существования крестьянской семьи. Сельское общество, представленное поколениями, выросшими в условиях единоличного хозяйствования, адаптировалось к экстремальным условиям благодаря знаниям и навыкам решения проблем питания с опорой на «кормящий ландшафт». Максимальное «вычерпывание» природных ресурсов окрестных мест в повседневных практиках сельской семьи превратилось в жизненную стратегию нетрудоспособного населения. На уровне семейной экономики это привело к переходу к архаичным присваивающим формам хозяйствования. Развитие собирательства являлось частью трудовых традиций русского населения с самого начала освоения Сибири. В основе этой деятельности лежал традиционный опыт русских переселенцев, переработанный в местных условиях и дополненный приемами и навыками, заимствованными у коренного населения (использование в пищу и заготовки кадыка)

Присваивающие промыслы зависели от кормящего ландшафта конкретного сельского сообщества. Основными в годы войны наряду с собирательством, стали рыболовство и охота. Собирательство было наиболее доступно, в т.ч. для нетрудоспособного населения. В первую очередь, оно стало жизненной стратегией детей. Удалось выделить в занятии собирательством этапы, виды, формы, участников. По формам, собирательство военного времени делится на организованное (коллективное), и повседневное индивидуальное. К организованному собирательству, которое проводилась под

присмотром и с участием взрослых, относился сбор трав-дикоросов, грибов и ягод с целью заготовки на зиму. Среди дикоросов - собирательство растений, служивших примесями или «заменителями», например, крупы — основы питания русских крестьянства. К коллективному собирательству, но без надзора старших, относилось весеннее собирательство детьми съедобных дикоросов для пропитания или остатков необработанных культур (колоски, мелкая мерзлая картошка) по полям и огородам. Индивидуальное ежедневное собирательство в течении всего летнего периода являлось жизненной стратегией в борьбе с голодной смертью и заключалось в сборе и поедании всего съедобного в окрестностях села – «пропитание на подножном корму». Собирательство включало дикоросы по их видам: 1) клубневые растения – кандык, рагоза, саранки и др., 2) растения со съедобным стеблем или съедобной верхней частью – вшивик, слизун, щавель, медунки и др., 3. Растения с вызревшими семенами – рыжик, кашка, сурепка и др.

Заместительные технологии зафиксированы в использовании животноводческих продуктов. Крестьянская семья была вынуждена дополнять семейное скотоводство ловчими промыслами грызунов. Поворот от производящего к присваивающему хозяйству являлся проявлением сбалансированности крестьянской экономики с «кормящим ландшафтом» и заместительными технологиями крестьянской системы преодоления трудностей. Благодаря этому суслики и другие объекты ловчих промыслов в годы войны перешли в разряд основных белковых продуктов питания. Проанализированы группы участников промыслов, виды промыслов, приспособления и орудия промыслов, традиции промыслов. Отмечается изменение значения в годы войны распространенных ранее в семейном крестьянском хозяйстве таких добывающих промыслов как рыболовство и охота. Делается вывод о том, что являясь преимущественно мужскими традиционными занятиями, требующими особых навыков и орудий, охота и рыболовство, в годы войны вследствие «обезмужичивания деревни» переходят в разряд вспомогательных. Особенно малодоступной становится охота, которой, как правило, в годы войны занимались «старики». Рыболовство, наоборот, становится преимущественно занятием детей в повседневных практиках борьбы с голодом и подростков — для заготовки продуктов питания для всей семьи. При падении значения охоты в годы войны отмечается рост значения промысла по сбору яиц дикой лесной и водоплавающей птицы, а также поселковых воробьев и ворон. В основном сбором яиц занимались (кустовые гнезда) и старики (водоплавающая птица). Дополнительным средством в приозерных районах стала добыча соли. В годы войны соль являлась эквивалентом денег для обмена на недостающие продукты.

В-четвертых, основу традиционной системы питания русских сибиряков составляло соотношение растительной и животной пищи, базовых и дополнительных продуктов. В годы войны привычный рацион крестьян был подорван. Например, хлеб из базовых перемещается на периферию системы питания, происходит его замена (например жмыхом соевым, подсолнечным, хлопковым) или добавление в муку примесей и суррогатов (лебеды, крапивы, жмыха). Выявлено преобладание в процессах заготовки продуктов на зиму сушки и замораживания от ягод и грибов до рыбы. Лишь для скоропортящихся продуктов использовали засаливание, в т. ч. белковых продуктов — рыбы и сусликов. Описаны и другие жизненные стратегии выживания, в т.ч. и противоправные — кража зерна, сбор колосков и т. п. Самым крайним в ряду жизненных стратегий стояло использование мяса павших животных.

В-пятых, в обеспечении одеждой, как базовым компонентом культуры жизнеобеспечения, крестьяне вернулись к ее изготовлению из домашнего растительного сырья. В годы войны основным сырьем стала конопля, посеvy которой в огородах выросли. При нехватке, своедельная ткань заменялась подручным материалом — парусиной, солдатским сукном, материалом для шинелей. Для изготовления повседневной

одежды и обуви широко использовались кожи и шерсти домашних животных, в т.ч. «падали». Отсутствие мастеров и сырья привели к изготовлению обуви из сырой кожи, а также замене скотских кож шкурками полевых грызунов, диких животных и домашних собак с использованием деревянной подошвы. В зимней обуви преобладала валенная обувь. Пимокатное домашнее производство в годы войны приобретает стратегическое значение для русского сельского населения. Отмечается и взаимообмен старожильческих и переселенческих традиций изготовления обуви, что выразилось в производстве лаптей.

В-шестых, в жилищном строительстве русского сельского населения юга Западной Сибири, как традиции, так и новации, были обусловлены адаптацией к военному времени. Несмотря на сложности у русских старожиллов фиксируется устойчивая приверженность к срубному строительству. Представления об экологическом и «здоровом» жилище, как базовом компоненте культуры жизнеобеспечения, в отличие от возможностей, мало изменились. Срубное жилище из хвойных пород деревьев оставалось в группе жизненных ценностей русских старожиллов. Но в контексте ограничительных условий советской государственной политики, основным источником строительного материала для русского сельского населения в годы войны стал избынный материал старого крестьянского жилищного фонда - материал разобранных домов репрессированных или раскулаченных односельчан, хозяйственных сооружений крестьянского подворья (амбары). Другой тенденцией в срубном строительстве стал переход к малогабаритному строительству — избам или пятистенкам с двухскатными крышами и с прирубками. Последние в годы войны массово стали «мастерить» из нестроевого материала (плетень, чаща, глина).

Вместе с тем, именно в войну массово в жилищную культуру внедряются новации: упрощение строительных технологий, использование архаичных приемов строительства (землянки, пластанки, дерновые) в целях экономии материала, времени, сил. Война ускорила массовое внедрение нетрадиционных для старожильческого русского населения строительных материалов степных территорий (глина, солома, камыш) и строительных технологий (саманное - саманухи, глинобитное - литухи, каркасное — камышитовые или «плетенки», «сибирская модификация» каркасного типа жилища — «дом в кольях» и т.д.). Более того, возникнув как новация, тенденция архаизации и внедрения степных жилищных традиций в старожильческую лесную и боровую культуру русского сельского населения превратилась в последующие годы в традицию жилищного обустройства русских сибиряков. Среди этих традиций введение внутренней и наружной штукатурки срубного жилища. В конечном итоге война ускорила «принятие» русским сельским населением саманного строительства, которое навязывалось крестьянскому обществу западносибирской администрацией еще с XIX в., но саботировалось русскими сибиряками как «нездоровое жилище». А знакомые русским сибирякам технологии использования из хозяйственных построек при обустройстве скотных дворов перешли в жилую архитектуру русского сельского населения. Именно война помогла преодолеть психологический барьер в использовании подручных средств и нестроевого материала, в т.ч. и потому что архаичные жилища дома и по заготовке материала, и по технологии строительства были доступны основному населению военной деревни — женщинам. Так благодаря плетневым технологиям в годы войны решались проблемы строительства бань. Важным фактором закрепления в жилищном домостроительстве русского сельского населения глины, соломы, камыша; глинобитных и саманных технологий стало иноэтничное влияние. Так, распространившееся в годы войны саманное строительство связано с немецкими депортантами 1941 г. и армянскими депортантами 1949 г. Также как этнические депортации способствовали возврату к традициям архаичного жилища — земляному строительству. В его и сооружениях зафиксировано

несколько вариантов — с углублением в землю, с дернованием стен и т.д. Таким образом в годы войны жизненные стратегии обустройства и выживания актуализировали традиции «домоустройства» и одновременно закрепляли традиции и вели к появлению новаций в обустройство жилой среды. Частью повседневных практик стало решение вопросов экологии жилища, поддержки теплового режима и обеспечения топливом, обеспечения освещения и решение проблем поддержки санитарии и гигиены жилища, решение вопросов с моющими средствами и обеспечение личной гигиены, и другие системы и подсистемы культуры жизнеобеспечения.

УДК 398.8

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «ПО СЛЕДАМ СОБИРАТЕЛЯ» В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Щербакова О.С.

В статье описывается фольклорно-экспедиционное исследование «по следам собирателя» В.Е. Дятлова, проведённое фольклорной экспедицией Алтайского государственного института культуры в 2017 г. в сёлах Камышенка, Соловьиха, Петропавловское Петропавловского района Алтайского края с целью сбора утерянной информации: полнотекстовых версий песен, данных об участниках фольклорной записи тридцатилетней давности, этнокультурных корнях певческой традиции информаторов - потомков российских переселенцев конца XIX века.

Ключевые слова: фольклор, фольклорная экспедиция, певческая традиция, воронежские переселенцы, южнорусские переселенцы, песни лирические, свадебные, хороводно-плясовые, Петропавловский район, Алтайский край

«IN THE WAKE OF THE COLLECTOR» FOLKLORE EXPEDITION IN PETROPAVLOVSK DISTRICT OF ALTAI REGION.

Olga S. Shcherbakova

The article deals with the V.E. Dyatlov's folklore expeditionary research «in the wake of the collector», performed by the 2017' Altai State Institute of Culture's folklore expedition in Kamyshenka, Slovyikha, Petropavlovskoe villages of Petropavlovsk district, Altai Territory to gain the lost information: full texts of songs, data about participants of the folklore expedition which occurred 30 years ago, ethnoculture roots of singing tradition of the informers – descendants of late XIX' Russian settlers.

Keywords: folklore, folklore expedition, singing tradition, Voronezh settlers, south-russian settlers, lyric songs, wedding songs, round-dancing and dancing songs, Petropavlovsk district, Altai region

Петропавловский район Алтайского края в среде фольклористов является наиболее посещаемым, особый интерес вызывают сёла Камышенка и Соловьиха, в которых преимущественно проживают потомки воронежских переселенцев. Нотации песен, записанных в данных сёлах, представлены в публикациях В. Г. Пешняка (запись 1978 г.) [Пешняк, 1980], О.А. Абрамовой (запись 1984 г.) [Абрамова, 2003], М.Н. Сигарёвой (записи 1998 - 2003 гг.) [Сигарёва, 2012].

Для нас необходимость экспедиционного выезда в район стала очевидна после того, как в наше исследовательское поле попали экспедиционные записи Валерия Елистаровича Дятлова, преподавателя отделения народного хора Барнаульского музыкального училища, переданные его вдовой. В.Е. Дятлов (16.01.1939 - 01.02. 2009 гг.), одним из первых в Алтайском крае собирал региональный песенный фольклор и использовал его в учебно-творческой работе со студентами в классах расшифровки, аранжировки. Записанные им песни звучали в концертных программах в исполнении народного хора музыкального училища и ансамбля «Россияночка».

Переданные фольклорные образцы песен, записанные на магнитофонных плёнках (кассетах) были зафиксированы В. Е. Дятловым и студентами Барнаульского музыкального училищ (по речевому тембру были узнаны И. Фомичёва, Н. Костырко) в июне 1989 года в сёлах Новообинка, Зелёный Дол, Камышенка Петропавловского района. По жанровым принадлежностям это: свадебные песни (16 образцов), хороводные (7 образцов), хороводно-плясовые (10 образцов), ранние лирические (8 образцов), поздние лирические песни (10 образцов). Они представляли интерес, прежде всего, по своим исполнительским характеристикам. Для певческих групп информаторов всех сёл характерно хорошее качество ансамблевой спетости, что определяет полноценность песенной партитуры, Певческие голоса информаторов поражают природной сочностью тембральных красок, яркостью фольклорного звукоизвлечения; исполнению всех песен присуща большая степень вариативности музыкального материала.

К сожалению, были очевидны и недостатки записей. Они носили следующий характер: во-первых, неизвестен состав исполнителей-информаторов всех сёл (вероятно «паспортички» были зафиксированы в экспедиционных тетрадах, которые ныне утеряны), во-вторых, у большинства песен, особенно ранних лирических песен протяжной формы, зафиксировано звучание лишь первых 2-3 строф. Причина столь короткого звучания записанных песен объясняется необходимостью экономии места на плёнке, что было типично для работы многих фольклористов 80-90-х годов прошлого века).

Таким образом, этнокультурная ценность записанного фольклорно-песенного материала не вызвала сомнений. В то же время отсутствие сопроводительных информативных материалов, снижало научную значимость экспедиционного материала, а наличие всего лишь 2-3 строф песен перекрывало возможность их освоения и репродуцирования современными исполнителями. Данные реалии обусловили необходимость организации фольклорной в экспедицию «по следам собирателя» В.Е. Дятлова в Петропавловский район Алтайского края. Цель её проведения была сформулирована следующим образом: сбор недостающей информации, не зафиксированной В.Е. Дятловым на плёнках, а именно: запись (поиск, реконструкция) полнотекстовых версий записанных песен, восстановление данных об участниках сеансов фольклорной записи и этнокультурных корнях певческой традиции информаторов - местах выхода нынешних потомков российских переселенцев XIX века.

После подготовительного этапа работы, задачей которого было выявление носителей, способных помочь в восстановлении необходимой информации, была организована экспедиция в Петропавловский район Алтайского края в период с 25 по 27 ноября 2017 года в составе: Рябкина Евгения, Шаронова Анастасия (студентки 4 курса специализации «Искусство народного пения» Алтайского государственного института культуры, Мингалёв Александр (педагог дополнительного образования ДШИ «Традиция»), О. С. Щербакова (к.п.н, доцент Алтайского государственного института культуры).

В селе Камышенка Петропавловского района (1870 г. образования села) нас ожидал один из участников фольклорной группы, от которой В.Е. Дятловым были осуществлены записи в 1989 г. - Василий Ионович Жуков. Василий Ионович родился в

11.08.1939 году и всю жизнь проживал в Камышенке; работал комбайнёром, трактористом, регулировщиком топливной аппаратуры, бригадиром, заведовал овцекомплексом; с 1999 года – он пенсионер.

Василий Жуков – участник камышенского фольклорного ансамбля «Весняночка», знаток местных песен и хранитель песенной традиции села. Манеру его пения можно назвать уникальной, ей присуща особая жизнерадостность и энергетика. Лёгкий, красивый тембр голоса завораживает слушателей. Песни в его исполнении отличаются яркой импровизационностью, даже в совместном ансамблевом звучании женские голоса, уступая его певческому лидерству, подстраиваются под его голос в качестве то верхнего, то нижнего подголоска, что в итоге приводит к частому переkreщиванию ансамблевых голосов в партитуре камышенских исполнителей.

Василий Ионович помог как в восстановлении данных об информаторах - участниках сеансов (он сумел определить состав певческого ансамбля по тембральным качествам звучания голосов), так и в восстановлении полных текстов записанных песен.

Большой удачей нашей экспедиции явилась запись сольных версий камышенских песен от Василия Ионовича Жукова, Данные записи отличаются развитой мелодической вариативностью основного напева песни, доказывающей мастерство народного исполнителя-импровизатора.

С поиском корней певческих традиции камышенцев было сложнее. В сводном репертуаре жителей Камышенки сохранились песни, как говорят сами камышенцы, воронежских переселенцев. Но анализ музыкальной стилистики песен и их текстовые варианты показывают, что все они принадлежат к разным локусам южнорусской традиции: не только воронежской, но также белгородской-курской. Поэтому нам необходимо было выяснить истоки певческой традиции носителей.

В репертуаре Василия Ионовича Жукова хранились песни, перенятые им от мамы Жуковой Евдокии Сергеевны, родившейся и прожившей в Камышенке 86 лет (1902-1988 гг.). Нам удалось выяснить, что корни певческой традиции семьи В.И. Жукова происходят из Быковского уезда Воронежской области, откуда его прадед - дед матери Свирид - с женой и тремя сыновьями Иваном, Селивёрстом, Сергеем приехали «на вольные земли» Алтая («привез он их в коробе сюды»). Василий Ионович рассказал, что Камышенка заселялась «рассейскими» переселенцами в 1870-1880 гг. Староверы, которых называли «коренные сибиряки», проживавшие ниже Камышенки в нынешних поселениях Богатырь, Заря, и Волна «были против того, чтобы воронежские заселялись». По приезду на Алтай, семья жила бедно, поэтому дед Свирид сразу «послал сыновей на заработки в Солонешенский район». Вероятно, семья прадеда вскоре стала материально обеспеченной, Свирид недалеко от Камышенки построил церковь, а рядом с ней «себе дом двух-этажный», прожил он долго и умер в 94 года. Дед В.И. Жукова (материн отец Сергей - младший сын Свирида) имел «9 душ детей» (4 девочки и 5 сыновей), был раскулачен и расстрелян в 20-е годы прошлого века.

В беседе Василий Ионович отметил, что они «с матерью пели очень много песен, сейчас уже и не вспомнить». В тоже время Василий Ионович различает «мамины» песни и «не мамини», к ним он относит лирические «О чем задумался служивый», «Сторона моя сторонка»; свадебные «За рекой, за Днепром», «Уж как по мосту-мосточку»; хороводно-плясовые «Там в Таганроге», «Да во горнице», «Как у нашей у Дуняши, «Эх, Ванюша - молодец» и др.

Наши поиски информации о песнях, записанных В.Е. Дятловым в с. Зелёный Дол, и их носителях могли быть безрезультатными, поскольку сам населённый пункт был сформирован на месте зерносовхоза «Ануйский» (1955 г.) как целинный посёлок из жителей окрестных деревень, в котором традиционная культура не имела под собой устойчивых корней и крепких преемственных связей. В условиях современных реалий

сама идея восстановления информации тридцатилетней давности о носителях песен выглядит утопической. Но мы не оставляем надежду на поиск необходимой информации в краевых архивах.

Для поиска же песенных текстов, зафиксированных в Зелёном Доле, мы обратились к старейшим жителям сёл, откуда переселялись зеленодольские целинники. Одним из таких было село Соловьиха, в котором также проживали потомки воронежских переселенцев (1883 г. образования села). Здесь нам посчастливилось встретиться с песенницей Сапрыкиной Марией Тимофеевной, 1938 г.р., которая помнила тексты некоторых лирических песен, таких как «Зелёная рощица», «Ехал казак с поля», «Да горела у нашей Катеньки долго вечёрка» и др.

Она же дополнила тексты плясовых песен «На печи сижу (У куту сижу)», «У Валюшки жена молодая была (У Алёшки жена)», «Под грушею». Наличие полных песенных текстов позволяет сравнить варианты песен одной традиции, записанные в разные годы. Приведём тексты песни «Под грушею», записанные: 1) в 1978 г. группой студентов АГИК и методистом Дома народного творчества Т.Н. Каширской в с.Соловьиха, Петропавловского р-на Алтайского края [Пешняк, 1980, с.59-60; 2) в 1989 г. в с. Зелёный Дол В.Е. Дятловым. Курсивом отмечен фрагмент восстановленного текста по результатам экспедиции АГИК 2017 года от уроженки с. Соловьиха Петропавловского р-на Алтайского края М.Т. Сапрыкиной.

<p>Вариант текста, записанного в 1978 г. группой студентов АГИК и методистом Дома народного творчества Т.Н. Каширской в с.Соловьиха, Петропавловского р-на Алтайского края [Пешняк, 1980, с.59-60]</p>	<p>Вариант текста, записанный в 1989 г. в с. Зелёный Дол В.Е. Дятловым; <i>Курсивом отмечен фрагмент восстановленного текста по результатам экспедиции АГИК 2017 года от уроженки с. Соловьиха Петропавловского р-на Алтайского края М.Т. Сапрыкиной</i></p>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Под грушею, грушею, Под зелёной, зеленой, Под зелёной, зеленой, Стоял молодец такой. 2. Он такой, такой, такой: Неженатый*, холостой. 3. Неженатый, кудреватый*, Держал гусли под полой. 4. Под полой, полой, полой, Под правую стороной. 5. Поиграйте, гусли - мысли, Я вам песенку спою. 6. Я спою, спою, спою, Про женитьбу про свою. 7. Как женила молодца, Чжа дальня сторона. 8. Чужа дальня сторонка, На колечке ярмонка (ярмарка). 9. Как во етой во ярмонке, Случилася беда. 10. Во ярмонке случилася беда, Она беда, беда, беда, Да немаленькая, 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Под грушею, грушею, Под зелёно(и) зеляной, Под зелёной зеляной, Стоял(ы) молодец такой. 2. Под зелёной зеляной, Стоял(ы) молодец такой. 3. Он такой, такой, такой, Не жанатай, холостой. 3. Он такой, такой, такой, Не жанатай, холостой, Не жанатай, кудряватай, Держал гусли под полой. 4. <i>Под полой, полой, полой, Под правую стороной.</i> 5. <i>Поиграйте, гусли - мысли, Я вам песенку спою.</i> 6. <i>Я вам песенку спою Про женитьбу про свою.</i> 7. <i>Как женила молодца, Чужа дальня сторона.</i> 8. <i>Чужа дальня сторонка, Макаръевска ярманка.</i> 9. <i>Как во этой во ярманке,</i>

<p>Да не сто рублей пропало, Да не тысячу ушло. Пропадала у него Дочь любимая его. Дочь любима - разлюбима, Зовут Катенькою, Зовут Катенькою - Катеринушкой.</p>	<p><i>Солучилась беда. 10. Ох, беда, беда, беда, Ох, немаленькая, 11. Да не сто рублей пропало, Да не тысячу ушло. 12. Пропадала у него, Дочь любимая его. 13. Дочь любима - разлюбима, Зовут Катенькою, Зовут Катенькою, Катеринушкою 14. А нашли эту пропажу У соседа во дворе В новой бане на полке У забитом уголке</i></p>
--	---

Ценную информацию о носителях свадебных песнях, записанных В.Е. Дятловым в селе Новообинка (1752 г. образования села) мы смогли уточнить у Готовой Марии Алексеевны (1927 г.р.), проживающей в Доме ветеранов в с. Петропавловское и у сестер в девичества Капустиных: Лапатиной Александра Федоровна (1929 г.р.); Япрынцева Валентины Федоровны (1938 г.р.), также ныне проживающих в райцентре Петропавловское. Для них было удивительно и радостно услышать на записи свои голоса и голос ушедшей из жизни средней сестры Толстых Клавдии Федоровны (1931 г.р). Вслушиваясь в тембры, сестры указали имена и фамилии всех запевавших песен, уточнили составы фольклорных групп, певших в разные годы, чем оказали большую помощь в сборе информации о носителях практически уже забытой традиции села Новообинка.

Таким образом, результаты нашей фольклорной экспедиции «по следам собирателя» В.Е. Дятлова в Петропавловском районе Алтайского края оказались успешными. Цель её проведения была достигнута. Нам удалось собрать информацию, не зафиксированную В.Е. Дятловым на плёнках и не сохранившуюся в полевых тетрадях: в частности, по тембральным характеристикам восстановить данные об участниках сеансов фольклорной записи 1989 г. в сёлах Камышенка и Новообинка, удалось также записать полные тексты большинства песен. Вопрос же поиска этнокультурных корней певческой традиции информаторов, являющихся потомками российских, в основном, воронежских переселенцев является задачей ближайшего научного поиска в архивных учреждениях Алтайского края.

Список литературы

1. Абрамова О.А. Истоки. Материалы фольклорных экспедиций (выпуск 9), художник В.В. Казаков – Барнаул : ЦЭВД «Песнохорки», НГПУ, 2003, 216 с.
2. Пешняк В.Г. Русские народные песни Алтайского края. Сб. песен. Обработка В.Г. Пешняка. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1980, 89 с.
3. Сигарёва М.Н. Традиционная свадьба: Учебно-методическое пособие с аудиоприложением – Барнаул: АРТИКА, 2012. – 84 с., илл.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК39+297

САТАКА И БАГЫШЛАУ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Бакиева Г.Т.

Рассматриваются религиозные практики, бытующие у сибирских татар юга Тюменской области. Особое внимание уделено разновидностям добровольной милостыни сатака. В конце статьи размещены некоторые тексты посвящений-багышлау.

Ключевые слова: мусульманские праздники, обряды, муллы, катымаш, сатака, хаир, багышлау

SATAKA AND BAGYSHLAU OF THE RELIGION CULTURE OF THE SIBERIAN TATARS

Bakieva G.T.

Religious practices of Siberian Tatars in the South of the Tyumen region are considered. Particular attention is paid to the types of voluntary alms sataka. Some texts bagyshlau are posted at the end of the article.

Keywords: muslim holidays, ceremonies, Mullahs, kатыim ash, sataka, hayir, bagyshlau.

Сибирские татары являются мусульманами-суннитами. У них сложилась местная специфика ислама, вариант народного ислама. В повседневной жизни сибирских татар сегодня сохраняется множество традиций, обычаев и обрядов, которые органично вплелись в исламскую традицию и не противоречат ей.

В докладе рассматриваются различные религиозные практики, традиции и обычаи, которые бытуют у сибирских татар в настоящее время. Особое внимание уделено бытованию практик добровольной милостыни-сатака и посвящений-багышлау. Доклад основан на собственных полевых исследованиях, проводившихся в сибирско-татарских аулах юга Тюменской области (в Вагайском, Тобольском, Тюменском, Ярковском, Ялуторовском, Аромашевском, Нижне-Тавдинском, Исетском, Заводоуковском районах).

Большое место в духовной культуре сибирских татар занимают мусульманские праздники и обряды. Повсеместно они отмечают два канонических –Ид аль-адха (праздник жертвоприношения или Курбан-байрам), Ид аль-фитр (праздник разговения или Ураза-байрам) и Маулид (день рождения пророка Мухаммада или Маулид ан-наби). У сибирских татар традиция проведения этих праздников выражается в том, что в течение нескольких дней попеременно жители села приглашают домой муллу и односельчан и устраивают для приглашенных совместную молитву и трапезу. Даже в годы борьбы с религией и в эпоху атеизма, проведение этих праздников среди сибирских татар не прерывалось.

Сибирские татары повсеместно проводят никах (*никә*) – обряд религиозного освящения новой семьи, санкционирующего начало супружеской жизни, *обряд наречения ребенка именем (исемкушыу)*, праздник в честь обрезания (*суннәт туй*).

Кроме того, у сибирских татар распространена практика проведения религиозных праздников, получивших название *катым/катымаш*. Такие праздники приурочивают ко дням рождения, юбилеям членов семьи, проходам сыновей в армию и встрече из армии, получению детьми диплома об образовании, завершению строительства дома и т.п. Часто сибирские татары организуют подобные праздники и без повода, для достижения благополучия и здоровья членов семьи – *«исәнлексаулыкка»*. Также проводятся *катым* в честь умерших родственников (*үлекләргә*).

Особенностью всех указанных праздников является участие большого числа родственников, пожилых людей. Обязательными элементами в проведении *катымаш* являются чтение муллой (иногда двумя муллами попеременно) сур из Корана, торжественная раздача *сатака (хаир, хаирсатака)* – добровольной милостыни в виде денег всем присутствующим, трапеза. Каждый элемент в ритуале *катымаш* имеет свои правила, регулируемые устными нормами. Свои особенности присущи и молитвенной части ритуала, включающей *ниәт* (намерение), чтение сур Корана, *багышлау* (посвящение).

Молитвы читаются на арабском языке. Особый интерес вызывает финальная часть молитвы – *багышлау*, которая читается на родном языке. В ситуации, когда большинство верующих не знают арабский язык, этой части ритуала придается особое значение как муллой, который его произносит, так и слушателями. Отметим также, что *багышлау* могут произноситься не только муллами, читающими Коран, но и другими верующими, чаще пожилыми женщинами. *Багышлау* – обращения, просьбы к Всевышнему, Аллаху произносятся каждый раз после чтения намаза. Обязательное произнесение *багышлау* требуется также после получения *сатака*. В конце статьи для примера помещены несколько разновидностей *багышлау*.

Отдельно остановимся на практике раздачи *сатака*. *Сатака* – милостыня в виде денег, реже в виде молочных продуктов, яиц, хлеба, чая. Вместе с понятием *сатака* у сибирских татар употребляется слово *хаир*, или *хаирсатака*. *Сатака* у сибирских татар сопровождают широкий круг сфер жизни.

Назовем конкретные примеры практики *сатака* у сибирских татар.

- Во время посещения мечети. *Сатака* в виде денег дают непосредственно мулле или кладут в специальные ящики для *сатака*.

- Во время похорон и проведения поминок – 3 дня, 7 дней, 40 дней, 100 дней, 1 год. В некоторых местностях бытует обычай подношения в виде живой курицы либо муки, крупы (*курсатака* – *сатака* могилы) одному из стариков деревни после выноса покойного из дома до того, пока похоронная процессия не дошла до кладбища. Обычай раздавать вещи покойного до сорока дней также сибирскими татарами рассматривается как *сатака*.

- Фитр-сатака. Обязательный вид *сатака*, который передается в мечеть, мулле с целью дальнейшей передачи бедным, нуждающимся. Отдают за три дня до наступления праздника Ид аль-Фитр (Ураза-байрам). Выплачивается за всех членов семьи, в том числе, малолетних детей.

- *Сатака*, предназначенная святым шейхам, похороненным на *астана*. На деньги (*сатака*), которые аккумулируются у зрителя *астаны (карауце)*, покупается жертвенное животное, чаще баран, из мяса которого варится суп, готовятся угощения и проводится общественная молитва и трапеза. Здесь обычно присутствуют все жители села от стариков и до маленьких детей.

- *Сатака* во время проведения ритуала *ниятлек/теляк/курманлык*, целью которого является достижение благополучия семьи или одного из ее членов. В некоторых ме-

стностях данный обряд проводят за члена семьи, находящегося в тяжелом состоянии. Обязательно делают жертвоприношение: режут овцу или курицу.

- Во время религиозного ритуала *катым куца*, целью которого является просьба о благополучии для нескольких человек или целой общины. Здесь не требуется резать жертву, хотя трапеза обязательна. В обряде обычно участвуют 2-3 муллы, несколько пожилых людей, знающих молитвы. После ритуала всем присутствующим участникам раздается сатака в виде монет.

- Төшсатака (сатака сна). Когда приснится покойник, стараются быстрее дать сатака.

- Сатака, которая дается в четверг за мертвых (*үлемнэргэ*) любому пожилому человеку. Стараются сатака дать до обеда.

- Сатака, которая дается в пятницу до обеда (*йомасатака*). Можно давать мулле либо любому пожилому человеку.

- Сатака в день проведения обряда Цым, в память об умерших. Проводится в населенных пунктах Тобольского и Вагайского р-нов в начале мая (когда полностью сойдет снег, в одних 1-го мая, в других – 9-10 мая). В этот день всё взрослое население, в том числе и женщины, выходят убираться на кладбище, красят оградки и ставят оградки тем, кто умер зимой или весной, до праздника Цым. Некоторые красят яйца, которые не только раздают детям, но и приносят на кладбище. Мулла обходит всё кладбище и, останавливаясь перед каждой оградкой, читает молитвы, после этого раздают сатака. После кладбища многие приглашают к себе домой муллу и пожилых людей для чтения сур Корана. После чтения хозяева снова раздают сатака.

- Дорожная сатака (*йулсатака*). Перед дальней поездкой члена семьи, в том числе, для совершения хаджа, дают сатака мулле или пожилому человеку.

- Сатака перед сдачей экзаменов в школе или институте.

- Во время весеннего праздника Амаль, который проводится 23 марта. В некоторых аулах сибирских татар этот праздник называют Сатака. В отличие от других видов сатака, деньги, сладости бросают в толпу людей (детей и взрослых). В прошлом в некоторых аулах к этому празднику хозяйки пекли булочки (*көлцән*), которые бросали пришедшим на праздник. Праздник начинается рано утром, чуть свет взрослые и дети начинают обход домов, начиная с первого в населенном пункте. Подходя к очередному дому, толпа громко скандируют «эмэл! эмэл!», или «сатақа! сатақа!».

- Принесение сатака духам-хозяевам мест (воды, леса, болота и т.п.). Во время ледохода люди бросали монеты в воду, «для духа воды». Этот обряд проводился с целью «задобрить» духа воды (*сыуийә*) для того, чтобы не тонули люди.

- Перед отелом коровы старикам дают сатака, для произнесения багышлау в честь покровителя скота Занги-Бабая (Санги, Мал Иясе). После отела молозиво отдавали в качестве сатака пожилым, одиноким людям.

- Перед началом посевных работ у тюменских татар существовал обычай: первому человеку, встретившемуся по дороге, давали два яйца. На поле перед началом сева на первую борозду клали несколько яиц: чтобы урожай был хорошим, а зёрна как яйца были. Потом дети собирали их. Накануне этого праздника все мылись в бане, убирали в доме, во дворе, а утром устраивался праздничный завтрак, варили яйца, а затем шли в поле.

Примеры багышлау:

1) Багышлау. Прочитан после прочтения сур Корана. Мулла д. Нижние Аремзяны Туктабаев Абтугап Айнитдинович, 1961 г.р.

Йә,Раббым, Аллам Ошбуукыган Коран аятларны,	О, мой Господь, Аллах Прими эти молитвы с
--	--

<p>Үс фазыл рәкмәтың пелән <u>Кабул итеп алсаң ите.</u> Кем укыган кимцелекләрен, каталарын кафу итсәң ите. Ошбу <u>Коран аят сауапларын пәйғәмпәрәбес</u> <u>Мөғәммәт Мостафа (с.в.а)</u> орокларына ирештереп орокларын шат кылсаң ите. Алай ук пәйғәмпәрәбеснең сәғәпләренә шулай ук Әремцән сыйаратта йаткан парцы пулған Өмбийәләргә, Мөрсәлимнәргә орокларына ирештерсәң ите. <u>Кылған</u> коналарын кафу итсәң ите. <u>Кылған</u> сауапларын артырсаң ите. Урынарын джәннәтә кылсаң ите. Джәхәннәм асапларнан коткорсаң ите. Шулай итеп кемнәр пескә уасийәт итеп калтырғаннар. Кемнәр ваттан шуғыш йерентә калғаннарыңкы. Кемнәр өстөләрның туфрак салынмаған орокларына ирештерсәң ите. Сөннәт бабаларыбысның, кентек инәләребеснең орокларына ирештерсәң ите. Шаткылсаңите самана ауыруакытлары Ссылка та үлгәннәрыныңорокларынайеткесепшаткылсанит е. Палаларсыскысларыныңорокларыншаткылсаңи те. Әремцәнсыйараттайатканнаромөсөлманкарынташ ларыныңйәтимйәсирләренңорокларыншатланты рсаңите. Кимцелекпеләнкылғанконаларыңафуитсеңите. Кемнәрсестәнтоғаөмөтитепйатканнарныңкыорок ларышатлансаите. Йәүсегескәиманпайлыкпирсаңите, Тәнсәләмәтлектәпирсаңите. <u>Кайта</u> пулсағыс та, <u>Кайта</u> йөрөсәгестә Алла Тәгәлә Үсрәкмәтеннәнташламасаите. Хәләлашларпелән, Хәләлмалларпеләнкинәнкәленасипитсәңите. Ашка-тоскапәрәкәтпирсәңите. Хәләлаштанхәрәмкәцығармасаңите. Хәрәмәшләртән, хәрәмашлартанйыраккылсаңите. Аташкан-саташканнарын тура йулфакүнтерсәңите. Телләртән, тешләртән, күренәр-күренмәспәлә- кәсәләртәнсаклапйөрөтсәңите. Төрләөфәтләртәнсаклаңите.</p>	<p>благодарностью. Прости нас за ошибки при прочте- нии Корана. Эти молитвы пусть дойдут до про- рока Мухаммеда, и пусть возраду- ется душа его. Всем, кто лежит на кладбище в Аремзянах, Прости имих грехи. Хорошие дела приумножь им. Их место сделай раем. Избавь их от мучений ада. Те, кто оставил наставления. Кто в войне погиб на чужой земле. Кто не был захоронен, дай их ду- шам довольства Тем, кто делал обрезание, повитухам. Дай радости душам, погибшим в тяжелые годы, тем, кто погиб в ссылке. Душам женщин, кто не увидел ра- дости материнства. Всем похороненным на кладбище в Аремзянах мусульманам; Тем, кто делал греховные дела из-за нужды. Пусть возрадуются души тех, кто от вас ждет молитв. Пусть вам самим [Аллах] даст бо- гатство в вере, тело пусть здоровым будет. Где бы вы не были, где бы не ходи- ли, Пусть Аллах не оставит вас. Пусть даст Аллах халяльную еду, скот. Пусть баракат будет вашей пище, Халяльная пища не станет харамом. Пусть отдалит вас от греховных дел, от греховной пищи. Заблудших пусть направит на пра- вильный путь. Пусть вас защитит от злых языков, от горя-печали. Пусть вас бережет от разных не- ожиданных случаев. Сохрани Аллах нас от грехов в этом мире и в будущем от огня ада.</p>
---	--

Роббана-этенийа, фёдёняя, хэсэнэтэ, Әхирәти хэсэбәннәр	
---	--

2) Багышлау, прочитан Саликовой Марвар Абдуловной, юрты Второвагайские Вагайского р-на, 1909 г.р. после получения дорожной сатака (*йул сатака*).

<p>Қайерле йулар пулсын, Йуларынта пәрештәләр йулны канат пелә йәйсен. Қызыр-Илияс йулташ пулсын, Килеп утырған пәләләр куккә оцоп китцен, Пәлә пәнтәләртән, Тел шешләртән, Нәхәп пәләләртән, Кәфир пәләләрнен, Қатын йаман сусләртән саклап торсын, Йуларыгыс ачык пулсын, Ырсықлар тугелеп торсон, алтығыскааккөннәртусын.</p>	<p>Благословенными дороги пусть будут, Пусть ангелы дороги крыльями осеняют, Хызыр-Илияс спутником пусть будет, Приходящие беды чтобы унеслись на не- бо, От человеческих бед, Язык от скверны, От неожиданных невзгод, От козней иноверцев, От женского злословия Пусть бережет. Пусть дороги пред вами будут открыты, Пусть достаток льется, Пусть светлые дни пред вами рождаются</p>
--	--

3) Багышлау, прочитан Сафарметовой Гульнур Асматулловной, 1957 г.р., г.Тобольск, после получения пятничного сатака (*йумасатака*)

<p>Йә, Раббы, Аллам Рәхимиткеце Пер Аллам үсең Үсеңнең рисалығын пелән Үсеңнең пойорлығың Үсеңнең рөксәтең пелән Йә, Раббым, Аллам Үсеңнеңсурайем, үсеңнеңтеләйем. (Кешененісеме, кемкәсурайбысАллатан) Исәннең, саулык, сәләмәтлек. Сабырлыпулсын Иманлыпулсын Шәпкәтлепулсын, Рисыклыпулсын, пай пулсын. Мөйөрмәнле, тауфиклыпулсын. Масайып-шатланыпйәшәсең. Кәтерле, оссонкөмөрлөпулсын. Амин. Иншалла</p>	<p>О, мой Господь, Аллах, Делающий благо. Ты, Аллах, единый. Довольством Твоим, Желанием Твоим, Позволением Твоим. О, мой Господь, Аллах. У Тебя прошу, у Тебя желаю (для того-то, называется имя) Здоровья, терпенья ему дай, Веры ему дай, Добродетельным пусть будет. Богатым пусть будет Доброжелательным, пусть радостной жизнь будет, Уважаемым, долгим век пусть будет, Амин. Да будет так.</p>
--	--

О СТАРООБРЯДЦАХ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ

Будаева С.В., Исаченко А.В.

По материалам архивных и печатных источников описывается раскольничество на территории Северной Кулунды в границах Новосибирской области во второй половине XIX века

Ключевые слова: *раскольники, старообрядцы, Северная Кулунда, Черно-Курьинская волость, Карасукская волость*

ON THE OLD BORROW OF NORTHERN KULUNDA ON THE MATERIALS OF THE TOMSK DIOCESE STATEMENTS

Budaeva S.V., Isachenko A.V.

Based on the materials of archival and printed sources, splitting is described on the territory of North Kulunda within the boundaries of the Novosibirsk region in the second half of the 19th century

Keywords: *schismatics, Old Believers, North Kulunda, Chernokuryinskaya volost, Karasuk volost*

Томские епархиальные ведомости являются важным источником в изучении старообрядчества. В отчетах о деятельности Томского епархиального противораскольнического братства Св. Димитрия, митрополита Ростовского (далее по тексту ТЕПБ), основанного в 1884 г., собраны сведения о местах и числе «раскольников», об отношении их к православию, а также о расколу учителях, молельнях, скитах [ТЕВ, 1887, № 6, с. 2-3]. К числу раскольников отнесены как старообрядцы, так и единоверцы – сторонники течения, возникшего в России на основе компромисса между старообрядчеством и православной церковью. Также отмечается, что «при редком населении Сибири и православные приходы простираются здесь часто на очень большие расстояния; единоверческие же приходы страдают еще большей разбросанностью» [ТЕВ, 1887, № 6, с. 2-3].

Церковные росписи Томского единоверческого прихода 1880-х гг. показывают, что с начала существования он простирался на большие расстояния. Во время открытия к нему приписывали, за недостатком единоверческих церквей, старообрядцев из отдаленных округов Томской губернии, вследствие чего некоторые из прихожан оказались живущими за 800 верст от Томска, например купцы Сорокины в Барнаульском округе [ТЕВ, 1884, № 8, с. 6].

Из архивных источников известно, что глава семейства Сорокиных проживал на своей заимке на реке Карасук в Карасукской волости Барнаульского округа на «пустопорожном месте» близ селения Озерно-Титово с 1851 г. [ГААК, Ф. 2, Оп. 1, Д. 9001, Л. 621]. По IX ревизии он значился как Кольванский II гильдии купец Михаил Меркулович Сорокин. В переписке 1868 г. епископа Томского и Семипалатинского Алексия с Барнаульским окружным исправником идет речь о «сворачивании в малоканскую ересь» купцом Сорокиным крестьянина деревни Чулымской Колмакова. Распространение раскольничества, согласно данной переписке, имеет большие успехи. Священник Омского округа села Чумашевского (ныне расположено в Купинском районе Новосибирской об-

ласти), в рапорте от 18 августа 1867 года представил Высокопреосвященному Архиепископу Тобольскому список «сверженных в раскол, в котором 106 лиц мужского и 120 женского пола»[ГАТО, Ф. 3, Оп. 4, Д. 550].

С 1883 г., когда раскольникам дарованы были некоторые права, в среде их началось движение за выделение из православных приходов. В 1887 г., по сведениям ТЕПБ, численность раскольников в Томской губернии составляла свыше 1500 чел.; в Мариинском округе – 1022, Каинском – 1124. В 8 приходах Барнаульского, Бийского округов и Семипалатинской области – насчитывается более 15 тыс. раскольников [ТЕВ, 1887, № 6, с. 3]. По данным за 1890 г. только в Барнаульском отделении числилось раскольников 20587 чел.[ТЕВ, 1891, №2, с. 22]. В последующие годы численность раскольников в Барнаульском округе продолжает увеличиваться и составляет 28 % от общего их числа в Томской епархии. В отчетах ТЕПБ за 1893 г. Кулунда упоминается «как второй центр раскола в Барнаульском округе»[ТЕВ, 1893 год, №17, с. 6-17].

О Кулундинских раскольниках сообщается: «Православие на Калунде будто только свадьбами и держится, православными именуются там те, кто только венчался в церкви, но они ни в церковь не ходят, ни таинств никаких не принимают, и умирают иные, не бывши в храме Божиим ни разу, разве только для повенчания»[ТЕВ, 1891, №2, с. 5].

Западная часть Барнаульского округа, по данным о состоянии раскола в Томской епархии в 1894-1895 гг., «обнимающая собой область по течению реки Бурла, Карасука и Чулыма и включающая в себя волости Чулымскую, Карасукскую, Александровскую, Бурминскую и самую южную часть Ординской, также в более или менее значительной степени изобилуют расколом. Более других здесь заражены расколом приходы... Карасукский и Черно-Курьинский [ТЕВ, 1896 год, № 2, с. 6].

По характеру своих взглядов раскольники в перечисленных приходах принадлежали, за немногими исключениями, к поморской секте. Она по сравнению с другими являлась наиболее сплоченной и упорной по отношению к православию, но не могла похвалиться видными, начитанными наставниками[ТЕВ, 1896, № 2, с. 8-9]. Разрешенных правительством раскольнических часовен и молитвенных домов в благочинии № 21 Томской епархии не было. Местом молитвенных собраний раскольников служили обычно дома наставников и наставниц. Выдающимися начетчиками в благочинии были: в приходе Карасукском – Афанасий Степанович Пономарев и Вавила Алексеевич Притчин, в Черно-Курьинском – Меланья Архиповна Томилина и Мария Афанасьевна Карпова [ТЕВ, 1897, № 17, с.32].

Вероучение Сибирских старообрядцев, по отзыву Барнаульского отделения совета, не представляло собою строгой системы и допускало бесконечное разнообразие своих видов. Всякий начетчик мог быть основателем нового толка. Большинство здешних старообрядцев принадлежало к безпоповцам, которые подразделяются на поморцев и федосеевцев; довольно видное место занимали здесь беглопоповцы и последователи Австрийского священства. Из других старообрядческих толков в те годы в районе встречались: стариковщина и нетовщина. Стариковщина все более и более дробилась. Нетовцы в небольшом количестве проживали в приходах Панкрушихинском и Черно-Курьинском. В Барнаульском округе имелось несколько духоборцев, проживавших в приходе Карасукском [ТЕВ, 1887, № 6 с.5].

В пределах Карасукской волости нередко встречались последователи и рационалистических сект – штундисты и в особенности молокане. Особенно много последователей молоканского толка появились здесь в последние десятилетия XIX века, когда секты из российских переселенцев почти целиком заняли деревни Грамотино Черно-Курьинской волости, Полойки и Травных озер Карасукского прихода[Беликов, 1901, с. 219-220].

В условиях внутренних противоречий, вера в среде старообрядцев имела, как следует из ТЕВ, неустойчивый характер. Упомянутый, купец Михаил Сорокин относился и к старообрядцам, и к единоверцам; известно также, что он поддерживал мало-кан, формируя из сторонников «раскола» насельников и работников своих ферм и угодий в Кулундинской степи.

К концу XIX века раскол в благочинии № 21 (значительная часть территории Северной Кулунды) стал заметно ослабевать, смягчаться в своем фанатизме и упорстве. Причины этого, отчасти, заключались в том, что в сознании самих раскольников он являлся не состоятельным. Некоторые прямо высказывались, что у них дело дошло до того, что, сколько стариков, столько стало и вер – каждый толкует по-своему. Раскольники стали отдавать в школу своих детей, зная, что там, на ряду с учителем, их будет обучать священник и не запрещали своим детям посещать церковные школы [ТЕВ, 1897, № 17, с.33]. Не малую роль в борьбе с расколом в приходе Карасукском сыграли российские переселенцы. В основном все они были людьми твердо и глубоко убежденными в истинности православия, значительное количество из них являлись грамотными. Вступая с раскольникам в разговоры о вере, они часто заставляли последних задумываться над своим положением [ТЕВ, 1899, № 9 с.15-17].

Многие старообрядцы региона в конце XIX в. переходили в православие. В 1898-1899 гг. в Карасукском приходе числилось 254 раскольника [Справочная книга по Томской епархии, 1900, с. 312], что составляло 2,5% от общего числа прихожан; в Черно-Курыинском приходе 571 раскольник [Справочная книга по Томской епархии, 1900, с. 313], что составляет 12 %; в Благодатском приходе 9 раскольников поморской секты [Голобушин, Омск, 1914, с. 525]. Во многом благодаря деятельности ТЕПБ раскол начинает качественно изменяться, выходить из своей замкнутости и делаться доступным просветительскому влиянию со стороны православной церкви.

В последующие годы старообрядчество постепенно практически исчезло с этноконфессиональной карты Карасукского района и других районов Северной Кулунды. В настоящее время зарегистрированных общин в данном регионе не имеется. Присутствуют лишь незначительное количество верующих, которые в основном по семейным традициям принадлежат к старообрядчеству. Большинство таких верующих придерживаются Русской православной старообрядческой церкви, по возможности участвуя в религиозной жизни немногочисленных приходов Новосибирской и всея Сибири епархии РПСЦ.

Список литературы

1. *Беликов Д.Н.* Томский раскол. – Томск, 1901. – С. 219-220.
2. *Голобушин И.* Справочная книга по Омской епархии. Омск, 1914. – 1250 с.
3. *Государственный архив Алтайского края* (ГААК); Ф.2, Оп.1, Д. 9001, Л. 621
4. *Государственный архив Новосибирской области* (ГАТО); Ф.3, Оп.4, Д.550
5. *Справочная книга по Томской епархии* за 1898-99 год, Томск, 1900. – 458 с.
6. *Томские епархиальные ведомости.* - 1884. - № 8. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 28 с.
7. *Томские епархиальные ведомости.* - 1887. - № 6. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 28 с.
8. *Томские епархиальные ведомости.* - 1891. - № 2. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 30 с.
9. *Томские епархиальные ведомости.* - 1893. - № 17. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 28 с.
10. *Томские епархиальные ведомости.* - 1896. - № 2. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 21 с.

11. *Томские епархиальные ведомости*. - 1897. - № 17. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 30 с.

12. *Томские епархиальные ведомости*. - 1899. - № 9. / [Томская духовная семинария]. – Томск: Томская губернская типография- 30 с.

УДК 394

ОБРАЗ АЛТАЯ В РОДОВОМ И ЭТНИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ АЛТАЙЦЕВ¹

Деева А.Е.

На основании собранных этнографических сведений освещается образ Алтая как божества, сформировавшийся в родовом и этническом сознании алтайцев посредством обычая почитания родовых природных атрибутов.

Ключевые слова: алтайцы, Алтай, род-сёок, сознание.

THE IMAGE OF ALTAI IN THE GENITAL AND ETHNIC CONSCIOUSNESS OF THE ALTATIANS

Deeva A.E.

On the basis of the ethnographic information collected, the image of Altai is shown as a deity, formed in the tribal and ethnic consciousness of the Altai people, through the custom of honoring the ancestral natural attributes.

Keywords: Altaians, Altai, tribe-seok, consciousness.

Понятие «Алтай» в традиционном представлении алтайцев многозначно. Во-первых, в мифах творец вселенной имеет несколько названий, в том числе «Алтай-кудай». Во-вторых, земля, окружающая человека, связана с образом родины, именуемой «Алтай». К примеру, долину реки Песчаной (Шебалинский р-н РА) называют «Беш Алтай», долину реки Каракол (Онгудайский р-н) – «Каракол Алтай», долину реки Чарыш (Усть-Канский р-н) – «Чарас Алтай». В-третьих, исходя из пространственных ориентиров, существует представление о нескольких Алтаях. К примеру, приехавшему в другом регионе, даже за пределами Алтая, задают вопрос, дословно, «Из какого Алтая?».

Алтайцы издревле расселены в Алтайских горах, а точнее, северной части, называемой Горным Алтаем. На юге Горный Алтай переходит в Монгольский Алтай, на севере – степной Алтай, на востоке Саяны и Кузнецкий Алатау, на западе – казахстанские степи. Горный Алтай разнообразен по природно-ландшафтным условиям. Его северная часть, предгорье, покрыта густым труднопроходимым лесом. Центральная часть расположена в нижнем течении реки Катунь с мягким микроклиматом и выступает переходным регионом от природы предгорья к ландшафтам высокогорья. Для горно-алтайского ландшафта характерно чередование горных хребтов (Катунский, Аргутский, Семультинский и др.), межгорных степей (Уймонская, Чуйская, Курайская и др.) и речных долин (Урсульская, Чарышская, Каракольская и др.).

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р)

Разнообразие местности Горного Алтая обусловило формирование местных традиций почитания Алтая, на основе которых сложилась мировоззренческая система, реализуемая в обрядово-ритуальной практике природных культов. Мы выявили несколько мест, используемых с ритуальной целью в Кош-Агачском р-не. Так теленгиты Чуйской степи почитают вершины Кокоринского и Сайлюгемского хребтов. Следует обратить внимание на то, что казахи, проживающие полтора столетия в Чуйской степи, переняли алтайский обычай почитания гор. Вершины, покрытые вечными снегами, священны, поэтому на них не следует подниматься, а охота на диких животных высокогорных мест, таких как козерогов, архаров, ирбисов, имеет табу.

Во время сватовства, свадьбы, собраний-курултаев родов-сёоков, календарных праздников старейшины села и зайсаны сёоков-родов отправляются к священным местам [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 134]. К числу таких мест относятся родники, встречаемые по Чуйскому тракту – около села Акташ Улаганского р-на, у сёл Чаган-узун и Мухор-Тархаты Кош-Агачского р-на. Священное место у села Курай обозначает въезд в Чуйскую степь, природным объектам которой принято поклоняться, о чем свидетельствуют повязанные белые ритуальные ленты «кыйра».

Согласно традиционному представлению о жизни, человек един с природой. Каждый сёок-род и родственная группа сёоков имеет родовых хранителей – родовая гора, родовое дерево, родовое животное. Их считают одухотворенными и называют «карындаш» (единоутробными). В советский период принято было объяснять почитание родовых хранителей религиозным пережитком, вызванным боязнью перед силами природы. В постсоветский период, в связи с демократизацией российского общества, стали усматривать в почитании Алтая экологические традиции.

О родовых местах существуют различные легенды, свидетельствующие о том, что эти места являются регионом происхождения того или иного сёока. Такое обоснование родины-Алтая ведёт к наделению антропоморфных черт образа «земли-матери». Каждый унаследует от отца не только сёок-род, но и родовых природных хранителей [Токарев, 1947, с. 152].

Определённый сёок-род и/или родственная группа сёоков почитают родовую тайгу, простирающую в окрестностях родовой горной вершины. Например, у представителей сёока «тодош», а также сёоков «очы», «чапты», «чагандык» родовой горой считается Бабырган, стоящий на левом берегу р. Катунь у границы Республики Алтай и Алтайского края. У сёока «тёёлёс», а также сёоков «алмат», «тас», «кёбёк» родовая гора Алтын туу на южном берегу Телецкого озера. Священной вершиной майманов считается гора у Семинского перевала, называемая «Јал мёнкү» (Вечная грива) или по-другому именуемая гора Сарлык [Деева, 2017, с. 349].

В родовом сознании алтайцев есть представление о почитаемом родовом дереве. Берёза (кайын) почитается сёоками «майман», «кыпчак», «мундус», «жергил»; кедр (мөш) сёоком «тон-жаан»; молодая лиственница (чет) сёоками «тодош», «чапты», «байлагас»; можжевельник (арчын) сёоком «кёбёк»; тальник (тал) сёоками «сойон», «алмат»; иргай (ыргай) сёоком «иркит». Из родовых птиц и животных широко встречаются беркут (мүркүт) у сёока «иркит», заяц (койон) у сёока «тодош», бык (бука) у сёока «мундус», марал (сыгын) у сёока «тёёлёс», собака (ийт) у сёока майман.

По отношению к родовым животным, птицам, деревьям, горным вершинам принято соблюдать табу – не срубать своё родовое дерево, не подстреливать и не закалывать своё родовое животное, зверя или птицу. Так в старину охотники и особенно замужние женщины, говоря о своих родовых животных, не называли его конкретным названием, а использовали прозвища, эвфемизмы. До настоящего времени лошадь называют «јылкы» (мустанг) или «эрјине» (сокровище). Марал имеет несколько обозначений.

ний – «ан» (зверь), «сыбыскы» (издающий звуки), волк чаще «кӱк таай» (серый дядя по матери).

Придерживаясь норм авункулата, следует больше почитать родовых хранителей материнского сёока. Придерживаясь обычая избегания, замужние женщины почитают природных хранителей сёока мужа. Особенно тщательно соблюдают запреты в детородный период – не подниматься на родовую гору, в речи использовать эвфемизмы [Потапов, 1946, с. 10-11]. Лишь старые женщины, ставшие по возрасту ритуально чистыми, могут наравне с мужчинами участвовать в обряде поклонения Алтаю.

Таким образом, на основании собранных этнографических сведений можно утверждать, что образ Алтая как божества и родины алтайцев выражен посредством обычной почитания родовых природных атрибутов.

Список литературы

Деева А.Е. О родовом сознании сёока майман // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: мат-лы LVII РАЭСК. – Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 348-349.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 145-160.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О родовых «камнях» алтайцев // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае (матер. межд. науч.-практ. конф.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. – Вып. 12. – С. 133-136.

Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды Института этнографии. – 1947. – Т. 1. – С. 139-158.

УДК 392.813

ДЬОРГОМ – ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В АЛТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ

Енчинов Э.В.

В статье описывается традиция потребления субпродукта – дьоргом в алтайской культуре. Согласно традиции, животное забиваемое для пропитания должно было быть максимально использовано в материальном производстве (шерсть, кожа, сухожилия) и в пищевом потреблении, в том числе его внутренности. Субпродукты занимали важную часть мясного рациона населения, но были непрестижной пищей. В начале XXI в. субпродукты стали переходить в категорию престижного потребления.

Ключевые слова: культура, традиции, алтайцы, пища, субпродукты, престиж, потребление, трансформации.

DORHAM – CONSPICUOUS CONSUMPTION IN THE ALTAI FOOD TRADITION

Enchinov E.V.

The article describes the tradition of consumption of by-product in Altai culture. According to tradition, the animal slaughtered for food should be used as much as possible in material production (wool, leather, tendons) and in food consumption, including its insides. By-products occupied an important part of the meat diet of the population, but were inconsi-

derable food. At the beginning of the XXI century, the offal began to move into the category of prestigious consumption.

Keywords: *culture, traditions, Altaians, food, by-products, prestige, consumption, transformation.*

Изучение традиций питания составляет важный раздел этнографии. Пища наряду с такими категориями как жилище и одежда входит в «этнографическую триаду» и является обязательным в исследовании культуры любого народа. Перефразируя знаменитого французского журналиста Луи Блана, который в свое время изрек формулу «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу кто ты» относительно пищи в алтайской культуре также можно сказать «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу кто ты».

Пищевые традиции алтайцев имеют древние корни, археологические изыскания проводящийся на территории Республики Алтай прямо указывают, на то, что население, жившее на этой территории, использовало мясо, и видимо субпродукты как один из основных видов пищи [Алтайцы, 2014, с. 26].

Методика исследования в области пищи и традиций питания прочно вошли в отечественную систему подготовки этнографов, так, например, в методике этнографических исследований Г.Г. Громова встречаем, что важнейшими факторами, влияющими на характер и состав традиционной пищи, являются: природно-географические условия, хозяйство, историко-культурные традиции и привычки [Громов, 1966, с. 82].

Тематикой алтайской пищевой традиции, в разное время, интересовались такие исследователи и общественные деятели как, В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, С.П. Швецов, Л.П. Потапов, Ф.А. Сатлаев, Н.И. Шатинова, В.П. Дьяконова, Н.А. Тадина, С.П. Тюхтенева, В.Е. Санашкина и многие другие.

Традиционную основу питания в алтайской культуре составляла мясная, молочная и растительная пища, чему способствовал ландшафт, история, традиции, этногенетические связи алтайцев сформировавшие пищевые модели, тесно связанные с хозяйственно-культурным типом (ХКТ). Как отмечает С.А. Арутюнов, именно характер и способ получения основных пищевых продуктов и служит главным критерием выделения тех или иных ХКТ [Арутюнов, 2011, с. 8].

В данной работе мы остановимся только на мясной пище. Коренное население региона употребляло мясо домашних животных – лошади, крупного и мелко рогатого скота, яка, верблюда, также мясо диких зверей – косули, марала, дикого козла, суслика, барсука, медведя и т.д.

Сохраняли мясо разными способами консервирования: копчением, вялением, сушкой, засаливанием и замораживанием. Из способов консервации мяса, как и ранее лучшим алтайцы признают замораживание. Коптят мясо летом-осенью, для этого мясо нарезают тонкими слоями и кладут на решетку над очагом, другим видом консервации является вяление на солнце, нужно отметить, что преимущественно коптят мясо мелких диких зверей и птиц или наиболее непривлекательные части туши овцы, крупного рогатого скота (брюшину, хрящевые ткани). Также сегодня применяется засаливание мяса в стеклянных банках и алюминиевых флягах.

Относительно домашних животных, согласно традиции, у алтайцев по сей день существует деление животных на «скот с теплым дыханием» (*жылу тумчукту мал*) и «скот с холодным дыханием» (*соок тумчукту мал*). Лошадь и овцу, относят к категории животных с теплым дыханием, их создателем считается светлое начало (*ару тёс*), поэтому они преимущественно забиваются на значимые праздники, торжества, такие как свадьба, моления и умерщвляются в день события или за день. Их мясо считается ритуально чистым. К категории скота с холодным дыханием относят коров, коз, верб-

людов, яков, они считаются, животными темного начала (*кара тёс*). Мясо данных животных в меньшей степени используется в торжествах.

Традиционное блюдо *дьоргом/жоргом*, чему посвящена собственно статья, изготавливают только из внутренностей мелко рогатого скота, а именно из внутренностей домашней овцы. Прежде чем изготовить *жоргом* необходимо провести большую подготовительную работу, которая состоит в забое скота, извлечении внутренностей, разделки туши и только после основной работы обычно приступают к субпродуктам. Если же в забое участвует достаточное количество людей, то работа с субпродуктами осуществляется одновременно с разделкой туши.

Забой скота согласно традиционному укладу обычно осуществляется в конце осени начале зимы, когда еще животные имеют упитанность и наступили стабильные холода. С.П. Тюхтенева исследуя традиции заготовки мяса указывает, что забой скота *уча, согум* (также назывался скот, предназначенный для забоя) каждая семья проводит у себя дома. Как и ранее если забивалось много скота, то на помощь созываются родственники и соседи. Тушу животного полностью не разделяют, только обезглавливают с удалением голени. Из разрезанной вдоль туловища брюшины удаляются все внутренности, кровь и после соответствующих приготовлений набивают мякотью других забитых туш, иногда – кровяными и мясными колбасами и зашивают по краям [Тюхтенева, 1997, с. 209]. Также надо добавить, что изготовленные *дьоргом*ы, если забивалось много скота, шли в начинку *согум*а, поэтому некоторые начинки сегодня могут состоять только из них.

На начало XXI в. существует два способа забоя мелко рогатого скота. Оба способа были описаны еще Л.П. Потаповым в 50-х гг. XX в. в работе «Пища алтайцев» [Потапов, 1953]. При первом «барану связывали ноги, валили на бок, перерезали горло, кровь выпускали в деревянное корытце» [Потапов, 1953, с. 54]. Сегодня данный способ забоя в алтайской среде практикуется крайне редко. Как отметил информант Евгений 1982 г.р., проживающий в с. Озерное Усть-Канского района Республики Алтай: «Забой через разрезание горла животного, не экономичный способ, при таком способе есть вероятность, что в кровь попадут пищевые отходы и такая кровь уже не будет столь привлекательна для изготовления кровяной колбасы (*кан*), многие могут отказаться есть такую колбасу» [ПМА – 1].

В алтайской пищевой традиции кровяная колбаса является деликатесом и обычно она является первым угощением после забоя овцы, время ее приготовления в среднем 10–12 минут. Чистота кровяного раствора также является обязательным требованием, т.к. с первого блюда всегда производится ритуальное кормление духа огня и подношение должно быть, как в ритуальном, так и в физическом плане чистым.

Второй способ, «наиболее древний, также распространенный у монголов, бурят состоял в том, что барана валили на спину, чуть ниже груди делали небольшой надрез в 10 см. просовывали туда руку, разрывали диафрагму и [обрывали брюшную – Э.Е.] аорту. Кровь оставалась за стенками диафрагмы, откуда она вычерпывалась и собиралась в корытце» [Потапов, 1953, с. 54].

Второй способ у алтайцев считается наиболее приемлемым, так как при забое кровь не проливается на землю, практически полностью исключается попадание пищевых отходов в кровь. Подобные традиционные способы забоя скота способствовали чистоте сбора крови животного. Согласно народным верованиям, потеря крови и разрушение целостности костей животных уносят удачу в разведении скота [Тадина, 1995, с. 118].

После забоя животного и извлечения крови для изготовления *кан*, из брюшной полости также извлекаются все внутренности, обычно их сразу перекладывают в большой таз или какой-нибудь чистый настил, накрытый клеенкой, целлофаном. Все внут-

ренности уносятся в сторону от туши животного, где и происходит их вскрытие, очистка и промывка в теплой воде. Внутренности тщательно промываются, воду меняют обычно 3–4 раза. Промывкой обычно занимаются два человека, преимущественно данным трудом занимаются женщины и молодые девушки, т.к. во время промывки нужны не грубые мужские руки, а гибкие женские пальцы, способные тщательно очистить субпродукты от пищевых отходов. Умение справляться с очисткой внутренностей забитого животного, со слов информантов, служит показателем трудовой компетентности молодой девушки, особенно той категории девушек, которые находятся на выданье [ПМА – 2].

Когда весь необходимый продуктовый набор для изготовления *јоргом* промыт (внутреннее сало (*карынју*), желудок (*карын*), тонкие кишки), приступают к нарезке желудка и внутреннего сала, нарезают в виде лент, по всей их длине. Полученные ленты оплетаются крестообразным способом тонкими кишками в «косичку» длиной до 1 метра [ПМА – 3]. Описанная технология изготовления *јоргом* также была описана в 50-х гг. XX в. Л.П. Потаповым [Потапов, 1953, с. 56] и спустя более полувека не претерпела изменений. Как и прежде заплетают *јоргом* два человека, один держит жгуты из внутреннего сала и желудка, а второй оплетает их тонкими кишками.

Но национальное блюдо *јоргом* претерпела значительные трансформации в своем статусном плане и связаны они со стремительными процессами экономических и политических реформ протекавших в стране в 90-е гг. XX в.

Ликвидация колхозов, переход скота в частные руки, падение уровня жизни населения в пореформенное время, как и рост самосознания коренного жителей региона, возрождение традиционной культуры актуализировали полузабытые типы блюд национальной кухни.

С переходом скота в частные руки и формирования крестьянско-фермерского движения, количество скота резко сократилось, сказывалась значительная разница в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Информанты отмечали как в 1990-х гг. они шутили, что «овцы и коровы и лошади у нас в Красной книге» [ПМА – 4]. Размер частного стада по сей день разнился очень сильно – одна семья, как правило имеет от 1 до 15 дойных коров, в целом от 3–5 до 40–50 голов крупного рогатого скота; от 5 до 100 овец; до 5–30 коз [Тюркские, 2006, с. 400]. В районных центрах, если нет своего скота на стоянках у родственников, количество скота ограничивается 1–3 коровами, 3–5 овцами [Хозяйственно, 2016, с. 126].

Малое количество скота заставило людей задуматься о ценности скота, о важности заботы о приплоде, актуализировались сакральные представления о скоте и продуктах, которые он дает. Повсеместно начинают восстанавливаться традиционные нормы, запреты и ограничения, связанные с пищей, например, запрет на вынос и передачу молока кому-либо в вечернее и ночное время. Согласно традиционным представлениям передача молока, даже соседям, может повлечь сакральную убыль достатка в доме хозяев. Вместе с тем сакральное значение постепенно начинает распространяться на всю традиционную пищу, т.к. она признается основной пищей обладающей свойством «посредничества» между миром людей и миром духов, и такая пища должна сохранять свою ритуальную чистоту, в противном случае осквернение неминуемо приведет к упадку и потере плодородного начала среди стада и как следствие может привести к упадку в семье, роду хозяев.

Јоргом как блюдо начиная с конца 1990-х гг. постепенно растет в своем статусном плане. Как отмечает информант Евгений, «*јоргом* в первую очередь это одна единица скота, если человек угощает тебя этим деликатесом, то значит он заколол одного барана, и на свадьбе если я вижу какое количество *јоргом*’а, то я с легкостью определю

сколько было забито овец на данную свадьбу и могу судить о достатке семьи и примерно количестве скота в их собственности» [ПМА – 1].

Говоря о былом низком статусе блюда *јоргом* уместно привести отрывок из выше упомянутой работы Л.П. Потапова «Алтайская пища», когда исследователь описывал блюдо из вывороченной прямой кишки лошади (*карта*): «Мой напомнимания в 1939 г. об этом кушанье [*карта* – Э.Е.] колхозникам алтайцам в Усть-Канском районе вызвали дружный смех. Однако один из пожилых алтайцев из Яконурского колхоза им. К. Маркса, заметил, что ‘некоторые и теперь едят *карта*, так как она бывает очень жирной’. Его замечание вызвало новый взрыв смеха присутствующих, особенно молодежи. Все на перебой стали утверждать, что *карта* теперь бросают собакам» [Потапов, 1953, с. 57]. Такое же отношение было ко всем блюдам из внутренностей брюшной полости, в том числе и к блюду *јоргом*. Информант Юрий, заметил, что «в 70–80 гг. XX в. *јоргом* ели, но преимущественно, когда совсем не было мяса, многие молодые девушки даже не хотели учиться плести *јоргом*, считая, что такое блюдо они и их дети уж точно есть не будут» [ПМА – 4].

На сегодняшний день отношение к традиционным блюдам из внутренностей домашних животных значительно изменилось, выросла статусность этих блюд, тот же *јоргом* постепенно перешел в категорию престижного потребления. Изменилось отношение вообще к традиционной кухне, называя плюсы традиционной домашней пищи информанты называют такие ее качества как экологичность, питательность, «ручное» домашнее приготовление и как ни странно бы это ни звучало – медленность приготовления. Из минусов называется только ее дороговизна [ПМА – 1, 2, 3, 4].

Информанты, называя экологичность традиционной пищи, отмечают: «Когда я и моя семья потребляет какое-либо национальное блюдо, например, из мяса я точно знаю где, как и когда была выращена эта единица скота, с минимумом использования кормовых добавок, разного рода прививок» [ПМА – 4]. Пропаганда экологически чистой системы питания, бережно относящейся к традициям и сохраняющей культурную идентичность, защиту биологического разнообразия и связанных с ней традиционных аграрных производств, просвещение в вопросах культуры питания [Кабицкий, 2011, с. 5] набирает в исследуемом регионе все большее число сторонников.

Небольшое количество скота на многочисленных фермах позволяет отслеживать покупателям конкретного производителя. Покупатель в селе обычно хорошо знает хозяина стада, знает где расположены его зимники и летники, в том числе и породу скота, которую он выращивает, какая селекционная работа проводилась с тем или иным видом домашнего скота. Поэтому хорошая информированность населения отчасти является фактором конкуренции среди производителей мяса. В условиях города, если покупатель интересуется экологическими условиями в которых было выращено конкретное стадо и его конечный продукт, то он обычно уточняет район региона, населенный пункт и даже конкретного производителя.

Питательные свойства блюд из внутренностей домашних животных всегда высоко ценились среди коренного населения Горного Алтая. Традиционно хорошо проваренные внутренние органы: сердце, печень, почки, селезенка, желудок являлись большим лакомством, поэтому их в первую очередь преподносили детям и пожилым, у которых еще слабо укреплены зубы или отсутствуют в силу возраста. Также готовые внутренние органы являются обязательным блюдом на разного рода торжествах. Мясная пища играет большую роль в свадебных обычаях и обрядах. На свадьбе в брачный союз соединяются два рода, образовывается новая социальная единица – семья. Считается, что чем лучше и сытнее пройдет свадьба, тем удачнее будет жизнь семьи и всего рода. *Јоргом* и другие блюда из внутренностей в обязательном порядке украшают главный стол жениха и невесты. Сваты преподносят друг другу *казы*, *карта*, *јоргом*. Хоро-

шим тоном является преподнести особо крупный *јоргом*, который отличается от обычного тем, что он в среднем в два раза толще. Информанты поясняют, что для изготовления свадебного *јоргом* они используют внутренности двух овец и получают крупный, мясистый *јоргом* [ПМА – 1, 2]. Крупный свадебный *јоргом* символизирует достаток рода, но большой объем блюда увеличивает время его термической обработки, и не каждый человек сможет съесть его в одиночку, такая пища отличается особо высокой калорийностью.

Ручное домашнее приготовление пищи информантами называется одним из главных плюсов традиционной кухни. В целом алтайскую традиционную пищу и кухню, в плане приготовления, можно отнести к категории «Slow Food» (медленная еда). Приготовление того же *јоргом* занимает достаточно много времени, как и всех остальных блюд из внутренних органов. Согласно канонам приготовления *јоргом*, в идеальном плане, он должен быть изготовлен и сразу же сварен, и съеден в горячем виде. Информанты, отмечают, что приготовление домашней еды объединяет семью и род, большинство традиционных алтайских блюд должно готовиться как минимум двумя людьми, которые во время готовки ведут спокойную и размеренную беседу. Подчеркивая, что спешка первый враг качественной пище, блюда должны хорошо провариться, но не развариться [ПМА – 3].

И главный минус, называемый всеми информантами, это стоимость субпродуктов. На ежемесячных мясных ярмарках в регионе, проходящих с ноября по март, *јоргом* можно купить за 380–400 руб. за килограмм, одна косичка в замороженном виде обходится покупателю в 420–450 руб., что является крайне высокой ценой для мясного региона. Для сравнения цена на баранину составляет 250–280 руб. за килограмм (приведены цены на 2017/2018 гг.). Исходя из цен, покупатели обоснованно называют *јоргом* продуктом престижного потребления.

В заключении отметим, что блюда традиционной алтайской кухни условно скажем, пережили период своего падения, когда блюда из них считались непрестижной пищей, но сейчас уже относятся к категории престижного потребления. В г. Горно-Алтайске перечисленные выше блюда можно заказать в престижных ресторанах, столовых государственных учреждений, как например, Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай.

ПМА (полевые материалы автора)

ПМА – 1. Юкубакин Евгений Олегович, 1982 г.р. сеок ара, с. Озерное Усть-Канского района Республики Алтай. Запись 2017 г.

ПМА – 2. Сакладов Аткыр Константинович, 1983 г.р. сеок тодош, с. Нижняя-Талда Онгудайского района Республики Алтай. Запись 2017 г.

ПМА – 3. Келюев Виктор Николаевич, 1959 г.р. сеок телёс, с. Усть-Кан Усть-Канского района Республики Алтай. Запись 2017 г.

ПМА – 4. Юкубакин Юрий Трофимович, 1966 г.р. сеок ара, с. Озерное Усть-Канского района Республики Алтай. Запись 2017 г.

Литература

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2014. – 464 с.

2. Арутюнов С.А. Карта культуры питания народов мира // Этнографическое обозрение. №1, 2011. – С. 7–16.

3. Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 108 с.

4. Кабицкий М.Е. Введение в тему: антропология пищи и питания сегодня // Этнографическое обозрение. №1, 2011. – С. 3–7.

5. Потапов Л.П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. – М.-Л.: Наука. 1953. – Т. XIV – С. 37–71.

6. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 1995. – 207 с.

7. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М.: Наука. 2006. – 678 с.

8. Тюхтенева С.П. Новогодний праздник у алтайцев / Р.Ш. Джарылгасинова // Календарно-праздничная культура народов зарубежной Азии: традиции и инновации. – М., 1997. – С. 207–210.

9. Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX – начало XXI вв.) / Отв. ред. Н.В. Екеев, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2015. – 252 с.

УДК 394 + 30.304.2

ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В МАЛЫХ ГОРОДАХ И СЕЛАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2016-2017 ГОДОВ)

Ильина А.А.

Статья является историческим обзором национально-культурных объединений татар, действующих в малых городах и селах Омской области. Татарские национально-культурные объединения справедливо можно назвать главными центрами сохранения татарской культуры и языка в малых городах и селах районов с компактным проживанием татарского населения исследуемого региона – Усть-Ишимского, Тевризского, Большереченского, Тарского и Колосовского, поскольку они проводят работу как в районных центрах, так и в татарских селах и деревнях. Рассматривается история создания и основные направления деятельности татарских национально-культурных объединений, а также творческих коллективов, которые заложили основу возрождения татарской культуры в Омской области и стали базой для последующей институционализации татарского национального движения.

Ключевые слова: Омская область, татары, национально-культурные объединения, татарская культура, татарский язык.

THE CENTRES OF THE PRESERVATION OF TATAR CULTURE AND LANGUAGE IN SMALL TOWNS AND VILLAGES IN OMSK REGION (on the 2016-2017 expeditions materials)

Irina A.A.

The article is the historical review of national and cultural associations of Tatars in the small cities and villages of Omsk region. National and cultural associations of Tatars are the main centers for Tatar culture and language preservation in small towns and villages in Ust-Ishimsky, Tevrizsky, Bolsherechensky, Tarsky and Kolosovsky districts of Omsk region,

where Tatars lives compactly. These associations carries out work in district centers and also in Tatar villages. The author considers history of creation and the main activities of Tatar national and cultural associations and Tatar amateur ensembles because they became a basis of revival of Tatar culture in Omsk region and a base for the following institutionalizing of Tatar national movement.

Keywords: *Omsk region, Tatars, national and cultural associations, Tatar culture, Tatar language.*

Актуальной проблемой большинства современных российских этносов, проживающих на той или иной территории в условиях этнического меньшинства, является сохранение национальной культуры и родного языка. Основными центрами сохранения родного языка и национальной культуры как в крупных городах, так и в малых городах и селах, в том числе и в Омской области, с рубежа 1980-х – 1990-х гг. выступают национально-культурные объединения (НКО) [Ильина, 2013, с. 146].

Целью данной статьи является систематизация информации о НКО татар малых городов и сел Омской области, полученной в ходе работы Татарского этнографического отряда в 2016 и 2017 гг., выявление общих закономерностей и особенностей в их истории и деятельности. Данная статья также призвана стать базисом для дальнейшего изучения проблем возрождения и сохранения татарской культуры в Омской области, одной из которых, несомненно, является утрата сибирской специфики местного татарского населения и активное проникновение поволжско-татарских традиций. До недавнего времени автор уделял внимание исследованию НКО крупных городов – в основном, областных и краевых центров Западной Сибири, поскольку именно здесь отмечается наибольшая концентрация НКО, что во многом облегчает процесс исследования. Однако в сельских районах Омского Прииртышья сформировались качественно иные возможности для сохранения татарской этнической культуры и родного языка, в особенности в северных районах, для которых характерно компактное расселение татар.

Татары, чья численность в Омской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. составляет 41870 чел. (2,12 % населения), являются пятым по численности этносом региона [Численность населения]. Районами компактного проживания татар являются Усть-Ишимский, Тевризский, Большереченский, Тарский, Знаменский и Колосовский. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. процентное соотношение татар в общей численности населения Усть-Ишимского района Омской области составляет 24,25 %, Тевризского района – 21,43 %, Большереченского района – 10,65 % (причем в с. Уленкуль Большереченского района, где базируется Центр татарской культуры, татары составляют практически 100 % населения), Тарского района Омской области – 7,74 %, Колосовского района – 6,05 %. В целом по Омской области татары составляют 2,12 % населения, а в областном центре – 1,77 % [Численность населения]. В рамках работы Татарского этнографического отряда в 2016 г. автором был проведен сбор материала в национально-культурных объединениях татар с. Уленкуль Большереченского района и г. Тара, а в 2017 г. – с. Колосовка, с. Усть-Ишим и п.г.т. Тевриз. Таким образом, во всех районах компактного проживания татар Омской области созданы татарские НКО (исключение составляет лишь Знаменский район, где татары составляют 6,22 % населения). Перечислим в порядке создания НКО татар, действующие в малых городах и селах Омской области: татарский культурный центр «Янарыш» («Возрождение») с. Колосовка (2003 г.), центр татарской культуры «Нур» («Свет») г. Тара (2004 г.), центр татарской культуры в с. Уленкуль Большереченского района (2006 г.), центр татарской национальной культуры п.г.т. Тевриз (2005 г.), центр традиционной татарской культуры «Ялкын» («Пламя») с. Усть-Ишим (2009 г.).

Основой возрождения татарской культуры в Омской области и базой для создания татарских НКО стали творческие самодеятельные коллективы. Так, возрождение татарской национальной культуры началось в 1989 г. практически одновременно в Омске и с. Уленкуль Большереченского района. В начале указанного года в с. Уленкуль был образован фольклорно-этнографический ансамбль «Наза» (до 2008 г. ансамблем руководила Л.Ш. Жунусова, с 2008 г. – Н.Р. Ширбагина), а в областном центре – фольклорный татаро-башкирский ансамбль «Умырзая» («Подснежник») (создатель и первый руководитель – Л.И. Алимова, второй руководитель – Г.А. Алеева, нынешний руководитель – Г.А. Шайхитдинова). В 1993 г. в с. Усть-Ишим начал работу вокальный ансамбль «Чишмэ» («Родник») (бессменный руководитель – А.А. Айнулин), в 1998 г. – ансамбль «Махаббат» («Любовь») в с. Колосовка (бессменный руководитель – Г.Х. Амирова). Исключением стали г. Тара и п.г.т. Тевриз, в которых создание татарских НКО совпало с созданием татарских творческих коллективов: в 2004 г. в г. Тара начал работу вокальный ансамбль «Нур» (первый руководитель – Р.Ф. Курманова, аккомпаниатор – Ч.К. Фатхутдинова), а в 2005 г. в п.г.т. Тевриз был образован ансамбль татарской песни «Шатлык» («Радость») (руководитель – М.Ч. Тухбатулина).

Необходимо отметить, что большинство творческих коллективов (это касается не только татар) ставят перед собой задачу добиться звания народного и удерживать его (для чего раз в несколько лет необходимо подтверждать данное звание), поскольку это звание автоматически дает ансамблю несколько бюджетных ставок (как правило, это ставки руководителя ансамбля и концертмейстера-аккомпаниатора). Так, ансамбль «Наза» с. Уленкуль защитил звание народного в 1999 г., вокальный ансамбль «Чишмэ» с. Усть-Ишим – в 2002 г., ансамбль «Махаббат» с. Колосовка – в 2003 г., ансамбль народной песни «Шатлык» п.г.т. Тевриз – в 2009 г.

Рассмотрим историю создания и основные направления деятельности каждого из НКО татар малых городов и сел Омской области.

В 2003 г. в с. Колосовка была зарегистрирована общественная организация Татарский культурный центр «Янарыш», почва для создания которого, как уже отмечалось, была подготовлена ансамблем «Махаббат». Руководил центром «Янарыш» Совет из четырех человек, председателем которого был избран бывший директор Тоскинской школы Г.Р. Залилов, его заместителем выступал А.М. Амиров. Впоследствии А.М. Амиров стал руководителем центра. На протяжении нескольких лет центр действовал в статусе общественной организации (что является его особенностью в сравнении с остальными перечисленными выше НКО татар, которые по своему типу являются национально-культурными центрами и действуют при государственных учреждениях культуры). Важной особенностью деятельности центра «Янарыш» стало обращение к возрождению традиций ислама. Так, татарский культурный центр «Янарыш» Колосовского района инициировал празднование Ураза-байрам. Статус общественной организации позволяет татарскому культурному центру «Янарыш» брать на себя решение таких проблем местного татарского населения, которые не могут в силу своего статуса государственного учреждения культуры решать другие центры татарской культуры в Омской области. По просьбе местного татарского населения руководство центра «Янарыш» решило вопрос с организацией в районном центре мусульманского кладбища, а также со строительством мечети, заручившись поддержкой влиятельного спонсора из числа татар Т.А. Алимбаева и создав предварительно «Общество мусульман Колосовского района» [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 14. 1 электрон. диск (CD-R). Интервью с Амировым.doc].

Однако статус общественной организации не позволял центру татарской культуры «Янарыш» иметь постоянные источники финансирования. Именно поэтому через несколько лет после создания (по информации, предоставленной А.М. Амировым, в

2006 г.) общественная организация была ликвидирована. В настоящее время центр «Янарыш» действует как неформальное объединение, работая в тесном контакте с Администрацией Колосовского района, Комитетом по культуре, Районным домом культуры, которые предоставляют центру помещение, а также Обществом мусульман Колосовского района. Центр татарской культуры «Янарыш» регулярно проводит мусульманские праздники Курбан-байрам, Ураза-байрам, татарские народные праздники Сабантуй, обрядовые праздники имянаречения, национальные свадьбы, а также внедряет новые традиции – например, праздник «Чак-чак-байрам». Однако в основном деятельность центра татарской культуры «Янарыш» строится вокруг ансамбля «Махаббат», поскольку центр не имеет бюджетного финансирования, а его руководитель А.М. Амиров работает на общественных началах. Ансамбль «Махаббат» за счет звания народного имеет две бюджетные ставки. Ансамбль дает концерты в районном центре и окрестных татарских населенных пунктах (д. Тоскино, д. Коготово, с. Корсино), а также совершает гастрольные поездки в соседние районы, принимает участие в мероприятиях регионального уровня (в областном конкурсе «Татарская песня», областном фестивале «Душа России», областном фестивале национальных культур «Единение»), дает самостоятельные концерты в областном центре. В 2006 г. «Махаббат» участвовал во II, а в 2013 г. – в IV международном фестивале приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан «Да будет дружба искренней и честной», а в 2012 г. – в Федеральном Сабантуе, который проходил в г. Тюмень [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 14. 1 электрон. диск (CD-R). Из газет. 01-34.jpeg].

В июне 2004 г. начал свою работу Центр татарской культуры «Нур» Объединения национальных культур «Дом дружбы» муниципального бюджетного учреждения культуры «Тарский культурно-досуговый центр «Север» г. Тара, созданный по инициативе местных активистов из числа татар (отметим, что Центр татарской культуры «Нур» как подразделение Тарского культурно-досугового центра «Север» имеет несколько бюджетных ставок). Первым руководителем Центра была Р.Ф. Курманова (нынешний, второй по счету руководитель – Г.М. Сатышева). Открытию Центра татарской культуры предшествовало создание детского татарского клуба «Якташ» («Земляк») при Центре детского творчества г. Тары (руководитель – А.Н. Декет). Как уже отмечалось, с первых дней работы в Центре татарской культуры действует вокальный ансамбль «Нур», лауреат многих районных и областных конкурсов и фестивалей. Члены Центра татарской культуры «Нур» и одноименного вокального ансамбля, помимо своей творческой деятельности, постоянно принимают участие в этнофестивале «Вековые традиции г. Тары», научно-практической конференции «Вагановские чтения», международной конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития», межрайонном фестивале «Сибирлар моны», областном празднике «Певческое поле», городских и районных культурных мероприятиях, а также национальных праздниках Сабантуй, Навруз, Каз омэсэ, Карга боткасы, Аулак өй и др. Центр татарской культуры г. Тары совершает концертные поездки в села Тарского и соседнего районов Омской области с компактным проживанием татар (д. Курманово Знаменского района, д. Сеитово и д. Ишеево Тарского района и др.), проводит различные мастер-классы, конкурсы и прочие мероприятия. Отдельное внимание уделяется работе с детьми: с 2012 г. при центре действует детский вокальный ансамбль «Йолдызчыктар» («Звездочки»), участники которого исполняют детские татарские песни, а также изучают татарскую культуру и традиции [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 13. 1 электрон. диск (DVD-RW). Г. Тара Омской области. Центр татарской культуры Нур. Папка Центра татарской культуры Нур. 002-003.jpeg, 038-041.jpeg, 050-076.jpeg].

С октября 2005 г. в п.г.т. Тевриз начали свою деятельность Центр татарской национальной культуры бюджетного учреждения культуры «Централизованная клубная

система» и ансамбль татарской песни «Шатлык» (и центром, и ансамблем руководит М.Ч. Тухбатулина). Следует отметить, что с еще 2002 г. ансамбль «Шатлык» действовал на базе Утузского сельского дома культуры, а в 2005 г. произошло его перерождение в п.г.т. Тевриз. При центре татарской культуры работают кружки художественного слова «Туган телем» («Родной язык»), краеведения, художественной самодеятельности (помимо ансамбля «Шатлык» это направление представлено семейным ансамблем Тухбатулиных). Центром татарской национальной культуры ежегодно проводятся районные Сабантуи в селах Тевризского муниципального района, был организован областной Сабантуй в п.г.т. Тевриз, устраиваются народные праздники Йомырка бэйрэме, Каз омэсэ, Карга боткасы, конкурс чтецов на родном языке «Туган телем – тере телем», мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, свадебный обряд «Никах» и др. Центр татарской культуры является методическим центром для учреждений культуры Тевризского района, его специалисты оказывают помощь школам Тевризского района, где проживает татарское население. Руководитель центра татарской национальной культуры М.Ч. Тухбатулина награждена благодарственными письмами и почетными грамотами Министерства культуры Омской области и грамотой министерства культуры Российской Федерации.

Ансамбль «Шатлык» гастролирует в татарских населенных пунктах своего района, является активным участником районных и межрайонных мероприятий (помимо Сабантуев, следует отметить участие ансамбля в межрайонных конкурсах татарской песни «Озын кэй», «Сибирлар моны» в г. Тара), участником и лауреатом областных мероприятий (регионального конкурса татарской песни «Яна йолдыз» («Новая звезда»), регионального конкурса «Татарская песня», областного фестиваля «Певческое поле», межнационального конкурса «Детства яркая палитра»), а также мероприятий международного уровня (III Международного фестиваля приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан «Да будет дружба искренней и честной» в 2008 г., I Международного фестиваля татарской песни «Сибирлар моны – Мелодии Сибири» в том же году). Таким образом, центр татарской национальной культуры и ансамбль татарской песни «Шатлык» вносят большой вклад в сохранение и развитие татарских обычаев и традиций, проводят большую работу по возрождению национальной культуры [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 15. 1 электрон. диск (DVD-R). Тевриз. Август 2017. Шатлык-1. 012-016.jpeg, 021.jpeg; МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-10. К. 16. Лл. 1-2. К. 17. Лл. 1-2].

В 2006 г. в с. Уленкуль Большереченского района был создан Центр татарской культуры – филиал бюджетного учреждения культуры Большереченского муниципального района Омской области в сфере культурно-досуговой деятельности и библиотечного обслуживания населения «Культура» (первый руководитель – З.А. Рахмангулова, нынешний, второй по счету руководитель – Р.Р. Давлетбагина). Уленкульский центр татарской культуры вырос из фольклорно-этнографического ансамбля «Наза», который был основан в с. Уленкуль в 1989 г. Ансамбль «Наза» ведет сбор местного фольклорного и этнографического материала. В его репертуаре в основном старинные народные песни сибирских татар, народные переpleсы, сценическая обработка народных обрядов. Ансамбль является участником и неоднократным лауреатом районных, областных и всероссийских конкурсов.

В Уленкульском Центре татарской культуры несколько постоянно работающих творческих коллективов (помимо ансамбля «Наза» это молодежный ансамбль «Сайлян», детские ансамбли «Салават купере» и «Голляр», танцевальная группа «Энже» и др.). Основными направлениями деятельности Центра являются сохранение татарской культуры и родного языка, популяризация фольклорных традиций сибирских татар, музейно-этнографическая и концертно-развлекательная деятельность, привлечение к за-

нятиям национальным творчеством детей и молодежи. При Центре функционирует краеведческий музей, который пользуется большой популярностью у населения. Как подразделение бюджетного подразделения культуры Уленкульский центр татарской культуры имеет несколько бюджетных ставок (руководителя Центра и руководителей творческих подразделений). Таким образом, работа Уленкульского центра татарской культуры фокусируется вокруг творческих коллективов, музея, а также кружков (так, в 2016 г. в центре действовали кружки вышивания, лоскутного шитья, краеведения, а также кружок родного слова – обучение татарскому языку) [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-9. К. 1. Лл. 1-3. К. 3. Лл. 3-5].

Последним по времени создания татарским НКО Омской области стал центр традиционной татарской культуры «Ялкын» муниципального учреждения культуры «Усть-Ишимский дом народного творчества» с. Усть-Ишим, образованный в январе 2009 г. (руководитель – С.Х. Кадырова). На протяжении многих лет начиная с 1993 г. почву для его создания подготавливал татарский ансамбль «Чишмэ» с. Усть-Ишим. Центр «Ялкын» организует и проводит татарские традиционные праздники Сабантуй, мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, организует комплексные фольклорно-этнографические экспедиции и использует собранный материал в своей работе, участвует в выставках Усть-Ишимского межпоселенческого Центра культуры и досуга, ведет поиск мастеров традиционных ремесел и помогает организовать преемственность их опыта (так, по данным проведенного в 2014 г. специалистами центра исследования, в Усть-Ишимском районе сохранились такие виды художественных ремесел как резьба по дереву, лозоплетение, вышивка, прядение, вязание крючком и на спицах, лоскутное шитье, бисероплетение и др.), сотрудничает с сельскими клубами татарских деревень Усть-Ишимского района Эбаргуль, Саургачи, Ильчебага, Ашаваны, Тебендя, Летние, Кайнаул, оказывая им методическую помощь. Центр освещает жизнь татарского населения Усть-Ишимского района в областной общественной газете «Татарский мир» и районной газете «Усть-Ишимский вестник». Центр «Ялкын» сотрудничает с местной религиозной организацией «Алимбай» общества мусульман с. Усть-Ишим, Усть-Ишимского района Омской области «Муфтият». Активное участие в районных, межрайонных и областных мероприятиях принимает народный татарский ансамбль «Чишмэ» (сюда относятся праздники Сабантуй всех уровней, конкурс «Татар халык аше» («Татарская кухня») среди учреждений культуры и досуга татарских селений Усть-Ишимского района, областной отчетный концерт татарских коллективов, районный и областной конкурс татарской песни «Яна йолдыз», IV Международный фестиваль приграничных территорий «Да будет дружба искренней и честной», а также самостоятельная гастрольная деятельность коллектива) [МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 15. 1 электрон диск (DVD-R). Усть-Ишим. Август 2017. 027-035.jpeg, 067.jpeg; МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-10. К. 1. Л. 1. К. 9. Лл. 1-5. К. 10. Лл. 1-3].

Большинство создателей и руководителей НКО татар малых городов и сел Омской области являются по специальности работниками культуры, что весьма помогает им в повседневной работе их объединений и центров. Следует отметить, что роль этих людей в возрождении и сохранении татарской культуры нашего региона поистине огромна. К сожалению, не лучшим образом на деятельности татарских НКО малых городов и сел сказалась реорганизация учреждений культуры в районах Омской области, проводимая согласно плану мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры Омской области в 2013 - 2018 годах» ["О плане мероприятий"]. Реализация данного плана мероприятий, инициированного Правительством Российской Федерации в конце 2012 г., вызвала сокращение бюджетных ставок работников учреждений культуры (в большей степени реали-

зация указанного плана ударила по центру традиционной татарской культуры «Ялкын» с. Усть-Ишим, который на рубеже 2016-2017 гг. фактически лишился обособленного статуса и вошел в качестве подразделения в Центр традиционных культур «Старица» бюджетного учреждения культуры «Усть-Ишимский межпоселенческий Центр культуры и досуга»).

Таким образом, возникновение и последующее функционирование в малых городах и селах Омской области в районах компактного проживания татар татарских национально-культурных объединений как центров сохранения национальной культуры и родного языка свидетельствует о понимании татарами Омской области необходимости сохранения своих истоков, самобытности, этнической идентичности. Дальнейшее сохранение татарской культуры и родного языка будет зависеть от степени вовлечения детей и молодежи в национально-культурную жизнь.

Список литературы

1. Ильина А.А. Возможности сохранения традиционной татарской культуры в областных центрах Западной Сибири // Традиционная культура. – 2013. – № 3. – С. 144-152.

2. «О плане мероприятий («дорожной карте») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры Омской области в 2013 - 2018 годах» [Электронный ресурс]. – Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [сайт]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/467300823> (15.09.2017).

3. Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области [Электронный ресурс]. – Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: [сайт]. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (12.10.2016).

Сокращения

МНС ОФ ИАЭТ СО РАН – Музей народов Сибири Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН

УДК 130.2:911.3 (571.151)

КУЛЬТУРНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ

Каланчина И.Н.

Алтай, являясь очагом концентрации биологических и геологических сил, несет в себе и мощный духовно-культурный потенциал. Недаром Алтай многими народами воспринимался как центр мира, как один из сакральных регионов планеты. Импульсы духовного развития пронизывают пространство Алтая на протяжении многих веков, благодаря чему он стал центром культурогенеза и «встречи» разных конфессий. В этом процессе освоения человеком алтайских просторов особое место занимает культурогенез в Уймонской долине.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, культурогенез, философия культуры.

CULTURAL AND NATURAL COMPONENTS OF THE SACRAL LANDSCAPE OF THE UYMON VALLEY

Kalanchina I.N.

Altai, being the center of concentration of biological and geological forces, has in itself and strong spiritual and cultural potential. Not without the reason Altai was a presentiment by many people as the center of the world as one of ritual areas of the planet. Impulses of spiritual development pass through space of Altai through many centuries thanks to the fact that it became the center of origin of culture and "meeting" of various ethnoses. In this process a certain place is taken by cultural development of the valley of Uymon.

Keywords: *ritual landscape, origin of culture, culture philosophy.*

Священные природные ландшафты, к которым принято относить и уникальную территорию Большого Алтая, являются не только носителями исторической памяти и свидетельствами величия духовной культуры прошлых веков, но и очагами обретения глубинных смыслов и онтологических констант, на которые может опереться современное человечество. И действительно, сакральный ландшафт есть выражение конкретной идеи, он вызывает определенные образные ассоциации и духовные переживания, содержит в себе целый спектр знаний. На протяжении истории люди активно взаимодействовали с природными ландшафтами, приспособляли их к своим культурным и хозяйственным нуждам, вписывались в специфику их существования. При этом поверхность ойкумены для древнего человека представляла как священная «живая» карта, где древние святилища и мегалитические комплексы служили ключевыми географическими центрами. Таким образом формировались различные типы культурных ландшафтов, одним из которых является сакральный ландшафт.

Сакральный ландшафт – это биосферный комплекс, состоящий из сочетаний культурных и природных компонентов, значение которых определяется наличием священных смыслов. К подобным комплексам относятся разнообразные особо почитаемые места, святилища, некрополи, центры отправления религиозных обрядов, памятники наскального искусства, стелы, древние храмовые сооружения, крепости, некоторые поселения. В ряде случаев священное место может охватывать целостный географический топос и быть тождественным сакральному ландшафту – роднику, урочищу, реке, горе и пр. Сакрализация позволяет людям воспроизводить и поддерживать определенные этические и моральные нормы взаимоотношений с природой, кормящим ландшафтом и окружающей средой в целом.

Обзор научных концепций и теорий, получивших сегодня широкое распространение, свидетельствует, что зарождение сакральной географии и сакрального ландшафтоведения восходит к древнейшим космологическим и космогоническим идеям, мифологизировавшим и анимизировавшим природные пространства, что нашло отражение в трудах Геродота, Фукидида, Аристотеля. Античные мыслители стремились посмотреть на сущность и божественный замысел земли, ставя следующие вопросы: «Ну, а сама земля, как она может иметь место в ноуменальном мире? Какова ее идеальная сущность? Имеет ли и она там жизнь, и, если да, то каким образом? ...Даже появление камней, вздымание и образование гор не могло бы иметь места на земле, если бы ей не был присущ некий одушевленный принцип, который и производит все это посредством скрытой от глаз внутренней работы» [8].

Подход к осмыслению ландшафта через гилозоистическую идею о том, что планета, биосфера – это самостоятельный живой организм, получил развитие в концепции ноосферы Тейяр де Шардена и В.И. Вернадского, а также в религиозноведческой концеп-

ции мифа М. Элиаде. По его определению, «мир поддается восприятию как мир, как Космос, лишь настолько, насколько он открывается как мир священный (...) человек может жить лишь в священном мире, так как только такой мир участвует в бытии, т.е. существует реально» [10, с. 44]. Таким образом, Элиаде обосновывает мысль о том, что пространство является сакральным в силу присутствия в нем высшего, божественного начала.

Феномен сакральности ландшафта Уймонской долины и примыкающей к ней горного массива Белухи на протяжении многих веков привлекает внимание не только проживающих близ нее этносов, но и путешественников, художников, поэтов, ученых – со всего мира. В их исследованиях отмечены определенные признаки сакральности этой территории:

1. Уймонская котловина расположена в месте пересечения древних миграций, «на перепутье движения древних народов Южной Сибири и Центральной Азии... из долины Бухтармы в Западную Монголию, а также здесь проходила дорога из северных и северо-западных районов Алтая... через перевал Канас в Китай и далее в направлении Тибета» [4]. Известно, что красотами вершины любовались древние люди еще эпохи палеолита, чьи стоянки были обнаружены в долине Ак-Кема (правого притока р. Катунь) археологами в начале XXI века. Позднее облик вершины наблюдали люди эпохи мезолита – в начале периода потепления, неолита, бронзы, железа. В современном рельефе места их стоянок фиксируют курганы каменных набросок, удаленные от Белухи до 50 км и более по долинам рек Аргут, Коксу, Акалаха, Бухтырма и другим [там же]. Здесь также со стороны современного Казахстана проходил один из путей перемещения русских староверов, впоследствии заселивших территорию современного Усть-Коксинского района. Отколовшиеся в XVII в. от преобразованной митрополитом Никоном русской православной церкви староверы-раскольники хранили надежду, что среди высоких гор существует страна высшей правды, справедливости и истины, где сохранны сияет в первозданном величии данная Христом Благая Весть, где строго и неуклонно претворяется в жизнь истинная правая вера. Эта надежда переросла в стремление найти этот чудесный край далеко на востоке (но где именно – никто не мог сказать), среди Белых гор. Это сокровенное, Богом хранимое место с благоговением называлось Белыми горами Белым островом, или Белым источником – Беловодьем. Сюда с XVII в. устремились русские староверы на Алтай, где и выбрали территорию Уймонской долины, граничащую с предгорьями Белухи, в качестве оптимального места ведения хозяйства и проживания.

2. Уймонская долина отличается обилием археологических находок, свидетельствующих об активном освоении человеком этой труднодоступной высокогорной территории. Самые древние из них сосредоточены в окрестностях сел Верхний Уймон, Октябрьское и Мульта [9]. Прежде всего, это орудия, относящиеся к поздней стадии каменного века – началу раннего металла (VII–IV тыс. до н.э.). Более активное освоение этой территории начинается в период бронзового века (IV–II тыс. до н.э.). Этим периодом датируются антропоморфные изображения, петроглифы с изображением животных (оленей, лосей, лошадей, быков) у подножия Катунского хребта, а также на реке Аргут и ее притоках. Могильники афанасьевской культуры обнаружены в окрестностях сел Маргала, Чендек, Мараловодка; единичные находки бронзовых карасукских кинжалов сделаны в районе села Катанда. Каменный полированный топор найден в селе Тюнгур.

В I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. (в железном веке) окрестности и склоны Катунского хребта были уже полностью обжиты человеком. Об этом свидетельствует множество курганов, каменных изваяний, стел, наскальных изображений, а также рунические письмена, оросительные сооружения, предметы обихода. Данные артефакты распола-

гаются как по долинам рек Аргута, Берели, Катунь и их притоков, так и на высокогорных участках Катунского хребта [5, с. 13-14].

Особое место занимает археологический комплекс, состоящий из *святилища Кучерла-1* и из *петроглифов грота Куйлю*, расположенных с северных подступов к Белухе в устье ручья Куйлю, притока реки Кучерлы, впадающей в Катунь. В нише небольшого скального грота и на отдельных камнях рядом с ним имеется более ста изображений оленей, козлов, лошади, человека. Петроглифы датируются от бронзового века до средневековья. Археологами на разных уровнях были найдены предметы, причастные к обрядовой деятельности людей. Здесь обряды проводились с III тысячелетия до н.э. В слое земли, относящемся к бронзовому веку, найдены костяные наконечники стрел, черепки разбитой глиняной посуды. Вокруг восьми очагов обнаружены останки скелетов животных: козла, барана, марала, косули, кабарги, лошади, сибирского горного козла, коровы [3].

Больше всего это святилище использовалось в скифскую эпоху (VII–III век до н.э.). Сакральные обряды, которые проводились в течение пяти тысяч лет в гроте Куйлю, запечатлены на скале и на камнях. Более чем на 100 рисунках изображены в основном животные и антропоморфные существа. Предполагается, что изображения наносились с помощью наконечников стрел, которые были найдены в слое земли перед гротом. Артефакты указывают на то, что грот был святилищем, где проводились обряды моления о преумножении промысловых зверей и удачной охоте. На огне в глиняной посуде готовили ритуальную пищу для «хозяина» горы или духа-покровителя. Керамическую посуду после обряда разбивали и раскидывали. Здесь же, в гроте, найдены амулеты-обереги, атрибуты обряда, которые изготавливались из костей животных. Они украшены орнаментом.

В верхнем секторе «алтаря» находится изображение двух маралух и антропоморфное существо возле правой маралухи. В композиции древний художник совместил верхний мир с земным – с помощью образа маралух, который присутствует в обоих мирах.

Интересны петроглифы Куйлю доскифского времени. В северной части грота найдено крупное изображение маралухи, под животом которой расположены козлик и птица. Маралуху перекрывают изображения более мелких животных, сделанные позже. В соответствии с поверьями, маралуха – это одно из древних изображений Великой Матери-прародительницы. Над головой маралухи, как продолжение рога, видна веточка. Это подобие древнего изображения Мирового дерева, которое соединяет подземный, земной и небесный миры. Здесь также много петроглифов, относящихся к скифскому времени. Рисунки животных выбиты точечной техникой. Среди них можно различить маралов, козлов, косуль. Некоторые из животных поражены метательным оружием. На скалах Куйлю также обнаружены рисунки более позднего времени, соответствовавшие эпохе средневековья – схематичное изображение человека в длинном халате. Таким образом, традиции проведения сакральных ритуалов переходили из века в век, и отголоски некоторых из них до сих пор сохраняются в шаманской практике алтайцев [там же].

В 1865 году в окрестностях села Катанда академиком В. В. Радловым были исследованы курганы так называемой пазырыкской культуры, где сохранились уникальные изделия из кожи, ткани и дерева. Всего в окрестностях Катанды было обнаружено несколько десятков захоронений эпохи раннего железа. *Большой Катандинский курган* – один из самых примечательных памятников скифского времени в Южной Сибири – датируется V в. до н. э. Этот курган расположен в центре могильного поля в верховьях р. Катунь в двух километрах от села Катанда. Здесь были найдены скелеты 22 лошадей, уложенных рядами, а также уникальные предметы быта, в том числе прекрасно

сохранившаяся одежда из горностаевого и собольего меха, художественные изделия из железа и дерева.

В большом Катандинском погребении были найдены несколько резных деревянных реалистических фигурок (нашитых на шелковую ленту) лошадей с седлами на спинах, копыта которых украшены золотыми пластинками. У одной из лошадей оказалась птичья голова с резко изогнутым клювом. Также была найдена чаша, на дне которой были вырезаны два переплетенных друг с другом тигра с птичьими головами на кончиках хвостов и совершенно фантастический огромный лось, а также реалистическое изображение медведя. По всей вероятности, они служили не украшениями, а предметами религиозного культа. Катандинские курганы показали удивительное для своего времени кузнечное и ювелирное мастерство пазырыкцев [6].

Другой археологической достопримечательностью Уймонской долины являются *каменные изваяния*, найденные у ручья Тургунда. В научной литературе эти находки еще именуется как «каменные бабы», каменные воины, относящиеся к тюркскому времени (IV–VII н.э.). Семь таких каменных изваяний, или кезер-таш, были найдены в 17 км от села Тюнгур. Среди них есть изваяния только с изображением лица, или головы, или просто очертаний фигуры человека. Есть фигуры с сосудом, поясом, кинжалом. К сожалению, не все изваяния сохранились. Сейчас их осталось пять.

3. Многочисленные паломники, путешественники, местные жители и ученые-исследователи отмечают особую геолого-энергетическую составляющую Уймонского района и примыкающей Белухи, а также других сакральных топосов, что отражено в ряде современных научных работ: «Прежде всего, они являются своеобразными духовными, энергетическими центрами Земли, сила воздействия которых на людей имеет природное начало (впрочем, во многом еще необъяснимое). Через них осуществляются наиболее глубокие, во многом неосознанные и необъяснимые связи человека с природой материального и природного мира (в том числе и в непонятных разуму мистических проявлениях – разного рода чудесах, видениях, как легендарных, так и документально подтверждаемых» [2, с. 132-133]. Такие необычные свойства проявляются, прежде всего, в целебности водных источников, растений, проток, разломов, холмов, вершин, минеральных месторождений и пр. Это особые участки Земли, активно реагирующие на солнечные, космические, геологические, геофизические и другие аномальные явления. Из этого следует, что места для поклонения и обустройства святилищ древними людьми выбирались не случайно. «В окружающем ландшафте человек выделял места, вызывающие сильные эмоциональные реакции, пробуждающие воображение и стимулирующие интеллектуальную деятельность. Такие места соответствовали религиозным представлениям о местах обитания духов, богов и иных “сил”, отмеченных качеством святости. Однако, кроме внешних признаков для выбора священного места, существовали и более глубинные побудительные мотивы. Например, по данным геологов Карельского научного центра Российской академии наук, христианские культовые сооружения Русского Севера, часто возведенные на месте более древних языческих святилищ, располагаются там, где в земной толще возникают геопатогенные зоны. Над активными разломами расположены Кийостровский и Кожозерский монастыри в Архангельской области, Даниловский монастырь на востоке Карелии. Знаменитая Соловецкая обитель находится над гравитационной аномалией. Подобная приуроченность сакральных мест к аномальным зонам изучена на многочисленных примерах. Все это свидетельствует о том, что уже в глубокой древности человек, не обладающий даже и тысячной долей современных информационных и технических возможностей, мог только на уровне подсознания чувствовать, где «хорошее» место с положительной энергией, и там возводил святилище, а где «плохое» и избегал его не только в отношении строительства святилища, но и жилья, и даже скот там старался не пасти» [[1].

На Алтае подобные наблюдения зафиксированы в районе Белухи и Уймонской долины. Согласно мифо-экологическим представлениям и многовековым наблюдениям коренного алтайского и русского населения все источники, находящиеся под Белухой – это целебные аржаны (источники, родники), что текут «всему миру на исцеление». Таким образом, целебные свойства приписывают всем источникам, водным топосам, находящимся непосредственно под Белухой или в ее окрестностях. С нее берут начало самые красивые реки Алтая, здесь находятся самые популярные природные объекты – озера и водопады. К ним также относятся река и озеро Ак-кем, исток Катунь, Язевое озеро, расположенный в долине Ак-Кема водопад Текелю, Мультиинские озера все они почитаются как священные и имеют известность как исцеляющие от многих болезней. Кроме того, целебными свойствами обладают месторождения голубой, белой, желтой, красной, сиреневой и голубой глины в прилегающих к Белухе острогах. К югу от Белухи, между реками Черная и Белая Берель, на территории современного Восточного Казахстана, недалеко от точки пересечения границ всех четырех государств Большого Алтая, расположены знаменитые Рахмановские ключи – целебные минеральные термальные подземные источники с радоновыми водами. Вода Рахмановских ключей по своему составу близка к водам Белокурихи (Алтайский край) и курорта Цхалтубо в Грузии.

Эти представления находят свое подтверждение и в культе Белухи, которую боготворят проживающие на территории Алтая этносы, воспринимая пространство вершины как храм, как сакральный природно-культурный комплекс. Так, у алтайцев, сохраняющих традиции сакрализации пространства по сей день, широко распространен культ «духов» местности, между которыми поделена вся территория Алтая на зоны сакрального влияния, внутри таких зон происходит последующее членение пространства, оформляемого «духами» более локального уровня. Местопребыванием духов, влияющих на жизнь сообщества, служат ландшафтные топосы – горы, скалы, реки, рощи, острова, урочища. Сакральный статус пространства поддерживается семиотикой культовых сооружений – обо, коновязей, ступ и пр. Как правило, священные места структурируют вокруг себя ландшафт с высокой сакральной наполненностью: по периферии почитаемую гору охраняют священные же камни, у ее подножия бьют особые лечебные источники. И обрамляет подножие вершины лесной массив, также наделенный особым ореолом святости – как и в случае с Белухой [7].

Показательно, что в традиционном мировоззрении коренных народов Алтая до сих пор сохранилось представление об органической взаимосвязи человека с окружающим ландшафтом, и, в частности, с духом горы. Священный топос воспринимается как живой, обладающий разумом организм, как жизнедеятельный священный центр. Алтайцы полагают, что душа человека изначально зарождается в горе и после смерти возвращается обратно. В их религиозном мировосприятии священная вершина является самой крайней географической точкой, наиболее приближенной к миру высшего божества – Тенгри. Существует предание, что дух отдельной горы и всего Алтая в особых случаях может открыться избранному человеку либо в облике седовласого старца, на белом коне, либо прекрасной светловолосой женщины. Поэтому горы у местных жителей вызывают чувство восхищения и благоговения, а образ священной горы защищен многочисленными запретами. Так, согласно мифологическим представлениям коренных жителей, Белуха находится под покровительством духов священных гор. Поэтому в непосредственной близости от Белухи нельзя охотиться. На перевалах, ведущих к вершине, повязываются ленты (кыйра) и сооружаются курганы из камней – обоо-таш. Существуют строгие правила поведения на горных перевалах, где запрещено громко разговаривать, включать музыку, шуметь [там же].

В досоветские времена на Алтае был достаточно широко распространен обряд моления: мужчины могли прийти помолиться, но только до определенной черты у подножья горы, женщинам не разрешалось близко подходить даже к этой черте. Также сохранилось представление, что моления Белухе позволяют установить контакт с ее «хозяйном», который наделен мистической силой и от которого зависит здоровье и благополучие отдельного человека и всего рода. И несоблюдение традиций почитания священной горы может привести к неблагоприятным последствиям.

Со своей стороны ученые отмечают активное движение воздушных масс вокруг Белухи. По их мнению, это приводит к быстрому изменению погоды, что создает контрастность воздушных масс, придающих эффект заряженного элемента, привлекающего к Белухе и ее окрестностям огромное количество природной энергии. Геологами зафиксировано и редкое для горных систем идеально спиральное расположение прогибов земной коры. По данным исследователей, в целом на Алтае сосредоточено большее количество зон с геомагнитными и атмосферными аномалиями, с редким сочетанием геологических структур и минералов. Однако для серьезного научного обоснования уникальности геолого-энергетического аспекта сакральности природных объектов, в том числе и Белухи, предстоит проведение более глубоких, систематических междисциплинарных исследований в области естественных наук, а также общекультурного и философского синтеза.

Из сказанного очевидно, что Уймонский культурно-природный комплекс можно рассматривать как некий сакральный центр, призванный сосредоточить внимание человечества на духовных основаниях бытия, на жизненной необходимости следовать моральным императивам, являющимся отражением высших метафизических принципов (идей/эйдосов) бытия.

Список литературы

1. Горбатовский В. В. Геологические образования – сакральные объекты народов России // Материалы международной конференции «Уникальные геологические объекты России: сохранение и рекреационный потенциал». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geomem.ru/confer_report.php?idr=18
2. Григорьев Ал. А. География Всемирного наследия. – СПб.: Астерион, 2012 г.
3. Ефремова Н.С. Святилище Кучерла-1 как источник по реконструкциям духовной культуры древнего населения Горного Алтая. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд.ист. наук. Новосибирск, 2008 г.
4. Иванов А.В. Укок как священная территория народов Алтая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.fondaltai21.ru/publish/another/6367>
5. Малолетко А.М. Палеогеография // История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002.
6. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М, 1989.
7. Садалова Т.М. Священные территории Республики Алтай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yakutiafuture.ru/2015/10/27/svyashhennye-territorii-respubliki-altaj/>
8. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования./ Окладникова Е.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks357350
9. Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты окрестностей Кадын-Бажы (Белухи). 06.03.2013. - URL: <https://altaierjine.wordpress.com/2013/03/06/soenov/>
10. Элиаде М. Священное и мирское/ Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К.Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОГО
ХОЗЯЙСТВА У СЕЛЬКУПОВ ВЕРХОВИЙ РЕКИ ТАЗ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014 и 2017 ГГ.)**

Квашнин Ю.Н., Дыбчак Анджей

В докладе рассматриваются особенности организации оленеводческого хозяйства у селькупов-частников, проживающих в верховьях реки Таз, на одном из его левых притоков реке Поколька. В ходе исследования выявлено что, сегодня верхнетазовские селькупы ведут комплексное хозяйство. Круглый год они ловят рыбу, охотятся в тайге на разных животных, мясо которых идёт в пищу, а шкурки некоторых из них – на продажу. Оленеводство является для них вспомогательной отраслью и не играет такой же важной роли, какую оно играло ещё полвека назад.

Ключевые слова: *верховья реки Таз, река Поколька, селькупы, оленеводство, стойбище, бревенчатый сруб, палатка, дымокурный сарай, дикие олени.*

**FEATURES OF THE ORGANIZATION OF REINDEER HERDING
HUSBANDRY FROM THE SELKUPS OF UPPER TAZ RIVER
(ON MATERIALS OF FIELD STUDIES IN 2014 and 2017)**

Kvashnin Yu.N., Dybczak Andrzej

The report examines the features of organization of reindeer herding economy from the Selkups-privateers, living in the upper reaches of the Taz river, on one of its left tributaries of the river Pokolka. The study revealed that today Selkups are mixed farming. All year round they fish, hunt in the forest on different animals, meat which goes in food, and skins some of them – on sale. Reindeer husbandry is an auxiliary industry for them and does not play the same important role as it played half a century ago.

Key words: *upper river Taz, river Pokol'ka, Selkups, reindeer camp, log house, tent, smoky shed, wild deer.*

Река Таз, одна из самых крупных рек Ямало-Ненецкого автономного округа, протекает по территории Красноселькупского и Тазовского районов. В бассейне Верхнего и Среднего Таза расселены селькупы, в низовьях – тундровые ненцы. На всём протяжении реки в таёжной и тундровой зонах селькупы и ненцы выпасают стада домашних оленей.

Тундровое ненецкое оленеводство показывает в целом положительную динамику, несмотря на определённые трудности, связанные с промышленным освоением территорий традиционного землепользования. Таёжное оленеводство селькупов находится в упадке, так как до сих пор не может оправиться от последствий глубокого кризиса 90-х гг. XX в., когда поголовье домашних оленей в Красноселькупском районе сократилось почти в 9 раз (с 8,9 тыс. до 1,4 тыс.).

Благодаря мерам, предпринятым в последние годы руководителями хозяйственных организаций, на территории Красноселькупского района насчитывается сегодня около 3000 голов оленей, большая часть которых принадлежит двум агрофирмам. Около 2000 голов выпасается на границе с Тазовским районом пастухами-ненцами, нанятыми в работники агрофирмой «Приполярная». Остальные олени рассредоточены мелкими стадами у селькупов, проживающих к югу и юго-западу от районного центра

Красноселькуп и в тайге между национальными сёлами Толька и Ратта. Незначительная часть таёжных жителей работает в агрофирме «Толькинская», выпасая около 500 оленей. Большинство ведут частное хозяйство, где наряду с оленеводством занимаются рыболовством, охотой на боровую дичь и сбором дикоросов.

Далее мы рассмотрим особенности организации оленеводческого хозяйства у селькупов-частников, проживающих в верховьях реки Таз, на одном из его левых притоков реке Поколька. Полевые исследования проводились здесь в июне 2014 г. одним из авторов доклада в рамках гранта РГНФ «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов» и в марте 2017 г. в ходе первой совместной польско-российской этнографической экспедиции.

Стойбища селькупов в районе р. Поколька, какими нам удалось их наблюдать, расположены на возвышенных местах, можно сказать, на островах, окружённых хвойной тайгой, перемежающейся тундровыми прогалинами. Характерным примером является стойбище большой семьи Баякиных, где проживают 3 семьи (12 человек). Для обустройства стойбища вырублены деревья на площади, достаточной для расположения 3-х низких бревенчатых жилых домиков срубного типа с двускатными крышами, дымокурного сарая для оленей, хозяйственных построек – бани, туалетов, огороженных колодцев с навесами. Друг от друга домики отстоят на расстоянии от 50 до 70 м. По словам местных старожилов, верхнетазовские селькупы начали строить срубы около 15 лет назад. До этого они жили в чумах или в землянках. Вокруг стойбища, по периметру длиной примерно в 6 км, установлена ограда из тонких еловых стволов, ограничивающее свободное передвижение оленей.

Хозяйственные строения расположены на стойбище за домиками. Рядом с домиками к деревьям верёвками привязаны собаки. У каждого хозяина имеется одна-две собаки, которых используют для сбора оленьего стада и для охоты. Открытое пространство между строениями предназначено для оленей, которых отлавливают здесь арканом для повседневных хозяйственных нужд, когда те приходят с пастбищ на стойбище.

На этом стойбище Баякины проживают и зимой, и летом. При необходимости мужчины выезжают отсюда на охоту, рыбалку или для окарауливания оленей. В качестве временных жилищ на охотничьих или рыболовных угодьях они используют традиционные полусферические сооружения из гнутых дугой тонких веток черёмухи или берёзы, покрываемые брезентом. Называются они по-селькупски «кумар», или по-русски «балаган».

Не так давно в верховьях Таза стали появляться четырёхместные туристические палатки, заменившие некоторым селькупам кумары или чумы. По словам информанта Николая Ирикова, когда 10 лет назад он с семьёй ездил к родственникам в д. Сургутиха Туруханского района Красноярского края, они увидели в тайге у местных кетов целый городок, состоящий из таких палаток. Новшество им очень понравилось, и они сами, а за ними и другие селькупы стали использовать палатки в качестве жилища.

Традиционным транспортным средством для таёжных селькупов до сих пор остаются нарты. Их используют и зимой, и летом. Селькупские нарты почти не отличаются от нарт ненцев, только сидение сделано уже, потому, что селькупы садятся на нарты верхом. По мере необходимости нарты ремонтируют или строят новые.

Весной и без того болотистую местность вокруг островов затопляет половодье и, вплоть до начала июня месяца, селькупы передвигаются по тайге на лодках с моторами или долблёнках.

Неотъемлемой частью селькупского хозяйства сегодня являются снегоходы, как отечественного производства («Буран»), так и зарубежные («Yamaha», «Suzuki»). Почти в каждой семье есть и такие, и такие. Можно сказать, что обладание зарубежным снегоходом добавляет владельцу престижа. Используют их редко, для кратковремен-

ных выездов на зимнюю охоту или рыбалку. «Бураны» же являются «рабочими лошадками». С их помощью селькупы зимой пробивают таёжные тропы, по которым потом могут спокойно идти олени упряжки. На них мужчины и женщины совершают дальние переезды, к соседям или в посёлки. К «Буранам», при необходимости, прицепляют самодельные металлические или покупные пластмассовые «корыта», где при переездах размещаются женщины и дети или товары и продукты. Кроме того, снегоходы отечественного производства можно ремонтировать прямо посреди дороги, в чём мы не раз убедились в поездках с селькупам по тайге.

Оленей у селькупов, проживающих на р. Поколька, немного. К примеру, три семьи Баякиных держат всего около 30 голов. Олени содержатся на полувольном выпасе. Летом, с начала июня до начала августа олени страдают от жары и комаров, поэтому держатся кучно и большую часть суток проводят на стойбище. В это время селькупы устраивают дымокуры в специально построенных для этого бревенчатых сараях с односкатной или двускатной крышей и одним или двумя выходами. По размеру сараи строят так, чтобы там свободно помещались все олени. Для большого стада дымокуры устраивают у обоих выходов, огораживая их тонкими брёвнами, чтобы олени не обожглись. К вечеру, когда спадает жара и становится меньше комаров, олени сами выходят из сараев и уходят на пастбище. Окарауливания пасущегося стада летом селькупы не практикуют, в нарты оленей не запрягают.

В зимнее время, пока лежит снег, олени дольше находятся на пастбище, а к стойбищу подходят один или два раза в день. В это время их удобнее всего поймать, чтобы запрячь в нарты. Когда необходимо отловить несколько оленей для дальнейшей поездки применяют аркан. Если нужно подвезти какой-либо груз или найти затерявшихся в тайге оленей, то часто подманивают хлебом или мелкой мороженой рыбой двух-трёх ручных оленей, которых и запрягают в нарты.

В межсезонье между долгой зимой и коротким летом олени иногда уходят на далёкие расстояния от стойбища, поэтому пастухам приходится передвигаться вместе с ними и жить на пастбищах во временных жилищах – чумах или палатках.

Особый случай, когда селькупы используют большую и лучшую часть оленьего стада – это гонки на оленьих упряжках. Обычно гонки проходят один, реже два раза в год в марте месяце на праздновании «Дня оленевода», который попеременно проводится в разных населённых пунктах Красноселькупского района. Для гонок отбирают самых сильных, кастрированных самцов, от 3-х лет и старше. У кого из селькупов совсем небольшое поголовье и самцов в стаде мало, те запрягают в гоночную упряжку самок, иногда даже беременных. Ходить в упряжке оленей приучают зимой. Особое внимание уделяют обучению передового оленя. При обучении упряжных оленей новичкам надевают костяные налобные пластины, которые при натяжении упряжи причиняют оленям боль. Таким образом селькупы приучают оленей следовать командам погонщика. Хорошо обученным оленям пластины заменяют кожаными ремешками.

Оленья упряжь у селькупов почти не отличается от такой же у ненцев. Единственным отличием является отсутствие одной лямки, которую ненцы обычно протягивают между передних ног оленей. Селькупы говорят, что при движении, особенно при быстром, эта лямка давит на грудь оленя, мешая ему свободно дышать.

Малооленность таёжных селькупов можно объяснить многими причинами. Круглый год домашних оленей в тайге подстерегают опасности. Летом к стойбищам часто подходят медведи, которым иногда удаётся зарезать одного-двух оленей. Часто пастухам приходится отгонять непрошеного гостя выстрелами из ружья в воздух, и загонять оленей в дымокурный сарай. Зимой оленям угрожают волки и россомахи. Нередко домашних оленей уводят их дикие сородичи. Отбить своих оленей у дикарей практически невозможно.

Конечно же очень многое зависит от конкретного человека, его умения и желания содержать и караулить оленей. Некоторые хозяева по старости, иногда по нерадивости, упускают своих оленей. Те прибывают к диким или пасутся отдельно, постепенно сами превращаясь в диких. К примеру, один из проживавших в районе р. Покольки селькупов, состарившись и изнемогая от болезней, ушёл из тайги и стал жить в с. Ратта, а его дети не хотят заниматься оленеводством. Стадо его оленей, примерно в 30 голов свободно кочует по тайге, но, по выработавшейся годами привычке, не уходит далеко от привычного стойбища. Через несколько лет, если этих оленей не приучить к новому хозяину, они совсем одичают и будут представлять угрозу соседним стадам домашних оленей.

По нашим наблюдениям, сегодня верхнетазовские селькупы ведут комплексное хозяйство. Круглый год они ловят рыбу, охотятся в тайге на разных животных, мясо которых идёт в пищу, а шкурки некоторых из них – на продажу. Оленеводство является вспомогательной отраслью и не играет для них такой же важной роли, какую оно играло ещё полвека назад.

УДК 902.7 (571.17)

САКРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА МРАССУ КАК ОБЪЕКТ ПОЧИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ¹

Кимеев В.М.

Описывается использование современными шорцами реконструированных историко-археологических памятников в музее-заповеднике «Трехречье», а также сакральных гор, рек и родников в прилегающих зонах охраняемого природного ландшафта во время народных летних праздников. Анализируется почитание культовых сооружений: Тэнгрианского храма у п. Кичи и сохранившихся объектов бывшего Мрасского стана Алтайской духовной миссии в п. Усть-Анзас Таштагольского района Горной Шории.

Ключевые слова: Шорцы, историко-археологические памятники, природные сакральные объекты, традиционные культы, религиозный синкретизм, праздники.

SACRAL SITES OF MRASSU RIVER BASIN AS AN OBJECT OF VENERATION OF MODERN SHORS

Kimeev V.M.

Describes how to use the modern shorcami reconstructed historical-archeological monuments in the museum-reserve "the Individual", as well as the sacred mountains, rivers and springs in the surrounding areas of protected natural landscape during the popular summer holidays. Examines the veneration of religious buildings: the Tjengrianskogo temple at p. Kichi and surviving objects of the former mill Mrass Altai spiritual mission in Ust-Tashtagol district Anzas mountain Shoria.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-11-42003/17-ОГОН «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»

Keywords: *Shors, historical and archeological monuments, natural sacral objects, traditional cults, religious syncretism, holidays.*

На территории современной Горной Шории вблизи бывших таежных улусов Таштагольского района, Мысковского и Междуреченского городских округов у местного населения сохранилась память о сакральных святынях – священных горах, водных источниках, у которых регулярно проводятся праздники с реконструкциями традиционных религиозных обрядов с определенной долей современного мифотворчества со стороны шорской артистической элиты близлежащих городов. Среди самой сельской молодежи в местах их компактного проживания такая религиозно-обрядовая практика почти не практикуется. После закрытия здесь производства и сельских школ усилился процесс миграций в крупные города юга Кузбасса, где в 2010 г. уже проживало более 80% всех шорцев, хотя они там и составляют абсолютное меньшинство (5,4 % - в Таштаголе, 3,5 % - Мысках, 1,5% - в Междуреченске). Высокая смертность среди старшего и среднего поколения приводит к постепенному вымыванию традиционной этнокультурной среды и мировоззрения в таежных шорских поселках в бассейне Мрассу, верховьях Кондомы и Томи [Кимеев, 2016, с. 160 - 164].

Обычно полевые этнографические экспедиции в Горную Шорию проводились в летнее время маршрутным методом. Это позволяло охватить большее число информантов, но сужало достоверность полученных материалов. Со слов информаторов этнографы фиксировали обычно устную традицию, часто не имея возможности проверить ее истинность. Первоначально и нам приходилось работать по этой методике, используя в основном опросные листы и интервью старожилов по которым и формировался обычно образ традиционной культуры всего шорского народа, что оказалось далеко от истины. Не помогало и непосредственное участие в свадебном и погребальных обрядах.

Более 25 лет назад в одном из таких таежных улусов – Усть-Анзас была основана стационарная база экспедиций Санкт-Петербургского и Кемеровского государственных университетов в мемориальной усадьбе этнографа В. М. Кимеева. Это позволило проводить круглогодичный мониторинг этнокультурной среды и актуализировать традиции через праздники на территории музея-заповедника «Трехречье» и экомuzeя «Тазгол». В зонах охраняемого природного ландшафта музеев и Шорского национального парка, экспедициями выявлено и исследовано большое количество памятников археологии, сакральных памятников природы, а также историко-этнографических памятников, связанных с деятельностью Алтайской православной миссии. Часть из них музеефицировано в экспозициях музеев под открытым небом и используется во время регулярных народных праздников, организованных представителями городской национально-политической элиты и фольклорных ансамблей при активной поддержке местной администрации [Кимеев, 2011]. Наиболее значимыми из них являются реконструированное на месте раскопок «Погребение кыргызского воина» обрядом трупосожжения на второй надпойменной террасе берега Мрассу - поляна на горе Кайчак территории экомuzeя «Тазгол». Большим открытием стало исследование многослойного памятника Усть-Пызас 2 в окрестностях поселка Усть-Кабрза с погребением по обряду трупоположения. Находки ныне представлены в диораме Музея этнографии и природы Горной Шории, а на месте памятника вместо реконструкции по предложенному архитектурному проекту выкопано две деревянные скульптуры – т.н. «кабырзинской принцессы и ее витязя» стараниями зам. главы таштагольской администрации шорской национальности [Кимеев, 2011].

Еще на рубеже XX в. в мрасских улусах сформировалась причудливая картина религиозного синкретизма. Почти все семьи хранили изображения домашних духов-покровителей, характеризующие древние представления, истоки которых глубоко уxo-

дят ещё в эпоху родового строя. Почти в каждом крупном селении были шаманы с бубнами и другими атрибутами культа, почитались сакральные культовые места во время весеннего праздника *Шачил*. Наличие каких-либо тэнгрианских или бурханистских (ламаистских) культовых сооружений в улусах шорских улусах не отмечено участками предыдущих экспедиций. Но в улусе Усть-Анзас с 1878 по 1918 г. существовал Мрасский стан Алтайской духовной миссии, объекты которого – Троицкий храм находятся в стадии реставрации и реконструкции на территории экомузeya «Тазгол». Работы проводятся совместными усилиями муниципальных властей, участников нашей экспедиции и клириков Кемеровской епархии РПЦ согласно Проекту зон охраны и генеральному плану экомузeya «Тазгол», разработанного московскими архитекторами на основе наших многолетних этноархеологических исследований. Начавшаяся Гражданская война и закрытие Алтайской духовной миссии не позволило закончить строительство деревянного Никольского храма, столбовой фундамент которого был заложен и освящен Мрасским миссионером Павлом Кадымаевым еще в 1916 г. [Ерошов, 1994, с. 27]. Появившиеся на окраине улуса Усть-Анзас с конца XIX в. и сохранившиеся до сих пор у горы Кабакташ православное кладбище, посещается только во время похорон и поминок и находится в запущенном состоянии.

Под влиянием советской идеологии духи-покровители шорских родов-сеоков уступили место новым «коммунистическим божествам», а в мировоззрение шорцев внедрялись атеистические установки, полностью выдавившие шаманизм и религиозную обрядность. Оставшиеся шаманы вслед за православными миссионерами были репрессированы. Осуждалось даже почитание и хранение изображений домашних и охотничьих духов-покровителей, которые частично сохранились только в музейных экспозициях. Процесс превращения родоплеменного шаманизма в классовую религию – тэнгрианство у шорцев так и не был завершен.

Уже в постсоветский период стараниями лидеров таштагольской национально-политической элиты и фольклорного ансамбля «Чылтыс» при активной поддержке местных властей у городских шорцев стал возрождаться театрализованный неошаманизм, а также конструироваться, не свойственное им ранее *тэнгрианство* с новой обрядностью и храмостроительством. Все современные шорские фольклорные праздники обязательно сопровождаются камланиями шаманов или шаманок с бубном, иногда коллективных камланий, Знаковым событием стало освящение неотэнгрианского храма, лично построенного шаманом Александром Тудигешевым рядом со священным родником у п. Кичи при финансовой поддержке и непосредственном участии в открытии храма Главы Таштагольского района, ансамбля «Чылтыс» с шаманами и бубнами, а также шорской общественности и местной прессы.

До этого неотэнгрианские моления изредка проходили на вершине Священной для шорцев горе Мустаг. Во время юбилейного праздника поселка Усть-Анзас в августе 2017 г. на территории бывшего Миссионерского стана шорский ансамбль «Чылтыс» и другие организаторы из местных властей ограничились концертом художественной самодеятельности с участием шаманки Надежды Муртаевой, поздравлениями именитых гостей, вручением подарков уважаемым односельчанам и спортивными состязаниями. Практикуемый в 2012 г. тэнгрианский обряд с шаманским камланием, жертвоприношением духу огня, коленопреклонением с простертыми к небу руками на священной поляне, обустроенной на горе Кайчак территории экомузeya с выложенными остроконечными каменными жертвенниками, напоминающими монгольское «обо», в 2017 г. уже не проводился. Во время ледохода на Мрассу до середины XIX в. праздник «Шачил» проводился на нижней террасе у священного родника, потом расположились объекты Мрасского стана. Сам обряд был ориентирован на почитание духов воды *сугези* и горы *Айгантагези*. Во время него все пришедшие сливали принесенную брагу в

один большой берестяной сосуд, затем связывали общею гирлянду из собранных со всех мужчин – перьев глухаря, а с женщин – холщовые ленты, которую молодец подвешивал на березе, а после этого старший подбрасывал деревянную чашку и если она падала дном вверх, то год будет удачным. Все заканчивалось собиранием разбросанных кусочков бересты на месте проведения обряда. При этом шаман бил колотушкой в бубен и произносил заклинание.

В советскую эпоху храм разобрали, а другие объекты использовались под школу и склады. На водоносной жилой родника долгие годы существовал школьный туалет, фекалии которого через дренаж просачивались в родник, но никого это волновало! Восстанавливать проведение обряда Шачил на прежнем месте никто не пытался.

Памятники природы зоны охраняемого природного ландшафта экомuzeя «Таз-гол» Усть-Анзасской сельской территории и Шорского национального представлены живописными объектами природы: – Сагинским водопадом; живописными скалами: Утунг-Кая (другое название Царские ворота), Хатыр-Кая, Чарых-Кая»; пещерами у поселков Сага, Чазы-Буг, Парушка, Шор-Тайга, Парлагол, Хомутовскими порогами Сагинский водопад – уникальный для Горной Шории объект природы, расположенный в небольшом узком каньоне в 200 метрах от левого берега р. Мрассу. С высоты 15 метров падает, разбиваясь о камни, ручей Шолбычак и успокаивается в студеном озерце с небольшим гротом. В каньоне много редких лекарственных трав. Вверх по ручью на сопоре расположена шорская усадьба.[Скалон, 1997, с. 87; Скалон, 2007].

По шорским легендам в бассейне реки Мрассу от Усть-Кабырзы до Мрасских порогов особо почиталось несколько священных сакральных объектов природы. Самой старшей горой считается в Кузнецкой тайге гора *Мустаг*, ее обычно называют Адам-Пустаг, отец-Пустаг, она может приказать и другим горам давать пушнину, помогает людям и т.д. По этимологии хакасского этнографа В.Я. Бутанаева название Мустаг означает жертвенная гора, где по легендам происходили жертвоприношения животных, посвящение шаманских бубнов родов-сеоков Челей и Шор, у которых она считалась родовой. После открытия горно-лыжного курорта «Шерегеш» Мустаг еще более стал испытывать высокую антропогенную нагрузку, что отрицательно сказывается на экологии это уникального памятника природы Горной Шории и сакрального для шорцев. При изготовлении первого бубна шорские шаманы получали от Мустага сведения о сроке камлания бубном и количестве бубнов, а значит и о сроке жизни самого шамана. Инсценировка подобного обряда участниками шорского ансамбля «Чылтыс» в 1985 г. не привела к его закреплению и не прижилась.

Роль старшей горы играет и гора *Каратаг* в окрестностях поселка Усть-Кабырза. Этнограф В. Я. Бутанаев считает ее родовой горой сеока Карга и утверждает, что на вершине покоится плот каргинцев, на котором они спаслись от потопа. Имеется там и каменное седло, отчего гора называется также Изерташ. Переводится с шорского как «черная гора». В преданиях рода Карга сообщается, что на горе Кара-таг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель прежде видали, а теперь не могут увидеть ее. Эта колыбель была колыбелью их отцов. По инициативе главы п. Усть-Кабырза В. А. Топакова в 2011 г. было проведено восхождение на эту священную гору участников Международной гоминологической экспедиции, но на вершине ни каменной колыбели ни снежного человека обнаружить не удалось.

Священную и почитаемую гору *Айган*, расположенную напротив поселка Усть-Анзас, ныне разрезала грунтовая дорога из пос. Шерегеш, а на вершине у крытой беседки для туристов и священной берёзы с подвязанными ими на ветвях лентами выкопана глубокая мусорная яма, что является кощунством для шорского мировоззрения. Сами шорцы на вершинах гор ветки не подвязывали, кучи из камней не складывали, а только слезали с седла лошади, выкуривали трубку и кропили хозяину горы *абырткой*

и разбавленным водой талканом, что и обязательно делают сейчас, выйдя из своей машины. По сведениям старожилов п. Усть-Анзасмоленее горе Айган устраивалось во время ледохода одновременно с обрядом Шачил на берегу Мрассу у священной березы. Осенью и зимой по дороге на промысел местные шорцы обязательно останавливались на тропе в вершине Айгана и кропили по сторонам света абырткой, костер не разводили и ленты на ветвях березы не подвязывали, как это предлагают делать сейчас автотуристам.

Царские ворота или прострелянная скала по-шорски *Утюнз-Кая*, расположенная на правом берегу Мрассу в 3 км ниже от устья р. Малая Суета, став излюбленным местом паломничества туристов также испытывает большую антропогенную нагрузку. По легенде гору Утью прострелил разгневанный младший сын Мустага – грубиян Кизей, за изгнание отцом и распросы Утьи.

Ниже Царских ворот напротив улуса Парушка на левом берегу реки Мрассу находится расколота скала *Чарых-кая* или *Шанчильк*, с которой связана другая легенда и почитается шорцами не менее Айгана: По легенде Мустаг, оставив в вершине реки Солтона китайку Тегди, сватался за дочь богатыря Шанчилька. За отказ, оскорбленный Мустаг отколол своей богатырской саблей большой кусок от Шанчилька и взял его дочь силой. Отколок этот и до сего времени стоит рядом с горой Шанчильк.

Паян-Тура – скала на левом берегу реки Мрассу против устья реки Ортон, сложенная гранитами и осадочными породами. Название по одной версии переводится как стойбище богача, по другой связана с названием бывшей Паянской (Ближне-Каргинской) волости, что косвенно указывает на возможное отселения сюда части тюльберов по пути из Тувы на Среднюю Томь, где до начала XX в. существовала Баянская (Паянская) волость тюльберов.

Мрасские пороги воспеты во многих шорских легендах, повествующих о легендарных событиях прошлых лет – *гора Кисмар*, *старуха Мнак*, *гора Утунк-кая*. На порогах длиной почти 8 км вздымаются высокие волны, мешающие вместе с камнями проходу лодкам даже после взрыва геологами порога в 1970-х года. Вдоль правого берега в 1930-х годах для транспортировки колхозных грузов была пробита объездная дорога, которая сейчас завалена обломками. Редко посещаемые шорцами верховских-мрасских поселков до сих соблюдают традицию и обязательно кропят водкой духу воды *сугези*, которая изображается в рассказах красивой молодой женщиной с распущенными светлыми волосами.

Шорским национальным парком совместно с туристическими фирмами, организующими ежегодные летние сплавы по Мрассу, разрабатывается буклет с обозначенными на карте историко-культурными и воспетыми в легендах природными памятниками.

Список литературы

1. Ерошов, В. В. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае / В. В. Ерошов, В. М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – 132 с
2. Кимеев, В. М. Тайны Кабырзинской принцессы / В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин. – Кемерово: ООО «Примула», 2011. – 272 с.
3. Кимеев, В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки: монография. – Изд. 2-е, доп. и перераб. / В. М. Кимеев: Кемеровский государственный университет – Кемерово, 2016. – 252 с.
4. Скалон, Н. В. Этноэкология шорцев реки Мрассу / Н. В. Скалон, В. М. Кимеев // Шорский сб.: Этноэкология и туризм Горной Шории : – Кемерово, 1997. – Вып. II. – С. 86 – 110
5. Скалон, Н. В. Животный мир Горной Шории / Н. В. Скалон: учеб. пособие. – Кемерово: Скиф: Кузбасс, 2007. – 64 с.

ДОРОГИ НА АЛТАЕ КАК ПОЛЕ МЕМОРИЗАЦИИ И БРЕНДИРОВАНИЯ: ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА

Коляскина Е.А.

Статья написана по материалам наблюдений, собранных за последние пятнадцать лет во время поездок по Алтайскому краю и Республике Алтай. В ней анализируются аспекты меморизации с помощью объектов располагающихся вдоль сельских дорог и крупных трасс. Использование этих объектов в региональном брендинге.

Ключевые слова: *Алтай, меморизация, дорога, брендинг, памятный знак, туризм, путешествия.*

THE ROAD IN THE ALTAI AS A FIELD OF MEMORIZATION AND BRANDING: NOTES ETHNOGRAPHER

Kolyaskina E.A.

The article is written on materials of observations, collected over the past fifteen years during trips for the Altai Krai and the Altai Republic. It examines aspects of memorization with objects located along rural roads and large highways. The use of these facilities in regional branding.

Keywords: *Altai, memorysize, road, branding, memorial sign, tourism, travel.*

Статья написана по материалам наблюдений, собранных автором за последние пятнадцать лет во время экспедиционных и личных поездок по Алтайскому краю и Республике Алтай, а также материалам доступным в сети интернет. В работе анализируются аспекты меморизации связанные с объектами, располагающимися вдоль сельских дорог и крупных трасс, их использование в региональном брендинге.

Можно выделить три крупных направления меморизации с использованием объектов (памятники, рекламные щиты. Знаки, сооружения и т.д.), располагающихся вдоль дорог: стихийную, стихийно-официальную и официальную.

Меморизация стихийная заключается в расположении вдоль дорог объектов, связанных с гибелью на ней людей: водителей, пассажиров, пешеходов, в результате автокатастрофы или наезда. Это могут быть искусственные или живые цветы, венки на знаке или дереве рядом с местом трагедии [ПМА. 2014. Усть-Калманский район; Место гибели "народного губернатора" ...].

В дальнейшем на этих местах могут ставить кресты с портретами, памятники по типу надгробных [ПМА. 2014. Усть-Калманский район; Место гибели "народного губернатора" ...]. Олицетворением всех памятников профессиональным водителям, погибших на дорогах Алтая, можно считать небольшой самодельный памятник герою шоферской песни Кольке Снегиреву, сваренный из деталей автомобиля и руля на Чуйском тракте в районе Белого Боба [Памятник Кольке Снегиреву (старый) ...]. Практика размещения подобных памятных знаков укладывается в рамки русской мифоритуальной традиции и характерной для нее ассоциации дороги с мотивом смерти, описанной в работе Т.Б. Щепанской [Щепанская, 2003, с. 299-304]. Как известно, активное возрождение данной традиции по всей стране привел даже к рассмотрению в 2013 году законопроекта Государственной Думой РФ о введения наказания за размещение похоронной атрибутики на обочинах дорог [ЛДПР предложила штрафовать ...].

Меморизация стихийно-официальная. В ряде случаев места гибели на дорогах Алтая из стихийно отмеченных перешли в разряд официально «увековеченных». Так на трассе Барнаул-Бийск через год после автоаварии, в которой погиб губернатор Алтайского края М.С. Евдокимов в августе 2005 года, была создана мемориальная площадка. Она включила в себя часовню, «надгробный» камень с надписью и первоначальное памятное сооружение из фотографии и цветов на дереве [Место гибели "народного губернатора" ...]. Несколько раньше на Чуйском тракте, недалеко от села Манжерок, появился мемориальный комплекс на месте автомобильной катастрофы, в результате которой в феврале 2003 года скончался мэр города Барнаула В.Н. Баварин. Мемориальный объект состоит из памятника в форме надгробного камня и беседку с ограждением. Данные комплексы были возведены на деньги частных жертвователей в память о погибших «народных» губернаторе и мэре, но с официального разрешения региональных органов управления и открывались при их участии.

Что касается создания мемориально-туристической зоны на месте памятника Кольке Снегиреву, то оно было приурочено к девяностолетию Чуйского тракта. Комплекс изначально планировался республиканскими властями как место активного посещения туристами, для возведения которого был объявлен сбор средств [В Республике Алтай ...]. Торжественно открытый главой Республики Алтай в 2014 году памятник включил в себя два автомобиля на постаментах и автомобильную парковку [На Чуйском тракте...].

Данные мемориальные объекты включаются многими туристами в описания своих путешествий как достопримечательности Алтая, включаются в туристические проспекты. Памятники М.С. Евдокимову и Кольке Снегиреву стали местами паломничества отдыхающих на Алтае. Поскольку памятник В.Н. Баварину расположен над обрывистым берегом Катуня, в настоящее время остановка в этом месте запрещена и туристы его могут только наблюдать из автомобиля.

Меморизация/брендинг официальные. Появление билбордов вдоль трасс региона с изображением ушедших из жизни выдающихся уроженцев Алтая: М.В. Шукшина, Г. С. Титова, М.С. Евдокимова, Р. И. Рождественского, Е.Ф. Савиновой, В.С. Золотухина и других, связано с брендингом Алтайского края как «родины талантов». Их размещение на развилках с крупных дорог связано с расположением сел, в которых родились космонавт, режиссер, поэт или актер. Содержание плакатов несет брендовый образ территории по формуле «место – человек»: «Косиха – родина Роберта Рождественского», «Сростки – родина В.М. Шукшина», «Я из Ельцовки».

Еще можно отметить меморизацию героев Великой Отечественной войны, рожденных на Алтае. Плакаты с их изображением и биографией вдоль трасс Алтая (Бийск – Горный Алтай, Бийск – Барнаул и т.д.) создают образ региона – «родины героев».

Размещенные на узловых рекреационных площадках трасс Алтайского края плакаты, посвященные знаковым туристическим местам, объединяют информацию о выдающихся уроженцах и жителях Алтая под лозунгом «Чуйских тракт – дорога в судьбы».

В последнее время стали появляться плакаты, отсылающие к историческим особенностям региона, его городов: «Барнаул – горнозаводской город» и т.д.

Таким образом, характерная для русской традиции практика создания памятных объектов вдоль дорог на Алтае из стихийной может становиться официальной и использоваться в брендинге региона. При этом во многом присутствуют традиционные ассоциации дороги со смертью и судьбой человека.

Фото 1. Объект меморизации на трассе Бийск – Белокуриха, 2017, фото автора.

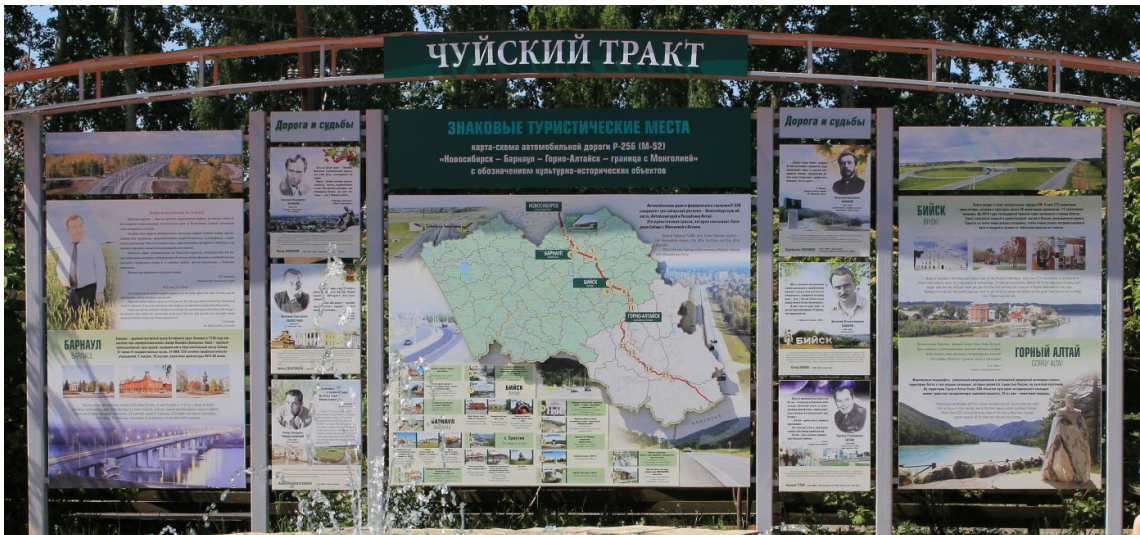

Фото 2. Рекламный щит на трассе Барнаул – Новосибирск, 2016, фото автора.

Список источников и литературы

1. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.

В Республике Алтай в честь 90-летия Чуйского тракта хотят поставить памятник герою песни - шоферу Кольке Снегиреву. 06.04.2012 <https://www.bankfax.ru/news/82847/> (29.05.2017).

ЛДПР предложила штрафовать за похоронные венки на дорогах // LENTA.RU. 10 апреля 2013. <https://lenta.ru/news/2013/04/10/fine/> (20.05.2017).

Место гибели "народного губернатора" Михаила Евдокимова на трассе Барнаул-Бийск активно благоустраивают (фоторепортаж). 29.05.2006. <https://www.bankfax.ru/news/35610/?page=11499> (29.05.2017).

На Чуйском тракте открыт памятник Кольке Снегиреву (фото). Новости Горного Алтая. 9 сентября 2014 года. <http://www.gorno-altaisk.info/news/32215>

Памятник Кольке Снегиреву (старый). Altaimap.ru. Путешествие ао Алтаю. http://www.altaimap.ru/gallery/pamjatniki/pamjatnik_kolke_snegirevu/pamjatnik_kolke_snegirevustaryj (29.05.2017).

Полевые материалы автора (ПМА). 2014. Усть-Калманский район.

УДК 391/397

ЭТНОКУЛЬТУРА КРЫМА И СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ ДИАСПОРЫ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лугвищик А.Н.

Описывается обзор информационных материалов (газета «Красная Мордовия» (1.11.1930 – 19.06.1951 гг.), «Советская Мордовия» (20.06.1951 – 30.03.1994)), интернет-источников и литературы, статистические и архивные данные, кратко проясняющих миграцию мордвы в Крым, в т.ч из Сибири и др. регионов РФ.

Ключевые слова: мордва, миграция, диаспора, Крым, численность, традиционная культура, история, дальнейшее изучение, полевые сведения.

ETHNOCULTURE OF CRIMEA AND SIBERIA ON THE EXAMPLE OF INVESTIGATION OF THE MIRDOVO DIASPORA: TO THE HISTORY OF THE QUESTION AND FIELD RESEARCH

Lugvishchik A. N.

An overview of information materials (newspaper «Krasnaya Mordoviya» (1.11.1930 – 19.06.1951), «Sovetskaya Mordoviya» (20.06.1951 – 30.03.1994)), Internet sources and literature, statistical and archival data, briefly clarifying the migration of Mordovians to Crimea, from Siberia and other regions of Russia.

Keywords: Mordovian, migration, Diaspora, Crimea, population, traditional culture, history, further study, field information.

Мордовское население мигрировало в Крым на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют статистические и архивные данные, полевые сведения и

публикации в местной периодической печати («Красная Мордовия» / «Советская Мордовия» / «Известия Мордовии») и др.

Таврическая губерния – административно-территориальная единица Российской империи, а позднее – РСФСР. Губерния существовала с 8 (20) октября 1802 г. по 18 октября 1921 г., когда из ее части была образована Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика – Крымская область, административно-территориальное образование в составе РСФСР (1945–1954) и Украинской ССР (1954–1991) [9, с. 154]. С 18 марта 2014 – республика, субъект РФ.

Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. позволяет выяснить численность мордовского населения и ее распределение по уездам в Таврической губернии [16]: обоего пола – 375 человек, из них мужчин – 308 человек, женщин – 67 человек; в городах – соответственно 44, 34 и 10, в уездах без городов – 331, 274 и 57; в Симферопольском уезде всего – 15, 12 и 3, из них в г. Симферополе – 2, 2 и 0, в г. Бахчисарае – 3, 1 и 2, в г. Карасубазаре – 1, 1 и 0, в уезде без городов – 9, 8 и 1; в Бердянском уезде всего – 211, 178 и 33, из них в г. Бердянске – 2, 2 и 0, уезде без города – 209, 176 и 33; Днепропетровском уезде всего – 11, 9 и 2; в Мелитопольском уезде всего – 30, 18 и 12, из них в г. Мелитополе – 11, 5 и 6, в уезде без города – 19, 13 и 6; в Перекопском уезде всего – 13, 13 и 0, из них в уезде без города – 13, 13 и 0; в Ялтинском уезде всего – 4, 4 и 0, из них в г. Ялте – 1, 1 и 0, в уезде без города – 3, 3 и 0; в Феодосийском уезде всего – 20, 20 и 0, в г. Феодосии – 1, 1 и 0, в уезде без города – 19, 19 и 0; в Керчи (Еникальское градоначальство) всего – 5, 3 и 2, из них в г. Керчи – 2, 2 и 0, без города – 3, 1 и 2; в Севастопольском градоначальстве всего – 25, 23 и 2, из них в г. Севастополе – 13, 12 и 1, в г. Балаклаве – 8, 7 и 1, без городов – 4, 4, и 0 человек.

Численность мордвы по данным переписи 1897 г.

Название республик, края и области	1897		
	Язык или языковая группа: мордовский		
	м	ж	Оба пола
Таврическая губерния,	308	67	375
Таврическая, в городах	34	10	44
Таврическая губерния – вся	308	67	375
Таврическая губерния	34	10	44
Таврическая губерния – уезды без городов	274	57	331
– Симферопольский уезд – весь	12	3	15
– Симферопольский уезд – г. Симферополь	2	0	2
– Симферопольский уезд – г. Бахчисарай	1	2	3
– Симферопольский уезд – г. Карасубазар	1	0	1
– Симферопольский уезд без города	8	1	9
– Бердянский уезд – весь	178	33	211
– Бердянский уезд – г. Бердянск	2	0	2
– Бердянский уезд без города	176	33	209
– Днепропетровский уезд – весь	9	2	11
– Днепропетровский уезд без города			
– Мелитопольский уезд – весь	18	12	30
– Мелитопольский уезд – г. Мелитополь	5	6	11
– Мелитопольский уезд без города	13	6	19
– Перекопский уезд – весь	13	0	13

– Перекопский уезд без города	13	0	13
– Ялтинский уезд – весь	4	0	4
– Ялтинский уезд– г. Ялта	1	0	1
– Ялтинский уезд без города	3	0	3
– Феодосийский уезд – весь	20	0	20
– Феодосийский уезд — г. Феодосия	1	0	1
– Феодосийский уезд без города	19	0	19
– Керчь – Еникальское градоначальство – все	3	2	5
– Керчь – Еникальское градоначальство – г. Керчь	2	0	2
– Керчь – Еникальское градоначальство без города	1	2	3
– Севастопольское градоначальство – все	23	2	25
– Севастопольское градоначальство – г. Севастополь	12	1	13
– Севастопольское градоначальство – г. Балаклава	7	1	8
– Севастопольское градоначальство без городов	4	0	4

По данным переписи населения 2001 г. численность населения мордовской национальности в Автономной Республике Крым составила 2208 человек.

Численность населения мордвы по регионам Крыма. 2001 г.

	Всего человек	В % к общей численности мордвы	В % к общей численности населения региона
Симферополь	219	9,9	0, 0
Алушта	70	3,2	0, 1
Армянск	18	0,8	0, 0
Джанкой	40	1,8	0, 0
Евпатория	76	3,4	0, 0
Керчь	78	3,5	0, 0
Красноперекопск	36	1,6	0, 1
Саки	28	1,3	0, 1
Судак	34	1,5	0, 0
Феодосия	85	3,8	0, 1
Ялта	157	7,1	0, 1
Бахчисарайский	108	4,9	0, 1
Белогорский	73	3,3	0, 1
Джанкойский	172	7,8	0, 2
Кировский	70	3,2	0, 1
Красногвардейский	162	7,3	0, 2
Красноперекопский	50	2,3	0, 1
Ленинский	45	2,0	0, 0
Нижегорский	76	3,4	0, 1
Первомайский	38	1,7	0, 0
Раздольненский	30	1,4	0, 0
Сакский	146	6,6	0, 2

Симферопольский	156	7,1	0, 1
Советский	186	8,4	0, 5
Черноморский	55	2,5	0, 1

В региональном разрезе наибольшая доля лиц мордовской национальности отмечена в Симферополе (9,9 %). составив менее 0,1 % в общей численности населения региона. Наибольший удельный вес в общей численности населения региона зарегистрирован в Советском районе (0,5 %). Язык своей национальности назвали родным 440 человек (или 19,9 % мордвы), для 1 752 человек населения мордовской национальности (79,3 %) родным являлся русский язык, а для 11 человек (0,5 %) – украинский. Кроме родного соответственно 18,6 и 18,5 % населения мордовской национальности свободно владели украинским и русским языками, 13,6 – языком своей национальности и 0,1 % – крымско-татарским языком [24, с. 22–24]. Численность мордвы в Крыму изменялась как в сторону уменьшения, так и увеличения в зависимости от разнообразных причин – исторических, социально-экономических и культурных.

Изучая мордовский народ в Крыму, дополняем исследования по изучению диаспор [3, с. 56]. В статье впервые сделан обзор информационных материалов (газета «Красная Мордовия» (1.11.1930 –19.06.1951 гг.), «Советская Мордовия» (20.06.1951 – 30.03.1994)), интернет-источников и литературы, проясняющих миграцию мордвы в Крым с точки зрения поликультурной языковой картины мира.

Миграция мордвы в основном проходила в советское время в братские республики СССР – Казахскую, Таджикскую, Узбекскую, Грузинскую, Армянскую, Азербайджанскую, Литовскую, Латвийскую, Эстонскую и Украинскую ССР (в последнюю входила Крымская область). На это оказывали воздействие тексты публикаций СМИ о проводимой индустриализации, расцвете экономики в городах, высоких урожаях и достижениях в сельском хозяйстве, открытие новых колхозов и совхозов в сельской местности, создании там рабочих мест и условий проживания для приезжего населения. Информация подтверждалась постановлениями и льготами для переселенцев. Например, с 1950-х гг. произошли изменения при переселении в совхозы Крымской области. Так, были установлены единовременные денежные пособия, выделялись кредиты на строительство жилых домов с частичным погашением за счет государственного бюджета и др. (Постановление Совета Министров СССР № 259 от 13 марта 1959 г.). Документом, удостоверяющим право на получение льгот, являлся переселенческий билет. При переселении в колхозы и совхозы Крымской области, за исключением территории сельсоветов, подчиненных Ялтинскому городскому Совету депутатов трудящихся, выделяли единовременное денежное пособие: на главу семьи – 500 руб., на члена семьи – 150 руб. Кредит на строительство жилого дома с надворными постройками составлял 17 тыс. руб. Кредит на покупку коровы или другого крупного рогатого скота (на семью) – 15 тыс. руб. Переселявшимся в Крымскую область – может быть увеличен до 20 тыс. руб.» [17, л. 111–116].

Информационная модель действительности, создаваемая региональной прессой и адресуемая массовой аудитории, зависит от публицистического мироощущения и мирозерцания этнической картины мира, которая отличается необычайной экономической, социальной, культурной и демографической пестротой [11, с. 6]. Если говорить о проблемно-тематической направленности этнической информации, то ее в разных количественных пропорциях можно обнаружить в региональных периодических изданиях (например, в местной газете «Красная Мордовия» / «Советская Мордовия» под различными рубриками: «В братской семье народов ССР», «По родной стране», «Новости дня», «Новости культуры», «Фотохроника» (ТАСС), а также в объявлениях с приглашением на работу, учебу и т. д. [1, 14, 18, 26] Регулярно в СМИ размещались статьи,

посвященные дружбе народов – основе могущества Советского государства [25], чтобы подчеркнуть важность этого направления. Например, «Дружба народов СССР – воплощение идей социалистического интернационализма» [6], «Советский народ стремится жить в мире и дружбе со всеми народами» [21], «Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства» [7]. Так, в рубрике «В братских республиках» размещена краткая информация о том, что «школьники Мордовии выехали на отдых и учебу в лучший детский санаторий мира – Артек. Среди поехавших – от Ширингушского и Посопского детдома. Дети проведут в Артеке весенние каникулы, затем будут учиться и отдыхать в апреле-мае. Укрепив свое здоровье, вернуться домой» [4]. На полосах газеты «Советская Мордовия» в рубрике «В братской семье народов ССР» размещались объемные и краткие статьи достижениях в области экономики и культуры Украинской ССР [20]. Давалась информация к юбилейным датам. Например, в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, каких успехов добился украинский народ в государственном, хозяйственном и культурном строительстве [15]. Трудящиеся Чамзинского района Мордовии с большим подъемом провели районный праздник песни, посвятив его 300-летию воссоединения Украины с Россией [8]. В другом номере газеты говорится об украинской литературе в библиотеке им. В. И. Ленина [23]. В рубрике «Сорок славных лет» в статье «Великое единство» отмечается: «С созданием союзного многонационального государства все нации и народности нашей страны объединились в единую братскую семью» [21]. Размещались фотографии о стройках, заводах, уборочных машинах, другой технике, развитии фабрик и др. Такого рода публикации имели воздействие и мордовский народ ехал в Крым на работу, учебу и отдых. Так, по воспоминаниям Л. И. Поступинской, ее бабушка и дедушка (Никитин Егор Филиппович и Никитина Марина Филипповна) этапом, как середняки, выехали из с. Малая Толковка Ковылкинского района в Сибирь в с. Калиновка, потом переехали в с. Кротово Тюменской области, там же жили и родители. В начале 70-х гг., Л. И. Поступинская вместе с мужем переехали в Крым, так как здесь требовались врачи. Другие знакомые тоже переехали сюда, но из Казахстана и работали в сельском хозяйстве. В те годы мордва уже крепко обосновалась в с. Широкое, Акимовка, Чкалово, Ново-Андреевка и др. О том, что мордва с давних времен мигрировала в Крым, говорят артефакты мордовской традиционной культуры. Так, в Крымском этнографическом музее, ведущем культурно-просветительном учреждении и путеводителе по народам и культурам, представлен мордовский женский головной убор первой половины XX в. (домотканое полотно, позумент, серебряные бляшки, вышивка) [12, с. 1]. Народный костюм выступает как важное средство общения (коммуникативная функция), несет информацию о владельце (информационная функция) и тем самым способствует культурному взаимопониманию как в крестьянской среде, так и при контактах с представителями других этнических групп населения, осуществляя передачу художественного и исторического опыта от поколения к поколению [19]. Полевые сведения, собранные нами от информаторов – мордвы подтверждают, что их адаптация к культуре местного населения проходила неодинаково. Знание русского, украинского и татарского языков помогало мордовскому населению активнее пройти процессы инкультурации и адаптации к местным условиям проживания. Причем, старшее население лучше владеет украинским, русским и татарским языками. Мордве, переселившейся после 70-х гг., сложнее было адаптироваться к местной народной культуре (ПМА). Но эта часть мордовского населения создает свои этнокультурные общественные организации, чтобы через тексты песен, фольклор знакомить местное население с мордовской культурой, раскрывать ее в контексте непосредственного и опосредованного историко-культурного взаимодействия [22]. Установить культуру межнационального взаимодействия через гармонизацию межнациональ-

ных отношений как на личностном уровне, так и представителями различных национальностей» [5].

В Республике Мордовия в газете «Известия Мордовии» нередки публикации о Крымском Севастопольском мордовском обществе «Ялгат» («Друзья») (с 2009 г.). Его организатором является семья Балашовых. «Ялгат» объединили более 50 человек мордвы (В. Артамонова, А. Балашова, Л. Четыркина, Н. Сытова, Т. Суркова, В. Четыркина, Б. Колдин, Н. Калинин и др.) – уроженцев Мордовии, Ульяновской и Нижегородской областей. Мордовский фольклорный ансамбль «Келуня» («Березка») демонстрирует красоту национального костюма и мелодичность мордовских песен. На встречах, организованных Крымским региональным отделением «Ассамблея народов России» крымская мордва демонстрирует старинный обряд сватовства, делится приготовлением традиционных блюд «пачат» – блины, «поза» – мордовский квас, исполняют мордовские (мокшанские и эрзянские) песни [10].

Таким образом, этнокультура мордвы частично сохранилась и обладает культурными нормами по принципу исторического взаимодействия, отношению к видам материальной и духовной культуры, владению родным языком.

Список литературы

1. Барановский А. М. Расцветает Советская социалистическая Украина // Советская Мордовия. 10 окт. 1957.
2. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / под ред. С. Н. Южакова. – С.-Петербург, 1896. Т. 18. – 704 с.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 410 с.
4. В Артек – на отдых и учебу // Советская Мордовия. 4 апр. 1954.
5. Дик Н. Ф. Языковая личность в межкультурной коммуникации. Режим доступа: <https://grani.agni-age.net/articles10/4209.htm>.
6. Дружба народов СССР – воплощение идей социалистического интернационализма // Советская Мордовия. 21 авг. 1955.
7. Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства // Советская Мордовия. 20 марта. 1955.
8. Еделькин В. Праздник песни // Советская Мордовия. 1 июня. 1954.
9. Калуцкова Н. Н. Крымский полуостров (Крым) // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. – М. : Большая российская энциклопедия, 2010. Т. 16. – 751 с.
10. Крымская мордва. Режим доступа: <http://113rus.ru/news/31026>
11. Киричек П. Н., Потапов П. Ф. Печать и этнос : учеб. пособие. – Саранск, 2005. – 104 с.
12. Крымский ларец: выставка. – Симферополь, 2012. – 16 с.
13. Мартынова М. Ю. Путешествуем по этикету: Занимательная этнография; худ. Е. Демахина. – М.: Наука, 2017. – 104 с. (Академкласс).
14. Народное торжество в столице Украины (ТАСС) // Советская Мордовия. 1 июня. 1954.
15. Парад и демонстрация на Красной площади в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией (ТАСС) // Советская Мордовия. 1 июня. 1954.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1774.
17. ЦГА РМ. Ф. Р – 473. Оп. 1. Д. 143. Постановления Совета Министров Мордовской АССР по вопросам переселения и организованного набора рабочих за 1959. 211 л.

18. Рубрика «По родной стране» // Советская Мордовия. 24 сент. 1956.
19. Русский народный костюм. Режим доступа: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/russkii-narodnyi-kostyum/russkii-narodnyi-kostyum-4834.html>.
20. Советская Украина // Советская Мордовия. 25 дек. 1957.
21. Советский народ стремится жить в мире и дружбе со всеми народами // Советская Мордовия. 10 авг. 1955.
22. *Тамерьян Т. Ю.* Языковая модель поликультурного мира: интерлингвокультурный аспект: дис. на соиск. учен степ. д-ра. филол. наук. Нальчик, 2004. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-model-polikulturnogo-mira-interlingvokulturnyy-aspekt>.
23. Украинская литература в библиотеке им. В. И. Ленина (ТАСС) // Советская Мордовия. 25 мая. 1954.
24. *Финогеев Б. Л., Питюренько О. И.* Мордовский этнос: численность, расселение, занятость. – Симферополь, 2009. – 38 с.
25. *Хлябич И.* Дружба народов – основа основ могущества Советского государства // Советская Мордовия. 29 сент. 1951.
26. *Цюна И.* Обновленная Украина // Советская Мордовия. 25 дек. 1957.
27. Языковая картина мира. Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/51812/yazykovaya-kartina-mira>.

УДК 39

ЦЕНТР УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОДИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Люля Н.В.

В статье рассматривается история возникновения Центра украинской культуры Родинского района Алтайского края. На основе материалов интервьюирования определены основные виды деятельности Центра, направленные на популяризацию украинской культуры.

Ключевые слова: украинцы, популяризация культуры, Родинский район.

CENTER OF UKRAINIAN CULTURE RODINSKY DISTRICT OF ALTAI KRAI: HISTORY AND MAIN ACTIVITIES

Lyulya N.V.

The article discusses the history of the center of Ukrainian culture of Rodinsky district of Altai Krai. On the basis of materials of interviewing the main activities of members of the Center directed on popularization of the Ukrainian culture are defined.

Keywords: Ukrainians, popularization of culture, Rodinsky district.

В рамках изучения этнографии украинцев автором в июле 2017 года была совершена этнографическая экспедиция в один из районов Алтайского края компактного проживания украинцев – Родинский. В частности, было обследовано с. Родино. В ходе проведения полевых исследований было выявлено, что в обследуемом районе действует Центр украинской культуры. В связи с этим, сбор материала по истории возникнове-

ния и основных направлениях работы Центра стал приоритетным при изучении современного состояния украинской культуры в Родинском районе. Был проведен ряд встреч с руководителем Центра, полученная информация положена в основу данной публикации.

Центр украинской культуры Родинского района официально был образован в 2016 году по инициативе небольшой группы общественно активных жителей с. Родино. История образования Центра начинается с 2016 года, когда жители переулка Тихого решили отпраздновать его юбилей. Праздничные мероприятия были организованы семьей Чучуйко. Сценарий мероприятия включал в себя различные конкурсы: «Самый лучший двор», «Лучшая семья», «Лучшая вышивка». При этом для праздника был составлен сценарий на двух языках – русском и украинском, с использованием украинских костюмов и фольклора. «Поступило предложение ввести традицию отмечать дни рождения наших улиц», вспоминает Алексей Иванович [1].

Масштабность празднований заинтересовала администрацию района, которая предложила совместно организовать праздник улиц «Совместно мы живем» для всего районного центра. В результате общественная активность жителей села, и поддержка администрации района привели к образованию в 2016 г. Центра украинской культуры Родинского района [1]. Руководителем Центра стал Алексей Иванович Чучуйко, местный житель, пенсионер. Для Центра администрация выделила помещение – актовЫй зал. Однако из-за низких температур в зале Центру пришлось переехать в районный Дом культуры [1].

Основной целью Центра украинской культуры Родинского района, по словам А.И. Чучуйко, является популяризация украинской культуры через организацию и проведение творческих мероприятий [1]. На 2017 год численность членов Центра составляла примерно 50 человек разных возрастных категорий от 7 до 89 лет. Все члены Центра являются потомками украинских переселенцев в возрастной категории от 50 лет. Старейшим членом является 89-летняя А.П. Мельникова.

Следует отметить, что все члены Центра украинской культуры образуют различные творческие коллективы – «Чэрвонимакы», вокальную группу «Крыныченька», дуэт «Чэрнобрывцы», трио «Барвынкы».

Художественным руководителем является сотрудник Дома культуры с. Родино А.Ф. Прилипко. Репертуар выше названных коллективов в основном представлен современными популярными украинскими песнями, которые доступны в сети Интернет. В меньшей степени исполняются песни, привезенные украинцами в Сибирь. Лишь три сестры Степановы исполняют «старинные» песни – «О доню, доню Марусына», «Зашел мисяц из-за хмары», сохранившиеся в памяти с детства. Сам руководитель Центра отмечает, что «старинные песни исполняют коллективы в селе Раздольном, Степном. Вот они более старинные песни поют, у нас ближе к эстраде» [1]. В большей степени это связано с тем, что члены Центра принимают участие в массовых гуляниях, проводимых в районном центре в честь таких праздников как, например, День России, День семьи, любви и верности и т.д. не имеющих отношения к традиционным украинским. В связи с чем, и сценарий носит соответствующий характер. Он составляется на двух языках – русском и украинском, дублирующим текстом. «Программа из двух текстов. Вин по-українски, она по-русски. Два ведущих. На двух языках» – рассказывает Алексей Иванович [1]. При этом русский текст переводится на украинский в сети Интернет, хотя руководитель Центра владеет украинским языком, читает украинскую литературу. Представители старшего поколения Центра на бытовом уровне владеют украинским языком: «раньше по-українски даже читали свободно. Мы между собой репаем як репаем [разговариваем], а молодежь уже не понимают, но для выступления учатся как надо» [1].

Репетиция творческого коллектива «Чэrvонимакы».
Родинский район, с. Родино. ПМА. 2017 г.

Для каждого творческого коллектива руководителем Центра при финансовой поддержке администрации района в местной мастерской по пошиву одежды заказывают костюмы, максимально приближенные к традиционным. Многие женщины сами вышивают традиционные узоры на костюмах: «а кофты сами шьют и сами вышивают и нашивают» [1].

В Центре украинской культуры также уделяется внимание инсценировкам, связанными с бытом и традициями украинцев. Так, в течение 2016 года уже были поставлены в форме спектаклей празднование Рождества, свадебный обряд. В дальнейшем руководителем Центра планируется уделять внимание именно традиционной украинской культуре, организации и проведению «украинских праздников» [1].

В тоже время при районном Доме культуры действуют детские танцевальные коллективы, например, ансамбль народного танца «Зорюшки», за помощью к которому обращается Центр. Данным ансамблем для мероприятий, которые проводятся Центром украинской культуры, были подготовлены гуцульский и закарпатский танцы.

Таким образом, образование Центра украинской культуры связано с активностью местных жителей в большинстве своем пожилого возраста. За год своего официального существования Центром был проведен ряд мероприятий, в основу которых положена идея популяризация украинской культуры. При этом, исходя из потребностей общественности, в большей степени мероприятия основаны на современной украинской песенной и танцевальной индустрии, а аутентичной культуре украинских переселенцев конца XIX– начала XX в. не уделено должного внимания, что возможно связано с утратой украинской традиционной культуры.

Список источников

1. ПМА. 2017 г. Родинский район, с. Родино. Чучуйко А.И., 1951 г.р.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ АРМЯН г. БАРНАУЛА

Мамонтова О.С.

В статье представлен обзор данных о традициях и новациях в питании армян г. Барнаула, полученных в 2017 г. в ходе работы с членами Алтайской краевой общественной организации «Союз армян Алтайского края». В кухне армян г. Барнаула фиксируется сохранение традиционной основы питания. Инновации связаны с влиянием русского населения и заимствованиями у других народов. Также наблюдается изменение традиционных рецептов и техники приготовления блюд под влиянием процессов урбанизации.

Ключевые слова: *Алтай, Барнаул, армяне, пища, традиции и новации*

THE FOOD CULTURE OF THE ARMENIANS IN BARNAUL

Mamontova O. S.

The article presents an overview of the data on the traditions and innovations in nutrition of Armenians of Barnaul received in 2017 in the course of working with members of the Altai regional public organization «Union of Armenians of Altai Krai». The kitchen of the Armenians in the city of Barnaul fixes the preserving of cultural heritage. Innovations are connected with the influence of the Russian population and meal borrowings from other peoples. There is also a change in traditional recipes and cooking techniques under the influence of urbanization processes.

Keywords: *Altai, Barnaul, armenians, food, traditions and innovations*

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Алтайского края проживают 7640 армян. Сибирские и алтайские историки и этнографы рассматривали вопросы переселения, депортации армян 1930-1940-х гг. и адаптацию постсоветских мигрантов на территории Алтая [Аблажей Н.Н., 2011, с. 116-121; Гориявчева Т.А., 2009, с. 87-91; Депортация армян..., 2016, с. 3-4; Торосян Н.Г., 2013, с. 75-79; Щеглова Т.К., 2015, с. 97-107; Щеглова Т.К., 2017, с. 137-145].

В данной публикации представлен обзор материалов о культуре питания армян г. Барнаула, так как традиционно пища является одним из элементов выражающих национальное самосознание народа. Данные получены в ходе работы с членами Алтайской краевой общественной организации «Союз армян Алтайского края», которая была образована в 2005 г. Респонденты – уроженцы Лорийской и Гехаркуникской областей Республики Армении, проживающие на Алтае с конца 1990-х – 2000 гг.

У армян традиционная кухня – один из немногих аспектов культуры, который сохранил до нашего времени свою специфику и сочетает растительные и животные продукты. Многие блюда традиционной кухни сохранились не только среди армян, живущих на своей этнической территории, но и среди российских армянских диаспор, в частности алтайской. В культуре питания армян г. Барнаула превалирует традиционная растительная и мясо-молочная основа. Национальные блюда являются не только составной частью праздничного стола, но и повседневного. Однако, если в семьях нет представителей старшего поколения, блюда традиционной кухни готовят в основном по праздникам или к приходу гостей.

Важнейшее место в культуре питания армян занимает «лаваш» – традиционный армянский хлеб, который занесен в список нематериального наследия ЮНЕСКО. Его

выпекают из теста, замешанного из муки, воды, соли, дрожжей. Тесто должно подняться один раз, затем его делят на шарики и оставляют для расстойки. Затем тесто раскатывают и выпекают лепешки. Традиционно в Армении для выпечки «лаваша» используют тандыр. По словам респондентов, на родине лаваш выпекался в больших объемах – до 250 штук, что хватало на две недели семье из семи человек. Это связано с тем, что «лаваш» не теряет своих вкусовых качеств долгое время, поэтому его выпекали с запасом [2]. Его высушивали, складывали в стопки и подвешивали в амбаре. Чтобы восстановить мягкость и вкус хлеба, его сбрызгивали водой и заворачивали в полиэтилен на 20-30 минут [3]. На Алтае «лаваш» женщины выпекают в духовке или на листе, поставленном на плиту. За один делают до 20-30 штук, что хватает на два-три дня. Все чаще приобретают «лаваш» в магазинах, мотивируя это отсутствием возможности выпекать хлеб по традиционной технологии. «Лаваш» занимает важное место в свадебном обряде. Свекровь кладет на плечи молодоженов «лаваш», как символ достатка в семейной жизни.

Еще одним видом традиционного армянского хлеба является «матнакаш». Состав теста тот же, что и у «лаваша». Различия заключаются лишь в пропорции компонентов. Тесто должно подойти три раза и иметь мягкую консистенцию. Шарики теста выкатывают в виде овальных толстых лепешек и на тесте ребром руки наносится узор – несколько продольных линий. Готовый хлеб смазывается растительным маслом. Техника выпечки «матнакаша» в духовом шкафу позволяет сохранять данный вид традиционного хлеба на Алтае.

Помимо хлеба армяне выпекают большое количество пирогов со сладкой или соленой начинкой. Одним из самых любимых видов традиционной сладкой выпечки является «пахлава». Рецепт «пахлавы» в различных областях Армении незначительно различается. «Гаварская пахлава. Даже армяне не умеют делать. Только наш город. 22 слоев. Ни Ереван, ни Севан, никто не умеет делать. Есть ереванская пахлава, сирийская пахлава. А именно наш гаварский пахлава никто не умеет. ... на 120 -90 кусочков пахлава на свадьбу» [3]. На Алтае работающее население выпекает ее в качестве праздничного блюда. В семьях, где есть женщины-домохозяйки, «пахлава» выпекается чаще. Для замеса слоеного теста используют яйца, топленое масло, мука. Затем его раскатывают в тонкие пласты. В качестве начинки, которая образует прослойки между пластами теста, используют смесь из колотого сахара и измельченного грецкого ореха. Готовую «пахлаву» пропитывают медом. Информаторы отмечают, что ранее традиционно делали до 10 слоев. В настоящее время, из-за большой занятости, четыре слоя.

Еще одним любимым видом выпечки у армян является сдобное печенье «гата» с начинкой в виде крошки, сформированной из топленого масла, сахара, яиц, муки. Печенье является обязательным подарком для гостей во время свадьбы. «Гата», выпекаемая алтайскими армянами, отличается от толстых сдобных лепешек «гата», которые делают в Армении [Гер-Саркисянц А.Е., 2001].

Также по традиционной рецептуре готовят песочное печенье «шакар лукум». По словам информаторов по вкусу и виду напоминает печенье «курабье» [3]. На основе сливочного масла, молока, яиц, яблочного уксуса, сахара и муки заводится тесто для рождественского пирога с начинкой из яблок, груш, варенья. Сверху пирог украшается фигурками из теста. Орехово-изюмная начинка кладется в масленичный пирог.

Зерновые и бобовые культуры входят в состав ряда первых и вторых блюд. Например, суп «спас» включает в себя пшеницу. Пшеница перемешивается с яйцом, луком, обжаренным на топленом масле, и заливается «мацуном» разбавленным водой, сметаной. Доводится до кипения и варится до готовности пшеницы. В суп добавляют кинзу, летом свекольную ботву. На основе риса готовится суп «катнов». В молоке отваривается рис с сахаром и солью. Суп подается в холодном виде. Крупы и бобовые

входят в состав начинки постной «долмы». В постные дни вместо фарша в виноградные листья заворачивается смесь из булгура, обжаренного лука, сушеного базилика, мелкой отварной фасоли.

На Алтае армяне продолжают сохранять ряд обрядовых блюд из зерновых и бобовых культур. Например, на «первый зубок» ребенка готовят кашу, которая представляет собой сваренные отдельно друг от друга фасоль, чечевицу, нут, пшеницу, конопляное семя (если удастся приобрести), горох и смешанные вместе после варки. Часть такого блюда съедают гости, немного каши символично кладут на голову ребенка [2, 3].

Мясная основа традиционной кухни армян Алтая превалирует над молочной. Одной из характерных особенностей является сдабривание мясных блюд большим количеством приправ и пряностей: черный и красный перец, чеснок. Важное место имеет зелень в свежем или сушёном виде (укроп, петрушка, кинза, тимьян («урц»), красный базилик, тархун). В связи с тем, что на Алтае контакт с представителями народов Средней Азии более тесный, чем на родине, в рационе армян появляются специи ранее не характерные для их кухни, например, куркума, имбирь. «Дочка скажет: «Мама, вкусно пахнет!». Хорошо. Попробуем, узнаем вкус» [2]. При этом приправы и специи употребляют только в молотом виде.

Мясные блюда готовятся из говядины, свинины, баранины. Наиболее популярными являются шашлык, «долма», «кюфта», «кебаб», «хашлама».

Для приготовления шашлыка используют свиные ребра, филе, которые предварительно маринуются. Маринад, как правило, состоит из соли, молотого красного и черного перца, базилика, «урц», нарезанного кружками лука, который предварительно могут отжать над мясом. Маринование длится от нескольких часов до суток. В Армении шашлык готовят в тандыре, на Алтае используют мангал. Шашлык подается с лавашем, луком, перцем «щицак» или соусом, состоящим из томатной пасты, разбавленной водой, с добавлением мелконарезаных лука, зелени (укроп, петрушка, кинза), давленным чесноком и черным перцем.

«Долма» готовится из виноградных, капустных листьев. На Алтае используют и молодые фасолевого листья. Свежие капустные листья обдаются кипятком, соленые – промываются водой. С фасолевыми листьями «долму» готовят только летом. Для фарша используют говядину с небольшим добавлением свинины и крученого сала, лук, сушеную зелень (петрушка, укроп, базилик), соль, перец, сырой рис. Выходцы с востока Армении летом добавляют в фарш рубленый помидор, прокрученный болгарский перец. Представители северных областей в фарш добавляют не сушеную, а свежую зелень (кинза, петрушка, укроп, базилик). «Долма», которая должна быть не более 10 см в длину (идеальный размер 5-7 см), укладывается в кастрюлю и после закипания варится в течение 30-40 минут на медленном огне. При готовке «долмы» в кастрюлю добавляют жареный лук с томатной пастой. Как правило, «долма» подается с чесноком, сметаной или с «мацуном».

«Кебаб» готовят из фарша, который состоит из свинины, говядины, сала, с добавлением яиц, кинзы, петрушки, укропа. Фарш отстаивается в течение двух часов в холодном месте, его перемешивается до появления липкости. Затем на шампурах формируется «кебаб» и жарится на углях.

Еще одним блюдом на основе мясного фарша является «кюфта» (куфта). В фарш, с консистенцией колбасного, добавляют мелконарезанный лук, сырые яйца, муку. Взбивают длительное время, формируют тефтели и отвариваются в соленой воде 30-40 минут. Подают с топленным маслом, стручковой фасолью, полбой («аджар», «ачар»).

Из крупных кусков говядины или баранины варится «хашлама» в соленой воде с болгарским и горьким перцем, базиликом, петрушкой, укропом и помидорами. На Ал-

тае при варке армяне закладывают еще и картофель. Мясо подается отдельно от бульона. «Хашлама» - обязательная составляющая поминального стола. Традиционно на ее приготовление используется мясо целой коровы.

Такое блюдо как «хаш», готовят из говяжьих ног и желудка, которые четыре дня вымачивают в воде. Варят в течение ночи. На утро подают бульон и мясо с давленным чесноком и «лавашем», нарезанным длинными полосками. Отдельно на тарелке – «цицаки». Данное блюдо принято есть руками.

К деликатесам относится «бастурма», которую готовят на свадьбу, Новый год, Рождество и другие торжества. Для изготовления используют филе говядины, которое натирается солью и приправой «чаман» (пажитник, перец чили, паприка, кумин, чеснок, черный и душистый перец). Мясо помещают под пресс, а затем сушат в прохладном помещении несколько дней. Приправу «чаман» привозят из Армении. Об ее составе информаторы ничего не смогли сообщить, так как всегда приобретают в готовом виде. За неимением приправы, используют смесь паприки, красного острого перца, чеснока и соли, отмечая, что данная рецептура появилась во время проживания на Алтае.

Рыба употребляется в вареном, жареном, копченом, соленом виде. В Армении традиционно ели форель, сига, карася. Блюда из форели считались праздничными, из сига – повседневными. Наличие рыбы в рационе в большей степени было характерно для районов, расположенных в окрестностях о. Севан. На Алтае используют местные породы рыб. При варке рыбы добавляют тархун и чабер «цитрон». Рыба подается с картофелем, макаронами, стручковой фасолью.

Из молочных продуктов традиционно употребляют «мацун». Для его приготовления используют теплое кипяченое молоко, в которое помещают закваску, укрывают теплыми полотенцами, одеялом. Через два часа продукт готов к употреблению. При подаче в «мацун» добавляют чеснок и щепотку соли. Этот кисломолочный продукт входит в состав первых блюд, о чем говорилось выше. На Алтае продолжают готовить традиционный сыр, относящийся к рассольным сырам и по вкусу близкий к адыгейскому. В теплое молоко засыпают закваску. Размешивают в течение 30 минут. Образовавшуюся творожную массу отбрасывают на дуршлаг, для того, чтобы сыворотка стекла. Формуют сыр, который помещают в рассол (вода, соль). Сыр вызревает от суток до нескольких дней. Продолжают готовить и традиционный творог «катнашор». Также, армяне традиционно отдают предпочтение топленому маслу, хотя признают, что растительное масло постепенно начинает его вытеснять.

Овощи занимают весомое место в культуре питания армян. Их едят как в сыром виде, так после термической обработки. Например, «имам баялды» – овощное блюдо из баклажанов, болгарского перца, томатов, картофеля. Овощи нарезаются крупными кусочками и укладываются слоями и тушат с добавлением воды.

Проживая на Алтае, армяне продолжают делать блюда из дикоросов, например из конского щавеля «авелук». В связи с тем, что привозят его из Армении, готовят что-либо из «авелука» редко. В Армении собирают конский щавель в горах и сушат в виде «косичек». Считается, что он благотворно влияет на желудочно-кишечный тракт и ему приписывают лечебные свойства. Так, из него варят суп с добавлением зеленой чечевицы, пшеницы, обжаренного на масле лука с мукой. При подаче добавляют чеснок. В основе салата – вареные «авелук», пшеница, черный и красный перец.

На Алтае армяне традиционно в летний и осенний периоды производят заготовку овощей на зиму. Маринуют цветную капусту, огурцы, помидоры, патиссоны. При закладке овощей в банки укладывают надрезанные чили, чтобы вкус перца вышел в маринад. Желтый острый перец «цицак» засаливают в банках. Вместе с перцем укладывают укроп, чеснок, перец и заливают солевым раствором, хранят в холодном месте. Для сохранения цвета перца в раствор добавляют немного лимонной кислоты. «Цицак»

является традиционным дополнением армянских мясных блюд, но выращивают его на Алтае немногие. В связи с этим, приобретают его на рынке у дагестанцев. Для приготовления «долмы» заготавливают виноградные и капустные листья. Несколько виноградных листиков сворачиваются в трубочку, укладываются в бутылку и заливаются кипятком, который за тем сливают и хранят заготовку в прохладном месте. Капуста солится вилками. Маринад аналогичен маринаду для острого перца.

Благодаря внедрению зимостойких сортов за последние 50 лет в Армении значительно расширилась территория распространения фруктовых садов и тех районов, где стали готовить варенье, причем увеличился ассортимент фруктов, ягод и даже овощей, из которых его делают. Помимо общеизвестных сортов варенья, в Армении варят кизил, виноград, туту, зеленый грецкий орех, лепестки розы, тыкву, дыню, арбузные корки, зеленые помидоры, баклажаны. Джеммы предпочитают из абрикосов и персиков [Тер-Саркисянц А.Е., 2001]. При переезде на Алтай армяне продолжают готовить разнообразные варенья и конфитюры: из винограда, абрикосов, тыквы, вишни, арбуза, дыни, баклажанов. При изготовлении варенья из тыквы, арбуза, баклажанов используют известь, для того, чтобы кусочки сохраняли форму. Нарезанные овощи, ягоды помещают слабый раствор извести на несколько часов. После чего тщательно промывают и варят в сахарном сиропе с добавлением гвоздики. Варка традиционных сладостей из грецких орехов и лепестков розы на Алтае затруднительна из-за их высокой стоимости. Для изготовления варенья из грецких орехов требуются молодые зеленые плоды, которые появляются в июне. В настоящее время армяне г. Барнаула договариваются о поставке такого товара с торговцами фруктами и овощами из стран Средней Азии. В связи с высокой стоимостью сырья, данное варенье готовят в качестве подарка гостям на свадьбу или приобретают фабричное, завозимое в розничную торговую сеть из Армении. По этой же причине не производят традиционных алкогольных напитков из винограда, яблоч, плодов тутового дерева, груш.

Проживание армян на Алтае в инонациональной среде, преимущественно русской, расширило повседневное меню, которое стало включать такие распространенные блюда, как борщ, котлеты, сосиски, макароны, пельмени, хинкали, отварной картофель, компоты домашнего приготовления. Но, в ходе приготовления подобных блюд вносят свои коррективы. Например, в суп-лапшу и рассольник добавляют томатную пасту. «Варим как здесь, только с томатной пастой. Без томата – это не суп, это какой-то вода. Белый ничего не готовим. Когда белый – мои не едят. Манную кашу в садике не ели» [2]. При варке борща мясо на кости варят отдельно, овощи нарезают кубиками и тушат. Затем к ним доливают бульон, и кладут сушеный базилик, петрушка и укроп. При этом капуста должна сохранять хрусткость.

Есть определенный набор блюд для свадебного и поминального столов. Они практически идентичны. Отличия заключаются в том, что на поминальном столе главное блюдо «хашлама», тогда как на свадебном присутствует много как традиционной («пахлава», «гата», торт «Микадо»), так и привнесенной выпечки (эклеры, торт «Наполеон», медовый торт). Из напитков на стол ставят коньяк, водку, вино, пиво, лимонад, соки, минеральную воду.

Культура питания армян г. Барнаула является знаковым выражением национального самосознания, объединяя сидящих за столом людей. Проживание в инонациональной среде, урбанизация приводят к определенным заимствованиям, к переходу традиционных блюд, сложных в технико-технологическом плане, из разряда повседневных, в разряд праздничных. На современном этапе данные тенденции выражены не ярко, что, возможно, связано с непродолжительным временем совместного проживания армян (с конца 1990-х гг.) с представителями других национальностей на Алтае и в г. Барнауле в частности.

Список источников и литературы

1. ПМА. Абрамян Г.П., 1979 г.р., г. Барнаул, 2017 г.
2. ПМА. Варданян Л.С., 1960 г.р., г. Барнаул, 2017 г.
3. ПМА. Овакимян А.О., 1974 г.р., г. Барнаул, 2017 г.
4. Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Том 10, выпуск 1: История. – С. 116-121.
5. Гориявчева Т.А. Этнокультурная адаптация постсоветских этнических мигрантов с. Быстрый исток (по устно-историческому материалу) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 4: Материалы IV регион. науч.-практ. конф. 6-8 дек. 2007 г. / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой, А.Н. Телегина. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 87-91.
6. Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов / сост. Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. – Новосибирск: Наука, 2016. – 230 с.
7. Тер-Саркисянц А.Е. Традиционная пища армян // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narodru.ru/article1368.html> (дата обращения: 24.02.2018).
8. Торосян Н.Г. К вопросу о переселении армян в Алтайский край: исторический аспект // Известия АГУ. – 2013. – №4-1 (80) – С. 75-79.
9. Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этнокультурные зоны // Вестник АлтГПА. – 2015. – №23. – С. 97-107.
10. Щеглова Т.К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930-1940-х гг.: образы и культурное взаимодействие // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №2 (37). – С. 137-145.

УДК 908

ПРАЗДНИКИ И ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Менькова Н.Л., Меньков С.В.

В статье рассматривается процесс организации празднично-досуговой деятельности населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что праздники не утратили своего значения в период военного времени. Они играли важную роль в снятии состояния социального напряжения

Ключевые слова: советские праздники, досуг, война, Алтай, молодежь

HOLIDAYS AND LEISURE OF RESIDENTS OF THE ALTAI TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Menkova N.L., Menkov S.V.

The article deals with the process of organizing festive and leisure activities of the population of the Altai Territory during the Great Patriotic War. It is noted that the holidays

did not lose their importance during the wartime. They played an important role in removing the state of social tension

Keywords: *soviet holidays, leisure, war, Altai*

Одним из значимых вопросов современной исторической науки, привлекающим внимание исследователей, являются характерные для нашей страны социокультурные процессы. В этой связи на первый план выходит праздничная культура, изучение которой позволяет получить сведения о конкретном периоде в истории страны, выявить наиболее значимые тенденции ее развития [Меньков, 2017, с. 108].

Среди ряда исследователей, занимавшихся изучением празднично-досуговой деятельности населения в годы Великой Отечественной войны, сложилось устойчивое мнение, что в период войны население не отмечало праздники [Кампарс, 1967; Закович, 1980]. Однако исследования современных специалистов, документальные материалы свидетельствуют, что это было не так.

С одной стороны, начавшаяся война потребовала увеличения рабочего времени, привлечения дополнительной рабочей силы и переустройства всей жизнедеятельности страны. Возможности проведения досуга, разнообразие его форм и содержания также были ограничены военной обстановкой. Так, по воспоминаниям М.В. Барановой, жительницы с. Фунтики: «С началом войны всё пошло в работу. Дома работали, мамы не было. Она была на пашне, на поле. Потом стали нас брать на работу... Всё делали, весь световой день у нас был в работе. И тем мы радовались, когда пройдет сильный дождь. Значит, делать нечего, мы отдыхали» [Барнова, 2012, с. 82].

В тоже время со стороны государства особое значение придавалось советским праздникам, которые использовались властью для поднятия духа гражданского населения. В целом отметим, что во время войны власти стали выбирать упрощенную программу празднования, которая сводилась к собраниям и официальным поздравлениям. Ее выбор был обусловлен тем, что она требовала минимальных материальных затрат и быстро воплощалась в жизнь [Меньков, 2015, с. 2624]. Так, по воспоминанию Сидоровой (Синяговской) Д.В., жительницы с. Закладное, все «с большим нетерпением ждали ноябрьский праздник – годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день в колхозе давали бесплатный обед: суп и каралики, и наливали брагу» [Сборник воспоминаний..., Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47]. По рассказу Шандыба А.И., жительницы с. Романово, «праздники в колхозе отмечали, особенно 7 ноября. Собрания собирали, премировали» [Сборник воспоминаний..., Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47]. Отметим, что коллективные застолья, случавшиеся в сельской местности в военный период довольно не часто, служили, своего рода средством снятия социального напряжения, поддержания общности в данный период.

Государственные праздники также играли важную роль в установлении связи между населением и армией, которая выражалась в сборе и отправке подарков на фронт. Так, в соответствии с постановлением крайкома ВКП(б) «О подготовке и проведении дня 1 Мая» в 1942 г. к празднику был организован сбор вещей и продуктов питания для населения районов, освобожденных от немецких войск. Также была развернута работа по организации сбора подарков для Красной армии. Как отмечалось в периодической печати, «подарки на фронт – это славная традиция советских патриотов» [Праздничные подарки, 1943]. Население оставалось верным этой традиции на протяжении всех лет войны, снабжая армию посылками ко всем официальным праздникам. По воспоминанию жительницы г. Рубцовска Шутто К.И.: «Заходили в каждый дом, где нам никто не отказывал. Кто что мог, отдавали: деньги, облигации, носки теплые, продукты» [Шутто, 2012, с. 69].

Также отметим, что значимыми культурно-досуговыми мероприятиями в годы войны были те, в которых принимали участие дети и молодежь. Как отмечает исследователь А.И. Назаров возраст, интересы и жизненный оптимизм, присущий молодому поколению, «в конечном счете, брали свое, и юноши и девушки находили возможности для проведения досуга, насколько это позволяла обстановка» [Назаров, 2009, с. 126]. Вследствие этого военная повседневность не воспринималась ими только как серые будни, наполненные ежедневными испытаниями. «...Ну а молодежь, что ж, трудно ни трудно, а по-веселиться хотелось. У двора чьего-нибудь собирались с девчатами и плясали, пели...» [Сборник воспоминаний..., Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47]. Все свободное от учебы и работы время проходило в играх – «бабки» и «чики» [Кузьмичева, 2012, с. 145].

В целом, вопросы организации досуга сельского населения, в том числе досуга молодежи, в контексте развертывания культурно-массовой работы в деревне воспринимались властью как весьма важные, поскольку она расценивалась как часть агитационно-пропагандистской работы. Накануне праздников в агитпунктах и изба-читальнях, библиотеках, школах организовывались выставки «Героев Великой Отечественной войны», фото-витрины, характеризующие единство тыла и фронта.

Таким образом, в годы войны праздничные мероприятия не были отменены и не утратили своего значения. В структуре повседневности в рассматриваемый период празднично-досуговая деятельность стала играть важную роль в снятии состояния социального напряжения.

Список литературы

1. Баранова Мария Васильевна. 1928 г.р. с. Фунтики // Алтайская деревня в рассказах её жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Вигант Л.А. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2012. – С. 82-86.
2. Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура. – Киев: Наукова думка, 1980. – 221 с.
3. Кампарс П. П. Советская гражданская обрядность. – М. : Мысль, 1967. – 66 с.;
4. Кузьмичёва Галина Ивановна. 1935 г.р. г. Барнаул // Алтайская деревня в рассказах её жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Вигант Л.А. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2012. – С. 140-147.
5. Назаров А.И. Досуг сельской молодёжи в советском тылу в годы великой отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3. – С. 126-128.
6. Меньков Процесс организации государственных праздников на Алтае во второй половине 1950-х – 1970-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2017. – 2(28). – С. 107-112.
7. Меньков С.В. Организация государственных праздников на Алтае в период Великой Отечественной войны // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 20-24 октября, 2015. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 2622-2626.
8. Праздничные подарки гвардейцам // Молот. – 1943. – 13 апреля.
9. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
10. Шутто Клара Ивановна. 1926 г.р. г. Рубцовск // Алтайская деревня в рассказах её жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Вигант Л.А. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2012. – С. 56-71.

**ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ВОСТОКЕ:
К ИСТОРИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Никонова Л.И.

Описывается изучение расселения мордвы в РФ, аспект формирования внимания населения Мордовии к переселению по материалам местных газет, география проведение некоторых этнографических экспедиций и их результаты, которые сохраняют, укрепляют и соединяют то далёкое и близкое, связанное с переселением мордвы в Сибирь, на Дальний Восток, др. области РФ.

Ключевые слова: дисперсность, переселение, мордва, этнографические экспедиции, результаты, монографии серии «Мордва России», перспектива

**THE DEVELOPMENT OF VIRGIN AND FALLOW LANDS IN THE EAST:
ON THE HISTORY OF MIGRATION IN MORDOVIA REPUBLIC BASED
ON MATERIALS OF PRESS AND FIELD RESEARCH**

Nikonova L.I.

The study of the Mordovian settlement in the Russian Federation is described, the aspect of forming the attention of the population of Mordovia to resettlement based on the materials of local newspapers, the geography of some ethnographic expeditions and their results that preserve, consolidate and connect the distant and intimate associated with the migration of the Mordva to Siberia to the Far East, other regions of the Russian Federation.

Keywords: dispersity, migration, Mordva, ethnographic expeditions, results, monographs of the series «Mordva of Russia», perspective.

В ходе объективных причин и исторического развития расселение мордвы характеризуется значительной дисперсностью. В границах Республики Мордовия проживает лишь треть всего мордовского населения страны. Дисперсность расселения мордвы определило решение этнографов института начать работу над магистральной темой – мордовская диаспора. Целью этих исследований является освещение историко-этнографической характеристики мордовского населения регионов России, проблем ее расселения, вопросов традиционного хозяйства, культуры и быта, современных проблем ее социально-экономических и культурных преобразований, вычленения региональных особенностей и т. д. Наиболее активная работа по изучению мордовской диаспоры началось с 2001 г. и были совершены этнографические экспедиции от Камчатки, Крайнего Севера до Калининграда, по результатам которых опубликованы книги серии «Мордва России» [11, 20, 22, 23]. Таким образом, на основе полевого этнографического материала сделан выпуск библиотеки для самого массового читателя под условным названием «Мордовская диаспора». Как отметил профессор В. А. Юрченков в Литературной газете «Дисперсность и этнически смешанный характер расселения мордвы позволяет характеризовать её как российский народ с геополитической точки зрения. Тем более что в Сибири, на Дальнем Востоке, особенно в Средней Азии и Казахстане, мордовские переселенцы воспринимались местным населением как выходцы из центра России» [43]. «В начале XVIII века (1719 г.) в империи проживало 107,4 тысячи человек мордвы, что составляло 0,7 процента от общего числа проживающих в стране. А

уже в 1914 – 1917 годы цифра достигла 1187,9 тысячи человек. Иными словами, за два столетия существования в рамках империи численность мордовского этноса увеличилась в одиннадцать раз. Среднегодовой прирост на протяжении всего XIX века не уступал русским и другим народам империи» [43]. Переселенчество – добровольное перемещение сельского населения в России в XIX – нач. XX вв. на постоянное жительство в малонаселённые окраинные районы, преимущественно в Сибирь, разрешённое или поощряемое правительством. Широкие масштабы сельско-хозяйственно-переселение приняло в ходе кампании целинных земель по освоению в 1950-60-е гг. [4, с. 660]. Аспект формирования внимания населения Мордовии к переселению зафиксирован по материалам СМИ – газете «Красная Мордовия» (1.11.1930 – 19.06.1951 гг.), «Советская Мордовия» (20.06.1951 – 30.03.1994). Важным источником являются также материалы периодической печати Алтайского, Красноярского краёв и Кемеровской области, содержащие сведения по истории регионов, населённых мордвой: «Наша жизнь» (газета Ижморского р-на Кемеровской обл.), «Наша Знаменка» (газета Ленинск-Кузнецкого р-на Кемеровской обл.), «Земля Минусинская» (газета Минусинского р-на Красноярского края), «Красное знамя» (газета Абанского р-на Красноярского края), Кузбасс (газета Кемеровской обл.), «Моя земля» (газета Бийского р-на Алтайского края), «Знамя труда» (газета Сорокинского р-на Тюменской обл.), «Советская Хакасия», «Хакасия» (газеты, Республика Хакасия) и др. [5, 6].

Печать Мордовии, став важным средством в решении крупных политических и народнохозяйственных задач, мобилизовала широкие слои населения на решение проблем культурной отсталости [29, с.3]. Газеты часто сообщали, о государственном плановом переселении (с указанием льгот, проезда к пункту назначения, возрасте, социальном статусе, условий проживания, культурного досуга и т. п.); куда можно пойти учиться, а также по индустриализации, развитию сельского хозяйства и освоению целинных земель страны. Переселенческий отдел Министерства сельского хозяйства и заготовок Мордовской АССР доводит до сведения рабочих, служащих и колхозников о том, что производится переселение в колхозы районов освоения целинных и залежных земель Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краёв, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской, Тюменской, Иркутской, Читинской, Челябинской, Чкаловской и Саратовской областей...» [25-29]. «Управление Совета Министров МАССР по использованию трудовых ресурсов приглашает на работу на важнейшие стройки в промышленные предприятия РСФСР одиноких мужчин и женщин сроком на 2 года в тресты: Южуралшахтоцветметстрой», г. Верхний Уфалей Челябинской обл.; «Златоустметаллургстрой», г. Златоуст Челябинской обл.; «Черемховпромстрой», г. Бирюса Иркутской обл.; Иркутскцелинстрой», г. Иркутск; «Ачинскалюминстрой», г. Ачинск Красноярского края; «Свердловсклестстрой», г. Свердловск». Одновременно проводит отбор семей на переселение в колхозы Красноярского края [27]. Объявления с приглашением на работу подавались и другими ведомствами. Напр., «Переселенческий отдел Министерства сельского хозяйства и заготовок Мордовской АССР доводит до сведения колхозников и другого населения, что в 1953 году из районов Мордовской республики проводится плановое переселение в колхозы Красноярского края и леспромхозы Томской и Сахалинской областей [26]. «...проводится плановое переселение в колхозы Амурской и Томской областей, в колхозы и леспромхозы Читинской обл.» [25].

Этнографические экспедиции позволяют собрать сведения о мордве расселившейся по всей территории РФ. Этнографические экспедиции проводились в институте постоянно, о чем говорят данные публикаций по этому вопросу [8, с.436,437; 18, с.13 – 25], но с 2001г им стало уделяться особенное внимание и внесены существенные коррективы. Этому способствовали ряд факторов (руководство института, финансовая

грантовая поддержка, организационная работа, деятельность сотрудников, аспирантов и соискателей отдела этнографии и этнологии и др.). В результате провели этнографические экспедиции в Северо-Восточную Евразию: Сахалине, Камчатке, по всей Сибири, Дальнем Востоке, Урале и Зауралье, Арктике. и др. Так в 2001 г. этнографические экспедиции состоялись в Красноярский край (29 сентября – 29 октября 2001 г.) (д.и.н., профессор, заведующий отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод., к.и.н., ст.н.с. отдела М. С. Волкова); Алтайский край (2 – 23 августа 2002 г.); Кемеровскую обл. (1 – 22 августа 2003 г.) (д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод.; члены экспед.: мл.н.с. Л. Н. Щанкина, мл.н.с. А. П. Терняев); Хабаровский и Приморский края, Сахалинскую обл. (3 – 30 сентября 2004 г.) (д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод.; н.с. Л. Н. Щанкина); Камчатскую обл. (5 – 19 сентября 2005 г.) (д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод.; член экспед.: ст.н.с., к.и.н. Н. Н. Авдошкина); Иркутскую обл. и Забайкальский край (9 – 25 июня 2008 г.) (д.и.н., профессор, завед. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод.; член экспед.: к.и.н., ст.н.с. Л. Н. Щанкина); Республику Хакасия (14 – 24 октября 2008 г.) (д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова – руковод.; к.и.н., ст.н.с. Л. Н. Щанкина); 6 – 22 августа 2009 г.– Магаданскую и Амурскую обл., Республику Саха (Якутия) (работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 09-01-23700 а/В «Этнокультурная география мордвы северной и юго-восточной Сибири», Никонова Л. И. – руковод. проекта и экспед. – д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, соисполнитель проекта и член экспед.: к.и.н., ст.н.с. Л. Н. Щанкина); Свердловскую, Челябинскую и Курганскую обл. (25 августа – 4 сентября 2010 г.) (работа выполнена в рамках проекта «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 10–01–23700 е/В «Переселенческое движение мордвы на Урал в XIX – XX вв.: историко-этнографический аспект»; руковод. проекта и экспед.: д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова; соисполнители проекта и члены экспед.: ст.н.с. Т. Н. Охотина, мл.н.с. М. М. Фадеева); Пермский край (4 сентября – 10 сентября 2011 г.) (работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № И-11-13601 е/в «Переселенческое движение мордвы в Зауралье в XIX – XX вв.: историко-этнографический аспект»; руковод. проекта и экспед.: д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии, Л. И. Никонова; соисп. проекта и члены экспед.: к.и.н., ст.н.с. Т. В. Аксенова, ст.н.с. Т. Н. Охотина, мл.н.с. М. М. Фадеева); 7 – 22 июля 2009 г. Томскую (г. Стрежевой, р.ц. Зырянское, с. Мишутино, Чердаты, Высокое, д. Тавлы), Новосибирскую (р.ц. Кыштовка, с. Верх-Тарка) и Омскую (р.ц. Нововаршавка, с. Новороссийка, Победа) области (*Работа выполнена при финансовой поддержке НИР РМ; руководитель проекта и экспед. – д.и.н., профессор, заведующий отделом археологии и этнографии, Л.И. Никонова, Щанкина Л.Н. – член экспедиции и проекта).; Таймырский (Долгано-Ненецкий) (г. Дудинка, Кайеркан, пгт. Диксон) р–он (22 сентября по 4 октября 2013 г.) (руковод. проекта и экспед.: д.и.н., профессор, завед. отделом этнографии и этнологии, Л. И. Никонова, ст.н.с. Т. Н. Охотина, мл.н.с. М. М. Фадеева) и Калининградскую обл. (2014 г.). Этнографические экспедиции состоялись по Республике Мордовия, в т.ч.с целью изыскания сведений переселения населения Мордовии в страны ближнего зарубежья. Эта работа интенсивно продолжается в наши дни: сбор материала в экспедициях, ЦГА РМ, публикации [14, 39,40,41] и т.д.

Результаты этнографических экспедиций прошли апробацию в научных статьях на региональных, республиканских, всероссийских, российских, международных и всемирных конференциях и конгрессах автора статьи [12,13, 17, 18, 24], сотрудников, аспирантов и соискателей отдела этнографии и этнологии [15,16, 41], отчетах институ-

та, хранящихся в Научном архиве НИИГН и опубликованных в рецензируемом научном журнале ВАК при Минобрнауке России «Вестник» [7, 21], изданы коллективные монографии в Серии «Мордва России», освещались в республиканских [31-37], районных [3] и региональных СМИ [1,9]; защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, доктора исторических наук [2,38,42], приглашались на научные конференции, конгрессы, круглые столы по обмену опытом проведения этнографических экспедиции: в республике, регионы РФ [15, 16, 17, 19, 24,25], за рубежом [12, 13, 18].

Таким образом, освоение целинных и залежных земель на Востоке имеет свою историю. Миграция населения Мордовии прослеживается в материалах местных газет, а полевые исследования этнографических экспедиций подтверждают переселение, связывая прошлое время с настоящим, незримо расширяя географическое пространство, где проживают наши земляки мордва-переселенцы, сохраняющий свою уникальную самобытность и незримую тягу к малой родине. Учёные института, участвуя в этнографических экспедициях, издавая коллективные монографии, апробируя, анализируя и систематизируя собранные данные, своим вкладом сохраняют, укрепляют и соединяют, то далёкое и близкое, связанное с переселением мордвы в Сибирь, на Дальний Восток, другие области Российской Федерации и Республики Мордовия. Результаты экспедиций дают опору и толчок другим исследователям при изучении народов любого региона.

Список литературы

1. *Владимирова А.* Сохранить бесценное наследие прошлого // Восход. Газета Ванинского района Хабаровского края. 23 октября 2004.
2. *Гармаева Т. В.* Этнокультурная адаптация мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия : автореф. на соиск. учёной степ. канд. ист. наук. – Саранск, 2006. – 16 с.
3. *Горяева Н. М.* Историческое знание и поддержка добрых семейных традиций разных народов – это взаимопонимание и мир в обществе // Присурские вести / Газета Большеберезниковского района. 7 августа 2008.
4. *Зубков И. В.* Переселенчество // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 660.
5. Истоки // Моя земля. Общественно-политическая газета Бийского района. 2002 г. 2 мая.
6. *Клюшников С.* Алексеевка // Амылские перекаты / Приложение к газете «Знамя Труда». 1998. июль. № 2.
7. *Куршева Г. А.* Научная деятельность НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в 2013 г. // Вестник. – № 1, 2014. – С. 216 – 219.
8. *Мокшин Н. Ф., Никонова Л. И.* Этнография (этнология) [Этнография (этнология)] / Н. Ф. Мокшин, Л. И. Никонова // Мордовия / Энциклопедия в 2 т. Т. 2: Н – Я / Гл. редкол. А. И. Сухарев (гл. ред.), В. А. Юрченков (зам. гл. ред.); П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др.; Науч.-ред. совет: В. А. Юрченков (пред.), К. И. Шапкарин (зам. ред.), Е. В. Глазкова (отв. секретарь) и др.; НИИГН при Правительстве РМ. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. Перевод на мокшанский язык В.М. Лобанова; – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. – С. 436 – 437.
9. Мордва Бурятии, отзовитесь // Бурятия. 27 июня 2008.
10. Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова; д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.

11. Никонова Л. И., Захватова Е. Ю., Митина В. В., Охотина Т. Н., Торопова М. Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед. / Л. И. Никонова, Е. Ю. Захватова, В. В. Митина, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2017. — 184 с. : 112 л. ил. — (Мордва России).

12. Никонова Л. И. Актуальные проблемы изучения этнокультуры мордвы. Методика и результаты // Традыцыйі і сучасны стан культуры і мастацтваў. У 5 частках. Ч. 1 : Пленарная пасяджэнне Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі : г. Мінск, 25–26 красавіка 2013 г. / уклад. Ю. В. Пацюпа; рэдкал. : А. І. Лакотка [і інш.]; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2013. – С. 42–54.

13. Никонова Л. И. К вопросу культурогенеза Центральной Азии: окраинная Россия и поликультурный регион // Материалы VI Междунар. науч. конф. «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» (12-16 октября 2015 года, г. Хух-Хото). Ч. III. Китай, Хух-Хото, 2015. – С. 963 – 968.

14. Никонова Л.И., Шульгов Е. Н. Исследование этнической культуры в образовательной сфере: опыт и перспектива // «Наука и культура России», Международная научно-практическая конф. (2017; Самара). XIV Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 30-31 мая 2017 г. [Текст]: [посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия : материалы] / редкол.: Д.В. Железнов [и др.]. – Самара: СамГУПС, 2017. – С. 209–215.

15. Никонова Л. И., Охотина Т. Н., Фадеева М. М. Мордовская диаспора на Урале: к истории традиционной культуры // Традиционные общества: неизвестное прошлое [Текст]: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 5-6 апреля 2010 г. / редколлегия: П. Б. Уваров (гл. ред.), О. Д. Бугас, И. А. Толчев, Д. В. Чарыков. – Кн. 1. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 260 – 265.

16. Никонова Л. И., Захватова Е. Ю., Охотина Т. Н., Фадеева М. М. Изучение истории и этнокультуры мордвы России на примере Калининградской области: по результатам этнографической экспедиции 2014 г. // Евсевьевские чтения. Серия: Актуальные проблемы истории и обществознания [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «50-е Евсевьевские чтения», 22–23 мая 2014 г. / редкол.: С. В. Першин (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2014.

17. Никонова Л. И. Этнографические экспедиции в аспекте гуманизации и развития интеллекта в образовании (из опыта работы) // Интеллект. Культура. Образование: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием и элементами научной школы для молодёжи (Новосибирск, 15 – 17 сентября 2010 г.). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С. 42 – 44.

18. Никонова Л. И. Этнокультурная география мордвы России: изучение и проблемы // Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam. Congressus XIII Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 9-14. 2010. Pars VIII. Piliscsaba, 2011. – С. 131 – 140.

19. Никонова Л. И. Этнологические исследования в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия – опыт и перспективы для этнокультурного образования // Этнокультурное образование: опыт и перспективы. Материалы II межрегиональной научно-практической конференции. Мордовский республиканский институт образования. – Саранск, 2008. – С. 13 – 25.

20. Никонова Л. И., Аксёнова Т. В., Охотина Т. Н., Савка В. П., Фадеева М. Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова, Т. В. Аксёнова, Т. Н. Охотина, В. П. Савка, М. М. Фадеева ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 464 с.
21. Никонова Л. И., Зарубина О. В. Социокультурное развитие через многоликий финно-угорский мир // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – № 2 (18). – С. 242 – 243 ; Научная деятельность НИИГН в 2012 г. // Вестник. – № 1, 2012. – С. 2 – 226
22. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Авдошкина Н. Н., Савка В. П. Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Н. Н. Авдошкина, В. П. Савка ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчёнкова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2010. 312 с;
23. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В. Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия/ Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. В. Гармаева ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитарн наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 268 с.
24. Никонова Л.И. Роль этнографических экспедиций в сохранении культурного наследия на примере изучения мордовской диаспоры в 2001–2009 гг. // Этнокультурное образование: опыт и перспективы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 27 ноября 2009 года, г. Саранск / Сост. Т. В. Самсонова, МО РМ, МРИО. – Саранск, 2010. – С. 36 – 39.
25. Никонова Л. И. Полевые исследования традиционной культуры мордвы от окраин до юго-востока России: экспедиции и результаты // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28-30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – С. 28 – 32.
26. Объявление // Советская Мордовия. 10.03.1954.
27. Объявление // Советская Мордовия. 14.06.1953.
28. Объявление // Советская Мордовия. 15.124.1967.
29. Объявление // Советская Мордовия. 14.09.1955. 22.02.1957.
30. Потапов П.Ф. История мордовской журналистики (1917 - 1984). – Саранск, 1994. – С. 3.
31. Сизганов В.В. в поисках мордвы совершили экспедицию на Дальний Восток Саранские этнографы // Вечерний Саранск. 27 октября 2004.
32. Николаева Ю. Мордва на Камчатке // Курьер. 27 сентября 2005.
33. Гаврилов Ф. Дальней Востоконь и Камчаткань мокшэрзятнень ширеса // Мокшень правда. 20 марта 2008.
34. Мишанина А. Мордовские островитяне // Известия Мордовии. 17 марта 2010.
35. Мишанина А. Тюменская Теризморга // Известия Мордовии. 17 февраля 2010.
36. С попутным северным ветром... что привело наших земляков в Сибирь и на Дальний Восток // Известия Мордовии. 9 июня 2010.
37. Кендялова М. Арктическая мордва // Вечерний Саранск. 29 января 2014.
38. Чибирева Е. Г. Миграция мордвы во Владимирскую область как культурный феномен. автореф на соиск. учён. степ. канд. культурологии. Саранск, 2014. – 22 с.
39. Шульгов Е. Н. Изучение этнокультуры мордвы в постсоветском пространстве: к постановке проблемы // Гуманитарные науки: научные приоритеты ученых. Сбор-

ник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 1. – Пермь, 2016. – С.17 – 22.

40. Шульгов Е. Н. Мордва в постсоветском пространстве Евразии: к постановке проблемы // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: Сборник статей / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2016.– С.198 – 206.

41. Шульгов Е. Н. Мордва Республики Казахстан: окраина СССР и на окраине России // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3-6 июля 2017 г. / Отв. ред. А.Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 349.

42. Щанкина Л. Н. Социокультурная адаптация мордвы в Сибири и на Дальнем Востоке (середина XIX – начало XXI в.) : автореф. на соиск. учён. степ. докт. ист. наук. Москва, 2013. – 49 с. и др.

43. Юрченков В.А. Ураган на всех путях // Литературная газета. №13. 30.03.2007. Режим доступа: <http://old.litrossia.ru/2007/13/01361.html>.

УДК 908

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ г. БАРНАУЛА В АСПЕКТЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КЛАСТЕРА «БАРНАУЛ – ГОРНОЗАВОДСКОЙ ГОРОД»

Панченко И.А.

Описывается, проведенное в 2017 г. в двух этапах исследование по выявлению соответствия предлагаемого образа г. Барнаула как горнозаводского города и восприятия города в его современном облике жителями сейчас. В ходе исследования проведен социологический опрос и экспертное интервьюирование участников проекта «Барнаул – горнозаводской город». Объясняется место и роль жителей города как первостепенной целевой аудитории при разработке туристского бренда территории, а также фундаментальное место исторических исследований при выборе правильного вектора в воплощении исторического образа города.

Ключевые слова: «Барнаул-горнозаводской», целевые аудитории, бренд и образ, историческая память, методы и источники устной истории.

SELF-IDENTIFICATION OF BARNAUL'S RESIDENTS IN THE ASPECT OF TOURISTIC-CLUSTER «BARNAUL-GORNOZAVODSKOY»

Panchenko I.A.

The research carried out in two stages is described, to identify the correspondence between the proposed image of Barnaul as a mining city and the perception of the city by its inhabitants. During the survey, a sociological survey was conducted and expert interviews of participants of the Barnaul-Gornozavodskoy city project were conducted. The place and role of city residents as the primary target audience in the development of the tourist brand of the territory, as well as the fundamental place of historical research when choosing the right vector in the embodiment of the historical image of the city, is explained.

Keywords: *Barnaul, Barnaul-Gornozavodskoy, target audiences, brand and image, historical memory, methods and sources of oral history.*

Развитие внутреннего туризма становится все более актуальным направлением для большинства регионов и городов России. Появляется возможность использовать климатические, географические, этнографические и культурные особенности территории. Открываются широкие перспективы изыскания внешних инвестиционных потоков. Но для реализации данного вектора в развитии местности возникает необходимость построения неповторимого образа, основанного на ее истории и последующей визуальной и идейной идентификации.

Чаще всего формирование образа является комплексным мероприятием и выражается в разработке особенного территориального бренда. В России наиболее эффективными формами инициации таких проектов являются: государственная – с привлечением крупных инвесторов и частнопредпринимательская, с возможным участием жителей места. Обращаясь к примерам успешных проектов в области территориального брендинга можно отметить г. Урюпинск, г.Добрянка, г.Самару, Телецкое озеро [Панченко, 2017, с. 51].

Рассматривая процесс территориального брендинга можно выделить следующие этапы: анализ целевой аудитории, выделение исторических, этнографических, семиотических и культурных особенностей; создание и тестирование визуального и вербального воплощений; коррекция и внесение изменений в первичное воплощение бренда; разработка соответствующего информационного содержания и процесс продвижения. [Панченко, 2017, с. 89]. Ключом к успешной реализации подобного бренд-проекта являются его целевые аудитории. Так, аналитический этап территориального брендинга, в большей степени основывается на выявлении восприятия местности его населением. Усматривается что большую роль в восприятии территории играет историческая память ее жителей, выделение доминирующего исторического периода, из которого представляется возможность к выбору правильного пути построения территориального бренда. Вовлечение в процесс потребления предлагаемого образа преемствующего историческую память своих семей поколения как в ходе вербальной передачи информации, так и через артефакты: фотографии, дневники, объекты техногенного или бытового окружения, формируют «Архи – образ» местности и исторического периода в сознании жителя. В следствие именно эти люди становятся первыми потребителями и косвенными носителями разрабатываемого образа. Важно избежать конфликта между реальным образом места и той действительностью которую воспринимает представитель целевой аудитории. На примере жителей – это может выражаться в увеличении лояльности к своей родине и позитивной демографической динамике. Внешние аудитории с большей вероятностью станут распространять устную информацию о месте отдыха, что позволит избежать лишних расходов на рекламные кампании. Таким образом, правильное воплощение территориального бренда создает эффективную среду для работы как с внутренними, так и внешними его потребителями. [Панченко, 2017, с. 51-53]. Использование исторической базы как фундамента построения бренда территории, открывает уникальный материал, который может послужить обоснованием для контента, используемого в продвижении. Выбор же исторического периода, оправданного актуальной исторической памятью жителей, позволяет отказаться излишней мифологизации в процессе разработки бренда территории.

Для оптимизации процесса выявления «Архи – образа» местности можно отметить работы Синявской Е.С. – в которых использование методов историко-психологического исследования, позволяет воссоздать наиболее точную атмосферу исторических событий, под которыми понимается социально-психологический ракурс

при историческом исследовании [Сенявская, 1995]. Через поколение можно выделить общие черты в восприятии и проследить мотивы текущего понимания исследуемой местности. Использование же междисциплинарных историко – социологических методов является необходимым для дополнения современных подходов к построению территориального бренда. Баррингтон Мур отмечал что таким образом, можно избежать ложного понимания действительности, и посмотреть на современность в историческом ракурсе [Кузьмина, 2011, с. 173].

В процессе построения собственного территориального бренда г. Барнаул не является исключением. Так, в 2013 г. утвержден проект туристско-рекреационного кластера «Барнаул – горнозаводской город». Целью этого бренд-проекта является восстановление исторического облика города через образ «Центра городского производства». Проект реализуется в рамках целевой программы «Развитие въездного туризма в Российской Федерации». Тем не менее на данный момент уже существуют бренды «Алтай все настоящее!» и «Барнаул – город в Сибири». Возникают закономерные вопросы – считают ли жители города Барнаула, что ему подходит образ горнозаводского города? Каким жители видят город с учетом их исторической памяти?

При построении исследования поставлена цель – определить самоидентификацию жителей с предлагаемым образом горнозаводского города. В соответствии с целью, возникает необходимость подтвердить или опровергнуть наличие проблемы и выявить основные «маркеры» идентификации с определённым историческим периодом и образом. В ходе исследования горожане принимались за общую совокупность жителей города. Исследование реализовано в два этапа, на первом проведен пилотажный опрос, методом стихийной выборки среди ста респондентов – жителей г. Барнаула. Участникам было предложено пройти интервьюирование в формализованном виде. В состав анкеты включены методики шкалирования, открытые и закрытые вопросы. На втором этапе проведено полуформализованное экспертное интервьюирование [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы социально-демографического опроса ст.гр 6755 д, Панченко И.А 2017. г.Барнаул.]. Экспертами выступили участники, привлекаемые в роли профессиональных консультантов к разработке проекта туристско – рекреационного кластера «Барнаул – горнозаводской город». В качестве основной источниковой базы были использованы работы: М. К. Алафьева [Алафьев, 2013, с. 8], М. А. Мазалова [Мазалова, 2012, с. 91], Н. А. Прядуха [Прядуха, 2013, с. 76 - 80], О. Ю. Конышева [Конышева, 2011, с. 172-174], С. В. Нестеровой [Нестерова, 2010, с. 145-147], М. А. Целищевой [Целищева, 2016, с. 158 - 162], В. А. Скубневского [Скубневский, 2008, с. 182 - 185], В. В. Ведерникова [Ведерников, 2009, с. 40 - 48], Т.К. Щегловой [Щеглова, 2011], Е.С. Сенявской [Сенявская, 1995], Н.В. Дмитриевой [Дмитриева, 2016, с. 48 - 75]. В качестве устно – исторического обоснования задействованы материалы интервьюирования экспертов В. А. Скубневского, д.и.н, профессора кафедры отечественной истории АГУ и Т. М. Степанской, доктора искусствоведения, профессора кафедры истории отечественного и зарубежного искусства АГУ [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р.; ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, Т.М. Степанская, 1939 г.р.].

В ходе опроса выделены следующие возрастные группы респондентов 74% – в возрасте от 40 до 50 лет, 14% от 60 – 70 лет, 12% от 20 – 30 лет. На вопрос о знании истории города 36, 5% респондентов ответили, что знают ее плохо, 34, 6% выбрали средний уровень знания, 11,5% уверено ориентируются в истории города. По мнению 40 % респондентов, считают наиболее известными культурно-историческими местами отдыха парк центрального района и ВДНХ. 26 % опрошенных указали на Драматический и Молодежный театры, а 24 % выделили ул. Ползунова, Демидовскую площадь и Крае-

ведческий музей. 10 % респондентов отметили проспект Ленина, дворец спорта и ЦУМ. 85% опрошенных считают, что в постсоветский период город стал чище, населеннее, ведутся реставрации и строятся удобные бульвары. 15% отметили увеличение шума, трафика, пробок и разрушение промышленности.

43% опрошенных видят Барнаул как город торговли и торговых центров, 31,9%, как центр аграрного региона. Промышленным город воспринимают 20,5 % респондентов. На вопрос – подходит ли Барнаулу образ горнозаводского города? 72,5% участников ответили отрицательно, а положительное мнение высказали лишь 27,5%. В контексте вопроса опрашиваемые ссылались на низкий уровень осведомленности о горнозаводском периоде и наличии архитектурных памятников. Меньшая доля респондентов отметила что знают об этом периоде, но им хотелось бы видеть восстановление ряда сооружений. В первую очередь это воссоздание облика улицы Ползунова и Демидовской площади, а также демонтаж в этой части города крупных рекламных вывесок. Наиболее негативно по мнению горожан смотрятся графические перетяжки на сооружениях, которые еще не отреставрированы.

80% респондентов отмечают И.И. Ползунова и А. Демидова как наиболее узнаваемых исторических деятелей дореволюционного периода. Из советского и постсоветского периода в 73% ответов фигурируют В.М. Шукшин, В.С. Золотухин, М.С. Евдокимов. 12% опрошенных назвали фамилии Г.С.Титова, П.С. Кулагина, и В.Н. Баварина, а 15% и вовсе затрудняются ответить на вопрос.

22, 9 % респондентов считают, что 1970 – е, 1980 – е гг. самый благополучный период в развитии города, 11,5% отмечают, что лучшие времена город застал 1960 – е гг., а 65,6% уверено указали наши дни. 48% горожан ассоциируют г. Барнаул с зеленью, строительством и уютом. 40% опрошенных жителей, при упоминании Барнаула говорят об ассоциациях с р. Обь, речным вокзалом и ленточным бором. 12 % участников указывают на ассоциации, связанные с культурой, архитектурой, а также проспектом Ленина.

Второй этап исследования представлен экспертным интервьюированием, в ходе которого эксперты высказали свое мнение по схожим вопросам. Благодаря этому появилась возможность сопоставить ответы респондентов первого этапа с ответами экспертов. В.А. Скубневский отмечает что развитие г. Барнаула проходило периодами начиная с горнозаводского производства, середины XVIII в. до конца XIX в. В этот период образ города определял медеплавильный, а в последствии сереброплавильный завод. Кризис кабинетной промышленности после закрытия завода в 1893 г. дает начало периоду купечества и торговли который продлился до 1917 г. С ним солидарна и Н.В. Жилиякова, «закрытие в 1893 г. сереброплавильного завода сыграло не маловажную экономическую роль в развитии города.» [Жилиякова, 2015, с. 7 - 12] В конце XIX – начале XX в. Барнаул начал развиваться как крупный торговый и производственный центр. Советский период начинается с г. Барнаула – губернского города. Важно обратить внимание, на этап развития города как краевой столицы с 1937 г. Именно в этот период были реализованы первые социальные архитектурные решения [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г.Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р]. Сильный толчок в развитии сыграла Великая Отечественная война и эвакуация производственных мощностей. Запорожский машиностроительного институт, сейчас – это Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, смог снабдить инженерными кадрами г. Барнаул на долгие десятилетия. Яровикова В.А отмечает, «освоение целинных земель сыграло немаловажную роль в развитии региона и города в целом, при этом в печать в 1960 – х, 1970 – х гг. выходили публикации именно в ключе аграрного освоения края». [Яровикова, 2016, с. 67] Проводя корреляцию с исторической памятью жителей, можно проследить эти этапы. В.А.

Скубневский уточняет, что роль Барнаула относительно региона в этот период была ведомой. [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р] Эксперт уделяет внимание следующим личностям, которые достойны сыграть центральную роль в формировании бренда - И.И. Ползунов, П.К. Фролов, А. Демидов.

Из наиболее важных культурно-исторических мест необходимых для создания правильного образа Барнаула оба эксперта выделяют Демидовскую площадь и улицу Ползунова, как культурное ядро города. При этом, в ходе интервью эксперты указали следующие проблемы: сложности в восстановлении Сереброплавильного завода, реставрации и сохранении исторического облика улицы; необоснованные затраты на реализацию проекта лестницы в нагорной части города; бессмысленное облагораживание улицы Мало-тобольской. [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р]

Так В.А. Скубневский в ходе интервью отмечает, «мосты через р. Барнаулку нужны, разве кто спорит? Но к горнозаводскому кластеру они отношения не имеют. Горнозаводской кластер – это Сереброплавильный завод и Демидовская площадь» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р]. Интересным видится и замечание Т.М. Степанской, относительно уникальных архитектурных ансамблей города, «наиболее значимым выступает ансамбль на проспекте Ленина, представленный домом Союзов и гостиницей Алтай – это памятники архитектуры 1930-х гг. При этом нельзя забывать, что самое первое кирпичное здание в городе – это здание горной Аптеки, его необходимо сохранить в первую очередь! Сереброплавильный завод – это уникальный историко-культурный объект, начинать необходимо с него, но назвать Барнаул горнозаводским пока что не представляется возможным» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, Т.М. Степанская, 1939 г.р.].

Относительно того, есть ли перспективы у Барнаула как горнозаводского города – В.А. Скубневский считает, что восстановление комплекса Сереброплавильного завода смогло бы вывести данный проект из кризиса. Сейчас, по мнению эксперта наиболее подходящий образ – это административный и торговый город [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы экспертного интервьюирования 2017. г. Барнаул, В. А. Скубневский, 1945 г.р]. Эксперты оценили, что наличие брендов края, города и отдельный туристский бренд – «Барнаул город в Сибири» плохо сказываются на облике Барнаула. Тем самым, целевые аудитории не понимают, что такое г. Барнаул, и какой исторический период является для него центральным.

В ходе исследования, при использовании социологических методов удалось установить наличие проблемы – жители г. Барнаула не идентифицируют себя с горнозаводским городом, и считают, что город Барнаул сложно назвать горнозаводским, с ними солидарны и эксперты. В свою очередь, жители слабо информированы об этом периоде.

Наибольшую популярность среди респондентов имеют следующие территории города: парк Центрального района, ВДНХ, а также театры г. Барнаула. Жители считают, что исторический образ города создает именно улица Ползунова. Эксперты, и респонденты едины во мнении что И.И. Ползунов и А. Демидов являются важными историческими личностями и являются наиболее известными среди населения города.

Следует отметить, что сейчас город Барнаул у жителей вызывает в большей степени, ассоциации экологического ряда. Усматривается, что жители не были восприняты как первичная целевая аудитория проекта туристско-рекреационного кластера «Барнаул горнозаводской город».

Респонденты и эксперты сходятся во мнении, что образ города Барнаула сейчас - аграрный или торгово-административный.

Нельзя высказать сомнения о том, что восстановление и реставрация города в облике горнозаводского производственного центра является не верным решением без проведения дополнительных исследований. Вопрос остается открытым, но начинать нужно в первую очередь с более детального исследования восприятия жителей города, как наиболее важной из целевых аудиторий.

Список источников и литературы

1. *Алафьев М.К.* Экономическое развитие Сибири в Административно правовой политике коронной власти в первой половине XIX века. / М.К.Алафьев // Омский государственный вестник. – 2013. - №3. – С. 8 – 10.
2. *Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ.* Материалы социально-демографического опроса ст.гр 6755 д, Панченко И.А 2017. г.Барнаул.
3. *Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ.* Материалы экспертного интервьюирования 2017. г.Барнаул, Скубневский Валерий Анатольевич, 1945 г.р.
4. *Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ.* Материалы экспертного интервьюирования 2017. г.Барнаул, Степанская Тамара Михайловна, 1939 г.р.
5. *Ведерников В.В.* К вопросу о характере производственных взаимоотношений между Колывано-Воскресенскими (Алтайскими) и Нерчинскими заводами в 1746–1850 гг. / Известия Алтайского государственного университета. – 2009. - № 4 – 4.- С.40 – 48.
6. *Дмитриева, Н. В.* Элементарные методы дескриптивной статистики в исторических исследованиях : учебное пособие / Н. В. Дмитриева, Н. В. Мелконова, Н. В. Самарина ; отв. ред. А. И. Нарезный. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 88 с.
7. *Жилякова Н. В.* Первые периодические издания уездного города Барнаула конца XIX – начала XX века: типологические и содержательные особенности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. - 2015. - Т. 14. - № 6. - С. 7–12.
8. *История масштабного проекта.* «Барнаул - горнозаводской город»: что это будет? [Электронный ресурс]. – ПолитСибРу. – Барнаул: <http://politsib.ru/projects/project/1>
9. *Коньшева О.Ю.* Идея города-сада, воплощенная гражданским инженером И.Ф. Носовичем в I трети XX в. / О.Ю.Коньшева // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. - №2 – 2. – С.172 – 174.
10. *Кузьмина О.В.*, Историческая социология: формирование новой науки / О.В. Кузьмина // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. - №2 (65). С.121 – 124.
11. *Мазалова М. А.* Эволюция элитности в семейном воспитании купечества в XIX веке / М.А.Мазалова // Вестник ТГПУ. – 2012. - №5.- С. 91 – 95.
12. *Музей Алтайского технического университета им. И.И. Ползунова* [Электронный ресурс].- АлтГТУ. – Барнаул: https://museum.altstu.ru/altstu_history
13. *Нестерова С.В.* Искусство сибирской провинции. Музыкальная жизнь Барнаула XIX – начала XX в. / Известия Алтайского государственного университета. – 2010. - № 2-2. – С.145 – 147.
14. *Панченко, И.А.* Брендинг как инструмент развития туристского региона / И.А.Панченко, Е.В.Антюфеева // Экономика.Сервис.Туризм.Культура (ЭСТК – 2017): XIX Международная научно – практическая конференция: сборник статей / АлтГТУ им.И.И.Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. – С 51 – 53.
15. *Панченко, И.А.* Основные проблемы формирования территориального бренда на примере Барнаула [Электронный ресурс] / И.А.Панченко, Е.В.Антюфеева // Гори-

зонты образования. – 2017. - №19. - Режим доступа: http://edu.secna.ru/media/f/production_management_tez_2017.pdf

16. *Панченко, И.А.* Социально-демографическая оценка целевой аудитории при формировании бренда Телецкого озера [Электронный ресурс] / И.А.Панченко, Т.М.Берлова // Горизонты образования. – 2017. - №19. - Режим доступа: http://edu.secna.ru/media/f/eoyp_sod_2017.pdf

17. *Прядуха Н.А.*, музыкально – звуковые закономерности в организации культурного ландшафта Демидовской площади г. Барнаула / Н.А. Прядуха// Вестник Томского государственного университета. – 2013. - №376. – С.76 – 80.

18. *Сенявская Е. С.* 1941—1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — 220 с.

19. *Скубневский В.А.*, Праздники в Барнауле в конце XIX – начале XX в. / В.А.Скубневский, С.А. Шилин // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. - №4 – 5. – С. 182 – 185.

20. *Целищева М.А.*, Барнаул Памятник архитектуры «Духовное училище» в г. Барнауле: история здания и проблемы его сохранения

21. *Целищева М.А.*, г. Барнаул Комплекс памятников истории и архитектуры железнодорожной станции г. Барнаула / М.А.Целищева // Сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI. — С.158 – 162.

22. *Щеглова, Т.К.* Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

23. *Яровикова, В. А.* Вклад учащейся молодёжи в социально-экономическое развитие Алтайского края (середина 1950-х – начало 1980-х гг.) / В. А. Яровикова // Мир Евразии. История. Археология. Этнография. – 2016. - № 3. – С. 65-69.

УДК 394

СЁОК-РОД НАЙМАН/МАЙМАН У ЧУЙСКИХ КАЗАХОВ И АЛТАЙЦЕВ¹

Садыкова Н.Т.

На основе собранных этнографических сведений освещена степень взаимовлияния родовых сообществ чуйских казахов и теленгитов, группы южных алтайцев, на примере распространённости и значимости казахского рода найман и алтайского сёока майман.

Ключевые слова: алтайцы, диаспора казахов, сёок-род, родовое сознание.

SEOK-CLAN NAYMAN / MAYMAN WITH THE KAZAKHS OF CHUYA AND ALTAIANS

Sadykova N.T.

On the basis of the ethnographic information collected, the degree of mutual influence of the tribal communities of the Chuya Kazakhs and Telengits, the group of southern Altaians,

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р)

with prevalence and significance of the Kazakh clan of Naiman and the Altai tribe-seok Mayman as an example.

Key words: *Altaians, Kazakh diaspora, tribe-seok, tribal consciousness.*

Диаспора казахов более ста лет расселена в Чуйской степи – в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. За долгий период, обособившись от казахстанских казахов, приобрела несколько названий: чуйские казахи, потому что большинство проживает в Чуйской степи, кош-агачские казахи – по району проживания, алтайские казахи – по региону Горный Алтай. О степени влияния этнической среды теленгитов, группы южных алтайцев, предлагается рассмотреть на примере распространённости и значимости рода найман у кош-агачских казахов и майман у алтай-кижи, группы южных алтайцев.

Казахи Кош-Агачского р-на являются выходцами из среднего жуза (жузами называются объединения определённых родов). Переселившиеся из Северо-Восточного Казахстана, преимущественно относятся к родоплеменному объединению найман, к под родам саргалдак и самай [Коновалов, 1986, с. 5]. В казахстанской родословной найманы делятся на родственные союзы: теристанбалы, сарыжомарт, толегетай. У кош-агачских казахов род найман состоит из других родов – самай, саргалдак, даулет и кулжабай [Садыкова, 2017, с. 384]. По данным книги «Шежыре» – генеалогии о кош-агачских казахах, большинство сельчан с. Жана-Аул относится к родам самай и кулжабай, с. Тобелер – самай и саргалдак, с. Джазатор – даулет и саргалдак [Кытабаев, 1995]. В этой книге записан мой род, мои родители и родственники. Я родилась в смешанном алтайско-казахском селе Ортолык и принадлежу к отцовскому роду даулет, его подразделению даулет-бай, входящему в состав крупного рода найман (рис. 1).

На факт алтайского (теленгитского) влияния на родовое сознание чуйских казахов обратил внимание А. Н. Самойлович, бывший в Горный Алтай в 1927 г. Он писал: «Мои осведомители – казахи передавали, что родовые свои деления казахи на Чуе называют не ру, а суюк» [Самойлович, 1930, с. 5]. Дополнительно следует отметить, что у казахстанских казахов род называется «уру», а у алтайцев «сёок» (сёок).

Одним из распространённых сёоков-родов у алтайцев является сёок майман. Этот род не имеет родственных сёоков, поэтому считается пришлым. По преданиям известно, что он появился на Алтае около трёх столетий назад со стороны реки Иртыш [Соколов, 1900, с. 354]. В Горном Алтае этот сёок расселился в трёх направлениях – по р. Кан-Кайракан (Усть-Канский р-н РА), верховью рр. Короты и Каракол (Онгудайский р-н РА) и рр. Чемал и Кунос (Чемальский р-н РА), затем по рр. Каспа и Апшуюкту (Шебалинский р-н РА), р. Кудурлу (Усть-Коксинский р-н РА). Чемальский р-н, ставший районом обрусевших алтайцев, остаётся в родовом сознании одним из первых мест расселения сёока-рода майман [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 246]. До сих пор на названных территориях проживают майманы, состоящие из двух экзогамных подразделений: кара майман, ведущий свое происхождение от пяти сыновей предка Солтона, и кёгёл майман – разбросанный и малочисленный [Кыдыева, 2008, с. 26-27].

Обращает внимание тот факт, что сёок майман у алтайцев переселился из верховий Иртыша три столетия назад. И предки большинства кош-агачских казахов, входящих в состав найман, также переселились с берегов Иртыша северо-восточной части Казахстана во второй половине XIX века. По многим письменным и устным источникам средневековый народ найман проживал по реке Иртыш. Одни исследователи полагают, что найманы были монголоязычными, другие – тюркоязычными. Д. Банзаров обратил внимание на этимологию этнонима «найман» и предположил его происхождение от монгольского слова «восемь» [Потанин, 1883, с. 660].

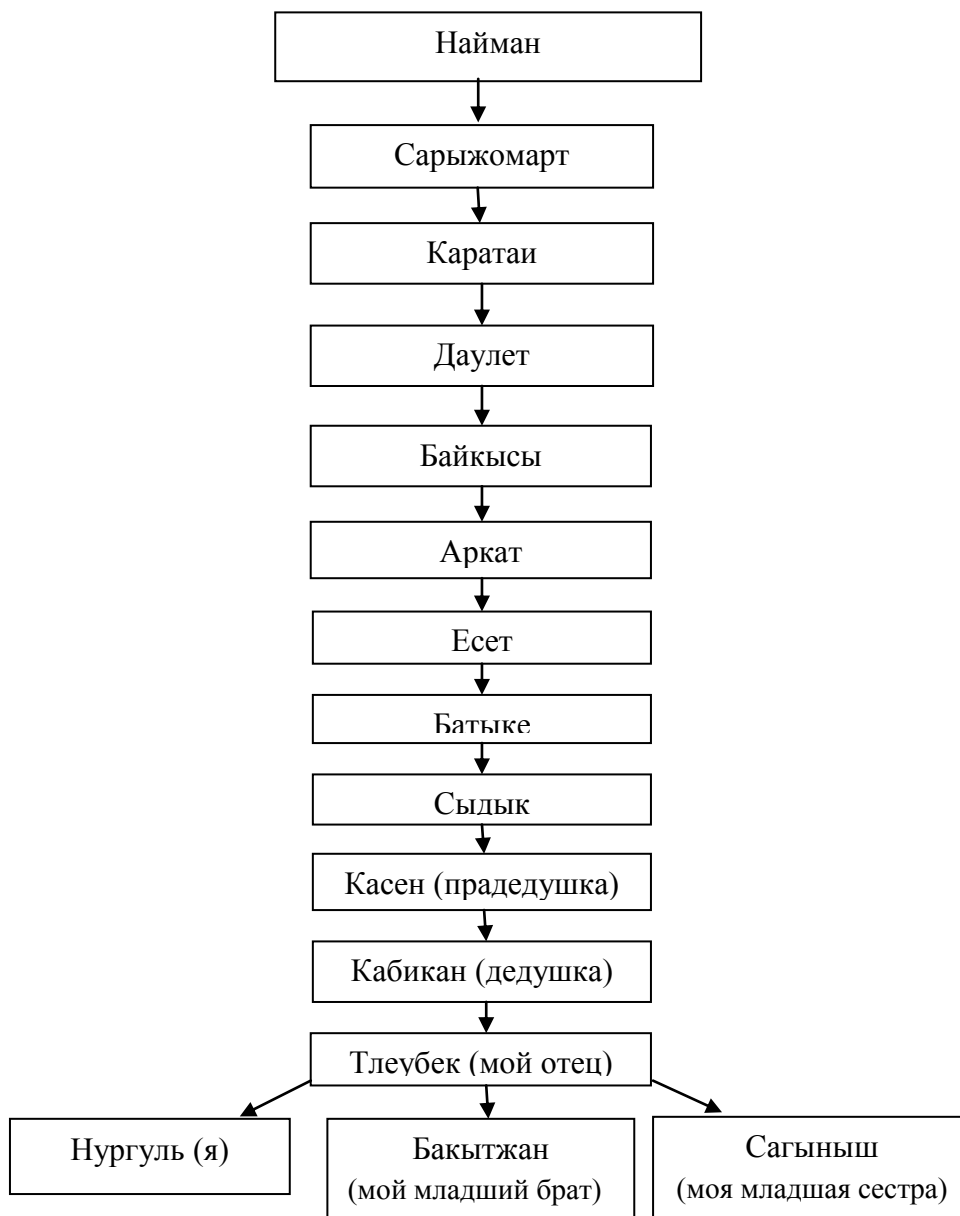

рис. 1. Родословная рода найман у кош-агачских казахов

Бесспорно одно, что средневековые найманы вошли в родовой состав многих тюркских народов, в том числе алтайцев и казахов. Это подтверждается замечанием Г.Н. Потанина, отметившего, что у алтайцев «имя Майман придаётся также одному алтайскому поколению, причём произносится и Найман» [Потанин, 1883, с. 725]. Отождествление этнонимов найман и майман свидетельствует о средневековом происхождении родов майман у алтайцев и найман у казахов. По результатам проведённого опроса информаторов из кош-агачских казахов отрицается родовая общность казахского рода найман и алтайского сёока майман, вероятно потому что в родовом сознании становится актуальным уровень этнической принадлежности к конкретному этносу, состоящему из родов-сёоков (сюёков).

Информаторы

Батырова Тамара Сафаровна, 1947 г.р., род ногай, татарка, с. Кош-Агач Кош-Агачского р-на, Республика Алтай;

Нуртазанов РымбекБагдатоленович, 1969 г.р., род самый (боко) , с. Кош-Агач Кош-Агачского р-на РА;

Садыков Тлеубек Кабиканович, 1971 г.р., род даулет, с. Кош-Агач Кош-Агачского р-на РА

Список литературы

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 168 с.

Кыдыева В.Я. Поземные отношения в Горном Алтае в XX веке. – Горно-Алтайск: Издательство А. Орехов, 2008. – 135 с.

Кытабаев Б.А. Шежыре (генеалогия). – Кош-Агач, 1995.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. Киршбаума, 1883. – Вып. 4. – 1026 с.

Садыкова Н.Т. О родовом составе кош-агачских казахов // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: мат-лы LVII РАЭСК. – Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 344-345.

Самойлович А.Н. Казаки Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л.: АН СССР, 1930. – 25 с.

Соколов К. Записки миссионера Урскульского отделения Алтайской миссии за 1900 год // Православный благовестник. – 1900. – № 24. – С. 354-356.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О музее зайсана рода майман // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. – Вып. XXIII. – С. 243-248.

УДК 394

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА 2017 г.

Светачева У.В.

В статье описываются аспекты традиционной праздничной культуры белорусских переселенцев, полученных в результате экспедиции Минусинского регионального краеведческого музея м. Н.М. Мартьянова, а именно Уделяется внимание календарным праздникам и обрядам, связанным браком и родами.

Ключевые слова: Минусинский уезд, белорусы, переселенцы, традиционная культура, праздники.

SPIRITUAL CULTURE OF BELARUSIAN MIGRANTS ON THE MATERIALS OF THE ETHNOGRAPHIC EXPEDITION 2017 OF THE MINUSINSK MUSEUM NAMED AFTER N.M. MARTYANOV

Svetacheva U. V.

This paper presents some aspects of traditional festival culture the Belarusian settlers. The article is based on the materials got during the expedition organized by the Minusinsk local history museum in 2017. Calendar ceremony and ceremony of marriage and lying-in was clued in the paper.

Keywords: *Minusinsk territory, the Belarusian, settlers, traditional culture, festival.*

Традиционная культура белорусских переселенцев юга Приенисейского края и, в частности, обрядовая сфера, изучена слабо. Она практически не описана в литературе, за исключением ряда краеведческих статей, опубликованных, как правило, в районных газетах. В августе 2017 г. состоялась этнографическая экспедиция Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова, посвященная изучению традиционной культуры белорусских переселенцев, проживающих на территории современного Идринского района Красноярского края.

В середине XIX в., согласно «Списку населенных пунктов...», белорусы в Енисейской губернии проживали в селах Бейское, Лугавское, Шалаболинское, деревнях Означенная, Кальская, Сабинская, Табатская, Иудинская, Койская, Курганчикова, Пойлова, Дятлова и Кныши совместно с русскими [Список населенных пунктов по сведениям 1859 г. 1864 г. с. 26–27]. Во второй половине XIX – начале XX в. поток переселенцев возрос. В этот период сформировалось и место компактного проживания белорусов в районе рек Убей, Сидориха, Киндидюль.

Данный участок представляет собой подтаежную местность, где на рубеже XIX – XX вв. появилось несколько переселенческих участков: Торгашинский (буд. Иннокентьевка), Вопиловский (буд. Королевка), Четвертый (буд. Вознесенка), Чухаревский (буд. Романовка), Кызынджульский (буд. Николаевка), Малый Корджуль (буд. Новопокровка), Успенский, Серебряный ключ, Сидориха, Шадринский. Впервые эти поселения появляются на карте 1893 г., на более ранних картах, в том числе 1888 – 1889 гг., они не указаны [Карта частей Минусинского и Ачинского округов. 1893].

В ходе экспедиции были обследованы село Романовка, деревни Иннокентьевка, Королевка, а также собрана информация о ныне исчезнувших деревнях Николаевке, Новопокровке, Вознесенке.

Королевка – деревня белорусского происхождения, образованная переселенцами из Витебской и Могилевской губерний, также есть упоминание о проживании в деревне «хохлов». Жителей Королевки называют могилевцами, «могильва». Себя они называют также: «Мы могилевцы, по могилевски, по-стариковски разговариваем». Сами жители отмечают, что преобладало белорусское население: «в основном белорусы, мало кто украинцы». Население Вознесенки составляли белорусские переселенцы – «могилевцы». Романовку заселили выходцы из Витебской и Могилевской губерний, приехавшие «на вольную землю». В Николаевке проживали «витебские, могилевские, хохлы». Иннокентьевка также была заселена выходцами из Белоруссии, иногда называли точнее: из Витебской губернии. Один из информантов указал, что себя называли лепинские, лепинцы [ПМА, 2017].

В литературе отмечалось, что даже в случае компактного проживания, носители различных культурных традиций занимали разные края деревни [Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. с. 35]. Это прослеживается в данном случае. Так, Королевка делилась на края: Витебцы (Витебка), Могилевцы и Черниговцы. Сходным образом назывались края в Новопокровке: Витебска, Могилевцы, Зеленковская [ПМА, 2017].

Первое название Иннокентьевки – Торгашино. По сообщению местных жителей, Торгашин был первым поселенцем, белорусом, иногда уточняется – «витебским». Он жил в землянке у начала ключа. Второе название – Иннокентьевка – поселение получило по имени его сына [ПМА, 2017]. Однако сама фамилия «Торгашин» является старожильческой. Одна из первых деревень Красноярского уезда, возникших в XVIII в., носила название «Торгашино» [Энциклопедия Красноярского края. Юг. с. 85 –89]. Никто из информантов не помнит реальных Торгашиных, проживавших в деревне. Возможно,

поселение выросло на месте заимки старожила Торгашина, которого жители в последствии стали считать белорусом.

Аналогичная ситуация сложилась с первым названием д. Королевка – Опиловка (Вопиловка). Оно происходит от имени первопоселенца Вопилова, приехавшего якобы «с России». Самых Вопиловых жители не помнят [ПМА, 2017]. Известны Вопиловы, проживавшие в Екатериновке [ПМА, 2016] и, вероятно, именно на основе их заимки выросла деревня.

Новопокровка ранее именовалась Корджуль, по названию переселенческого участка и реки. Николаевка также называлась «Кинджуль» - вероятно, искаженное название переселенческого участка Кызынджувский. Вознесенка называлась также Дербя (по названию реки) и Четвертый. Местные жители объясняют это тем, что находится в 4 км от Королевки, исторически на этом месте находился переселенческий участок Четвертый, из которого и выросла деревня. [ПМА, 2017].

Несмотря на то, что Иннокентьевка, Николаевка, Новопокровка, Королевка, Вознесенка и Романовка – деревни, образованные преимущественно белорусскими переселенцами, в языке жителей прослеживаются языковые различия. «В каждой деревне свой говор», - отмечают информанты. Отличаются по говору Иннокентьевка, Королевка и Романовка [ПМА, 2017].

В 1910 г. из Ново-Березовского выделился Торгашинский Иоанно-Предтеченский церковный приход, который включал в себя село Торгашино (Иннокентьевка), где находилась церковь, деревни Ново-Покровка, Романовка, Николаевка, Убей-Татарка, Ново-Рождественская, Михайловка [Краткое описание приходов Енисейской епархии. с.189]. До постройки церкви в Иннокентьевке имелась часовня, располагавшаяся у ключа. Жители деревень, в которых не было церквей, ходили в Иннокентьевку или Шадрино, где также имелась своя церковь. В 1930-е гг. церковь была закрыта и использовалась как зернохранилище. Ближайшая действующая церковь находилась в Новоберезовке, и люди ходили туда, иногда священник приезжал сам [ПМА, 2017].

Приблизительно до 1930-х гг. («пока церковь была») сохранялась традиция съезжих праздников. Ими были в Романовке и Вознесенке Михайлов день, в Новопокровке и, вероятно, Иннокентьевке – Покров. «Все собирались к родне» [ПМА, 2017].

Большое значение имели и праздники календарного цикла. Отмечали «старинные», «церковные» праздники: Рождество, Крещение, Масленицу (Масленку), Пасху, Троицу, день Ивана Купалы, Петров день, Покров, Старый Новый год [ПМА, 2017].

Первым праздником годового цикла было Рождество. Сохранилось название двух недель между Рождеством и Крещением – «Коляда». В этот период гадали, колядовали, наряжались стариком и старухой, женщины делали бумажные маски, мужчины надевали бороды, пакостили, например, раскидывали дрова. Некоторые в этот период славили, пели песни. Сохранились сведения и о звезде, с которой ходили на Рождество. «У Лукашенко была звезда, в ней икона и свеча горела, ее украшали цветами, молитвы пели», - вспоминает информант [ПМА, 2017].

Меньше сохранилось сведений о праздновании Масленицы. На нее обычно катились на лошадях [ПМА, 2017]. Катание на лошадях на улицах селений было распространено в Белоруссии, восточных уездах Витебской и Могилевской губерний [Белорусы. с. 397] и продолжало существовать в Сибири.

Пасха считалась «большим» праздником. Её праздновали три дня. В этот день славили Христа, дарили яйца, играли в битки. В Королевке на Пасху ходили в Вознесенку, к старухам, которые молились и посвящали пасху. В Иннокентьевке пели волочобнички [ПМА, 2017]. В понимании информантов волочобнички – это специальные

песни, исполняемые на Пасху, хотя изначально под этим словом понималась группа людей, славящих Христа и поющих волочебные песни.

Информанты отмечают, что на родительский день (Радуницу) ходили на кладбище в Шадрино, а в остальных деревнях – только если е было снега, а чаще всего в остальных поминали дома. Основные поминальные мероприятия приурочивались к Троице. В Романовке и Иннокентьевке на кладбище ходили на Троицу, в Николаевке, Королевке, Вознесенке – в субботу перед ней. Объясняют это рекомендацией бабушки, а также связывают с природными условиями и отмечают, что на родительский день ходят на кладбище, если нет снега [ПМА, 2017].

Традиционно белорусы накануне Троицы, в субботу отмечали «Дзяды» – поминовение умерших предков, а на сам праздник ходили на кладбище подметать могилы березовыми вениками [Белорусы. с. 398-399]. Вероятно, придя в Сибирь, белорусы сохранили традиции поминовения умерших предков, однако истинный смысл обряда, как и его название, потерялись. ходить на кладбище в субботу или воскресенье Так происходит и в других регионах Сибири: сохраняется традиция, однако теряется название и меняется смысл праздника [Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. с. 185].

Долгое время сохранялась традиция жечь костры в ночь, накануне Ивана Купалы, на другой день обливаться водой. В Королевке на Ивана Купалу «гоняли ведьму» [ПМА, 2017]. В литературе отмечается, что высматривала ведьму, олицетворением которой служили внезапно появившиеся животные или неодушевленные предметы, обычно молодежь [Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. с. 197]. Информанты же описывали данное явление иначе: «разжигали под березой костер, бабка веник отломит, погоняет пацанов вокруг костра» или «шестого числа разводили костер, палок насобирают, наряжались и ведьмой наряжались. Метлу между ног и бегом вокруг костра. Женщины бегали» [ПМА, 2017].

Помимо информации о праздниках календарного цикла, были записаны и обряды, связанные со свадьбой и рождением ребенка. Информант из с. Романовка рассказал о сватовстве: «Сам ездил в сваты. Приезжаешь, заходишь с женихом и говоришь: «Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой», заведешь разговор, потом говоришь: «Слыхал, что у вас телочка в продаже. У меня бычок есть». Такие формулировки «со старинных годов». Невесту спрашивали, доставали бутылку, договаривались о свадьбе [ПМА, 2017]. Традиционно распитие бутылки, которую приносил сват, у белорусов являлось символом договоренности [Белорусы. с. 384]. В Королевке невеста на свадьбы надевала венки. В Иннокентьевке сообщили, что на свадьбе жениху и невесте стелили шубу мехом вверх, невесте платок повязывали, а жениху надевали вывернутую шапку [ПМА, 2017]. Вывернутая мехом наружу шуба часто фигурирует в свадебной обрядности белорусов. На квашню, покрытую вывернутой шубой, сажали невесту, если она сохранила целомудрие до свадьбы. Мать жениха, одетая в вывернутую мехом наружу шубу, обходила свадебный поезд перед отъездом к дому невесты и зачастую встречала прибывшую пару в таком одеянии. Целью этого было отпугнуть злые силы [Белорусы. с. 386]. Вероятно, эту же цель преследовали белорусские переселенцы Иннокентьевки.

Также жених и невесты должны собирать копейки из сора. Возможно, это искажившаяся со временем проверка молодой, которая осуществлялась на третий день свадьбы: она должна была подмести пол, принести воду из колодца и т.д., а окружающие ей в этом мешали: разбрасывали мусор, деньги, выливали воду [Белорусы. с. 387].

Через неделю после рождения ребенка в воскресенье к роженице справиться о здоровье приходили замужние женщины, без приглашения, приносили гостинцы, иногда – одежду для ребенка. Из мужчин могли присутствовать отец, крестный и деды. После застолья крестных и бабушек катали, зимой – на санках, в другое время – на са-

модельной двухместной тележке. После гадания бабушка приглашала к себе в дом на угощение [ПМА, 2017]. Обычай проводывания «адведак», «вотведау» существовал в Белоруссии: женщину после родов навещали родственницы, соседки, подруги [Белорусы. с. 382-383].

С 1930-х гг. начался процесс утраты традиций, поколение людей, помнящих их, уходит, и пласт народной культуры оказывается утерян. Данные, полученные в ходе экспедиции, носят фрагментарный характер, и восстановить по ним полную картину невозможно. Однако по ним видно, что пришедшие в Сибирь белорусские переселенцы сохранили свои традиции. Это проявлялось, например, в славлении со звездой на Рождество, исполнении волочебных песен на Пасху, поминальных мероприятиях на Троицу, традиции навещать роженицу после родов.

ПМА 2017 – здесь и далее полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2016 г. Красноярский край, Идринский район, с. Романовка, д. Королевка, Иннокентьевка. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции).

ПМА 2016 – здесь и далее полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2016 г. Красноярский край, Идринский район, с. Никольское, Новотроицкое, Екатериновка, д. Мензот, Зезезино, Васильевка, Еленинск. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции).

Список литературы

АМКМ. Инв. № 254. Карта частей Минусинского и Ачинского округов. Сост. И. Ковригин, 1893 г.

Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. – Серия «Народы и культуры». – М.: «Наука», 1998. – 503 с.

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. / Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 424 с.

Краткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск, 1916. – 243 с.

Список населенных пунктов по сведениям 1859 г. LI. Енисейская губерния. – СПб: типография Карла Вульфа, 1864 г. – 118 с.

УДК 393

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОРДВЫ СИБИРИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сосновский А. В.

В статье описывается история изучения погребального обряда мордвы, проживающей в Алтайском, Красноярском краях и Кемеровской области, делается попытка проследить его трансформацию за период проведения полевых исследований.

Ключевые слова: мордва, полевые исследования, экспедиции, погребальный обряд, традиции, экспедиции, история изучения, кладбища, поминки, культура.

FUNERAL CEREMONIES OF THE MORDVINS OF SIBERIA: ON MATERIALS OF FIELD STUDIES

Sosnovsky A.V.

The article describes the history of the study of Mordva funeral rite, living in the Altai, Krasnoyarsk regions and Kemerovo region, attempts to trace its transformation during the field research.

Keywords: *Mordovians, field studies, expeditions, funeral rites, traditions, expeditions, history of study, the cemetery, commemoration, culture.*

Мордва появилась в Сибири вместе с русскими переселенцами с начала XVIII в. Массовое движения мордвы из северных и восточных губерний (Пензенской, Симбирской, Самарской, Казанской) европейской части России началось со второй половины XIX в. Мордовские переселенцы селились в основном в южных (Алтайский край, южная часть Красноярского края, Новосибирская, Иркутская, Томская, Кемеровская области и др.) районах, природные условия которых позволяли вести традиционные виды хозяйства.

Наибольшее количество мордовского населения находится в Алтайском, Красноярском краях и Кемеровской области. По переписям населения в Алтайском крае мордвы проживало в 1970 г. – 11 005 чел., в 1979 – 8 466 чел., в 1989 г. – 7 455 чел., в 2002 – 4 769 чел.; в Кемеровской области: в 1970 г. – 19 158 чел., в 1979 г. – 15 239 чел., в 1989 г. – 13 894 чел., в 2002 г. – 7 221 чел.; в Красноярском крае в 1970 г. – 17 997, в 1979 г. – 15 779 чел., в 1989 г. – 14 873 чел., в 2002 г. – 7 526 чел. [1, 4, 5]. По переписи 2010 г. в Сибирском федеральном округе проживало 19256426 чел. из них мордвы – 19 238 чел. В Алтайском крае проживало 2 976 чел. мордвы; в Красноярском крае – 4295 чел., в Кемеровской области – 3932 чел. [11]. Сокращение численности мордовского населения связано не только с процессами ассимиляции, социально-экономическими, но и естественными причинами. Смертность мордовского населения Алтайского и Красноярского краев представлена в таблицах 1 и 2 [2, с. 72 - 74].

Таблица 1

Смертность среди мордовского населения Красноярского края, чел.

Населенный пункт	Год	Общее число умерших	В том числе		Средний возраст	
			Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
с. Верхняя Коя Минусинского района	1990	2	1	1	63	78
	1996	2	1	1	67	72
	2000	4	2	2	61	63
д. Долженково Абанского района	1981	1	1	—	45	—
	1982	4	3	1	54	46
	1983	1	—	1	—	71
	1984	1	1	—	44	—
	1987	1	—	1	—	79
	1989	3	2	1	66	86
	1990	8	6	2	61	76
	1991	2	—	2	—	81
	1992	3	1	2	28	81
1994	1	1	—	45	—	
1995	16	9	7	51	72	
2000	5	4	1	59,5	80	

	2001	7	1	6	66	56
д. Алексеевка Каратузского района	1995	1	1	—	71	—
	1996	5	4	1	61	75
	1997	2	—	2	—	72
	1999	2	—	2	—	68
	2000	5	3	2	57,8	75,3
	2001	1	—	1	—	75
с. Саянск Краснотуранского района	1990	1	1	—	75	—
	1991	4	1	3	72	73
	1995	2	2	—	63,5	—
	1998	2	2	—	58	—
	2000	4	2	2	67	64
	2001	4	1	3	76	67,3
с. Большая Ничка Минусинского района	1980	1	1	—	60	—
	1985	5	2	3	38,5	81
	1990	6	4	2	56	76
	1995	2	1	1	75	—
	2000	8	4	4	65	79,5
	2001	5	1	4	75	77
д. Михайловка Канского района	1991	1	1	—	64	—
	1992	1	1	—	85	—
	1994	1	1	—	68	—
	1995	1	1	—	75	—
	1996	1	1	—	53	—
	1999	1	—	1	—	92
	2000	1	1	—	87	—
Итого по 6 населенным пунктам	1980	17	10	7	51,3	60,5
	— 1989					
	1990	17	12	5	63,8	76,7
	1991	13	6	7	61,3	78,3
	— 1994					
	1995	24	15	9	68,2	72
	1996	6	3	3	55	78,2
	— 1999					
	2000	27	16	11	67,2	73,1
	2001	17	4	13	68,3	68,9
	1980	121	66	55	62,2	72,5
	— 2001					

Таблица 2

Смертность среди мордовского населения Алтайского края, чел.

Сельская администрация	Год	Всего умерших	В том числе мордвы		Из них		Средний возраст, лет	
			Чел.	%	муж-	жен-	муж-	жен

					чин	щин	чин	щин
Борисовская	1940	47	40	85,0	18	22	5 мес.	3,0
	1950	27	21	77,8	14	7	27,9	15,9
	1970	19	15	79,0	8	7	60,4	72,3
	1980	16	13	81,3	8	5	47,0	57,4
	1990	16	13	81,3	5	8	32,2	70,9
	1995	21	13	62,0	5	8	58,6	77,1
	2000	19	15	78,9	5	10	67,0	79,3
	2001	20	12	60,0	6	6	69,5	77,5
Черемушкин- ская	1940	92	46	50,0	23	23	10,5	15,4
	1950	20	4	25,0	1	3	1,0	50,0
	1970	17	5	29,4	1	4	86,0	76,3
	1980	28	7	25,0	3	4	71,3	76,5
	1990	28	9	31,1	4	5	50,1	74,0
	1995	29	7	24,1	2	5	52,5	89,8
	2000	43	5	11,6	2	3	56,0	78,7
	2001	36	9	25,0	3	6	77,0	82,8
Залесовская	1940	96	7	7,3	5	2	14,0	4,5
	1950	67	4	6,0	3	1	20,0	0
	1970	65	7	10,8	3	4	44,0	81,3
	1980	118	4	3,4	2	2	69,5	83,0
	1990	86	4	4,7	3	1	65,0	75,0
	1995	125	9	7,2	6	3	64,8	79,0
	2000	137	6	4,4	4	2	72,3	74,0
	2001	117	6	5,1	1	5	76,0	72,6
Итого по 3 сельским адми- нистрациям	1940	235	93	39,6	46	47	8,3	7,6
	1950	114	29	25,4	18	11	16,3	22,0
	1970	101	27	26,7	12	15	63,4	76,6
	1980	162	24	14,8	13	11	62,6	72,3
	1990	130	26	20,0	12	14	49,1	73,3
	1995	175	29	16,6	13	16	58,7	82,0
	2000	199	26	13,1	11	15	65,1	77,3
	2001	173	27	15,6	10	17	74,2	77,6

Смерть всегда воспринималась обществом как неотъемлемая и существенная часть мироздания, без которой было немыслимо любое движение и развитие природы и социума. После смерти отдельного члена общества в действие вступают установившиеся обычаи, отражающие изменявшиеся представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших. Похоронная и поминальная обрядность – это мощный инструмент поддержания и активизации культурной памяти не только семьи, но и всего общества, ее важнейшая социальная функция. В то же время это наиболее консервативная составляющая семейной обрядности, и ее изменения, происходящие под воздействием новых социальных и экономических условий, отражают коренную трансформацию глубинных пластов духовной культуры народов, поэтому так важно изучать данные процессы, используя разные исследовательские подходы.

В последней четверти XX века Научно-исследовательским институтом языка, литературы истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (ныне ГКУ НИИ ГН при правительстве Республики Мордовия) началось изучение мордовского населения, проживающего за пределами Мордовии, в том числе и Сибири. В 1975 году в Алтайский край состоялась этнографическая экспедиция НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР [3]. Члены экспедиции (И. С. Бузаков – нач., В. П. Тумайкин, Э. Н. Таракина, Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина) занимались изучением языка, фольклора, материальной и духовной культуры алтайской мордвы. В Залесовском районе Алтайского края было обследовано 7 населенных пунктов (с. Борисово, д. Кочегарка, д. Пахтырь, с. Пещерки и др.), в пяти из которых проживала мордва-эрзя, а в двух совместно эрзя и мокша. В ходе экспедиций, значительное внимание было уделено погребальному обряду. В частности, В. П. Тумайкиным было отмечено, что в погребальных и поминальных обрядах мордвы, проживающей в различных районах СССР много общих элементов. Из традиционных элементов обряда у мордвы Алтая распространено после смерти человека ставить стакан или миску с чистой водой, а возле покойного накрывать стол. В этот день в доме покойного собирались все близкие, родственники, соседи. Весь процесс погребального обряда сопровождался плачами. В этот же день делался гроб и крест. В гроб покойника алтайская мордва клали перед выносом на кладбище. Гроб в течении трех дней оставался на крыльце, а крест, повязанный белым полотенцем, прислонялся к фасаду дома. Перед выносом умершего из дома ловили курицу, завертывали в платок и через гроб подавали кому-либо из присутствующих (обычно одиноким женщинам или что беднее) (по поверьям алтайской мордвы, с покойника снимается столько грехов, сколько перьев в курице). Гроб выносили после 3 часов дня. При выносе покойного со двора первому встреченному человеку преподносили подарок (завернутые в платок миску, ложку, «пренчат» - пряники, конфеты и т.д.). Гроб несли на носилках, сделанных из двух жердей, привязанных холстом, или на полотенцах. На кладбище «откупали» могилу – в платочек заворачивали несколько монет и клали на дно, туда же на полотенцах спускали гроб. После засыпания могилы проводили обряд огораживания «пирясызь» или «кардазпирить». Для того один из пожилых мужчин лопатой три раза проводил вокруг нее черту, а по углам могилы делал кресты [3]. Холст, который использовали для изготовления носилок, а также полотенца, на которых опускали гроб, резали на небольшие кусочки и дарили тем, кто нес гроб и копал могилу. После похорон в доме покойника устраивали поминки. Обязательно после кладбища мыли руки, за стол сначала садились мужчины, а затем женщины. На 40-й день после смерти родственники приносили с собой ритуальные блюда, напитки. Устроители поминок к этому дню покупали 40 платков и 40 ложек, которые раздавали присутствующим. Приверженность к родственным связям мордвы, выражалась и в захоронении членов семьи в одном месте кладбища – «по родам», устройство общих поминок и др. По мнению В. П. Тумайкина главной причиной в сохранении традиций в похоронных и поминальных обрядах, являлся сильно развитый у мордвы в прошлом культ предков, а также психологические факторы – утрата близкого человека, стремление сохранить добрую память о нем и т.д. [3].

В 2001-2003 гг. под руководством доктора исторических наук, профессора, зав. отделом этнографии и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ Л. И. Никоновой были проведены этнографические экспедиции на юг Сибири. В 2001 г. в Красноярском крае были обследованы 8 населенных пунктов 6 районов: д. Долженково Абанского, с. Большая Салба Идринского, д. Михайловка Канского, д. Алексеевка Каратузского, с. Галактионовка и Саянск Краснотуранского, с. Верхняя Коя и Большая Ничка Минусинского районов. В 2002 г. в Алтайском крае — 10 населенных пунктов 3 районов: пос. Октябрьский, с. Таловка и Черепановск Змеиногорского, с. Малоенисей-

ское, с. Сростки Бийского, пос. Никольский, с. Борисово, Черемушкино, Малый Калтай и Камышенка Залесовского районов. В 2003 г. в Кемеровской области — в 3 районах, 8 населенных пунктов: д. Шартонка, пос. Кузедеево, с. Николаевка и Гавриловка Новокузнецкого, пос. Павловка, Свердловский и Родниковый Ленинск-Кузнецкого, с. Островка Ижморского районов.

В ходе этих экспедиций был собран обширный полевой материал по истории формирования, расселению, демографии, материальной и духовной культуре мордвы Сибири [6, 7, 8]. На основе этих исследований, статистических и архивных сведений в 2007 году была выпущена коллективная монография «Мордва юга Сибири»[2], отразившая различные стороны жизни мордовских переселенцев, в том числе и погребальные обряды. Исследователями было отмечено, что погребально-поминальный обряд является наиболее устойчивым в системе обрядов жизненного цикла и не подвергшимся существенным изменениям. Устойчивость обряда обусловлена, по мнению авторов, осознанием мордвой, как и многими другими народами, той значимости, которую он занимает в ее традиционном мировоззрении. В работе подробно описывается три основных этапа обряда погребения: подготовка к смерти; обрядовые действия, направленные на подготовку умершего в потусторонний мир и к погребению; похоронный обряд [2, с. 228 - 246]. Отмечены наиболее сохранившиеся черты традиционного погребального ритуала у мордвы (приготовление заранее «смертной одежды»; изготовление гроба и креста в день смерти; расположение на подоконнике после смерти стакана с водой; вешание полотенца; обычай приходить в дом умершего не с «пустыми руками»; захоронение на кладбище рядом с умершими родственниками; бросание монет в могилу; приглашение умерших на поминки, в баню и их проводы; приготовление одежды для покойного на 40-й день поминок и год, обращение к умершим предкам за помощью и т.д.). Авторы делают вывод, на основе изученного материала, что поминальные обряды среди мордвы имеют некоторые локальные особенности, хотя они не существенны и не изменяют общего единого характера мордовского поминального ритуала [2, с. 289]. У мордвы приняты почитания предков, поклонение им, отношение к ним как к покровителям рода.

Продолжением этих исследований стали работы М. А. Овчаровой, посвященные этнотерриториальной группе мордвы Алтайского края [9, 10, 12]. Так, проведенные ею анализ мордовской обрядности позволили выделить несколько ее элементов. Во-первых, это элементы, заимствованные у окружающего, в основном русского населения; во-вторых, это смешение православных и дохристианских архаичных элементов, смысл которых уже утрачен, но они продолжают исполняться по традиции. Похоронно-поминальный цикл у каждого этноса включает устойчивую структуру обычаев и обрядов, представлений о смерти и обязанностях перед умершими. Относясь к числу сильных этнических традиций, похоронно-поминальная обрядность имеет особенности в каждой отдельной местности, основные этапы – подготовительный, день похорон, поминальный цикл. В ходе неоднократных полевых исследований в моноэтнических поселках мордвы-эрзи в Залесовском районе авторам удалось зафиксировать элементы похоронной обрядности. Так, было отмечено, что у мордвы сохранились некоторые архаичные традиции, свойственные мордовскому этносу, в которых переплелись представления язычества с православием (обрядовые похоронные блюда, обычай приносить на поминки свой «помин», обычай по родительским и поминальным дням «угощать» умерших «помином» и просить у них защиты). Они определились существовавшими в то время представлениями о смерти и загробной жизни. Для погребального обряда мордвы характерны, с одной стороны, страх перед умершим, с другой – желание умиловить его. Решающее значение в сохранении мордовских традиций, по мнению ис-

следователя, имели внутриэтнические брачно-семейные связи. Ориентация на этнические браки до середины XX в. способствовала сохранению микросреды [12].

Сравнивая полевой материал 1965 г. с полевым материалом 2001 – 2007 гг. необходимо отметить, что в похоронной и поминальной обрядности мордвы происходит процесс упрощения. Мордва перестала исполнять плачи на мордовском языке, за исключением старожилков, роль бани в поминальных обрядах снизилась, после поминок не ходят провожать умерших на кладбище и т.д. Погребальные обряды мордвы Сибири хотя и видоизменились под влиянием новых социально-экономических условий, но в целом сохранили самобытность.

Таким образом, традиционный похоронно-поминальный обряд мордвы, проживающей в Сибири – одна из хорошо разработанных тем этнографии. Будучи одним из наиболее устойчивых и консервативных, похоронный обряд позволяет изучать наиболее архаичные пласты духовной культуры народа. В то же время при всем многообразии исследований традиционного похоронно-поминального обряда масштабные изменения, которые происходят в обряде под влиянием новых социальных, экономических, политических и других обстоятельств, остаются по большей части неизученными.

Список литературы

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973.
2. Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]. – Саранск, 2007. – 312 с.
3. НА НИИ ГН. И – 905. Отчет об этнографической экспедиции сектора археологии и этнографии МНИИЯЛИЭ, проводимых в 1975 году н. с. сектора Тумайкиным В. П.).
4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1 – 2. М., 2004.
5. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
6. Никонова Л.И. Мордва Алтайского края (по материалам этнографической экспедиции 2002 г.) // Урал-алтай: через века в будущее: материалы науч. конф., 11 – 13 сентября 2003 г. Горно-Алтайск, 2005. – С. 17 – 22.
7. Никонова Л.И. Мордовская диаспора в Сибири (по материалам этнографических экспедиции 2002 – 2005 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 30 – 31 марта 2006 г.: в 3 ч. Омск, 2006. – Ч. 1. – С. 148 – 153.
8. Никонова Л.И. Мордовская диаспора на рубеже веков (по материалам этнографических экспедиций 2002- 2003 гг.) // Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. М. Ф. Жиганова (г. Саранск, 17 ноября 2004 г.): в 2 ч. Саранск, 2006. – Ч. 2. – С. 142 – 147.
9. Овчарова М. А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX - начало XXI в.). Новосибирск, 2010. – 226 с.
10. Овчарова М. А. Похоронный обряд мордвы Алтайского края на рубеже XX - XXI вв. // Студент и научно-технический прогресс: Археология и этнография: материалы XIII Межденар. науч. студенч. конф. Новосибирск, 2004. – С 115 – 117.
11. Официальный сайт Всероссийской переписи населения: информац. материалы об окончат. итогах Всерос. переписи населения 2010 г. URL: www.gks.ru (дата обращения 27.01.2018).

12. Щеглова Т. К., Овчарова М. А. Мордва Алтайского края: социокультурные аспекты развития в конце XIX – XX вв. // Центр и периферия. 2009, № 1. – С. 100 – 105.

УДК 637.072

АЛТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ ПИТАНИЯ – «ЧАПКЫШ»

Сумачакова А.Н.

Описывается исследование, в ходе которого изучается технология производства исчезающего алтайского национального продукта питания «Чапкыш».

Ключевые слова: *Национальный, Алтайская кухня, традиция, технология производства, исчезающий, продукт питания, блюдо, субпродукты, «Чапкыш».*

ALTAI NATIONAL FOOD PRODUCT «CHAPKYSH»

Sumachakova A.N.

The paper describes the documents of investigation, during which is studied the production technology of vanishing Altai national food product called “Chapkysh”.

Key words: *National, Altai cuisine, tradition, production technology, vanishing, food product, dish, subproduct, «Chapkysh».*

В настоящее время в соответствии с государственной политикой РФ в области здорового питания населения одним из главных мероприятий, направленных на оздоровление нации, выступает систематическое употребление функциональных продуктов питания, выработанных исключительно из натурального сырья, сбалансированного по незаменимым и дефицитным нутриентам.

Вместе с тем в алтайской кухне есть блюда, которые практически забыты. К таковым относится продукт питания «Чапкыш», который готовится из внутренностей сельскохозяйственных животных с последующей заморозкой. Употребление этого блюда позволяет получать полезные вещества в зимнее и весеннее время года, когда организм человека особо нуждается в витаминах, макро и микроэлементах, полноценных белках, жирах и углеводах животного происхождения.

Традиционное питание алтайцев отличается рациональным подходом в приготовлении пищи. В давние времена населением применялись различные технологии в приготовлении пищи, которые несмотря на отсутствие холодильного оборудования, позволяли использовать практически 100 % пищевых ресурсов в течение всего года. К сожалению, на сегодняшний день практически утеряны уникальные технологии производства и употребления многих алтайских продуктов питания, в том числе «Чапкыш».

Целью научно-исследовательской работы является восстановление и сохранение технологии производства алтайского национального блюда «Чапкыш» с последующим вводом в быт населения и промышленное производство.

Задачи исследований:

1. Анкетирование коренного населения РА;
2. Освоение навыков технологии производства «Чапкыш»;
3. Изучение полезных свойств исследуемого продукта питания.

Рис. 1. Продольный разрез замороженного «Чапкыш».

Рис. 2. Суп «Чапкыш».

Результаты анкетного опроса населения Онгудайского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Шебалинского и Турочакского районов Республики Алтай показали, что знают о существовании алтайского национального блюда «Чапкыш» в среднем от 2 до 12 % всего опрошенного населения. Следует отметить, что данный показатель получен в основном за счет показаний жителей Турочакского района (с. Курмач-Байгол, с. Бийка). Люди преклонного возраста информировали, что знают о существовании данного продукта питания из воспоминаний детского и юношеского возраста (Табл. 1).

Таблица 1. Результаты опроса коренного населения РА по возрастным группам, %

Возрастные группы	Знают о существовании «Чапкыш»	Владеют технологией приготовления «Чапкыш»
Дети от 5 до 17 лет	2	0
Молодежь от 18 до 35 лет	3	2
Средний возраст от 36 до 55	8	6
Старшее поколение от 60 до 75 лет	12	8
Преклонный возраст от 75 до 90 лет	65	4

Из названия национального блюда «Чапкыш» можно понять суть данного продукта питания, а так же каким образом готовится колоритный, наваристый и полезный суп. В переводе с алтайского языка слово «Чаб» означает рубить, «Кыш» - зима, так как суп готовится после рубки определенной порции замороженной заготовки (полуфабриката). Размер порции в среднем составляет 0,5 – 1,5 кг и зависит от желаемого объема готового блюда.

«Чапкыш» заготавливался при забое овец и КРС во время «Согум». «Согум» в переводе с алтайского языка означает массовый забой скота на зиму с последующим долговременным хранением. Реже данный продукт заготавливался при забое лошадей.

Полуфабрикат «Чапкыш» хранится в замороженном виде в позднеосеннее, зимнее и ранневесеннее время года. Поэтому забой скота приходится на ноябрь месяц, когда устанавливается стабильная отрицательная среднесуточная температура атмосферного воздуха. Сельскохозяйственные животные к этому времени набирают максимальный вес, а также наилучшие вкусовые и пищевые достоинства мясопродуктов.

Замороженный «Чапкыш» состоит из субпродуктов и крови (кан) убойных животных, приведенных в таблице 2.

Таблица 2. Субпродукты, входящие в состав «Чапкыш»

Название субпродуктов	Название на русском языке	Название на алтайском языке
Мякотные	брюшина	чандыр
	диафрагма	буур эт
Слизистые	преджелудок - рубец	јаан карын
	преджелудок - книжка	кыпту карын
	преджелудок - сетка	косту карын
	желудок - сычуг	јумур
	малая ободочная кишка	айланчык
	большая ободочная кишка	јаан ичеге
	тонкая кишка	чичке ичеге
	слепая кишка	моон
прямая кишка	кыйма	
Нутряной жир	брюшной сальник	карын јуу

Из рубца по специальной технологии формируется емкость, заполняемая нарезанными субпродуктами и кровью убойных животных. После герметичного завязывания осуществляется заморозка заготовки «Чапкыш» (рис. 1).

Каждый компонент заготавливаемого блюда является ценным сырьем для производства пищевой, медицинской, кормовой и технической продукции благодаря особенностям химического состава и свойствам.

Пищевая ценность крови определяется достаточно высоким содержанием белков (16 - 18 %), содержащих железо в легко усвояемой гемовой форме, т.е. в органически связанном состоянии. Это подтверждается трудами ряда ученых. Например, при Воронежской государственной технологической академии исследуются лечебно-профилактические продукты с использованием нетрадиционных видов сырья, в том числе крови сельскохозяйственных животных. Разрабатываются технологии и рецепты продуктов, которые позволяют осуществлять немедикаментозную профилактику анемий различной этиологии и рационально использовать ценные ресурсы мясной отрасли [Антипова, Пешков, Куцова, 2009, с. 67-69].

Субпродукты содержат 11 – 20 % белков, до 14 % жира, до 6 – 9 % углеводов, минеральные вещества, а также витамины. Минеральный состав субпродуктов и крови представлен микро- и макроэлементами. Микроэлементы в т.ч. железо, медь, марганец, цинк, кобальт, фтор, йод, хром, молибден, никель, селен. Макроэлементы в т.ч. натрий, магний, фосфор, калий, сера, кальций, хлор. Витамины А, D, В1, В2, В3, В6, В9, В12, РР, Е, К [Заяс, 1996, с. 480].

Мякотные субпродукты являются источником биологически ценных белков. К белкам, содержащимся в субпродуктах, относятся растворимые в воде белки саркоплазмы – миоген, миоальбумин, глобулин и миоглобин. Углеводы мясных субпродуктов немногочисленны. Они представлены, в основном, гликогеном, называемым животным крахмалом, этим объясняется их низкая калорийность.

Слизистые субпродукты являются существенным источником соединительнотканых белков – коллаген (6,8 %) и эластин (0,59 %). Экстрактивные вещества находятся в виде азотистых и безазотистых соединений. Они хорошо растворяются в воде, придают субпродуктам специфический вкус, аромат и нежность консистенции [Герасимов, 2017, с. 48-53].

В составе животных нутряных жиров присутствуют незаменимые и полиненасыщенные жирные кислоты, играющие важную роль в обменных процессах: линолевая; линоленовая и арахидоновая. Подобно незаменимым аминокислотам, они в организме не синтезируются или синтезируются ограниченно [Антипова, 2001, с. 376].

Таким образом, «Чапкыш» (рис. 2) представляет собой смесь взаимодополняющих компонентов, которая обеспечивает полноценное, сбалансированное питание, способствующее профилактике и лечению железодефицита и других заболеваний. Полезные свойства, экологичность, высокие вкусовые и пищевые достоинства блюда «Чапкыш» бесспорны.

Список литературы:

1. Антипова Л.В. Методы исследования мяса и мясных продуктов: учебник / Л.В. Антипова, И.А. Глотова, И.А. Рогов. - М.: Колос, 2001. - 376 с.
2. Антипова Л.В., Пешков А.С., Куцова А.Е. Использование нетрадиционных видов сырья при разработке лечебно-профилактических продуктов. // Хранение и переработка сельхозсырья, №3, 2009. – С. 67-69.
3. Герасимов А.В. Изучение химического состава и функционально-технологических свойств субпродуктовых паст. // Современные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: сб. ст. по материалам III науч. практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 95-летию Кубанского аграрного университета. - Краснодар : КубГАУ, 2017. – С. 48-53.
4. Заяс Ю.Ф. Качество мяса и мясопродуктов: уч. пособие / Ю.Ф. Заяс. - М.: Колос, 1996. - 480с.

ПАМЯТНИК ЧОРОС-ГУРКИНУ КАК СИМВОЛ ПОТЕСТАРНОЙ ИДЕИ «ОЙРОТ»¹

Тадина Н.А.

На основе собранных сведений рассматривается факт установления памятника Г.И. Чорос-Гуркину как одно из постижений потестарной идеи «Ойрот». Освещено содержание понятия «ойрот» в этнополитическом сознании алтайцев через наследие ойротской государственности, образования национальной автономии и возрождения зайсаната в Республике Алтай.

Ключевые слова: алтайцы, республика, сёок-род. потестарность, наследие, памятник.

THE MONUMENT TO CHOROS-GURKIN AS A SYMBOL OF THE «OYROT» POSTESTAR IDEA

Tadina N.A.

On the basis of the information collected the fact of establishing the monument to G.I. Choros-Gurkin is considered as one of the manifestations of the potestiar idea of «Oiroot». The contents of the «Oiroot» concept is clarified in the ethnopolitical consciousness of the Altai people through the legacy of the Oiroot statehood before the formation of national autonomy and the zaisanat revival in the Altai Republic.

Key words: Altaians, republic, seok-tribe, potestia, heritage, monument.

В столице Республики Алтай, в городе Горно-Алтайске, у сквера Государственного Собрания Эл Курултай РА стоит памятник Чорос-Гуркину. На нём надпись на двух языках – алтайском и русском: «Григорий Иванович Чорос-Гуркин. Выдающийся алтайский художник, общественный и политический деятель (1870-1937)». После образования Республики Алтай его образ стал одним из самых популярных национальных символов региона.

В 1995 году именем Г.И. Чорос-Гуркина названа главная улица, идущая параллельно Коммунистическому проспекту. В 1996 году дом-усадаба в с. Анос Чемальского р-на, где жил Г.И. Чорос-Гуркин, был включён в перечень памятников истории и культуры Республики Алтай, затем стал филиалом Национального музея РА. В 2006 году был установлен памятник Г.И. Чорос-Гуркину как основателю алтайской государственности, национальному герою и великому художнику. В своём творчестве на бесценных картинах Г.И. Чорос-Гуркин прославлял горную родину и народ, поэтому в общественном сознании его образ идентифицируется с алтайцами и Алтаем. Неслучайно на памятнике начертаны его слова на алтайском и русском языках: «Алтай не просто горы, леса, реки, водопады, а живой дух, щедрый, богатый исполин-великан» (рис. 1).

Г.И. Чорос-Гуркин внёс вклад в развитие государственности у алтайцев на основе потестарной идеи «Ойрот». В первые годы советской властв в Горном Алтае шёл поиск путей самоопределения народов и создания самостоятельных органов управления. Идея о национальной автономии в форме республики Ойрот оказалась неосуществи-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р)

мой, её организаторы были репрессированы и Г.И. Чорос-Гуркин расстрелян в 1937 году. После гибели его образ и идея «Ойрот» стали активно вымываться из общественного сознания, лишь в постсоветский период, в начале 1990-х годов, он был реабилитирован.

Г.И. Чорос-Гуркин представитель сёока-рода чорос. Он родился в с. Улала, ныне г. Горно-Алтайск, в семье алтайца-кустаря сёока-рода чорос. Его дед Гурке из бачатских телеутов, переселившихся в начале XIX века из Кузнецкого округа, ныне Кемеровской области [Эдоков, 1994, с. 6]. По поводу составной фамилии Г.И. Чорос-Гуркина Д.А. Михайлов пишет: «Об амбициях общеалтайского лидера говорит и псевдоним Чорос, который, видимо, призывал отождествлять Гуркина с могущественным джунгарским родом. Это дополняет образ Гуркина мотивами отца-основателя, демиурга и покровителя» [Михайлов, 2014, с. 5]. В постсоветский период зайсанат предлагал вернуться к традиции составной фамилии, включавшей название сёока-рода, как это было у общественных деятелей начала прошлого века – Г.И. Чорос-Гуркин, М.В. Мундус-Эдоков, П.А. Чагат-Строев, В.Т. Тибер-Петров, Л.А. Сары-Сеп Казынчаков и др. [Ябыштаев, 2013, с. 115-116].

Сёок-род чорос, также как сёоки-роды тумат, тёрбёт, чагандык, моол, связан с ойротским периодом этнического формирования алтайцев. Родовой территорией этих сёоков являются земли по Тарбагатаю и реке Иртыш [Самаев, 2005, с. 169-170]. О том времени, когда предки пережили государственность в составе Джунгарии, алтайцы говорят «*ойрот ой*», тех правителей называют «*ойрот каан*», народ «*ойроттор*», законы того времени «*ойрот жан*». В начале прошлого века под влиянием бурханизма распространялась легенда о скором возвращении на Алтай Ойрот-хана. Он спасет свой народ, узнав мужчин по косичке на темени и опояске, а женщин по ракушкам каури «*жыламаши*», вплетенным в косы, что звучало как призыв к сохранению этнического облика и идеи «восстановления» государственности [Алтай кеп-куучындар..., 1994, с. 208]. Эта легенда подтверждает идеализацию всего «ойротского»: былого могущества государства ойротов, прихода Ойрот-хана как собирательного образа правителей Джунгарии.

Само понятие «ойрот» имеет для алтайцев не последнее значение и воспринимается, скорее всего, как этнополитический термин, связанный с историческим прошлым. От того времени, когда предки пережили государственность в составе Джунгарии, осталось ойротское наследие, например, понимание значимости главы сёока-рода, называемого зайсан (*жайсан*). Как отмечал А.М. Сагалаев для алтайцев слово «ойрот» стало прочно ассоциироваться с идеей национальной независимости: «ойротская идея, перенесённая из области мировоззрения в сферу политики – от «Ойротского ханства» до «Советской власти» [Сагалаев, 1997, с. 66-67].

Новая республика Ойрот мыслилась в пределах Саяно-Алтая, Урянхая, Монгольского Алтая, т.е. на территории прежней Джунгарии: «о необходимости объединения земель бывшего государства Ойрат в самостоятельную республику с присоединением к общероссийской республике» [Майдурова, 2002, с. 79]. Следует обратить внимание на то, что в то время под термином «алтайский народ» подразумевалось тюркоязычное население, расселенное от горной части Алтая до Саян и Кузбасса, а именно, предки сегодняшних северных и южных алтайцев, телеутов, шорцев, хакасов: «...все они «кижы». Когда-то составляли все вместе великий народ «ойрат» [Сушко, 2008, с. 143]. В охвате этих народов созывался единый Алтайский съезд, в котором работали представители от каждой локальной этнической группы – их имена сохранились в документах тех времен.

Рис. 1. Памятник Г.И. Чорос-Гуркину. Фото автора

Г.И. Чорос-Гуркин был вдохновителем первых алтайских государственных образований и разработчиком символов новой республики – герба и флага. При поддержке единомышленников была учреждена Алтайская Горная Дума (июль 1917 – февраль 1918 г.), затем сменившая её Каракорум-Алтайская окружная управа (февраль 1918 – апрель 1920 г.). Заслуга той поры состоит в актуализации исторического прошлого на основе идеи «Ойрот». В последствие советской властью была образована автономная область, а чтобы как-то удовлетворить политические запросы народа её принято было назвать Ойротской и центр Улала именовать Ойрот-тура. Так в 1922 году осуществилась попытка этнополитического устройства, выраженная в образовании Ойротской автономной области.

Затем в 1948 году область была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а единственный город Ойрот-тура в Горно-Алтайск. Коренной народ Горного Алтая стали называть не ойратами, а алтайцами. Такой этноним якобы означает «житель Алтая» и был дан по самоназванию одной из этнических групп алтай-кижи, являющейся центральной не только в географическом отношении, но и в этническом смысле. В популярной же форме объяснялось так: алтайцы были неправильно названы ойратами, а область Ойротской, ведь ойроты это западные монголы, создавшие Джунгарию, а алтайцы – тюрки, находившиеся у них в вассальной зависимости [Потапов, 1953, с. 10-11].

Таким образом, в первоначальном названии области «Ойротия» была заложена национальная идея «Ойрот», которая в постсоветский период выразилась в Республику Алтай, в которой известен возрождённый зайсанат, унаследованный от ойротского исторического периода алтайцев [Тадина, 2009].

Список литературы

- Алтай кеп-куучындар / Сост. Е.Е. Ямаева, И.Б. Шинжин. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 415 с.
- Майдурова Н.А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 г. (от Горной Думы к Каракоруму). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2002. – 188 с.
- Михайлов Д.А. Национальный дискурс в Сибири. Г.И. Гуркиниалтайский национализм // International Journal of Russian Studies. – № 3. – 2014/1. – 7 с.
- Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л.: Наука, 1953. – 447 с.
- Сагалаев А.М. Алтайцы: старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: права и возможности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. – С. 61-71.
- Самаев Г.П. Значение ойротского государства в истории алтайского народа // Урало-Алтай: через века в будущее (матер. конф.). – Уфа: Гилем, 2005. – Вып. 2. – С. 169-171.
- Сушко А.В. Роль В. И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 4/1. – С. 142-145.
- Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 77-81.
- Эдоков В.И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова, изд-во «Чаптыган», 1994. – 240 с.
- Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С. 112-117.

УДК 39_(=521.145) (571.17)

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ТАТАР КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Тихомирова М.Н.

В статье, на основе устных исторических источников, а также опубликованных статистических материалов XIX – первой трети XX в., краеведческой литературы, рассматриваются переселения и адаптация татар-переселенцев на территории четырех районов Кемеровской области в сельских населенных пунктах. На первом этапе переселений они подсеялись к коренным татарам. В этот период татарами-переселенцами был образован всего один населенный пункт. К концу XIX в. на его основе, на территории будущего Ижморского района, сформировалась самая крупная локальная группа. На втором этапе переселенцами были основаны собственные поселения, в основном, на территории Мариинского района.

Ключевые слова: татары-переселенцы, татары-калмаки, история поселений, адаптация, Кемеровская область

MIGRATIONS AND ETHNO-CULTURAL ADAPTATIONS OF TATARS OF KEMEROVO OBLAST

Tikhomirova M.N.

Author of the article on the base of oral historical sources, published statistical data of XIX – first third XX and regional literature considers processes of migration and adaptation of Tatars-resettles in rural settlement of four district of Kemerovo Oblast. During the first stage of migration resettles settled nearby indigenous Tatars. Till that time Tatars- resettles founded just one settlement. To the end of XIX in this settlement – in future Izvorsky district – were formed the most sizable group of Tatars-resettles. During the second period were founded local settlements generally in Mariinsky district of Kemerovo Oblast.

Key-words: *Tatars-resettles, tatars – kalmaks, history of settlements, adaptation, Kemerovo Oblast*

В 2017 г. Кузбасская историко-этнографическая экспедиция проводила работы среди западносибирских татар в Ижморском (Теплая Речка), Юргинском (Зимник, Сарсаз), Яшкинском (Юрты-Константиновы) районах Кемеровской области. Одной из целей экспедиции было изучение истории и культуры потомков татар-переселенцев. В обследованных населенных пунктах были получены еще сведения о татарах, переселившихся на территорию современного Мариинского района.

Татары Кемеровской области сформированы в большинстве своем из потомков переселенцев Волго-Уральского региона и малочисленной группы местных татар-калмаков. В конце XIX в. – начале XX в. волго-уральские татары, наряду со славянским населением, были основными этническими группами среди переселенцев, вовлеченными в процесс колонизации этой части Томской губернии. Они изменили этнический и культурный ландшафт этих территорий. Несмотря на значение татар-переселенцев, их специального этнографического изучения не проводилось, за исключением работ Н.А. Томилова, В.М. Кимеева и В.П. Кривоногова, В.В. Поддубикова, Е.В. Лилявиной (Чигриной).

В результате анализа устных исторических источников, полученных в результате экспедиционных работ 2017 г., опубликованных статистических материалов XIX – первой трети XX в., краеведческой литературы нами выделено два этапа переселений на территории Ижморского, Мариинского, Юргинского, Яшкинского районов Кемеровской области в сельские поселения, для каждого из этапов выделены свои особенности адаптации переселенцев.

Первый этап. В XVIII–XIX вв. татары-переселенцы подселялись в населенные пункты калмаков Томского округа Томской губернии и в результате к концу XIX в. составили одну треть (Юрты-Константиновы, Большой Улус) или половину населения (Зимник) [Патканов, 1911, с. 155].

В д. Юрты-Константиновы в памяти жителей сохранилась информация о негативном отношении к приезжим. Их называли словом *«прояк»*, в первом значении – *«хулиган»* (Тихомирова Т. I, л. 6, 12 об.).

В д. Зимник Юргинского района планиграфия *«старой»* части деревни хорошо отражает этническую историю поселения. Выделяется три части, возможно, компактного расселения групп или места расселения ключевых семей кланов, – *мишарь як*, *белебей як*, некоторые жители выделяют *колмак як* (Там же, л. 87).

В семейных преданиях жителей д. Зимник сохранились воспоминания о непростых отношениях между старожилами и пришлыми, в частности конфликты из-за земли, так как она находилась в собственности у коренных сибирских татар: *«Когда татары с Поволжья приезжали, то местные не хотели давать покосы - считали своими. Приезжие бились или откупали»*. (Там же, л. 85, 86).

В семейных преданиях также сохранились истории о неравных браках из-за земель и имущества: женитьбе приезжих парней на богатых калмачках Большого Улуса или разновозрастные браки между жителями Зимника и Сарсаза: *«... нашу бабушку от-*

дали замуж за нашего деда. Ему было 50 лет, а ей 17 лет. Хотела утопиться. Его дочери уже было 17 лет. За нее дали землю и покосы» (Там же, л. 85 об.).

На этом этапе переселений, когда пришлые татары подселялись в калмакские населенные пункты, исключением были деревни Теплореченская и Нижегородка Почитанской волости Мариинского округа Томской губернии, образованные переселенцами. Рассмотрим историю переселений в этот район подробнее, так как к концу XIX в. здесь сложилась самая большая локальная группа татар Кемеровской области, причем из переселенцев.

По полевым материалам и в литературе у д. Теплая Речка встречается несколько дат основания – 1736/1790 гг. выходцами из Казанской губернии [Лилявина, с. 67-68; Фольклор, с. 6]. Предположительно, образование здесь поселения связано с обустройством Московско-Иркутского тракта. В 1860-х гг. в д. Теплую Речку были подселения татар из Нижегородской губернии [Материалы, с. 38]. В результате к концу XIX в. в этом районе проживало 2 тыс. чел.: в Теплой Речке – 1628 чел. и в д. Нижегородка, основанном в 1982 г. мишарями Нижегородской губернии, – 412 чел. В 1926 г. численность этой локальной группы составила 3508 чел. [Список, 1929, с. 42; Патканов, 1911, с. 306].

Второй этап переселений татар (первые два десятилетия XX в.) отличался от первого тем, что помимо подселений к старожилам, их расселяли на свободных казенных землях, где они образовывали свои поселения. Например, в Томском округе в 1909 г. был основан пос. Сарсазский.

Значительная часть татар была расселена в таежной части Мариинского округа (в настоящее время – Мариинский район), где они были водворены на приблизительно 20-ти участках практически одновременно – в 1912 г. [Карта, № участков 201–214, 228 и др.] Численность образованных поселений, скорее всего, была невелика, так как в 1926 г. там проживало от 50 до 100 чел. [Список, 1929, с. 298–299]. Большая часть из образованных населенных пунктов прекратило свое существование к 1970-м гг.

Большинство населенных пунктов, основанных на втором этапе, названы по названию тех поселений¹, из которых вышли переселенцы. Жители Сарсаза происходили с территории Башкирии из одноименного населенного пункта. Татары д. Зимник называли их *белебеями* (Тихомирова, Т. I, л. 86 об.), так как они происходили из Белебеевского уезда Уфимской губернии. В Мариинском районе Уразаевка названа по имени Уразаевки Азнакаевского района, Киселевка – Киселевки Зейского района Татарстана. С территории современной Башкирии переселились татары Баюковки из Мензилинского района, Глухаринки из Уфимского уезда, Тудинки или Ново-Барсуковой из Белебеевского уезда, и в Сибири они также сохранили прежние названия поселений [Список, 1929, с. 106, 110; Хамзина, 2017, с. 5].

Отметим, что не во всех случаях в одном поселении были выходцы только из одного населенного пункта. Например, в д. Сарсаз живут еще и казанские татары из д. Алькеево, но при голосовании за название поселка, они оказались в меньшинстве (Тихомирова, Т. II, л. 11).

Большая часть из населенных пунктов Мариинского района имели неофициальные названия, которые используются татарами в разговорной лексике. Например, Ибрагимовка называлась *Казан*, так как в ней жили выходцы из Казанской губернии, Уразаевка – *Аю* и Тудинка – *Бурсык* переводятся как «медведь» и «барсук», Глухаринка – *Сикия* из-за реки Сикия в Башкирии, Нижегородка – *Яңавыл*, что

---

¹ Первичный анализ мест выхода переселенцев не во всех случаях дал совпадение с современными поселениями волго-уральских татар. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

означает «Новая деревня», так как первое поселение было в Нижегородской губернии (Тихомирова, Т. III, л. 5; Т. IV, л. 77) [Хамзина, 2017, с. 5].

Освоение татарами новых мест в таежной части Мариинского района прошла под знаком борьбы человека с природой.

Житель д. Куркули Г.Г. Гизатилина, 1941г.р. вспоминал рассказы своих родителей и дедушек о том, как они обустроивались на новом месте: *«Первые поселенцы в нашу деревню приехали в 1912 году. Им были отведены земли между деревнями Рубино и Прокопьево. Прокопьевские староверы воспротивились этому.*

Тогда они нашли это место между двумя речками... [...]

Первые приехавшие сразу дома не ставили, а перезимовали в землянках. Место им понравилось. Ставили дома, лес с корня шел прямо в сруб. Один дом и сейчас стоит, рубили с кедра.

Потом начали корчевать тайгу. Платила казна за корчевку очень дорого. За десятину корчевки можно было купить и лошадь, и корову. Некоторые собирали или драли бересту и гнали деготь. Потом его обменивали на хлеб...

Сеяли овес, рожь. Копали белую глину для побелки, возили в соседние деревни и обменивали на продукты. Дорога от свертка до деревни была построена примерно в 1915 году. Отец рассказывал, что дорогу строили пленные австрийцы. Нанимались и местные жители, потому что там хорошо кормили.

Крыши были крыты соломой, берестой, а у трудолюбивых - тесом, таких было 6 домов из 25 хозяйств. Кололи клепку, делали бочки, катали валенки» [Интервью].

Итак, мы рассмотрели историю переселений волго-уральских татар на территории Ижморского, Мариинского, Юргинского, Яшкинского районов Кемеровской области в XVIII в., во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в.

Проанализировав источники, мы выделили два хронологических этапа, различающихся по моделям расселения и вариантам адаптации.

На первом этапе переселенцы больше подселялись к местным татарам-калмакам. В устных преданиях сохраняются различные истории о взаимоотношениях между двумя группами, как правило, это борьба за землю. Правда, на первом этапе в качестве исключения мы видим основание переселенцами поселения Теплая Речка, которое стало центром для крупнейшей в регионе локальной группы, сформированной полностью из переселенцев.

На втором этапе, помимо подселений к старожилам, переселенцы массово осваивали собственные поселения на территории будущего Мариинского района. В этом случае адаптация, прежде всего, шла к местным условиям.

Список литературы

1. *Интервью* жителя д. Куркули Г.Г. Гизатулина // История сел Мариинского уезда [сайт]. – URL: <https://ok.ru/nashais/topic/63046061367437> (дата обращения: 20.10.17)
2. *Карта* Томской губернии 1911 г. переселенческой районной организации // Это место [сайт]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1911/?x=88.373314&y=56.600577 (дата обращения: 20.10.17)
3. *Лилявина Е.В.* Татары-переселенцы в Томске и его окрестностях // Томский журнал ЛИНГ и АНТР Tomsk Journal LING & ANTHRO. – 2016. 3(13). – С. 60–73.
4. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – Санкт-Петербург: тип. Я. И. Либермана, 1892. – Вып. 14: Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. 519 с.

5. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – 431 с.

6. Список населенных мест Сибирского края: Округа Северо-Восточной Сибири. – Новосибирск: Сибкрайстатотдел. – Т. 2. – 952 с.

7. Тихомирова М.Н. Полевые материалы. Тетради. – № I–V. (94 об. л.)–(21 об. л.), 2017 г., Ижморский, Юргинский, Яшкинский районы Кемеровской области.

8. Фольклор Ижморского района. – Новосибирск: Изд-во «Каменя», 1993. – 160 с.

9. Хамзина Р.<С.> Живи и помни. – Мариинск: б.и., 2017. – 250 с.

УДК 394

ОБРЯДЫ НА УДАЧУ ОХОТНИКОВ-АЛТАЙЦЕВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПРОМЫСЛОВ

Торушев Э.Г.

В данной работе исследуются охотничьи обряды алтайцев, которые совершали перед отправкой на промысел. Рассматриваются как традиционные культовые действия (до 20-х гг. XX в.), так и современные обряды.

Ключевые слова: Горный Алтай, охота, удача, обычай, обряд, ритуал.

RITUALS OF THE LUCK OF THE INDIGENOUS POPULATION OF THE MOUNTAINOUS ALTAI BEFORE THE START OF HUNTING

Torushev E.G.

This article explores the hunting rites of the Altaians, which they performed before they went on a hunt. We consider both traditional cult actions (until the 1920s) and modern rituals.

Key words: Mountain Altai, hunting, luck, custom, rite, ritual.

Охота одна из древнейших занятий человека на территории Горного Алтая. А.П. Окладников, исследуя Улалинскую стоянку в г. Горно-Алтыске, обнаружил ранепалеолитический комплекс, где ему удалось найти орудия древних охотников [Окладников, 1972, с. 7-19].

И в последующие эпохи охота всегда оставалась важной отраслью в хозяйственной деятельности населения региона. Ее значение в жизнедеятельности во многом зависело от мест проживания коренного населения Горного Алтая. Охота была одной из главных отраслей хозяйственной деятельности у обитателей черневой тайги. Здесь природно-климатическая среда определила добычу зверя, как основу жизнеобеспечения местного населения. Охота являлась характерной чертой хозяйственно-культурного типа и алтайцев-скотоводов юга из-за богатства их этнических территорий дикими зверями.

Алтайцы на мясного зверя охотились для добычи продуктов питания и шкур. Шкуры диких животных являлись необходимым сырьем в домашнем производстве. На пушных зверей охотились ради пушнины, которым коренное население в дореволюци-

онный период выплачивало ясак. Также мех животных использовали в пошиве одежды, обмене на различные товары и продажу.

В миропонимании алтайцев, человек во время охоты попадает в мир, где удача в промысловой деятельности во многое зависит от благосклонности потусторонних сил. В связи с чем у коренного населения Горного Алтая были очень развиты охотничьи обряды, которые и в сегодняшние дни продолжают существовать.

Охотничьи обряды алтайцев более подробно начали изучать в советский период, так в 1929 г. Л.П. Потапов опубликовал статью «Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков». Названия работы говорит само за себя автор описал охотничьи обряды и ритуалы коренного населения Горного Алтая в публикации уклон сделан на промысловые культы северных алтайцев. Затем уже в современный период в 2001 г. издается монография Л.П. Потапова «Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев)», где автор описал быт охотников в тайге, способы добычи зверя, обычаи и культовые действия, связанные с охотой [Потапов, 2001].

В 1974 г. исследователь Ф.А. Сатлаев издает монографию «Кумандинцы», где дан материал по промыслам кумандинцев. В этой работе отмечено, каким покровителям духам охоты поклонялись кумандинцы и другие обрядовые действия, связанные с данным промыслом [Сатлаев 1974].

В постсоветский период была опубликована работа «Алтай алкыштар», где на основе полевых материалов составителей описаны охотничьи обряды, ритуалы и благопожелания алтайцев. В 1999 г. издается монография Е.П. Кандараковой «Обычаи и традиции чалканцев». В данной работе опубликован материал по охотничьим обрядам чалканцев, например, какие культовые действия совершали во время охоты на волка, медведя и т.д. [Кандаракова, 1999].

В 2001 г. была напечатана книга В.П. Дьяконовой «Алтайцы», где автором рассмотрены охотничьи обряды алтайцев-теленгитов. Исследователь отметила, что эти ритуальные действия имели несколько уровней «подготовка – выезд – охота» [Дьяконова, 2001].

В 2017 г. публикуется статья Э.Г. Торушева «Промысловые культы алтайских охотников (по полевым материалам)». В данной работе были исследованы современные охотничьи культы алтайцев [Торушев, 2017, с. 176-184].

В духовной культуре алтайцев охотничья деятельность отразилась в названии месяцев. Так, исследователь С.П. Тюхтенева отметила, что названия месяцев у северных алтайцев отражают древний охотничье-земледельческий хозяйственно-культурный тип, а у южных – древний охотничье-собираТЕЛЬский. Наиболее архаичными можно считать названия, которые содержат фенологическую характеристику месяца. Охотились алтайцы регулярно в зависимости от сезона: в августе, когда на небосводе появляется созвездие Плеяд – *мечинжылдыс*, невидимое с июня – начало июля. Его появление напоминало охотникам о начале подготовки к охотничьему сезону – пора дать отдохнуть лошадям. Поэтому его именовали «месяцем охлаждения пота лошади» – *малдынтеринсоодор ай* [Тюхтенева, 2009, с. 57].

Еще в 30-ые гг. XX в. посещение промысловых угодий происходило по строгим правилам и с обязательным проведением всех обрядов. Коренное население Горного Алтая верило, что тайга имеет богатого и сильного «Хозяина» – владельца многочисленного скота, то есть промысловых зверей. И даже самого маленького зверя охотник мог поймать только с разрешения Хозяина тайги [Потапов, 1935, с. 25].

У алтайцев существовали специальные обряды, связанные с охотой, которые они исполняли перед отправкой на промысел. Например, до коллективизации они проводили обряд почитания духам покровителям охоты. У обитателей тайги таким покрови-

вителем считался дух *Шалыг*. Ф.А. Сатлаев отмечал, что кумандинцы перед отправкой на промысел пушного зверя совершали обряд: сначала кропили вином, затем жидкой ячменной кашей (*шалыг* или *шилиг*), сваренной из *талкана* с добавлением ржаного солода (*угут*). Охотник произносил текст благопожелания – *алкыш* и брызгал кашей из деревянной ложки «на изображение духа охоты Шалыг или по-другому Ургенэ-зи» [Сатлаев, 1974, с. 57-60].

По преданию алтайцев-тубаларов *Шалыг* первоначально был человеком, причем сильным и отчаянным, не признающих богов. Он даже пытался силой проникнуть в жилище *Эрлика*, сломал у него несколько дверей. Разгневанный *Эрлик* ранил его стрелой в ногу и язык и превратил в духа, который остался хромым и заикой. Иногда *Шалыг* мучает охотников, насылая болезни, чтобы его задобрить алтайцы совершали специальные ритуалы [Потапов, с. 1983, с. 106]. В легендах кумандинцев *Шалыг* являлся явнуком *Ўлгеня*, который послал его к людям, чтобы *Шалыг* жил в углу передней части жилища и оберегал людей от злых духов, помогал им в охоте. По другим менее распространенным версиям *Шалыг* племянник или младший сын *Ўлгеня* и «живет на восходе солнца» [Потапов, 1929, с. 148-149; Сатлаев, 1974, с. 57].

Верхние-кумандинцы осенью перед промыслом приглашали шамана и устраивали моление двум покровителям охоты: 1) *Каным* (*екаибаштуканым* – с двумя головами Каным) и 2) *Сары-Шалыг* – желтый *Шалыг*. Изображение *Каным* было «плоскостным, двухговым, с головами, расположенными антиподально, одна из которых имело бороду из хвоста белки». *Сары-Шалыг* имел «плоскостное деревянное антропоморфное изображение с бородой из белки. Одна нога у него была короче другой». Осенью перед промыслом охотник приглашал шамана и устраивал *Каныму* или *Сары-Шалыгу* моление. Некоторые охотники имели одновременно два этих изображения. В таком случае один год почитал одного покровителя, в следующем – другого. Для угощения *Каныма* или *Сары-Шалыга* кумандинцы делали один *туес* (*тозак*) ячменной браги *ортко*. Сосуд с брагой помещали в жилище, в переднем углу, над ним в стене вешали сеть-обмет на соболя (*аг*). На улице укрепляли небольшой кедр (*пажынчаан бай торук*), на него вешали ленточки. Затем шаман камлал всю ночь и заставлял охотника повторять слова просьбы к духу-покровителю [Потапов, 2001, с. 89-90]. Непосредственно перед отправкой на промысел каждый кумандинец готовил *ортко* и угощал ею свою родовую священную гору (*пайунантагына*), чтобы она послала ему удачу в охоте. Такие же моления осенью перед промыслами устраивали тубалары и чалканцы. Шаман обращался к родовой горе со специальными словами-благопожеланиями, спрашивая для охотников удачи на промысле, и брызгал жертвенной брагой в сторону местонахождения родовой горы [Потапов, 2001, с. 91].

Чалканцы перед охотой также чествовали двухголового духа *Оонканым*, которого угощали ежедневно и в тайге во время промысла [Потапов, 2001, с. 89-90; Сатлаев, 1974, с. 57]. У тубаларов *Каным* называли – *ала Барс* – пестрый тигр, который считался духом-покровителем жилища, зверей, камов и охотников. А.В. Анохин отмечал, что у алтайцев, живущих по левому берегу р. Бии и по ее притокам, никаких изображений предкам не делают. В их аилах встречается только «двуглавый деревянный идол: одна голова – вверху, а другая внизу. Идолчик этот делается из молодой березы, окрашивается красной краской. Он прикрывается тряпочкой – (алтын тон)» [Анохин, 1924, с. 143-144].

У алтайцев-тубаларов перед промыслом охотник обращался к духу *Шаныру*. Л.П. Потапов отмечал, что с именем *Шаныр* тубалары связывали «представление о духе, способствующем удачи охотника в тайге. Почитая его, охотник имел в виду получить помощь во время промысла». Считалось, что *Шаныр* живет в тайге «там же, где живут и плодятся звери. Внешний вид его рисуется шаманами в молитвах в образе че-

ловека с бледными бровями, с посохом из желтой акации, едущего на быстром марале». Алтайцы верили, что если проявить к *Шаныру* «недостаток внимания», он накажет различными кожными заболеваниями (чесотка, фурункулы и т.д.), и будет «заслонять» зверя от пули охотника железной лопатой. Также *Шаныр* мог высушить тайгу и навлечь пожар. Сгорание охотничьего шалаша считался предвестником большого несчастья проявлением гнева *Шаныра*. По этой причине охотники возвращались домой. Охотник, вернувшийся домой, должен был умиловить *Шаныра* жертвоприношением брагой – *саба* [Потапов, 2001, с. 146].

Правобережные катунские алтайцы, значительная часть которых проживала в бассейне р. Майма, перед охотой обращались к «*Ак-iaıык*» (которая была и дочерью *Улгена*). Она являлась хозяйкой (*ээзи*) всех таежных зверей. За непочтение она мешала целиться. Л.П. Потапов отмечал, что у нее есть прозвище «*JanгыкостуJaıык*» – «Одноглазая Яик», один глаз у нее прострелен охотником, которому она мешала прицелиться в зверя. Далее автор писал: «Мне подчеркнули, что жертв ей (по крайней мере тубалары) не приносят и ее изображение не делают» [Потапов, 1991, с. 248; Потапов, 2001, с. 91].

Выше уже отмечалось, что перед отправкой на промысел северные алтайцы совершали моления в честь духов покровителей, во время обряда почитали и свои родовые священные горы. Верхние кумандинцы почитали следующие родовые горы Ииктаг, Сокач и Ажыг, расположенные на правом берегу р. Бии, между аилами Сурбашкиным-аилом и Шунараком. Также эти кумандинцы почитали гору Кабак в окрестности Телецкого озера [Потапов, 1946, с. 149]. Кумандинский охотник, непосредственно перед отправкой на промысел, угощал брагой с *талканом* хозяина той тайги, куда отправлялся. Кроме того угощали и свою родовую священную гору (*паіунынтагына*), чтобы она послала удачу на промысле. При этом говорили следующие слова: «*Алтајка бвзырке-рек. Кудайберер. – В обширную тайгу ходить (ступать) надо. Бог даст*» [Назаров, 2013, с. 52].

Л.П. Потапов отмечал, что у тубаларов сеокакузен родовой была гора Солог (близ с. Турачак на правом берегу Бии). А у сеокакомдош родовым «тось-тау» являлась гора Еки-ере, находящаяся в верховьях Абакана, также Ужубе-Албаган, в верховьях р. Лажи (приток р. Пыжа, впадающая в Бию). Люди тубаларского сеокјус почитали гору Карагая, а «в старину таковой у них была гора Ене в верховьях р. Иши (правый приток Катуня). У сеокачаты родовой была гора Чаптыган, в бассейне р. Иши и т.д.» [Потапов, 1946, с. 148].

У чалканцев родовые горы располагались в бассейне Байгола (приток р. Лебеди). Это были горы *Ўч-сүрі*, *Ягана*, *Ўе*, *Тас-каш*, *Тобыр*, *Улугур*, *Адалыг*, *Талбар*, *Тилаштар*, *Акмынчай*, *Нимакташ*, и т.д. У чалканского сеокашакылыг священной являлась гора Солок около с. Турачак. Кроме того, данный сеок почитал еще следующие горы: *Терет*, *Чорток*, *Чанабыр*, *Корчыязы*, *Тас* [Потапов, 1948, с. 148-149].

Если рассмотреть современное время, то традиционные представления сохранились у алтайцев-скотоводов юга. Местные охотники считают, что удача в промысловой деятельности зависит от благосклонности Хозяина Алтая или *Алтай-Кудая* и духов-хозяев (местности леса, тайги и т.д.) [НА НИИА. МНЭ 84. Тулин В.С., МНЭ 95. Борсуков М.С.]. С.П. Тюхтенева отметила, что за советский атеистический период: «Развитие культа Хозяина Алтая способствовало, кроме того, широкое бытование в эти годы охотничье-промысловой и скотоводческой обрядности. Правила поведения, предписанные традицией охотнику, скотоводу носили рационально-экологический характер, а приметы и поверья, удача и неудача объяснялись расположением или нерасположением к нему Хозяина Алтая» [Тюхтенева, 2009, с. 102].

И в современный период у алтайцев охота на дикого зверя продолжает оставаться одним из важных способов жизнеобеспечения. После реформ 1990-х гг. перестали существовать колхозы и совхозы, в связи с чем у некоторых сельских жителей промыслы стали основными источниками доходов, также еще и основным источником мясной пищи [Алтайцы, 2014, с. 396-397].

Все охотники алтайцы отметили, что промыслы начинают в период новолуния. Часто во время интервью информанты рассказывали, что на новолуние охотились их отцы и деды «так было заведено с давних времен, так делаем и мы ...». Традиционно у коренного населения Горного Алтая дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благополучными для проведения различных мероприятий. Это время считается, когда можно испросить благодать – *быянсураар*, а также важные начинания, например, отправляется в дальний путь в нашем случае на охоту [Тюхтенева, 2009, с. 77; НА НИИА. МНЭ 84 Балыкчинов Я.Т.].

В сегодняшние дни многие алтайцы перед охотой совершают обряд сакрального очищения. В интервью информанты отмечают, что они окуривают себя можжевельником – *арчыном*, буквально говорят – *арутаналалабарыпжадыс* (идем на охоту после очищения). Так, информант отметил, «перед охотой обязательно надо окуриваться можжевельником, так как едете в священный Алтай (буквально – *Алтай јер барыпжадар*), поэтому надо обязательно провести данный обряд» [НА НИИА. МНЭ 84. Тулин В.С.]. Некоторые воздерживаются от полового отношения с женами, а также не употребляют спиртное. Надо отметить, о запрете на спиртное информанты говорят как об одном из обязательных правил – *аркыичнейбараркерек* – буквально идти (на охоту) не выпив водку [НА НИИА. МНЭ 84 Балыкчинов Я.Т., Тулин В.С.].

У алтайцев места их охоты – это обычно почитаемые таежные массивы, куда человек должен прийти очищенным, как духовно, так и в прямом смысле. Например, Л.П. Потапов отмечал, что охотники-алтайцы, еще в дореволюционный период, перед тем как идти на промысел, передевались во все чистое [Потапов, 2001, с. 87]. Изложенный запрет на водку имеет и практическую сторону в том, что у человека не будет запаха спиртного, который отпугнет зверя, также подвыпивший плохой охотник.

В отношении самого охотничьего промысла алтайцы традиционно не допускали шуток, хвастовства, вранья и т.п. Л.П. Потапов отмечал: «Прежде всего охотники никому не говорили о том, что они собираются выйти на промысел, хотя об этом было известно всем жителям селения» [Потапов, 2001, с. 87]. Многие промысловые верования связаны с уподоблением животных человеку в силу их «родства». Отсюда признание за животными понимания человеческого языка, сходного образа жизни и восприятия окружающего мира. На этой почве и родились суеверные представления о том, что зверь понимает человеческую речь, слышит ее издали, а потому, даже находясь дома собираясь на промыслы не должен говорить прямо о цели охоты, называть зверя его именем и др., а надо употреблять особые иносказательные выражения [Потапов, 2001, с. 125]. Так информант в беседе рассказал, что в местах, где он проживает люди обычно *байланыпјат* (следуют запретам) – не говорят дома о цели охоты, если едут за существенной добычей, например, маралом, говорят «*јан немегебарыпжадым*» – «еду за чем-то большим» [НА НИИА. МНЭ 95. Борсуков М.С.]. Информант из с. Новый Бельтир в беседе рассказал, только сам Хозяин Алтая знает, что ему дать, поэтому нельзя заранее говорить за какой добычей идешь, «перед охотой надо соблюдать запрет на разговор об охоте – *байланттаркерек*». Далее он пояснил «если я дома скажу, что пойду и застрелю самку аргали, то удачи не будет» [НА НИИА. МНЭ 84. Тулин В.С.].

Надо отметить, что у алтайцев особенно были табуированы имена хищников – *казыранг*, свирепых, кровожадных животных, например, волка еще называли *улуучы*

(воющий), *коокой*, *көктондуабайлар* (дедушка с синей шубой), медведя – *мајалай, јан абай* (большой дедушка), норку – *сууныгалуузы* [НА НИИА. МНЭ МНЭ 105. Арбакова-Кокшинова Г.Т.].

С момента выхода из дома на промысел коренное население Горного Алтая продолжало совершать ритуальные действия, связанные с различными приметами и поверьями. Например, до революции алтайцы-тубалары, уезжая на промысел, свою юрту объезжали или обходили, обязательно по солнцу. Выйдя из жилища, охотник не должен был возвращаться, какой бы необходимости в этом не было бы. Но кумандинцы и тубалары возвращались обратно домой, если им дорогу пересекала женщина, и отправлялись снова только на следующий день. Правобережные катунские алтайцы, кроме этого считали за дурной признак, если дорогу переползёт змея. Алтайцы-теленгиты Улагана выезжали с дома с заряженными ружьями, чтобы пристрелить зайца, перебежавшего дорогу [Потапов, 2001, с. 91]. Последняя примета у алтайцев существует и в сегодняшние дни. Некоторые алтайцы-охотники из Усть-Канского и Онгудайского районов отмечали, если в пути увидишь зайца и удасться застрелить, то будет удача «*јолачыкболор*». Не застрелишь, то удачи не будет» [Торушев, 2018, с. 101].

У алтайцев Кош-Агачского района считается, увидеть зайца – к удаче, а встретить лису – к неудаче. Например, если увидеть зайца, который бежит справа налево (от охотника), это к удаче. У алтайцев левая пола шубы запахивается сверху, поэтому считается, что заяц как бы забегает за пазуху, значит, повезет на охоте (удача за пазухой). Также к удаче считается, если по дороге встретить волка, увидеть лису – к неудаче. В беседе другой информант отметил, что заяц это *ангнынбажы* – начало добычи, т.е., увидел его и охота будет удачной (увидеть начало удачи – добычи). Также был получен ответ, к неудаче не только лису увидеть, но вообще «увидеть «*тырмактуанг*» – когтистое животное». Поэтому после того как лиса перебежала дорогу, надо провести ритуал: завязать *јалама* и сказать *јалкыш*, после продолжить путь [Торушев, 2017, с. 180].

В дореволюционный период, возвращаясь с промыслов, охотники алтайцы совершали моление и кропление вином в частности *Ак-јаику* и покровителю предку. После этого чествовали покровителя охотников – *Сары-кана*, совершая ритуал кропления на его матерчатое изображение со шкуркой колонка, повешенные на левой стороне юрты у двери. Для этой цели употребляли *саба* – брагу из *талкна*. Некоторым родовым духам, например *Саназаку*, охотник приносил в жертву овечку или жеребенка и совершал заключительный обряд кропления вином и толоком» [Потапов, 2001, с. 144-145]

Каждый алтайский род имел своего покровителя *төс* – предка, который помогал во время охоты, например у рода *очи* – *Саназак-Кам*, у рода *Чанты* – *Качы-Кам*, у рода *тодош* – *Тостогош-Кам*, у рода *комдош* – *Тажда кам* и т.д. Все эти предки умершие шаманы [Потапов, 2001, с. 145].

Таким образом, природно-климатическая среда Горного Алтая способствовала тому, что исторически в жизнеобеспечении населения региона большую роль играл охотничий промысел. В связи с чем обрядовая культура алтайцев до сегодняшних дней тесно связана с мировоззрением, где способ организации жизненного процесса человека непосредственно контактирует с природой.

Источники

НА НИИА. МНЭ 84. Балыкчинов Яйчи Таспанович, сеокак-көбөк, 1944 г.р., место рождения и проживания с. Теленгит-Сортогой, Кош-Агачского района Республика Алтай, запись 2017 г.

НА НИИА. МНЭ 84. Тулин Вячеслав Саркаранович, сеокмоол, 1967 г.р. место рождения и проживания с. Новый Бельтир Кош-Агачского района Республика Алтай, запись 2017 г.

НА НИИА. МНЭ 95. Барсуков МергенСанашевич, сеоккара-майман, 1979 г.р. место рождения и проживания с. Кулада Онгудайского района Республика Алтай, запись 2017 г.

НА НИИА. МНЭ 105. Арбакова-Кокшинова Галина Тапыровна, 1947 г.р. сеоккӧбӧк, место рождения и проживания с. Верх-Белануй Усть-Канского района Республики Алтай, запись 2017 г.

Список литературы

Алтайцы: Этническая история и традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2014. – 464 с.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев; репринт. изд. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 152 с.

Кандаракова Е.П. Обычай и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – 176 с.

Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура: монография / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Барнаул: 2013. – 192 с.

Окладников А.П. Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // Палеолит и неолит. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 7-19.

Потанов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Потанов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. – № 2. – С. 145-160.

Потанов Л.П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 96-110.

Потанов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – Санкт-Петербург, 2001. – 168 с.

Потанов Л.П. Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – Кн. V. – С. 123-149.

Потанов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. – М.: ОГИЗ, 1935. – 107 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). – Горно-Алтайск, 1974. – 200 с.

Торушев Э.Г. Промысловые культы алтайских охотников (по полевым материалам) // Народы Евразии: История. Культура, Языки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Дедина, Э.В. Енчинов, А.А. Конунов, Н.О. Тадышева, А.Э. Чумакаев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 176-184.

Торушев Э.Г. Скотоводческие и промысловые культы алтайцев (1990-х – 2000-х гг.) // Исторический вестник: сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 92-108.

Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста, 2009. – 169 с.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАРОДОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: ТИПЫ ЗАХОРОНЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Черлояков И.Г.

В данной статье проводится описание типов захоронений и погребальных сооружений как неотъемлемой части погребального обряда народов Северного Алтая: на примере кумандинцев в пределах Турочакского района.

Ключевые слова: кумандинцы, колода, помост, шаман, этнография, погребение, обряд

FUNERAL RITES OF NORTHERN ALTAI PEOPLES: TYPES OF BURIALS AND BURIAL STRUCTURES

Cherloakov IG

This article describes the types of burials and funerary structures as an integral part of the burial rite of the peoples of the North Altai: on the example of the Kumandy within the Turochak district.

Key words: Kumandy, deck, platform, shaman, ethnography, burial, rite

В отечественной археологии и [этнографии] погребальный обряд традиционно рассматривается в качестве важной характеристики изучаемых культур, которую необходимо учитывать при их выделении. Об этом достаточно красноречиво говорят отразившие конструктивные особенности погребальных сооружений... Предполагаемая способность обрядов захоронения нести информацию о этнических различиях населения повышает интерес к погребальным [обрядам] как источникам этнографических исследований [Данченко, 2009, с.225].

Погребальный обряд включает в себя следующие компоненты: предсмертные приготовления, обряды от смерти до похорон, типы захоронений и погребальные сооружения, послепохоронные обряды и обычаи, особенности погребения детей, шаманов (камов) и самоубийц.

Рассмотрим погребальный обряд с позиции материальной культуры, а именно типы захоронений и погребальные сооружения. Кумандинцам были известны три типа захоронений: наземные, воздушные и подземные, причем последние, по крайней мере, к сер. XIX в. стали основными.

Существенной чертой погребального комплекса являлось обязательное использование долбленного гроба с черемуховыми стяжками. Независимо от того, каким способом хоронили – труположением или трупосожжением.

Различия в типе и способе захоронения, в деталях обряда определялись не только постоянным социальным статусом или возрастом покойного, они обуславливались естественными изменениями этих показателей в течении жизни. Важно было то, кем был человек в момент смерти (находился в числе воинов или почему – то не вошел в их состав; являлся ли практикующим шаманом или по каким-то причинам перестал камлать и т.д.). обязательно учитывались также этические характеристики.

Захоронение в гробу-колоде на поверхности земли когда-то, видимо широко бытовало у кумандинцев [Тощакова, 1978, с.152-153]. Об этом свидетельствует. Помимо прочего, обычай плотно обтягивать гроб обручами. Колоду затем обкладывали камнями.

ми или дерном. Если покойный к моменту смерти был воином, делали невысокий сруб, помещали туда гроб и заваливали все землей и камнями. В срубе (или рядом с ним) хоронили оружие, сопроводительный инвентарь, шкуру лошади, на которой покойный постоянно ездил (любимой масти). Кости коня, или весь неповрежденный костяк также иногда хоронили рядом с могилой [Савинов. 1987, с.37-39; Киселев, 1953, с.599]. Мясо коня съедали участники погребальной трапезы. Погребение в земле рядовых членов рода имело с наземным равное значение, что вероятно, можно объяснить этногенетическими причинами. Возможно захоронение в глубокой могиле возникло в результате христианизации.

Воздушные захоронения взрослых были связаны у кумандинцев (сеоки чедыбер, тон, тастар и челей) с трупосожжением. Для этого из оставшейся части «дерева-двойника» сооружали на столбах помост (тастак), куда и ставили гроб. Через сорок дней после смерти (через семь дней у нижних кумандинцев) тастак с домовиной сжигали. Пепел развеивали (по другим данным, зарывали в землю тут же или закладывали дерном). Так хоронили камов, уважаемых людей (чаще стариков, хотя возраст здесь не являлся определяющим), т.е. людей, которые не нуждаются в «проводах» на тот свет, а «найдут туда дорогу сами», превратившись в пламя «великого огня», поскольку вели «высоконравственную жизнь», соблюдая свою «ульгу» (знали и выполняли все традиционные морально-этические предписания, обеспечили себе потомство, были хорошими хозяевами, мастерами и т.п.). аналогично поступали и с некоторыми самоубийцами. Иногда погребальные помосты с гробом не сжигали, сооружение просто оставляли стоять на кладбище [Славнин, 1990, с.132-146].

Таким образом, особенностью вышеназванных погребальных обрядов является стремление поддерживать постоянную «связь» с умершими предками, вера в их непременно участие в земных делах, отрицание подземной локализации «мира мертвых» [Токарев, 1964, с.171].

Список литературы

1. *Данченко Е.М.* Погребальный обряд как культурный и этнический маркер в археологии // Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: сборник результатов научных исследований, изложенных на VII Сибирских чтениях (Санкт-Петербург, 23-24 октября 2007 г.). – СПб: МАЭ РАН, 2009. – 225 с.
2. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
3. *Савинов Д.Г.* Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграция? // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – 1987. – Томск: ТГУ. – С. 37-40.
4. *Славнин В.Д.* Погребальный обряд кумандинцев//Обряды народов Западной Сибири. – 1990. – Томск. – С.132-146.
5. *Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев XIX – начало XX вв. – Новосибирск.: Наука, 1978. – 158 с.
6. *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. – М.: Наука, 1964. – 396 с.

РОДОВАЯ ЧЕСТЬ У АЛТАЙЦЕВ ДОЛИНЫ БЕШ¹

Чилбакова А.В.

На основе собранных сведений освещено представление алтайцев о чести сёоков-родов, расселённых в одной из долин Шебалинского р-на Республики Алтай. Образ родовых предков сёоков тодош, кыпчак, ирkit сконцентрирован в фольклорных текстах и топонимах пяти рек, образующих исток реки Песчаной (Беш)

Ключевые слова: алтайцы, сёок-род, родовое сознание, образ, честь

RELIVAL HONOR OF THE ALTAICE VALLEY BESH

Chilbakova A.V.

On the basis of the information collected, the presentation of the Altaians about the honor of the tribe-seok settled in one of the valleys of the Shebalinsky district of the Altai Republic is covered. The image of the ancestors of the seok Todosh, Kypchak, Irkit is concentrated in folklore texts and toponyms of the five rivers that form the source of the Peschanaya river (Besh)

Key words: Altaians, tribe-seok, tribal consciousness, image, honor

У алтайцев река Песчаная называется Беш, что означает «пять», потому что она образуется от слияния пяти рек – Беш, Кёдёти, Адаткан, Шиберти, Ак кем. У истока реки стоит село Беш-Озёк, дословно «пять логов». По собранным сведениям в нём проживают 700 человек. Самым многочисленным сёок-род является тодош, исчисляющийся 176 человек. Вторым выступает сёок ирkit, включающий 120 человек. Остальные – сёок-род тёлёс, более 50 человек, кергил – 45 человек, сойон – 35 человек, тонжаан – 30 человек, мундус – 28 человек и пр.

Я из сёока-рода тодош, подразделяющийся на кара тодош, сары тодош, оочы тодош, казак тодош. Представление о родовой чести и достоинстве тодошей сложилось по фольклорным текстам. Тодоши славятся многодетностью, трудолюбием, они опытные коневоды, их парни спокойные, а девушки проворные и языкастые. В одной из песен про тодошей сказано (перевод наш):

Из девяти табунов
Оседлали самого резвого коня тодоши.
Вырастив девять сыновей,
Сыграли свадьбу на весь Алтай тодоши.
Из девяти табунов (заколов),
Ели самого жирного коня тодоши.
Девять дочерей воспитав,
Выдали замуж тодоши.

Природные объекты – утесы, перевалы, в которых заключена память о свершившихся исторических событиях, почитаются жителями долины Беш. Одним из таких мест является скала Кёдурге Таш, у подножия которой имеется большой камень, который в старину силачи перебрасывали через лошадь. В преданиях говорится об испыта-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р)

нии силача Ирбизека из рода кыпчак, о посещении им богатыря, предка Брысовых, из рода тее́лэс [Ябыштаев, 2017, с. 418].

С отвесной скалой Шибе, естественной природной крепостью, связаны предания о борьбе против цинских и восточномонгольских войск. В одном из них воспета борьба сироты Оскус Уул и его сестры Тузагаш против захватчиков. На вершине скалы Шибе имеется поляна, где может пастись табун. На ней скрывались брат с сестрой, а когда их выследил и окружил противник, они спрыгнули, чтобы не попасть в плен. Скала Шибе считается сакральной, по отношению к которой соблюдаются запреты, например, замужние женщины не могут подняться на её вершину [Тадина, 2014, с. 172]. В другом предании сказано о битве ханов Каракула и Калдан-Черен, которая произошла у подножия скалы Шибе. В день битвы была ранена беременная жена Каракула, который в сердцах отрезал хвост своей лошади и дал клятву об отказе от калдановских подданных.

Другие топонимы напоминают о людях, живших в долине Беш. Урочище Тоолдой в долине реки Верх-Кёдэти названо по имени народного героя и зайсана рода иркит. В местности Топок Одусы проживал Топок из рода кыпчак, его потомки живут в соседнем селе Шыргайта. Ещё пример, по реке Адаткан есть лог Кулак Журты, название которого свидетельствует о том, что здесь проживал человек по имени Кулак из рода меркит. Его потомки живут в Усть-Канском районе. Рядом местечко Штоп Карасу, названное по имени пастуха Штопа.

Многие топонимы долины Беш произошли от имени людей. У горы Текей Межелик жил Текей из рода иркит. Его потомки: сын Маташ – его сын Анчы – его сын Кичеш. Известные богачи долины Беш Майчык, Боронды из рода тодош жили в верховье реки Беш в начале прошлого века. Многие помнят о том, что предки Лапасовых, Илюшкиных, Илюкиных из рода тонжаан жили в местечке Каргысту. Предки Шонхоровых, Оминых, Тударовых, Яшпаевых жили в долинах рек Ак-Кем, Агайры, а предки Борбуевых по реке Ак-Кем [Ойношев, 2012, с. 22].

Таким образом, собранные этнографические сведения позволяют утверждать, что в этническом сознании алтайцев долины Беш (р. Песчаной), локализуемой в Шибалинском р-не Республики Алтай, сформирован образ родовых предков тодошей, кыпчаков, иркитов, память о которых сконцентрирована в фольклорных текстах и топонимах пяти рек, образующих исток Песчаной (Беш).

Список литературы

Ойношев В.П. Долина Беш (историко-этнографический очерк). – Горно-Алтайск: АКИН, 2012. – 104 с.

Тадина Н.А. Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай): матер. межд. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – С. 169-174.

Ябыштаев Т.С. «Камень» Ирбизека как символ рода кыпчак у алтайцев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат.-лы межд. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. – С. 417-420.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)¹

Шитова Н.И.

На основе современных полевых этнографических материалов в работе обозначены старообрядческие группы, бытовавшие на территории Горного Алтая в XX в. Исследования проводились в Усть-Канском, Шебалинском, Турочакском, Чойском районах Республики Алтай, также в г. Горно-Алтайске.

Ключевые слова: русские, старообрядцы, традиционная культура, Горный Алтай

OLD BELIEVER GROUPS IN THE ALTAI MOUNTAINS (ON FIELD MATERIALS)

Shietova N.I.

On the basis of the modern field of ethnographic materials in the work marked old believer groups that existed on the territory of GornyAltai in the twentieth century. Studies were conducted in Ust-Kansky, Shebalinsky, Turochaksky, Choyskiy districts of Altai Republic, also in Gorno-Altai town.

Key words: Russian, old believers traditional culture, Gorny Altai

В этнографической науке утвердился исследовательский подход к изучению русского этноса как состоящего из различных этнографических групп. Такой подход применительно к исследованию русских Западной Сибири разработан в трудах Е.Ф. Фурсовой [Фурсова, 2006]. Безусловно, этнографическое изучение русского населения такого национального региона, как Республика Алтай, не является исключением, и, несмотря на иноэтничное окружение и иные специфические условия региона, также должно осуществляться в соответствии с выявлением и дальнейшим изучением различных микрогрупп (конфессиональных, локальных).

Вместе с тем, в последние годы сложилась ситуация, когда в литературе как научного, так и популярного формата по отношению к представителям русского населения Республики Алтай в большей степени оказалась раскрыта тема уймонского старообрядчества. Представления об этой конфессиональной этнографической группе как бы заменили собой сведения о старообрядцах региона, а также о русском населении Республики Алтай в целом. Настоящая работа написана с целью обозначить, насколько это возможно по современным полевым материалам, факт бытования других, отличных от уймонской, старообрядческих групп на территории региона. Такая попытка предпринимается впервые и является, скорее, заделом для дальнейших исследований. Надеемся, что по мере выявления новых нарративных и вещественных источников, знания о старообрядчестве региона будут расширяться.

Полевые материалы, на которых основана работа, собраны в последние пять лет в селах Усть-Канского (с. Коргон, с. Владимировка, с. Усть-Кумир), Шебалинского (с. Шебалино, с. Камлак, с. Черга, с. Ильинка, с. Барагаш), Турочакского (п. Яйлю, с. Турочак), Чойского (с. Чоя, с. Гусевка) районов Республики Алтай, также в г. Горно-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)»

Алтайске. На основе этих материалов можно говорить о факте бытовании ряда локальных старообрядческих групп в прошлом (на территории современных Усть-Канского, Шебалинского, Чойского, Майминского, Турочакского районов) вплоть до конца XX в.

Старообрядцы верховьев Чарыша. По материалам филолога В.Н. Богданова, работавшего в долинах верховья р. Чарыш в 1960- гг., долина заселялась со стороны предгорий Алтая (начиная с XVIII в.), больше всего – из деревень бассейна р. Убы. В годы его экспедиций только небольшая часть информантов оказалась потомками «поляков», при этом уже тогда «сибиряки» европейскую родину предков не помнили, и дальше предгорий Алтая их воспоминания не шли [Богданов, 1967]. Тем более, не удалось услышать таких рассказов в 2014-2015 гг.

В верховьях Чарыша в XX в. старообрядческие традиции в наибольшей степени бытовали в с. Коргон (в котором проживали как старообрядцы, так и православные). Местные жители вспоминают о том, что значительная часть старообрядческого населения с. Коргон в XX в. была образована переселенцами из д. Ключи, которая возникла из заимки в начале XX в. В этих местах исключительно старообрядческим считалось с. Чечулиха, (прекратило существование в 60-е гг.). Это село являлось поселением, особо отгороженным от всего мира рекой, через которую была устроена канатная переправа.

На протяжении советского периода религиозные традиции и старообрядческие, и православные, продолжали бытовать, при этом старообрядческие, как осознают это местные жители, – в большей степени. Старообрядцы соблюдали посты, праздники, молитвы (перед сном, перед едой, после еды). Строго разграничивали «чистое» и «поганое» в быту. «Чашку» старообрядцы соблюдали («посуда своя была»), но при этом гостей угощали, а по приходу в гости к мирским кержаки не принимали пищу. Моления совершались на дому, как говорят, «по старицам ходили». В советское время крещение детей в старообрядческую веру продолжалось, крестили старушки, тайно, вечером или ночью. Анна Геннадьевна Поломошнова вспоминает о том, что у ее бабушки, Ярославцевой Ульяны Севастьяновны (1907 г.р.), а затем и мамы, Алачевой Марии Кондратьевны (1928 г.р.) было «разрешение на крещение и к ним приходили старушки». Нами сделано интересное наблюдение: книги религиозного содержания помещались коргонскими старообрядцами в переплеты советских книг. Так, нам были показаны старообрядческие книги в переплетах «Владимир Маяковский» и «Родная литература». Скорее всего, это делалось старообрядцами намеренно для «маскировки» религиозной литературы в целях безопасности в времена религиозных гонений со стороны советского государства.

Потомки старообрядцев вспоминают, что последней наставницей в с. Усть-Кан была Марфа Минеевна, «благословленная», часто приезжала в праздники к коргонским старообрядцам, читала покаяние. Когда Марфа Минеевна умерла – возникли трудности с духовным руководством, но старообрядцы продолжали духовно общаться с единоверцами из Усть-Коксинского района и г. Горно-Алтайска. По воспоминаниям местных жителей, к началу 2000-х еще существовала старообрядческая община численностью 5-8 человек, и руководил ею наставник горноалтайских стариковских И.Н. Зубакин.

Старообрядцы «Песчаного куста». К началу XX в. эти места были заселены преимущественно алтайцами. Как свидетельствуют архивные материалы, основная масса русских переселенцев появилась здесь в 1890-е-1900-е гг. Как рассказывают местные жители, самыми первыми поселились в эти места старообрядцы, позже в населенные пункты прибыли православные переселенцы (1900-1910-е гг.). Если в селах «Песчаного куста» Ильинка и Мариинск укрепились православные традиции, действовали приходы, то население соседнего с. Барагаш еще в первой половине XX в. было преимущественно старообрядческим.

В настоящее время представителей алтайского этноса в с. Барагаш большинство. Немногочисленные потомки старообрядцев, проживающие здесь, могут поделиться отрывочными и невнятными воспоминаниями о жизни их предков – беспоповцев, строго соблюдавших свою «чашку», собирающихся на богослужения и читающих «старинные» книги. В начале 2000-х гг., когда местные жители стали проводить ремонты в своих домах, они сожгли многочисленные предметы старообрядческой старины, прежде всего, одежды. Собранные нами сведения об особенностях старообрядческого костюма, фольклора, книжной культуры все же позволяют говорить о том, что в этих местах существовала старообрядческая группа с богатой традиционной культурой, ее бытование завершилось со смертью последних ее носителей.

Чойские старообрядцы. В своих мемуарах чойский старожил И.Л. Нохрин обращает внимание на то, что «до колхоза» основное население с. Чоя было старообрядческим, но позднее разъехалось: «Из-за религиозных убеждений, чтобы не оказаться в колхозе, разъехались кто куда. Часть на р. Уймень к своим единоверцам, часть в Горную Шорию, часть в города – Бийск и другие. Из общего числа на январь 1920 г. 39 хозяйств старожилов, осталось только 6 хозяйств. На их место поселились другие» [Нохрин, 1976, л. 8].

И.Л. Нохрин сообщает, что в селе было две старообрядческие общины – поморцев и кержаков. Ими руководили «главы религиозных обрядов»: наставником поморцев был Ермил Пьянков, кержаков – Полуэкт Лапин [Нохрин, 1976, л. 3]. Полевые материалы свидетельствуют о том, что в советский период в район исследования старообрядцы попадали из близлежащих населенных пунктов степного Алтая.

Важным выражением следования старообрядчеству являлось чтение духовных книг. Продолжали собираться на моления по домам. В отличие от православных, у старообрядцев в ночных богослужениях в первой половине XX в. еще участвовали дети. Также, если у православных держали пост старики и редко – представители среднего поколения, у старообрядцев постились все, включая детей.

Зачастую молодежь порывала со старообрядческими традициями при заключении межконфессионального брака, как правило, с православным (православной). При отказе «второй половинки» переходить в старообрядчество молодая семья изгонялась из общины, и всякие контакты с родственниками прекращались. Впрочем, в редких случаях бытовала и обратная ситуация, когда дети из конфессионально смешанных семей в религиозном выборе принимали старообрядческую сторону. Заметим, что в советский период особые трудности старообрядцы испытывали при совершении свадебного обряда, «сведения» молодых. Необходимо было найти единоверца, который имел бы право совершить обряд.

Нам удалось встретиться с последней старообрядкой с. Чоя Н.Л. Казаниной. Она сообщила, что ранее кержаки с. Чоя собирались на собор у Марии Филатовны Сюткиной, родной сестры прабабушки, приблизительно около 15 человек, себя называли кержаками. Н.Л. Казанина показала нам свой погребальный узелок, приготовленный в старообрядческих традициях и сопровождаемый запиской-памяткой, составленной для родственников, о правилах старообрядческого погребения.

Потомки чойских старообрядцев в большинстве своем осуществили переход в Русскую православную церковь. Случается, они как бы стесняются рассказывать о своем происхождении. Это связано отчасти с тем, что ряд поведенческих черт старообрядцев, особенно их приверженность к отдельной посуде, вызывали негативные и неприятные ощущения у окружающих. Так, Н.Л. Казанина рассказывает: «*Их немножко презирали – своя ложка, чашка, кушали отдельно от мирских... Пить нельзя из ковшика*». Неприятная для окружающих традиция чашничества оттеняет в их восприятии положительные качества старообрядцев, например, такие, как трудолюбие и любовь к чис-

тоте. Н.Л. Казанина отзывается о единоверцах: *«Староверы – они очень рабочие, всегда помогали. Идеальная чистота».*

Предание о старообрядцах, проживавших на берегу Телецкого озера. О когда-то проживавших на берегу Телецкого озера старообрядцах, исчезнувших неизвестно в каком направлении, рассказывают тубалары Туймешевы. Представители этого рода были первыми жителями п. Яйлю – центра Алтайского государственного заповедника. Вот что рассказывает об истории своей семьи Надежда Альчиевна Князева (в девичестве Туймешева): *«Они пришли и удивились: тут такое благодатное место. И почему люди бросили? Обнаружили каменные печи, полуистлевшие, и избы. А наши предки – они же избы не строили. Они жили в аилах. Это позже они стали ставить... Они стали, предки, интересоваться, почему они бросили и ушли. Потом выяснили, что тут была сибирская язва. И жили староверы, и очень мало их осталось. Они посчитали это место проклятым, и они, те, которые горсточка людей, осталась – все уехали. И много лет никто здесь не жил. А кладбище этих староверов – здесь оно. Сосна растет и подальше эти вот деревья».* Видимо, речь идет, скорее, о некоей неизвестной болезни, которую народная фантазия могла преувеличить до «сибирской язвы».

Помимо рассказов дедов и родителей, наша собеседница своими глазами видела остатки когда-то существовавшего кладбища, как видели это и другие местные жители. В доказательство своих рассказов об исчезнувшем на берегу Телецкого озера поселении местные жители могут показать место старого кладбища, на котором визуально наблюдать остатки кладбища в настоящее время не представляется возможным. Никаких иных упоминаний о таком поселении нам неизвестно.

Турочакские старообрядцы. В документах 1920-х гг. можно найти сведения о факте бытования старообрядческих общин без указания согласия (толка). Так, например, официально в Лебедском аймаке насчитывалось одна старообрядческая община без помещения в 1920 и в 1925 гг. [КУРА «ГАСПД».Ф. 25. Оп. 1. Д. 107а. Л. 26.]. При наступлении периода гонений на религию со стороны властей в семьях старообрядцев продолжали соблюдать традиции: *«В нашей деревне три семьи старообрядцев. И поствовали, и молились. Мама – маленько»* (З.И. Негодяев, с. Турочак).

В настоящее время есть свидетельства о том, что единичные отдельные семьи на территории Турочакского района продолжают следовать старообрядческим традициям, но говорить о бытовании общин не приходится.

Старообрядцы г. Горно-Алтайска. Наряду с уймонскими общинами, в Республике Алтай старообрядческие традиции продолжают бытовать в общине старообрядцев-«стариковских» г. Горно-Алтайска. К ней примыкают также немногочисленные единоверцы из близлежащих к городу сел (Майма, Манжерок, Чоя и др.), в которых ранее, еще в конце XX в., существовали свои общины. Отличительной чертой городских старообрядцев указанного толка является неоднородность их происхождения (соответственно, этнолокальных особенностей) при конфессиональном единстве группы. Участники общины являются выходцами из уймонских сел, а также различных сел Республики Алтай и Алтайского края.

Старообрядцы согласия «стариковщина» не приемлют священства, но признают таинства крещения, исповеди или покаянии. В последнее время чаще для самоидентификации стали использоваться термины «старообрядцы», «старообрядческая вера». Чаще любят говорить просто – «наша вера».

В городе «собор» старообрядцев указанного толка стал собираться после смягчения отношения к религии в послевоенные годы. Первой из руководительниц общины старейшие ее участники вспоминают старушку Сиклителию, которую называли также Липистинья (здесь и далее имена старообрядческих лидеров приводятся в том виде, как они произносятся старообрядцами). Два имени старушки связаны, видимо, с тем, что,

по наблюдениям автора, у некоторых старообрядцев имя, указанное в паспорте, отличается от того, которым его называют в обиходе. Затем какое-то время общиной руководил Ксенофонт Мартемьянович из с. Маймы.

Как вспоминают, *«собор был единым, город был маленьким»*. Около четверти века назад беспоповская община под руководством Анатария Силиверстыча разделилась на две по следующей причине. Наставник общины присутствовал на собрании старообрядцев – «соборе» в с. Усть-Кокса, в ходе которого присутствующие приняли решение о причислении себя к старообрядцам часовенного согласия, и также ряд положений: *«Силиверстыч, когда в Коксу съездил. В Коксе написан протокол – крещение бесповоротное, одноразовое»*. Один из авторитетнейших участников общины, Иван Назарович Зубакин не согласился с решениями этого собора. Вслед за ним последовала часть участников общины, и образовалась новая община. Иван Назарович Зубакин был наставником общины в течение пятнадцати лет. Возможно, что разделение произошло по причине неприятия Иваном Назаровичем постановления собора о бесповоротном крещении с одноразовым погружением (об этом сообщила одна из старейших участниц общины). Он остался верен традиции крещения при трех поворотах «по солнышку» с трехкратным погружением.

У стариковских города наблюдается необычная для этого согласия толерантность к другим направлениям старообрядчества и к православию (Русская Православная Церковь). Это при том, что в целом для старообрядцев характерна убежденность в спасительности именно их веры, их согласия. Во-первых, такая терпимость выражается в том, что стариковские не перекрещивают перешедших в их согласие, если они ранее были крещены по какому-либо старообрядческому или даже православному обряду. Во-вторых, автором от разных участников общины зафиксирована следующая поговорка: *«Семьдесят семь вер и все спасутся»*. Здесь подразумеваются христианские конфессии, и, прежде всего, различные старообрядческие толки и православие (Русская Православная Церковь).

В настоящее время активными участниками общины являются исключительно пожилые люди пенсионного возраста, которые соблюдают старообрядческие правила – «закон» во всей строгости. Обычно на богослужение их собирается около 15 человек. Некоторое время назад количество участников общины было около 80 человек (включая живущих в близлежащих к городу селах) и сокращалось с уходом пожилых верующих из жизни. Участники общины воспитывались в старообрядческих семьях, но сами к строгой религиозной жизни обратились в пенсионном возрасте. Как правило, это происходит с потомками старообрядцев, когда они чувствуют приближение старости и смерти. В это время они начинают «стариковствовать», то есть отмаливать грехи и сознательно подготавливать себя к переходу в «мир иной». Помимо общехристианских правил – участие в службе, соблюдение поста и следование церковному календарю, актуальным остается соблюдение «чашки».

Подведем итог вышесказанному. Помимо широко известной уймонской, на территории Горного Алтая вплоть до конца XX в. бытовали различные старообрядческие группы: в долине р. Песчаной и верховьях р. Чарыш, в Турочакском, Чойском, Майминском районах. К сожалению, на основании полевых материалов, собранных в период прекращения бытования старообрядческой культуры, мы не можем дать точную характеристику этих групп. Вероятно, это были локальные конфессиональные группы, подобные уймонской, члены которой проживали компактно и длительное время в среде единоверцев. Скорее всего, старообрядцы Усть-Канского и Шебалинского районов (верховья Чарыша, долина р. Песчаной) являлись частью алтайских старообрядцев, не имеющих локальных самоназваний и с преобладанием религиозного самосознания – принадлежности к древлеправославию. В материальной культуре (одежде) их культура

близка к традициям старообрядцев Алтайского края [Шитова, 2017], прослеживаются четкие параллели в старообрядческом костюме, особенно с культурой старообрядцев Солонешенского и Чарышского районов. На данный момент мы располагаем очень отрывочными сведениями о старообрядчестве Чойского и Турочакского районов, которые, скорее, позволяют констатировать наличие старообрядческих групп в прошлом.

Для старообрядцев Майминского района характерно духовное тяготение к городской общине на фоне отмирания собственных общин. Если в ближайших к городу селах старообрядческие общины прекратили свое существование, в г. Горно-Алтайске традиции старообрядцев «стариковских» продолжают бытовать вплоть до настоящего времени. Городская община является своеобразным духовным центром для старообрядцев-беспоповцев, оставшихся без общин по месту своего проживания.

Многочисленные указания потомков старообрядцев на духовные связи верующих с городскими и уймонскими старообрядцами свидетельствуют о том, что наиболее широко на территории Горного Алтая был распространен толк стариковщина, для общин этого толка характерно наиболее длительное существование. Возможно, такое положение согласия связано с существованием уймонского старообрядческого центра, влияние которого распространялось по всему региону.

Список литературы

1. Богданов В.Н. Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 7. Горно-алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1967. С. 92-107.

2. Нохрин И.Л. История с. Чоя Майминского района Алтайской авт. обл. Рукопись, 1976 // Шитова Н.И. Русские низкогорной зоны Горного Алтая (XX начало XXI вв.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 184-191.

3. Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 427–441.

4. Традиционная одежда старообрядцев Горного Алтая: традиции и современность // Народный костюм в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2017. С. 132-136.

УДК 314.7

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ИСТОРИЯ И ТЕОРИИ ВОПРОСА ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шульгов Е. Н.

Описываются некоторые теоретические вопросы миграции, их причины, влияние местных газет на отток населения из республики, на что указывают переписи населения, полевые сведения, а также научная, справочная литература и воспоминания информаторов.

Ключевые слова: мордва, миграции, страны ближнего зарубежья, статистические данные, местная региональная газета, воспоминания, экспедиция, этнокультура.

MIGRATION IN MORDOVIA REPUBLIC IN THE DIALOGUE OF CULTURES: HISTORY AND THEORY OF MATTER BASED ON MATERIALS OF PRESS AND FIELD RESEARCH

Chulgov E. N.

Some theoretical questions of migration, their causes, the influence of local Newspapers on the outflow of population from the Republic are described, which is indicated by population censuses, field data, as well as scientific, reference books and memories of informants.

Keywords: *Mordovians, migration, CIS countries, statistical data, local and regional Newspapers, memoirs, expedition, ethnic culture.*

Ближнее зарубежье является предметом различных исследований в области географии, истории, политики, экономики и культуры. Миграция населения (от лат. migratio – переселение), перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на длительное время. При миграциях вступают в силу – особенности природно-географической среды, социальная среда, конфессиональные особенности, языковая характеристика, специфика межэтнических взаимодействий и т.д.[34, с.111]. По всероссийской переписи 1989 года в Казахстане числится мордвы – 30 036 чел., Узбекистане соответственно – 11 914; Таджикистане – 5 519; Кыргызстане – 3818; Туркменистане – 2 568; Белоруссии – 2 620; Украине – 19 332; Молдавии – 1 088; Латвии – 1 053; Эстонии – 985; Литве – 491; Азербайджане – 720; Армении – 489; Грузии – 415 человек.

Миграция повлияли в уменьшении общей численности населения Мордовии. В послевоенные годы широко развернулся отток сельского населения. Мордовский народ уезжал за пределы республики в крупные промышленные центры страны. Активизация миграционного движения населения началась в послевоенные годы. С 1947 по 1950 гг. из Мордовии выехало более 37 тыс. чел. в Москву, Сталинград (Волгоград), Челябинск, Ташкент и др. города страны для работы на промышленных предприятиях. Мордовская молодежь по вербовке уезжала из республики в Казахстан. Например, «Миграции сыграли огромную роль в жизни Казахстана – страны с огромной, слабозаселенной и малоосвоенной территорией, значительной пространственной дифференциацией уровня, темпов социально-экономического развития и соответственно уровня жизни населения. Устойчивые миграционные процессы, вызванные столыпинской реформой начала XX века, коллективизацией 20-х гг., этноцидом 30-х гг., депортацией и военной эвакуацией 40-х гг., освоением целинных земель 50-х гг. - оказали существенное влияние на формирование этнической и социальной структуры населения постсоветского пространства, на становление и развитие государственности» [1].

Вопросы миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье можно проследить по материалам газеты «Красная Мордовия» (1.11.1930 – 19.06.1951 гг.), «Советская Мордовия» (20.06.1951 – 30.03.1994). В них прослеживаются причины миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье (публикации о расцвете экономики и культуры, развитии промышленности в братских республиках СССР (в Казахской, Таджикской, Узбекской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Украинской ССР), создание в них рабочих мест и условий проживания приезжего населения, в труде которого они нуждались для развития этих республик; содружестве разных национальностей СССР. Вопросы социокультурных явлений времени в условиях полиэтничного общества и миграции населения Мордовии в ближнее зарубежье в материалах СМИ освещалось в разных рубриках, которые типологически складывались

таким образом: «В братской семье народов ССР», «По родной стране», «Новости дня», «Новости культуры», «Фотохроника (ТАСС), объявлений с приглашением на работу, учебу и т.д. Освещались: учеными, Соб. коррами, работниками органов власти, культуры» [4,8,10, 22,23,25].

Публикации Л. И. Никоновой [20,21], Н. Ф. Мокшина [16-18] и проведенные полевые исследования в Мордовии позволяют представить некоторые аспекты миграции мордовского населения в страны ближнего зарубежья. Например, семья Большаковых проживали в Казахстане. Их вселение в иную этнокультурную среду имеет свою историю. Когда папа вернулся с фронта, познакомились с мамой, поженились, и когда дети подросли вначале переехали на Сахалин, а потом – пос. Первомайск Акмолинской области Казахстана [24]. Основная масса мордовского населения, проживавшая в Акмолинской губернии была занята в сельском хозяйстве, главным образом – в земледелии [2,3, с. 346, 5,13]. Соб. Корр. В. Панов (Павлодар, Казахстан) в очерке «Они остаются на целине» о новоселах, приехавших в ту пору из Мордовии в Казахстан, пишет: «Совхоз молод. Называли его не новым, а новейшим. Но к весне здесь были уже четко обозначившиеся улицы. Едва сошел снег, под окнами домов заблестели столбики палисадников – свежие, яркие, гладко оструганные, точно вылитые из воска. Вытянулись длинные грядки огородов, и на них скоро зелеными стрелками пошел в рост лук, не боящийся заморозков. Зазеленели укроп, редиска, начали куститься помидоры, выбросила сильную ботву картошка и, позже всех овощей, не спеша стала наслаиваться в тугие кочаны капуста. Цветистые шляпки подсолнухов потянулись к солнцу. – Порядочком запахло, – говорили новоселы, привезшие из Мордовии в Казахстан любовь и охоту к сельскому хозяйству» [23]. В этом очерке емко рассматривается быт и образ жизни новоселов из Мордовии.

Мордва иногда целыми семьями вербовалась на строительство железных дорог (в основном землекопами), возведение гражданских сооружений. Рабочие мордовской национальности принимали участие в строительстве Ферганской железной дороги (1900-1917). Среди переселенцев преобладали мужчины, в основном молодого возраста. Немало их оказалось и в общем потоке людской волны, нахлынувшей в первые десятилетия советской власти в Узбекскую республику. В 1920 г. в Ташкенте проживало свыше 100 представителей мордвы [19].

В Армении проживают мордва-молокане. Духовные христиане (молокане) — одна из разновидностей духовного христианства. Течение получило широкое распространение в центре России во второй половине XVIII — XIX вв. [11]. Основателем молоканства считается крестьянин Тамбовской губернии Борисоглебского уезда Семен Матвеевич Уклеин. Функции священнослужителей у молокан выполняют «старцы», являющиеся наставниками отдельных общин. Богослужение состоит в молитве, проповеди и пении духовных песен [26]. Молитвы в основном — тексты из Писания. Некоторые используют молитвы, переданные устно от предков [11,21, 26, с. 152]. Мордва на Кавказ выселена [14] по религиозным мотивам в сороковых годах XIX века из сел Малый Толкай и Каменка Бугурусланского уезда Самарской губ. и др. [33]. Выселенные из России на Кавказ молокане приехали в с. Надеждино (Шоржа) в 1840 — 1844 гг. В их числе мордовские: Архиповы (отец с сыном), Кистановы (отец с сыном), Кудряшovy (отец с сыном), Касымовы (отец с сыном), Косыревы (отец и 2 сына), Козловы (отец и 2 сына; ныне Сандыковы), Ледяевы (отец и 2 сына; 2 внука стали Леоновы, 2 внука стали Ивановы), Норовы (отец с сыном), Прохоровы (отец и 3 сына), Соловьевы (отец с сыном), Юртаевы (отец и 2 сына), Бизяевы (отец с сыном), Ларионовы (отец с сыном); русские — Барсуков (приехал один), Кочергины (отец и 3 сына), Новиков (приехал один), Поповы (отец с сыном; ныне Григорьевы), Писаревы (отец и 2 сына), Шетухин (приехал один),

Чиндины (отец с сыном) [27]. Самое популярное имя среди Сандыковых – Михаил (27 человек), далее по популярности следуют: Василий (25), Иван (21), Анна (19), Дуня (17), Мария (14), Абрам (14), Феня (12), Яков (12), Вера (9), Любовь (9), Надежда (9) и т.д. Среднее число детей в семье – 3,9 чел. [30]. Мордва оказалась совершенно необычной для нее не только этнической, но и географической среде, что коренным образом отразилось в жизнедеятельности. Условия проживания в горной местности заставили ее перейти к неземледельческим занятиям — овцеводству, ремесленному и кустарному производству, отхожим промыслам и рыболовству, воспринять у местного населения ряд элементов, в первую очередь, материальной культуры. Первые поселенцы жили в землянках. Мордовские переселенцы перенесли в Армению традиционные техники домостроения, которые были адаптированы к местным условиям: дома ставились с ориентацией центрального фасада главным образом на солнце. но жилище представляло собой дома-плетенки с плоскими земляными крышами. Пол и потолок обмазывали глиной [33,с.136]. Хозяйственные помещения выстроены в основном из дикого камня. Функционирование системы питания мордвы Армении во многом определялось потенциальными возможностями использования местной экологической среды. Данный фактор обусловил направление хозяйственной деятельности в целом, и сезонность питания в частности. Длительное совместное проживание с азербайджанцами и армянами повлияло на питание (заимствование блюд). Мордвы с. Шоржадо сих пор сохраняет не только национальное самосознание, но и родной язык [16, 17]. Состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция в Армянскую ССР (с. Шоржа Красносельского района, 1975 г.), Дни Республики Мордовия в Республике Армения, 2012 г. (Никонова Л.И.). Мордва проживает в Грузии. Согласно полевым сведениям мордва туда выехали из с. Косогор (всего 15 человек по вербовке в нач. 50-х гг.). Потряшкин Иван Игнатьевич (1948 г. р.) вспоминал, что в пятилетнем возрасте вместе с мамой из Косогор в Грузию (г. Ткибули) они переехали 1954 г. Он свободно владеет мордовским, русским и грузинским языком[24]. В Азербайджан в г. Баку выехала первой Понетайкина Пелагея Михайловна (по мужу Сарайкина) в возрасте 45 лет. Она была уже замужем – Сарайкиным Спиридоном Сергеевичем и в 1939 г. вместе с мужем выехали в Баку, в то время там требовались временные рабочие для работы на нефтяных разработках [24]. В Баку работал Степан Эрзя (Степан Дмитриевич Нефедов, 1876-1951) – великий эрзянский скульптор. Ряд скульптур рабочих создал в первой половине 1920-х гг. в Баку во время работы в Закавказье, где он организовывал скульптурные мастерские, вел преподавательскую работу. Хронологически бакинский период охватывает от октября 1923 по июль 1925 гг (1923-1925). За этот короткий период им создан ряд монументальных произведений: скульптурное оформление Дома союза горняков в Баку (1923) и др. Бакинский период — заметное звено в цепи его большого творчества. Занимаясь педагогической деятельностью, закладывает основы профессионального образования скульпторов в Азербайджане. Здесь он вплотную сталкивается с проблемой синтеза скульптуры и архитектуры, создает целую галерею произведений, посвященных рабочему классу. В этот напряженный трудовой период начинается упорная борьба за развитие в республике культуры и просвещения, в частности, изобразительного искусства [29, 31, 32].

В духовной культуре на этнические процессы оказывает владение родным или другим языком. Об этом говорят перепись 1897 г. и другие переписи, проводимые в РСФСР и в 2009 г стран ближнего зарубежья [11].

Таким образом, согласно научной, справочной литературе, статистическим данным, полевым сведениям можно сказать, что миграция мордвы в ближнее зарубежье наблюдалась с давних времен. Этому способствовали разные причины, в т.ч.

информация местных газет, подвижность мордовского населения поиска работы, заработка и др. Этнокультуру мордва частично сохранила, но другая среда обитания повлияла на хозяйственную деятельность, традиционную материальную (пища, жилище) и духовную культуру, в т.ч. владение родным языком. Знание культурных особенностей мордвы, проживающей в ближнем зарубежье помогает понять адаптацию к иным географическим условиям проживания.

Список литературы

1. *Абулкасова Д. Б.* Миграционные процессы в Казахстане: Тенденции и динамика : диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Москва, 2001. 139 с. Режим доступа: <http://lib.ua-gu.net/diss/cont/328393.html>).
2. *Анисимов В.* Акмолинская область // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». Т. 1. СПб.
3. Большая Российская Энциклопедия в 30 т. Т. 1. М., 2005.
4. Всем классом – на целину // Сов. Мордовия. 4.06.1958.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VIII. Казакская АССР. М., 1928.
6. *Горбунов Т.* Национальный праздник белорусского народа // Советская Мордовия. 31. 12. 1958.
7. Горная энциклопедия. — М., 1992. — С. 1-77.
8. *Джафаров С.* Советский Азербайджан – могучая индустриально-колхозная республика // Советская Мордовия. 7. 07. 1954.
9. *Дорфман Н. А.* Каталог произведений Стапана Дмитриевича Эрзи (Нефёлова) 1876 – 1959.
10. Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства // Советская Мордовия. 20. 03. 1955.
11. Духовные христиане (молокане). Режим доступа: <http://molokan.narod.ru>.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 год. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – М., 1973.
13. *Козлов В. И.* Миграции мордвы в капиталистической России // Записки НИИЯЛИЭ, № 19 (история, археология, этнография) Саранск, 1958. С. 173 –199;
14. *Козлов В. И.* Расселение мордвы: ист. очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа : тр. мордов. этногр. экспедиции. — М., 1960. — Вып. 1. – С. 5 – 62;
15. *Микеладзе А. С., Рехвиашвили Ю. С.* Лаборатория разработки угольных месторождений Горного института им. Г. А. Цулукидзе // Горный журнал, Тбилиси. — №2(9). — 2002. — С. 22-24;
16. *Мокшин Н. Ф.* На дальнем озере Севан // Созвездие: литературно-художественный сборник. Саранск, 1973;
17. *Мокшин Н. Ф.* Современное мордовское население Армянской ССР и его этническая история // Вопросы финно-угроведения. Вып. IV. – Саранск, 1975.
18. *Мокшин Н. Ф.* Этническая история мордвы (XIX-XX в.). Саранск, 1977.
19. Народы Узбекистана. Мордва // http://www.mg.uz/publish/doc/text55669_narody_uzbekistana_mordva
20. *Никонова Л. И.* Область Войска Донского и мордва: к некоторым страницам прошлого и настоящего // Центр и периферия. № 2, 2016. – С. 110 – 115.
21. *Никонова Л. И., Березина Л. Н.* Нравственное начало, заложенное богом в каждую душу... Мордовские молокане: аспекты повседневной жизни // Центр и периферия. – № 2, 2013. – С. 152

22. *Озолинъ К.* Советская Латвия на подъеме // Советская Мордовия. 6. 03. 1954.
23. *Панов В.* Они остаются на целине // Советская Мордовия/ 21.09.1956.
24. *Полевой материал:* Большакова Кварцхава Надежда Борисовна, 1960 года рождения, г. Сенаки Сенакского муниципалитета в крае Самегрело-Верхняя Сванетия. Грузия, зап. 2016 года; Понетайкин Семен Павлович, 1935 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, записи 2016 года; Потряшкин Иван Игнатьевич, 1948 года рождения, г. Ростов-на-Дону, записи 2015 года; Суняйкина Валентина Семеновна, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, записи 2016 года.
25. *Прейкшиас К.* Социалистическая Литва // Советская Мордовия. 17. 04. 1954.
26. Религиозные течения и секты: справ. Режим доступа: <http://www.militia-dei.spb.ru/?go=mdbase&id=311>.
27. Родословие молокан, выселенных из России на Кавказ в 40-х гг. XIX в. в пос. Надеждино (Шоржа).
28. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. СПб, 1903.
29. Словарь-справочник жизни и творчества С. Д. Эрзы. Саранск, 2001. С. 12–13.
30. Статистика. Режим доступа: <http://www.sandikov.name/Statistics.htm>.
31. Степан Эрзя. 1876 – 1959. Саранск, 2009. С. 78;
32. *Трофимов В. И.* Эрзя в Баку. Саранск, 1970.
33. *Тумайкин В. П.* О некоторых особенностях материальной и духовной культуры Закавказской мордвы // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII – XX вв. – Саранск, 1978. – С. 132 – 139 // Тр./ НИИЯЛИЭ; вып. 62.
34. *Щеглова Т. К.* Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. -Новосибирск, 2005.

УДК 394

О ПАМЯТНОМ ЗНАКЕ ЗАЧИНАТЕЛЮ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ¹

Шумарова Б.А.

В статье рассматривается значимость установки памятного знака зачинателю Республики Алтай. Собранные автором данные дополнили сведения о родовой принадлежности одного из общественных деятелей алтайцев

Ключевые слова: алтайцы, республика, родовое сознание, память, образ

ABOUT THE MEMORY SIGN TO THE REPRESENTATIVE OF THE REPUBLIC OF ALTAI

Shumarova B.A.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р)

The article considers the importance of installing a memorial sign to the pioneer of the Altai Republic. The data collected by the author supplemented information on the tribal belonging of one of the public figures of the Altaians

Key words: Altaians, republic, tribal consciousness, memory, image

В столице Республике Алтай, в городе Горно-Алтайске, у Центрального парка напротив административного здания регионального правительства, третий год стоит памятная стела с барельефом. На ней доска с надписью на двух языках – на алтайском и русском: «Улица имени Валерия Ивановича Чаптынова. Названа в честь основателя и первого главы Республики Алтай» (рис. 1). Памятный знак был посвящён 70-летию В.И. Чаптынова, улица в честь которого переименована ещё в 2001 году.

Памятный знак известной личности из алтайцев неслучайно поставлен в виде каменной стелы. Автором проекта является заслуженный художник России В.П. Чукуев, в 1990-х годах участвовавший в возобновлении установки памятников в виде каменных стел, например, поминального комплекса в честь 60-летия победы земляков в Великой Отечественной войне в с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на РА.

По собранным сведениям из справочников и сайтов известно, что В.И. Чаптынов родился в год победы – 1945 году в с. Апшухта Шебалинского р-на. Получил высшее образование зоотехника, закончив в 1967 году Алтайский сельскохозяйственный институт в г. Барнауле. Работал в отдалённых районах, например, Усть-Коксинском и Кош-Агачском. Вс. Кош-Агач в честь него названа школа. Лидерские качества В.И. Чаптынова сочетались со скромностью и целеустремлённостью. Став политическим деятелем, служил на благо своего региона и создания республики. В.И. Чаптынов является автором шести приоритетных направлений развития региона: энергетическая база республики с использованием гидроресурсов и твёрдого топлива; отрасли по переработке и хранению сырья и продукции АПК и лесного комплекса; минерально-сырьевая база и твёрдые полезные ископаемые, создание мощностей по их переработке; материально-техническая база социальной сферы; международный туризм, создание необходимой для него инфраструктуры; развитие северных районов по специальной программе.

В официальных документах о В.И. Чаптынове сообщается как об общественно-политическом деятеле, и лишь сказано, что он из алтайцев и крестьянской семьи. В данной статье стоит задача пополнить сведения о его родовой принадлежности и дать характеристику родового восприятия значимости сородича, ставшего исторической личностью. По собранным этнографическим сведениям в послевоенное время село Апшуюкту, где вырос В.И. Чаптынов, и соседнее село Каспа являлись родовым местом сосредоточения сёока-рода кергил. В настоящее время родовой состав этих моноэтнических алтайских сёл изменился, и большинство их жителей относится к сёоку-роду ирkit.

Сёок кергил, к которому относится В.И. Чаптынов, не является многочисленным. Этот род, сформировавшийся по среднему течению реки Катунь, распространился в других районах расселения алтай-кижи, группы южных алтайцев. Вместе с сёоками кыпчак и мундус образует родственную группу сёоков. Их представители считаются родственниками «карындаш» между которыми соблюдаются родовые обычаи взаимопомощи и экзогамии [Тадина, 2014, с. 187].

Рис. 1. Памятный знак
основателю
Республики Алтай
в г. Горно-Алтайске

В.И. Чаптынов родом из таких мест, где обычно фамилия образовывается от названия сёока-рода, к которому относится её носитель. Фамилия Чаптынов явно указывает на принадлежность к сёоку чапты. По нашим данным эта фамилия его матери, которая действительно была из сёока чапты, также распространённого в этих местах. В родовой системе алтайцев материнские родственники наиболее почитаемые и чтимые. И в советское время каждый знал свою родовую принадлежность, которая переходит по линии отца, и сёок матери, несмотря на то, что тогда было не принято соблюдать родовые обычаи [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 135].

Как позволяют утверждать собранные сведения, алтайцы помнят основателя Республики Алтай В.И. Чаптынова как представителя сёока-рода кергил, рожденного от матери сёока чапты. Его деятельность развернулась в постсоветский период, когда были возрождены и стали актуальны маркеры родовой идентичности. Не многие алтайцы склонны считать результаты этнического возрождения его заслугой, но становление автономии региона в форме современной республики, в которой алтайцы титульный этнос, остаётся итогом общественно-политической деятельности В.И. Чаптынова.

Информаторы

Ирkitова Айжан Акчабаевна, 1964 г.р., сёок ирkit, с. Каспа, Шебалинского р-на, Республика Алтай;

Темдекова Наталья Николаевна, 1955 г.р., сёок кергил, с. Ороктой, Чемальского р-на РА;

Кудирмеков Василий Дмитриевич, 1956 г.р., сёок ирkit, с. Кырлык, Усть-Канского р-на РА

Список литературы

Тадина Н.А. О потестарном принципе старшинства у алтайцев // Урал – Алтай: через века в будущее (материалы всерос. науч. конф.). – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 156-160.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О родовых «камнях» алтайцев // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае (матер. межд. науч.-практ. конф.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. – Вып. 12. – С. 133-136.

УДК 398

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕЛЕНГИТОВ О СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛЕ – ЭРЕ-ЧУЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ)

Яданова К.В.

В статье рассматривается представление теленгитов о священной земле – Эре-Чуй, приводятся фольклорные материалы, собранные автором во время экспедиции в Кош-Агачском районе Республики Алтай. К.В. Яданова приходит к выводу, что Эре-Чуй в представлении чуйских теленгитов предстает, как священная земля, сакральная территория, где не водятся нечистые, хтонические существа: змеи, лягушки, ящерицы и др. Эре-Чуй воспринимается у жителей Кош-Агачского района, как благодатная земля, «Родина-колыбель – кабай», «пуповина земли».

Ключевые слова: Горный Алтай, теленгиты, Эре-Чуй, Кош-Агачский район, Чуйская степь, предание, алтайский фольклор.

REPRESENTATION OF THE TELENGITS ABOUT THE SACRED LAND OF ERE-CHUI (ON THE MATERIALS OF THE EXPEDITION)

Yadanova K.V.

The article discusses the representation of the Telengits about the sacred land of Ere-Chui, contains folklore materials collected by the author during the expedition in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. K.V. Yadanova comes to the conclusion that Ere-Chuy in the representation of the Chui Telengits appears as a sacred land, a sacred territory, where unclean, htonic creatures are not found: snakes, frogs, lizards, etc. Ere-Chuy is perceived among the inhabitants of the Kosh-Agach region as a fertile land, "Motherland-cradle – kabay", "umbilical cord of the earth".

Key words: Mountain Altai, Telengits, Ere-Chui, Kosh-Agach district, Chui Steppe, legend, Altai folklore.

Теленгиты – этническая группа южных алтайцев, проживают в основном в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай. Теленгитский диалект относится к одному из южных диалектов алтайского языка и входит в киргизско-кыпчакскую группу восточнотюркской ветви тюркских языков [Баскаков, 1981, с. 20]. В 2017 г. нами производился сбор фольклорных и этнографических материалов в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Во время летне-осенней экспедиции наше внимание привлекло представление теленгитов о священной земле – *Эре-Чуй*.

Просторы священной земли – *Эре-Чуй* охватывают Чуйскую степь и, окружающие ее, священные горы – *ыйык*. Чуйская степь – алт. *Чуйдын чөли*, межгорная котловина, расположена на юго-востоке Республики Алтай, в Кош-Агачском районе на высоте около 1700-1900 м над уровнем моря в верхнем течении реки Чуя (алт. *Чуй*). Чуйская котловина ограничена горными хребтами: на севере – Курайским хребтом, на западе – Северо-Чуйским и Южно-Чуйским хребтами, на юге – хребтом Сайлюгем, на востоке – хребтом Чихачёва.

В Чуйской степи преобладают полупустыни, отличается суровым и сухим климатом, бедной растительностью, малоснежной (иногда бесснежной) зимой. Весной, летом и осенью наблюдаются пыльные бури, вихри – *түүүнөк* (*тунек*).

Жители Кош-Агачского района описывают местность *Эре-Чуй*: *Ачык јаланг Эре-Чуй ол на, бу јер учкуш ачык, андый бийик, јарык јер јок. Төмөн барсанг, агыш-таш, андый капчал, үсе ле андый бол билдирер туру.* – «Открытое поле, ведь это *Эре-Чуй*, как эта земля [*Эре-Чуй*], такой открытой, высокой, светлой земли нет. Если поедешь в нижние [места]¹, [всюду] леса (*агыш-таш* – алт. букв. «лес-камень»), ущелья, непроходимые места, всюду так кажется ведь»² [Мешкеева У., с. Теленгит-Сортогой].

Топоним *Эре-Чуй* образован от названия реки *Чуй* (Чуя), которая протекает по территории Кош-Агачского, Улаганского и Онгудайского районов Республики Алтай. Вдоль реки проходит федеральная трасса Р-256 «Чуйский тракт». Очевидно, гидроним *Чуй* имеет семантику «вода, река». Об этимологии *Чуй* см.: [Яданова 2017а, сс. 31-33; Яданова 2017б, сс. 483-490]. Существуют различные версии толкования значения топонима *Эре-Чуй*; по одной из версий: «Чуй с переливающимися [песками]» [Демчинова М.А., г. Горно-Алтайск]. Житель с. Курай, А.М. Эльдепов, приводит к лексеме *эре* синоним *элбек*, который имеет в алтайском языке значения: «широкий, просторный»: «*Эре* дегени ол бистинг сөскө [келиштире] осоо «кошту усун» ба, «элбек» не деп бодорым не мен оны. «Эне Чуй» болтуртан, ананг «Эре Чуй»... *Je, бу «Эре-Чуй» деп јер байлу ады болбой деп бодорым мен оны...* – «[Слово] *эре*, мне кажется, раньше на нашем языке означало: “очень длинный” или “широкий, просторный – *элбек*”. Называли *Эне Чуй* – “Мать Чуй”, потом *Эре-Чуй*... Ну, это название местности *Эре-Чуй*, я думаю, иносказательное, заветное название, наверное» [Эльдепов А.М., с. Курай].

Другой рассказчик считает, что *эре* – тувинское слово: «*эре* деп ол сойон не, тувин тил ол – «*Эре* – это [слово] *сойон*»³, из тувинского языка» [Таханов О.А., с. Чаган-Узун]. В тувинском языке лексема *эре-* / *эрээр* имеет значения «желать, хотеть; надеяться» [ТРС, 1968, сс. 617, 619]. Мы полагаем, что *эре* – заимствование из монгольского языка. В монгольском языке *хээр* – сущ. «открытое поле, степь»; *хээрийн* – прил. «полевой, степной» [БАМРС, 2002, с. 300; Кручкин, 2006, сс. 350, 497]. Очевидно, этимология семантики *эре* в топониме *Эре-Чуй* восходит к монгольской лексеме *хээр* и имеет значения: «1. открытое поле, степь; 2. степной».

¹ Нижние места – алт. *төмөн* / *төмонги јер*, жители Кош-Агачского района РА к нижним местам относят: Онгудайский, Чемальский, Шебалинский и др. районы Республики Алтай.

² Здесь и во всех случаях запись, расшифровка, перевод текстов с алтайского языка на русский язык произведен нами.

³ *Сойон* – алт. *сойонг*, алтайцы называют тувинцев – *сойонг* (*сойон*).

Местные жители приводят устойчивые формы к топониму *Эре-Чуй*: *алаканча Эре-Чуй* – «Эре-Чуй размером в ладонь», *кујурлу јер* – «земля, имеющая солончак – *кујур*», *јылан јүрбес јер* – «земля, где не водятся змеи», *узун курт өтпös јер* – «земля, куда не проходит змея – *узун курт*¹», *ару јер* – «чистая земля», *байлу јер* – «священная земля», *эрјинелү Эре-Чуй* – «сокровенный *Эре-Чуй*», *эне болгон Эре-Чуй* – «матерью являющаяся *Эре-Чуй*», *Эре-Чуй – кабай* – «колыбель – *Эре-Чуй*», *јердинг киндиги* – «пуповина земли», *јердинг эн бийиги* – «самая высокая (высокогорная) из земель» [Личный архив автора].

1. *Эрјинелү Эре-Чуй* – «сокровенный / священный *Эре-Чуй*»; *байлу јер* – «священная земля». По представлениям теленгитов, Чуйская земля – *Эре-Чуй* священная, благодатная земля, т.к.: *Бо[г]о јаткан улус тойу јүрер, качан да јоксырабас, тобрагын да јисе, аш болор, эм болор не, ташы да эм.* – «Люди, живущие здесь, всегда бывают в достатке (*тойу* – алт. букв. «сытые»), никогда не бедствуют, даже если попробуют землю, то станет она [им] пищей, будет лекарством же, даже камни [обладают] лекарственными средствами» [Эдешев А., с. Курай].

2. *Эре-Чуй – ару јер / ару алтай, јылан јүрбес јер / узун курт өтпös јер* – «*Эре-Чуй* – “чистая” земля» / “чистый” *алтай*; «земля, где не водятся змеи»; «земля, куда не проходит змея – *узун курт*». *Ару* – алт. букв. «чистый», зд. в знач. «святой, священный», *алтай* – зд. в знач. «земля». В традиционном представлении алтайцев *јылан* – змея / *узун курт* – «длинный червь», *бака* – «лягушка», *келескен* – «ящерица» и др. относятся к «нечистым», хтоническим существам. *Эре-Чуй – ару јер, курт-конгыс, андый јаман неме баспас, ару јер* – «*Эре-Чуй* – “чистая” земля, черви-насекомые, такие плохие существа [здесь] не водятся, чистая земля» [Белешева Ч., с. Мухор-Тархата].

3. *Эре-Чуй – кујурлу јер* – «*Эре-Чуй* – земля, имеющая солончак – *кујур*»; *кујурла бай јер* – «земля, богатая солончаком». *Тусту, кујурлу јерде јылан јүрбес* – «В засоленной, солончаковой земле змеи не обитают» [Эдешев А., с. Курай]. [*Чуйда*] *јылан јүрбес, јүрбей тураны ол не на, кујурлу, тусту, ол јылан јүр болбос тусту јерге.* – «В Чуйской [земле] змея не обитает, не обитает, потому что с солонцом, с солью, в засоленной земле змея не водится» [Таханов О.А., с. Чаган-Узун].

4. *Эре-Чуй – јердинг киндиги* – «*Эре-Чуй* – пуповина земли». Представление о центре, «пуповине» земли относится ко всей территории Республики Алтай, т.к. считается, что Горный Алтай расположен в центре Евразийского континента, примерно на равном удалении от четырех океанов. В 2006 г. в Республике Алтай на 429-ом км Чуйского тракта – Р-256 установлен обелиск – памятный знак «Алтай – сердце Евразии». Жители Кош-Агачского района объясняют, почему *Эре-Чуй* является «пуповиной земли»:

1) *Эре-Чуй* – «чистая», святая земля, где не водятся «не чистые» / плохие (*јаман*), хтонические (подземные) существа: змея, лягушка, ящерица и т.д.

Эре-Чуйга бака-јылан баспайтан, јаман неме келбейтен јер тийт, «јердинг киндиги» деер. – «На [земле] *Эре-Чуй* лягушка-змея не обитает, говорят, земля, куда плохое не приходит, называют *јердинг киндиги* – “пуповина земли”» [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

2) *Эре-Чуй* – благодатная земля, где люди спаслись от бедствий, невзгод, нищеты.

Эре-Чуй – јердинг киндиги, ненинг учун дезе аштаган-суусаган [киши] мында киши болгон... Аштаган-суусаган неме, ончосы келерде, бастыра бу Эре-Чуйдан тын алган... – «*Эре-Чуй* – пуповина земли, потому что голодный-изнуренный жаждой [чело-

¹ Узун курт – алт. букв. «длинный червь»; одно из иносказательных названий змеи.

век] здесь стал человеком [встал на ноги]... Все голодные-изнуренные жаждой [люди] придя, все сохранили свою жизнь в [земле] *Эре-Чуй*» [Тудуева З.У., с. Бельтир].

5. *Јердинг эн бийиги* – «самая высокая (высокогорная) из земель».

Јуу-чак байа јаман неме, кошту андый каа-јаа оору, је байа јаан кар да болбос, обцем, андый јаман неме келбес, јердинг эн бийиги дийт. Је ару, кошту ару дийт... Јылан јылып кирбес, бака-јылан кирбес, андый јаман неме јүрбес, је мында келескен де јок... Је соок, бийик јер не. – «[В земле *Эре-Чуй*] не бывает войны-бедствия, такого плохого [не свершается], страшных таких редких болезней, ну, даже больших снегов не бывает, в общем такое плохое не приходит, говорят, самая высокогорная из земель. Ну, святая (*ару* – алт. букв. «чистая»), очень «чистая» [земля], говорят. Змея ползая, не проберется, лягушка-змея не проползет, такое плохое [здесь] не водится, ну, здесь и ящерицы-то нет... Ну, холодная, высокогорная местность ведь [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

6. *Алаканча Эре-Чуй* – «*Эре-Чуй* размером в ладонь». По представлениям теленгитов, территория *Эре-Чуй* начинается с верховьев реки *Чуй* (Чуя) – *Чуй бажы* и простирается до местности Уйтту-Терек (*Ўйттү-Терек*) / до речки местности Уйтту-Терек. Речка названа по названию долины, по которой она протекает – *Ўйттү-Терек суу* / *Ўйттү-Теректин суузы* – «р. Уйтту-Терек» / «р. [местности] Уйтту-Терек». *Ўйттү-Терек* (Уйтту-Терек) – алт. букв. «Тополь с отверстием», речка находится к северо-западу от села Ортолык Кош-Агачского района в отдалении примерно 7 км, правый приток р. Чуя (алт. *Чуй*); на картах и атласах обозначена как «р. Тыттуярык» (алт. *тытту јарык* (тытту дьярык) – букв. «трещина, теснина, ущелье с лиственницами» [Молчанова, 1979, с. 321]) [Илл. атлас, 2006, с. 177; Подроб. спут. карта]. Речка Уйтту-Терек (*Ўйттү-Терек*) в дорожном знаке, находящемся на федеральной автомобильной дороге «Чуйский тракт» – Р-256 (~ 93 км от границы с Монголией), неправильно указана как: «р. Туярык».

7. Предание о состязании змеи – *јылан* и антилопы дзерен (алт. *дыеерен* (*јеерен*)); установление границы земли *Эре-Чуй*. Среди жителей Кош-Агачского района бытует предание о состязании змеи и антилопы дзерен: раньше на земле *Эре-Чуй* состязались антилопа дзерен (алт. *дыеерен* (*јеерен*)) и змея: кто в какой земле будет обитать; под конец решили: антилопа дзерен будет обитать в голой, безлесной степи *Эре-Чуй*, а змея – в лесистой местности с черноземной почвой и установили границу, через которую не будут переходить: речка местности Уйтту-Терек / местность Уйтту-Терек; издавна считается, что если змея переползет через речку Уйтту-Терек / через долину Уйтту-Терек и окажется на «чистой» земле *Эре-Чуй*, то последуют бедствия – *чак* (война, стихийные бедствия и т.д.).

В 2017 г. в Кош-Агачском аймаке Республики Алтай нами записано более 5 текстов предания. Приводим один из вариантов текста:

«Јылан бистинг Чуйдон өтпös јанду неме»

Јылан бистинг Чуйдон өтпös јанду неме теген. Бу јанында Ўйттү-Терек деп туран јерди..., јылан ла јеерен экүси мааргышала, айла бой-бойыла јөптөшлө, Ўйттү-Теректи бери јеерен кечпес, јылан Ўйттү-Теректи өрө өтпös деп сөсин беринген неме деп угун јүрем. Јылан бистинг Чаган јеринде бар... Јеерен деп анды бу ла мен бала тушумда [көргөм]... (Је оны сенинг абаларын, адан да көргөн лө болбой?) Ортолыктын чөлинде толтыра болгон не ол.

«Змея – дьылан (јылан) не должна проходить в нашу [местность] Чуй»

«Говорили, что змея – дьылан (*јылан*) не должна проходить в нашу [местность] *Чуй*. О местности Уйтту-Терек, которая [находится] на этой стороне [рассказывали]..., змея – дьылан и антилопа дзерен вдвоем посостязавшись, решили между собой: на эту сторону [местности] Уйтту-Терек не будет проходить антилопа дзерен, змея же дала

слово, что не будет переползать в ту сторону [местности] Уйтту-Терек, так об этом я слышал. Змея – *дьылан* в нашей земле Чаган¹ есть... Животное – антилопу дзерен я [видел] в детстве... (Ну ее твои старшие родственники – *аба* и отец твой тоже видели, наверное?). В степной местности [села] Ортолык их было очень много ведь» [Адыкинов А.И., с. Чаган-Узун].

Антилопа дзерен, занесенная в Красную книгу, исчезла в Чуйской степи еще в 80-х годах XX в. Судя по преданию, название долины и речки – Уйтту-Терек (*Үйттү-Терек*), существует в Кош-Агачском районе уже давно.

8. У местных жителей известно поверье: *Јылан Эре-Чуйга өтсө, чак болор* – «Если змея появится в *Эре-Чуй*, то последуют бедствия»;

Үйттү-Теректи јылан өтсө, јуу болор неме деди не – «Если змея перейдет через [местность] Уйтту-Терек, то, говорили, будет война» [Отукова К.И., с. Ортолык].

Эйе, «Үйттү-Теректин сасында јылан јадала, анда өлкалтыр, бу јуу-чак баишталар ла» – деп јаан улустар ай ла көрүмдеп турганча, јуу баишалып, албаты тјүгенип... – «Да, “змея лежа на болоте Уйту-Терека, там, оказывается, умерла, война-бедствие [теперь] начнется” – когда так пожилые люди предсказывали, началась война (Великая Отечественная война), народ истребился...» [Турлунова М.А., с. Ортолык].

Поэтому теленгиты Чуйской степи придерживаются запрета – *бай*: при виде мертвой змеи, принесенной детьми из лесистой местности, просят вернуть ее обратно.

А балдар јылан өтүралала Чаганнан, јылан көрбөөн улуска јылан көргүс келгенде, тургуса ла айт јат: «Мыны кайдан алдын, кайда өтүрдүң, ол ло јерине апар сал!» – *деп кемиси ле болсо, айдып, ол јерине бошотыр јат. Өтүреле, экелен немеси болсо до таиштат јат, андый болгон.* – «Когда дети, убив змею в [местности] Чаган, приносили, чтобы показать людям, не видевшим змею, то [они] сразу же говорили: «Это откуда взял, где убил, туда и верни!» – так говоря, любой [из взрослых] просил вернуть [змею обратно] на свою землю. Если приносили [змею], убив, то просили выбросить, так было» [Тудуева З.У., с. Бельтир].

9. Когда привозят змею в *Эре-Чуй*, змея сразу же умирает.

Бого бака-јылан баспайтан, бого бир артисттар јылан экелерде, өлкалан деди не. – «Здесь лягушка-змея не водится, когда артисты привезли сюда змею, говорили, умерла» [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

Ол чын неме бе? Меке неме бе? Бир јыланду канцерт көргүстирип [цирк] келерде, јылан өлкалан деп неме айдышар. Ол та чын неме айттуран, та меке неме айттуран? Андый неме угала, мен кайкап, сананкалам турум мен оны: «Чын болбой адасын, өтпөси чын эмтир» – *деп аный санан јүртем.* – «Это правда или ложь? Когда с змеей прибыл [цирк], чтобы показать концерт, рассказывали, что змея их умерла. Это правду говорят или ложь? Такое услышав, я удивилась, тогда я подумала: «Правда, наверное, что [змея] не проходит [в *Эре-Чуй*] – это правда, оказывается» – так думала» [Таханова М., с. Чаган-Узун].

Бу агышта иштеп туран уулдарла, агышла кошо јылан келген тийт [Эре-Чуйга], сразу келген ле мончо өлөрөн тийт. Јылан келсе, Кудай, улус ал-сагышка тјүшкен: «Эре-Чуйга јылан кирбес, јаманга» – *деп улус кошту коркот не.* – «Парни, которые работают на лесорубе, вместе с дровами, говорят, привезли змею [в *Эре-Чуй*], как только приехали, говорят, [змея] сразу же умерла. Когда змея оказалась [на земле *Эре-Чуй*], *Кудай*², люди загоревали: «В *Эре-Чуй* змея не проползает, если проползет, то к плохому» – так люди сильно боятся ведь [Урелова Т.Ч., с. Мухор-Тархата].

¹ Чаган – с. Чаган-Узун (алт. Чаган-Оозы) Кош-Агачского р-на Республики Алтай.

² Кудай – алт. «господь, Бог»; зд. в знач. «О, Боже!», «О, Господи!».

Турлунова М.А., с. Ортолык *Осоо жылан деп неме Чуйга кирбес тийт, тӧӧ деп неме Улаган ашпас деп осоогы улус ай айдатан*. – «Раньше, говорили, что змея не поползет в землю *Чуй*, верблюды не пройдет в землю Улагана¹, так люди говорили» [Шонхорова М.М., с. Кош-Агач]. В Горном Алтае только в Кош-Агачском *аймаке* разводят, таких высокогорных животных, как яков – *сарлык* и верблюдов – *тӧӧ*, в горно-лесистой зоне Улаганского района обитают змеи. Возможно, в Улаганском районе бытует предание, объясняющее почему в Улаганской земле нет верблюдов, а в Кош-Агачском районе не обитают змеи.

Таким образом, *Эре-Чуй* в представлении чуйских теленгитов предстает, как священная земля, сакральная территория, где не водятся нечистые, хтонические существа: змеи, лягушки, ящерицы и др. Существует поверье, по-видимому, сложившееся уже давно, что с появлением змеи – *дыллан* в Чуйской степи – *Эре-Чуй* последуют несчастья, войны-бедствия. Несмотря на скудную растительность, *Эре-Чуй* воспринимается у жителей Кош-Агачского района, как благодатная земля, «Родина-колыбель – *кабай*», «пуповина земли».

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М., 1981. – 135 с.
2. БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. – Т.4. – М., 2002. – 501 с.
3. **Илл. атлас – Иллюстрированный атлас «Республика Алтай» / Отв. ред. И. В. Данилевич. – Новосибирск, 2006. – 368 с.**
4. Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь = Орос-монгол – монгол-орос орчин үеийн хэлний дэлгэрэнгүй бичиг. – М., 2006. – 921 с.
5. Личный архив автора
6. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – 399 с.
7. Подроб. спут. карта – Подробная спутниковая карта Кош-Агачского района с населенными пунктами // URL: http://zoomkarta.ru/altay/index.php?url=view_addr_list&lvl=regions&id=1
8. ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968. – 646 с.
9. Яданова 2017а – Яданова К.В. Этимология гидронима *Чуй* // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей IX Международной научно-практической конференции в 4 ч. Ч. 4. – Пенза, 2017. – С. 31-33.
10. Яданова 2017б – Яданова К.В. О происхождении гидронима *Чуй* // Актуальные проблемы татарской филологии: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. 15 декабря 2017 г. / Отв. ред. И.Ф.Зарипова. – Уфа, 2017. – С. 483-490.

Перечень рассказчиков по нашим записям в Кош-Агачском районе РА

1. Адыкинов А.Д., 1952 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.
2. Белешева Ч., 1936 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.
3. Демчинова М.А., 1957 г.р., родилась, жила в с. Бельтир, с 1981 г. живет в г. Горно-Алтайск. Запись 5 марта, 2010 г., г. Горно-Алтайск.
4. Мешкеева У., 1938 г.р., с. Теленгит-Сортогой, запись 5 сентября 2017 г., повторн. запись 9 октября 2017 г.

¹ Улаган – Улаганский район Республики Алтай.

5. Отукова К.И., 1936 г.р., с. Ортолык, запись 10 августа 2017 г.
6. Таханов О.А., 1946 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.
7. Таханова М., 1950 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.
8. Тудуева З.У., 1921 г.р., с. Бельтир, запись 4 августа 2017 г.
9. Турлунова М.А., 1932 г.р., с. Ортолык, запись 10 августа 2017 г.
10. Урелова М.Л., 1940 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.
11. Урелова Т.Ч., 1963 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.
12. Шонхорова М.М., 1927 г.р., с. Кош-Агач, запись 30 августа 2017 г.
13. Эдешев А.В., 1954 г.р., с. Курай, запись 1 сентября 2017 г.
14. Эльдепов А.М., 1959 г.р., с. Курай, запись 1 сентября 2017 г.

УДК 821.0:398

«ИСЧЕЗНУВШИЕ» СТОЙБИЩА: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ГОРНОГО АЛТАЯ¹

Ямаева Е.Е.

В результате Гражданской войны, коллективизации и раскулачивания «исчезли» сотни алтайских стойбищ. Аилы были перенесены в колхозы, созданы новые поселения. Культурный ландшафт первой трети XX в. можно охарактеризовать как целенаправленное изменение ландшафта, в результате которого его структурное преобразование.

Ключевые слова. *Культурный ландшафт, стойбище, структурные преобразования*

'DISAPPEARED' CAMPS: TO THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY AND CULTURAL LANDSCAPES OF GORNY ALTAI

Yamaeva E.E.

As a result of the Civil War, collectivization and dekulakization, hundreds of Altai camps disappeared. Ailas were transferred to collective farms, new settlements were created. The cultural landscape of the first third of the XX century. can be characterized as a purposeful change in the landscape, as a result of which its structural transformation.

Keywords. *Cultural landscape, pastoral camps, structural changes*

В течение последнего тысячелетия горная страна Алтай претерпела множество войн, миграций, бедствий и перемен. Каждый раз, после очередного нашествия и разорения, менялась карта расположения племен. Некоторые племена исчезли с карты земли, некоторые переселились в другие края. После разорительной войны 1755-1756 г., вступив в подданство России, алтайские племена более чем полтора века находились в спокойствии и мире.

Раскиданные по разным углам Алтая, то там, то здесь, в горных долинах, по берегам рек стояли алтайские стойбища *юрты*. Согласно данным переписи 1897 г. в

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по проекту «Культурные ландшафты Горного Алтая XX в.: «исчезающие» памятники и «исчезнувшие» стойбища» 17-11-04602 «е(р)

Горном Алтае было учтено 86 айлов и 377 стойбищ (урочищ) [История, 2010, с.97]. Поскольку термин *юрт* обозначает большее количество домов, чем индивидуальное жилище *айл*, то мы посчитали применимым термин *юрт* в отношении стойбища или урочища, являвшегося местожительством нескольких родственных семей, к ним могли присоединиться одинокие семьи. Представители племени могли занять для жительства даже целую долину. Так, нам неоднократно приходилось слышать, что в долине Каракола до революции 1917 г. жили преимущественно майманы. Представители 6-го тёлёсского оттока занимали правобережье реки Кайрылык. Тодоши и кыпчаки жили по долинам рек Ябоган и Теньга.

Таким образом, встречающиеся на пути путешественников небольшие юрты, расположенные в долинах, наполненных многочисленным скотом, представляли культурный ландшафт Алтая.

В современной науке понятие «культурный ландшафт» настолько обширно, что даже в гуманитарном аспекте этого термина, необходимо делать оговорки и уточнения. В таких территориях как Хакассия и Алтай, ландшафт, предельно насыщенный историческими памятниками и природными достопримечательностями, весьма почитаемыми местным населением, безусловно, воспринимается в ассоциативной связи с культурным ландшафтом. Поэтому, нет странности в том, что исследователи данного региона приравнивают понятие «культурный ландшафт» с понятием культурное наследие».

В нашем исследовании берется хронологический срез первой трети XX в., когда стала меняться картина поселений Горного Алтая. Перемены революционного характера – Гражданская война и коллективизация, – навсегда изменили облик горной страны.

В годы Гражданской войны, покидая обжитые юрты, люди целыми семьями бежали в безопасные места. Война не щадила ни женщин, ни детей. В перекрестии красного и белого террора исчезали целые села. Большой отзвук в местной прессе получило освещение так называемой Кёрзюнской трагедии *Кёрзюннинг тубеги*. О гибели ни в чем неповинных людей и исчезновении целого села Кёрзюн по воспоминаниям бабушек и дедушек – очевидцев той трагедии, – написали в газету «Алтайдын Чолмоны» корреспонденты А.Сельбиков и А.Тодошев [Сельбиков, Тодошев, 1997]. Десятки алтайских семей бежали из Уст-Коксинского района, где происходило интенсивное перемещение войск красной и белой армии [Ямаева, 2012]. Массовый характер приняло бегство гражданского населения в Западную Монголию [Ямаева, 2012]. Ярким примером явления беженства может стать отъезд Г.И.Чорос-Гуркина в Туву. Отцы и кормильцы семейств, участвовавшие в белом движении, при победоносном шествии Красной Армии месяцами или годами скрывались в горах или в чужих краях.

В годы Гражданской войны многие алтайцы укрывались в лесах, тайге, недоступных местах. По воспоминаниям Алтайчинова Б. особенно тяжелыми были годы, когда по Чемальской дороге «сносили туда-сюда» отряды ЧОН [Алтайчинов, 2003]. В неразбериху Гражданской войны оказались втянутыми, как оказалось, многие известные впоследствии алтайцы. Так, например, по воспоминаниям П.В. Кучияк он сначала был в белогвардейском отряде, затем скрывался в лесах. «Куйумская сельская управа отправила меня обозником в отступающем белогвардейском отряде. Когда направились в Монголию, то с полдороги ехал в составе отряда рядовым, с ружьем. В апреле 1920 г. в Кош-Агаче попал в плен Красной Армии». После возвращения домой П. Кучияк вместе с родственниками был «в лесах». «Полгода жили в горных лесах, мы взяли с собой скот, а наши жены остались дома. В первые дни было несколько стычек с красными партизанами и красноармейцами: мы стреляли и в нас стреляли, были раненые и четы-

ре или пять убитых. Наступила зима – два месяца мы бездействовали, скрываясь в горной долине. Затем пришла весна, красные наступали, с продовольствием было плохо, внизу, в долине, мы видели наши необработанные поля, отряд начал понемногу распадаться» [Киндикова, 1998; Каташ, 1997].

Заброшенные айлы и стойбища стали приметам Гражданской войны. После окончания войны многие из хозяев не вернулись в родные стойбища. Особенно данные факты относятся к материалам по Гражданской войне в Усть-Коксинском районе. По воспоминаниям И.В. Шодоева, который в это время был подростком, дети нередко играли в «войнушку» в заброшенных айлах и домах. Когда наступило мирное время, дети, изготовив из дерева ружье и саблю, делились на красных и белых. Пустующие айлы и избы назывались «крепостями» *шибее* и становились «военными объектами» [Шодоев, 1995, с.47].

Находившиеся в «бегах» вернулись домой, мигранты освоились в новых местах, жизнь начала налаживаться. Стали восстанавливать хозяйство, строить дома. В первой трети XX в. повсеместно начали строить избы на русский манер. Профессия плотника и строителя становится у алтайцев очень привлекательной. Во многих мемуарных изданиях описывается строительство изб и даже колодцев. В автобиографии известного писателя Алтая П. В. Кучияка имеется сведение о том, что он занимался строительством. В мемуарах Модорова Кюреш алтайское подворье начала XX в. описывается следующим образом. «Дед Модоров Теке (1880-1953), жена – Креске. Родился в с. Тьодралу Кан-Оозы. В 1900 г. переселился в местность Ийнеген (Ийне-Учук), что находится возле Канских озер. Построили двор, забор для содержания скота. Выращивали лошадей, коров, овец. Зимник находился в местности Каннинг Кара-Суу (сегодня здесь расположено село Кара-Суу). Здесь был построен большой дом, включающий две комнаты. Были земельные участки под картошку и зерновые. Был вскопан колодец. Была пасека. Держали гусей и куриц. В 1928-1930 годах когда создавались коммуны дед переехал в местность Кёзюрей. В 1930 г. вступил в колхоз, созданный в Кёзюле. В Кёзюле продолжали заниматься скотоводством, пас колхозных овец. Зимник находился в местности, в долине Суулу-Тьарык. Воду брали с речки Кёзюрей. С восточной стороны находилась гора Мёштю-Таш, на западной – Белтир-туу. Летник находился в местности Балтырган. В 15 верстах от села. Водопоем служила река Кёзюл. На восточной стороне находилась гора Белтир-туу, на западной – Тьяан-туу. Кругом располагались такие места как Кёзюл-Бажы, Эзирлю, Куйлу» [Модоров, 2004].

Сохранилось описание дома Салдырга Болтошева, одного из состоятельных людей Усть-Кана. «Дом (Салдырга) был большой. Говорят, первую школу Экинура привезли из Чакрыра в 1929-1930 гг. Его ещё называли «красной школой». В последние годы он служил интернатом. ...На внешность немного напоминает мастерскую Г.И.Чорос-Гуркина. Кто рубил, кто готовил срубы – неизвестно. Но, очевидно, очень хорошие плотники были. Возможно, даже из мастеров степного Алтая. Но такие мастера имелись и среди алтайцев Усть-Кана. Например, в семье Шодоевых. Дома в Усть-Кане, дом Аргымай и Мандьи в Онгудае, говорят, построены ими (Шодоевыми – Я.Е.). В 70-ых годах прошлого века, во время строительства новой школы, эту «красную школу» разобрали, перенесли на другое место (возле пилорамы сегодня) и поставили его на новый фундамент. И сегодня это самое крепкое здание. Долго ещё простоит» [Каинчин, 2002, с.72].

В годы коллективизации многие айлы были перенесены в колхозы. Исчезли навсегда прежние стойбища. Люди по-разному относились к новой жизни. Появились новые села. С началом раскулачивания начали пустеть крепкие дома, чьи хозяева были сосланы в ссылки. Некоторые раскулаченные после возвращения из ссылки не верну-

лись в родные дома. Многие предпочли остаться жить там, где не было людей, по чьим показаниям их посадили в тюрьмы и отправили в ссылку.

Культурный ландшафт первой трети XX в. можно охарактеризовать как целенаправленное изменение ландшафта, в результате которого его структурное преобразование.

Список литературы

- Алтайчинов Б. Ёткён тьол //Алтайдынг Чолмоны, чагаан 11, 2003 - № 7
Алтайчинов Б. Юргюльтыге артып калар //Алтайдынг Чолмоны, чагаан 16, 2003, - № 9
История Республики Алтай. Отв. ред. Н.В. Екеев.- Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. – Т.II.- 472 с.
Каинчин Дьибаш. Тьяан тьурт ээн калбас (Большая семья). – Горно-Алтайск, 2002. – 119с.
Каташ С. Алтайдынг тьянгарчызы //Алтайдынг Чолмоны, кочкор.4. 1997. № 18.
Киндикова Н.М. П. Кучияктынгсалымытьянгыртакычырышла //Как слово наше отзовется. Горно-Алтайск, 1998.- С.32-41.
Модоров Кюреш. Билебис керегинде //Алтайдынг Чолмоны, юльюрген, 26. 2004.- № 184
Славный род Чунжековых из рода мундус /Сост. Э.А.Белекова, Н.С. Махалина. – Горно-Алтайск, ОАО «Горно-Алтайская типография», 2015 – С.9]
Шодоев И.В. Ёткён јолымнанг. Автобиографиялык эске алыныштар. (На алтайском языке. Прошедшей дорогой. Воспоминания) – Горно-Алтайск: Республиканынг «Юч-Сюмер» бичик чыгартузы, 1995.- 168 с.
Ямаева Е.Е. Тёёлёстёрдинг угы-тёзи. – Горно-Алтайск, 2012 – 69 с.

УДК 392.3

РОДОВЫЕ СЪЕЗДЫ ТУВИНЦЕВ СОВРЕМЕННОСТИ

Ламажаа Ч.К.

Описываются родовые съезды тувинцев, которые распространились в последние годы в Туве и рассматриваются как проявления неотрадиционализма.

Ключевые слова: тувинцы; род; родовой съезд; Тува; неотрадиционализм

CONTEMPORARY TRIBAL GATHERINGS OF TUVANS

Lamazhaa Ch.K.

Article describes the tribal gatherings in Tuva, that have spread in the region in recent years and are regarded as ostentation of neotraditionalism.

Keywords: Tuvans; tribe; tribal gathering; Tuva; neotraditionalism

Трансформационные процессы в современной России привели к значительным сдвигам в процессах самоидентификации людей, а также к изменению факторов для этой самоидентификации. Среди видов идентичностей возросло значение этнической и среди факторов этого роста, нового витка этничности исследователи стали называть этнокультурный неотрадиционализм. Как по проблематике идентичности в целом, так и по вопросам сути современного неотрадиционализма за последние два десятка лет

работ вышло немало [Николаева, 2004; Мадюкова, 2008; Мадюкова, Попков, 2010; Анжиганова, 2012; Попков, Тюгашев, 2013; Лапшин, 2014 и др.]. Тем не менее, ряд процессов продолжает развиваться и требует к себе пристального исследовательского внимания: выезды, наблюдения, описания, анализа, систематизации.

Неотрадиционализм трактуется нами как идеология и социальная практика, направленные на возрождение традиций: и для адаптации общества в современных условиях, и для его эффективного развития без отказа от собственной идентичности [Ламажаа, 2010]. Главная идея неотрадиционалистов связывается с традициями, которые должны как помогать людям чувствовать социокультурную общность между собой, так и поддерживать связь с прошлыми поколениями. И именно в крепости этой связующей нити прошлого и настоящего видится залог будущего гармоничного развития общества. Поскольку стратегическая цель неотрадиционализма в формировании и поддержании устойчивой социокультурной общности, то очевидно, что эти идеология и практика выступают значимым фактором самоидентификации.

В Республике Тыва (Туве) одним из ярких проявлений неотрадиционализма выступают родовые съезды или собрания представителей одного рода, ставшие очень популярными с 2000-х годов в регионе и охвативших большую часть населения, учитывая тот факт, что удельный вес титульного этноса — тувинцев — стала постепенно повышаться и на сегодня составляет 81% населения республики.

Чтобы понять суть этого феномена, необходимо обратиться к истории традиции — родоплеменному делению тувинцев (сходному с делением других тюркоязычных, монголоязычных народов Центральной Азии).

Как было установлено этнографической наукой, в XVII и XVIII вв. на территории нынешней Тувы и прилегающих к ней районов жили предки основных родоплеменных групп современных тувинцев, хотя расселение их было несколько иным. Это были маады, чооду саян (соин или сойон), ондар, ооржак, кужугет, салчак, хертек, уйгур, иргит, телес (или теленгит), тодут, монгуш, тюлюш, кыргыз, хомушку, саая, оюн и др. [История Тувы, 2001, с. 190-191]. Кочевья тувинских племен охватывали огромные территории и непосредственно в хозяйственной деятельности существенное значение имели так называемые аальные общины — семейно-родственные группы, включавшие обычно от трех до пяти-шести семей (семья отца и семьи его выделившихся женатых сыновей с детьми), которые кочевали совместно, образуя устойчивые группы аалов, причем в летнее время они объединялись в более крупные соседские общины. У тувинцев были развиты семейные обряды, праздники, в которых участвовали как члены одной семьи с ближайшими родственниками, так и большие семейные группы [Кужугет, 2006]. Тем самым, родоплеменные общности были основной единицей социальной структуры тувинского этноса и основой для социальной идентификации тувинцев.

Термины родства тувинцев достаточно исследованы в этнографии тувинцев и литература достаточно большая, начиная с заметок первых исследователей рубежа XIX–XX веков. Например, Е. К. Яковлев в 1900 г. писал: «Сойоты (тувинцы. — Ч.Л.) различают, поскольку пришлось установить, три степени родства: *төрэль* [төрел] *хан төрэль* и *сёок* [сөөк] *төрэль*.

Төрэль — все роды, сумо и хошуны сойот, затем роды других племен, считаемые, по преданиям, родственными сойотам; ... *сёок төрэль* — родство по роду, по кости, как бы отдаленно оно ни было. Наконец, *хан төрэль* — кровное родство, считается исчезающим в 5-м колене» [Яковлев, 2007, с. 237-238].

За XX век этнографическая наука значительно продвинулась в изучении родоплеменных групп тувинцев, а также терминологии родства тувинцев [см.: Кара-оол, 2003]. В конце XX века, как мы уже упомянули, тема актуализировалась. Для тувинцев стала важной этническая, а также родоплеменная самоидентификация, для чего и про-

водятся съезды родов или родоплеменных групп — тув. *төрел-аймак бөлүктөр*. И не только съезды, но и исследовательские работы по восстановлению родословных, утраченных в советское время.

Автор и члены ее семьи сама побывали на двух таких родовых съездах, последний из которых состоялся в 2017 г. в южном районе Тувы — Тес-Хемском районе. Сама родоплеменная группа идентифицирует себя по именам двух известных мужчин — Данзырын-Мумбалдай из аймака *чооду*. Родовое стойбище группы располагалось традиционно в местности У-Шынаа, на горе Дагылга — территории, где находятся зимние стойбища семей рода. Восстановление древнего ритуала освящения родового стойбища было начато в 2016 году (позже, чем у других родоплеменных групп тувинцев). Тогда собралось 15 человек. Через год, в 2017 году 29 июня ритуал собрал уже 48 членов рода, которые говорили и о воссоединении рода, восстановлении родословной, учете членов семейств по поколениям. Собранная информация позволила учесть по первому поколению 7 основных семей, от которых произошли 26 человек второго поколения. Третье поколение насчитывает 68 человек, четвертое — около 80 человек и число это естественным образом увеличивается.

Ведет ритуал семейный шаман, владеющий методикой вызова духов предков. Разжигается костер, на котором сжигаются ритуальная еда и вещи, что, по убеждениям собравшихся, позволяет призывать и «кормить» духов. На высокой точке холма вывешивается флаг рода, на который предварительно записываются фамилии всех семейств. Каждый год должны учитываться новые члены рода — зятья, невестки, рожденные в прошлом году дети. Особое внимание на съезде уделяется представителям старшего поколения — старшим в роду, присутствие которых делает этот сбор по настоящему праздником единения семей, часто не знающих друг друга...

Надо сказать, что родоплеменная группа *чооду* проживала не только в Тес-Хемском районе (бывшем Оюннарском хошуне), где они, по воспоминаниям местных жителей, составляли особый сумон. Чооду проживали и в Тодже, а также в приграничном районе Туве — Эрзине, где их называли южными чооду (нарынской группой).

Съезды родов обычно собираются при помощи энтузиастов — представителей родов, чаще всего из среды образованной интеллигенции, движимой стремлением как восстановить историю своей семьи, так и укрепить родственные связи между семьями, ныне часто проживающими в разных местах не только республики, но и за ее пределами. Инициатива включает в себя не только разовые или регулярные сборы, но и постоянную работу по сбору информации, фиксации воспоминаний старшего поколения, популяризации смысла ритуалов, сакрального значения обрядов, особенно для молодых поколений. Особое значение также имеет учет известных представителей рода — людей, достигших определенных профессиональных высот, ставших известными. Сохранение памяти о них, передача знаний становится не просто делом важным только для локальной группы тувинцев, но и имеет значение для всех тувинцев. Как пишут, например, авторы книги К.Б. Ондар и доктор культурологии В.Ю. Сузукей «Знаменитые борцы Сут-Холя: Шойдан Ондар и Дарыжык Донгак», вышедшей в 2017 г. в Кызыле [Ондар, Сузукей, 2017]: «Каждый человек должен любить свою родину и хорошо знать ее историю. Поэтому очень важно передавать последующим поколениям эти знания. То, чем занимались наши предки, их жизнь, и то, что они оставили хорошего для своих потомков, должны продолжать их дети и дети их детей. Последующие поколения также должны оберегать свою родину, продолжать жить на ней и передавать своим детям знания о своей родословной. Это и есть связь поколений. ... К сожалению, у нынешнего подрастающего поколения нашего рода уже начинает теряться понимание того, что эти легендарные люди относятся к непосредственной или “корневой” ветке наших прямых предков. Поэтому мы взялись на написание этой книги ...» [там же, с. 3-4].

Подобная же книга пишется сейчас у упомянутой группы Данзырын-Мумбалдай из аймака *чооду*.

Съезды родов тувинцев, которые направлены на укрепление родственных связей, тувинского концепта *төрел*, на наш взгляд, представляют собой особый этномобилизующий фактор. С одной стороны, в этом можно усмотреть и усиление этнодифференцирующих аспектов идентичностей, локализацию в противовес политике этномобилизации в республиканском масштабе и нациестроительства — в российском. Однако, мы видим в этом процессе гораздо больше конструктивного — укрепление родоплеменной идентичности тувинцев, дающее основание для укрепления общеэтнической идентичности.

Список литературы

Анжиганова Л.В. Этнический неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6. – С. 438–440.

История Тувы : в 2 т. / под ред. С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке : дис. ... канд. филол. н. – Кызыл, 2003. – 199 с.

Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 320 с.

Ламажсаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 88–93.

Латишин В.А. Неотрадиционализм в центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 102–108.

Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов южной Сибири) : дис. ... канд. филос. н. Новосибирск, 2008. – 192 с.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/522> (дата обращения: 12.02.2018).

Николаева Е.В. Неотрадиционализм в культуре повседневности (российская версия конца XX века) : дисс. ... канд. культурологии. М., 2004. – 170 с.

Ондар К.Б., Сузукей В.Ю. Знаменитые борцы Сут-Холя: Шойдан Ондар и Дарыжык Донгак. Кызыл : б/и, 2017. – 184 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Глобализация и социокультурный неотрадиционализм // Вопросы культурологии. – 2013. – № 11. – С. 36–41.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер : антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С.К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 5. 736 с. С.202-253.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдуганиев Назиржон Насибжонович, аспирант отдела этнографии и этнологии. *Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия.* nazir1970@yandex.ru.

Abduganiev Nazirjon Nasibullovich, post-graduate student of Ethnography and Ethnology Department. *Research Institute of the Humanities, Saransk, Republic of Mordovia, Russia.*

Авагян И.Э., Ширакский центр арменоведческих исследований, НАН РА Ширакский центр армяноведческих исследований, *Историко-культурный музей заповедник «Кумайри». г. Гюмри, Армения.*

Avagyan I.E., Shirak's Center for Armenian Studies, NAS RA, *Historical and cultural museum-reserve «Kumayri», Republic of Armenia, Gyumri.*

Арбачакова Л.Н., старший научный сотрудник сектора фольклора народов. Сибири, кандидат филологических наук. *Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.* anzass@mail.ru.

Lyubov'. N. Arbachakova, Sector of Folklore of Peoples of Siberia, senior researcher, Candidate of Science. *Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.* E-mail: anzass@mail.ru.

Бакиева Гульсифа Такиюлловна, старший научный сотрудник сектора этнологии, кандидат исторических наук. *Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тобольск, Россия.* gulsifa-bakieva@yandex.ru.

Gulsifa T. Bakieva, senior researcher, Ethnology sector, candidate of historical Sciences. *Institute of problems of development of the North of Tyumen scientific center SB RAS, Tobolsk, Russia.* gulsifa-bakieva@yandex.ru.

Будаева Светлана Владимировна, директор. *Карасукский краеведческий музей Новосибирской области, г. Карасук, Россия.* museumkarasuk@mail.ru.

Svetlana V. Budaeva, Director. *Karasuk Museum of Local Lore, Novosibirsk Region, Karasuk, Russia.* museumkarasuk@mail.ru.

Василенко Алексей Иванович, аспирант кафедры истории России. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* alexeyvasilenko1978@mail.ru.

Vasilenko Alexey Ivanovich, graduate student of the *History of Russia Department. Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* alexeyvasilenko1978@mail.ru

Васильева Наталия Анатольевна, художник-реставратор II категории Лаборатории научной реставрации предметов из органических материалов. *Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия.*

Natalia Vasilieva, restorer of the Laboratories of scientific restoration of objects made of organic materials. *The State Hermitage, St. Petersburg, Russia.*

Глотов Владимир Михайлович, студент. *Алтайский Государственный Педагогический Университет, г. Барнаул, Россия.* vovinatorg@mail.ru.

Glotov Vladimir Mikhailovich, student. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* vovinatorg@mail.ru.

Головченко Николай Николаевич, ассистент кафедры Отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул.* nikolai.golowchenko@yandex.ru.

Golovchenko Nikolay Nik., assistant Professor of the Department of National History. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* nikolai.golowchenko@yandex.ru.

Горбунов Вадим Владимирович, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, доцент, доктор исторических наук. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* gorbunov@hist.asu.ru.

Gorbunov Vadim Vladimirovich, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Associate Professor, Doctor of Historical Sciences (ScD). *Altai State University, Barnaul, Russia.* gorbunov@hist.asu.ru

Деева Алина Евгеньевна, магистрант кафедры истории и археологии *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* alina.1992deeva@gmail.com.

Deeva Alina Evgenievna, Master of History and Archeology Department. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* alina.1992deeva@gmail.com.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* mademin52@mail.ru.

Demin Mikhail Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* mademin52@mail.ru.

Дыбчак Анджей, хранитель коллекций. *Этнографический музей имени Северина Удзеди, г. Краков, Польша.*

Andrzej Dybczak, keeper of collections. *Ethnographic Museum named Seweryn Udziela, Krakow, Poland.* dybczak@etnomuzeum.eu.

Дьяков Никита Романович, студент, *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* ndplrf@gmail.com.

Nikita R Dyakov, student, *Altay State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* ndplrf@gmail.com.

Енчинов Эркин Валериевич, старший научный сотрудник группы этнографии, канд. ист. наук, *БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск, Россия,* Enchinov_e@mail.ru.

Erkin V. Enchinov, senior researcher of Ethnography group, candidate of historical sciences (PhD). *BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of Altaic»; Gorno-Altai, Russia,* Enchinov_e@mail.ru.

Загородникова Дарья Петровна, ведущий инженер, *Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук; Магистр, ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия.* Darja2007@mail.ru.

Daria P. Zagorodnikova, Lead engineer of *Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Undergraduate student, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.* Darja2007@mail.ru.

Ильина Анна Александровна, научный сотрудник, кандидат исторических наук. *Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия.* like_a_sun@mail.ru.

Anna A. Pina, Researcher, Candidate of Historical Sciences (PhD), *Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia.* like_a_sun@mail.ru.

Илюшин Андрей Михайлович, д.и.н., профессор кафедры истории, философии и социальных наук. *Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово, Россия.* ilushin1963@mail.ru.

Andrey M. Pyushin, Professor, Department of History, Philosophy and social sciences, Doctor of Historical sciences. *Kuzbass State Technical University of T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.* ilushin1963@mail.ru.

Исаченко Александр Валерьевич, научный сотрудник. *Карасукский краеведческий музей Новосибирской области, г. Карасук, Россия.* rpc-alex@mail.ru.

Alexander V. Isachenko, Research Fellow. *Karasuk Museum of Local Lore, Novosibirsk Region, Karasuk, Russia.* rpc-alex@mail.ru.

Казбекова Айнур Татимбековна, докторант PhD специальности «История». *Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.* akasbekova2008@mail.ru.

Ainur T. Kazbekova, PhD students in History. *S.Amanzholov East Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan.* akasbekova2008@mail.ru.

Каксин Андрей Данилович, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, доктор филологических наук. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия.* adkaksin@yandex.ru.

Andrey D. Kaksin, Leading researcher of Institute of Humanitarian Research and Sayan-Altai

Turkology, Doctor of Sciences (Philology). *Katanov Khakass State University, Abakan, Russia.* adkaksin@yandex.ru.

Каланчина Ирина Николаевна, доцент кафедры философии. кандидат философских наук, доцент. *Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия.* kalanchina62@mail.ru.

Kalanchina Irina Nikolaevna, associate professor of philosophy. candidate of philosophical sciences, associate professor. *Altai state agricultural university, Barnaul, Russia.* kalanchina62@mail.ru.

Кассал Борис Юрьевич, кандидат ветеринарных наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела. *ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Россия.* BY.Kassal@mail.ru.

Kassal B.Yu., candidate of veterinary sciences, associate professor, Senior Scientific Research Worker of the Research Department. *Omsk State University by F.M. Dostoevsky.* BY.Kassal@mail.ru.

Квашнин Юрий Николаевич, старший научный сотрудник сектора этнологии, кандидат исторических наук. *Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тобольск, Россия.* ukwa@yandex.ru.

Yuri N. Kvashnin, senior researcher, Ethnology sector, candidate of historical Sciences. *Institute of problems of development of the North of Tyumen scientific center SB RAS, Tobolsk, Russia.* ukwa@yandex.ru

Кимеев Валерий Макарович, профессор кафедры археологии, доктор исторических наук. *Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.* Kimeev@mail.ru.

Valeriy M. Kimeev, Professor of archaeology, doctor of historical sciences. *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.* Kimeev@mail.ru.

Коляскина Елена Александровна, старший преподаватель кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, *Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия.* istorik8881@mail.ru.

Elena A. Kolyaskina, senior lecturer of the Department of historical, legal, social and humanitarian disciplines, candidate of historical Sciences, *Altai state humanitarian-pedagogical University named after V. M. Shukshin, Biysk, Russia.* istorik8881@mail.ru

Константинов Никита Александрович, старший научный сотрудник музейного комплекса, кандидат исторических наук. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* nikita.knstntnv@yandex.ru.

Nikita Konstantinov, senior researcher of the Museum complex, candidate of historical sciences (PhD). *Gorno-Altai state university, Gorno-Altai, Russia* nikita.knstntnv@yandex.ru

Кунгуров Артур Леонидович, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук, доцент. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* artur.kungurov@mail.ru.

Kungurov Arthur Leonidovich, Professor of archaeology, ethnography and museology, the Candidate of Historical Sciences, the senior lecturer. *Altai State University, Barnaul, Russia.*

Куюков Роман Владиславович, студент историко-филологического факультета. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.*

Roman Kuyukov, student of the faculty of history and philology. *Gorno-Altai state university, Gorno-Altai, Russia.*

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований, доктор философских наук. *Московский гуманитарный университет, г. Москва, Россия.* chlamazhaa@mosgu.ru.

Chimiza K. Lamazhaa, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Doctor of Philosophy. *Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia.*

Лугвищик Алла Николаевна, научный соискатель отдела этнографии и этнологии. *Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия; Заместитель председателя исполкома Севастопольского регионального отделения*

общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России», г. Севастополь, Россия. allug68@mail.ru.

Lugvishchik Alla Nikolayevna, Scientific Applicant of Ethnography and Ethnology Department, State Public Institution of the Republic of Mordovia «*Scientific Research Institute of Humanitarian Sciences under the Government of the Republic of Mordovia*», Saransk, Russia; Deputy Chairman of the Executive Committee of the Sevastopol Regional Branch of the All-Russian Public Organization «*Assembly of the Peoples of Russia*», Sevastopol, Russia.

Люля Наталья Викторовна, начальник отдела подготовки и аттестации научно-педагогических кадров, аспирант кафедры отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия*. natalyalyulya@mail.ru.

Lyulya Natalia V., head of Department of training and attestation of scientific-pedagogical personnel, post-graduate student of chair of Russian history. *Altai state pedagogical University, Barnaul, Russia*. natalyalyulya@mail.ru

Лянжэнь Чжан, профессор, PhD. *Нанкинский университет, г. Нанкин, Китай*. zhlr@nju.edu.cn.

Lianzhen Zhang, Professor, PhD. *Nanjing University, Nanjing, China*. zhlr@nju.edu.cn.

Мазырина Анастасия Александровна, аспирант кафедры отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия*. mazirina91@mail.ru.

Mazyrina Anastasiya A., post-graduate student of the Department of Russian History *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*. mazirina91@mail.ru.

Мамонтова Оксана Сергеевна, заместитель директора по научной работе, кандидат исторических наук. *Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул, Россия*. slon7980@mail.ru.

Oksana Mamontova S., Deputy Director on scientific work, candidate of history. *the Altai state museum of local history, Barnaul, Russia*. slon7980@mail.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, ведущий научный сотрудник, доктор культурологии, академик Петровской Академии наук и искусств, *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*. marsadolov@hermitage.ru.

Leonid S. Marsadolov, leading researcher, doctor of cultural science, academician Peter's Academy of sciences and arts. *the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia*. marsadolov@hermitage.ru.

Меньков Сергей Васильевич, ассистент кафедры отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия*. menkovs@bk.ru.

Sergey V. Menkov, Assistant of the Department of National History. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*. menkovs@bk.ru.

Менькова Наталья Леонидовна, магистрант. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия*. leon-2014@inbox.ru.

Natalya L.Menkova, Master student. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*. leon-2014@inbox.ru.

Мицкевич Юлия Владимировна, доцент кафедры межкультурных коммуникаций, кандидат педагогических наук, доцент. *Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь*. y.v.mickevich@mail.ru.

Yulia V. Mickevich, Associate Professor, Chair of Intercultural Communications, Candidate of Pedagogical Sciences (PhD). *Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus*. y.v.mickevich@mail.ru.

Мукаева Лариса Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия*. larnika777@yandex.ru.

Mukaeva Larisa Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences (PhD), associate Professor of history and archaeology department. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia*. larnika777@yandex.ru.

Невская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник. Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия. *Томский государственный университет, Томск, Россия*. nevskaya@em.uni-frankfurt.de.

Nevskaya Irina Anatol'evna, Doctor of Philology, chief researcher. *Institute of Philology, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.* Tomsk state University. Tomsk.Russia. nevskaia@em.uni-frankfurt.de.

Никонова Людмила Ивановна, главный научный сотрудник-заведующий отделом этнографии и этнологии, доктор исторических наук, профессор. *Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия.* congress7@list.ru.

Liudmila I. Nikonova, Doctor of History, Professor. Head of Department of Ethnography and Ethnology. *Research Institute of the Humanities, Saransk, Republic of Mordovia, Russia.*

Оганнисян А.Г. Ширакский государственный университет, г. Гюмри, Республика Армения.

Hovhannisyan A.H., *Shirak State University, Republic of Armenia, Gyumri.*

Онищенко Сергей Степанович, доцент кафедры биоразнообразия и биоресурсов, кандидат биологических наук, *Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.* onis65@mail.ru.

Sergej V. Onischenko, Associate Professor, Department of biodiversity and bioresources, Candidate of Biological Sciences (PhD), *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.* onis65@mail.ru.

Панченко Илья Аатольевич, магистрант, гр. 6755д. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия* panhchenko.foh@mail.ru.

Panchenko Ilya Anatolevich, master of history, st. group 6755d. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia* panchenko.foh@mail.ru.

Паршикова Татьяна Сергеевна, заместитель директора Музея археологии и этнографии Алтая, кандидат исторических наук. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* taty-parshikova@yandex.ru.

Parshikova Tatyana Sergeevna, Deputy Director of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Candidate of Historical Sciences (PhD). *Altai State University, Barnaul, Russia.* taty-parshikova@yandex.ru.

Пересветов Георгий Юрьевич, заведующий отделом археологии, палеонтологии и современной природы. *Павлодарский областной историко-краеведческий музей. Г. Павлодар, Казахстан.* Gosha197472@mail.ru.

Peresvetov Georgiy Yurievich, Head of the Department of Archeology, Paleontology and Contemporary Nature. *Pavlodar regional museum of local history. G. Pavlodar, Kazakhstan.* Gosha197472@mail.ru.

Пермяков Дмитрий Юрьевич, магистрант кафедры Отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* dimarus94@yandex.ru.

Permyakov Dmitry Yurievich, graduate student of the Department of Russian History. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* dimarus94@yandex.ru.

Руппель Иван Александрович, студент 2 курса. *Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.* ruppel99@mail.ru.

Ivan A. Ruppel, 2nd year student. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* ruppel99@mail.ru

Рыков Алексей Викторович, аспирант кафедры отечественной истории. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* avrykov@bk.ru.

Rykov Alexey Viktorovich, post-graduate student of the Department of Russian History. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* avrykov@bk.ru.

Савко Илья Андреевич, студент. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* savko.ilia2016@yandex.ru.

Savko Ilya Andreevich, student. *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* savko.ilia2016@yandex.ru.

Садыкова Нургуль Глеубековна, студент историко-филологического факультета. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* nurgul.sadykova18@yandex.ru.

Sadikova Nurgul Tleubekovna, student of the History and Philology Faculty. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* nurgul.sadyckova18@yandex.ru.

Светачева Ульяна Владимировна, научный сотрудник. *Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск, Россия.* uliankalibra@yandex.ru.

Svetacheva U.V. *Minusinsk Martyanov museum, Minusinsk, Russia.* uliankalibra@yandex.ru.

Серегин Николай Николаевич, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* nikolay-seregin@mail.ru.

Seregin Nikolai Nikolaevich, Leading Researcher, Laboratory of Interdisciplinary Studies of Archeology of Western Siberia and Altai, Doctoral student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Candidate of Historical Sciences (PhD). *Altai State University, Barnaul, Russia.* nikolay-seregin@mail.ru

Сидельникова Алена Николаевна, студент 4-го курса Института биологии, экологии и природопользования. *Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.* eris94@mail.ru.

Alena N. Sidelnikova, 4th year student of Institute of biology, ecology of natural resources, *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.* eris94@mail.ru.

Ситников Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, инженер Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* ssm3052007@yandex.ru.

Sitnikov Sergey Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Engineer of the Department for Support of Research and Development. *Altai State University, Barnaul, Russia.* ssm3052007@yandex.ru.

Сосновский Андрей Владленович, аспирант отдела этнографии и этнологии. *Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия.* congress7@list.ru. ansosnov67@mail.ru.

Andrey V. Sosnovsky, post-graduate student of Ethnography and Ethnology Department. *Research Institute of the Humanities, Saransk, Republic of Mordovia, Russia.*

Степанова Елена Владимировна, научный сотрудник отдела археологии Восточной Сибири и Европы. *Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия.* stepalena@yandex.ru.

Elena Stepanova, research fellow, Department of archeology of Eastern Siberia and Europe. *The State Hermitage, St. Petersburg, Russia.* stepalena@yandex.ru.

Сулейменов Марат Гарифуллович, старший научный сотрудник гуманитарного научного центра *Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева*, г. Кемерово, Россия. marat_suleymenov@mail.ru.

Suleymenov Marat Garifulovich, senior research associate of humanitarian scientific center. *Kuzbass State Technical University of T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.* marat_suleymenov@mail.ru

Сумачакова Айана Николаевна кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры агротехнологий и ветеринарной медицины. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* sayana1972@rambler.ru.

Sumachakova Ayana Nikolaevna Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Agrotechnology of Veterinary Medicine. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* sayana1972@rambler.ru.

Тадина Надежда Алексеевна, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, кандидат исторических наук. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* ntadina@yandex.ru.

Nadezhda A. Tadina, Associate Professor of the Chair of Archeology and General History, Candidate of Historical Sciences (PhD). *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* ntadina@yandex.ru.

Телегин Андрей Николаевич, ведущий специалист Лаборатории исторического краеведения. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* varvar100@yandex.ru.

Andrey N. Telegin, leading expert of the laboratory of historical local lore, *Altay State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* varvar100@yandex.ru.

Тихомиров Константин Николаевич, старший научный сотрудник сектора археологии, кандидат исторических наук. *Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук*, старший научный сотрудник отдела археологии и природы. *Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская».* ktikhomirov@gmail.com.

Konsntantin N. Tikhomirov. Candidate of Historical Sciences (PhD) senior researcher of archeology sector, *Omsk branch of the Institute of archeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*, senior researcher, *Department of archaeology and nature Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve «Antiquity Siberian».*

Тихомирова Марина Николаевна, научный сотрудник, кандидат исторических наук, *Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия.* marinat24@mail.ru.

Tikhomirova Marina Nikolaevna, Researcher, PhD (history). *Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.*, marinat24@mail.ru.

Тишкин Алексей Алексеевич, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, профессор, доктор исторических наук. *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.* tishkin210@mail.ru.

Tishkin Alexey Alekseevich, Head of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Professor, Doctor of Historical Sciences (ScD). *Altai State University, Barnaul, Russia.* tishkin210@mail.ru

Торушев Эркем Геннадьевич, старший научный сотрудник группы этнографии, кандидат исторических наук *БНУ РА. «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск, Россия,* erktor@mail.ru.

Erkem G. Torushev, senior researcher of Ethnography group, candidate of historical sciences (PhD). *BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of Altaic»; Gorno-Altai, Russia,* erktor@mail.ru.

Тыбыкова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения *Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск, Россия. Томский государственный университет, Томск, Россия.* lar.tybykova@yandex.ru.

Tybykova Larisa Nikolaevna, candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Altai Philology and Oriental studies, *Gorno-Altay state University. Gorno-Altaysk, Russia. Tomsk State University. Tomsk. Russia.* lar.tybykova@yandex.ru.

Урбушев Айдын Урматович, младший научный сотрудник НИЦ истории и культуры тюркских народов. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.*

Aydin Urbushev, junior researcher of the research center of history and culture of turkic peoples. *Gorno-Altai state university, Gorno-Altai, Russia*

Чедурова Елизавета Михайловна, профессор кафедры истории России, доктор исторических наук. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* E-mail: chedurova@mail.ru.

Chedurova Elizaveta Mikhailovna, Professor of the Department of History and Archeology, Doctor of Historical Sciences. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia,* E-mail: chedurova@mail.ru

Челтанов Мерген Семенович, магистрант естественно-географического факультета. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* mergen-cheltanov@yandex.ru.

Cheltanov Mergen Semyonovich, student of the natural-geographical faculty. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* mergen-cheltanov@yandex.ru.

Черлояков Иван Геннадьевич, учитель истории и обществознания, замдиректора по УР, председатель Ассоциации учителей истории и обществознания РА, председатель РМО учителей истории и обществознания Турочакского района, *ВКК МОУ «Тондошенская ООШ», с. Тондошка, Россия.* cherloykov@mail.ru.

Ivan G. Cherloyakov, teacher of history and social studies, Deputy Director of school of *Tondoshka village, Tondoshka, Russia.* cherloykov@mail.ru.

Чилбакова Алтынай Викторовна, студент историко-филологического факультета. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* chilbakova@bk.ru.

ChilbakovaAltynayViktorovna, student of the History and Philology Faculty. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* chilbakova@bk.ru

Чуркина Наталья Ивановна профессор кафедры педагогики ОмГПУ, доктор педагогических наук, доцент. *Омский государственный педагогический университет, г.Омск, Россия.* n_churkina@mail.ru.

Natalya I. Churkina professor of the chair of pedagogy, doctor of Pedagogical Sciences, associate professor. *Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia.* n_churkina@mail.ru

Шаблавина Екатерина Арнольдовна, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Сибири и Европы, кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ekaterina Shablavina, senior researcher of Department of archeology of Eastern Siberia and Europe, Candidate of Historical Sciences (PhD). *The State Hermitage, St. Petersburg, Russia.*

Шитова Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, учитель, *Гимназия №3г. Горно-Алтайска, Россия* natalja.sni2011@yandex.ru.

Natalja I. Schietova, Candidate of Historical Sciences (PhD), an independent researcher, teacher, *Gymnasium №3, Gorno-Altai, Russia.* natalja.sni2011@yandex.ru.

Шульгов Евгений Николаевич, аспирант отдела этнографии и этнологии. *Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия.* congress7@list.ru.

Schulgov Evgeny Nikolaevich, post-graduate student of Ethnography and Ethnology Department. *Research Institute of the Humanities, Saransk, Republic of Mordovia, Russia.*

Шумарова Буланат Аркадьевна, студент историко-филологического факультета. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.* shumarova.bulanat@mail.ru.

ShumarovaBulanatArkadijevna, student of the History and Philology Faculty. *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* shumarova.bulanat@mail.ru.

Щеглова Татьяна Кирилловна, заведующий кафедрой отечественной истории, доктор исторических наук, профессор. *Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.* tk_altai@mail.ru.

Tatyana K. Shcheglova, Professor, Head of the Department of Russian History, Doctor of Historical Sciences (PhD), *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.* tk_altai@mail.ru.

Щелупанов Юрий Валерьевич, аспирант кафедры истории и археологии *Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия.*

Shchelupanov Yuri Valerievich, post-graduate student of the Department of History and Archeology *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.*

Щербакова Алена Викторовна, научный сотрудник. *Кемеровский областной краеведческий музей, г. Кемерово, Россия.* sherbackova.al@yandex.ru.

Alena V. Shcherbakova, Associate Researcher, *Kemerovo regional Museum of local lore, Kemerovo, Russia.* sherbackova.al@yandex.ru.

Щербакова Ольга Семёновна, заведующий кафедрой народного хорового пения, кандидат педагогических наук, доцент. *Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия.* olga-uzorie@mail.ru.

Olga S. Shcherbakova, head of the department of Russian folk choir singing, candidate of pedagogic sciences(PhD), assistant professor. *Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia.* olga-uzorie@mail.ru.

Эбель Александр Викторович, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент. *Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.*

Alexander Ebel, head of the Department of archeology and general history, candidate of historical sciences (PhD), associate professor. *Gorno-Altai state university, Gorno-Altai, Russia.*

Яданова Кузелеш Владимировна, к.ф.н., н.с. *МКУ «Управление территории традиционного природопользования и туризма» МО «Койш-Агачский район», Республика Алтай, Россия.* kuzelesh@mail.ru.

Yadanova Kuzelesh Vladimirovna, candidate of Philology, Research fellow. *Altai Republic Municipal Treasury Establishment “Directorate of the territory of Traditional nature use and tourism” of the municipality “Kosh-Agach district”, Altai Republic, Russia.* kuzelesh@mail.ru.

Ямаева Е.Е., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории. *Горно-Алтайский государственный университет, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск.* Erkinovnay@mail.ru.

Elizaveta E. Yamaeva, professor of the Department of Archeology and General History, Doctor of Sciences (PhD), *Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.* Erkinovnay@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Демин М.А., Головченко Н.Н. РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА КАРБАН-2 НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....	3
Демин М.А., Ситников С.М., Савко И.А. ОРНАМЕНТ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ–10 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003 г.).....	8
Загородникова Д.П. МОГИЛЬНИК МАЛОКУЛАЧЬЕ VII – НОВЫЙ ПАМЯТНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ.....	12
Кассал Б.Ю. ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБОВ ОХОТЫ НА ЛОСЯ ОТ НЕОЛИТА ДО СЕГО ДНЯ.....	17
Кассал Б.Ю. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ – ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ НА ПОРТУГЕЙНОЙ ПРЯЖКЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА АБРАМОВО-4 (V-IV ВВ. ДО Н.Э.).....	25
Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. РАБОТЫ НА ПАЗЫРЫКСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В 2017 ГОДУ.....	30
Константинов Н.А., Урбушев А.У. РАЗВЕДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ.....	35
Кунгуров А.Л. НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	38
Кунгуров А.Л. МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-АЛЕЙКА 2 В АЛТАЙСКОМ КРАЕ.....	42
Марсадолов Л.С. ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ПАЗЫРЫКЦЕВ И ДРЕВНИХ ТЮРОК НА АЛТАЕ.....	50
Онищенко С.С., Щербакова А.В., Сидельникова А.Н., Илюшин А.М. РЕЗУЛЬТАТЫ ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОЛЛЕКЦИИ БОРМОТОВО-3.....	58
Пересветов Г.Ю. ПОГРЕБЕНИЯ САВРОМАТСКОГО ТИПА ИЗ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ.....	63
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Лянжэнь Ч., Паршикова Т.С. ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В УРОЧИЩАХ ЧОБУРАК И БИКЕ (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ).....	70
Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ИЗ БОРМОТОВО-3.....	75
Телегин А.Н., Дьяков Н.Р. К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ТАТУИРОВКАХ НОМАДОВ АЛТАЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ.....	80
Тихомиров К.Н. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗНАМЕНСКОМ И БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОМ РАЙОНАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017 г.....	84
Тыбыкова Л.Н., Невская И.А. О НОВЫХ МЕТОДИКАХ И ОТКРЫТИЯХ В ИЗУЧЕНИИ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ ГОРНОГО АЛТАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2017 ГОДА.....	89
Челтанов М.С. ПОТЕНЦИАЛ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕР СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ХРЕБТА ИОЛГО.....	93
Абдуганиев Н.Н. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ, ДОСУГОВЫХ ИНИЦИАТИВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ УСТНОЙ ИСТОРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	98
Авагян И.Э., Оганнисян А.Г. НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ.....	104
Арбачакова Л.Н. СКАЗИТЕЛИ СЕВЕРНОЙ ШОРИИ (ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1995-2003 гг.).....	114
Василенко А.И. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е гг.....	118
Глотов В.М. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С. П. ШВЕЦОВА: МЕТОДЫ И ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	125
Казбекова А.Т. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЧЕЧЕНЦЕВ ПО УСТНЫМ ИСТОЧНИКАМ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	131
Каксин А.Д. ГИДРОНИМИЯ ХАКАСИИ И ТЫВЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ О РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ.....	138
Мазырина А.А. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОДЕЖДОЙ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ 1941-1945 гг.....	149
Мицкевич Ю.В. СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БРЕНДА СТРАНЫ.....	152
Мукаева Л.Н. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНСКОГО ГЕОМОРФОЛОГА Й.Г. ГРАНЁ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XX в.....	156

Пермяков Д.Ю. ОГОРОД И ОГОРОДНИЧЕСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ, ЗАГОТОВКИ И ХРАНЕНИЕ ПРОДУКТОВ ОГОРОДНИЧЕСТВА.....	165
Руппель И.А. ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ МУЖЧИН В СЕМЬЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В 30-е – 50-е ГОДЫ ХХ ВЕКА: ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2017 ГОДА.....	169
Рыков А.В. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ И РЯДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ).....	175
Чедурова Е.М. СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	181
Чедурова Е.М., Щелупанов Ю.В. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ 1918-1920 гг.....	185
Чуркина Н.И. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ГОРОДА ОМСКА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ.....	189
Щеглова Т.К. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015-2017 ГОДОВ.....	194
ЩербакOVA О.С. ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «ПО СЛЕДАМ СОБИРАТЕЛЯ» В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	201
Бакиева Г.Т. САТАКА И БАГЫШЛАУ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР.....	206
Будаева С.В., Исаченко А.В. О СТАРООБРЯДЦАХ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ.....	211
Деева А.Е. ОБРАЗ АЛТАЯ В РОДОВОМ И ЭТНИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ АЛТАЙЦЕВ.....	214
Енчинов Э.В. ДЬОРГОМ – ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В АЛТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ.....	216
Ильина А.А. ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В МАЛЫХ ГОРОДАХ И СЕЛАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2016-2017 ГОДОВ).....	222
Каланчина И.Н. КУЛЬТУРНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ.....	228
Квашнин Ю.Н., Дыбчак Анджей ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У СЕЛЬКУПОВ ВЕРХОВИЙ РЕКИ ТАЗ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014 и 2017 гг.).....	235
Кимеев В.М. САКРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА МРАССУ КАК ОБЪЕКТ ПОЧИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ.....	238
Коляскина Е.А. ДОРОГИ НА АЛТАЕ КАК ПОЛЕ МЕМОРИЗАЦИИ И БРЕНДИРОВАНИЯ: ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА.....	244
Лугвищик А.Н. ЭТНОКУЛЬТУРА КРЫМА И СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ ДИАСПОРЫ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	247
Люля Н.В. ЦЕНТР УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОДИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	253
Мамонтова О.С. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ АРМЯН г. БАРНАУЛА.....	256
Менькова Н.Л., Меньков С.В. ПРАЗДНИКИ И ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	261
Никонова Л.И. ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ВОСТОКЕ: К ИСТОРИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	264
Панченко И.А. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ г. БАРНАУЛА В АСПЕКТЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КЛАСТЕРА «БАРНАУЛ – ГОРНОЗАВОДСКОЙ ГОРОД».....	270
Садыкова Н.Т. СЁОК-РОД НАЙМАН/МАЙМАН У ЧУЙСКИХ КАЗАХОВ И АЛТАЙЦЕВ.....	276
Светачева У.В. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА 2017 г.....	279
Сосновский А.В. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОРДВЫ СИБИРИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	283

Сумачакова А.Н. АЛТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ ПИТАНИЯ – «ЧАПКЫШ».....	290
Тадина Н.А. ПАМЯТНИК ЧОРОС-ГУРКИНУ КАК СИМВОЛ ПОТЕСТАРНОЙ ИДЕИ «ОЙРОТ».....	294
Тихомирова М.Н. ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ТАТАР КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	297
Торушев Э.Г. ОБРЯДЫ НА УДАЧУ ОХОТНИКОВ-АЛТАЙЦЕВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПРОМЫСЛОВ.....	301
Черлояков И.Г. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАРОДОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: ТИПЫ ЗАХОРОНЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ.....	308
Чилбакова А.В. РОДОВАЯ ЧЕСТЬ У АЛТАЙЦЕВ ДОЛИНЫ БЕШ.....	310
Шитова Н.И. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ).....	312
Шульгов Е.Н. МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ИСТОРИЯ И ТЕОРИИ ВОПРОСА ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	317
Шумарова Б.А. О ПАМЯТНОМ ЗНАКЕ ЗАЧИНАТЕЛЮ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ.....	322
Яданова К.В. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕЛЕНГИТОВ О СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛЕ – <i>ЭРЕ-ЧУЙ</i> (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ).....	325
Ямаева Е.Е. «ИСЧЕЗНУВШИЕ» СТОЙБИЦА: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	331
Ламажаа Ч.К. РОДОВЫЕ СЪЕЗДЫ ТУВИНЦЕВ СОВРЕМЕННОСТИ.....	334
ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ.....	338

Научное издание

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АЛТАЕ,
В ПРИИРТЫШЬЕ И ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, УСТНАЯ ИСТОРИЯ)
2017 ГОД**

Выпуск 13

Материалы
XIII международной научно-практической конференции
г. Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 года

Издательство Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.
Подписано в печать 11.04.2018 г. Формат 60x84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо
Печ. л. – 43,75. Тираж 100 экз.
Заказ № 30.
Отпечатано библиотечно-издательским центром
Горно-Алтайского госуниверситета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.